

ISSN 2587-7402

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ИНСТИТУТА
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ,
КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА
ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ
И ОБРАЗОВАНИЯ

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ
(ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
(ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

№1 (26)–2024

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ВОЕННЫЙ ОРДЕНА ЖУКОВА ИНСТИТУТ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Санкт-Петербургский
военный ордена Жукова институт
войск национальной гвардии
Российской Федерации

Сетевой научный журнал

ISSN: 2587-7402 (онлайн)

Издаётся с декабря 2017 года

Выходит ежеквартально

Журнал находится
в открытом доступе
и индексируется в системе
Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)
лицензионный договор
с Научной электронной
библиотекой eLIBRARY.ru
от 13.02.2018 г. № 52-02/2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

БОРЖЕЕВА М.А. 5
Проблемы защиты имиджа Росгвардии как особого элемента правоохранительной системы в современных условиях

ВОРОБЬЁВ А.О., КИЙКО А.Ю., СЕМЁНОВА И.В. 12
К вопросу взаимодействия институтов гражданского общества и государства в сфере поддержания правопорядка и общественной безопасности

МУТИГУЛЛИН А.В., ИГНАТЬЕВА С.В. 20
Деятельность государственных органов по восстановлению советской власти на освобожденной от оккупации территории Украины в 1944–1945 гг.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

АНТОНОВ И.А., ЕРМАКОВ А.Г. 28
Особенности расследования серийных убийств на основе изучения типологии лиц, их совершающих

ИВАНОВ И.И., ЧУДАКОВ А.Ю. 37
Проблемы раскрытия, расследования и предупреждения, преступлений, предусмотренных ст. 174 Уголовного кодекса Российской Федерации и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

КИЙКО А.Ю., СПИВАНОВ П.А. 49
Эволюция института уголовно-правовой защиты деловой репутации в отечественной правовой системе

НОВОКШОНОВ Д.В., СМЕЛОВА С.В., СТИШАК А.А. 61
Основные характеристики рынка наркотиков как криминального сектора теневой экономики

ТРЕТЬЯКОВ И.Л. 73
Детерминанты экологической преступности в Арктической зоне Российской Федерации

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ЗАХАРОВА Н.Л., ЛИСИЧКИНА Ю.В. 89
Особенности профессионального Я-образа интернет-работников различных форм занятости

КАРАЯНИ А.Г. 98
Психологическая подготовка военнослужащих (сотрудников) к выполнению служебно-боевых задач с учетом фактора внезапности

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

ДУНАЕВА Н.И., СОРОКОУМОВА С.Н. 109
Психологическая структура сопротивляемости личности подростков, старшеклассников и студентов: основные эмпирические результаты

ЖАНГУЖИНОВА О.Ю. 118
Взаимосвязь социально-психологической адаптации и стратегий безопасности личности

НАПЛАВКОВА М.А. 128
Смысложизненные ориентации в структуре образа мира подростков с нарушениями эмоционально-волевой сферы

СУВОРОВА О.В., СЕЛУКОВА Н.С., МАЗУРОВА Е.Н. 137
Психологическая готовность к профессиональному общению будущих педагогов: к проблеме онтологического статуса понятия

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПОЛУШИНА О.Б. 150
Оценка эффективности информационно-психологического воздействия

ТУРЧИН А.С., ТЕРЕХИН Р.А. 160
Изменения в содержании образа мира курсантов-психологов в период вхождения в образовательное пространство военного вуза

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ЕМЕЛЬЯНОВА Е.А., ЛАВРЕЕВА М.С., ЛАНГЕНШТЕЙН В.А. 167

Педагогическое обеспечение готовности курсантов военных институтов противодействию враждебному информационному влиянию

ПРОКОПЕНКО В.В. 178

Совершенствование средств специальной прикладной физической подготовки курсантов военного института для ускоренной адаптации к профессиональной деятельности в войсках

ШАРУХИН А.П. 187

Проблема целеполагания в системе воспитания курсантов военных институтов Росгвардии

**ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ
(ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)**

ВАНЯГИНА М.Р. 195

Реализация концепции профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе

КУЛИКОВ М.А., ПРИМАКИН А.И. 207

Методика формирования спортивных команд в вузах силовых структур на основе контрольных тестов посредством применения алгоритмов кластерного анализа

МАГОМЕДОВ М.К., СВИРИДОВ А.И. 219

Система психологической подготовки курсантов при обучении стрельбе из пистолета Макарова

**МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

МЕЛЬНИЧУК В.А. 228

Исследование категории «педагогическая технология» в контексте современной дидактики

НИКОЛАЕВ Р.А. 237

Актуальность педагогической программы «Основные направления патриотического воспитания военнослужащих»

ФЕТИСОВ А.В., НОСОВ Н.В. 245

Сетевое взаимодействие как фактор эффективного функционирования системы военно-профессиональной подготовки в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации

ШАРУХИНА Т.Г. 253

Педагогическое понимание курсанта военного института Росгвардии как субъекта учебной и самообразовательной деятельности, личности и индивидуальности

ЩУКИН М.А. 260

Подходы и принципы формирования готовности курсантов военных институтов Росгвардии к работе с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту

**ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
(ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

ВОЙТЕНКО Ю.А. 268

Стратегии эффективной профессиональной коммуникации будущих выпускников военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

БАКИН А.А., ФЕТИСОВ А.В. 278

Региональная выставка «День передовых технологий обеспечения безопасности личности, общества и государства «ЭКСПОТЕХНОСТРАЖ» (г. Санкт-Петербург): обзор мероприятий научно-деловой программы в 2024 году

ДЕРЮГИН А.А., НИКОНОВ Д.А. 284

Проблемы обучения анализу источников права: обзор межвузовского научно-методического круглого стола «Методика обучения анализу источников права на групповых занятиях»

При перепечатке материалов
ссылка на журнал
обязательна.

Редакция вправе сокращать
и литературно обрабатывать
принятые к публикации тексты.

Материалы должны
соответствовать одному
из научных направлений
(по отраслям наук),
определяющему
направленность
(профильность) журнала:
педагогические,
психологические
и юридические науки.

Издание осуществляет
рецензирование всех
поступающих материалов,
соответствующих
тематике журнала, с целью
их экспертной оценки.
Рукописи не возвращаются.

За достоверность фактов,
имён собственных,
неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций.

FEDERAL STATE OFFICIAL MILITARY
ESTABLISHMENT OF HIGHER EDUCATION
«SAINT-PETERSBURG MILITARY
ORDER OF ZHUKOV INSTITUTE
OF THE NATIONAL GUARD TROOPS
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops
of the Russian Federation

Network scientific journal

ISSN: 2587-7402 (online)

Journal is published since
December, 2017

Journal is published
on quarterly basis

Journal is included
in the system
of the Russian Scientific
Citation Index (RSCI)
license agreement
with the Scientific Electronic
Library eLIBRARY.ru dated
13.02.2018 No. 52-02/2018

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

- BORZHEEVA M.A.** 5
Problems of protecting the image of the Russian guard as a special element of the law enforcement system in modern conditions
- VOROBYOV A.O., KIIKO A.YU., SEMYONOVA I.V.** 12
On the issue of interaction between civil society institutions and the state in the field of maintaining law and order and public security
- MUTIGULLIN A.V., IGNATIEVA S.V.** 20
The activities of state bodies for the restoration of Soviet power in the territory of Ukraine liberated from occupation in 1944–1945

CRIMINAL LAW SCIENCES

- ANTONOV I.A., ERMAKOV A.G.** 28
Features of the investigation of serial murders based on the study of the typology of the perpetrators
- IVANOV I.I., CHUDAKOV A. YU.** 37
Problems of disclosure, investigation and prevention of crimes under Article 174 of the Criminal Code Of the Russian Federation and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation
- KIIKO A. YU., SPIVAKOV P.A.** 49
Evolution of the Institute of Criminal Legal Defense business reputation in the domestic legal system
- NOVOKSHONOV D.V., SMELOVA S.V., STISHAK A.A.** 61
Main characteristics of the drug market as a criminal sector of the shadow economy
- TRETYAKOV I.I.** 73
Determinants of environmental crime in the Arctic zone of the Russian Federation

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

- ZAKHAROVA N.L., LISICHKINA YU.V.** 89
Features of the professional self-image of Internet workers of various forms of employment
- KARAYANI A.G.** 98
Psychological training of military personnel (employees) to perform service and combat tasks, taking into account the surprise factor

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

- DUNAEVA N.I., SOROKOUMOVA S.N.** 109
The psychological structure of the personality resistance of adolescents, high school students and students: the main empirical results
- ZHANGUZHINOVA O.YU.** 118
Interrelation of Social and Psychological Adaptation and Strategies for Personal Security
- NAPLAVKOVA M.A.** 128
Meaningful orientations in the structure of the world image of adolescents with emotional-volitional sphere disorders
- SUVOROVA O.V., SELUKOVA N.S., MAZUROVA E.V.** 137
Psychological readiness for professional communication of future teachers: on the problem of the ontological status of the concept

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

- POLUSHINA O.B.** 150
Psychological support of relatives of missing servicemen
- TURCHIN A.S., TEREKHIN R.A.** 160
Changes in the content of the image of the world of psychological cadets during the period of entry into the educational space of a military university

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

- YEMELYANOVA E.A., LAVREEVA M.S., LANGENSHTAIN V.A.** 167
Pedagogical support for the cadets of military institutions readiness to counteract hostile information influence

- PROKOPENKO V.V.** 178
Improving the means of special applied physical training of military institute cadets for accelerated adaptation to professional activities in the army

- SHARUKHIN A.P.** 187
The Goal Setting Problem in the Upbringing System of the Cadets of the Rosgvardiya Military Institutes

THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION (BY FIELDS AND LEVELS OF EDUCATION)

- VANYAGINA M.R.** 195
Implementation of the concept of professionally oriented foreign language education in higher military school

- KULIKOV M.L., PRIMAKIN A.I.** 207
Methodology of formation of sports teams in universities of power structures on the basis of control tests through application of cluster analysis algorithms

- MAGOMEDOV M.K., SVIRIDOV A.I.** 219
System of psychological training of cadets when learning to shoot with a Makarov pistol

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

- MELNICHUK V.A.** 228
Analysis of the concepts of "pedagogical technology" in the context of modern didactics

- NIKOLAYEV R.A.** 237
The importance of the pedagogical program "The main directions of patriotic education of military personnel"

- FETISOV A.V., NOSOV N.V.** 245
Network interaction as a factor of effective functioning of the system of military professional training in military institutes of the VNG of the Russian Federation

- SHARUKHINA T.G.** 253
Pedagogical understanding of the cadet of the Rosgvardiya Military Institute as a subject of educational and self-educational activities, personality and individuality

- SHCHUKIN M.A.** 260
Approaches and Principles for Developing the Rosgvardiya Military Institutes Cadets' Readiness to Work with Contract Enlisted Men

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES (LAW, PSYCHOLOGISTS AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

- VOITENKO YU.A.** 268
Effective communication strategies for the future graduates of the Russian Federation National Guard Troops military education institution of higher education

SCIENTIFIC LIFE

- Bakin A.A., Fetisov A.V.** 278
Back to basics. Regional exhibition «Day of Advanced Technologies for Ensuring the Security of Individuals, Society and the State «EXPOTECHNOSTRAZH» (St. Petersburg): review of scientific and business program events in 2024

- DERYUGIN A.A., NIKONOV D.A.** 284
Problems of learning to analyze sources of law: review of the interuniversity scientific and methodological round table "Methods of teaching the analysis of sources of law in group classes"

When reprinting materials, a reference to the journal is required.

The editorial board has the right to shorten and literary process the texts accepted for publication.

Materials must correspond to one of the scientific directions (by branches of science), which determines the direction (profile) of the journal: pedagogical, psychological and legal sciences.

The publication reviews all incoming materials corresponding to the subject of the journal for the purpose of their expert assessment. Manuscripts are not returned.

The authors of the publications are responsible for the reliability of the facts, proper names, and non-disclosure of secrets.

Научная статья

УДК 34.03

EDN: AQHWNE

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИМИДЖА РОСГВАРДИИ КАК ОСОБОГО ЭЛЕМЕНТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Мария Александровна Боржеева

Управление Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия
maria2805@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние, оказываемое средствами массовой информации (далее – СМИ) на внутренний и внешний имидж правоохранительной системы. Демонстрируется воздействие СМИ на общественное правосознание. Выявляется особенность современных информационных источников, заключающаяся в искажении сведений и искусственном усилении негативных аспектов в правоохранительной сфере. Обозначается существующая проблема информационного сопровождения деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, заключающаяся в отсутствии комплексного механизма защиты имиджа Росгвардии, что обуславливает возникновение реальной угрозы его деструкции.

Ключевые слова: правоохранительная система, имидж правоохранительной системы, имидж сотрудников Росгвардии, защита имиджа правоохранительной системы, защита имиджа сотрудников Росгвардии, дискредитация, деструктивное информационное воздействие

Для цитирования: Боржеева М.А. Проблемы защиты имиджа Росгвардии как особого элемента правоохранительной системы в современных условиях // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 5–11. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/001.pdf>. EDN: AQHWNE.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCE

Original article

PROBLEMS OF PROTECTING THE IMAGE OF THE RUSSIAN GUARD AS A SPECIAL ELEMENT OF THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM IN MODERN CONDITIONS

Maria A. Borzheeva

Department of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Russia
maria2805@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the influence exerted by the mass media (hereinafter referred to as the media) on the internal and external image of the law enforcement system. The impact of the media on public legal awareness is demonstrated. The peculiarity of modern information sources is revealed, which consists in the distortion of information and the artificial strengthening of negative aspects in the law enforcement sphere. The existing problem of information support of the activities of the National Guard troops of the Russian Federation is indicated, which consists in the absence of a comprehensive mechanism for protecting the image of the Rosgvardiya, which causes the emergence of a real threat of its destruction.

Keywords: the law enforcement system, the image of the law enforcement system, the image of the employees of the Rosgvardiya, the protection of the image of the law enforcement system, the protection of the image of the employees of the Rosgvardiya, discrediting, destructive information impact

For citation: Borzheeva M.A. Problems of protecting the image of the Russian guard as a special element of the law enforcement system in modern conditions. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 5–11. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/001.pdf>. EDN: AQHWNE.

Введение

Фундаментом внешнего и внутреннего имиджа правоохранительной системы как особой государственной организационной структуры выступает внешний и, что еще более значимо, – внутренний имидж отдельно взятого сотрудника правоохранительных органов как личности¹. Внутренний и внешний облик лица, несущего правоохранительную службу, является «духовными и материальными слагаемыми» имиджа правоохранительных структур [1, С. 119–120]. Необходимость поддержания этих «атрибутов» в безукоризненном состоянии обусловлена высокой степенью риска их деструкции и последующей за этим возможной усиленной дискредитацией посредством СМИ [2]–[4]. На примере сотрудников полиции справедливо отмечается, что пропаганда СМИ негативного образа приводит к падению уровня сотрудничества населения с соответствующей службой, поскольку возникает индуктивно окрашенное оценочное суждение о непрофессионализме и безграмотности полицейских [5, С. 15–16]. Все более значимым становится вопрос об изменении имиджа правоохранительных структур [6]. Особое внимание, в том числе, уделяется психологическим аспектам имиджа [7].

Основные положения

Учитывая то обстоятельство, что имидж в сфере правоохраны, в сущности, есть выражение отношения (как негативного, так и позитивного) населения к соответствующим органам, а отношение относят к основным характеристикам социального мировоззрения (и полагаем, правового сознания как его значимой части), будь оно единичным или же групповым, следует согласиться с тем, что ключевым становится вопрос об источниках возникающего социального отношения [8, С. 39].

Отношение к объекту (к отдельно взятому сотруднику, ведомству или его структурному подразделению, в конечном итоге – к правоохранительной системе в целом), порождающее определенный имидж носителя, представляет из себя весьма сложное сочетание «базовых» сведений и пред-

ставлений о нем, с одной стороны, и последующего социально опосредованного процесса критериальной оценки, – с другой. Очевидно, что, если представления о правоохранительной системе и всех образующих ее элементов не отвечают личностным интересам и (или) обнаруживаются расхождения с устоявшейся в обществе ценностной системой, то и характер отношений, а значит, и формируемый имидж будут деструктивными. Нельзя не отметить, что большое значение для создания позитивного имиджа имеет степень доверия, возникающего между обществом и правоохранительными структурами [9]. Доверительные отношения между властью и социумом являются базисом для конструирования положительного имиджа².

Безусловно, в современных условиях СМИ являются одним из источников, способных оказать серьезное влияние на правосознание, вызвав искажение восприятия и формируемого в результате социального отношения к правоохранительной системе. Данное обстоятельство тесно связано с масштабными процессами цифровизации [10, 11] стремительного повсеместного внедрения новейших информационных технологий [12, 13]. Особую актуальность СМИ, как фактора воздействия, обуславливает также тенденция все большего смещения познавательных процессов в сторону опосредованного познания (а не личного опыта), которая проявляется в том, что формирование человеческого сознания и правового сознания, правового мировоззрения в современных условиях происходит с опорой на мнения, продиктованные другими людьми, поступающей из внешних источников, представленных широким спектром медиа-инструментария, даже можно сказать, медиа-индустрии, уже «готовой» информации об окружающем мире [14].

То есть важным фактором восприятия как отдельных лиц, несущих правоохранительную службу, так и всей правоохранительной системы становится их преподнесение населению СМИ. По справедливому замечанию С. С. Смолевой, СМИ возводят

¹ Подобная классификация имиджа как особой категории часто применяется для характеристики организации. См., например, Чубукова Л. В. Управленческие и правовые аспекты имиджа организации // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. № 4-1. С. 99–103.

² См.: Vos M. The Public Image of the Government; Trust and Social Capital in the Netherlands. URL: https://www.researchgate.net/publication/306082676_The_Public_Image_of_the_Government_Trust_and_Social_Capital_in_the_Netherlands (дата обращения: 12.03.2023).

частное в общее, что вызывает максимальный эмоциональный подъем, всплеск чувств у населения [15, С. 6]. Кроме этого, «природная» специфика СМИ заключается в привлечении внимания аудитории, увеличении ее численного состава. А внимание, как известно, гораздо проще получить посредством трансляции негатива.

Так, отмечается, что именно негативные новости, освещающие отрицательные стороны реализуемой сотрудниками полиции деятельности, вызывают широкий общественный резонанс, тем самым повышая заветные показатели рейтинга каких-либо телеканалов, изданий, порталов как разновидностей электронных ресурсов [16, С. 310]. Констатируется, что целый ряд информационных программ, отведенных криминальной хронике, демонстрируют громкие преступления, связанные с коррупционными скандалами, должностными злоупотреблениями, чиновничьим произволом, участниками которых являются сотрудники правоохранительных органов [17, С. 110].

Подобная ситуация в настоящее время складывается и с формируемым в обществе отношением к сотрудникам Росгвардии. Особую остроту данной проблемы вызвало проведение специальной военной операции (далее – СВО). Как известно, войска национальной гвардии Российской Федерации принимают активное участие в СВО, что обусловлено необходимостью решения целого ряда служебно-боевых задач.

Так, Росгвардия играет огромную роль в обеспечении охраны значимых объектов инфраструктуры, транспортных коммуникаций; оказывает помощь гражданам в налаживании и поддержании мирной жизни (поставка продуктов, необходимых медикаментов, охрана и сопровождение гуманитарных грузов); защищает население от различных противоправных посягательств и мародерства и др. При этом реализация перечисленных и множества других мероприятий сопряжена с особым риском искажения и «негативизации» имиджа войск национальной гвардии, в связи с современными вызовами и угрозами, а именно, распространением деструктивной информации, недостоверных сведений о Росгвардии.

В настоящее время основным и, фактически, единственным нормативным правовым актом, разработанным в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [18] (далее – Закон о Росгвардии) и требованиями, предусмотренными в пп. 59 п. 9 Положения о Феде-

ральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации [19], с целью регламентации освещения деятельности войск национальной гвардии, является Приказ Росгвардии, предназначенный для служебного пользования, которым регулируются отдельные особенности организации информационного сопровождения деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации» (далее – Приказ). Конечно же, действуют и различные распорядительные акты, однако они не отражают текущих реалий, а значит, не могут решить проблемы, связанные с обеспечением защиты имиджа войск национальной гвардии.

Следует отметить, что, несмотря на внесенные со времени издания Приказа, изменения остались неурегулированными такие злободневные вопросы, как фейковые новости (так называемые «фейки» – фальшивые новости, ложная или вводящая в заблуждение информация, выдаваемая за реальные факты), угрозы информационной безопасности, раскрытие информации о персональных данных. Полагаем, что данные обстоятельства вызывают опасность и для сотрудников, и для членов их семей, поскольку отсутствует комплексный механизм защиты имиджа войск национальной гвардии Российской Федерации. Из этого следует, что существует угроза деструкции имиджа Росгвардии как особого элемента российской правоохранительной системы.

Так, на командующих округами войск национальной гвардии Российской Федерации и на начальников территориальных органов Росгвардии, помимо множества других задач, возложена организация своевременного реагирования на материалы и сведения, которые публикуются в СМИ, размещаются на различных информационных ресурсах в сети Интернет и содержат недостоверную, дискредитирующую действия росгвардейцев информацию. В перечне задач, которые призвано решать информационное сопровождение, также устанавливается организация реагирования на «информацию критического и проблемного характера», на информацию, вызывающую широкий общественный резонанс и на не соответствующие действительности сведения. При этом в Приказе дается пояснение к термину «общественный резонанс», однако не устанавливаются какие-либо критерии «критичности» и «проблематичности» информации.

На пресс-службы оперативно-территориальных объединений войск

национальной гвардии и пресс-службы территориальных органов Росгвардии возлагается аналогичная задача, заключающаяся в оперативном реагировании на «возникающие резонансные информационные поводы». В сферу деятельности пресс-служб также входит обнаружение информационных материалов с уже отмеченными ранее характеристиками – «критичность» и «проблематичность», учет таких материалов и недостоверных сведений, инициация проверочных мероприятий, подготовка при необходимости ответов и комментариев для опровержения. Кроме того, пресс-службы осуществляют функцию информационного контроля: наблюдают за распространением аудиовизуальных материалов, способных вызвать повышенный интерес как федеральных, так и региональных СМИ.

Нельзя не отметить и существующий запрет на раскрытие в СМИ и в различных информационных ресурсах каких-либо данных о военнослужащих (сотрудниках) сил специального назначения Росгвардии. Указанная группа сотрудников войск национальной гвардии принимает активное участие в СВО. При этом они являются наиболее уязвимой в аспекте оказываемого влияния СМИ на имидж Росгвардии как особого элемента правоохранительной системы категорией. И именно этим объясняется определенная, законодательно регламентированная «закрытость» при публикации материалов, в которых фигурируют лица, относящиеся к силам специального назначения.

С одной стороны, установленный запрет, коррелирующий с ч. 3 ст. 23 Закона о Росгвардии является превентивной мерой деструктивного воздействия, с другой – он одновременно препятствует формированию и позитивного имиджа Росгвардии посредством распространения в СМИ положительной, вызывающей всеобщее одобрение и уважение в обществе информации. Является очевидным тот факт, что социуму необходима «привязка» к конкретным личностям. Обществу нужны герои. И, к сожалению, именно эти герои и их героические поступки, совершаемые в ходе проведения СВО, фактически остаются «безымянными», «безликими».

Полагаем, что закрепленный в законодательстве запрет на раскрытие в СМИ персональных данных, на сегодняшний день, к сожалению, ввиду преобладания большого количества информационных угроз, остается единственным средством

защиты сотрудников войск национальной гвардии. Возможно, по прошествии определенного количества времени, в Приказ будут внесены корректировки, позволяющие снизить степень риска для росгвардейцев и членов их семей.

Обозначенная проблема информационного сопровождения деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации подтверждает наличие у СМИ указанной ранее особенности, заключающаяся в расстановке акцентов преимущественно на негативной информации. Это является «зоной повышенной опасности», представляющей серьезную угрозу для имиджа правоохранительной системы, и в то же самое время, благодаря этой черте, становится возможным обретение определенных «фрагментов контроля» сложного протекающего процесса его формирования и его направления в нужное, положительное русло.

«Красная зона» СМИ как фактора деструкции имиджа может также осложняться присутствием двусторонней диалектической связи, когда отсутствие личного опыта взаимодействия членов общества с сотрудниками правоохранительных органов в сочетании с «единичным» негативным мнением тех, у кого подобный контакт был и не принес ожидаемых положительных результатов, образует заведомо отрицательную модель социального отношения (проявления негативного эффекта стереотипизации, заключающегося в оторванности формируемого общественного мнения от реальной действительности). В результате, любые, даже незначительные «промахи» правоохранителей, транслируемые средствами массовой информации, могут оказывать многократно усиленное отрицательное воздействие на имидж в сфере правоохраны.

Вместе с тем грамотное использование современной тенденции опосредованного познания окружающей действительности путем трансформации «красной зоны» в «зеленую» с учетом того, что СМИ для населения – это основной информационный источник, освещающий под «определенным углом» происходящие в государстве события, может открыть широкие возможности для создания позитивного имиджа правоохранительной системы, включая в том числе положительный имидж сотрудников Росгвардии.

Так, на пресс-службы также возлагается спектр задач, которые, по нашему мнению, направлены на формирование и поддержание положительного имиджа войск национальной гвардии. Среди них:

разработка, подготовка и участие в различных социальных мероприятиях, направленных на повышение доверия общества к Росгвардии; предоставление доступа граждан и их объединений к информации о деятельности росгвардейцев; размещение в сети Интернет тематических сведений о войсках национальной гвардии.

Нельзя недооценивать значение СМИ как в своем роде «проводников» правовой идеологии, социальных ценностей, способных утверждать адекватное общественное мнение о праве и правосудии, о состоянии преступности и предпринимаемых мерах борьбы с ней, о людях, работающих в правоохранительных органах и совершаемых ими делах и поступках, что позволяет «конструировать» реальную действительность. При этом подобная действительность и «эффективность» средств массовой информации, на данный момент базирующихся не столько на печатных изданиях, радио- и телевизионном вещании, сколько на необъятном виртуальном пространстве, образованном благодаря сети Интернет, связана с широтой охвата происходящих событий, «углом» и скоростью подачи и транслируемого материала, продолжающим ростом форм, методов и технологий информационного воздействия [20, С. 13].

Заключение

Таким образом, СМИ как ведущие механизмы информационного взаимодействия, на уровне которых освещается состояние правоохранительной системы, ее проблемы и трудноразрешимые задачи, успехи и достижения, неудачи и провалы, способны оказывать огромное влияние на процесс деструкции имиджа. Преодоление однажды возникших негативных стереотипов восприятия правоохранительных

структур образует трудноразрешимую, требующую комплексного многостороннего подхода проблему. Очевидно, что активное информационное освещение позитивных моментов, происходящих в правоохранительной сфере может выступать в качестве положительно окрашенного опосредованного знания и способствовать постепенной трансформации отдельных устоявшихся убеждений о ней.

Изложенное позволяет нам заключить, что СМИ - это внешний фактор-транслятор имидж-формирующей информации. Учитывая, какую огромную роль средства массовой информации играют в процессе сопоставления в правовом сознании как отдельного индивида, так и общества в целом выработанных «стандартов» и «образцов» с реальной действительностью, можно утверждать, что в зависимости от избранного «крена» доносимой до граждан информации о реализуемой правоохранительными органами деятельности, будет выстраиваться имидж правоохранительной системы.

Из этого следует, что масс-медийное основание (масс-медийный фактор), подразумевающий осуществление средствами массовой информации деятельности по созданию определенного представления о государственных органах власти, включая информирование о достигнутых результатах, реализуемых функциях, направленных на обеспечение прав и законных интересов членов общества надлежащим образом, является одним из наиболее значимых для процесса формирования положительного имиджа Росгвардии и, безусловно, требуется усовершенствование механизма его защиты от деструктивного информационного воздействия.

Список источников

1. Передня Д. Г. Имидж полиции: эмпирический анализ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1 (76). С. 112–124.
2. Дискредитация по защите сотрудников ОВД. Правовое регулирование деятельности по защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел по защите от дискредитации. URL: <https://волосово.78.мвд.рф/document/15314600> (дата обращения: 12.03.2023).
3. Защита сотрудников органов внутренних дел от дискредитации. URL: <https://тосно.78.мвд.рф/folder/13228872> (дата обращения: 12.03.2023).
4. Титова Т. А. Имидж: возможна ли правовая защита? // Система ценностей в современных условиях. 2010. № 14. С. 210–215.
5. Афаунов А. З. Имидж сотрудника ОВД как фактор эффективности института полиции: социокоммуникативные аспекты формирования правовой культуры / А. З. Афаунов, Э. Ж. Чхвимиани, Д. В. Тарасенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 6. С. 15–19.

6. Глава МВД: Изменить имидж российских полицейских – приоритетная задача. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-rossii/entry1008161595.html> (дата обращения: 12.03.2023).
7. Цветков В. А. Психология имиджа сотрудника полиции: состояние и возможная положительная динамика / В. А. Цветков, Д. А. Ануфриева // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3 (74). С. 23–27.
8. Тюнь А. П. Репрезентация негативных стереотипов восприятия полиции // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 9 (77). С. 38–41.
9. Турецкий Н. Н. Основы доверия населения правоохранительным органам // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2. С. 38–40.
10. Токарева С. Н. Цифровизация в деятельности органов правопорядка // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва). 2019. С. 590–592.
11. Семенцов, В. А. Цифровизация правоохранительной деятельности и роботизация юридической профессии // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 52–56.
12. Совбез предложил внедрить в работу полиции и спецслужб сети 5G, ИИ, AR и VR-технологии. URL: https://telesputnik.ru/materials/gov/news/sovbez-rf-predlozhit-vnedrit-v-rabotu-politsii-i-spetssluzhb-seti-5g-ii-ar-i-vr-tehnologiy/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 12.03.2023).
13. Без современных технологий невозможно обеспечить безопасность общества и государств. URL: https://ceur.ru/news/921/bez-sovremennyx-tehnologij-nevozmozžno-obespechit-bezopasnost-obshhestva-i-gosudarstva/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 12.03.2023).
14. Макаревич Э. Ф. Имидж в современном мире / Э. Ф. Макаревич, О. И. Карпунин // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 3. С. 39–59.
15. Смолева С. С. Формирование позитивного имиджа органов внутренних дел в деятельности служб по связям с общественностью: политическая теория и практика: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Смолева Светлана Сергеевна. М., 2013. 49 с.
16. Браженская Н. Е. Средства массовой информации как один из основных механизмов формирования имиджа сотрудника полиции / Н. Е. Браженская, Е. Р. Чернобродов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 3 (78). С. 306–311.
17. Шаталов К. К. Формирование положительного имиджа сотрудника полиции // Наука и образование сегодня. 2019. №. 6-2 (41). С. 109–110.
18. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 года № 226-ФЗ // Российская газета. 2016. 6 июля.
19. О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации (вместе с «Положением о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации»): указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 года № 510 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 41. Ст. 5802.
20. Бессарабов В. Г. Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина: методическое пособие / В. Г. Бессарабов, В. М. Захарчук, М. В. Маматов. М. : Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. 88 с.

References

1. Perednya D. G. The image of the police: an empirical analysis. In: Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2016;1 (76): 112–124. (In Russ.).
2. Diskreditaciya po zashchite sotrudnikov OVD. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti po zashchite chesti, dostoinstva i delovoj reputacii sotrudnikov organov vnutrennih del po zashchite ot diskreditacii. Available from: <https://volosovo.78.mvd.rf/document/15314600> [Accessed 12th March 2023]. (In Russ.).
3. Zashchita sotrudnikov organov vnutrennih del ot diskreditacii. Available from: <https://tosno.78.mvd.rf/folder/13228872> (data obrashcheniya: 12.03.2023). (In Russ.).
4. Titova T. A. Image: Is legal protection possible? In: Sistema cennostej v sovremennyh usloviyah. 2010;14: 210–215. (In Russ.).
5. Afaunov A. Z., Chkhvimiani E. Zh., Tarasenko D. V. The image of an internal affairs officer as a factor of the effectiveness of the police institute: sociocommunicative aspects of the formation of

legal culture. In: *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2021;6: 15–19. (In Russ.).

6. Glava MVD: Izmenit' imidzh rossijskikh policejskikh – prioritetnaya zadacha. Available from: <http://www.profi-forex.org/novosti-rossii/entry1008161595.html> [Accessed 12th March 2023]. (In Russ.).

7. Cvetkov V. L., Anufrieva D. A. Psychology of the image of a police officer: the state and possible positive dynamics. In: *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*. 2018;3 (74): 23–27. (In Russ.).

8. Tyun' A. P. Representation of negative stereotypes of police perception. In: *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*. 2020;9 (77): 38–41. (In Russ.).

9. Tureckij N. N. The foundations of public trust in law enforcement agencies. In: *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2014;2: 38–40. (In Russ.).

10. Tokareva S. N. Digitalization in the activities of law enforcement agencies. In: *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya*. *Ezhгодnik. Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN (Moskva)*. 2019: 590–592. (In Russ.).

11. Semencov, V. A. Digitalization of law enforcement and robotization of the legal profession. In: *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019;1: 52–56. (In Russ.).

12. Sovbez predlozhit' vnedrit' v rabotu policii i specsluzhb seti 5G, II, AR i VR-tehnologii. Available from: https://telesputnik.ru/materials/gov/news/sovbez-rf-predlozhit-vnedrit-v-rabotu-politsii-i-spetssluzhb-seti-5g-ii-ar-i-vr-tehnologii/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D [Accessed 12th March 2023]. (In Russ.).

13. Bez sovremennyh tekhnologij nevozmozhno obespechit' bezopasnost' obshchestva i gosudarstv. Available from: https://ceur.ru/news/921/bez-sovremennyh-tekhnologij-nevozmozhno-obespechit-bezopasnost-obshchestva-i-gosudarstva/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D [Accessed 12th March 2023]. (In Russ.).

14. Makarevich E. F., Karpuhin O. I. Image in the modern world. In: *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2012. № 3. S. 39–59. (In Russ.).

15. Smoleva S. S. Formirovanie pozitivnogo imidzha organov vnutrennih del v deyatel'nosti sluzhb po svyazyam s obshchestvennost'yu: politicheskaya teoriya i praktika. Moscow, 2013. (In Russ.).

16. Brazhenskaya N. E., Chernobrodov E. R. Mass media as one of the main mechanisms for shaping the image of a police officer. In: *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*. 2019. Vol. 24;3 (78): 306–311. (In Russ.).

17. Shatalov K. K. Formation of a positive image of a police officer. In: *Nauka i obrazovanie segodnya*. 2019;6-2 (41): 109–110. (In Russ.).

18. O voyskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 3 iyulya 2016 goda № 226-FZ. In: *Rossijskaya gazeta*. 2016. 6 iyulya. (In Russ.).

19. O Federal'noj sluzhbe voysk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii (vmeste s «Polozheniem o Federal'noj sluzhbe voysk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii»): ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30 sentyabrya 2016 goda № 510. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 2016;41. St. 5802. (In Russ.).

20. Bessarabov V. G., Zaharchuk V. M., Mamatov M. V. Vzaimodejstvie organov prokuratury so sredstvami massovoj informacii v sfere soblyudeniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. Moscow: Akad. General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2010. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 13.02.2024;
одобрена после рецензирования 15.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 13.02.2024;
approved after reviewing 15.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 34
EDN: AZOGJC**К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА
В СФЕРЕ ПОДДЕРЖАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ****Алексей Олегович Воробьев¹, Андрей Юрьевич Кийко², Ирина Владимировна Семёнова³**¹ Федеральная служба войск национальной гвардии, Москва, Россия^{2,3} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия¹ VorobevAO@rosgvard.ru² kiikovich@mail.ru³ 9053202867@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи на основе анализа теоретических положений исследуют влияние деятельности гражданского общества на формирование правопорядка и правосознание. Работа по обеспечению безопасности – это дело творческое, требует постоянного поиска инициативы, не терпит шаблонности. Стремление найти новые пути совершенствования навыков по решению конкретных оперативных задач, предупреждению правонарушений привели к пониманию значимости повышения правового сознания населения, необходимости наличия стройной системы организации деятельности. Одним из приоритетных направлений деятельности гражданского общества при поддержке государственного аппарата является обеспечение исполнения нормативных правовых актов и совершенствование правового воспитания личности.

Ключевые слова: общественность, правопорядок, законность, взаимное сотрудничество, общественный порядок, народная дружина, войска национальной гвардии, цифровая безопасность

Для цитирования: Воробьев А.О., Кийко А.Ю., Семёнова И.В. К вопросу взаимодействия институтов гражданского общества и государства в сфере поддержания правопорядка и общественной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 12–19. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/002.pdf>. EDN: AZOGJC.

Original article

**ON THE ISSUE OF INTERACTION BETWEEN CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS AND THE STATE
IN THE FIELD OF MAINTAINING LAW AND ORDER AND PUBLIC SECURITY****Alexey O. Vorobyov¹, Andrey Yu. Kiiko², Irina V. Semyonova³**¹ Federal Service of the National Guard Troops, Moscow, Russia^{2,3} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia¹ VorobevAO@rosgvard.ru² kiikovich@mail.ru³ 9053202867@mail.ru

Abstract. The authors of the article, based on the analysis of theoretical provisions, explore the impact of civil society activities on the formation of law and order and legal awareness. Security work is a creative business, requires constant search for initiative, and does not tolerate patterns. The desire to find new ways to improve skills in solving specific operational tasks and preventing offenses led to an understanding of the importance of raising the legal consciousness of the population, the need for a coherent system of organizing activities. One of the priorities of civil society activities with the support of the state apparatus is to ensure the implementation of normative legal acts and improve the legal education of the individual.

Keywords: the public, law and order, legality, mutual cooperation, public order, national guard, National Guard troops, digital security

For citation: Vorobyov A.O., Kiiko A.Yu., Semyonova I.V. On the issue of interaction between civil society institutions and the state in the field of maintaining law and order and public security. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 12–19. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/002.pdf>. EDN: AZOGJC.

© Воробьев А.О., Кийко А.Ю., Семёнова И.В., 2024

Введение

Приступая к исследованию сущности гражданского общества и правовой природы правопорядка, в обеспечении которого задействованы средства и силы Росгвардии, следует обратить внимание на правовые основы правопорядка и деятельности должностных лиц. При этом необходимо отметить, что правовые акты, регулирующие деятельность силовых структур, их межведомственное взаимодействие в рассматриваемой сфере, относятся к категории «Для служебного пользования» (ДСП). Формирование взаимоотношений между представителями исполнительной власти и гражданами во время обеспечения общественной безопасности, помимо правового регулирования, строится на взаимном уважении и правосознании.

Основные положения

В борьбе за укрепление законности и правопорядка необходимо исходить из принципа взаимного сотрудничества государства и общества. Практика дает множество примеров непосредственного и активного участия во благо общественной и государственной жизни, в том числе в охране общественного порядка. Формы и методы этой работы с каждым годом обогащаются, создавая тот фундамент, на котором возводится безопасное будущее. Борьба с правонарушителями, задачи охраны общественного порядка могут быть успешно решены, если за них возьмется все гражданское общество, если будет создан единый фронт борьбы государственных органов и общественности, если уважение к праву, к закону станет личным убеждением каждого человека.

Формирование гражданского общества происходит путем непрерывного циклического преобразования самоорганизации людей, т. е. плавного перехода из одной стадии в последующую – от возникновения к упадку [17, С. 46].

Безруков А. В. в своем научном труде отмечает, ссылаясь на Коробова В. Б., что, исходя из принятой в научной литературе категории, социально-правовой порядок будет выступать основополагающим, без которого правовой порядок не может существовать. Сам правопорядок подразумевает под собой неукоснительное соблюдение

норм участниками общественных отношений, которые ими регулируются [2, С. 11]. Правопорядок и регулируемое им общество представляют собой два неразделимых элемента: межличностные отношения, регулируемые существующим порядком, и отдельно взятая личность, находящаяся в подчинении у установленных правил [6]. Устойчивость и постоянство общественных отношений является отражением общественной жизни, которая является характерной чертой правопорядка [11, С. 9]. Обеспечение правопорядка осуществляется на основе гарантий, представляющих собой отдельные элементы, которые взаимосвязаны между собой [4, С. 17].

Таким образом, юридическая наука определяет правопорядок как совокупность социально-правовых отношений, регулируемых нормами права [1; 3; 10; 15]. Правовой порядок – это определенное состояние общественной жизни, характеризующееся устойчивостью, равновесием и постоянством связей и отношений.

Одним из приоритетных направлений деятельности гражданского общества при поддержке государственного аппарата является обеспечение исполнения нормативных правовых актов и совершенствование правового воспитания личности. В настоящее время положительно зарекомендовала себя такая форма непосредственного участия общественности в борьбе с правонарушениями, возрожденная из советского прошлого, как народная дружина¹. Исходя из сложившейся практики, дружинники привлекаются не только для совместного с полицией и самостоятельного патрулирования на улицах, но и участвуют в мероприятиях по охране посольств, зачастую силами дружины осуществляется обеспечение и безопасность граждан при проведении массовых мероприятиях, также они принимают участие в проведении контрольно-надзорных мероприятий, осуществляемых

¹ Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об участии граждан в охране общественного порядка» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 02.04.2014 (дата обращения: 10.12.2023).

органами исполнительной власти, следственные органы привлекают их в качестве понятых [19, С. 139].

Практический опыт показал, что работа по обеспечению безопасности – это дело творческое, требует постоянного поиска инициативы, не терпит шаблонности. Стремление найти новые пути совершенствования навыков по решению конкретных оперативных задач, предупреждению правонарушений привели к пониманию значимости повышения правового сознания населения, необходимости наличия стройной системы организации деятельности. Следует отметить, что в современном обществе наметились тенденции на снижение численности антиобщественных проявлений путем принятия мер принудительного характера и ужесточения меры ответственности. Общественность в целом и гражданин в отдельности играют значительную роль в борьбе с негативным явлением.

В нашей жизни мы сталкиваемся с жестокостью и равнодушием мимо проходящих людей, проживающих по соседству. Однако следует отметить, что в последние годы, на фоне происходящих мировых событий: коронавирусной инфекции, проведения специальной военной операции, все больше стали развиваться общественные начала в гражданском обществе и в деятельности самих органов исполнительной власти. Укрепление их связей с гражданским обществом, с гражданами свидетельствует о складывающихся доверительных отношениях. Государственные органы стали в большей мере опираться на их поддержку и помощь. Такое взаимодействие является одним из важнейших принципов формирования общественного порядка.

Общественный порядок должен обеспечиваться не только на улицах, но и в различных сферах общественных отношений одинаково. В погоне за демократией, под влиянием субъективизма и волюнтаризма роль органов государственной власти недооценивалась. Проводился ряд реформ по сокращению штатной численности представителей органов исполнительной власти, где в первую очередь под сокращение попала патрульно-постовая служба (ППС)².

На фоне таких событий происходит профессиональное осмысление себя в профессии и попутно претерпевает изменения, со временем вырабатываются жесткие условия и требования соблюдения закона, выступающего гарантом в защите прав и законных интересов и их восстановлении [20, С. 147].

При выполнении обязанностей по обеспечению общественных мероприятий допускались просчеты в применении мер убеждения и принуждения в отношении лиц, совершивших проступок, тем самым инициировался процесс передачи некоторых функций исполнительных органов отдельным представителям гражданского общества. Тенденции в организации борьбы с противоправными действиями наблюдались в 2016 году. Благодаря принятым мерам, были устранены определенные проблемы в обеспечении общественного порядка. Так была создана Федеральная служба войск национальной гвардии, ее структурные подразделения были задействованы в такого рода деятельности получив при этом положительную оценку. Задачи и место Росгвардии в структуре государства определяются её целями в обществе, полномочиями, основными направлениями деятельности и юридическим статусом. Функциональная роль и правовой статус Росгвардии закреплены её социальной миссией и местом в системе органов власти. В борьбе за дальнейшее упрочение законности и правопорядка она многое делает путем осуществления управленческой деятельности, с применением мер, направленных на профилактику и укрепление взаимодействия с общественными организациями в сфере охраны и обеспечения соблюдения, установленных законами и подзаконными актами, правовых норм, регулирующих правила поведения граждан.

Современное общество отличается высокой организованностью порядка и дисциплины. Предоставляя гражданам широкие права и свободы, и обеспечивая их на деле, оно в то же время налагает на них большую гражданскую ответственность. Демократического общества нет без дисциплины, свободы, без ответственности, прав – без обязанностей. Движение к правовому государству идет не через ослабление ответственности граждан перед обществом, а через усиление этой ответственности. Следует подчеркнуть усиление необходимости всемерного укрепления правопорядка, совершенствования законодательства и на

² В ходе реформы МВД первыми под сокращение попадут гаишники. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/01/2010/5704b4f89a794714c9b509f1?from=copy><https://www.rbc.ru/society/28/01/2010/5704b4f89a794714c9b509f1?from=soru> (дата обращения: 10.12.2023).

этой основе укрепления законности. В правовом государстве должен непременно укрепляться прочный и твердый порядок, основанный на строгом соблюдении законов. Правопорядок представляет собой следствие государственных усилий в сфере законодательства и управления. Он тесно связан с соблюдением законов, что гарантирует безопасность в обществе.

Поддержание общественного порядка является залогом того, чтобы каждый человек мог реализовать свои основные стремления и жить достойно в рамках устоявшегося общества. Стабильность поддерживается законами и правовой системой [14, С. 85]. Он основан на принципах правового государства и демократических ценностях, что способствует обеспечению безопасности граждан, а также защите их основных прав и свобод от незаконных вмешательств и служит опорой для осуществления властными структурами своих функциональных обязанностей [9, С. 5].

Хотелось бы отметить существующий парадокс в разногласиях между наукой и практикой. Так, в научной литературе отмечается, что легального закрепления терминов «общественный порядок», «правопорядок» и их толкования не существует [18, С. 95], однако правоприменитель имеет кардинально противоположное мнение, считая, что такого рода понятия относятся к оценочным, сущность которых формируют участники общественных отношений и лица, чья деятельность относится к правоприменительной. Их содержание имеет достаточное наполнение, чтобы обеспечить унифицированную интерпретацию и законодательное регулирование³. С одной стороны, с научной точки зрения, отсутствие законодательного закрепления терминологии позволяет оставаться теме актуальной для исследования, с другой – законодательное закрепление не позволит свое-

³ Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 N 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Уфимский нефтеперерабатывающий завод» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации».

URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-08062004-n-226-o-ob/?ysclid=lrlykuwi4h89044973> (дата обращения: 10.12.2023).

временно внедрять терминологию во вновь возникшие общественные отношения.

За состояние общественного порядка несут ответственность все органы государственной власти, должностные лица – руководители предприятий, учреждений и организаций. Должен быть создан единый фронт борьбы с преступностью и правонарушениями силами государственных органов и общественных организаций. На законодательном уровне Правительство Российской Федерации усиливает работу по совершенствованию законодательства. Были приняты законодательные акты и расширены полномочия военнослужащих войск национальной гвардии, непосредственно связанные с деятельностью, направленной на обеспечение общественной безопасности. О действенности закона можно рассуждать лишь тогда, когда он работает и исполняется. Дальнейшее совершенствование законодательства, всестороннее укрепление законности и правопорядка диктуются потребностями общественного развития страны, необходимостью обеспечения общественного прогресса для социально-экономического развития государства путем создания правовой, нормативной, материально-технической базы.

Инициативы по ужесточению норм социального поведения отражают усиленные стандарты в рамках развития демократии. Эти шаги направлены на укрепление правопорядка, борьбу с преступностью и устранение её источников.

На право, правовые взгляды, характер права оказывает существенное влияние идеология. Сформированное правосознание регулирует общественные отношения на основе выстроенной правовой политики с точки зрения философии права. Правовые ценности формируются под давлением идей и идеологий [13, С. 483].

Обеспечение общественного порядка возможно при проведении работ с общественным сознанием в период его становления, т. е. в подростковом возрасте. Для этого необходимо сформировать образ безопасного, в современной действительности, будущего. В предложенных условиях решение этой задачи можно эффективно реализовать только при помощи ведения открытого диалога, проведения агитационной работы [16, С. 189].

Важная роль в поддержании правопорядка и законности принадлежит федеральным органам исполнительной власти, включающие в свою систему должностных

лиц, которые избираются или назначаются на должность. Почетный и благородный труд военнослужащих и сотрудников Росгвардии в современной действительности высоко ценится в обществе, ее деятельность затрагивает интересы многих людей, проходит в постоянном общении с населением как в мирное, так и во время проведения боевых действий. Их действия при всей строгости и решительности всегда должны быть справедливыми и понятными широким массам граждан. Военнослужащие и сотрудники Росгвардии обязаны укреплять и расширять связи с общественными организациями, опираться на их помощь в работе по предупреждению нарушений общественного порядка.

Федеральная служба войск национальной гвардии во исполнение своего предназначения осуществляет поддержание правопорядка, при этом выступает не только как защитник и представитель населения (граждан), но и как партнер общества по формированию такой системы общественных отношений, обладающей устойчивой и логичной структурой [7, С. 35].

Росгвардия предусматривает конкретные мероприятия, направленные на создание военнослужащим и сотрудникам надлежащих условий для успешного выполнения возложенных на них ответственных задач.

Следует отметить, что наравне с усилением контроля над выполнением должностных обязанностей, необходимо добиваться повышения их роли в выполнении решений Правительства Российской Федерации, связанных с усилением действий по борьбе с противоправной деятельностью. Повышая требовательность к должностным лицам, вместе с тем проявляется постоянная забота об укреплении Росгвардии. Сотрудники и военнослужащие Росгвардии совместно с учеными-юристами принимают активное участие в работе по совершенствованию и систематизации законодательства. За годы существования Росгвардии принято множество законов и нормативных актов, в том числе в порядке изменения и дополнения существующего законодательства, в разработке которых большую роль сыграли работники административных органов. Задача заключается в том, чтобы и дальше совершенствовать работу Росгвардии, устранять имеющиеся пробелы и добиваться большего эффекта в охране общественного порядка и защите общественной безопасности.

В качестве совершенствования деятельности в данном направлении следует

расширить цифровую среду, в которой Росгвардия осуществляет свои полномочия. Внедрение цифровых платформ в правоотношения в сфере разрешительно-лицензионной, образовательной деятельности, и других направлениях деятельности несет положительный вектор развития общественных отношений и формированию цифрового правосознания как со стороны должностных лиц, так и граждан. При этом следует помнить, что технологический прогресс может оголить систему государственного управления и предоставить доступ лицам, имеющим намерения не правомерного характера.

Вопрос о мерах по дальнейшему укреплению правопорядка и законности в свете действующей международной обстановки хотелось бы особенно отметить, поскольку дальнейшее развитие социальной-экономической сферы, новые успехи общества находятся в прямой зависимости от совершенствования социальных отношений, укрепления законности и правопорядка, от заботы об охране интересов каждого гражданина и государства в целом.

В эпоху активных попыток подорвать стабильность ради распространения идеологии глобализации, становится сложнее обеспечивать поддержание общественной безопасности. Возрастает риск инцидентов, направленных на нарушение законности и порядка внутри страны, что может являться следствием ухудшающейся внешней политической ситуации [5, С. 116]. Таким образом, в связи с возрастающими рисками активизация использования юридических механизмов для поддержания законности и безопасности граждан, а также для борьбы с криминалом будет своевременна. Законы, принятые в мирное время, требуют пересмотра и адаптации к новым условиям, чтобы государство могло эффективно выполнять свои обязанности по поддержанию порядка в зонах, где действуют особые правовые режимы [8, С. 97].

Исследуя сложность и многоуровневую структуру права, следует ее рассматривать с точки зрения разделения общества по психологическим признакам и его влияния на правосознание. До конца не определено, одинаково ли правосознание в разных концах света или же существует универсальность правового чувства [12, С. 129].

В России, как в правовом государстве, создан прочный общественный порядок. Его утверждение явилось результатом коренных экономических преобразований, которые обеспечили подъем материального и куль-

турного уровня жизни граждан на базе зрелых общественных отношений и высоких темпов роста производительных сил. Следствием развития демократического государства является установление гармонических отношений между отдельными людьми и социальными группами, создав все условия для процветания личности.

Упрочению общественного порядка оказывает содействие и глубокие сдвиги в сознательности граждан, которые в настоящее время характеризуется единством духа, приверженностью к высоким социальным и моральным идеалам. Следует отметить, что в сложный период времени особо отчетливо прослеживается, что граждане обладают высокой степенью сознательности и чувством ответственности перед обществом, высокими нравственными качествами.

Заключение

Общественный порядок является одним из важнейших условий совместной жизни людей. Поэтому государство проявляет особую заботу о создании и укреплении

общественного порядка. Охрана общественного порядка рассматривается как одна из функций государства и всей общественности, как одно из требований гражданского долга гражданина.

Широкий комплекс конкретных мер по усилению борьбы с нарушителями общественного порядка, основанный на правильном сочетании государственно-правовых и общественных средств воздействия, может гарантировать поддержание общественного порядка в городах и других населенных пунктах. Принятие мер не является следствием каких-то особых, чрезвычайных событий. Они объясняются возросшей требовательностью к поведению людей, в достаточно напряженный период времени для нашего государства, общества и отдельного человека, небывалым укреплением законности и правопорядка в стране. Любое нарушение общественного порядка становится особенно нетерпимым. Оно не соответствует нашему образу жизни, целям и задачам, которые ставит и решает народ.

Список источников

1. Административное право зарубежных стран: учебник / Козырин А. Н., Штатина М. А., Зеленцов А. Б. / под ред. А. Н. Козырина, М. А. Штатиной. М. : Спарк, 2003. 462 с.
2. Безруков А. В. Роль органов публичной власти и институтов общественности в обеспечении конституционного правопорядка в России. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. 268 с.
3. Бредихин И. Д. О понятии и содержании общественного порядка в административном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 1(8). С. 206–219.
4. Виссаров А. В. Правопорядок и субъекты его обеспечения: Теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Виссаров Анатолий Васильевич. М., 2003. 22 с.
5. Кагиров Б. Н. Общественный и правовой порядок в социуме и в контексте профессиональной подготовки кадров для органов внутренних дел в новых глобальных условиях / Б. Н. Кагиров, О. П. Карнаухов // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. 2019. № 1. С. 114–117.
6. Кельзен Г. Право, государство и справедливость в чистом учении о праве / пер. с англ. А. А. Краевского // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 2. С. 226–240.
7. Клевцов С. В. Роль органов внутренних дел в формировании гражданского правопорядка // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2020. № 2(83). С. 33–39.
8. Кононов А. М. Актуальные проблемы совершенствования правового регулирования деятельности органов, обеспечивающих общественный порядок, общественную безопасность и противодействие преступности в условиях военного положения // Академическая мысль. 2023. № 2(23). С. 93–97.
9. Кузнецов А. П. Общественный порядок как социально-правовая категория: теоретическое исследование // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 2. С. 4–11.
10. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2010. 510 с.
11. Назаров П. С. Правопорядок в условиях формирования правового государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Назаров Павел Сергеевич. Саратов, 2005. 26 с.

12. Овчинников А. И. Теология права и современное правопонимание // Философия права. 2023. № 2(105). С. 125–131.
13. Овчинников А. И. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права / А. И. Овчинников, И. А. Хакимов // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 481–484.
14. Працко Г. С. Действующий общественный порядок и правовая основа гражданского общества // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 3(130). С. 85–88.
15. Рассказов Л. П. Теория государства и права: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция». 4-е изд. М. : РИОР: ИНФРА-М, 2013. 473 с.
16. Репьев А. Г. Стратегия обеспечения правопорядка в подростковой среде: приоритетные направления / А. Г. Репьев, А. М. Репьева // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-1. С. 188–189.
17. Скоробогатов В. В. Институты гражданского общества: основные теоретические подходы к исследованию в контексте взаимодействия гражданского общества и государства // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 15. С. 44–50.
18. Солдатов А. П. Ретроспектива понятия «общественный порядок» и ее значение в условиях современности // Академическая мысль. 2023. № 4(25). С. 92–96.
19. Ходжаева Е. В. ДНД (добровольных народных дружин) в России: пример навязанной сверху мобилизации // Laboratorium. 2019. № 3. С. 105–141.
20. Цыбулевская О. И. Укрепление законности – приоритетное направление российской правовой политики // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2001. № 1. С. 141–149.

References

1. Kozyrin A. N., Shtatina M. A., Zelencov A. B. (eds.) *Administrativnoe pravo zarubezhnyh stran*. Moscow: Spark, 2003. (In Russ.).
2. Bezrukov A. V. *Rol' organov publichnoy vlasti i institutov obshchestvennosti v obespechenii konstitucionnogo pravoporyadka v Rossii*. Krasnoyarsk: Sibirskiy yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2019. (In Russ.).
3. Bredihin I. D. O ponyatii i soderzhanii obshchestvennogo poryadka v administrativnom prave In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Pravo. 2010;1(8): 206–219. (In Russ.).
4. Vissarov A. V. *Pravoporyadok i sub"ekty ego obespecheniya: Teoretiko-pravovoj aspekt*. Moscow, 2003. (In Russ.).
5. Kagirov B. N., Karnauhov O. P. Social and legal order in society and in the context of professional training for internal affairs bodies in the new global conditions. In: *Filosofskie, sociologicheskie i psihologo-pedagogicheskie problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2019;1: 114–117. (In Russ.).
6. Kel'zen G. Law, state and justice in the pure doctrine of law. In: *Izvestiya vuzov. Pravovedenie*. 2013;2: 226–240. (In Russ.).
7. Klevcov S. V. The role of internal affairs bodies in the formation of civil law and order. In: *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova*. 2020;2(83): 33–39. (In Russ.).
8. Kononov A. M. Current problems of improving the legal regulation of the activities of bodies ensuring public order, public safety and combating crime under martial law. In: *Akademicheskaya mysl'*. 2023;2(23): 93–97. (In Russ.).
9. Kuznecov A. P. Public order as a socio-legal category: theoretical research. In: *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina*. 2022;2: 4–11. (In Russ.).
10. Morozova L. A. *Teoriya gosudarstva i prava*. Moscow: Eksmo, 2010. (In Russ.).
11. Nazarov P. S. *Pravoporyadok v usloviyah formirovaniya pravovogo gosudarstva*. Saratov, 2005. (In Russ.).
12. Ovchinnikov A. I. *Teologiya prava i sovremennoe pravoponimanie*. In: *Filosofiya prava*. 2023;2(105): 125–131. (In Russ.).
13. Ovchinnikov A. I., Hakimov I. A. Law enforcement, artificial intelligence and the contextual meaning of legal principles. In: *Yuridicheskaya tekhnika*. 2020. № 14. S. 481–484. (In Russ.).

14. Pracko G. S. The current public order and the legal basis of civil society. In: Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2021;3(130): 85–88. (In Russ.).

15. Rasskazov L. P. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchayushchihsya po napravleniyu «Yurisprudenciya» i special'nosti «Yurisprudenciya». Moscow: RIOR: INFRA-M, 2013. (In Russ.).

16. Rep'ev A. G., Rep'eva A. M. Strategiya obespecheniya pravoporyadka v podrostkovoј srede: prioritetye napravleniya. In: Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2022;22-1: 188–189. (In Russ.).

17. Skorobogatov V. V. Civil society institutions: main theoretical approaches to research in the context of interaction between civil society and the state. In: Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki. 2010;15: 44–50. (In Russ.).

18. Soldatov A. P. Retrospektiva ponyatiya «obshchestvennyj poryadok» i ee znachenie v usloviyah sovremennosti. In: Akademicheskaya mysl'. 2023;4(25): 92–96. (In Russ.).

19. Hodzhaeva E. V. VND (voluntary people's squads) in Russia: an example of mobilization imposed from above. In: Laboratorium. 2019;3: 105–141. (In Russ.).

20. Cybulevskaya O. I. Strengthening the rule of law is a priority direction of Russian legal policy. In: Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. 2001;1: 141–149. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Кийко – кандидат юридических наук

И. В. Семёнова – кандидат юридических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024;
одобрена после рецензирования 05.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

A. Yu. Kiiko – Candidate of Sciences (Law)

I. V. Semyonova – Candidate of Sciences (Law)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.01.2024;
approved after reviewing 05.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 342.5

EDN: BZNEAH

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ОТ ОККУПАЦИИ ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ В 1944–1945 ГГ.****Александр Владимирович Мутигуллин¹, Светлана Викторовна Игнатьева²**^{1,2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия¹ 04mutigullin1989@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8820-069X>² svetignateva60@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с деятельностью государственных органов по восстановлению советской власти на освобожденных от оккупации территориях Украины. На основе анализа опубликованных нормативно-правовых документов и литературы показана деятельность государственных органов советской власти по восстановлению государственной власти в Украине. Отмечается, что неоценимый вклад по восстановлению и функционированию советской власти внесли Советы, постоянные комиссии, Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Украины (далее – ЦК КП (б) У).

Ключевые слова: Советы, восстановление, партийные и советские органы, актив, ЦК КП(б) У, постановления, постоянные комиссии, группы охраны общественного порядка, борьба

Для цитирования: Мутигуллин А.В., Игнатьева С.В. Деятельность государственных органов по восстановлению советской власти на освобожденной от оккупации территории Украины в 1944–1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 20–27. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/003.pdf>. EDN: BZNEAH.

Original article

**THE ACTIVITIES OF STATE BODIES FOR THE RESTORATION OF SOVIET POWER
IN THE TERRITORY OF UKRAINE LIBERATED FROM OCCUPATION IN 1944–1945****Alexander V. Mutigullin¹, Svetlana V. Ignatieva²**^{1,2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia¹ 04mutigullin1989@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8820-069X>² svetignateva60@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of issues related to the activities of state bodies for the restoration of Soviet power in the territories of Ukraine liberated from occupation. Based on the analysis of published normative legal documents and literature, the activities of state bodies of Soviet power to restore state power in Ukraine are shown. It is noted that the invaluable contribution to the restoration and functioning of Soviet power was made by the Soviets, permanent commissions, and the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Ukraine (hereinafter – the Central Committee of the CP (b) U).

Keywords: Soviets, restoration, party and Soviet bodies, asset, Central Committee of the CP(b) U, resolutions, standing commissions, public order protection groups, struggle

For citation: Mutigullin A.V., Ignatieva S.V. The activities of state bodies for the restoration of Soviet power in the territory of Ukraine liberated from occupation in 1944–1945. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 20–27. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/003.pdf>. EDN: BZNEAH.

© Мутигуллин А.В., Игнатьева С.В., 2024

Введение

Советское государство было создано путем переворота общественно-политических отношений с помощью рабочего класса и

трудовых масс крестьянства, как форма политической организации, как государство нового типа с новым общественным строем. Советам принадлежала вся полнота

власти во всех областях деятельности государства, они являлись полномочными органами, ответственными перед гражданами за ход государственных преобразований.

Развитие, укрепление Советов и совершенствование их деятельности на всех этапах истории нашего общества неразрывно связывалось с руководящей и организующей деятельностью Коммунистической партии (далее – КП) – монопольного общественно-государственного органа власти в советском государстве.

Коммунистическая партия в годы Великой Отечественной войны проводила политику по организации и сплочению советского народа для достижения победы над врагом.

Новые сложные задачи, связанные с войной, определили всю работу органов Советской власти, его учреждений, предприятий, организаций и в особенности Советов, как местных органов власти. Во временно захваченных территориях партийные и государственные органы не только продолжали существовать юридически, но и действовали фактически на временно захваченной врагом территории. Так, центральные органы Украинской Советской Социалистической Республики (далее – УССР) были эвакуированы в Саратов, затем в Уфу и Москву, а в 1943 г. переместились в Харьков. Во многих районах и областях республики, занятых врагом, продолжали работу или создавались подпольные партийные и советские органы.

В результате боевой деятельности партизан освобождались от врага значительные территории, получившие названия партизанских краев и зон. [1, С. 245]. Здесь выполняли свои функции Сельсоветы, исполкомы районных Советов и их органы. И хотя формы и методы деятельности не всегда соответствовали конституционным нормам, что было обусловлено сложностью пребывания во вражеском тылу, местное население знало – советская власть существует. Поэтому во многих районах этих областей органы Советской власти возобновили свою работу еще до прихода Красной Армии.

Основные положения

Возобновление деятельности местных Советов происходило одновременно с освобождением населенных пунктов от фашистов. Огромную роль в возобновлении работы местных органов власти сыграли оперативные группы партийных, советских, хозяйственных органов, которые создавались ЦК КП (б) У, Президиумом ВС и СНК УССР. Эти оперативные группы фор-

мировались заранее и вступали в освобожденные районы вместе с частями Красной Армии. Они занимались расстановкой и использованием кадров партийно-советских органов, осуществляли оперативное руководство райкомами КП (б) У и райисполкомами.

На городские комитеты партии (далее – горкомы партии) и городские исполнительные комитеты (далее – горисполкомы), районные комитеты (далее – райкомы) и районные исполнительные комитеты (далее – райисполкомы) возлагалось проведение следующих первоочередных мероприятий: организация работы органов советской власти; охрана всех государственных учреждений, предприятий; подбор временных руководителей предприятий, учет рабочей силы и специалистов; принятие незамедлительных мер к возобновлению работы жизненно необходимых предприятий, таких как хлебопекарни, мельницы, столовые, бани, водоканалы и электростанции.

Большой вклад в комплектование и возобновление деятельности партийных и советских органов внесли военные советы фронтов, политотделов фронтовых частей и соединений. Так, в донесении политотдела 8-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта было доложено: «Там, где части двигались очень быстро вперед, восстановление Советской власти осуществлялось путем назначения временных представителей сельских Советов и колхозов». «Политотдел 33-й стрелковой дивизии этого фронта отобрал и назначил в освобожденные населенные пункты 44 человека временными руководителями органов Советской власти» [2, С. 6]. Необходимо подчеркнуть, что восстановление советской власти было организовано партийными и советскими органами во взаимодействии с военными органами управления фронтов, соединений и воинских частей.

Советское правительство и ЦК ВКП (б) разработали систему мер, направленных на обеспечение кадрами партийные и советские органы в освобожденных районах. К осуществлению этих мер Центральный Комитет партии (далее – ЦКП), ЦКП союзных республик практически приступили уже в 1942 г. Политбюро ЦК ВКП (б) в этом году приняло ряд постановлений, в которых была определена программа подготовки кадров не только на время войны, но и на послевоенный период. При комплектовании кадров в освобожденных районах были использованы разнообразные организационные формы. Так, в сентябре 1943 г.

ЦК КП(б) У решил создать группы по 30–50 руководящих партийных работников для Николаевской, Одесской, Кировоградской, Житомирской и Винницкой областей. Им было поручено формирование партийного и советского аппарата в освобожденных районах. Группами руководили уполномоченные ЦК КП(б) У, секретари областных комитетов (далее – обкомов) партии или председатели областных исполнительных комитетов (далее – облисполкомов). Учитывая, что практика создания подобных групп оправдала себя, ЦК КП(б) У стал создавать их для западных областей Украины.

Необходимо отметить, что восстановление и укрепление местных Советов западных областей республики проходили в более сложной обстановке в отличие от восточных областей.

Это характеризовалось следующими факторами: 1) экономической и политической отсталостью; 2) наличие эксплуататорских классов в лице кулачества и обострением классовой борьбы; 3) население западных областей не прошло той политической школы классовой борьбы и коммунистического воспитания, которую прошли народы СССР под руководством КП за годы Советской власти. Поэтому в сознании отдельных групп населения этих областей были еще сильны пережитки капитализма, прежде всего идеологии украинского буржуазного национализма; 4) значительная часть депутатов местных Советов, партийных и советских кадров, а также советского актива за годы войны выбыли за пределы Украины или погибли в борьбе с врагом [3, С. 36].

Это создавало дополнительные трудности по восстановлению советской власти в районах и ставило первостепенную задачу, воссоздание партийных организаций и местных Советов как органов государственной власти.

С этой целью ЦК ВКП (б) и ЦК КП (б) Украины провели большую организаторскую работу. Еще до начала освобождения западных областей республики в 1943 г. ЦК КП (б) У рассмотрел и утвердил состав обкомов партии и исполкомов областных Советов депутатов трудящихся западных областей, были созданы группы, ставшие ядром районного партийного и советского актива. Только в 1944 г. в западные области на партийную, советскую работу было направлено свыше 31 000 чел. [4].

На основании решения Пленума ЦК КП(б) У от ноября 1944 г. в Харькове были созданы трехмесячные курсы, для подго-

товки местного населения для работы в советских органах власти для западных областей Украины. При исполкомах областных Советов были созданы двухмесячные курсы подготовки кадров районного звена, а при исполкомах районных Советов десятидневные курсы и постоянно действующие семинары работников исполкомов сельских Советов.

В результате проведенных мероприятий к концу 1945 г. было подготовлено и выдвинуто на работу в областные, городские, районные, сельские и поселковые советские органы из числа местного населения: в Волынской области – 64,1 %, Львовской – 53,5 %, Ровенской – 65,8 %, Сталинской – 61,7 %, Тернопольской – 67,8 % или 28 000 чел [5, С. 456].

Практически с момента освобождения западных областей это позволило воссоздать органы Советской власти, которые незамедлительно приступили к выполнению своих функций. Например, в 1944 г. в Волынской области были утверждены исполкомы районных и городских Советов депутатов трудящихся: начали действовать 880 сельских и поселковых Советов, из них 859 сельских, пять городских и 16 поселковых. В 864 Советах были подобраны председатели сельских Советов, а в 854 – секретари. В 750 сельских и поселковых Советах были подобраны и утверждены исполкомы, куда входило 4025 человек [6, С. 240–241].

Большую роль по восстановлению государственного устройства сыграли сессии и постоянно действующие комиссии. Сразу же после освобождения во всех западных областях была проведена организационная работа по созданию постоянно действующих комиссий. Так, к концу 1945 г. во Львовской области функционировали 5 004 постоянных комиссий, в работе которых принимали участие 16 387 человек актива, в Волынской области к концу 1944 г. был создан актив в количестве свыше 20 000 чел. Общее количество низового актива в западных регионах в 1944–1945 гг. достигло 180 000 чел. Созданные комиссии проводили работу по оказанию помощи исполкомам в выполнении хозяйственных и политических задач.

Восстановление советской власти проходило в ожесточенной борьбе с украинскими буржуазными националистами, которые после освобождения территорий от оккупации организовали фашистско-националистическое подполье и путем террора и проведения антисоветской деятельности пытались срыwać мероприятия Советской власти. Основными направле-

ниями деятельности фашистско-националистического подполья были нападения на населенные пункты, подрывы помещений, уничтожение представителей Советской власти, а также их семей и активы. Так, в Волынской области к концу 1944 г. бандеровцы убили 94 представителя и секретаря сельсовета и 338 местных жителей, в основном семьи актива [7, С. 28]. Среди активистов, погибших от рук бандитов во Львовской области, 220 представителей сельсоветов и их заместителей [8].

В Волынской области на ноябрь 1944 г. в 729 сельсоветах Советская власть была организована и регламентировалась действующим на тот период советским законодательством, поэтому бандиты в этих районах с осторожностью осуществляли антисоветскую деятельность, а в 19 сельсоветах «бандеровцы» активно использовали преступные деяния против местного населения, поэтому партийные организации и Советы проводили работу по сплочению местного населения для борьбы с бандитами [9, С. 23]. При сельских Советах создавались группы охраны общественного порядка, задачей которых являлась борьба с националистическим подпольем и охрана общественного порядка в населенных пунктах. В Станиславской области в первой половине 1945 г. в 287 населенных пунктах были созданы группы охраны общественного порядка с участием в них 5 926 человек [10, С. 12].

Стоит отметить, что принимаемые меры партийными и советскими органами по борьбе с фашистско-националистическими бандами, позволили к концу 1945 г. разгромить основные их силы, что способствовало повышению политической активности местного населения и укреплению Советской власти в регионе [11, С. 83].

ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров (далее – СНК) СССР, ЦК КП(б)У и СНК УССР уделяли особое внимание западным областям Украины. Так, в частности, ЦК ВКП(б) приняло 27 сентября 1944 г. постановление «О недостатках в политической работе среди населения западных областей», где отмечалось, что «недостаток в работе парторганизаций западных областей Украины состоит в том, что они слабо развернули политическую работу вокруг мероприятий руководства страны по восстановлению советских порядков и законов на территории, освобожденной от фашистских захватчиков» [12, С. 78].

Стоит отметить, что это постановление обсуждалось на Пленуме ЦК КП(б)У в но-

ябре 1944 г., на пленумах областных комитетов партии, республиканских и областных партийных активах, на собраниях интеллигенции, рабочих и колхозников. Были созданы специальные группы докладчиков из числа руководящих партийных, советских работников, после их докладов выпускалась соответствующая литература. В вечерних партийных школах и на разнообразных курсах обучались работники партийно-советского актива, секретари первичных парторганизаций, председатели колхозов и сельских Советов.

Учитывая сложность политической обстановки в западных областях Украины, ЦК КП(б)У оказал партийным организациям этих областей дополнительную помощь кадрами. К 10 апреля 1945 г. из восточных областей в западные было направлено 49 000 руководящих партийных, советских и хозяйственных работников [13, С. 89].

В связи с обстоятельствами военного времени Президиум ВС УССР еще 30 декабря 1941 г. издал указ «Об отсрочке на год выборов в областные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся УССР и также продлил на этот же срок полномочия этих советов. Были отсрочены выборы и в Верховный Совет республики, формирование местных Советов проходило без проведения общих и прямых выборов при тайном голосовании [14].

При проведении комплекса политических, общественных, хозяйственных и специальных мер по восстановлению государственной власти в регионе имелись существенные замечания в работе советских органов. Так, в постановлении ЦК КП(б)У от 1 апреля 1944 г. «О руководящих органах местных Советов депутатов трудящихся» отмечен ряд недостатков и указано, что возобновление деятельности некоторых сельских, поселковых и городских Советов проходит с опозданием [15, С. 453]. В связи с этим ЦК КП(б)У обязал обкомы КП(б)У и исполкомы областных Советов депутатов трудящихся после освобождения одновременно организовать исполкомы районных, городских, поселковых и сельских Советов, заново утверждая их состав соответствующими партийными и советскими органами. В тех случаях, когда в сельском Совете была незначительная часть депутатов или совсем их не имелось, состав сельского Совета доизбирался или избирался на собрании избирателей, а районные, городские и поселковые Советы – на собраниях уполно-

моченных. Те, в свою очередь, избирались собраниями избирателей. Избранный таким образом состав местного Совета утверждался исполкомом вышестоящего Совета депутатов трудящихся.

Война внесла изменения в структуру и деятельность исполнительных комитетов Советов. Расширился круг вопросов, сузились коллегиальные формы работы Советов [16, С. 54]. К основным изменениям в работе Советов можно отнести: выборы не проводились, в связи с войной, многие вопросы, решавшиеся раньше коллегиально, рассматривались председателями исполкомов, руководителями отделов и управлений; не было возможности регулярно проводить сессии (правомочными признавались сессии Советов, на которых присутствовало 2/3 наличного состава депутатов); разрешалась кооптация активистов в состав исполкомов.

В годы войны произошли значительные изменения в составе исполнительных органов. Так, из 66 362 депутатов, членов исполкомов, избранных в 1939 г., выбыло в армию 24 956 человек, эвакуировалось, переехало в другие районы страны 17 659 человек.

Таким образом, из состава исполкомов местных Советов за годы войны выбыло 64,2 % депутатов, а уже по состоянию на 1 января 1945 г. состав исполкомов был укомплектован на 80,1 %. Депутаты – члены исполкомов – составляли более 50 % [17, С. 276]. Вышеизложенные статистические данные свидетельствуют о том, в кратчайшие сроки руководству страны удалось организовать работу по укомплектованию исполнительных органов власти. Этот факт, в свою очередь, способствовал стабильному функционированию органов исполнительной власти и выполнению требований советского законодательства.

Характерной особенностью в деятельности исполкомов являлось изменение их структуры в соответствии с задачами, в различные периоды войны. Создавались новые отделы, реорганизовывались ранее существовавшие. Так, в 1941–1942 гг. были созданы комиссии по эвакуации, военномобилизационные, государственного обеспечения и бытового устройства семей фронтовиков. В 1943–1945 гг. создавались бюро по учету и распределению рабочей силы, бюро по труду, отделы по культурно-просветительской работе и др. Необходимость создания новых подразделений вызвана тем, что после освобождения территории Украины наряду с вопросами, вменяемыми в обязанности Советов, приходилось решать

задачи по восстановлению разрушенного хозяйства республики [18, С. 456].

Необходимо подчеркнуть, что основная часть созданных подразделений при исполкомах местных Советов, выполнив свои функции, впоследствии расформировывались.

В годы войны под руководством исполкомов продолжали активно действовать такие массовые органы, как уличные и квартальные комитеты. Они объединяли широкие слои населения, в свободное время занимавшегося благоустройством улиц и площадей городов и сел, восстановлением коммунального хозяйства и жилищного фонда Советов. Так, в республике в середине 1944 г. насчитывалось более 1500 уличных комитетов, в работе которых участвовало более 20 000 активистов [19, С. 114].

В связи со значительным сокращением депутатов Советов большое значение имело привлечение советского актива к работе в постоянно действующих комиссиях исполкомов местных Советов. Характеризуя деятельность комиссий, следует обратить внимание на значительное сокращение числа их членов и уменьшения количества депутатов.

Наиболее важными постоянно действующими комиссиями во всех звеньях местных Советов являлись: социалистической законности и охраны общественного порядка, транспорта и связи, социального обеспечения, торговли и кооперации, коммунального хозяйства и благоустройства, народного образования или культурно-просветительская, финансово-бюджетная [20, С. 87]. Кроме того, в условиях военного времени возникли новые постоянные комиссии, например, государственного обеспечения и бытового устройства семей военнотружущихся. Общее число постоянных комиссий зависело от числа депутатов в местных Советах. Так, в сельских Советах число комиссий в среднем, равнялось пяти-шести, районных – шестью-восьмью, городских и областных Советах – от восьми-двенадцати.

Несмотря на войну, участие граждан в работе Советов характеризовалось большой активностью. В Сталинской области в 1945 г. при городских и районных Советах работало 283 постоянно действующих комиссий, в которых принимало участие свыше 10 000 человек.

Так, в республике к концу войны при исполкомах Советов создано почти 100 000 постоянно действующих комиссий, в работе которых принимали участие около

564 000 депутатов и активистов, в том числе 171 000 женщин. К январю 1945 г. в местных Советах СССР в постоянных комиссиях работало свыше 356 000 депутатов (73 % состава Советов) и свыше 1,2 млн активистов.

Значительным событием для деятельности Советов способствовала VI сессия Верховного Совета УССР первого созыва (1–4 марта 1944 г.). Сессия явилась важным фактором, который способствовал активизации деятельности местных Советов депутатов трудящихся.

Стоит отметить, что это была первая сессия Верховного Совета УССР за годы войны, наметившая важные мероприятия по дальнейшей мобилизации трудящихся на окончательный разгром врага и которая определила нормативно-правовое регламентирование мероприятий, направленных на восстановление региона.

Важное значение в восстановлении советской власти имело Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 января 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Выполняя требования постановления СНК УССР и ЦК КП (б) уже 28 августа 1943 г. провели расширенное совещание [21, С. 39], на котором рассматривались неотложные меры по восстановлению разрушенного хозяйства. Конкретные задачи по восстановлению хозяйства были указаны в Обращении правительства УССР и

ЦК КП(б) У к населению региона 6 ноября 1943 г., в день освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков.

Заключение

Таким образом, с учетом введения военного положения в стране, достаточно в короткие сроки была восстановлена советская власть в регионе, а также большими темпами шло восстановление разрушенного народного хозяйства. В период войны, с учетом временно занятых оккупантами территорий Украины, государственный аппарат претерпевал значительные изменения, но стоит отметить, что руководству страной, на освобожденных от оккупации территориях Украины, в кратчайшие сроки удалось восстановить государственные органы Советской власти.

Важно подчеркнуть, что Советское государство в мировой истории является одним из ведущих государств, которое в период ведения войны смогло организовать и обеспечить восстановление государственной власти и осуществления масштабного плана строительства и восстановления разрушенных районов.

Накопленный опыт деятельности государственных органов Советской власти по нормативно-правовому регламентированию деятельности по восстановлению государственной власти в период войны имеет также неопределимое значение и в мирное время.

Список источников

1. Войска НКВД – МГБ – МВД СССР накануне, в годы Великой Отечественной войны и в борьбе с националистическим подпольем в послевоенный период. Сборник документов и материалов: в 2 т. М. : Редакция журнала «На боевом посту» войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. 428 с.
2. Луне А. Е. Советский государственный аппарат. М. : Знание, 1972. 48 с.
3. Грошев И. И. Борьба партии против национализма. М. : Политиздат, 1974. 124 с.
4. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958. М., 1959. 754 с.
5. Сборник законов Украинской ССР и указов Президиума Верховного Совета Украинской ССР, 1938–1979: в 2 т. / сост. З. К. Калинин. Киев: Политиздат Украины. Т. 1. 1980. 740 с.
6. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: в 3 т. Киев, 1980. Т. 3. 456 с.
7. Коваль М. В. Общественно-политическая деятельность трудящихся Украинской ССР в период Великой Отечественной войны. Киев, 1977. 367 с.
8. ГАРФ, ф. 17, Оп. 44, Д. 1628. Л. 9.
9. Упоров И. В. Государственная политика СССР по борьбе с бандитизмом на бывших в оккупации советских территориях (1943–1953 гг.): монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 216 с.
10. Толкачев И. А. Руководство КПСС работой местных Советов западных районов УССР, 1944–1950 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Толкачев Иван Алексеевич. Львов, 1960. 21 с.
11. Мутигуллин А. В. Борьба с бандитизмом на Украине в годы Великой Отечественной войны, как функция обеспечения общественной безопасности советского государства // Актуальные вопросы административного законодательства: материалы всероссийского

круглого стола (Санкт-Петербург, 27 апреля. 2023 г.) / редколлегия: И. С. Назарова (пред.), В. И. Кайнов (отв. ред.). СПб.: СПВИ войск национальной гвардии, 2023. С. 79–84.

12. Трактуйев М. И. Восстановление партийных и советских органов на освобождённой территории СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. 1965. № 2. – 345 с.

13. Украинская ССР в годы Великой Отечественной войны: Хроника событий. Киев, 1985. С. 453.

14. ГАРФ, Ф. 1, Оп. 2, Д. 10. Л. 4.

15. Григоровия Д. Ф., Замлинский В. А., Немытый В. Н. Коммунистическая партия Украины в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1980. 476 с.

16. Шатилов С. П. Правоохранительная функция Советского государства в период Великой Отечественной войны (теоретический и историко-правовой аспекты): монография. Барнаул: Изд-во ААЭП, 2006. 148 с.

17. Лепешкин А. И. Советы – власть народа, 1936–1967. М., 1967. 321 с.

18. Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций (1918–1956 гг.). Киев, 1958. 725 с.

19. Власов В. А. Советский государственный аппарат. М., 1951. 345 с.

20. Дюков А. Р. Как построить украинскую державу. Абвер, украинские националисты и кровавые этнические чистки. М.: Язуз-каталог, 2019. 288 с.

21. Теория и практика западноукраинского национализма в документах НКВД, МВД и МГБ СССР: сборник документов / сост.: Н. И. Владимирцев, В. Д. Кривец, В. Ф. Некрасов [и др.]. М.: Объединенная редакция ИВД России, 2010. 512 с.

References

1. Vojska NKVD – MGB – MVD SSSR nakanune, v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i v bor'be s nacionalisticheskim podpol'em v poslevoennyj period. Sbornik dokumentov i materialov. Moscow: Redakciya zhurnalov «Na boevom postu» vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2023. (In Russ.).

2. Lune A. E. Sovetskij gosudarstvennyj apparat. Moscow: Znanie, 1972. (In Russ.).

3. Groshev I. I. Bor'ba partii protiv nacionalizma. Moscow: Politizdat, 1974. (In Russ.).

4. Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR. 1938–1958. M., 1959. (In Russ.).

5. Kalinin Z. K. (eds.) Sbornik zakonov Ukrainskoj SSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta Ukrainskoj SSR, 1938–1979. Kiev: Politizdat Ukrainy. Vol. 1. 1980. (In Russ.).

6. Sovetskaya Ukraina v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945: Dokumenty i materialy. Kiev, 1980. Vol. 3. (In Russ.).

7. Koval' M. V. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' trudyashchihsya Ukrainskoj SSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny. Kiev, 1977. (In Russ.).

8. GARF, F. 17, Op. 44, D. 1628. L. 9. (In Russ.).

9. Uporov I. V. Gosudarstvennaya politika SSSR po bor'be s banditizmom na byvshih v okkupacii sovetskikh territoriyah (1943–1953 gg.). M.: YurLitinform, 2015. (In Russ.).

10. Tolkachev I. A. Rukovodstvo KPSS rabotoj mestnyh Sovetov zapadnyh rajonov USSR, 1944–1950 gg. L'vov, 1960. (In Russ.).

11. Mutigullin A. V. I. S. Nazarova V. I. Kainov Bor'ba s banditizmom na Ukraine v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, kak funkciya obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti sovetskogo gosudarstva. In: Current issues of administrative legislation. Saint Petersburg: SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2023. S. 79–84. (In Russ.).

12. Traktuev M. I. Vosstanovlenie partiynih i sovetskikh organov na osvobodzhdyonnoj territorii SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Questions of the history of the CPSU. 1965;2. (In Russ.).

13. Ukrainskaya SSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Hronika sobytij. Kyiv, 1985. (In Russ.).

14. GARF, F. 1, Op. 2, D. 10. L. 4. (In Russ.).

15. Grigoroviya D. F., Zamlinkij V. A., Nemyatyj V. N. Kommunisticheskaya partiya Ukrainy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Kyiv, 1980. (In Russ.).

16. Shatilov S. P. Pravoohranitel'naya funkciya Sovetskogo gosudarstva v period Velikoj Otechestvennoj vojny (teoreticheskij i istoriko-pravovoj aspekty). Barnaul: Izd-vo AAEP, 2006. (In Russ.).

17. Lepeshkin A. I. Sovety – vlast' naroda, 1936–1967. Moscow, 1967. (In Russ.).

18. Kommunisticheskaya partiya Ukrainy v rezolyuciyah i resheniyah s'ezdov i konferencij (1918–1956 gg.). Kiev, 1958. (In Russ.).

19. Vlasov V. A. Sovetskij gosudarstvennyj apparat. M., 1951. (In Russ.).
20. Dyukov A. R. Kak postroit' ukrainskuyu derzhavu. Abver, ukrainskie nacionalisty i krvavye etnicheskie chistki. Moscow: Yauza-katalog, 2019. (In Russ.).
21. Vladimircsev N. I., Krivec V. D., Nekrasov V. F. Teoriya i praktika zapadnoukrainskogo nacionalizma v dokumentah NKVD, MVD i MGB SSSR: sbornik dokumentov. Moscow: Ob"edinennaya redakciya IVD Rossii, 2010. (In Russ.).

Информация об авторах

С. В. Игнатьева – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024;
одобрена после рецензирования 24.01.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

S. V. Ignatieva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 17.01.2024;
approved after reviewing 24.01.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ
НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ ТИПОЛОГИИ ЛИЦ, ИХ СОВЕРШАЮЩИХИгорь Алексеевич Антонов¹, Андрей Геннадьевич Ермаков²¹ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия² Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия¹ docantonov@yandex.ru² 600aa98@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика выявления, раскрытия и расследования серийных преступлений – убийств; представлена основанная на проведенном исследовании типология серийных убийц, которая может быть использована следователем при решении поставленных перед ним задач; определена потребность получения следователем дополнительных знаний на стыке психофизиологии и криминалистики, которые помогут ему использовать более эффективные методы раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений. В статье отдельно описаны личные черты, характеризующие серийного убийцу, а также причины и условия, способствующие формированию и обуславливающие поведение серийного убийцы – актуальная информация для эффективного выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: убийство, серийные преступления, типология серийных убийц, поведение серийного убийцы, расследование преступлений

Для цитирования: Антонов И.А., Ермаков А.Г. Особенности расследования серийных убийств на основе изучения типологии лиц, их совершающих // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 28–36. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/004.pdf>. EDN: DCVSGO.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF SERIAL MURDERS BASED
ON THE STUDY OF THE TYPOLOGY OF THE PERPETRATORSIgor A. Antonov¹, Andrey G. Ermakov²¹ Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard, Saint-Petersburg, Russia² Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia¹ docantonov@yandex.ru² 600aa98@mail.ru

Abstract. The article examines the specifics of the identification, disclosure and investigation of serial murder crimes; presents a typology of serial killers based on the research conducted, which can be used by the investigator in solving the tasks assigned to him; defines the need for the investigator to obtain additional knowledge at the junction of psychophysiology and criminology, which will help him use more effective methods of disclosure and investigation of the crimes in question. The article separately describes the personal traits that characterize a serial killer, as well as the causes and conditions that contribute to the formation and conditioning of the behavior of a serial killer – relevant information for effective detection, disclosure and investigation of crimes.

Keywords: murder, serial crimes, typology of serial killers, behavior of a serial killer, investigation of crimes

For citation: Antonov I.A., Ermakov A.G. Features of the investigation of serial murders based on the study of the typology of the perpetrators. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 28–36. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/004.pdf>. EDN: DCVSGO.

© Антонов И.А., Ермаков А.Г., 2024

Введение

Обеспечение правоохранительными органами безопасности граждан сегодня во многом зависит от эффективного противодействия совершению серийных преступлений, распространенность которых в последние годы вызывает опасение [5, 9, 10, 11, 13]. Активное применение понятия «серийное преступление» приходится на начало 90-х годов прошлого столетия. При этом его использование в наибольшей степени подходит к описанию преступлений, схожих по мотиву, способу совершения, выбору жертвы или иным объединяющим признакам [2, 8, 9, 10, 12, 15, 17, 18, 20]. Вместе с тем применение общего подхода к расследованию преступлений, аналогичных по своему психологическому содержанию, является ошибочным. И следственная практика нуждается в регулярном совершенствовании тактических приемов и методов, обеспечивающих эффективность и качество расследования рассматриваемой категории преступлений, всестороннее и полное установление обстоятельств произошедшего события [3, 4, 6, 7, 12, 19]. В свою очередь в правоприменительной практике от следователей наблюдается увеличение количества запросов на использование не только традиционных, но и нетрадиционных психологических методов, используемых при расследовании серийных преступлений, в том числе совершенных по сексуальным мотивам. Сотрудники органов предварительного следствия нуждаются в дополнительном научно-методическом обеспечении раскрытия и расследования указанной категории преступлений.

Решая эту задачу, первоначально укажем, что для понимания природы серийных преступлений необходимо рассмотреть понятие «серийный убийца», личные черты, характеризующие серийного убийцу, а также причины и условия, способствующие формированию и обуславливающие поведение серийного убийцы.

Основные положения

Итак, серийный убийца традиционно определяется как человек, который убил трех или более человек в течение более чем месяца, с перерывом («периодом охлаждения») между убийствами, мотива-

ция к убийству обычно основана на психологическом удовлетворении.

Рассматривая термин «серийный убийца», отвечая на вопрос: «Кто такой серийный убийца?», часто в сознании рождается образ человека с необычным внешним видом, со шрамом на лице, холодным и расчетливым взглядом, приводящим в ужас, и т. д. Но в большинстве случаев это обычный человек, практически никак не выделяющийся из толпы, у которого не обнаруживаются внешние признаки, позволяющие с уверенностью говорить о том, что перед вами серийный убийца – маньяк с навязчивой потребностью совершить убийство, в том числе на сексуальной почве. При этом сотрудники органов предварительного следствия и оперативных подразделений должны учитывать, что, несмотря на отсутствие внешних признаков, у таких людей обнаруживается ряд психологических особенностей, знание которых позволяет лучше понять мотив и механизм совершения преступления, сценарий поведения в ситуации совершения преступления, а также сузить круг подозреваемых и определить тактику проведения допроса (при задержании преступника) [1, 3, 6, 9, 14, 16, 18].

Среди таких психологических особенностей «серийного преступника», отличающего его от других людей, назовем следующие:

- жестокость – маниакальное стремление в причинении страдания другим, как способ компенсации своих страданий (на фоне отсутствия каких-либо внешних проявлений отмечается невозможность испытывать отрицательные или положительные чувства);

- сексуально-садистские наклонности – относятся к сексуальным девиациям, где основным мотивом является погоня за удовольствием путем запредельной стимуляции, при этом наличие проблем в сексуальной жизни является одним из основных способов реализации извращенных половых фантазий, нашедших бурное развитие в виде попытки вернуть утраченные ресурсы при перенесенном насилии (в поведении отмечается постоянная агрессия, жестокость, манипуляции, эмоциональное насилие);

- генетические проблемы (наличие близких родственников, имевших психические расстройства);
- наличие половых извращений (педофилия, геронтофилия);
- психологические травмы в детском или подростковом возрасте;
- патологическая потребность в принадлежности;
- чувство постоянного одиночества;
- дисфункциональность в отношениях.

Указанные психологические особенности личности преступника находят свое отражение в его действиях и уникальной модели поведения при совершении преступления, что должно быть использовано следователем для установления лица, его совершившего, ориентирования оперативно-го состава на его поиск и раскрытия преступления. Определенный уникальный образ действия проявляется в преступлении подобно отпечатку пальца, соответственно, знание следователем этого образа действий поможет ему в раскрытии преступления так же, как дактилоскопическая экспертиза помогает идентифицировать лицо, совершившее преступление, по следам папиллярных узоров, обнаруженных и изъятых на месте происшествия.

Детальный анализ поведения преступника, а также изучение места преступления позволяют осмыслить психологические особенности преступника и классифицировать по основаниям:

- организованный или неорганизованный тип;
- наличие психопатических или социопатических особенностей.

Рассмотрим более подробно каждое из перечисленных оснований.

Организованный тип.

Для данного типа преступников характерны следующие личностные особенности и поведенческие факторы, которые в разных ситуациях будут выделяться своим постоянством:

- высокий уровень контроля своего поведения при совершении преступления;
- контролируемое и стабильное настроение;
- просчитывание различных вариантов развития событий и взвешивание рисков (отказ от намерений удовлетворить потребность, если действия оцениваются как рискованные);
- уровень интеллектуальных способностей, как правило, выше среднего;
- при совершении преступлений отмечается методичность, креативность действий;

- длительное планирование преступлений, продуманность деталей;
- тщательное сокрытие следов, умышленное создание ложных доказательств на месте преступления для ошибочного направления расследования (продуманное противодействие раскрытию и расследованию преступления);
- не характерно совершение преступлений вблизи места работы, места проживания, а также проведения досуга;
- наличие развитой фантазии (игры воображения), реализованной в преступлении или отдельных действиях;
- подготовка почвы для совершения преступлений;
- присутствие ритуалов в действиях;
- выбор жертв из числа незнакомых лиц с определенными общими чертами (пол, возраст, рост, цвет волос, отдельные элементы в одежде), которые часто являются пусковым механизмом при совершении преступлений;
- время совершения преступления (как правило, стабильно, зависит от времени окончания работы, расписания движения транспорта и т. д.);
- место совершения преступления (несмотря на разные места, однотипность обстановки);
- модель поведения (четко прослеживается образ действия: механизм совершения, сценарий поведения);
- наличие диалога с жертвой является обязательным в сценарии поведения;
- выбор орудия (орудие преступления заранее подготовлено рядом с предполагаемым местом совершения преступления или приносит орудие с собой);
- знание и успешное владение (без эмоционального подкрепления) правилами социально-одобряемого поведения и успешное их использование при совершении преступления;
- не испытывают трудностей в межличностном взаимодействии, создавая образ комфортного и доброжелательного собеседника;
- имеют постоянного сексуального партнера;
- забирают предметы, принадлежавшие жертве (сувениры), себе на память (один из способов эмоционального переживания событий преступления);
- часто возвращаются на место преступления для того, чтобы убедиться в отсутствии каких-либо даже незначительных следов, позволяющих идентифицировать личность.

Неорганизованный убийца.

В отличие от организованного типа убийцы, для неорганизованного типа характерны следующие личностные особенности и поведенческие факторы:

- сниженный контроль своего поведения;
- уровень общего интеллектуального развития, а также социального интеллекта – снижен, ниже среднего;
- низкий уровень социальной компетентности;
- неспособность осуществлять и поддерживать социальные отношения или взаимодействия;
- не имеют постоянной работы, чаще заняты на работах низкой квалификации;
- доминирует чувство неполноценности, одиночества, отверженности;
- занимают низший социально-экономический слой общества;
- редко демонстрируют какие-либо серьезные или выраженные поведенческие или эмоциональные проблемы;
- отсутствует постоянный половой партнер; возможно наличие жены, проявляющей жестокость по отношению к мужу, занимающей доминирующую позицию с деспотичными проявлениями в отношениях; часто разведен;
- отсутствие здоровых интимных отношений увеличивают вероятность потенциальных сексуальных или садистских актов;
- большинство неорганизованных типов преступников живут в одиночестве, часто – сексуально некомпетентны (одна из причин – психотравма в детском возрасте);
- выбор места преступления ориентирован на незначительную удаленность от привычной «зоны обитания», также отмечается хаотичность выбора;
- незначительная выраженность отдельных признаков (возраст, рост, внешность, одежда) при выборе жертв;
- преступления характеризуются спонтанностью, импульсивностью действий, в том числе совершенных с особой жестокостью;
- сниженный контроль своего поведения;
- непродуманность действий, связанных с преступлением; множество улик, оставленных на месте преступления;
- путаница, хаос на месте преступления отражает характер преступников;
- характерны проявления апатии, тревожного настроения.

Смешанный убийца.

При классификации смешанного типа убийц возникают определенные трудности при идентификации как организованного или неорганизованного. Основная причина

состоит в том, что серийный убийца, подпадающий под эту классификацию, проявляет элементы как организованного, так и неорганизованного преступления. Этот тип относится к преступлениям, совершенным как минимум двумя лицами, и, хотя должно было быть какое-то планирование, но имеет место проявление непредвиденных событий, которое не позволило достичь поставленной цели.

К таковым событиям можно отнести:

- активное физическое сопротивление жертвы;
- активное вербальное сопротивление жертвы;
- пассивное физическое сопротивление жертвы;
- пассивное вербальное сопротивление жертвы;
- перерастание правонарушения в иную форму насилия;
- пристрастия к алкоголю или наркотикам (как один из способов снятия внутреннего, психического напряжения).

Необходимо отметить, что типологические свойства тех, кто совершает преступления, имеют различную степень выраженности, разнообразные сочетания. Поэтому можно говорить о промежуточных или о смешанных типах преступной личности.

Далее, прежде чем перейти к следующей, ранее указанной классификации серийных убийств, в зависимости от наличия психопатических или социопатических особенностей, требуется уделить внимание их мотивации.

Мотивация серийных убийц.

Помимо организованной и неорганизованной классификации, на наш взгляд, для понимания причин совершения неочевидных преступлений необходимо рассмотреть классификацию серийных убийц в зависимости от мотивационной составляющей. Рассмотрим следующие типы серийных убийц в зависимости от мотивации:

1. Визионерский тип – это наиболее редко встречающийся тип серийных убийц, характерной особенностью которого является стойкое нарушение психики; убийства совершают по велению голосов или по причине зрительных галлюцинаций, бреда.

2. Целеустремленный тип (миссионеры) – эти серийные убийцы считают, что их единственная обязанность – избавить общество от определенных групп населения. Выбор групп населения будет зависеть от источника полученной психотравмы: проститутки, гомосексуалисты, непослушные

дети, люди определенных национальностей, возрастные группы, пол и т. д.

3. Гедонистический тип – серийные убийцы, совершающие преступления ради получения сексуального удовлетворения или удовольствия.

По данному типу серийные убийцы делятся на две категории:

– убийца похоти – получает сексуальное удовольствие от убийства более, чем от самого полового акта; впоследствии (после убийства) реализует различные способы получения сексуального удовольствия (от мастурбации, каннибализма, расчленения, некрофилии и др.) [14].

– убийцы острых ощущений – это серийные убийцы, мотивация на свершение убийства которых обусловлена чувством возбуждения во время издевательств над жертвой на протяжении длительного времени и последующего убийства; убийства сопровождаются длительными периодами пыток и садизма (как правило, осознание факта, что жертва мертва, приводит к потере интереса к ней).

4. Тип, ориентированный на власть – серийные убийцы, получающие удовольствие от проявления власти, контроля и полного господства над своими жертвами (реальная власть, при которой жить или умереть зависит от преступника). Основной мотив – не сексуального характера, а стремление компенсировать ощущение собственной неполноценности, заставить жертву чувствовать себя беспомощной и таким образом создать ощущение полного контроля над ситуацией.

Для полного понимания направлений поиска преступника сотрудники органов предварительного следствия должны владеть знаниями об этиологии серийных убийств. Теории, рассматривающие причинность серийных убийств, объединяют в две группы:

– биологическая теория – объясняет причинность серийных убийств генетической предрасположенностью и наличием аномалий головного мозга;

– психосоциальная теория – рассматривает причинность серийных убийств с точки зрения наличия психических расстройств, детской травмы, а также негативного влияния со стороны социального окружения.

Раскроем их немного подробнее.

Биологическая теория.

Одна из форм биологического взгляда на серийных убийц фокусируется на пороках развития головного мозга, черепно-

мозговой травме или органических повреждениях. Согласно данной теории у убийц, совершающих серийные преступления, отмечаются проблемы в развитии отдельных зон мозговых структур. Минимальная дисфункция мозга, на фоне доброжелательных и нейтральных состояний, сопровождается эпизодической резкой сменой настроения, неадекватным агрессивным поведением, неуправляемой яростью, жестоким обращением и безмотивными убийствами.

Повреждение головного мозга предполагается как фактор, способствующий агрессивному поведению.

Согласно теории существует зависимость между предрасположенностью к неврологическим осложнениям (например, черепно-мозговая травма), стрессом, психотравмирующими воздействиями, и, непосредственно, совершением серийных убийств, а также прямая зависимость между факторами развития нервной системы и окружающей средой, такими как сексуальное, психологическое или физическое насилие, ведущее к склонности человека к тому, чтобы стать серийным убийцей.

Психосоциальная теория.

Исследование психосоциальной причинности серийных убийств указывает на вероятность того, что детские переживания, в частности жестокое обращение, в первую очередь со стороны матери, отсутствие отца или человека, его замещающего, одиночество, отвержение, холодность по отношению к ребенку, будут создавать почву, и в конечном итоге, даже при наличии незначительного психотравмирующего воздействия, приведут к состоянию, при котором начинающий убийца начнет совершать свои преступления.

Помимо отвержения со стороны тех, кто должен был любить и защищать, также имеют место и другие психосоциальные факторы, такие как эмоциональное и физическое унижение в детстве, пренебрежение, отказ от детей и раннее усыновление – всецело связаны с серийными убийствами [14].

Влияние жестокого обращения и пренебрежения, эмоциональное и физическое унижение, сексуальное насилие в детстве значительно увеличивают вероятность формирования серийного убийцы, в сравнении с теми детьми, которые не подвергались насилию, даже при наличии биологических предпосылок.

Рассматриваемые теории обладают не только теоретической, но и практической значимостью – они объясняют причинность совершения серийных убийств и определяют факторы, детерминирующие антисоциальное расстройство личности, которые должны учитываться при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений.

В дальнейшем, как отмечалось выше, требуется раскрыть следующую классификацию серийных убийств – в зависимости от наличия психопатических или социопатических особенностей.

Антисоциальное расстройство личности (психопатия и социопатия).

Очень часто в общественных отношениях, при оценке людей со странной манерой поведения по отношению к другим людям или какой-либо ситуации, используются такие понятия, как «Психопат» или «Социопат». В действительности это термины, которые используются для описания лиц, проявляющих признаки антисоциального расстройства личности. В этой связи необходимо отметить, что влияние характеристик антисоциального расстройства влияет на модель поведения при совершении серийных преступлений.

Психопатия и социопатия являются подгруппами антисоциального расстройства личности, имеют схожую симптоматику, а именно: отсутствие способности считаться с чувствами других окружающих людей, имеют склонность к лживости и манипулятивному поведению, а также проблемы в установлении длительных отношений с людьми. При этом также как название расстройств, их содержание имеет ряд отличий.

Признаки психопата (человек с холодным сердцем):

1. Патологическая лживость и склонность к манипуляции (опытные актеры, умеют хорошо притворяться, имитировать эмоции).
2. Отсутствие вины и сожаления (могут изображать эмоции, но не чувствуют).
3. Харизматичность и обаяние.
4. Эгоцентризм.
5. Проблемы с самооценкой.
6. Потребность в постоянном психическом напряжении.
7. Эмоциональная поверхностность, хладнокровие в поведении, контроль своих эмоций при необходимости.
8. Черствость и отсутствие совести, эмпатии.
9. Вспыльчивость и неконтролируемый гнев.

10. Расчетливость, бессердечность.

11. Склонность к планированию на несколько шагов вперед.

Практически каждый серийный убийца – психопат (хищник в человеческом облике), но не каждый психопат является убийцей.

Признаки социопата («Меня никто не жалел, и я никого жалеть не буду»). Человек с горячей головой):

1. Внешнее обаяние и очарование на фоне непредсказуемости в действиях, импульсивности, эксцентричности.

2. Манипулятивное поведение посредством формирования чувства вины и стыда, шантаж.

3. Отсутствует способность понимать чувства других людей, но при этом хорошо знают психологию человека, умеют «читать» людей.

4. Отсутствие норм морали. Паразитический образ жизни. Пренебрежение правилами поведения, установленными в обществе. Притупленное чувство ответственности вины и раскаяния за содеянное (эмпатия и сопереживание воспринимается как слабость, сила и авторитет вызывают чувство страха и уважения).

5. Сниженная способность контролировать вспышки гнева, которые могут переходить в агрессивное поведение.

6. Импульсивность, сложность в прогнозировании своих действий, и оценке возможных последствий, ориентир на сиюминутное желание.

7. Пустота и безжалостность (притупленная способность к восприятию чувств, эмоций, и для получения ощущений необходимо обязательное наличие сильных внешних стимулов: алкоголь, наркотики, различные сексуальные перверсии с выраженными садистскими наклонностями).

8. Патологическое желание лгать.

9. Способность хорошо играть эмоцию вины, стыда, раскаяния, подбирать правильные слова.

10. Непреодолимая страсть к контролю (утрата контроля порождает чувство тревоги, беспомощности).

Маска «нормальности» и ее связь с личностью серийного убийцы.

Рассматривая вопросы психологического сопровождения расследования серийных сексуальных преступлений, говоря о практике поиска серийных убийц, необходимо задаться вопросами: «Почему порой так долго не могут найти такого преступника?» и «Почему человек, который кажется всем вокруг положительным и добрым, способен на такие жестокие убийства?»

Оказывается, что такие люди способны достаточно продолжительно вести двойную жизнь. Всем вокруг такие убийцы представляются как законопослушные граждане, которые в своей жизни не способны никого обидеть. Такое восприятие маньяков носит название «Маска нормальности» и данное явление характеризуется искусственной направленностью на следование всем нормам общественных отношений и правилам проведения. Такое двойное поведение чаще всего можно наблюдать у организованных несоциальных убийц. У других типов убийц такого дуализма не заметно или он встречается крайне редко.

Итак, в чем же состоит особенность маски нормальности у маньяков убийц?

Исходя из теорий психологии личности, психика человека функционирует в трех уровнях измерениях, а именно:

- в сфере бессознательного: инстинкты;
- в сфере предсознательного: регуляция своих переживаний волевыми усилиями;
- в сфере сознательного: переживание настоящего, которое установлено обществом для порядка.

Обращаясь к влечениям, желаниям и инстинктам человека, мы сразу автоматически обращаемся к сфере бессознательного функционирования психики, однако она контролируется сферой предсознательного и находится под запретом, который формирует сознание человека, которое, защищая психику, допускает личностность к желаниям и инстинктам порционно, а в качестве защиты человек может преобразовать это в такие направления, как вытеснение и сублимация. Но в данном случае механизмы человека нормального не совпадают с механизмом функционирования психики убийцы маньяка серийника, которая не может постепенно выводить бессознательную энергию в русло незна-

чительных негативных проявлений в виде конфликтов, а выход осуществляется исключительно во время совершения убийства, отсюда вывод, что психика серийных убийц настроена на одновременный выплеск энергии.

Значит, совершив убийство, маньяк разгружает психику максимально полно и способен жить спокойно без конфликтов в обществе и семье. Серийный убийца не играет роли обычного гражданина, а преобразуется в него после совершенного преступления. Отсюда название – маска нормальности – получаемое после совершения убийства состояние разгрузки психики или покоя психики [16, 17, 18].

На основании проведенного психологического анализа серийных убийц можно заключить, что существует определенная специфика способов совершения указанными лицами преступлений, которые во многом зависят от личностных особенностей. Отсюда следовательно для эффективного раскрытия и расследования рассматриваемой категории преступлений (для должного психологического сопровождения расследования), наряду с перечисленными основаниями, оказывающими влияние на совершение преступления и объясняющими причины реализации модели и способа совершения преступления, необходимо знать психотипы личности преступников, которые наиболее часто совершают преступления, то есть по своим личностным характеристикам наиболее склонны к их совершению. Именно знания на стыке психофизиологии (лицо с учетом своих психологических и физиологических признаков выбирает способ совершения преступления) и криминалистики, позволят следовательно применить наиболее эффективные методы раскрытия и расследования серийных преступлений – убийств.

Список источников

1. Аляутдинов Д. Р. Основные приемы и правила составления психологического портрета // Юридическая психология. 2010. № 1. С. 2–4.
2. Вакуленко Н. А. Актуальные криминологические характеристики личности серийного убийцы как значимые составляющие его портрета // Юрист-Правовед. 2023. № 1 (104). С. 67–73.
3. Вантеева О. К. Методика расследования серийных убийств // Новый юридический вестник. 2017. № 1 (1). С. 96–100.
4. Гайков Д. Г. Криминалистическая характеристика преступления как результат и средство познания при расследовании // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 2014. С. 261–266.
5. Горват-Божичко В. П. Теоретический обзор классификаций серийных убийц в России и за рубежом // Мир педагогики и психологии. 2023. № 7. С. 130–133.

6. Засыпкин И. В. Особенности ведения переговоров с серийными убийцами при захвате заложников / И. В. Засыпкин, Д. В. Иванова // Вопросы совершенствования тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник научных статей. М., 2021. С. 125–129.
7. Кардашевская М. В. Проблемные вопросы структуры и классификации частных методик расследования отдельных видов преступлений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1. С. 125–130.
8. Кирюхин Д. А. Теоретические проблемы криминалистической характеристики серийных сексуальных убийств // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 61. С. 120–123.
9. Колтунова Ю. В. Изучение личности серийного убийцы в криминологии / Ю. В. Колтунова, С. Н. Безуглый // Приднепровский научный вестник. 2022. Т. 2. № 12. С. 88–93.
10. Крюкова Е. С. Криминалистический взгляд на понятие «серийное убийство» // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 2. С. 93–102.
11. Крюкова Е. С. Характеристика современного преступника и его преступной деятельности (на примере серийных убийств) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 4. С. 85–93.
12. Кузнецова В. В. Личность серийного убийцы: криминалистические и процессуальные проблемы // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 4. Ч. 2. URL: <https://human.snauka.ru/2015/04/10918> (дата обращения: 27.12.2023).
13. Оджагов Э. Н. Формирование личности серийного убийцы-миссионера / Э. Н. Оджагов, Д. А. Моисеев // Вестник науки. 2023. Т. 5. № 10 (67). С. 290–303.
14. Рогожан О. И. Психологическая характеристика маньяка // Совершенствование правовой культуры как основа становления гражданского общества современности: сборник Международной научно-практической конференции (Тюмень, 08 января 2020 года). Тюмень, 2020. С. 45–48.
15. Сасов А. В. Личность и психологический портрет серийного убийцы / А. В. Сасов, Е. А. Супруненко // Сборник научных работ серии «Право». 2022. № 4 (28). С. 214–224.
16. Сафуанов Ф. С. Сравнительный анализ различных методов составления психологического портрета предполагаемого преступника / Ф. С. Сафуанов, Е. А. Назарова // Психология и права. 2011. Т. 1. № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n3/46577 (дата обращения: 27.12.2023).
17. Селивёрстова А. Е. Криминологические особенности личности серийного убийцы // Новый юридический вестник. 2019. № 5 (12). С. 36–39.
18. Симаков В. А. Общая характеристика лиц, совершающих серийные преступления // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2013. № 4 (20). С. 103–105.
19. Сретенцев Д. Н. К вопросу о совершенствовании расследования серийных преступлений / Д. Н. Сретенцев, М. И. Бондарь // Российский следователь. 2019. № 10. С. 9–12.
20. Яблуконская А. Серийные преступления в системе преступлений против личности / А. Яблуконская, Е. Иликбаева // Норвежский журнал развития международной науки. 2021. № 62-2. С. 14–17.

References

1. Alyautdinov D. R. Basic techniques and rules for drawing up a psychological portrait. In: Yuridicheskaya psihologiya. 2010;1: 2–4. (In Russ.).
2. Vakulenko N. A. Actual criminological characteristics of the serial killer's personality as significant components of his portrait. In: Yurist"-Pravoved". 2023;1 (104): 67–73. (In Russ.).
3. Vanteeva O. K. Methods of investigation of serial murders. In: Novyj yuridicheskij vestnik. 2017;1 (1): 96–100. (In Russ.).
4. Gajkov D. G. Kriminalisticheskaya harakteristika prestupleniya kak rezul'tat i sredstvo poznaniya pri rassledovanii. In: Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie sredstva obespecheniya effektivnosti ugolovnogo sudoproizvodstva: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Irkutsk, 2014: 261–266. (In Russ.).
5. Gorvat-Bozhichko V. P. A theoretical review of the classifications of serial killers in Russia and abroad. In: Mir pedagogiki i psihologii. 2023;7: 130–133. (In Russ.).

6. Zasyppkin I. V., Ivanova D. V. Osobennosti vedeniya peregovorov s serijnymi ubijcami pri zahvate zalozhnikov. In: Voprosy sovershenstvovaniya taktiko-special'noj podgotovki sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: sbornik nauchnyh statej. Moscow, 2021: 125–129. (In Russ.).
7. Kardashevskaya M. V. Problematic Issues of Structure and Classification of Particular Methods of Investigation of Certain Types of Crimes. In: Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya. 2015;1: 125–130. (In Russ.).
8. Kiryuhin D. A. Theoretical Problems of Criminalistic Characteristics of Serial Sexual Murders. In: Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2010;61: 120–123. (In Russ.).
9. Koltunova Yu. V., Bezuglyj S. N. The study of the personality of a serial killer in criminology. In: Pridneprovskij nauchnyj vestnik. 2022. Vol. 2;12: 88–93. (In Russ.).
10. Kryukova E. S. A Forensic View of the Concept of "Serial Murder". In: Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013;2: 93–102. (In Russ.).
11. Kryukova E. S. Characteristics of the modern criminal and his criminal activity (on the example of serial murders). In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2014;4: 85–93. (In Russ.).
12. Kuznecova V. V. Serial Killer Personality: Forensic and Procedural Issues. In: Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2015.;4. Ch. 2. Available from: <https://human.snauka.ru/2015/04/10918> [Accessed 27th December 2023]. (In Russ.).
13. Odzhagov E. N., Moiseev D. A. Formation of the identity of a serial killer-missionary. In: Vestnik nauki. 2023. Vol. 5;10 (67): 290–303. (In Russ.).
14. Rogozhan O. I. Psychological characteristics of a maniac. In: Sovershenstvovanie pravovoj kul'tury kak osnova stanovleniya grazhdanskogo obshchestva sovremennosti: sbornik Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Tyumen', 08 yanvarya 2020 goda). Tyumen, 2020: 45–48. (In Russ.).
15. Sasov A. V., Suprunenko E. A. Personality and psychological portrait of a serial killer. In: Sbornik nauchnyh rabot serii «Pravo». 2022;4 (28): 214–224. (In Russ.).
16. Safuanov F. S., Nazarova E. A. Comparative analysis of various methods of compiling a psychological portrait of an alleged offender. In: Psihologiya i prava. 2011. Vol. 1;3. Available from: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n3/46577 (10918 [Accessed 27th December 2023]. (In Russ.).
17. Selivyorstova A. E. Criminological features of the personality of a serial killer. In: Novyj yuridicheskij vestnik. 2019;5 (12): 36–39. (In Russ.).
18. Simakov V. A. General characteristics of persons who commit serial crimes. In: Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 2013;4 (20): 103–105. (In Russ.).
19. Sretencev D. N., Bondar' M. I. On the Issue of Improving the Investigation of Serial Crimes. In: Rossijskij sledovatel'. 2019; 10: 9–12. (In Russ.).
20. Yablukovskaya A., Ilikbaeva E. Serial crimes in the system of crimes against the person. In: Norvezhskij zhurnal razvitiya mezhdunarodnoj nauki. 2021;62-2: 14–17. (In Russ.).

Информация об авторах

И. А. Антонов – доктор юридических наук, профессор
А. Г. Ермаков – кандидат педагогических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024;
одобрена после рецензирования 26.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

I. A. Antonov – Doctor of Sciences (Law), Professor
A. G. Ermakov – Candidate of Sciences (Pedagogy)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 09.02.2024;
approved after reviewing 26.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 343.985.3

EDN: JMFTKY

ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 174 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И 174.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иван Иванович Иванов¹, Александр Юрьевич Чудаков²

^{1, 2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии,
Санкт-Петербург, Россия

¹ ivanov_ivan70@mail.ru

² chief.chudakow@yandex.ru

Аннотация. Анализируются взгляды отечественных специалистов на проблемы раскрытия и расследования фактов легализации преступных доходов. Сформулированы предложения по оптимизации деятельности органов государственной власти в указанной сфере деятельности.

Ключевые слова: противодействие легализации преступных доходов, взаимодействие следователей с оперативными сотрудниками и иными субъектами противодействия легализации преступных доходов

Для цитирования: Иванов И.И., Чудаков А.Ю. Проблемы раскрытия, расследования и предупреждения, преступлений, предусмотренных ст. 174 Уголовного кодекса Российской Федерации и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 37–48. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/005.pdf>. EDN: JMFTKY.

Original article

PROBLEMS OF DISCLOSURE, INVESTIGATION AND PREVENTION OF CRIMES UNDER ARTICLE 174
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND 174.1 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ivan I. Ivanov¹, Alexander Yu. Chudakov²

^{1, 2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg,
Russia

¹ ivanov_ivan70@mail.ru

² chief.chudakow@yandex.ru

Abstract. In the content of the scientific article, the authors analyzed the views of domestic experts on the problems of disclosure and investigation of the facts of money laundering. We formulated proposals to optimize the activities of public authorities in this field of activity.

Keywords: countering the legalization of criminal proceeds, the interaction of investigators with the bodies of inquiry and other subjects of countering the legalization of criminal proceeds

For citation: Ivanov I.I., Chudakov A. Yu. Problems of disclosure, investigation and prevention of crimes under Article 174 of the Criminal Code Of the Russian Federation and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 37–48. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/005.pdf>. EDN: JMFTKY.

© Иванов И.И., Чудаков А.Ю., 2024

Введение

Актуальность темы данного исследования обоснована тем, что вопросы борьбы с легализацией преступных доходов изучаются многими юридическими науками. Необходимость осуществления такой деятельно-

сти связана с неудовлетворительным состоянием в сфере раскрытия, расследования и предупреждения указанных преступлений. Изучив теоретические работы современных ученых и судебно-следственную практику, авторы предлагают пути решения проблем

в рассматриваемой сфере правоохранительной деятельности.

Основные положения

Проблемы профилактики легализации преступных доходов связаны с определенной сложностью доказывания вины конкретных лиц в уголовном судопроизводстве. Именно количество раскрытых преступлений сегодня является основным показателем способности государства осуществлять предупреждение преступлений, предусмотренных ст. 174 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и 174.1 УК РФ.

Методы

При подготовке и написании работы авторами изучались и анализировались нормативно-правовые и управленческие судебные акты, судебнo-следственная практика правоохранительных органов и судебной системы Российской Федерации, анализировалось содержание теоретических работ отечественных специалистов.

Результаты

В настоящее время в Российской Федерации учеными юристами активно проводятся исследования проблем предупреждения легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, приобретенного преступным путем.

Правовые основы борьбы с указанными преступлениями содержатся в Особенной части УК РФ и иных нормативных актах [8; 16; 23; 38; 39; 41; 42].

За январь-октябрь 2023 года правоохранительными органами Российской Федерации было выявлено 817 фактов преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ и ст. 174.1 УК РФ. Из них сотрудниками органов внутренних дел было выявлено 745 фактов их совершения. Таким образом, число фактов совершения подобного рода преступных деяний выросло на 6,5 %, а выявления их сотрудниками – на 20,9 %.

За этот же период в судах общей юрисдикции Российской Федерации были вынесены обвинительные приговоры лишь в отношении 6 подсудимых.

Налицо имеется явное несоответствие между количеством зарегистрированных преступлений, выявляемых и расследуемых ежегодно сотрудниками правоохранительных органов, и числом осужденных.

Решить данную проблему необходимо на основе повышения качества организации процессуально-правового сотрудничества следственных органов с органами, занимающимися оперативно-розыскной

деятельностью (ОРД), и другими участниками уголовного процесса [12; 30; 33].

Судебная власть сформировала достаточно ясные и понятные практические рекомендации для судов общей юрисдикции относительно специфических особенностей рассмотрения и разрешения таких уголовных дел.

Суды общей юрисдикции следуют рекомендациям Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 07 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств и иного имущества, приобретенного преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» [1].

Практика свидетельствует о том, что преступления, квалифицируемые по ст. 174 УК РФ и ст. 174.1 УК РФ, совершаются в реальной совокупности с предикатными преступлениями; довольно часто способы их совершения носят сложный, замаскированный характер.

С момента получения оперативной информации о конкретной преступной деятельности основным способом выявления случаев легализации (отмывания) доходов, полученных незаконным путем, является немедленное начало ведения оперативно-го учета.

В зависимости от условий осуществления ОРД, в некоторых случаях используется оперативно-розыскное мероприятие – оперативное внедрение, как способ получения информации о конкретной противоправной деятельности, которое часто сопряжено с известным риском для безопасности сотрудника правоохранительного органа, непосредственно участвующего в его реализации, и определенными сложностями в дальнейшей легализации в уголовном судопроизводстве оперативной информации, полученной указанным способом [4; 19, С. 115–127; 21; 22; 25, С. 99, 128–130; 28, С. 34, 47–48; 36, С. 333–335].

Однако на стадии возбуждения уголовного дела возможности своевременного получения информации, содержащей банковскую, коммерческую или иную охраняемую законом тайну, существенным образом ограничены.

В данной ситуации самым ценным источником конфиденциальной информации о методах подготовки, осуществления и утаивания фактов легализации (отмывания) денежных средств или другого имущества, полученного преступным образом, о лицах, совершивших преступления,

являются данные, полученные от территориальных подразделений Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации (Росфинмониторинга). Также ценным источником информации является применение нового оперативно-розыскного метода «получение компьютерной информации» [5; 6; 7; 20].

Результаты финансовых расследований, проводимых подразделениями Росфинмониторинга по запросам органов дознания, позволяют своевременно получать информацию ориентирующего характера о месте, времени, способах, средствах подготовки, совершения и сокрытия преступлений.

В ходе осуществления финансовых расследований сотрудники подразделений Росфинмониторинга в установленном законом порядке оперативно используют:

- конфиденциальную информацию, поступающую в порядке обмена от компетентных органов иностранных государств;
- информационные базы кредитно-финансовых организаций (в том числе данных об электронных адресах, с которых осуществлялось управление банковскими счетами);
- информационные массивы органов государственной власти и управления, коммерческих структур и иные многочисленные источники.

«Инструкция по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем», утвержденная совместным приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Росфинмониторинга, МВД России, ФСБ России, ФТС России, Следственного комитета Российской Федерации от 21.08.2018 г. № 511/244/541/433/1313/80, определяет правила взаимодействия в информационной сфере [2].

Структура финансового расследования, проводимого по соответствующим запросам органов дознания, в самом общем виде состоит из следующих этапов:

- предпроверочные мероприятия;
- финансовое расследование;
- информационное сопровождение материалов финансового расследования, направленных в органы дознания [37].

По завершении финансового расследования уполномоченный сотрудник подразделения Росфинмониторинга оформляет его итоги информационной справкой, которую направляет инициатору запроса. Изложенная в справке информация ана-

лизируется оперативными работниками органов дознания.

Эксперты утверждают, что основаниями для возбуждения уголовного дела по фактам отмывания преступных доходов являются:

- обнаружение предикатного преступления, в результате которого деньгам или другому имуществу придается статус преступного происхождения;
- имеющаяся информация о намеренной легализации денег или иного имущества с преступным происхождением и об активных действиях лица для легализации средств;
- получение достаточных данных, указывающих на признаки отмывания денег или другого имущества, полученного преступным путем;
- выявление участников совершения преступлений, установление их финансового положения, роли каждого в происшествии;
- на основе проведенной проверки были установлены схемы преступной деятельности, связанной с легализацией денежных средств или иного имущества;
- были выявлены и задокументированы достаточное количество случаев преступной деятельности лиц, подозреваемых в легализации денег или имущества, полученного преступным путем;
- проверены данные, которые будут использованы при возбуждении уголовного дела, и не было найдено обстоятельств, исключающих возбуждение дела и привлечение подозреваемых к уголовной ответственности;
- был определен перечень материалов, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, которые можно использовать в ходе расследования уголовного дела [29].

Далее материалы проверки в соответствии с «Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», утвержденной Приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 г., подлежат направлению следователю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела [3].

После вынесения постановления руководителем органа, осуществляющего ОРД, о рассекречивании и направлении соответствующих материалов следователю в распоряжение органов предварительного расследования передаются документы и

предметы, полученные в процессе осуществления ОРД в точном соответствии с требованиями законности [11].

Так, сведения об объективных и субъективных признаках преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ и ст. 174.1 УК РФ, могут быть зафиксированы в материалах дела оперативного учета в содержании:

- рапорта об обнаружении признаков преступления;
- информации, полученной от конкретных лиц в результате проведения оперативных опросов;
- справок о наличии судимости лиц, причастных к легализации преступных доходов;
- актов исследования предметов и документов;
- актов наблюдения;
- актов обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;
- магнитных носителей с аудиозаписями телефонных переговоров;
- магнитных носителей с данными, полученными с технических каналов связи;
- магнитных носителей с полученной компьютерной информацией;
- отчетов о результатах финансового анализа, проведенного по запросам органа дознания с использованием соответствующих подразделений Росфинмониторинга;
- фотографий, видеоматериалов, полученных в результате оперативно-технических мероприятий и других документов.

Именно с возбуждения уголовного дела начинается полномасштабное расследование предикатных преступлений и последующих им фактов легализации преступных доходов. В идеальной ситуации материалы ОРД должны давать следователю достоверную информацию об объективных и субъективных признаках конкретной преступной деятельности [13; 17; 18; 24; 26; 31].

В юридической практике, к сожалению, все не так однозначно. Следственные ситуации (условия, в которых осуществляется расследование указанных преступлений) вынуждают органы предварительного расследования вносить постоянные коррективы в программы осуществления следственной деятельности.

В идеальном варианте в результате совместной, кропотливой работы органа дознания во взаимодействии со следователем инициируется следственная ситуация профилактического характера (при которой создаются благоприятные условия для получения информации доказательственного характера по уголовному делу).

Подозреваемые задержаны. Дают показания о совершении предикатных преступлений и последующих фактов легализации преступных доходов.

В практике, конечно же, чаще имеют место случаи, когда подозреваемый задержан, но отрицает связь с легализацией преступных доходов, или уголовное дело выделено из другого уголовного дела о предикатных преступлениях. В таких ситуациях возникают серьезные проблемы в доказывании вины конкретных лиц.

Эксперты в области расследования преступлений обычно выделяют три этапа в исследовании процесса легализации преступных доходов.

На первом этапе следователи и оперативные сотрудники органов дознания обычно проводят:

- следственные мероприятия и оперативно-розыскные мероприятия с целью установления факта отмывания незаконных доходов, определения характера и содержания финансовых операций, через которые осуществляется процесс легализации – изъятие документов, имеющих отношение к отмыванию, в ходе выемок и обысков;
- изъятие документов, связанных с процессом легализации, во время обысков и изъятий;
- анализ изъятых документов в ходе следственного осмотра;
- проведение ревизий и проверок под надзором контрольно-ревизионных органов;
- изъятие и арест денежных средств и имущества, полученных незаконным путем, и пресечение дальнейшей легализации;
- запрос информации о финансовом положении и деятельности лиц, связанных с отмыванием денег, из налоговых органов, деклараций о доходах и бухгалтерской отчетности;
- запросы в Росфинмониторинг относительно сомнительных операций лиц, подозреваемых в незаконной деятельности, и организаций, участвующих в расследовании;
- получение информации о банковских счетах, недвижимости и валютных операциях;
- оперативно-розыскные мероприятия для выявления исхода противоправных доходов, механизмов их отмывания, а также опрос свидетелей [40].

Личный обыск осуществляется непосредственно после задержания подозреваемого в соответствии со статьей 93 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с целью обнаружения и изъятия материалов и документов, подтверждающих совершение преступлений-предикатов и

последующего отмыывания преступных доходов. Используя фактор внезапности задержания, нужно незамедлительно провести первоначальный допрос подозреваемого, в ходе которого детально зафиксировать его показания об обстоятельствах совершения конкретных преступлений.

Если подозреваемый отказался от дачи показаний в порядке ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), то задача следователя на первоначальном этапе расследования сводится к установлению и допросу в качестве свидетелей (потерпевших) лиц, осведомленных о фактах совершения предикатных преступлений и (или) последующей легализации преступных доходов.

При производстве обыска в порядке ст. 182 УПК РФ задача следователя и оперативных работников органов дознания сводится к быстрому поиску и изъятию конкретных финансовых документов и предметов, подтверждающих легализацию материальных ценностей, полученных в результате совершения преступлений.

Изъятию подлежат электронные карты платежных систем, записные книжки участников преступной группы, содержащие информацию о движении денежных средств.

Тщательное внимание следует также обращать на поиск и своевременное изъятие компьютерной техники, мобильных телефонов, съемных магнитных носителей, содержащих информацию о конкретной преступной деятельности.

Производство выемки в порядке ст. 183 УПК РФ тоже имеет свою специфику. Прежде чем принять решение о производстве выемки документов, о возможных действиях подозреваемых (обвиняемых) по легализации преступных доходов, известных из содержания протоколов первоначальных следственных действий, материалов оперативно-розыскной деятельности следователю необходимо проконсультироваться со специалистами – экономистами экспертно-криминалистических подразделений о технологиях финансово-хозяйственных операций с целью правильного определения места нахождения, перечня предметов и документов, подлежащих изъятию.

Следственный осмотр предметов и документов в порядке ст. 177 УПК РФ, содержащих сведения о финансово-хозяйственных операциях подозреваемых (обвиняемых) по легализации преступных

доходов, также целесообразно проводить с участием лиц, обладающих специальными знаниями в экономической сфере.

Важнейшей задачей при расследовании фактов легализации преступных доходов является возмещение вреда, причиненного преступлением физическими и юридическим лицам. Здесь основное внимание следователя и оперативных работников органов дознания должно быть сосредоточено на установлении и аресте имущества, полученного преступным путем.

Изъятие и арест материальных ценностей тоже требуют значительного количества времени. Указанные денежные средства и имущество на основании ст. 177 УПК РФ также подлежат следственному осмотру и признанию вещественными доказательствами.

Особое значение в своевременном обнаружении, быстром и полном раскрытии дел о легализации преступных доходов имеет уровень организации взаимодействия следователя с сотрудниками подразделений Росфинмониторинга, представителями контрольно-ревизионных органов и иными лицами, участвующими в досудебном производстве.

На втором этапе расследования фактов легализации преступных доходов следователь осуществляет:

- осуществление допросов установленных свидетелей, проведение очных ставок, опознаний и т. д.;

- приобщение к делу материалов, содержащих точные суммы финансовых транзакций и сделок, необходимых выписок из законодательных актов, которые определяют минимальную заработную плату на момент совершения операции или сделки;

- определение объема и временного интервала получения дохода в форме денежных средств от преступной деятельности, времени их легализации, а также дохода от законной деятельности (если такая имела место быть);

- определение способа легализации, документации или других записей, подтверждающих факт легализации;

- в зависимости от объема – привлечение профессионала либо назначение проверки или судебно-бухгалтерской экспертизы;

- тщательное установление обстоятельств, описывающих личностную сторону преступления [40].

Планируя производство дополнительных допросов, проведение очных ставок, сле-

дователь должен определиться с порядком использования в ходе следственных действий документов и иных доказательств, подтверждающих причастность лица к совершению указанных преступлений. Если участник преступной группы ранее дал признательные показания о причастности лица к преступлению, то следователь принимает решение о производстве очной ставки в порядке ст. 192 УПК РФ в том случае, если уверен, что показания соучастника правдивые и будут подтверждены в ходе следственного действия.

Легализация преступных доходов всегда совершается только с прямым умыслом. Установление признаков субъективной стороны преступления необходимо осуществлять посредством своевременного процессуального оформления (легализации) в уголовном деле материалов оперативно-розыскной деятельности (магнитных носителей с записями прослушивания телефонных переговоров; магнитных носителей с информацией, снятой с технических каналов связи; магнитных носителей с полученной компьютерной информацией).

Так, например, магнитные носители с записями прослушивания телефонных переговоров (разрешенного судом), содержащие информацию о субъективной стороне преступления, поступившие из органа дознания в распоряжение следователя, осматриваются и прослушиваются с соблюдением требований ст. 81 и 177 УПК РФ. В ходе осмотра составляется и фиксируется в протоколе следственного действия фонограмма о содержании телефонных переговоров. Далее следователь в порядке ст. 202 УПК РФ получает образцы голоса конкретного обвиняемого для сравнительного исследования и назначает судебную фоноскопическую экспертизу в соответствующее экспертное учреждение (центр речевых технологий) для идентификации лица, совершившего преступление.

Магнитные носители с информацией, снятой с технических каналов связи, и полученной компьютерной информацией (в соответствии судебным решением) аналогичным образом осматриваются следователем с соблюдением положений ст. 81 и 177 УПК РФ (при необходимости с участием специалиста). Содержание информации фиксируется в протоколах следственных действий и используется в дальнейшем в доказывании субъективной стороны легализации преступных доходов.

Назначение судебно-бухгалтерских экспертиз в порядке ст. 195 УПК РФ также

необходимо производить после соответствующих консультаций со специалистами в сфере экономической деятельности. Следователю при вынесении постановления о назначении экспертизы важно поставить эксперту правильные вопросы, на которые он сможет дать ответы в пределах своей компетенции (специализации) и своевременно представить для проведения экспертного исследования все необходимые в предметы и документы.

Результат расследования на данном этапе зависит от того, насколько профессионально следователь разбирается в тактических особенностях использования специальных знаний в установлении способов подготовки, совершения и сокрытия фактов легализации преступных доходов и признаков субъективной стороны указанного преступления.

На заключительном этапе расследования важно:

- оценить юридические аспекты действий виновных (квалификация);
- привлечь лиц в качестве обвиняемых, провести детальные допросы по всем обвинениям, устроить очные ставки, ознакомить с результатами экспертиз, рассмотреть ходатайства;
- проверить аргументы, выдвинутые обвиняемыми для своей защиты. Следователь должен поддерживать постоянное взаимодействие с органами дознания, давать им указания в соответствии со статьей 38 УПК России и следить за своевременным исполнением поручений [40].

Следователь обязан постоянно взаимодействовать с органами дознания, давать им поручения в порядке ст. 38 УПК РФ, контролировать их своевременное исполнение.

Юридическая квалификация преступлений предполагает установление следователем наличия (отсутствия) в совершенном посятельстве признаков преступлений. Судебно-следственная практика отражает своеобразные тенденции и закономерности в сфере противодействия указанному виду преступной деятельности. Статистика выявляемых ежегодно преступлений свидетельствует о сотнях фактов выявленных преступлений. Судебная практика представляет совершенно иную картину. По итогам судебного разбирательства подсудимые в подавляющем большинстве признаются виновными в совершении предикатных преступлений и довольно часто оправдываются по фактам легализации преступных доходов.

Вероятно, такая ситуация будет сохраняться и дальше, поскольку никаких правовых последствий за ошибки в квалификации преступлений следователи, как представители органов исполнительной власти, не несут. Реальные результаты рассмотрения уголовных дел указанной категории оставляют желать лучшего. Остается только надеяться, что органы государственной власти когда-нибудь обратят внимание на это явление и исправят ситуацию.

И, наконец, еще одной насущной проблемой, препятствующей созданию эффективных средств и методов борьбы с легализацией преступных доходов, является слабое знание следователями, оперативными работниками органов дознания, специалистами и экспертами научных основ превентивной деятельности, осуществляемой в ходе раскрытия и расследования преступлений. Очень важно не допустить совершения любого преступления [9; 10; 14; 15; 27; 32; 34; 35, С. 540–562].

Именно количество раскрытых преступлений должно стать главным критерием оценки деятельности следователей, оперативных работников органов дознания, специалистов и экспертов в их способности осуществлять предупреждение фактов легализации преступных доходов. Раскрытие и расследование преступлений является самостоятельным видом предупреждения преступности.

Выводы

Таким образом, ежегодно сотрудниками правоохранительных органов выявляются многочисленные факты легализации преступных доходов. Однако доказать вину подсудимых в суде по данным преступлениям часто не представляется возможным. Значительное количество обвиняемых по

уголовным делам о таких преступлениях оправдываются судами (с признанием права на последующую реабилитацию).

Причины сложившейся ситуации можно объяснить сложностью доказывания фактов легализации преступных доходов, часто совершающихся в условиях неочевидности, с использованием современных цифровых технологий, сложившейся практикой квалификации преступлений, когда следователи, при отсутствии в материалах уголовного дела доказательств об объективных и субъективных признаках легализации преступных доходов, дополнительно инкриминируют обвиняемым совершение указанных преступлений без достаточных к тому оснований. Никаких правовых последствий для следователей в случаях установления таких фактов в ходе судебного разбирательства не предусмотрено.

Преодоление указанных недостатков в сфере уголовно-правового противодействия данным преступлениям может быть реализовано посредством оптимизации организационных основ взаимодействия следователей с оперативными работниками, сотрудниками подразделений Росфинмониторинга, специалистами и экспертами, участвующими в производстве по уголовным делам.

Количество раскрытых преступлений должно стать главным критерием оценки деятельности следователей, оперативных работников органов дознания, специалистов и экспертов в их способности осуществлять предупреждение фактов легализации преступных доходов. Раскрытие и расследование преступлений является самостоятельным видом предупреждения преступности.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 07 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств и иного имущества, приобретенного преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета. 2015. 13 июля.
2. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Росфинмониторинга, МВД России, ФСБ России, ФТС России, Следственного комитета Российской Федерации от 21.08.2018 г. № 511/244/541/433/1313/80 «Об утверждении инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем». URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Genprokuratury-Rossii-N-511,-Rosfinmonitoringa-N-244,-MVD-Rossii-N-541,-FSB-Rossii-N-433,-FTS/> (дата обращения: 27.12.2023).
3. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления

результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. 2013. 13 декабря.

4. Абдуллаева Н. Д. Оперативное внедрение в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Абдуллаева Наргиз Джаббаровна. Иркутск, 2007. 22 с.

5. Алексанин А. С. Соблюдение конституционных прав человека и их ограничение в ходе получения компьютерной информации // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / отв. ред. Н. В. Ямалетдинова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 3–10.

6. Алексанин А. С. Введено новое оперативно-розыскное мероприятие: «получение компьютерной информации» / А. С. Алексанин, С. И. Захарцев // Мир политики и социологии. 2019. № 5. С. 145–149.

7. Алексанин А. С. Права человека и оперативно-розыскное мероприятие, связанное с получением компьютерной информации / А. С. Алексанин, С. И. Захарцев // Мир политики и социологии. 2016. № 12. С. 131–137.

8. Алимханова Е. С. Актуальные проблемы расследования преступлений, связанных с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 12. С. 111–115.

9. Бабушкин А. А. Оперативно-розыскной контроль органов внутренних дел за лицами, склонными к совершению преступлений, как одно из направлений оперативно-розыскного обеспечения профилактики преступлений // Оперативно-розыскная деятельность и современность: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2022. С. 102–115.

10. Бастрыкин А. И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 5–12.

11. Бастрыкин А. И. Законность – главное в использовании результатов ОРД в уголовном судопроизводстве / А. И. Бастрыкин, В. М. Егоршин, С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Процессуально-правовые особенности взаимодействия следственных органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: сборник материалов Международного научно-практического круглого стола (Санкт-Петербург, 22 октября 2021 года) / под общ. ред. И. А. Антонова, М. Р. Глушкова. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 7–45.

12. Безрядин В. И. О некоторых проблемах координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью / В. И. Безрядин, П. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2012. № 11. С. 55–71.

13. Быкова Е. Г. К вопросу об указании на результаты оперативно-розыскной деятельности как доказательства в разрезе современной судебной практики / Е. Г. Быкова, А. А. Казаков // Процессуально-правовые особенности взаимодействия следственных органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: сборник материалов Международного научно-практического круглого стола (Санкт-Петербург, 22 октября 2021 года) / под общ. ред. И. А. Антонова, М. Р. Глушкова. СПб.: Санкт-Петербургская академия следственного комитета, 2022. С. 46–53.

14. Виноградова Е. В. Профилактика преступности: от концепта к конструкту / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 3. С. 111–119.

15. Винокуров С. И. Предупреждение преступности: основные характеристики понятия // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 3. С. 38–42. DOI 10.542117/2411-1627.2021.33.3.004.

16. Волеводз А. Г. Финансовые механизмы легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, связанные с их переводом за границу // Банковское право. 2012. № 3. С. 64–77.

17. Гаврилов Б. Я. Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: pro et contra // Оперативно-розыскная деятельность и современность: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2022. С. 37–45.

18. Гаврилов Б. Я. Позволяют ли нормы УПК использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве? // Процессуально-правовые особенности

взаимодействия следственных органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: сборник материалов Международного научно-практического круглого стола (Санкт-Петербург, 22 октября 2021 года) / под общ. ред. И. А. Антонова, М. Р. Глушкова. СПб. : Санкт-Петербургская академия следственного комитета, 2022. С. 54–64.

19. Егоршин В. М. Прорвемся, опера... Из практики раскрытия тяжких преступлений. СПб. : Юридический центр, 2004. 608 с.

20. Захарцев С. И. Получение компьютерной информации и уголовный процесс / С. И. Захарцев, А. С. Алексанин // Верховенство права и национальные интересы России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 30 ноября 2018 г.) / отв. ред. Г. М. Азнагулова. В 2 ч. Ч. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 41–50.

21. Захарцев С. И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография / С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенко, В. П. Сальников. М. : Норма, 2015. 400 с. DOI: 10.17513/np.469.

22. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: монография / С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенко, В. П. Сальников. СПб. : Фонд «Университет», 2006. 320 с. Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности. DOI: 10.17513/np.506.

23. Зубков В. А. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма / В. А. Зубков, С. К. Осипов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Спецкнига, 2007. 752 с.

24. Каширин Р. М. К вопросу о применении оперативными сотрудниками положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Процессуально-правовые особенности взаимодействия следственных органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: сборник материалов Международного научно-практического круглого стола (Санкт-Петербург, 22 октября 2021 года) / под общ. ред. И. А. Антонова, М. Р. Глушкова. СПб. : Санкт-Петербургская академия следственного комитета, 2022. 198 с.

25. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В. С. Овчинского. М. : Норма: ИНФРА-М, 2023. 488 с. DOI 10.12737/1842505.

26. Красильников А. В. Некоторые проблемы исполнения поручений следователя о производстве оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий // Процессуально-правовые особенности взаимодействия следственных органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: сборник материалов Международного научно-практического круглого стола (Санкт-Петербург, 22 октября 2021 года) / под общ. ред. И. А. Антонова, М. Р. Глушкова. СПб. : Санкт-Петербургская академия следственного комитета, 2022. С. 101–110.

27. Маджидзода Д. З. Профилактика преступлений: общесоциальный срез // Мир политики и социологии. 2016. № 8. С. 164–174.

28. Оперативно-розыскная деятельность: научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А. И. Бастрыкин, В. М. Егоршин, С. И. Захарцев [и др.]; под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Юрлитинформ, 2020. 280 с.

29. Похлебаев И. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в расследовании преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем / И. В. Похлебаев, Е. В. Горкина // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26). С. 76–84.

30. Процессуально-правовые особенности взаимодействия следственных органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: сборник материалов Международного научно-практического круглого стола (Санкт-Петербург, 22 октября 2021 года) / под общ. ред. И. А. Антонова, М. Р. Глушкова. СПб. : Санкт-Петербургская академия следственного комитета, 2022. 198 с.

31. Рохлин В. И. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: проблемы взаимодействия: рецензия на монографию: С. И. Захарцев, О. А. Чабукиани «Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение» (СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010. 268 с.) // Правовое поле современной экономики. 2013. № 11. С. 190–195.

32. Сальников В. П. Преступления, которых могло не быть / В. П. Сальников, С. И. Захарцев // Защита и безопасность. 2020. № 4(95). С. 30–31.

33. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: правовая основа и правоприменительная практика: монография / А. С. Алексанин, И. А. Антонов,

С. И. Захарцев [и др.]; под общ. ред. С. И. Захарцева, В. П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. 315 с.

34. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества: монография / П. В. Агапов [и др.]; под общ. ред. Р. В. Жубрина; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М.: Проспект, 2016. 655 с.

35. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. 5-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2021. 795 с. (Высшее образование: Бакалавриат). DOI 10.12737/1199941.

36. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. 5-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2021. 795 с. (Высшее образование: Бакалавриат). DOI 10.12737/1199941.

37. Тисен О. Н. Использование результатов деятельности Росфинмониторинга в уголовном судопроизводстве / О. Н. Тисен, А. В. Гриненко // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 4. С. 492–504.

38. Туаев М. Р., СомиК К. В. Легализация доходов, полученных преступным путем, как угроза финансовой безопасности России // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 9. С. 159–162.

39. Туаев М. Р. Особенности системы мер по противодействию попыток легализации преступных доходов / М. Р. Туаев, К. В. СомиК // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 8. С. 162–165.

40. Тынянская О. А. Проблемные вопросы и особенности расследования легализации (отмывания) преступных доходов // Научный портал МВД России. 2009. № 3. С. 95–101.

41. Шалумов А. Б. Использование информационных технологий для выявления и пресечения легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 10. С. 46–55.

42. Шалумов А. Б. Роль международных организаций в борьбе с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 11. С. 160–168.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 7, 2015 No. 32 "On Judicial Practice in Cases of Legalization (Laundering) of Money and Other Property Acquired by Criminal Means, and on the Acquisition or Sale of Property Knowingly Obtained by Criminal Means". In: Rossijskaya gazeta. 2015. 13 iyulya. (In Russ.).

2. Prikaz General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, Rosfinmonitoringa, MVD Rossii, FSB Rossii, FTS Rossii, Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii ot 21.08.2018 g. № 511/244/541/433/1313/80 «Ob utverzhdenii instrukcii po organizacii informacionnogo vzaimodejstviya v sfere protivodejstviya legalizacii (otmyvaniyu) denezhnyh sredstv ili inogo imushchestva, poluchennyh prestupnym putem». Available from: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Genprokuratury-Rossii-N-511,-Rosfinmonitoringa-N-244,-MVD-Rossii-N-541,-FSB-Rossii-N-433,-FTS/> [Accessed 27th December 2023]. (In Russ.).

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 776, Ministry of Defense of Russia No. 703, FSB of Russia No. 509, FSO of Russia No. 507, FCS of Russia No. 1820, Foreign Intelligence Service of Russia No. 42, Federal Penitentiary Service of Russia No. 535, Federal Drug Control Service of Russia No. 398, Investigative Committee of Russia No. 68 of 27.09.2013 "On Approval of the Instruction on the Procedure for Submitting the Results of Operational-Search Activities to the Body of Inquiry, Investigator or Court". In: Rossijskaya gazeta. 2013. 13 dekabrya. (In Russ.).

4. Abdullaeva N. D. Operativnoe vnedrenie v deyatel'nosti operativnyh podrazdelenij organov vnutrennih del. Irkutsk, 2007. (In Russ.).

5. Aleksanin A. S., Yamaletdinova N. V. Soblyudenie konstitucionnyh prav cheloveka i ih ogranichenie v hode polucheniya komp'yuternoj informacii. In: Popravki k Konstitucii Rossijskoj Federacii i perspektivy razvitiya regional'nogo zakonodatel'stva. Ufa: RIC BashGU, 2021: 3–10. (In Russ.).

6. Aleksanin A. S., Zaharcev S. I. A new operational-search measure has been introduced: "obtaining computer information". In: Mir politiki i sociologii. 2019;5: 145–149. (In Russ.).

7. Aleksanin A. S., Zaharcev S. I. Human Rights and Operational-Search Activities Related to the Acquisition of Computer Information. In: Mir politiki i sociologii. 2016;12: 131–137. (In Russ.).

8. Alimhanova E. S. Topical Problems of Investigation of Crimes Related to Money Laundering and Financing of Terrorism. In: *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2023;12: 111–115. (In Russ.).
9. Babushkin A. A., Ovchinskij V. S. Operativno-rozysknoj kontrol' organov vnutrennih del za licami, sklonnymi k soversheniyu prestuplenij, kak odno iz napravlenij operativno-rozysknogo obespecheniya profilaktiki prestuplenij. In: *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i sovremennost': sbornik nauchnyh trudov*. Moscow: INFRA-M, 2022: 102–115. (In Russ.).
10. Bastrykin A. I. Crimes Against Minors in the Internet Space: On the Issue of Victimological Prevention and Criminal Law Assessment. In: *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2017. Vol. 11;1: 5–12. (In Russ.).
11. Bastrykin A. I., Egorshin V. M., Zaharcev S. I., Sal'nikov V. P., Antonov I. A., Glushkov M. R. Zakonnost' – glavnoe v ispol'zovanii rezul'tatov ORD v ugovnom sudoproizvodstve. In: *Processual'no-pravovye osobennosti vzaimodejstviya sledstvennyh organov s organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost'*. SPb. : Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2022: 7–45. (In Russ.).
12. Bezryadin V. I., Sal'nikov P. P. O nekotoryh problemah koordinacii deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po bor'be s prestupnost'yu. In: *Mir politiki i sociologii*. 2012;11: 55–71. (In Russ.).
13. Bykova E. G., Kazakov A. A., Antonov I. A., Glushkov M. R. K voprosu ob ukazanii na rezul'taty operativno-rozysknoj deyatel'nosti kak dokazatel'stva v razreze sovremennoj sudebnoj praktiki. In: *Processual'no-pravovye osobennosti vzaimodejstviya sledstvennyh organov s organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost'*. Saint-Petersburg : Sankt-Peterburgskaya akademiya sledstvennogo komiteta, 2022. S. 46–53. (In Russ.).
14. Vinogradova E. V., Zaharcev S. I., Sal'nikov V. P. Crime Prevention: From Concept to Construct. In: *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2023;3: 111–119. (In Russ.).
15. Vinokurov S. I. Crime prevention: main characteristics of the concept. In: *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya*. 2021;3: 38–42. DOI 10.542117/2411-1627.2021.33.3.004. (In Russ.).
16. Volevodz A. G. Financial Mechanisms of Money Laundering Related to Their Transfer Abroad. In: *Bankovskoe pravo*. 2012;3: 64–77. (In Russ.).
17. Gavrilov B. YA., Ovchinskij V. S. Ob ispol'zovanii rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v dokazyvanii po ugovnym delam: pro et contra. In: *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i sovremennost': sbornik nauchnyh trudov*. Moscow: INFRA-M, 2022. S. 37–45. (In Russ.).
18. Gavrilov B. YA., Antonov I. A., Glushkov M. R. Pozvol'yayut li normy UPK ispol'zovat' rezul'taty operativno-rozysknoj deyatel'nosti v ugovnom sudoproizvodstve? In: *Processual'no-pravovye osobennosti vzaimodejstviya sledstvennyh organov s organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost'*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya sledstvennogo komiteta, 2022: 54–64. (In Russ.).
19. Egorshin V. M. *Prorvemsya, opera... Iz praktiki raskrytiya tyazhkih prestuplenij*. Saint Petersburg: YUridicheskij centr, 2004. (In Russ.).
20. Zaharcev S. I., Aleksanin A. S., Aznagulov G. M. Poluchenie komp'yuternoj informacii i ugovnyj process. In: *Verhovenstvo prava i nacional'nye interesy Rossii*. Ufa: RIC BashGU, 2018: 41–50. (In Russ.).
21. Zaharcev S. I., Ignashchenkov YU. YU., Sal'nikov V. P. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v XXI veke*. Moscow: Norma, 2015. 400 s. DOI: 10.17513/np.469. (In Russ.).
22. Zaharcev S. I., Ignashchenkov YU. YU., Sal'nikov V. P. *Operativno-rozysknye meropriyatiya v XXI veke*. Saint Petersburg: Fond «Universitet», 2006. 320 s. Seriya: Teoriya i praktika operativno-rozysknoj deyatel'nosti. DOI: 10.17513/pn.506. (In Russ.).
23. Zubkov V. A., Osipov S. K. *Rossijskaya Federaciya v mezhdunarodnoj sisteme protivodejstviya legalizacii (otmyvaniyu) prestupnyh dohodov i finansirovaniyu terrorizma*. Moscow: Spekniga, 2007. (In Russ.).
24. Kashirin R. M. K voprosu o primenenii operativnymi sotrudnikami polozhenij Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» i Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii. In: *Processual'no-pravovye osobennosti vzaimodejstviya sledstvennyh organov s organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost'*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya sledstvennogo komiteta, 2022. (In Russ.).
25. Ovchinskij V. S. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti». Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 488 s. DOI 10.12737/1842505. (In Russ.).
26. Krasil'nikov A. V., Antonov I. A., Glushkov M. R. Nekotorye problemy ispolneniya poruchenij sledovatelya o proizvodstve operativno-rozysknyh meropriyatij i sledstvennyh dejstvij. In: *Processual'no-pravovye osobennosti vzaimodejstviya sledstvennyh organov s organami,*

osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost'. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya sledstvennogo komiteta, 2022: 101–110. (In Russ.).

27. Madzhidzoda D. Z. Profilaktika prestuplenij: obshchesocial'nyj srez. In: Mir politiki i sociologii. 2016;8: 164–174. (In Russ.).

28. Bastykin A. I., Egorshin V. M., Zaharcev S. I. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': nauchno-prakticheskij kommentarij (postatejnyj) k Federal'nomu zakonu. Moscow : YurLitinform, 2020. (In Russ.).

29. Pohlebaev I. V., Gorkina E. V. Ispolzovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v kachestve dokazatel'stv v rassledovanii prestuplenij, svyazannyh s legalizaciej (otmyvaniem) denezhnyh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennyh prestupnym putem. In: YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2013;4 (26): 76–84. (In Russ.).

30. Antonov I. A., Glushkov M. R. Processual'no-pravovye osobennosti vzaimodejstviya sledstvennyh organov s organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost'. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya sledstvennogo komiteta, 2022. (In Russ.).

31. Rohlin V. I. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i ugolovnyj process: problemy vzaimodejstviya: recenziya na monografiyu. In: Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki. 2013;11: 190–195. (In Russ.).

32. Sal'nikov V. P., Zaharcev S. I. Prestupleniya, kotoryh moglo ne byt'. In: Zashchita i bezopasnost'. 2020;4(95): 30–31. (In Russ.).

33. Aleksanin A. S., Antonov I. A., Zaharcev S. I., Sal'nikov V. P. Sledstvennye dejstviya i operativno-rozysknye meropriyatiya: pravovaya osnova i pravoprimenitel'naya praktika. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij voennyj ordena Zhukova institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, Fond «Universitet», 2022. (In Russ.).

34. Agapov P. V., Zhubrin R. V. Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniya prestupnosti na sovremennoj etape razvitiya rossijskogo obshchestva. Moscow: Prospekt, 2016. (In Russ.).

35. Goryainov K. K., Ovchinskij V. S. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti. Moscow: INFRA-M, 2021. 795 s. (Vysshee obrazovanie: Bakalavriat). DOI 10.12737/1199941. (In Russ.).

36. Goryainova K. K., Ovchinskogo V. S. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti. Moscow: INFRA-M, 2021. 795 s. (Vysshee obrazovanie: Bakalavriat). DOI 10.12737/1199941. (In Russ.).

37. Tisen O. N., Grinenko A. V. Use of Rosfinmonitoring's Results in Criminal Proceedings. In: Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2022;4: 492–504. (In Russ.).

38. Tuae M. R., Somik K. V. Money Laundering as a Threat to Russia's Financial Security. In: YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019;9: 159–162. (In Russ.).

39. Tuae M. R., Somik K. V. Features of the System of Measures to Counter Attempts to Legalize Money Laundering. In: YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019;8: 162–165. (In Russ.).

40. Tynyanskaya O.A. Problematic Issues and Features of the Investigation of Legalization (Laundering) of Criminal Proceeds. In: Nauchnyj portal MVD Rossii. 2009;3: 95–101. (In Russ.).

41. Shalumov A. B. Use of Information Technologies to Detect and Suppress the Legalization (Laundering) of Proceeds of Crime. In: YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2023;10: 46–55. (In Russ.).

42. Shalumov A. B. Rol' mezhdunarodnyh organizacij v bor'be s legalizaciej (otmyvaniem) dohodov, poluchennyh prestupnym putem. In: YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2023;11: 160–168. (In Russ.).

Информация об авторах

И. И. Иванов – доктор юридических наук

А. Ю. Чудаков – доктор медицинских наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024;
одобрена после рецензирования 18.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

I. I. Ivanov – Doctor of Sciences (Law)

A. Yu. Chudakov – Doctor of Sciences (Medical), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.03.2024;
approved after reviewing 18.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 343.41
EDN: DVMWUD**ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ****Андрей Юрьевич Кийко¹, Павел Андреевич Спиваков²**^{1, 2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии,
Санкт-Петербург, Россия¹ kiikovich@mail.ru² ostrovludnikova@yandex.ru

Аннотация. В настоящем исследовании проведен исторический анализ развития отечественной системы государственной защиты нематериальных благ различных участников общественных отношений, в том числе, военнослужащих. В ходе изучения эволюции института уголовно-правовой охраны прав граждан, в части обеспечения неприкосновенности нематериальных благ, продемонстрировано их последовательное возникновение и расширение понятийного аппарата, в зависимости от исторических этапов развития российского общества. Исходя из реалий современного уровня развития юридических науки и практики Российской Федерации, на основании инвариантных характеристик, проведено разграничение между понятиями, отражающими сущность нематериальных благ. Продемонстрированы важность и самостоятельность такого нематериального блага, как деловая репутация и предложено понятие указанного термина, которое может служить формированию единого подхода к определению правоприменителем объекта, подлежащего охране.

Исследовательскую базу составили отечественные и международные нормативные правовые акты различных исторических периодов, в изменяющихся условиях систем общественных отношений, декларирующие незыблемость нематериальных благ и права на их защиту, а также труды ученых-правоведов.

Ключевые слова: честь, достоинство, доброе имя, репутация, деловая репутация, кредит, волатильность, доверие

Для цитирования: Кийко А.Ю., Спиваков П.А. Эволюция института уголовно-правовой защиты деловой репутации в отечественной правовой системе // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 49–60. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/006.pdf>. EDN: DVMWUD.

Original article

**EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL LEGAL DEFENSE
BUSINESS REPUTATION IN THE DOMESTIC LEGAL SYSTEM****Andrey Yu. Kiiko¹, Pavel A. Spivakov²**^{1, 2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg,
Russia¹ kiikovich@mail.ru² ostrovludnikova@yandex.ru

Abstract. The study provides a historical analysis of the national system development in the context of intangible benefits state protection of various participants in public relations including servicemen. During the study there is demonstrated the citizens' rights protection evolution, in the part concerning the inviolability of non-material goods, their consistent emergence and conceptual apparatus expansion depending on the historical stages of the Russian society development.

Based on the legal science and Russian law practice current development, intangible benefits concepts are differentiated according to their invariant characteristics.

The importance and independence of business reputation as an intangible good are demonstrated and the term concept to be a unified approach to determine the object protected by the law enforcement is proposed in this study.

The research base consists of national and international legal acts of various historical periods, in different social class conditions of public relations systems, declaring the inviolability of intangible benefits and the right to their protection as well as the legal experts works.

Keywords: honor, dignity, good name, reputation, business reputation, credit, volatility, trust

For citation: Kiiko A. Yu., Spivakov P.A. Evolution of the Institute of Criminal Legal Defense business reputation in the domestic legal system. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2024;1(26): 49–60. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/006.pdf>. EDN: DVMWUD.

© Кийко А.Ю., Спиваков П.А., 2024

Введение

Современное общество демонстрирует степень развития общественных отношений и их зависимость от окружающих воздействующих факторов, среди которых немалую роль играет информатизация. Все общественные институты подвержены воздействию информационно-телекоммуникационных сетей и, как результат, современное общество принято считать «информационным». Информация в настоящее время может выступать как орудие посягательства на права, ценности и блага участников общественных отношений, где самыми уязвимыми являются нематериальные блага, обеспечивающие субъекту благоприятное и перспективное участие в общественных отношениях. Информация может использоваться для нанесения ущерба чести, достоинству, деловой репутации, еt cetera, что неминуемо влечет за собой нарушение иных прав и свобод, которые, в том числе, носят и материальный характер. Ввиду открытости и доступности неопределенному кругу лиц информации, размещаемой на площадках ресурсов сети Интернет, скрыть состояние нематериальных благ, непосредственно влияющее на состояние его носителя, практически невозможно. Соответственно, государство, как регулятор общественных отношений, обязано обеспечить их защиту от противоправных посягательств. Задача правоприменителя усложняется тем, что в отечественном праве отсутствуют легальные, нормативно закрепленные дефиниции нематериальных благ и охраняемых законом прав на них, что затрудняет установление объективной сущности объектов уголовно-правовой защиты, и не способствует верной квалификации действий нарушителя. Правоприменитель имеет богатую практическую базу по уголовно-правовой защите чести, достоинства и репутации, но авторами не выявлено системного подхода к защите деловой репутации. Связано данное обстоятельство с

тем, что не всегда представители правоохранительной системы могут дать точную оценку предмету противоправного посягательства: ни в законе, ни в разъяснениях судов не отражено толкование данного блага подлежащего защите в частном случае. Кроме того, ряд нормативных правовых актов демонстрируют синонимичность терминов некоторых из благ. Например, тождественными могут признаваться такие термины как «репутация», «деловая репутация», «доброе имя»¹ [1], что, с точки зрения авторов, не соответствует действительности, так как данные блага обладают самостоятельными характеристиками, не присущими друг к другу. Несмотря на равнозначное восприятие правоприменителем терминов «репутация» и «деловая репутация», по мнению авторов, они представляют различные ценности и, соответственно, должны применяться разные подходы для обеспечения и реализации охранительных функций государства. Для понимания значений благ в обществе на настоящий момент необходимо провести исторический анализ формирования и изменения понятий терминов, составляющих институт нематериальных благ и определить ключевые характеристики. Этот труд позволит определить инвариантные характеристики, выделяющие деловую репутацию в качестве самостоятельного блага, на основании которого представляется возможным сформулировать и предложить понятие данного блага.

¹ Ст. 128. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации в диспозиции содержит термины «честь», «достоинство» и «репутация» при этом п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», посвященный рассмотрению уголовных преступлений, отсылает к терминам «честь», «достоинство» и «деловая репутация», что указывает на тождественность их восприятия правоприменителем.

Основные положения

Во все времена, во всех системах общественных отношений было, есть и будет принято признавать значение нематериальных благ, носителями которых выступают физические и юридические лица, в том числе в виде органов власти, их представителей, или иных незарегистрированных объединений. Субъекты общественных отношений в лице государств, физических, юридических лиц и объединений относятся внимательно и бережливо к состоянию собственных нематериальных благ. Они придают носимым благам особенное значение ценностей и затрачивают усилия, а также средства на их поддержание и улучшение их состояния. В случае ухудшения состояния благ, носители выступают инициаторами их правовой защиты. Для признания нематериальных благ в числе прочих ценностей и организации процесса их защиты издаются международные и национальные нормативные правовые акты, закрепляющие принципы взаимоотношений между государствами, людьми и организациями, а также алгоритмы урегулирования инцидентов, связанных с посягательствами на нематериальные блага. Нематериальные блага и права на их защиту нашли свое отражение во Всеобщей декларации прав человека [2], в Международном пакте о гражданских и политических правах, принятых резолюциями Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций [3], а также в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [4]. Нематериальные блага, присущие организациям, закрепляются, как правило, в национальных правовых системах. Авторы уверены, что мнение философов права о том, что «право понимается как совокупность правовых предписаний, нормативных актов, созданных государством для урегулирования общественных отношений» [5] является истинным и отражает административную и регулятивную роли государства в рассматриваемой системе общественных отношений.

Одновременно с международными нормами, блага, как ценность, и права на их защиту закреплены в институциональных национальных правовых системах и их отраслях. В частности, в Российской Федерации иерархично находят свое отражение в вертикали норм от Конституции Российской Федерации и далее по нисходящей правовой системе.

Понятия и термины международного законодательства не всегда абсолютно тож-

дественны понятиям и терминам, используемым в национальных правовых системах. В частности, они незначительно отличаются в российском правовом поле, некоторые соседствующие в понятийном смысле значения выражаются разными терминами. Кроме того, не весь «перечень» благ совпадает с перечнями национальных правовых систем. Устранение данных пробелов возложено на правовые системы государств.

В международном праве нашли свое отражение честь, достоинство и репутация. В основном законе Российской Федерации в числе ценностей, относящихся к нематериальным благам, закреплены достоинство (статья 21 Конституции Российской Федерации), честь и доброе имя (статья 23 Конституции Российской Федерации) [6].

Так как честь, достоинство, репутация, доброе имя – это результаты социальных отношений, обладающие оценочными качествами и отражающие восприятие субъекта или общества по отношению к носителю, они обладают общественной ценностью и подлежат защите со стороны государства. Субъект нематериальных благ имеет право на их охрану. Наиболее эффективным способом правовой охраны является уголовно-правовая защита субъективных прав. В вопросах отношения благ и прав авторы соглашаются с Г. Ф. Шершеневичем [7] в том, что субъективное право – это средство обеспечения пользования благ. Данное суждение указывает на то обстоятельство, что право на уголовно-правовую охрану гарантирует возможность им пользоваться.

Опираясь на вышесказанное, авторы ставят вопросы, как формировался институт нематериальных благ, каков их перечень в отечественной правовой системе настоящего времени, существуют ли новоявленные самостоятельные блага, подлежащие государственной защите и каково толкование терминов, их обозначающих.

Для формирования перечня возникает вопрос о том, какие блага имели значения в какой исторический период, а также с чем было связано формирование новых значимых для общества нематериальных благ. Это позволит проследить эволюцию института нематериальных благ, разграничить их терминологически, исходя из совокупности присущих каждому благу ключевых характеристик, и сформировать актуальное в настоящее время понятие такого новоявленного блага, как деловая репутация.

Результат позволит правоприменителю объективно устанавливать предмет проти-

воправного посягательства субъекта злонамеренных действий.

Вышеупомянутые блага являются продуктом общественного сознания и отражают качественные характеристики лица, как физического, так и юридического, а также незарегистрированных объединений внутри системы социального взаимодействия. Система социальных отношений имеет эволюционный характер и не всегда понятия, присущие термину в настоящее время, несут тот же смысл, что и в предшествующих исторических и культурных условиях развития общества, и напротив, не всегда благо, отражающее качество, выражалось тем же термином, что и в сегодняшнее время. В ретроспективе наблюдается изменение систем общественных отношений, выделение и изменение понятийных категорий нематериальных благ, и отношение к ним в обществе, но, несмотря на вышесказанное и относительную степень правового нигилизма среди участников общественных отношений [8], всегда в обществе и государстве ценилось ответственное отношение к тем или иным формам благ, актуальным на различных исторических этапах. Государство закрепляло систему отношений и свою охранительную обязанность в законе. Члены общества – носители благ, обладающие гарантиями и правами на их неприкосновенность и защиту, государство – регулятор, гарант и охранитель.

Человек, как существо сознательное, проявляет свою высшую психическую активность как социальная единица. Плоды активности отражаются в форме чувствительных и эмоциональных образов, которые служат катализатором для творческой преобразовательной деятельности, направленной на объективную реальность. Результаты данных трудов также подлежат общественной оценке и отражаются в тех же чувственных и эмоциональных образах. Это не что иное, как духовный феномен, образующий знания о ценностях. Нематериальные блага и есть те силы, которые чувственно и эмоционально обобщены и представляют значимый интерес для участников общественных отношений [9, С. 207–209, С. 211–219].

Метод

Путем проведения сравнительного исторического анализа авторы пришли к выводу, что зарождение и начало эволюции российского правового понятийного аппарата нематериальных благ принято относить к XI веку, периоду правления князя Ярослава Муд-

рого и его своду законов, носившему несколько наименований: «Правда Ярославичей», «Древнейшая Правда». Закон был составлен в период сословного разделения в обществе и, соответственно, обеспечивал преимущественную защиту представителей дворянства. Также отмечается отсутствие положительных качественных мер государственной поддержки прав на защиту чести и достоинства женщин. В своем разделе, посвященном защите чести, документ указывает в качестве потерпевшего «мужа», иначе говоря лицо мужского пола [9]. «Правда Ярославичей» впервые нормативно закрепила нематериальные блага, как объекты уголовно-правовой защиты. Были сформулированы нормы о «защите здоровья и чести свободных представителей феодального общества» [10] и сформулирована диспозиция – «оскорбление действием и словом» [11, 12]. Свод законов послужил отправной точкой формирования российской национальной системы охраны нематериальных благ и неимущественных прав.

В данном сборнике законов появились термины «честь» и «оскорбление». Особое внимание уделялось чести высших сословий и воинства. Отношение к такой ценности, как честь, в тот исторический период было продиктовано в основном тем, что величина личности в обществе и соответствующее ее благополучие зависело от состояния чести. Телесные или имущественные преступления несли меньшую угрозу, чем «оскорбление» и «унижение». Физические недостатки и увечья были вполне повседневны и обыденны, имущество восстанавливаемо, а вот честь, как одна из высших ценностей, представляла особый характер для носителя и являлась гарантом успешного существования носителя и близких ему лиц.

В XIII–XIV веках были изданы своды законов «Русская Правда» и «Уставы о церковных судах». Эти два нормативных правовых акта разделили и детализировали подходы в сфере государственной защиты прав и свобод участников общественных отношений. «Русская Правда» была сосредоточена на защите имущественных прав и защите граждан от насильственных посягательств, факты аморального поведения подлежали разбирательству в церковных судах. «Оскорбление словом» вошло в число норм, регулируемых «Уставами» [13]. Но «Русская Правда» также содержала нормы охранительного характера, регулирующие общественные отношения в области защиты нематериальных благ.

Наряду с термином «честь», в «Русской Правде» усматривается появление достоинства, умаление которого выражается в закреплённом в законе термине «обида». Наказание за причинение вреда личности публично или уничижительным способом каралось более строго, чем совершенной без оскорбительных признаков, к примеру: если физический вред лицу повлек утрату зуба, то виновный выплачивал потерпевшему 1 гривну за зуб, но если то же деяние было совершено публично, то к 1 гривне за зуб возмещались также 12 гривен за «обиду». Равный бой на мечах между оппонентами не относился к противоправным деяниям и не подлежал разбирательству со стороны государства. Однако, если одна из сторон наносила удар бытовым предметом или мечем, вложенным в ножны, то это считалось преступлением (нападение с использованием предметов бытового обихода указывало на то, что потерпевший не заслуживает чести вступить с ним равный бой мечом и являлось публичным оскорблением). Санкция за данное преступление предусматривала выплату потерпевшему суммы в 12 гривен. Действия обидчиков, направленные на умаление достоинства потерпевшего, такие как отрывание усов, бороды, умышленное толкание, также подлежали суровой санкции и обходились преступнику в 12 гривен, это наказание называлось «уроком» [14].

Период XV–XVI веков не отличался особой прогрессивностью в развитии понятий нематериальных ценностей, он лишь расширил содержание противоправных поступков, введя термины «лай» и «бесчестие». Кроме того, официально были введены смягчающие или отягощающие обстоятельства совершения преступления, которые сохраняли за дворянским сословием привилегированное положение, наказание вменялось «смотря по человеку».

Прорыв в законодательстве, связанный с расширением государственных функций в области охраны нематериальных благ и неимущественных прав, отводится «Соборному уложению» 1649 года. Во-первых, «Соборное уложение» [15] предусмотрело в качестве отдельной главы категорию преступлений против чести Главы государства. Вторая глава получила название «О государственной чести, и как его государское здоровье оберегать» [15, с. 72] (орфография сохранена), что указывает на формирование понимания чести представителей органов власти, в частности, Главы государства. Государь назывался величеством,

иначе говоря, лицом с великой честью. В общей сложности в «Уложении» были сформулированы 73 статьи, обеспечивающие охрану чести представителей различных сословий. В качестве наказания появился такой вид последствий, как «отнятие чести». В интерпретации настоящего времени данная мера ответственности аналогична лишению наград, специальных и воинских званий и тому подобное. Указанная мера отражает монополию государства на унижение чести виновного в глазах членов общества. Эволюционным шагом, с точки зрения права, являлся факт нормативного закрепления терминов: «матерная брань», интерпретируемая сегодня в качестве высказываний, совершаемых в грубой нецензурной форме; «поклепа», синонима современной клеветы, за совершение которых предполагались телесные наказания или даже лишение свободы [13].

Наряду с позитивными моментами развития охранительных функций права в период действия «Уложения», наблюдается также и поучительный пример выявленных недостатков, связанных с отсутствием понятий формализации в нормах. Связано это было с правовым феноменом «обиды», иначе говоря, умалении достоинства. С момента появления термина, отражённого впервые в «Русской Правде», общество развивалось, общественные отношения усложнялись, но грамотность не сильно распространялась. Нормы права однозначно требовали уточнений и официального общепринятого толкования данного термина, что на начальном этапе его правоприменения приводило к системным ошибкам. Недосказанность нормы послужила причиной появления вольного толкования объекта посягательства и, как следствие, огромного числа разбирательств, обвинений и наказаний людей за неумышленные проступки и ошибки. Поводами для них служили различные описки в именах, фамилиях, званиях, чинах в документах, написания названий с незаглавных букв, ошибки в написаниях наименований родовых имений, что воспринималось купцами и дворянами как умаление достоинства. Законодателем того периода ошибка была воспринята верно, и в 1690 году издан указ, в соответствии с которым запрещалось признавать преступлением и оскорбительным действием вышеуказанные проступки. С обвиняемого снималась ответственность, и он освобождался от наказания при соблюдении условия о готовности «принести присягу», объявлявшую об

отсутствии в его действиях злого умысла и намерения обидеть потерпевшего [16].

Вышеупомянутое усложнение общественных отношений сказывалось на развитии товарно-деловой области отношений, обогащалось и право, и формы организации представителей купечества и ремесленников. В крупных населенных пунктах начали создаваться и развиваться товарно-ремесленные союзы, которые отличались тем, что приобретали функции купеческих гильдий, интересом которых становилась защита участников в экономическом и правовом отношениях, лоббирование интересов в органах власти, увеличение значимости представителей купечества и ремесел в глазах общественности. Ярким примером того является народный фольклор, отражавший в былинах и сказках положительный образ представителей купечества. Купцы и ремесленники формировали самостоятельное обособленное сословие, что подтверждает в своих трудах исследователь купеческих сословий А. И. Аксенов [17, С. 73–75]. В этой связи отечественное законодательство пополнилось терминами, приближающими авторов к появлению понятия «деловая репутация». В нормах права, регулирующих товарно-деловые отношения, появились статьи, упоминающие «честь и веру купцов». По верному замечанию А. Д. Буларга репутация купца или ремесленника являлась важнейшим условием для успешного ведения дел, слово купца имело высокую цену, в частности «по своему иску купцам достаточно было дать клятву, так как предполагалось, что купцы – люди достойные, верующие и честные, то суд верил им на слово» [18].

Период правления императора Петра Великого, в призме изучения развития отечественной системы права, отмечается принятием в 1716 году Артикула Воинского, однако он не выделяется появлением значимых для исследования событий, как и пришедший ему на смену Екатерининский Устав благочинья. Артикул Воинский в основном регулирует отношения внутри воинских коллективов [19] и в том числе сосредоточен в части, касающейся объекта исследования, на нематериальных благах военнотружущих периода правления Петра Великого и порядке их защиты.

В 1832 году был издан свод уголовных законов, который наряду с прежними нормативно-правовыми актами четко разграничивает такие деяния, как «причинение обиды» и «клевета», тем самым дифференцирует и утверждает самостоятельность терминов и, соответственно, понятий чести и досто-

инства. Как заметила Горожанкина Д. В. в статьях этого свода законов прослеживается субъективность восприятия ущемляемых или умаляемых человеческих качеств потерпевшего [20].

С принятием в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных была сформирована отдельная категория преступлений против нематериальных благ. Глава в этом нормативном правовом акте получила название «Об оскорблениях чести», что позволило сформировать самостоятельную категорию прав, подлежащих уголовно-правовой защите со стороны государства.

Законодательство 1865 года, выраженное в «Уставе о наказаниях» ввело квалифицирующий признак преступления против чести и достоинства «деяние против лица, имеющего право на особое уважение», в число которых вошли женщины. Кроме того, начали зарождаться признаки защиты граждан от диффамации ст. 137 За разглашение с намерением оскорбить чью-либо честь сведений, сообщенных в тайне или же узанных вскрытием чужого письма или другим противозаконным образом, виновные подвергаются: аресту не свыше пятнадцати дней или денежному взысканию не свыше пятидесяти рублей [21, С. 421]. В рассматриваемой норме дискредитация осуществлялась не способом распространения ложных или искаженных сведений, а путем распространения охраняемых законом личных неприкосновенных тайн, чего в современном законодательстве не наблюдается.

Уголовное уложение Николая II, принятое в 1903 году, увеличило степень защищенности представителей политических элит и монархии, уделяя достаточное внимание защите чести и достоинства. В этих нормах права они были обозначены в качестве «личной обиды» и «опозоренья» [22]. В качестве отличительной черты, демонстрировавшей развитие охранительной функции закона, отмечается достойное внимание развитию нового для того периода института средств массовой информации и объективная оценка опасности недооценки регулирования отношений в данной области. Ст. 530 этого правового акта гласит «о вине в оскорблении распространенных или публично выставленных произведениях печати, письма и изображения» [22, С. 168–169]. Вместе с тем стоит обратить особое внимание не на тот факт, что Уголовное уложение несет в себе 17 норм, регулирующих общественные отношения, связанные с охраной нематериальных благ, а на

комментарий к главе: «если этот проступок совершен с целью причинения вреда чести или кредиту лица, то виновный наказывается заключением в тюрьму». В своде законов появился термин «кредит» [22], синонимичный термину «кредит доверия», еще более приближающий авторов к терминам «репутация» и соответственно, «деловая репутация». Видный советский и российский ученый правовед, занимавшийся многие годы вопросами борьбы с клеветой, И. С. Ной в своих работах изучал рассмотренный термин «кредит» и пришел к выводу, что в период правления Николая II распространение сведений о каких-либо личных недостатках или телесных увечьях мог носить порочащий характер, подрывать кредит доверия лица и ограничивать его возможности получить значимое служебное место [23]. Таким образом, следует, что «деловой кредит» является эквивалентом современного термина «деловая репутация», но присущ лишь физическому лицу. Однако существует и иная точка зрения, заслуживающая внимания, имеющая отражение в правовой действительности. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля кредит истолкован как «купеческое доверие», «вера в долг», «доверие» [24]. Из указанного следует, что интерпретация термина «кредит», использовавшегося в рассматриваемый период истории, сродни современному понятию термина «кредит доверия», ключевой характеристикой которого признается доверие. Необходимо признать, что обе трактовки верны, достойны принятия на вооружение и отражают определенный прогресс в развитии института нематериальных благ и государственной системы их уголовно-правовой охраны.

После 1917 года социальная конъюнктура претерпела существенное изменение: произошло уравнивание положения граждан в обществе, исчезли проявления сословного разделения. Это существенно повлияло на национальную правовую систему в целом, которая разрабатывалась в соответствии со стандартами нового государственного строя и в рамках интересов общественных объединений. Такие действия происходили в соответствии с требованиями идеологической системы, где духовные ценности были умалены и привели к формированию правовых взглядов с преобладанием экономических ценностей. В советский период возвращение терминов «честь» и «достоинство» связано с принятием в 1961 году «Основ гражданского зако-

нодательства СССР и союзных республик». Однако стоит отметить, что признаков повсеместной востребованности и фактической реализации механизмов защиты нематериальных благ не наблюдалось, нормы имели преимущественно декларативный характер. Честь советского человека в указанный период не являлась персональным врожденным благом и формировалась, исходя из объемов выполненных им полезных нагрузок при участии в коллективах, выполняющих отраслевые задачи. Иначе говоря, «коллективная честь» преобладала над личностной. В нормах права эти термины не были четко определены и сформировались в соответствии с требованиями социалистического кодекса чести. Советские ученые-правоведы, изучив судебную практику, пришли к выводам, что в период действия рассматриваемых норм большое внимание было сосредоточено на защите блага, обозначенного как «репутация». К. Б. Ярошенко в своем труде пришел к выводу, что «основными средствами причинения ущерба репутации граждан и предприятий служила распространяемая в печати интимная, библиографическая, проектная и иная информация» [25, С. 156–157], относимые к различным видам тайн, которые не связаны с публичной общественной ролью объекта дискредитации. Уголовные кодексы союзных республик имели в своем содержании нормы, защищавшие нематериальные блага рассматриваемых категорий, но в достаточно скудном контексте: честь и достоинство подлежали защите в случаях «оскорбления» и «клеветы». Однако в качестве правового прогресса можно отметить «унижение национальной чести и достоинства» [26], что отражает заботу государства не только о персональных благах лица, но и о благах групп лиц, объединенных по национальному признаку.

Рассвет правовой активности государства в области формирования института защиты нематериальных благ приурочен к принятию в 1991 году «Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик». В качестве самостоятельного блага в законе появилась «репутация», а также «деловая репутация», как неотъемлемая характеристика носителя, участника профессионально-деловых отношений.

В законодательстве Российской Федерации развитие охранительных функций связано с переходом на рыночные отношения с преобладанием международного права, признающего человека, его нема-

териальные права и блага одними из высших ценностей. Появлению и развитию институтов уголовно-правовой защиты нематериальных благ также способствовал рост конкуренции в сферах деловых отношений и труда. Под влиянием рыночных отношений в современном отечественном законодательстве деловая репутация получила статус присущего лицу финансового актива, наделенного оценочной стоимостью, но как заметили Фатеева Т. Н. и Лесина Т. В., не фиксированной, а имеющей динамические показатели [27].

Охранительные функции государства сосредоточены на защите прав физических лиц от случайных и намеренных посягательств, что закреплено в КоАП РФ и УК РФ.

Обсуждение

Особую роль нематериальные блага приобрели с формированием и прогрессивным развитием информационно-телекоммуникационных технологий. Общество переходит из категории «аналогового» в «информационное». Социум зависит от информации, которая, бесспорно, оказывает влияние на носителя рассматриваемого вида благ.

Опираясь на авторитетное мнение ученых-правоведов Сальникова В. П., Захарцева С. И. и Кривоносковой Д. В., о том, что «современное общество перешло из века постиндустриального в информационный, где огромные массивы информации, накопленные обществом, становятся их социокультурным наследием, доступ к которому возможен при помощи новых информационных технологий» [28] авторы делают вывод, что общество преобразовалось из категории «аналогового» в «информационное». Социум зависит от информации, которая, бесспорно, оказывает влияние на носителя рассматриваемого вида благ.

Цифровизация и цифровая трансформация социальных, политических институтов и отраслей приводят к формированию новых стандартов коммуникаций среди участников общественных отношений [29], и нематериальные блага требуют гарантированной охраны со стороны государства.

В Российской Федерации, на основании опыта Китая по внедрению социального рейтинга, рассматривается к внедрению и испытывается национальная система «социального скоринга», которая будет служить автоматической системой оценки лиц на добросовестность и надежность в социальном плане [30]. Аналогичная система «ЭКГ-Рейтинг» внедрена в Центральном федеральном округе, которая формирует оцен-

ку юридических лиц и индивидуальных предприятий [31]. Ответственное отношение лиц к приумножению и поддержанию позитивного состояния благ способствует формированию положительных рейтингов, а посягательства на них должны гарантированно пресекаться государством.

Деловые и профессиональные характеристики носителя в условия социально-экономического прогресса и высокой степени доступности информационной сферы приобретают самостоятельную ценность для участников финансово-хозяйственных отношений. Зачастую, при рассмотрении вопроса об экономической и практической целесообразности взаимодействия между участниками отношений, сведения об их профессиональной, правовой или деловой добросовестности играют большую роль, чем отношение к ним, сложившееся в обществе, на основе бытового поведения. От вышеуказанных качеств зависит и материальная выгода или благосостояние носителя, в том числе выражаемая в стоимости активов организации, текущих, прогнозируемых или желаемых доходах физического или юридического лица, либо состоянии готовности к выполнению возложенных задач и обязательств, на примере представительств органов власти.

Если учитывать тот факт, что деятельность правоприменителя в области государственной защиты чести и достоинства имеет свое четкое практическое выражение, то деятельность при выполнении задач по охране деловой репутации не столь конкретна. Вопросы связанные с защитой репутации относятся к областям гражданского и уголовного прав, а вопросы в области защиты деловой репутации преимущественно отнесены к области гражданского права. Однако ввиду вышеуказанного стоит отметить, что в плоскости уголовно-правовой защиты не формулировалось четкого разграничения между понятиями терминов «репутация», являющегося родовым по отношению к «деловой репутации», соответственно, «деловая репутация».

Для реализации задач правоохранительной системы целесообразно сформулировать понятие «деловой репутации», как обособленного блага, требующего участия государства в обеспечении защиты права на его использование. С указанной целью авторы выделяют инвариантные характеристики деловой репутации, позволяющие исключить возможность ошибочной трактовки термина и не допустить правовых коллизий между субъектами правоотношений.

По мнению авторов, деловой репутации присущи следующие характеристики:

приобретаема в рамках социальных и экономических отношений;

отражаема в общественном мнении о носителе;

неотделима от носителя;

неотчуждаема, но обладает свойством быть временно предоставленной для использования третьим лицам (франчайзинг, представительство);

отражает исключительно деловые, профессиональные качества и правовую добросовестность;

оцениваема как «положительная» или «отрицательная», при этом имеет волатильную оценочную стоимость;

доказываема;

зиждется на гласности профессионально-деловых качеств носителя.

Исходя из выделенных характеристик в качестве исключительных, присущих только «деловой репутации» и отличающих от «репутации» в общем смысле, стоит определить следующие: возможность временно передавать для использования третьим лицам; отражаемость профессионально-деловых качеств и правовой добросовестности; наличие оценочной стоимости.

Негативное воздействие, которое может причинить ущерб деловой репутации, это «опорочивание». В качестве общественно опасных последствий стоит отметить при-

чиняемый вред в виде финансовых убытков, а именно: снижение стоимости активов, потеря деловой привлекательности участника финансово-хозяйственных отношений, потеря источников доходов или перспективы развития материального благополучия, снижение состояния готовности к выполнению возложенных задач.

Заключение

Изучение генезиса правовой эволюции института нематериальных благ показывает особую роль и важность рассматриваемых ценностей для участников социальных отношений. Вместе с тем стоит обратить внимание на тот факт, что на современном этапе развития права в России свою роль в качестве самостоятельного, общественно значимого блага приобрела деловая репутация.

Принимая во внимание присущие деловой репутации характеристики, авторы считают целесообразным предложить следующее понимание данного нематериального блага, которое позволит правоприменителю недопустить ошибок при установлении объекта уголовно-правовой охраны.

По мнению авторов, деловую репутацию целесообразно понимать, как приобретаемое в рамках социальных отношений и поддерживаемое носителем общественное признание профессионально-деловой, трудовой и исполнительской надежности лица, подлежащей волатильной оценке.

Список источников

1. Вертепова Т. Н. Честь, достоинство и репутация как объекты уголовно-правовой охраны // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 85–88.
2. Всеобщая декларация прав человека: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.] // Российская газета. 1998. 10 декабря.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (вместе с Факультативным протоколом): [принят Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г.] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. 291 с.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [заключена в Риме 04 ноября 1950 г. с изм. от 24 июня 2013 г.]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 12.12.2023).
5. Бастрыкин А. И. Философия права Ф. М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии / А. И. Бастрыкин, Р. Ф. Исмаилов, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 9. С. 168–181.
6. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 12.12.2023).
7. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. 613 с.
8. Захарцев С. И. Правовой нигилизм в России // Мониторинг правоприменения. 2015. № 2(15). С. 12–20.
9. Чешев В. В. Человек как мыслящее существо, или оправдание разума. Томск: Изд-во Том. арх.-строит. ун-та, 1999. 203 с.
10. Георгиевский Э. В. Уголовно-правовая охрана здоровья, телесной неприкосновенности, чести и достоинства личности в Древней Руси // Сибирский юридический вестник. 2010.

№ 4 (51). С. 86–94.

11. Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская правда // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 230–275.

12. Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М. : Академия наук СССР, 1941. 254 с.

13. Розин Н. П. Об оскорблении чести: Уголовно-юридическое исследование. Общая часть. Опозорение. Томск: Т-во Печатня С. П. Яковлева, 1907. 281 с.

14. Духовский М. В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву. Ярославль: URSS, 2016. 264 с.

15. Тихомиров М. Н. Соборное уложение 1649 года / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 431 с.

16. Пионтковский А. А. Преступления против личности: Уголовное право: Особенная часть: учебное пособие. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 135 с.

17. Аксенов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М. : РАН Изд-во наука, 1993. 220 с.

18. Буларга А. Д. Некоторые аспекты возникновения института деловой репутации в праве России // Молодой ученый. 2021. № 44 (386). С. 89–91.

19. Новокшенов Д. В. Становление и развитие российского законодательства об уголовной ответственности за преступления против порядка подчинённости и воинских уставных взаимоотношений // Военное право. 2022. № 5(75). С. 65–70.

20. Горожанкина Д. В. Свод законов о судопроизводстве по преступлениям 1832 г. Как акт систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской империи // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 13 (68). С. 57–60.

21. Виленский Б. В. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М. : Изд-во «Юридическая литература», 1991. 469 с. Т. 8.

22. Анисимов В. П. Новое Уголовное уложение. Неофициальное издание предметного алфавитного указателя. СПб. : Изд-во Каменноостровского юр. кн-го маг-на, 1903. 258 с.

23. Ной И. С. Борьба с клеветой по советскому уголовному праву // Ученые записки Пермского государственного университета, 1953. Вып. 2. С. 399–440.

24. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. М. : Изд-во Цитадель, 1998. 1889 с. Т. 2.

25. Ярошенко К. Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. Гражданско-правовая защита личных неимущественных прав граждан. М. : Изд-во «Юридическая литература», 1990. 174 с.

26. Уголовный кодекс РСФСР: [утв. ВС РСФСР 27.10.1960] (в настоящее время утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. 591 с.

27. Фатеева Т. Н. Расчет и оценка деловой репутации компании / Т. Н. Фатеева, Т. В. Лесина // Вестник евразийской науки. 2015. № 5 (30). С. 1–10.

28. Захарцев С. И. Разумное мышление как инструмент достижения информационно-правовой культуры / С. И. Захарцев, Д. В. Кривоносова, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 2. 174–186.

29. Семенова И. В. Цифровая информация как предмет посягательства преступлений в сфере компьютерной информации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 158–165.

30. Ларина А. РГСУ подтвердил разработку системы социального рейтинга «Мы». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6253850> (дата обращения: 18.01.2024).

31. Труханова Э. Компании получают льготы за социальную ответственность URL: <https://rg.ru/2023/12/19/reg-cfo/biznesu-sdelali-ekg.html> (дата обращения: 21.01.2024).

References

1. Vertepova T. N. Honor, dignity and reputation as objects of criminal law protection. In: Obshchestvo i pravo. 2015;1 (51): 85–88. (In Russ.).

2. Universal Declaration of Human Rights: [adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948]. In: Rossijskaya gazeta. 1998. 10 dekabrya. (In Russ.).

3. International Covenant on Civil and Political Rights (together with the Optional Protocol): [adopted by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th Plenary Meeting of the UN General Assembly on December 16, 1966]. In: Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1976;17. (In Russ.).

4. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod: [zaklyuchena v Rime 04 noyabrya 1950 g. s izm. ot 24 iyunya 2013 g.]. Available from: <https://www.echr.coe.int/>

documents/d/echr/Convention_RUS [Accessed: 12th December 2023]. (In Russ.).

5. Bastrykin A. I., Ismagilov R. F., Sal'nikov V. P. F. M. Dostoevsky's Philosophy of Law and the system of moral and legal values of the peoples of Russia in the XXI century. In: *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2020;9: 168–181. (In Russ.).

6. Konstituciya Rossijskoj Federacii: [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.]. Available from: <https://base.garant.ru/10103000/> [Accessed: 12th December 2023]. (In Russ.).

7. Shershenevich G. F. *Obshchaya teoriya prava*. M., 1912. (In Russ.).

8. Zaharcev S. I. Legal nihilism in Russia. In: *Monitoring pravoprimereniya*. 2015;2(15): 12–20. (In Russ.).

9. Cheshev V. V. *Chelovek kak myslyashchee sushchestvo, ili opravdanie razuma*. Tomsk: Izd-vo Tom. arh.-stroit. un-ta, 1999. (In Russ.).

10. Georgievskij E. V. Uголовно-правовая охрана здорovia, telesnoj neprikosновенности, chesti i dostoinstva lichnosti v Drevnej Rusi. In: *Sibirskij yuridicheskij vestnik*. 2010;4 (51): 86–94. (In Russ.).

11. Zimin A. A. Feodal'naya gosudarstvennost' i Russkaya pravda. In: *Istoricheskie zapiski*. Vol. 76. Moscow, 1965: 230–275. (In Russ.).

12. Tihomirov M. N. *Issledovanie o Russkoj Pravde: Proiskhozhdenie tekstov*. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1941. (In Russ.).

13. Rozin N. P. Ob oskorblenii chesti: Uголовно-yrudicheskoe issledovanie. Obshchaya chast'. Opozorenje. Tomsk: T-vo Pechatnya S. P. Yakovleva, 1907. (In Russ.).

14. Duhovskij M. V. *Ponyatie klevery kak prestupleniya protiv chesti chastnyh lic po russkomu pravu*. Yaroslavl: URSS, 2016. (In Russ.).

15. Tihomirov M. N. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* / M. N. Tihomirov, P. P. Epifanov. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. (In Russ.).

16. Piontkovskij A. A. *Prestupleniya protiv lichnosti: Uголовnoe pravo: Osobennaya chast'*. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1938. (In Russ.).

17. Aksenov A. I. *Ocherki genealogii uezdnogo kupechestva XVIII v.* Moscow: RAN Izd.-vo nauka, 1993. (In Russ.).

18. Bularga A. D. Some aspects of the emergence of the institute of business reputation in Russian law. In: *Molodoj uchenyj*. 2021;44 (386): 89–91. (In Russ.).

19. Novokshonov D. V. The formation and development of Russian legislation on criminal liability for crimes against the order of subordination and military statutory relations. In: *Voennoe pravo*. 2022;5(75): 65–70. (In Russ.).

20. Gorozhankina D. V. The Code of Laws on Criminal Proceedings in 1832 As an act of systematization of the criminal procedure legislation of the Russian Empire. In: *Vestnik YuURGU*. 2006;13 (68): 57–60. (In Russ.).

21. Vilenskij B. V. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov*. Moscow: Izd-vo «Yuridicheskaya literatura», 1991. 469 s. Vol. 8. (In Russ.).

22. Anisimov V. P. *Novoe Uголовnoe ulozhenie. Neoficial'noe izdanie predmetnogo alfavitnogo ukazatelya*. Saint-Petersburg: Izd-vo Kamennostrovskogo yur. kn-go mag-na, 1903. (In Russ.).

23. Noj I. S. The fight against defamation under Soviet criminal law. In: *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1953. Vyp. 2: 399–440. (In Russ.).

24. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Moscow: Izd.-vo Citadel', 1998. Vol. 2. (In Russ.).

25. Yaroshenko K. B. *Zhizn' i zdorov'e pod ohranoj zakona. Grazhdansko-pravovaya zashchita lichnyh neimushchestvennyh prav grazhdan*. Moscow: Izd-vo «Yuridicheskaya literatura», 1990. (In Russ.).

26. The Criminal Code of the RSFSR: [approved The Supreme Council of the RSFSR on 10/27/1960] (currently in force). In: *Vedomosti VS RSFSR*. 1960;40. (In Russ.).

27. Fateeva T. N., Lesina T. V. Calculation and assessment of the company's business reputation. In: *Vestnik evrazijskoj nauki*. 2015;5 (30): 1–10. (In Russ.).

28. Zaharcev S. I., Krivososova D. V., Sal'nikov V. P. Rational thinking as a tool for achieving information and legal culture. In: *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2022;2: 174–186. (In Russ.).

29. Semenova I. V. Digital information as a subject of encroachment of crimes in the field of computer information. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. 2022. Vol. 8;4: 158–165. (In Russ.).

30. Larina A. *RGSU podtverdil razrabotku sistemy social'nogo rejtinga «My»*. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/6253850> [Accessed: 18th January 2024].

31. Truhanova E. Kompanii poluchat l'goty za social'nuyu otvetstvennost' Available from: <https://rg.ru/2023/12/19/reg-cfo/biznesu-sdelali-ekg.html> [Accessed: 21th January 2024].

Информация об авторах

А. Ю. Кийко – кандидат юридических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024;
одобрена после рецензирования 19.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

A. Yu. Kiiko – Candidate of Sciences (Law)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 12.02.2024;
approved after reviewing 19.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 338.23

EDN: DIXXZU

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЫНКА НАРКОТИКОВ КАК КРИМИНАЛЬНОГО СЕКТОРА ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Дмитрий Вячеславович Новокшенов¹, Светлана Владимировна Смелова², Анатолий Александрович Стишак³

¹ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

^{2, 3} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ d_novoksh@mail.ru

² sm3love.svet@yandex.ru

³ hot-model@mail.ru

Аннотация. В статье кратко рассматриваются концептуальные подходы к пониманию теневой экономики и ее структуры. Отмечается, что в обеспокоенность по поводу существования теневой экономики обусловлена дефицитом государственного контроля и управления, нехваткой достоверных данных и информации о масштабах нелегального оборота, ценообразовании, природе прибыли, транзакционных издержках, институциональной организации, что существенно затрудняет экономический мониторинг и анализ, а также оценку влияния на легальный сектор как с макроэкономической, так и с микроэкономической точки зрения. Проанализировав проблему теневой экономики в общих чертах, в статье далее предпринята попытка выделить ключевые моменты характеристики наркорынков. Феномен экономической экспансии теневой экономики и ее криминального сектора – рынка наркотиков – долгое время игнорировался большинством социальных наук, общепризнанной концепции по их экономической теории в настоящее время нет. При изучении внутренних закономерностей рынка наркотиков авторы опираются на общие принципы функционирования экономики легального сектора, на теоретические выводы, полученные при изучении криминального сектора теневой экономики, а также при исследованиях рынка легальных аддитивных товаров. Авторами выявляются ключевые характеристики наркорынков, которые можно подразделить на две группы: те, которые типичны для всего криминального сектора теневой экономики и те, которые специфичны для рынков наркотиков.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, экономика наркобизнеса, гашиш, героин, синтетический наркотик, наркобизнес, наркорынок, офшоры, даркнет, аддитивные товары, криптовалюта

Для цитирования: Новокшенов Д.В., Смелова С.В., Стишак А.А. Основные характеристики рынка наркотиков как криминального сектора теневой экономики // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 61–72. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/007.pdf>. EDN: DIXXZU.

Original article

MAIN CHARACTERISTICS OF THE DRUG MARKET AS A CRIMINAL SECTOR OF THE SHADOW ECONOMY

Dmitry V. Novokshonov¹, Svetlana V. Smelova², Anatoly A. Stishak³

¹ Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

^{2, 3} Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint-Petersburg, Russia

¹ d_novoksh@mail.ru

² sm3love.svet@yandex.ru

³ hot-model@mail.ru

Abstract. The article briefly discusses conceptual approaches to understanding the shadow economy and its structure. It is noted that concerns about the existence of the shadow economy are due to a lack of government control and management, a lack of reliable data and

information on the scale of illegal trafficking, pricing, the nature of profits, transaction costs, institutional organization, which significantly complicates economic monitoring and analysis, as well as impact assessment on the legal sector from both macroeconomic and microeconomic points of view. Having analyzed the problem of the shadow economy in general terms, the article further attempts to highlight the key points of the characteristics of drug markets. The phenomenon of economic expansion of the shadow economy and its criminal sector - the drug market - has long been ignored by most social sciences; there is currently no generally accepted concept in their economic theory. When studying the internal patterns of the drug market, the author relies on the general principles of the functioning of the economy of the legal sector, on theoretical conclusions obtained from studying the criminal sector of the shadow economy, as well as from research on the market for legal addictive goods. The author identifies the key characteristics of drug markets, which can be divided into two groups: those that are typical for the entire criminal sector of the shadow economy and those that are specific to drug markets.

Keywords: drug trafficking, economics of the drug business, hashish, heroin, synthetic drug, drug business, drug market, offshore, darknet, addictive goods, cryptocurrency

For citation: Novokshonov D.V., Smelova S.V., Stishak A.A. Main characteristics of the drug market as a criminal sector of the shadow economy. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 61–72. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/007.pdf>. EDN: DIXXZU.

© Новокшонов Д.В., Смелова С.В., Стишак А.А., 2024

Введение

Интерес к изучению экономических явлений на рынке наркотиков в последние десятилетия носит устойчивый характер в связи с колоссальными прибылями, которые приносит данный сектор теневой экономики. Изучению указанного феномена было уделено внимание лишь в небольшом количестве работ отечественных экономистов – Л. М. Тимофеева [20], М. Ю. Кийко [9], Р. Ю. Скоков [18]. Вместе с тем, из-за сложности поиска достоверных данных, обусловленной нелегальностью этой деятельности, общепризнанной концепции по теории наркорынков пока не разработано.

Однако растущее внимание общественности к системному увеличению незаконного оборота наркотиков подталкивает к использованию любых имеющихся данных для изучения связи между этой криминальной деятельностью и легальной экономикой.

В работе используются описательный метод для получения и первичного анализа актуальной информации о производстве, потреблении и незаконном обороте наркотиков в мире, аналитический метод, позволивший выявить причинно-следственные процессы, и сравнительный метод.

В данной статье авторы ставят целью выявить и проанализировать основные характеристики нелегальных рынков наркотиков, рассмотрев факторы, связанные с формированием цен на наркотики, организа-

цией отрасли, взаимосвязью насилия и незаконного оборота наркотиков.

Основная часть

Чтобы оценить экономическое и социальное явление как количественно, так и качественно, необходимо, прежде всего, его идентифицировать и дать определение, уточнив границы его масштаба и конкретизировав его содержание. Следует отметить, что концептуальные и терминологические дебаты о теневой экономике постоянны. Хотя термин «теневая экономика» является наиболее употребляемым, в российской и зарубежной литературе используются и иные наименования: «неформальная экономика» (informal economy), «подпольная экономика» (under-ground economy), «скрытая экономика» (hidden economy), «параллельная экономика», «неофициальная экономика», «нелегальная экономика» и тому подобные, используя порядка 20 синонимов [3, С. 16; 15]. Все эти пересекающиеся определения относятся к широкому спектру экономических операций, учет и регулирование которых по различным причинам не попадает в поле зрения официальной статистики [8; 19].

Отметим, что до сих пор нет общего консенсуса по определению и структуре теневой экономики, поскольку она анализируется с разных точек зрения в зависимости от решаемых исследователем задач, а также избранной им методологии [13]. В российской академической литературе наблюдается два базовых концептуальных подхода: 1) неформальная и теневая экономики используются как синони-

мичные понятия [9, С. 122]; понятия формальной, неформальной и теневой экономики различны, но одни авторы рассматривают теневую экономику как часть неформальной [3, С. 23], другие, напротив, термин «теневая экономика» используют как предельно общий, полагая, что неформальная экономика является одним из сегментов теневой [3, С. 125; 11].

Дуальность «формально-неформальный» применительно к экономике впервые появляется в экономической теории в начале 70-х годов в работе британского исследователя К. Харта, посвященной проблеме городской безработицы в Африке. Ученый вводит понятие формальных и неформальных возможностей получения дохода для изучения занятости в городской среде указанной страны, особенно среди слоев населения с низкими доходами. Харт связывает возможности неформального дохода с фигурой самозанятого работника, отождествляя формальный доход с наемной занятостью [23]. С этого момента термин «неформальный сектор» стал популярным в международных академических кругах, занимающихся экономическими исследованиями. Указанный термин рассматривается как особая форма структурирования экономики развивающихся стран, суть которой в избегании учета и контроля со стороны государства в отношении сбора налогов, соблюдения стандартов условий труда, качества продукции и предоставления услуг [2].

На XV Международной конференции статистиков труда, состоявшейся в 1993 году, было дано определение неформальной экономической деятельности для того, чтобы сделать возможным статистическое наблюдение в странах, где неформальный микро- и малый бизнес играет важную роль с точки зрения занятости и вклада в ВВП и требует специального рассмотрения в макроэкономическом моделировании и отраслевой политике, не имея точных количественных данных. Согласно этому определению, основанному на статистическом подходе, неформальный сектор – это подмножество сектора домашних хозяйств. Он состоит из семейных предприятий или «неформальных предприятий людей, работающих на себя», которые не нанимают сотрудников на постоянной основе, используя «семейную» рабочую силу и/или временных сотрудников, а также микропредприятий, в которых используется наемный труд, которые характеризуются минимальным государственным регулиро-

ванием и в большинстве случаев не зарегистрированы в официальном порядке (не стоят на налоговом учете, в системе социального обеспечения и т. п.) [1].

Важно отметить, что в документах МОТ (Международная организация труда) неоднократно подчеркивалось, что большинство видов деятельности в неформальном секторе не соответствуют нормам и правилам формальной экономики, особенно когда речь идет об условиях труда и вознаграждении, но они не связаны с преступностью и не ставят целью сознательный обход налоговых правил, уклонение от отчислений на социальное обеспечение или нарушение трудового законодательства. Эта позиция послужила основой для разделения деятельности в неформальном секторе от концепции скрытой или теневой экономической деятельности рядом авторов [3; 9].

Критерий уровня легальности деятельности часто используется для структурирования единого экономического пространства по различным секторам и прослеживания связей между ними, однако и здесь наблюдается отсутствие терминологического единства. Производство товаров и услуг, прямо запрещенных законом, в научной литературе именуют теневой, криминальной, черной либо нелегальной экономикой, причем зачастую эти понятия не являются синонимичными, а напротив, обозначают разные сегменты структуры. К примеру, С. Ю. Барсукова разделяет теневую и криминальную экономику в зависимости от вида нарушения – если в процессах производства, распределения и реализации совершаются противоправные действия, но продукция является законной, то это теневой сектор, если производятся продукция и услуги, прямо запрещенные законом, – криминальный [3, С. 22]. Причем, по мнению автора, оба сектора являются составной частью неформальной экономики, которая образует множественные взаимосвязи с формальной экономикой [3, С. 23]. В трактовке Е. В. Петрова, при схожести смыслового наполнения терминов, выстраивается несколько иная структура: криминальная экономика есть составная часть теневой экономики, а последняя – составная часть неформальной [15]. Другие авторы [6, 9, 10] определяют теневую экономику как производство товаров и услуг, которое намеренно скрыто от государственных механизмов учета и регулирования по следующим причинам: 1) уклонение от уплаты налогов и иных платежей (пошлин, страховых взносов и т. п.); 2)

для обхода стандартов рынка труда (минимальная заработная плата, максимальное рабочее время, стандарты безопасности), 3) конечный продукт (услуги) носит незаконный характер. Все сторонники указанного подхода к определению теневой экономики выделяют в ее структуре сегмент охватывающий производство и распространение товаров и услуг, запрещенных законом, но именуют его различно: нелегальная [9], черная [6, 11] или криминальная [10] экономика.

Таким образом, хотя консенсус относительно терминологии не достигнут, в научной литературе не оспаривается наличие в едином экономическом пространстве множество секторов, один из которых объединяет деятельность, направленную на производство, обращение, сбыт продукции, запрещенной с юридической точки зрения, осуществляемую отдельными людьми, маргинальными или девиантными группами, в условиях полной или относительной тайности. Вместе с тем, подобный терминологический плюрализм представляет собой методологическую проблему, затрудняет определение характеристик нелегальных рынков в целом и отдельных их видов. Другой трудностью является острая нехватка данных и информации о деятельности теневого сектора и объемах нелегального оборота для экономического мониторинга и анализа. Поэтому в отличие от легальной (формальной) экономики, теневой сектор подвержен высокому уровню спекуляций и оценок, зависящих от политических и корпоративных интересов.

Обращаясь к вопросу наиболее значимых характеристик наркорынка как криминального сектора теневой экономики, необходимо ответить на вопрос, похож ли этот рынок на любой другой. В многочисленных работах подчеркивается сходство логики легальной и нелегальной экономики с точки зрения форм ее организации в обмене. В обосновании этой позиции приводятся аргументы о существовании одинаковых принципов организации обмена: механизмов формирования цен и доходов по закону спроса и предложения, вариативности продукции и видов распределения, строгого разделения труда и т. д. Рассматривая наркобизнес как отрасль теневой экономики, отмечает, что он «имеет свою внутреннюю структуру, кадровую иерархию, систему взаиморасчетов, рынок сбыта, подчиненный общим экономическим законам» [16, С. 131].

Полагаем, что при изучении внутренних

закономерностей рынка наркотиков следует опираться не только на общие принципы функционирования экономики легального сектора, но и обращать внимание на теоретические выводы полученные, во-первых, при изучении криминального сектора теневой экономики, а во-вторых, при исследовании рынка легальных аддитивных товаров (алкоголя, табака и т. п.).

Анализ академической литературы и отчетов специализированных организаций и учреждений (Международного комитета по контролю над наркотиками (МККН), Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) и т. п.) позволяет выделить следующие ключевые моменты характеристики наркорынков.

1. Экономическая оценка наркорынков зависит, во-первых, от уровня оценки: международный, региональный либо национальный, во-вторых, от специализации страны/региона на процессах производства, транспортировки, либо потребления.

2. Фундаментальной характеристикой наркоиндустрии является ее высокая рентабельность, особенно все случаи гашиша, героина и синтетических наркотиков; в то время как для каннабиса этот показатель ниже, возможно, из-за того, что производственно-сбытовая цепочка короче, стоимость ниже, а распределительные сети более разветвлены [14].

3. Традиционно признается, что развитие нелегальных рынков (и наркорынка в особенности) часто сопровождается насильственными практиками, которые являются обостренной формой конкуренции и представляет собой способ снижения затрат и препятствий на пути развития бизнес-модели [7, С. 194]. По своей природе незаконная деятельность не использует традиционные методы урегулирования конфликтов и реализации контрактов. На рынке наркотиков применение насилия позволяет разграничивать права собственности (торговые площади) и разрешать конфликты (погашение долгов, контрактов).

4. В широком смысле понимается как обмен товаров на деньги в условиях конкуренции. В отношении наркорынка высказываются различные теории относительно типа конкуренции и организационной структуры.

Рынок наркотиков функционирует в виде «теневых монопольных структур в виде картелей, синдикатов или многофункциональных ОПГ» [17, С. 98].

Доминирующие представления о незаконном обороте наркотиков предполагают, что существование сетей торговцев

наркотиками, строго структурированных вокруг вертикальной организации «холдингового типа, использующих экономические выгоды отраслевого и территориального разделения труда» [9, С. 141]. В наркоиндустрии разделение труда происходит по следующим направлениям: а) ответственные за производство, распространение и сбыт наркотиков; б) ответственные за отмыwanie денег и реинвестирование прибыли; в) ответственные за защиту территорий, стратегических точек и маршрутов, безопасность участников, подкуп властей.

В иностранной литературе высказывается идея о том, что рынок наркотиков структурирован в форме некартельной олигополии, участники которой участвуют в ценовой войне: как и на всех конкурентных рынках, продавец запрещенных наркотиков сталкивается с инновациями конкурентов и с долей рынка, которую последние могут получить [24]. Согласно этому теоретически можно сделать вывод, что нестабильность барьеров для входа на наркорынок свидетельствует о том, что предложение наркотиков всегда будет в изобилии [27].

В других работах не исключается, что может существовать определенная степень картelizации в отношении экспорта наркотиков, поскольку картельная олигополия позволяет достичь соглашения, направленного на предотвращение ценовой войны [29]. Международные сети предполагают сложное разделение труда и стратегические альянсы между картелями, включающие транспортировку, посредничество, хранение, защиту и финансирование, образуя корпоративную структуру [22].

П. Рейтер считает, что отрасль не является вертикально интегрированной: международные торговцы продают оптом независимым торговцам в стране-потребителе, а в случае производства опиума и кокаина фермеры являются индивидуальными предпринимателями. Он также считает, что большинство рынков наркотиков нет признаков картеля или монополии [28]. Эта теория предполагает децентрализацию деятельности, существование множества микросетей либо мелких организаций, чаще всего специализирующихся только на одном из этапов наркобизнеса. Структура, в которой субъекты могут быть полностью независимы друг от друга и где часть трафика осуществляется в небольших количествах, делает преследование участников наркобизнеса очень сложным. Кроме того, ликвидация сети не препятствует продолжению распространения и продажи

наркотиков, что свидетельствует о стабильности наркорынков. Л. Паоли также утверждает, что на наркорынках доминируют не монополии картелей, а плюрализм и конкуренция; большинство сделок с наркотиками, даже тех, которые связаны с огромными объемами наркотиков, совершаются многочисленными, относительно небольшими и часто недолговечными «компаниями». Такому положению дел способствуют чрезвычайно сильные ограничения, которые обусловлены незаконностью продаваемой продукции. Эти ограничения препятствуют формированию иерархически организованных компаний, контролирующих экономические операции на нелегальном рынке наркотиков [27].

Указанная разница в подходах демонстрирует, что рынок наркотиков использует различные формы организации и позволяет предположить, что существует не единый рынок наркотиков, а скорее несколько конфигураций (типов) рынков, функционирующих различно в зависимости от вида наркотиков, социально-политической специфики страны/региона, эволюции спроса, технологического и коммуникационного прогресса. Способность адаптироваться к изменениям и быстро перестраиваться, оставаясь при этом стабильно устойчивой – это еще одно базовое свойство наркоиндустрии.

5. Функциональная схема управления наркоиндустрией включает плановую деятельность, логистику, переговоры, контроль и координацию деятельности, вербовку сотрудников, установление цен, сбор доходов, защиту интеллектуальной собственности и брендов, иерархическое разделение труда, оказание влияния на государственных чиновников, большую и разнообразную сеть профессионалов, поддерживающих преступную деятельность (адвокаты, банкиры и т. п.).

6. Структура рынка наркотиков пирамидальна, а распределение прибыли очень неравномерна и зависит от их уровня в распределительной цепочке. Исследования относительно прибыльности розничной торговли наркотиками малочисленны. В англоязычной литературе отмечается, что представление о розничной торговле наркотиками как чрезвычайно прибыльной деятельности распространено среди молодежи, однако с учетом всех скрытых затрат и недостатков, характерных для нелегальной деятельности, в конечном итоге уровень доходов розничных торговцев наркотиками, эквивалентен рынку труда,

что может предложить им легальный рынок труда. Для трех четвертей розничных торговцев указанная деятельность не является постоянной работой, а доходы от торговли наркотиками фактически представляют собой лишь дополнение к их законной зарплате [28]. Таким образом, американские исследователи приходят к выводу о близости легальных и нелегальных ставок заработной платы. Следует отметить, что эти цифры являются лишь оценками, основанными на предположениях.

В таком контексте выбор входа в торговлю наркотиками представляется иррациональным: доход от этой деятельности не только низок, но и, прежде всего, рискован. С точки зрения затрат, риск ареста полицией и осуждения судом представляет собой вынужденный уход с рынка труда и, следовательно, потерю дохода. Кроме того, на нелегальных рынках не существует коммерческого права, закона о конкуренции или даже трудового права, а регулирование споров осуществляются посредством насилия. Таким образом, выбор участвовать в незаконном обороте наркотиков присутствует в тех случаях, где иные альтернативы дохода трудно реализовать, а также зависит от реализуемой политики образования и социальной интеграции. Тогда мы исходим из следующего постулата: если легальный рынок труда предлагает прибыльные возможности, то стимулы для участия в торговле наркотиками будут ниже.

7. С экономической точки зрения, незаконный оборот наркотиков приносит очень большой объем рабочих мест, которые можно распределить по трем группам:

- группы лиц, которые непосредственно задействованы в наркоиндустрии (крестьяне-производители наркотического сырья, лаборанты; перевозчики-курьеры; держатели складов; координаторы; посредники; бухгалтеры; хранители крупных партий наркотиков; охранники и т. п.);
- лица, действующие в легальном секторе и в силу своей профессии обеспечивающие юридическое и финансовое сопровождение наркорынков (юристы, финансовые консультанты и т. п.). Эта группа является типичной для любого криминального сектора теневой экономики (торговля оружием, торговля людьми и проч.);
- в силу социальной направленности большинства государств существование наркорынков порождает развитие такой сферы деятельности как медицинское и социальное сопровождение наркозависимых (профилактика, лечение и реабилитация).

Структурированная криминальная экономика генерирует прибыль, часть которой останется в теневой сфере для поддержания незаконной деятельности или для ее развития, другая будет реинвестирована в легальную экономику. Глобализация создала благоприятные условия для организаций наркоторговли посредством экономической интеграции и регионализации; финансового дерегулирования и либерализации; что стимулирует потоки товаров, услуг и капитала. В конечном итоге это приводит к усилению глобального режима отмывания денег. Отмывание денег – это операция, заключающаяся в том, чтобы средства или активы, полученные в результате незаконной деятельности, выглядели как доходы законной деятельности и беспрепятственно циркулировали в финансовой системе. Оффшорные механизмы являются одним из наиболее широко используемых преступниками способов отмывания денег [5, С. 265]. Оффшорными территориями или налоговыми убежищами называют определенные страны и территории, которые устанавливают налоговые преимущества, выражающиеся в низких налоговых ставках для определенных типов компаний, которые осуществляют операции нерезидентов за границей и в которых экономические операторы пользуются анонимностью, обеспечиваемой банковской, коммерческой и профессиональной тайной. Сочетание этих элементов, содержащих в своей основе льготные налоговые режимы и секретность, делает офшоры весьма привлекательными для криминального сектора. Как отмечает Р. Галали, представители Интерпола и МККН полагают необходимым регулировать налоговые гавани и оффшорные центры так, чтобы иметь возможность отслеживать деньги [5, С. 265].

Рынки наркотиков активно используют современные информационно-телекоммуникационные технологии. Значительный объем наркотиков (как и большинства запрещенных товаров) торгуется в даркнет – части Интернета, которая была намеренно скрыта и доступна только через такие программы, как, например, Tor Browser [26]. Основными характеристиками этого типа виртуальных рынков являются следующие: а) это платформы для покупки и продажи товаров (в основном нелегальных) в Интернете; б) позволяют пользователям искать и сравнивать товары и продавцов; в) со структурной и функциональной точки зрения они очень похожи на легальные онлайн-рынки; г) они ис-

пользуют ряд стратегий и технологий, чтобы скрыть личности своих участников, обеспечить анонимность транзакций и скрыть физическое местонахождение серверов. Расчет на таких рынках зачастую осуществляется посредством криптовалюты. Криптовалюты являются децентрализованными валютами, то есть их работа не зависит от централизованного суверенного органа-эмитента, а скорее действует через сеть одноранговых узлов (или одноранговую сеть). При этом также следует отметить, что расчетные операции проводятся с использованием программного обеспечения с открытым исходным кодом, которое можно использовать на любом компьютере или мобильном устройстве. Криптовалюты при грамотном использовании могут гарантировать выполнение онлайн-транзакций с высоким уровнем анонимности. Онлайн-наркорынки применяют ряд механизмов, предназначенных для минимизации мошенничества и, следовательно, стимулирования доверия пользователей, в частности, «системы репутации», которые аналогичны тем, что существуют на интернет-рынках, торгующих легальными продуктами. Сервисы даркнета позволяют пользователям наркорынков иметь представление о репутации покупателей, их истории продаж, а также уровень удовлетворенности пользователей, которые в прошлом покупали у конкретных поставщиков: это рейтинги и отзывы, которые обычно активируются после совершения покупки, а также обзоры, которые, как правило, делаются на форумах, существующих на рынках даркнета или в других социальных сетях. Также используются системы отсроченных платежей, т. е. отправка платежа продавцу только после получения покупателем нелегального товара.

Розничные покупки составляют наибольшую долю операций, осуществляемых на рынках даркнета, общая прибыль, получаемая ежемесячно от продажи запрещенных наркотиков колеблется по самой низкой оценке от 12 до 14 миллионов долларов и по самой высокой оценке от 21 до 25 миллионов долларов [25]. Марихуана является наркотиком, который приносит наибольшую прибыль на онлайн-рынках (31 %), на втором месте – стимуляторы 24 % (к которым относятся кокаин и амфетамины); 16 % – вещества типа экстази; с 8 % – психоделики и с 6 % – опиоиды [21].

Вместе с тем следует отметить, что интернет-наркорынки не повлекли за собой серьезных изменений в производстве или культивировании наркотиков: производство листа коки и изготовление кокаина по-

прежнему почти полностью осуществляется в Колумбии, Перу и Боливии, опиатов в Афганистане, каннабиоидов в Парагвае, Мексике, Марокко. Когда дело доходит до приобретения крупных партий наркотиков, сделки осуществляются посредством личных контактов. Однако появление онлайн-наркорынков привело к изменениям на уровне розничных продаж наркотиков, поскольку виртуальные рынки появились в качестве альтернативы традиционным розничным рынкам.

Хотя количество производимых и торгуемых наркотиков не может быть точно определено, ориентировочные оценки, тем не менее позволяют выявить тенденции или колебания производства. Из-за сложности расчета оценок производства и потребления в статистических отчетах, в статье приведем данные за пятилетний период (рисунок).

До недавнего времени наркополитику можно охарактеризовать как стратегию запретительного контроля над наркотиками, в основе которой лежат профилактика, терапия и репрессии. Запрет – это попытка предотвратить или хотя бы ограничить потребление наркотиков посредством уголовно-правового запрета. С экономической точки зрения эту попытку можно рассматривать как особую форму государственного регулирования рынка. Современная тенденция такова, что предпринимаются активные попытки вытеснить наркорынки из теневого сектора в легальный посредством правой либерализации.

Термин «либерализация» в связи с незаконным оборотом наркотиков следует понимать как собирательное понятие для различных проектов реформ, направленных на альтернативную политику в отношении наркотиков. Многочисленные предложения по либерализации можно разделить на различные категории: 1) легализация (полная отмена уголовного запрета); 2) декриминализация (отмена уголовного запрета в отношении отдельных видов наркотиков или небольшого количества для всех видов); 3) депенализация (отмена наказания за хранение и приобретение наркотических средств в небольших количествах при общем сохранении уголовно-правового запрета); 4) контролируемое распространение наркотиков (организованная и контролируемая государством поставка наркотиков или их заменителей с государственной монополией на производство, сбыт и распространение, в то же время признающая незаконными негосударственные действия).

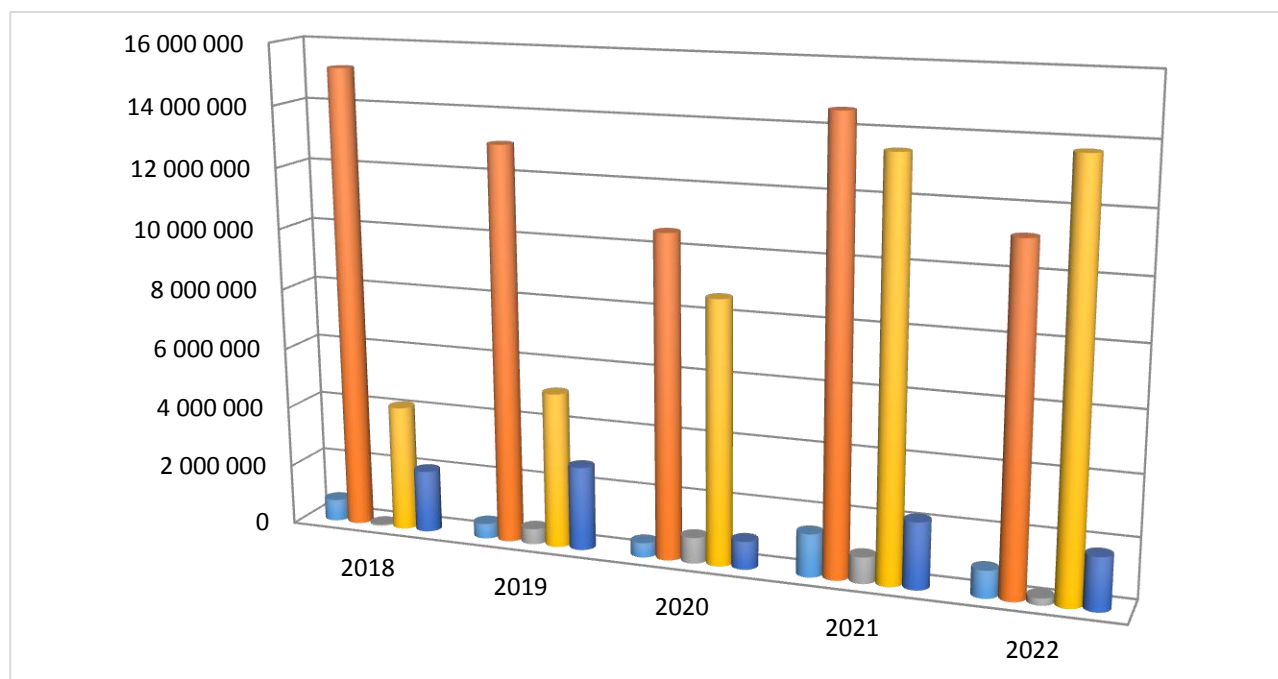

Рисунок – Количество наркотических средств, изъятых на момент возбуждения уголовного дела*

Figure – The number of narcotic drugs seized at the time of initiation of the criminal case

* Количество наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих веществ, изъятых на момент возбуждения уголовного дела. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 01.11.2023).

В экономике рынок – это, по сути, любое собрание спроса и предложения, независимо от того, где, в какое время и при каких обстоятельствах. Задача рынка – сбалансировать спрос и предложение. В контексте рынка наркотиков вопрос о равновесности спроса и предложения и эластичности цен на наркотики – дискуссионный.

В экономической науке значительное внимание уделяется индивидуальной свободе и потребительскому суверенитету. Эти два фактора применительно к рынкам аддитивных товаров вызывают споры [4, 18, 19]. М. Ю. Кийко высказывает сомнение в возможности наркозависимого потребителя действовать рационально, и соответственно, влиять на эластичность спроса [9]. Однако модель Беккера (1988) стала основой исследований, позволяющих объяснить поведение, связанное с зависимостью, используя экономическую модель рационального выбора, т. е. предполагая полный суверенитет потребителя [12].

Стандартная экономическая модель предполагает, что экономических благ не хватает и что потребитель должен подумать, для чего он хочет использовать свои ограниченные ресурсы (время и деньги).

Этот процесс принятия решений можно спроектировать следующим образом, предполагая рациональную максимизацию полезности: во-первых, экономический агент увеличивает свое потребление при увеличении дохода, что приводит к положительному эффекту дохода; во-вторых, при имеющихся ресурсах рациональный потребитель будет потреблять большее количество подешевевшего товара и, соответственно, меньший спрос на товар со сравнительно более высокими альтернативными издержками – отрицательный эффект замещения. Наркотики отличаются от обычных экономических товаров. Особые свойства требуют модификации стандартной модели, которая учтена в модели Беккера.

Первая гипотеза касается взаимосвязи между удовольствием (пользой продукта) полученным индивидом от потребления продукта (или деятельности) и прошлым потреблением того же продукта. В формальном смысле коэффициент α , выбранный Беккером и Мерфи, отражает влияние прошлого потребления на фактическое или ожидаемое удовольствие от текущего потребления. На этом уровне зависимость

проявляется, когда $\alpha > 0$, то есть когда прошлое потребление продукта увеличивает удовольствие, полученное от текущего потребления, тем самым подавляя любой сигнал насыщения. Это свойство, которое Беккер называет «смежной комплементарностью», является маркером зависимости.

Вторая гипотеза связана с влиянием временности на поведение потребителей, т. е. в учете времени, отделяющего потребителя от момента, когда он получит удовольствие (пользу) от своего потребления. В экономике оно измеряется ставкой дисконтирования, связанной с полезностью. Предпочтение, проявляемое субъектом в конкретный момент, принимает форму коэффициента, обозначенного Беккером σ . Следуя формулировке Беккера, очень высокий σ , который стремится к $+\infty$ непосредственно перед потреблением продукта, показывает очень сильное предпочтение. Это вызывает у потребителей уязвимость к риску зависимости, которая материализуется, когда она сочетается с положительным α , связанным с конкретным продуктом.

Наркомания, как она сформулирована в данной модели динамики потребления, может быть квалифицирована как рациональная. Действительно, у потребителя, который демонстрирует склонность к аддикции в соответствии с признаками, сохраняемыми моделью ($\alpha > 0$; δ , стремящимся к ∞), аддиктивное поведение к потреблению продукта или к осуществлению какой-либо деятельности является полностью когерентным. Эта логическая последовательность трансформируется в рациональность, если мы добавим экономическое следствие максимизации полезности, понимаемой здесь скорее как удовольствие, получаемое от такого потребления. Зависимое потребление, удовлетворяющее этому условию, следовательно, раскрывает рациональность своего потребителя в смысле, близком к экономической парадигме рационального выбора.

Однако, основываясь на элементах теории рациональной зависимости, нет никаких оснований утверждать, что проявления зависимости являются результатом сознательного выбора субъектов. Таким образом, динамическая теория Беккера, основанная на экономической парадигме рационального выбора, оказывается неэффективной, поскольку она бессильна объяснить изменения в целях и мотивациях, проявляемых субъектом-наркоманом, особенно на рынке «тяжелых» наркотиков.

Заключение

Итак, анализ показывает, что одной из трудностей и ограничений изучения нелегального рынка теневого сегмента экономики является недостаточная точность данных о спросе и предложении запрещенных веществ. Доступная информация о производстве и потреблении незаконных наркотиков варьируется в зависимости от методологии, используемой соответствующими организациями и исследователями для оценки информации о производстве и потреблении. Однако различные источники, хотя и расходятся в данных, сходятся во мнении о тенденции расширения наркорынков.

Определенные нами ключевые характеристики наркорынков можно подразделить на две группы:

1) те, которые типичны для всего криминального сектора теневой экономики: развитие часто сопровождается насильственными практиками; полученная прибыль частью останется в теневой сфере для поддержания и развития незаконной деятельности, а частью источником финансирования легальной экономической деятельности; используются различные механизмы для «отмывания» денег; активное использование современных информационно-телекоммуникационных технологий: даркнет, криптовалюты (что, однако, не влечет за собой серьезных изменений в производстве или культивировании наркотиков);

2) специфичные для рынков наркотиков: высокая рентабельность (производство наркотиков является одной из наиболее продуктивных и прибыльных отраслей экономики); порождает развитие таких легальных секторов экономики как медицинское и социальное сопровождение наркозависимых; использование различных форм организации, функционирующих различно в зависимости от вида наркотиков, социально-политической специфики страны/региона, эволюции спроса, технологического и коммуникационного прогресса; способность адаптироваться к изменениям и быстро перестраиваться, оставаясь при этом стабильно-устойчивой структурой; отклонение от конкурентного равновесия и дифференциация ценовой эластичности в зависимости от вида наркотиков (легкие или тяжелые); тенденция к вытеснению наркорынков из теневого сектора в легальный посредством правой либерализации; в странах-производителях создаются пространства с экономикой, основанной на производстве, продаже и введении доходов от наркотиков в легальную сферу.

Список источников

1. ILO Resolution Concerning Statistics of Employment in The Informal Sector. Resolution II adopted be the Fifteenth Conference of Labour Statisticians / ILO. Geneva : International Labour Office, 1993.
2. Баринов А. С. Особенности становления концепции теневой экономики в современной научной литературе // Вестник ЧелГУ. 2020. № 2 (436). С. 9–20. doi:10.24411/1994-2796-2020-10201.
3. Барсукова С. Ю. Лекции по неформальной экономике: кратко, понятно, наглядно: учебное пособие. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 232 с.
4. Болва Н. В. Об особенностях экономического поведения наркозависимого потребителя // Вестник Сибирского юридического института ФСИН России. 2012. № 1(10). С. 43–49.
5. Галали Р. Д. А. Оффшорные банки как канал отмывания преступных доходов и финансирования терроризма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 263–269.
6. Гончаров В. Н. Теневая экономика: государственные меры борьбы / В. Н. Гончаров, И. А. Денисенко, М. Н. Шевченко // Право и управление. XXI век. 2020. Т. 16. № 2(55). С. 106–115. DOI 10.24833/2073-8420-2020-2-55-106-115.
7. Гулаков Р. Н. Преступность теневой экономики // Вестник Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА). 2017. № 7. С. 192–200. URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.35.7.192-200>.
8. Капитонова Н. В. Тенденции развития теневой экономики современной России / Н. В. Капитонова, А. А. Капитонова // Теневая экономика. 2021. Т. 5. № 1. С. 9–18. DOI: 10.18334/tek.5.1.111962.
9. Кийко М. Ю. Противодействие наркобизнесу как стратегическое направление обеспечения экономической безопасности России: дис. ... д-ра эконом. наук: 08.00.05 / Кийко Михаил Юрьевич. М., 2017. 286 с.
10. Костин А. В. Теневая экономика и государственное управление // Мир экономики и управления. 2012. № 12(1). С. 18–25.
11. Латов Ю. В. Экономика вне закона: Очерки по теории и истории теневой экономики. М. : Московский общественный научный фонд, 2001. 284 с.
12. Левин М. И. Экономические модели аддиктивного поведения / М. И. Левин, А. Б. Фенько // Финансы и бизнес. 2008. № 4. С. 1–23.
13. Лизина О. М. Концептуальные подходы к исследованию теневой экономики и ее структуры // Контентус. 2019. № 5(82). С. 160–174.
14. Найденов А. С. Особенности функционирования экономики российского наркобизнеса в современных условиях / А. С. Найденов, И. А. Кривенко // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 4. С. 63–65.
15. Перов Е. В. Теневая экономика как признак конфликтности экономической системы общества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 3. С. 10–17.
16. Сафонова Т. А. Наркобизнес – сегмент теневой экономики: взаиморасчеты за наркотики на платформе черного рынка даркнета // Академическая мысль. 2022. № 2(19). С. 130–135.
17. Скоков Р. Ю. Монополия vs конкуренция: состояние, сценарии и факторы на рынках аддиктивных товаров // Современная конкуренция. 2018. Т. 12. № 2–3(68–69). С. 96–107.
18. Скоков Р. Ю. Экономическая теория рынков аддиктивных товаров: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. 484 с.
19. Смелова С. В. Наркобизнес как сектор теневой экономики и угроза экономической безопасности страны / С. В. Смелова, Р. Р. Тотоев // Теневая экономика. 2023. Т. 7. № 1. С. 55–72. doi: 10.18334/tek.7.1.116937.
20. Тимофеев А. М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. 2-ое изд., перераб. и доп. СПб. : «Медицинская пресса», 2001. 96 с.
21. Aldridge, Judith and Décary-Héту, David, Not an 'Ebay for Drugs': The Cryptomarket 'Silk Road' as a Paradigm Shifting Criminal Innovation (May 13, 2014). URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2436643> (дата обращения: 09.11.2023).
22. Buddenberg, Doris; Byrd, William A. Afghanistan's drug industry: structure, functioning, dynamics, and implications for counter-narcotics policy (English). Washington, D.C.: World Bank Group. 2006. P. 117–152. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/151161467996726308/Afghanistans-drug-industry-structure-functioning-dynamics-and-implications-for-counter-narcotics-policy> (дата обращения: 10.11.2023).

23. Hart K. Informal Urban Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // *Journal of Modern African Studies*. 1973. Vol. 11; 1: 61–90.
24. Kopp, Pierre-Alexandre. *Économie de la drogue. La Découverte*, 2006. <https://doi.org/10.3917/dec.kopp.2006.01>.
25. Kruithof, K., Aldridge, J., Décary-Hétu, D., Sim, M.P., Dujso, E., & Hoorens, S. (2016). Internet-facilitated drugs trade: An analysis of the size, scope and the role of the Netherlands. Access: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1600/RR1607/RAND_RR1607.pdf (дата обращения: 10.11.2023).
26. Куликов А. В. Проблемы квалификации сбыта наркотиков, совершенного группой лиц с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / А. В. Куликов, И. Ю. Железняк // *Наркоконтроль*. 2023. № 4. С. 9–12.
27. Жбанков В. А. Транснациональная организованная наркопреступность и наркоконтроль как ее составляющая: современное состояние и основные тренды: монография / В. А. Жбанков, А. В. Табаков М., 2017. С. 56.
28. Moeller K. (2020). Drug Market Criminology: Combining Economic and Criminological Research on Illicit Drug Markets. *CrimRxiv*. Retrieved from <https://www.crimrxiv.com/pub/hj6x23t6> (дата обращения: 10.11.2023).
29. Paoli Letizia. Die unsichtbare Hand des Marktes: Illegaler Drogenhandel in Deutschland, Italien und Russland. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 2003. P. 356–383.
30. Reuter P. 2009. Assessing changes in global drug problems 1998-2007. Bruselas: Comisión Europea. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/technical_reports/2009/RAND_TR704.pdf (дата обращения: 11.11.2023).

References

1. ILO Resolution Concerning Statistics of Employment in The Informal Sector. Resolution II adopted by the Fifteenth Conference of Labour Statisticians / ILO. Geneva : International Labour Office, 1993. (In Russ.).
2. Barinov A. S. Features of the formation of the concept of the shadow economy in modern scientific literature. In: *Vestnik ChelGU*. 2020;2 (436): 9–20. doi:10.24411/1994-2796-2020-10201. (In Russ.).
3. Barsukova S. Yu. *Lekcii po neformal'noj ekonomike: kratko, ponyatno, naglyadno*. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2021. (In Russ.).
4. Bolva N. V. About the peculiarities of the economic behavior of a drug-addicted consumer. In: *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii*. 2012;1(10): 43–49. (In Russ.).
5. Galali R. D. A. Offshore banks as a channel for laundering criminal proceeds and financing terrorism. In: *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 2019;1: 263–269. DOI 10.22394/2079-1690-2019-1-1-263-269. (In Russ.).
6. Goncharov V. N., Denisenko I. A., Shevchenko M. N. Tenevaya ekonomika: gosudarstvennye mery bor'by. In: *Pravo i upravlenie. XXI vek*. 2020. Vol. 16;2(55): 106–115. DOI 10.24833/2073-8420-2020-2-55-106-115. (In Russ.).
7. Gulakov R. N. The criminality of the shadow economy. In: *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*. 2017;7: 192–200. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.35.7.192-200>. (In Russ.).
8. Kapitonova N. V., Kapitonova A. A. Trends in the development of the shadow economy in modern Russia. In: *Tenevaya ekonomika*. 2021. Vol. 5;1: 9–18. DOI: 10.18334/tek.5.1.111962. (In Russ.).
9. Kijko M. Yu. *Protivodejstvie narkobiznesu kak strategicheskoe napravlenie obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii*. Moscow, 2017. (In Russ.).
10. Kostin A. V. Tenevaya ekonomika i gosudarstvennoe upravlenie. In: *Mir ekonomiki i upravleniya*. 2012;12(1): 18–25. (In Russ.).
11. Latov Yu. V. *Ekonomika vne zakona: Ocherki po teorii i istorii tenevoj ekonomiki*. Moscow: Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond, 2001. (In Russ.).
12. Levin M. I., Fen'ko A. B. Ekonomicheskie modeli addiktivnogo povedeniya. In: *Finansy i biznes*. 2008;4: 1–23. (In Russ.).
13. Lizina O. M. Conceptual approaches to the study of the shadow economy and its structure. In: *Kontentus*. 2019;5(82): 160–174. (In Russ.).
14. Najdenov A. S., Krivenko I. A. Features of the functioning of the Russian drug business economy in modern conditions. In: *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika*. 2015;4: 63–65. (In Russ.).
15. Perov E. V. The shadow economy as a sign of the conflictogeneity of the economic system of society. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*. 2016;3: 10–17. (In Russ.).

16. Safonova T. A. Drug business is a segment of the shadow economy: settlements for drugs on the darknet black market platform. In: Akademicheskaya mysl'. 2022;2(19): 130–135. (In Russ.).
17. Skokov R. Yu. Monopoly vs competition: the state, scenarios and factors in the markets of addictive goods. In: Sovremennaya konkurenciya. 2018. Vol. 12;2–3(68–69): 96–107. (In Russ.).
18. Skokov R. Yu. Ekonomicheskaya teoriya rynkov addiktivnyh tovarov. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2019. (In Russ.).
19. Smelova S. V., Totoev R. R. Drug trafficking as a sector of the shadow economy and a threat to the economic security of the country. In: Tenevaya ekonomika. 2023. Vol. 7;1: 55–72. doi: 10.18334/tek.7.1.116937 (In Russ.).
20. Timofeev L. M. Narkobiznes. Nachal'naya teoriya ekonomicheskoy otrasli. Saint-Petersburg: «Medicinskaya pressa», 2001. (In Russ.).
21. Aldridge, Judith and Décary-Héту, David, Not an 'Ebay for Drugs': The Cryptomarket 'Silk Road' as a Paradigm Shifting Criminal Innovation (May 13, 2014). Available from: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2436643> [Accessed 9th November 2023]. (In Russ.).
22. Buddenberg, Doris; Byrd, William A. Afghanistan's drug industry: structure, functioning, dynamics, and implications for counter-narcotics policy (English). Washington, D.C.: World Bank Group. 2006. P. 117–152. Available from: <http://documents.worldbank.org/curated/en/151161467996726308/Afghanistans-drug-industry-structure-functioning-dynamics-and-implications-for-counter-narcotics-policy> [Accessed 10th November 2023]. (In Russ.).
23. Hart K. Informal Urban Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. In: Journal of Modern African Studies. 1973. Vol. 11;1: 61–90. (In Russ.).
24. Kopp Pierre-Alexandre. Économie de la drogue. La Découverte, 2006. <https://doi.org/10.3917/dec.kopp.2006.01>.
25. Kruithof, K., Aldridge, J., Décary-Héту, D., Sim, M.P., Dujso, E., & Hoorens, S. (2016). Internet-facilitated drugs trade: An analysis of the size, scope and the role of the Netherlands. Available from: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1600/RR1607/RAND_RR1607.pdf [Accessed 10th November 2023].
26. Kulikov A. V., Zheleznyak I. Yu. Problems of qualification of drug sales committed by a group of persons using information and telecommunication technologies. In: Narkokontrol'. 2023;4: 9–12. (In Russ.).
27. Zhbakov V. A., Tabakov A. V. Transnacional'naya organizovannaya narkoprestupnost' i narkokontrobanda kak ee sostavlyayushchaya: sovremennoe sostoyanie i osnovnye trendy. Moscow, 2017: 56. (In Russ.).
28. Moeller K. (2020). Drug Market Criminology: Combining Economic and Criminological Research on Illicit Drug Markets. CrimRxiv. Available from: <https://www.crimrxiv.com/pub/hj6x23t6> [Accessed 10th November 2023].
29. Paoli Letizia. Die unsichtbare Hand des Marktes: Illegaler Drogenhandel in Deutschland, Italien und Russland. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 2003: 356–383.
30. Reuter P. 2009. Assesing changes in global drug problems 1998-2007. Bruselas: Comisión Europea. Available from: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/technical_reports/2009/RAND_TR704.pdf [Accessed 11th November 2023].

Информация об авторах

Д. В. Новокшонов – кандидат юридических наук, доцент
С. В. Смелова – кандидат юридических наук, доцент
А. А. Стишак – доцент

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023;
одобрена после рецензирования 26.01.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

D. V. Novokshonov – Candidate of Sciences (Law), Docent
S. V. Smelova – Candidate of Sciences (Law), Docent
A. A. Stishak – Docent

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 23.11.2023;
approved after reviewing 26.01.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 343.97
EDN: ЕАОНУК**ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Иван Львович Третьяков***Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
mail@treyakov.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1720-4187>*

Аннотация. Рассматривается комплекс проблем, затрагивающий сущностные особенности экологических преступлений, совершаемых в условиях Арктического региона. Исследуются детерминанты (причины, источники, факторы), которые способствуют росту криминальной активности населения в сфере экологии, потенцируют противозаконные действия, наносящие вред живой и неживой природе на арктических территориях. Сделан вывод о наличии трех групп криминологических детерминант, которые играют наиболее значимую роль в процессе усиления криминогенного потенциала населения Арктики. Первый «источник криминогенности» обусловлен объективными обстоятельствами (социальными и экономическими). Второй источник связан с ненадлежащей работой государственных структур по экологическому контролю, мониторингу экологической ситуации, экологической профилактике, пропаганде соответствующих знаний, формированию общей и правовой культуры. Третий источник представляет собой ряд негативных индивидуальных (личностных) характеристик экологических преступников. Последний источник является наиболее важным, так как личность, обладающая свободой воли, сама запускает механизм реализации преступной деятельности. К тому же не следует забывать о таком феномене, как самодетерминация преступности (экологической, корыстной, организованной, неосторожной и т. д.). Обосновывается мысль о том, что важнейшими элементами системы противодействия экологической преступности в Арктике должны стать информационно-коммуникационные технологии, направленные на устранение дефектов в экологическом сознании, на консолидацию государства и общества в сфере природоохраны.

Ключевые слова: природные ресурсы, окружающая среда, общество, социальные противоречия, аномия, эгоизм, «теневая экономика», ситуативные факторы, криминологическая профилактика, регионы Арктической зоны Российской Федерации

Для цитирования: Третьяков И.Л. Детерминанты экологической преступности в Арктической зоне Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 73–88. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/008.pdf>. EDN: ЕАОНУК.

Original article

**DETERMINANTS OF ENVIRONMENTAL CRIME
IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION****Ivan L. Tretyakov***Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia
mail@treyakov.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1720-4187>*

Abstract. This article addresses the issues and problems that affect the essential peculiarities of environmental crimes committed in the Arctic region. The author investigated the determinants (reasons, origins, and factors) that contribute to the growth of criminal activities in the field of ecology, and lead to an increase of illegal actions that harm wildlife and inanimate nature in the Arctic territories. The Author comes to the conclusion that there are three major groups of criminological determinants that are most essential for increasing the criminogenic potential of the Arctic population. The first source of criminal activities is determined by the objective circumstances (social and economic). The second one is related to poor performance of state

authorities responsible for environmental control, monitoring of the environmental situation, and prevention of environmental pollution, the promotion of relevant knowledge, the formation of a general and legal culture. While the third source stems from the individual (personality) characteristics of environmental criminals. The latter being the most crucial factor, since it is a free individual with free will who triggers the mechanism of criminal activity. In addition, one should not forget about such a phenomenon as the self-determination of crime (and not only environmental, but also selfish, organized, careless, etc.). The article proves the idea that information and communication technologies aimed at eradicating detorsions of environmental consciousness, as well as at consolidating the state and society efforts in the field of environmental protection should become the most important tools for countering environmental crimes.

Keywords: natural resources, environment, society, social contradictions, anomie, selfishness, «shadow economy», situational factors, criminological prevention, regions of the Arctic zone of the Russian Federation

For citation: Tretiyakov I.L. Determinants of environmental crime in the Arctic zone of the Russian Federation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2024;1(26): 73–88. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/008.pdf>. EDN: EAOHVK.

© Третьяков И.Л., 2024

Введение

Проблемы Арктического региона в течение многих десятилетий не сходят с повестки дня ООН, экологических и политических форумов, юридических и экономических конференций, прорабатываются аналитиками нефтегазового бизнеса, военными [1, С. 6; 2, С. 30–33; 3; 4, С. 37–38; 5, С. 23–25]. Сегодня широчайший спектр рассматриваемых вопросов касается практически всех сфер человеческой жизнедеятельности, начиная от споров о границах рыболовства, загрязнения Арктики нефтепродуктами, микропластиком и заканчивая ядерной безопасностью в акватории Северного Ледовитого океана [6, С. 58–60; 7, С. 32–34; 8, С. 23–26; 9, С. 4–6; 10, С. 18–20]. В течение 2022–2023 года правительство Российской Федерации скорректировало основы своей геополитики в Арктике. Руководством страны было заявлено о стремлении не только обеспечить функционирование новой транспортной артерии – Северного морского пути (в обход Суэцкого канала), но и воплотить в жизнь особый, не имеющий аналогов сухопутно-морской принцип планирования, где материковые арктические территории и водные пространства рассматриваются как единое целое. В ответ США заявили о своих претензиях на арктический шельф (площадью до одного млн. квадратных километров), находящийся за пределами 200-мильной зоны, закрепленной международным правом. Однако, несмотря на давление англосаксов, бизнес-структуры стран Персидского залива, Индии, Китая, Индонезии, Сингапура и т.д. выразили желание принять активное участие во многих арктических проектах. Ситуация складывается таким образом, что «в какой-то момент» финансовые потоки из

Азии, Ближнего и Дальнего Востока буквально хлынут в Россию. Эти средства позволят создавать высокотехнологичные логистические и транспортные центры, «умные города», проводить более тщательную геологическую разведку, модернизировать способы добычи полезных ископаемых [11, С. 261–263; 12, С. 2–4; 13, С. 23–25; 14, С. 3–5; 15, С. 44–46; 16, С. 15; 17, С. 590–593].

Разумеется, все вышеперечисленные обстоятельства (наравне с быстро меняющимся климатом) довольно негативно скажутся на состоянии окружающей среде (на арктической флоре и фауне). Поэтому консолидированные действия российских силовиков, природоохранных ведомств, ученых в Арктике должны быть в кратчайшие сроки многократно усилены, а также подчинены единому руководству. Заслуживает внимания и тот неоспоримый факт, что, несмотря на обилие серьезных отечественных и зарубежных исследований по обозначенной проблематике, по-прежнему сохраняется острая потребность в более углубленных и регулярно обновляемых междисциплинарных знаниях об Арктике. Только такая информация позволит прогнозировать потенциальные риски освоения арктических территорий (в широком смысле), оперативно реагировать на возможные угрозы, адекватно воспринимать сложившуюся внешнеполитическую, экологическую и внутреннюю (в т. ч. криминальную) ситуацию [18, С. 84–90; 19, С. 25–26; 20, С. 105–108; 21; 22, С. 132–135].

К сожалению, Россия и Запад далеки от консенсуса, поскольку далеко не все акторы (и, прежде всего, США) настроены конструктивно. Приходится констатировать, что в постиндустриальном обществе арктическая тематика все чаще становится ми-

шению для различных манипуляций. Нередко правдивая информация подменяется фейковой (т. е. лживыми слухами, умышленно искаженными или сфальсифицированными данными, «откровениями» неадекватных, радикально настроенных субъектов), что подрывает доверие на межгосударственном уровне, негативно сказывается на социально-политической обстановке в той или иной стране, препятствует налаживанию полноценного диалога между общественными экологическими организациями и приграничными органами власти.

В современной западной политике наиболее гипертрофированно представлены ультралевые, популисты и крайне правые неоконсерваторы. Все они в той или иной мере делают ставку на экологию, хотя, правильнее будет говорить не о серьезных подходах к проблемам окружающей среды, а о спекулятивных рассуждениях [23, С. 2707; 24, С. 1–19; 25, С. 1–15; 26, С. 482–490; 27]. В целом, их концептуальные модели чрезвычайно далеки от реальной жизни, запросов миллиардов людей из стран Азии, Африки, Латинской Америки среди которых царят голод, нищета, эпидемии, насилие и т. д., от фундаментальной науки, это – политический фарс, рекламный трюк «вашингтонского обкома», за которым отчетливо прослеживается претензия на мировое господство.

Разумеется, все вышеперечисленные обстоятельства оказывают влияние на внешнюю и внутреннюю политику России, на содержание и направленность экологических стратегий, при этом руководству страны приходится решать собственные, достаточно специфические проблемы, например, связанные не только с профилактикой экологического неблагополучия (вызванного техногенными факторами), но и с противостоянием экологической преступности.

На основании анализа российской и зарубежной юридической литературы, нормативных источников, материалов судебной и следственной практики, обзоров и рекомендаций, составленных органами прокуратуры, детального исследования публикаций в средствах массовой информации, в социальных сетях, представляется возможным говорить о том, что экологическая преступность реально угрожает национальной безопасности России. Лица, совершающие подобные деяния, в значительной степени склонны к организованным формам преступной деятельности, причем как на территории всей Россий-

ской Федерации, так и непосредственно в Арктике. Исследователи часто пишут о высокой латентности экологической преступности, криминальном профессионализме и растущей технической оснащенности преступников, об ужесточении способов борьбы криминальных лидеров за свое доминирование, о наличии разветвленной коррупции среди чиновников, о недостаточной компетентности и мобильности правоохранителей [28, С. 182–183; 29, С. 42–50; 30, С. 218–219; 31, С. 135–139].

В то же время не следует забывать о существовании еще двух категорий преступников: 1) неосторожных, которые выражают пренебрежительное отношение к общественным интересам, не обладают должной профессиональной подготовкой, в целом игнорируют отечественное экологическое законодательство; 2) лиц с циничной, демонстративной, насильственной мотивацией (т. е. хулиганов).

Если неосторожные преступники в основной своей массе «поверхностны», безответственны, зачастую представляются слабовольными и не склонными к насилию (при этом они плохо прогнозируют последствия своих действий, стремятся переложить ответственность на окружающих или «пустить все на самотек»), то хулиганы действуют расчетливо, умышленно, они прекрасно знают, что причиняют вред и наслаждаются этим. Особенно опасны хулиганы, являющиеся психически больными с высоким уровнем агрессивности или находящиеся в состоянии токсического опьянения. Именно они совершают поджоги, уничтожают растения, занесенные в Красную книгу, охотятся на животных, стремясь причинить своим жертвам как можно больше страданий. Среди хулиганов, склонных к подобным деяниям, наиболее часто встречаются представители одного из четырех криминологических типов: либо ситуационного, либо дезадаптивного, либо злостного, либо особо опасного. Как следует из сказанного, неосторожные преступники (в отличие от хулиганов) таким «криминологическим многообразием» не отличаются.

Общеизвестно, что преступность нельзя победить (окончательно ликвидировать), но ее можно и нужно контролировать, сдерживать, влиять на ее динамику. А для этого следует, прежде всего, определиться с детерминантами криминализации, истоками конфликтов и противоречий в социуме. Причины и условия общеуголовной преступности довольно подробно описаны в

учебниках по криминологии. В основном они рассматриваются в виде комплекса экзо-эндогенных источников, генерирующих девиантную (неприемлемую с точки зрения морали и права) систему социальных отношений, ценностей, взглядов и т. д. В то же время необходимо признать, что специфические факторы, детерминирующие экологическую преступность, нуждаются в избирательном (более узком, детальном и целенаправленном) анализе [32, С. 16–19; 33, С. 51–59; 34, С. 504–509].

Таким образом, все вышесказанное свидетельствует о чрезвычайной актуальности вопросов, касающихся обеспечения экологической безопасности Арктики и нейтрализации факторов, детерминирующих экологическую преступность в данном регионе.

Краткая характеристика экологической преступности в арктических регионах России

Говоря о состоянии оперативной обстановки в стране на протяжении последних лет, то следует отметить, что она характеризуется стабильностью. Кроме того, в контексте заявленной темы, важно напомнить, что с 2021 по 2023 год четко прослеживалось неуклонное снижение числа зарегистрированных преступлений экологической направленности. В целом же динамика экологической преступности в Российской Федерации характеризуется незначительными колебаниями (в пределах от 19,0 до 24,5 тыс. преступлений).

С января 1997 по декабрь 2023 года удельный вес экологических преступлений (в общем объеме всех зарегистрированных преступных деяний) находился в диапазоне от 0,3 % до 1,2 %. В свою очередь на Арктику приходится менее 0,1 %. Статистические данные, представленные на официальном сайте МВД России, демонстрируют, что из всех арктических территорий наиболее сложная обстановка в сфере экологической преступности периодически складывается в Республике Саха (Якутия), в ряде районов Карелии, Архангельской области, в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах [35].

Если проанализировать отдельно взятую группу экологических преступлений, совершенных в нашей стране с января по декабрь 2023 года, то окажется, что около 96 % преступных деяний были связаны с посягательствами на живую природу (70 % приходится на незаконное рыболовство, 20 % – на рубку леса, 6 % – на незаконную охоту), 4 % – связаны с иными преступлени-

ями (при этом лишь от 0,2 до 0,4 % деяний были связаны с загрязнением окружающей среды, когда природе был нанесен серьезный вред). Общероссийские тенденции характерны и для Арктической зоны – большинство экологических преступлений связано здесь с браконьерством [36; 37].

К сожалению, криминальная статистика дает лишь приблизительное представление об истинном положении дел, это – верхушка айсберга, а о реальном количестве совершенных экологических преступлений правоохранители имеют весьма приблизительное представление. Хотя, безусловно, существует криминологические прогнозы, способы определения наиболее вероятного уровня латентной преступности в сфере природопользования и т. п. В подтверждении сказанному весьма уместно напомнить о «лихих девяностых», когда, согласно исследованиям некоторых известных ученых, а также по данным «громких» журналистских расследований и по воспоминаниям целого ряда силовиков, доходы криминального бизнеса от незаконной реализации биоресурсов в том числе и за счет контрабанды, ухода от налогов и т. д. составляли десятки миллионов долларов. Если в советское время выделялись две группы экологических преступников (должностных и не должностных), то в указанный период появилась еще одна категория – члены организованных преступных групп, которые стояли «особняком» или охотно прибегали к услугам вышеуказанных лиц [38, С. 22–27, С. 102–138; 39, С. 1553–1559].

Как показывает изучение опыта работы Следственного комитета, органов внутренних дел, фигурантами уголовных дел в Арктической зоне становятся преимущественно рядовые исполнители, наёмные рабочие, хронические алкоголики, наркоманы, субъекты, ранее неоднократно привлекавшиеся к уголовной ответственности, лица без определенного места жительства, мигранты. Это объясняется тем, что выявить, задержать, а тем более привлечь к уголовной ответственности организаторов преступных сообществ – крайне сложно. Тем более что они, как правило, находятся за пределами Арктики – в Москве, Санкт-Петербурге или за границей.

Несколько слов важно сказать о последствиях экологических преступлений, связанных с техногенными катастрофами. По мнению руководства МВД России, авторитетных ученых, независимых экспертов, профессиональных журналистов, обращает на себя внимание тот факт, что в ря-

де случаев вред, нанесенный природе, имеет необратимый характер. Более того, значительное число нарушений, регулярно выявляемых надзорными ведомствами, устраняется виновными крайне неохотно, медленно, не в полном объеме (в связи с чем, требуются повторные вмешательства силовиков, новые судебные разбирательства) [40, С. 34–35; 41, С. 28–30; 42, С. 21–24; 43, С. 9–14; 44, 257–266].

Материалы уголовных дел позволяют говорить об участившихся должностных преступлениях коррупционной направленности в контролирующих структурах, правоохранительных органах. В то же время не менее широкий общественный резонанс вызывают случаи, когда при попытке задержания браконьеров гибнут работники лесных хозяйств, егеря. Следственный комитет регулярно проводит проверки по поводу угроз, поступающих в адрес представителей власти (сотрудников природоохранных ведомств, работников таможни, полиции), честно выполняющих свой долг, и членов их семей.

Уточним, что и в российском, и зарубежном законодательстве (в первую очередь это относится к странам, имеющим в своем составе арктические территории) важнейшими характерными признаками экологических преступлений считаются: объект и предмет преступления, поведение виновного, характер его преступной деятельности, объем последствий и степень вреда содеянного. В странах ЕС, а также в США и Канаде, несмотря на всеобщее стремление к либерализации, закреплены довольно жесткие меры в отношении экологических преступников.

Причины, способствующие экологической преступности в условиях Арктики

Установление причинных связей – важнейшая часть любого криминологического исследования. Говоря о базисе экологической преступности, следует указать, что формирующие его детерминанты носят многоплановый характер, а также имеет глубокие исторические корни. На протяжении тысячелетий в обществе культивировалось потребительское отношение к природе. По сей день наносимый окружающей среде вред остается обязательным «атрибутом» цивилизации, свидетельством человеческого присутствия на планете [45].

К сожалению, в XXI веке «экологическое сознание» населения не только Арктики, но и всей планеты оказалось «раздроблено» на множество фрагментов. Прежде всего, отметим, что есть люди, которые по-

прежнему исповедуют эгоистичный принцип – «после нас хоть потоп», они большей частью либо глупы и безответственны, либо предельно циничны. Далее выделяются постмодернисты (не все, а лишь те, что наиболее активно включились в экологическую повестку). По их глубокому убеждению человек должен избавиться от технологического кокона (если искусственный интеллект полностью замещает естественный, то неминуемо начинается процесс деградации, угасания когнитивных функций). В свою очередь, апологеты постгуманизма посчитали целесообразным отказаться от идеи биоцентризма. Они заявили, что связи между человечеством и природой (как, впрочем, между живой и неживой материей) размыты [46, С. 30; 47, С. 50]. Для неолибералов из Римского клуба и их сторонников (осуществивших на рубеже XX–XXI веков «интеллектуальный рывок») от постмодернизма к постгуманизму) экологический императив предполагает ограничение рождаемости, сокращение животноводства и птицеводства, насаждение господства золотого миллиарда и повсеместное внедрение «зеленых технологий», возобновляемых источников энергии и т.д.

Согласно концепции «постгуманистической экологии» индивид, якобы, онтологически равен окружающему его миру и не способен что-либо менять, «охранять», охранять. Человек и природа как бы обретают некое единство, т. к. являются неотъемлемыми частями биосферы. При этом, считает английский профессор Т. Б. Мортон, человека постиндустриальной эпохи в какой-то момент обязательно охватывает апатия (состояние «непротivления» и безразличия). «Безразличие само указывает на способ заботиться о людях и нелюдях, причиняя меньше насилия – просто позволив им существовать, как бумажкам у вас в руке» [48, С. 202].

По мнению известного восточно-европейского философа-неомарксиста С. Жижика, в последние десятилетия природа все отчетливее ассоциируется у «простых людей» с надвигающейся катастрофой [49]. Охваченные апокалиптическими настроениями леворадикальные экоактивисты (среди которых доминируют «политически ангажированные» жители Германии и скандинавских стран), а также всевозможные провокаторы и сотрудники западных спецслужб (как, например, руководители «Greenpeace»).

На смену этого разрозненного и крайне токсичного «сумбура» (во всяком случае, в

нашей стране) должно прийти развитие экологическое правосознание [50, С. 7–10]. В данном случае речь идет о сложном, многоуровневом феномене, в котором переплетаются требования духовного, нравственного, правового, экологического, культурно-исторического и политического порядка. Именно экологическое правосознание способно в обозримом будущем сформировать среди населения Российской Федерации уверенность в том, что ответственность за природу родной страны, за ту среду обитания, которая достанется потомкам, а также следование закону и борьба с теми, кто его нарушает – это и есть залог успешного освоения Арктики.

Люди, совершающие экологические преступления в Арктике, являются продуктом социума. В их чертах характера, ценностных установках, мотивах отражается несовершенство общественных отношений. Таким образом, вновь подтверждается тезис о мощном влиянии социальных, экономических, психолого-педагогических и т. д. детерминант на процесс формирования личности экологического преступника.

Какие же особенности российской Арктики заслуживают внимания с позиции криминологии? Прежде всего, укажем на географические и климатические характеристики. Фактически многие районы Арктики до конца не исследованы, а тем более – не освоены. Это – малонаселенные территории, с недостаточно развитой (локально-фрагментарной, автономной) инфраструктурой. Населенные пункты расположены в зоне сурового субарктического и арктического климата. Большую часть года перемещаться на большие расстояния можно исключительно воздушным путем. Соответственно, есть проблемы с мобильной связью, интернетом. Ситуация на рынке труда в Арктике сложная, хотя в последние годы, во многих регионах прослеживается тенденция к улучшению. Условия работы достаточно тяжёлые (это касается добычи природного сырья, лесозаготовок). Возможности для полноценного отдыха, занятий спортом, проведения культурного досуга – минимальны.

По данным работников силовых ведомств, еще ощущаются отголоски 90-х годов прошлого века, когда в Арктике стали возникать криминальные анклавы, «землячества», организованные преступные группы (ОПГ), занимающиеся противоправной деятельностью в сфере экономики и природопользования. Тогда, в период нарастающей анархии, организованная

преступность стремилась вытеснить из сферы управления легитимных представителей органов власти, разрушить легальный бизнес или подчинить его своим интересам, выйти на транснациональный уровень. Биоресурсы, золото, алмазы, нефть, бивни мамонта и т. д. приносили криминальным лидерам и коррупционерам сверхдоходы. После распада СССР ситуация в буквальном смысле стала выходить из-под контроля органов федеральной власти. В результате, в 1994 году правительство Б. Н. Ельцина было вынуждено «объявить войну» организованной преступности в районах Арктики и Крайнего Севера.

Итак, мы рассмотрели объективные детерминанты экологической преступности в Арктике. Но, кроме них, существуют многочисленные организационно-управленческие недостатки, которые нельзя упускать из виду.

Среди должностных лиц (как на муниципальном, так и на федеральном уровне) имеют место случаи откровенного паразитирования на экологических проблемах Арктики с целью извлечения личной выгоды. Реальная работа зачастую подменяется демагогией, не говоря уже о выстраивании коррупционных связей, мошенничестве, вымогательстве, хищении, бюджетных средств, которые были выделены на осуществление природоохранных проектов. Далее, следует указать на бесхозяйственность и некомпетентность определенной части чиновников, их самоустраненность от решения насущных проблем.

В одном из своих выступлений губернатор Архангельской области А. Цыбульский заявил, что количество несанкционированных свалок промышленных и бытовых отходов в лесных зонах Крайнего Севера и Арктики во много раз превышает количество официально действующих мусорных полигонов. Территории, на которые тайно вывозятся токсичные отходы, с каждым днем увеличиваются, они отравляют воздух, почву, поверхностные и грунтовые воды, разрушают всю экосистему. Губернатор также заявил о том, что свежих и достоверных данных о состоянии лесов нет. По его словам, главам регионов приходится оперировать сведениями двадцатилетней давности, когда проводилась последняя инвентаризация лесного хозяйства. Антропогенная нагрузка на леса, в том числе и за счёт нелегальных заготовок, достигла в последние годы критического уровня [51; 52; 53].

Резкая, бескомпромиссная позиция А. Цыбульского нашла поддержку среди

широких слоев населения и экологических ассоциаций, тем более что многочисленные публикации в СМИ свидетельствуют: достичь полного контроля за происходящими «негативными» процессами в Арктике властям пока не удастся. По-прежнему, массу нареканий вызывает низкое качество мониторинга в сфере природопользования на указанных территориях. На местах остро ощущаются кадровые просчеты, слабая информационная и техническая подготовка сотрудников органов экологического контроля, управленческих структур, правоохранителей [54; 55, С. 67–107; 56; 57; 58].

Справедливости ради отметим, что сегодня органы власти стремятся максимально оптимизировать систему государственного мониторинга. Все компетентные руководители прекрасно осознают, что без «полноценного» мониторинга весьма затруднительно совершенствовать меры по дальнейшему использованию природных ресурсов, по сохранению и своевременному восстановлению экосистемы, раннему выявлению признаков криминализации общественных отношений, предупреждению вредных последствий различных антропогенных воздействий на окружающую среду. Однако нельзя игнорировать тот очевидный факт, что эффективность мониторинга зависит от многих условий, и, прежде всего, от объемов финансирования, технической поддержки, а так же от профессионализма специалистов.

Далее следует комплекс социально-демографических и индивидуально-личностных особенностей жителей Арктики. Значительное число жителей – приезжие, которые мотивированы более высокими, чем в остальной части России, заработками и готовы мириться с временными трудностями. В основной своей массе они не воспринимают Арктику как нечто свое, родное, не чувствуют себя здесь хозяевами. Хронический алкоголизм, наркотики, ВИЧ, туберкулёз, венерические заболевания, к сожалению, не обошли стороной эти края. В ряде регионов Арктики фиксируется высокий уровень завершённых самоубийств (более 60 смертей на 100 000 жителей). В целом же показатели смертности населения (в основном от болезней системы кровообращения) выше общероссийских [59; 60; 61, С. 579–588; 62].

Особого внимания заслуживают многочисленные группы представителей люмпенизированных и маргинальных слоев населения, которые в поисках заработка, пропитания или с целью времяпрепровождения

(в первую очередь это касается безработных жителей сельской, лесной местности или районов, близких к водным артериям) регулярно совершают административные проступки, экологические преступления. Из числа таких граждан организованная преступность вербует новых членов или создает «рабочие бригады», труд которых практически не оплачивается.

После 1991 года в Арктике были значительно деформированы, а местами полностью разрушены и до сих пор не восстановлены традиционные институты социализации, которые прививали населению навыки общей и правовой культуры, формировали чувство ответственности, патриотизма. К сожалению, даже этнокультурные скрепы коренных народов подверглись негативному внешнему воздействию. До сих пор для населения арктических территорий чрезвычайно актуальными остаются вопросы борьбы с пьянством и, так называемой, «пьяной преступностью». По своей природе коренные народы никогда не «страдали» корыстью, они отличались добротой, трудолюбием, честностью, но проникновение в повседневную жизнь стяжательских отношений сформировало целое поколение людей, пораженных нравственной аномией.

Корыстной (цинично-потребительской) психологией можно объяснить и существование такой криминальной сферы деятельности, как незаконная торговля дикими животными, находящимися под угрозой исчезновения. По данным целого ряда источников, контрабанда диких животных по своей рентабельности конкурирует с наркобизнесом, торговлей оружием и черной трансплантологией. Сегодня на территории России особенно активно проявляют себя международные преступные группы с участием китайских криминальных элементов [63].

Не менее сложная ситуация связана и с защитой особо ценных растений. Дело в том, что, как показывает практика, одни лишь штрафы за уничтожение дикорастущей флоры нарушителей никогда не останавливали, а количество лиц, привлеченных к административной ответственности, с каждым годом неуклонно увеличивалось. В связи с указанными обстоятельствами 12 октября 2023 года вступил в силу Федеральный закон, в котором была введена уголовная ответственность за уничтожение сбор хранения, незаконное приобретение, продажу и перевозку особо ценных растений и грибов, которые внесены в

Красную книгу Российской Федерации или охраняются международными договорами (см. ст. 260.1 УК РФ).

Таким образом, экологическая преступность в Арктике имеет свои характерные детерминанты, которые взаимосвязаны с общесоциальными противоречиями, организационно – правовыми и управленческими недостатками, личностными и микросоциальными особенностями населения арктических территорий.

Анализ криминологических детерминант позволяет высказать вполне обоснованное предположение, что наиболее мощным противовесом экологической преступности является реформированный и качественно подготовленный к исполнению своих функциональных обязанностей «административный корпус» государственных служащих. Чрезвычайно актуальной представляется мысль о том, что в Арктической зоне Российской Федерации управленцам всех уровней следует более активно использовать системно – синергетическую методологию (особенно при решении масштабных задач стратегического характера).

Еще одной проблемой Арктики следует считать комплекс причин (объективно обусловленных), затрудняющих «всеобщую» цифровизацию. Между тем для объективной оценки криминогенной обстановки в Арктической зоне руководителям соответствующих регионов важно обладать полной и достоверной информацией, характеризующей специфику общественно-экономических отношений, складывающихся на подведомственных им территориях.

Цифровизация Арктики еще только «набирает обороты». Многочисленные сведения дополняются, уточняются и объединяются в единое целое на основе информационной платформы. Усилия IT-специалистов направляются на формирование многоуровневой системы, способной (в обозримом будущем) охарактеризовать практически все значимые факторы «среды обитания» человека в Арктике (в самом широком смысле). В результате, достоянием общественности станут, условно говоря, «единственно верные» рекомендации и экспертные решения, которые, в свою очередь, имеют все шансы стать базисом для федеральных и региональных программ. Кроме того, необходимо продолжить работу по дальнейшему развитию государственного частного партнерства и оптимизации концессионных механизмов в сфере цифровизации Арк-

тической зоны, по привлечению частных инвестиций в природоохранную деятельность [64, С. 16–20; 65, С. 52–53].

Распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на арктических территориях является обязательным условием успешной социализации ее жителей, повышения их уровня жизни, адаптации к неблагоприятным внешним воздействиям. Следует также помнить, что существует масса примеров позитивного влияния социальных, политических, административных сетей на оптимизацию экологического законодательства, на улучшение экологической обстановки, благодаря борьбе с коррупцией, экологической преступностью, безответственностью предпринимателей. Велика роль социальных сетей в процессе экологического воспитания подрастающего поколения и осуществления экологической пропаганды.

По сути, ИКТ становятся (а в ряде мест уже стали) неотъемлемой частью системы мер по криминологической профилактике. Так, на общесоциальном уровне IT-технологии создают предпосылки для осознания населением «нецелесообразности» противоправной деятельности. Данный вид профилактики (при грамотной организации) способен задействовать широчайший потенциал всех государственных и общественных институтов, нацелив их на «устранение» криминологических детерминант корыстной, неосторожной, организованной и экологической преступности. Но общесоциальная профилактика находит отражение и в совершенствовании законодательной базы (меры правового воздействия содействуют нейтрализации преступной активности граждан в сфере природопользования, стимулируют законопослушное поведение, регламентируют процесс предупреждения экологических преступлений).

В целях поиска и пресечения случаев совершения браконьерства, незаконной вырубки леса, обнаружения возникновения очагов возгорания, признаков техногенного загрязнения участков местности или водного пространства целесообразно использовать нейросети (технологии, связанные с обработкой данных, полученных благодаря использованию беспилотных летательных аппаратов – БПЛА). Современные дроны способны обследовать территории в несколько десятых квадратных километров в течение часа. Единственная проблема заключается в том, что модульные центры обработки данных (облачные сервисы) еще не получили достаточно широкого рас-

пространения в арктических регионах. Причём центры могут быть как государственными (в 2019 г. стартовала платформа «Гособлако»), так и коммерческими. В частности, заслуживает внимания опыт работы Мурманского коммерческого центра обработки данных, который фактически обеспечивает комплексную безопасность всего Заполярья.

Чрезвычайно значимым направлением индивидуальной криминологической профилактики является создание таких социально-бытовых и производственных условий, при наличии которых, потеря работы в Арктике, утрата соответствующих льгот и т. д. воспринимались бы населением крайне остро. Важно, чтобы людям было комфортно и экономически выгодно трудиться в этих «отдаленных районах» Российской Федерации, создавать семьи, воспитывать детей, вести законопослушный образ жизни.

Выводы

Систему детерминант, порождающих экологическую преступность в Арктике, следует рассматривать в виде трехуровневого комплекса: первый уровень затрагивает причины, генерирующие общеуголовную преступность в стране (социальные и социально-экономические); второй уровень касается недостатков и просчетов государственного управления (он связан с коррупцией, некомпетентностью, халатностью представителей органов власти); третий уровень – индивидуальный или социально-психологический, он демонстрирует дефекты правового сознания виновных в экологических преступлениях, а также степень дезадаптации и дезориентации маргинальных слоев населения.

В значительной мере криминализация общественных отношений на арктических территориях обусловлена отсутствием но-

вейших синергетических (созданных с использованием нейросетевых алгоритмов) моделей обеспечения экологической безопасности и улучшения качества жизни в Арктике. Не менее важно помнить и об активности организованных преступных групп, о наличии очагов «серой» экономики, о стремлении ряда коммерческих структур уйти от уплаты налогов, попытках недобросовестных предпринимателей и коррумпированных чиновников скрывать истинные размеры вреда, причиняемого «хрупкой» арктической природе.

Создание мощной и «всепроникающей» цифровой среды в Арктике позволит общероссийским институтам гражданского общества, экологическим активистам и некоммерческим структурам (постоянно действующим на арктических территориях) консолидироваться с органами власти. Это нужно для того, чтобы на постоянной основе осуществлять независимый мониторинг экологической ситуации в регионах, контролировать деятельность природоохранных ведомств, сигнализировать правоохранителям о нецелевом использовании бюджетных средств, о превышении должностных полномочий, оперативно верифицировать данные, обладающие чрезвычайной критичностью и актуальностью для населения арктических территорий, реализовывать общеобразовательные проекты экологической направленности.

Вместе с тем нельзя не отметить, что без тщательно организованного не только общественного, но и, прежде всего, государственного мониторинга невозможно строить долгосрочные прогнозы развития Арктики, генерировать математические модели «экономического и экологического благополучия» российских граждан, проживающих на указанных территориях.

Список источников

1. Белорусцева А. Совет ушел на дно // Российская газета. 2023. 19 сентября.
2. Гладун Е. Ф. Международные социально-гуманитарные арктические проекты: вызовы и возможности // Арктика. 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2023. № 2 (14). С. 30–36.
3. Еремеев И. Д. Новые вызовы экономической безопасности Российской Федерации. Освоение углеводородного потенциала Арктической зоны Российской Федерации в контексте санкционного режима (2014–2022 гг.): материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2023» / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. М.: МАКС Пресс, 2023. URL: <https://istina.msu.ru/collections/544241192/> (дата обращения: 10.01.2024).
4. Шишигина А. Н. Об отдельных вопросах международного научного взаимодействия в Арктике // Арктика. 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2023. № 2 (14). С. 37–43.
5. Pisaric, M., & Smol, J.P. Arctic Ecology-A Paleoenvironmental Perspective. Arctic Ecology. 2021; 1: 23-55. URL: <https://doi.org/10.1002/9781118846582>.

6. Амирханов А. М. Красная книга циркумполярной флоры и фауны Арктики и её национальный компонент. Красная книга Арктической зоны Российской Федерации / А. М. Амирханов, А. А. Тишков, М. А. Жуков // Арктика. 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2022. № 2 (10). С. 58–64. DOI: 10.51823/74670_2022_2_58.

7. Маслобоев В. А. Влияние микрочастиц черного углерода на здоровье населения и климат арктических регионов / В. А. Маслобоев, Е. М. Ключникова // Арктика. 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2022. № 2 (10). С. 32–45. DOI: 10.51823/74670_2022_2_32.

8. Наумова В. А. Перспективы применения наилучших доступных технологий при ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Экологическое право. 2023. № 5. С. 23–26. DOI: 10.18572/1812-3775-2023-5-23-26.

9. Темникова К. Н. Стратегический подход к образованию по esg-повестке и экопросвещению в АЗРФ // Арктика. 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2022. № 3 (11). С. 4–14. DOI: 10.51823/74670_2022_3_4.

10. Тяглов С. Г. Термическая переработка отходов – новый вектор развития энергетики в Арктической зоне / С. Г. Тяглов, В. А. Козловский, С. А. Колясников // Арктика. 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2022. № 2 (10). С. 18–24. DOI: 10.51823/74670_2022_2_18.

11. Боровичев Е. А. Как совместить охрану природы и рекреационную деятельность в Арктике: пример природного парка «Териберка» (Мурманская область) / Е. А. Боровичев, М. Н. Кожин, О. А. Белкина // Арктика: экология и экономика. 2023. № 13(3) С. 261–272. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-3-461-472.

12. Бринчук М. М. Социальное государство: обеспечение экологической и продовольственной безопасности // Экологическое право. 2023. № 3. С. 2–6. DOI: 10.18572/1812-3775-2023-3-2-6.

13. Вопиловский С. С. Стратегические тренды энергетического развития северных территорий России // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 23–37. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.23.

14. Гапонов В. Н. Анализ последствий изменений климата для морских млекопитающих Арктики / В. Н. Гапонов, С. А. Непочатая // Актуальные вопросы ветеринарной биологии. 2023. № 1(57). doi:10.24412/2074-5036-2023-1-3-7.

15. Карманова А. А. Экологические проблемы Российской Арктики // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2020. № 4. С. 44–48.

16. Михайлов А. Задачи высоких широт // Российская газета. 2023. 7 марта.

17. Питухина М. А. Экологические проблемы моногородов Российской Арктики в оценках населения / М. А. Питухина, А. Д. Белых // Арктика: экология и экономика. 2023. № 13(4). С. 590–600. DOI:10.25283/2223-4594-2023-4590-600.

18. Воронина Е. П. Стратегические приоритеты и концептуальные подходы к освоению арктических территорий Российской Федерации в свете идеологии экологизации // Арктика. 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2023. № 2 (14). С. 84–92.

19. Киржакова Г. Ю. Международная практика экологического мониторинга в Арктической зоне // Международный журнал гуманитарных и естественных исследований. 2023. № 4-3(79). С. 25–27. DOI:10.24412/2500-1000-2023-4-3-25-27.

20. Кузнецова Н. И. Океан уголовно-экологических проблем: некоторые пути спасения Мирового океана // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. № 24(4). С. 105–120. URL: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/105-120>.

21. На ПМЭФ – 2023 обсудили новые способы освоения арктических территорий. URL: <https://erdc.ru/ja/news/na-pmef-obsudili-novye-sposoby-osvoeniya-arkticheskikh-territoriy/> (дата обращения: 10.01.2024).

22. Соколова Ф. Х. Модернизация Русского Севера. Исторический опыт для будущей России / Ф. Х. Соколова, В. И. Голдин // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22. № 2. С. 132–137. DOI: 10.37482/2687-1505-V174.

23. Jung J., Petkanic P., Nan D., & Kim J. H. When a girl awakened the world: A user and social message analysis of Greta Thunberg. Sustainability. 2020; 12(7): 2707. URL: <https://doi.org/10.3390/su12072707>.

24. Jandrić P., Jaldemark J., Hurley Z., Bartram B., Matthews A., Jopling M., ... & Tesar M. Philosophy of education in a new key: Who remembers Greta Thunberg? Education and environment after the coronavirus. Educational Philosophy and Theory. 2020; 1-21. URL: <https://doi.org/10.1080/00131857.2020.1811678>.

25. Sjögren, H. Longing for the Past: An Analysis of Discursive Formations in the Greta Thunberg Message. Culture Unbound. 2020; 1–17. URL: <https://doi.org/10.3384/cu.vi0.1796>.

26. Bedford, L., McGillivray, L., & Walters, R. Ecologically unequal exchange, transnational mining, and resistance: A political ecology contribution to green criminology. *Critical Criminology*. 2020; 28(3): 481–499. <https://doi.org/10.1007/s10612-019-09464-6>.
27. Umbrello S. Should We Reset? A Review of Klaus Schwab and Thierry Malleret's 'COVID-19: The Great Reset'. *The Journal of Value Inquiry*. 2021. URL: <https://doi.org/10.1007/s10790-021-09794-1>.
28. Курбанов И. Г. Проблемы расследования экологических преступлений и способы их решений в Российской Федерации // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 1-2 (40). С. 182–184. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10089.
29. Милюков С. Ф. Современные тенденции развития уголовно-экологической политики / С. Ф. Милюков, Н. И. Кузнецова // *Наука. Общество. Государство*. 2022. Т. 10. № 2. С. 42–52. doi:10.21685/2307-9525-2022-10-2-5.
30. Тищенко А. С. Проблемы организованной экологической преступности и меры противодействия // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 11-1 (38). С. 218–220. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11737.
31. Филиппов А. Р. Об основах противодействия организованным формам экономической преступности в современных условиях // *Юридическая наука: история и современность*. 2022. № 1. С. 134–142.
32. Добрецов Д. Г. О некоторых реализуемых в Российской Федерации мерах по предупреждению и пресечению преступлений, оказывающих воздействие на окружающую среду, в рамках международной экологической повестки // *Экологическое право*. 2023. № 1. С. 16–20. DOI: 10.18572/1812-3775-2023-1-16-20.
33. Lynch M. J. (2020). Green criminology and environmental crime: criminology that matters in the age of global ecological collapse. *Journal of White Collar and Corporate Crime*, 1(1), 50–61. <https://doi.org/10.1177%2F2631309X19876930>.
34. Thomson R., Espin J., & Samuels-Jones T. (2020). Green crime havens: A spatial cluster analysis of environmental crime. *Social Science Quarterly*, 101(2), 503–513. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12773>.
35. Состояние преступности. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/> (дата обращения: 20.02.2024).
36. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 20.02.2024).
37. Показатели преступности России. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 20.02.2024).
38. Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера России / под ред. А. И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2015. 245 с.
39. Чинова Л. А. Теневая экономика как дестабилизирующий фактор развития северных регионов / Л. А. Чинова, В. В. Уханов // *Экономика и социум*. 2016. № 11-1 (30). С. 1553–1559.
40. Агафонова В. Б. Правовые проблемы ликвидации прошлого (накопленного) вреда, причиненного окружающей среде в Арктической зоне Российской Федерации / В. Б. Агафонова, Н. Г. Жаворонкова // *Экологическое право*. 2020. № 1. С. 34–36. DOI:10.18572/1812-3775-2020-1-34-36.
41. Баттахов П. П. Арктика XXI века: правовые вопросы использования природных ресурсов и ресурсов, производимых антропогенной деятельностью // *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 1 (205). С. 28–32. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_1_28.
42. Летута Т. В. Предупреждение причинения вреда окружающей среде в региональной судебной практике / Т. В. Летута, Е. В. Мищенко // *Экологическое право*. 2020. № 5. С. 21–25. DOI: 10.18572/1812-3775-2020-4-21-25.
43. Лунева Е. Н. Экосистемный подход в праве // *Экологическое право*. 2023. № 5. С. 9–15 DOI:10.18572/1812-3775-2023-5-9-15.
44. Поповичева О. Б. Лесные пожары как источник черного углерода в Арктике летом 2022 г. / О. Б. Поповичева, М. А. Чичаева, Р. Г. Ковач // *Арктика: экология и экономика*. 2023. № 13(2). С. 257–270. DOI: 10.25283/223-4594.2023.2.257-270.
45. Бинчик Э. Эпоха человека: риторика и апатия антропоцена. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 392 с.
46. Медникова А. А. Экология как феномен самосознания человека в эпоху постгуманизма: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13 / Медникова Анна Александровна. М., 2023. С. 30.
47. Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 50.
48. Мортон Т. Стать экологичным. М. : Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 202.

49. Жижек С. Свобода от природы означает окончательное порабощение. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/svoboda-ot-prirody-oznachaet-okonchatelnoe-poraboschenie> (дата обращения 20.01.2024).
50. Игнатьева И. А. Проблемы правового определения экологической информации // Экологическое право. 2023. № 3. С. 7–12. DOI:10.18572/1812-3775-2023-3-7-12.
51. Александр Цыбульский: «Такие проекты, как "Чистая Арктика", необходимо развивать и тиражировать». URL: <https://dvinanews.ru/news/detail/7127> (дата обращения: 10.01.2024).
52. Новый раунд развития Арктики: вызовы и возможности. URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-2021-novyy-raund-razvitiya-arktiki-vyzovy-i-vozmozhnosti/discussion/> (дата обращения: 10.01.2024).
53. Развитие Архангельской области как арктического региона-лидера. URL: <https://dvinaland.ru/news/578762> (дата обращения: 10.01.2024).
54. Арктический образовательный потенциал. URL: <https://www.vnedra.ru/lyudi/kadri/arkticheskij-obrazovatelnyj-potenczial-22346/> (дата обращения: 10.01.2024).
55. Быков В. М. Формирование кадрового потенциала Арктической зоны Российской Федерации: монография. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2023. 267 с.
56. Матвеева М. Морские болезни Арктики: все про экологический мониторинг акватории Севморпути. URL: <https://strana-rosatom.ru/2022/02/17/nachalis-raboty-po-sozdaniyu-sistemy-e/> (дата обращения: 10.01.2024).
57. Прокуратуре и РГО поручили наладить экомониторинг ликвидации отходов в Арктике (2023). URL: <https://tass.ru/v-strane/18275095> (дата обращения: 10.01.2024).
58. Сухановская Т. Арктические регионы готовы стать привлекательными для жизни. URL: <https://rg.ru/2022/02/03/arkticheskie-regiony-gotovy-stat-privlekatelnymi-dlia-zhizni.html> (дата обращения: 10.01.2024).
59. Здравоохранение в России. 2023: Статистический сборник / Росстат. М., 2023. 179 с.
60. Миронов Д. С. Характеристика демографических процессов в Арктической зоне Российской Федерации на примере Мурманской области / Д. С. Миронов, С. А. Неманова, Г. О. Епифанцев // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 11 (137). URL: <https://research-journal.org/archive/11-137-2023-november/10.23670/IRJ.2023.137.103> (дата обращения: 02.01.2024).
61. Макоско А. А. О тенденциях эколого-климатических рисков для здоровья человека в Арктической зоне России в условиях изменяющегося климата / А. А. Макоско, А. В. Матешева, С. В. Емелина // Арктика: экология и экономика. 2023. № 13 (4). С. 579–589. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-4-579-589.
62. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2022 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2023. URL: https://docsfera.ru/research/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_sanitarno_epidemiologicheskogo_blagopoluchiya_naseleniya_v_rossii/ (дата обращения: 10.01.2024).
63. Диканова Т. А. Проблемы борьбы с незаконной торговлей дикими животными и растениями, находящимися под угрозой уничтожения // Экологическое право. 2023. № 1. С. 12–16. DOI:10.18572/1812-3775-2023-1-12-16.
64. Бандурин Л. Е. Комплексное развитие территорий как механизм распределения затрат на создание объектов инфраструктуры между органами публичной власти и частными лицами / Л. Е. Бандурин, А. В. Башарин // Экологическое право. 2023. № 5. С. 16–23. DOI:10.18572/1812-3775-2023-5-16-23.
65. Кайнов В.И. К вопросу оптимизации административно-правовых режимов, особо охраняемых природных территорий, входящих в проектирование месторождений нефти / В. И. Кайнов, А. Д. Григорова, Т. С. Егорова // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 11. С. 51–59.

References

1. Belorusceva A. The Council has gone to the bottom. In: Rossijskaya gazeta. 2023. 19 sentyabrya. (In Russ.).
2. Gladun E. F. International socio-humanitarian Arctic projects: challenges and opportunities. In: Arktika. 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya. 2023;2 (14): 30–36. (In Russ.).
3. Ereemeev I.D. Novye vyzovy ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Osvoenie uglevodorodnogo potentsiala Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii v kontekste sankcionnogo

rezhima (2014–2022 gg.): materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2023» / otv. red. I. A. Aleshkovskij, A. V. Andriyanov, E. A. Antipov, E. I. Zimakova. M. : MAKS Press, 2023. Available from: <https://istina.msu.ru/collections/544241192/> [Accessed: 10th January 2024]. (In Russ.).

4. Shishigina A. N. On certain issues of international scientific cooperation in the Arctic. In: *Arktika. 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya*. 2023;2 (14): 37–43. (In Russ.).

5. Pisaric, M., & Smol, J.P. Arctic Ecology-A Paleoenvironmental Perspective. *Arctic Ecology*. 2021; 1: 23-55. Available from: <https://doi.org/10.1002/9781118846582>. (In Russ.).

6. Amirhanov A. M. The Red Book of Circumpolar Flora and Fauna of the Arctic and its national component. The Red Book of the Arctic Zone of the Russian Federation / A. M. Amirhanov, A. A. Tishkov, M. A. Zhukov. In: *Arktika. 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya*. 2022;2 (10): 58–64. DOI: 10.51823/74670_2022_2_58. (In Russ.).

7. Masloboev V. A. The effect of black carbon microparticles on the health of the population and the climate of the Arctic regions / V. A. Masloboev, E. M. Klyuchnikova. In: *Arktika. 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya*. 2022;2 (10): 32–45. DOI: 10.51823/74670_2022_2_32. (In Russ.).

8. Naumova V. A. Prospects for the use of the best available technologies in the elimination of accumulated environmental damage. In: *Ekologicheskoe pravo*. 2023;5: 23–26. DOI: 10.18572/1812-3775-2023-5-23-26. (In Russ.).

9. Temnikova K. N. A strategic approach to education on the ESG agenda and environmental education in the Russian Arctic. In: *Arktika. 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya*. 2022;3 (11): 4–14. DOI: 10.51823/74670_2022_3_4. (In Russ.).

10. Tyaglov S. G. Thermal waste recycling is a new vector of energy development in the Arctic zone / S. G. Tyaglov, V. A. Kozlovskij, S. A. Kolyasnikov. In: *Arktika. 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya*. 2022;2 (10): 18–24. DOI: 10.51823/74670_2022_2_18. (In Russ.).

11. Borovichev E. A. How to combine nature protection and recreational activities in the Arctic: an example of the Teriberka Nature Park (Murmansk Region) / E. A. Borovichev, M. N. Kozhin, O. A. Belkina. In: *Arktika: ekologiya i ekonomika*. 2023. 13(3) S. 261–272. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-3-461-472. (In Russ.).

12. Brinchuk M. M. The welfare State: ensuring environmental and food security. In: *Ekologicheskoe pravo*. 2023;3: 2–6. DOI: 10.18572/1812-3775-2023-3-2-6. (In Russ.).

13. Vopilovskij S. S. Strategic trends in the energy development of the northern territories of Russia. In: *Arktika i Sever*. 2022;49: 23–37. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.23. (In Russ.).

14. Gaponov V. N. Analysis of the effects of climate change on Arctic marine mammals / V. N. Gaponov, S. A. Nepochataya. In: *Aktual'nye voprosy veterinarnoj biologii*. 2023;1(57). doi: 10.24412/2074-5036-2023-1-3-7. (In Russ.).

15. Karmanova A. A. Ekologicheskie problemy Rossijskoj Arktiki // *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh nauk i tekhnologii «Integral»*. 2020;4: 44–48. (In Russ.).

16. Mihajlov A. Tasks of high latitudes. In: *Rossijskaya gazeta*. 2023. 7 marta. (In Russ.).

17. Pituhina M. A. Environmental problems of single-industry towns in the Russian Arctic in the estimates of the population / M. A. Pituhina, A. D. Belyh. In: *Arktika: ekologiya i ekonomika*. 2023;13(4): 590–600. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-4590-600. (In Russ.).

18. Voronina E. P. Strategic priorities and conceptual approaches to the development of the Arctic territories of the Russian Federation in the light of the ideology of greening. In: *Arktika. 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya*. 2023;2 (14): 84–92. (In Russ.).

19. Kirzhakova G. Yu. International practice of environmental monitoring in the Arctic zone. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh issledovanij*. 2023;4-3(79): 25–27. DOI:10.24412/2500-1000-2023-4-3-25-27. (In Russ.).

20. Kuznecova N. I. Ocean of criminal and environmental problems: some ways to save the World's oceans. In: *Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo*. 2022. 24(4): 105–120. Available from: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/105-120>. (In Russ.).

21. Na PMEФ – 2023 obsudili novye sposoby osvoeniya arkticheskikh territorij. Available from: <https://erdc.ru/ja/news/na-pmef-obsudili-novye-sposoby-osvoeniya-arkticheskikh-territoriy/> [Accessed: 10th January 2024]. (In Russ.).

22. Sokolova F. H. Modernization of the Russian North. Historical experience for the future of Russia / F. H. Sokolova, V. I. Goldin. In: *Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i soc. nauki*. 2022. T. 22;2: 132–137. DOI: 10.37482/2687-1505-V174. (In Russ.).

23. Jung J., Petkanic P., Nan D., & Kim J. H. When a girl awakened the world: A user and social message analysis of Greta Thunberg. *Sustainability*. 2020; 12(7): 2707. URL: <https://doi.org/10.3390/su12072707>.

24. Jandrić P., Jaldemark J., Hurley Z., Bartram B., Matthews A., Jopling M., ... & Tesar M. Philosophy of education in a new key: Who remembers Greta Thunberg? Education and environment after the coronavirus. *Educational Philosophy and Theory*. 2020; 1-21. URL: <https://doi.org/10.1080/00131857.2020.1811678>.

25. Sjögren, H. Longing for the Past: An Analysis of Discursive Formations in the Greta Thunberg Message. *Culture Unbound*. 2020; 1-17. URL: <https://doi.org/10.3384/cu.vi0.1796>.

26. Bedford, L., McGillivray, L., & Walters, R. Ecologically unequal exchange, transnational mining, and resistance: A political ecology contribution to green criminology. *Critical Criminology*. 2020; 28(3): 481-499. <https://doi.org/10.1007/s10612-019-09464-6>.

27. Umbrello S. Should We Reset? A Review of Klaus Schwab and Thierry Malleret's 'COVID-19: The Great Reset'. *The Journal of Value Inquiry*. 2021. URL: <https://doi.org/10.1007/s10790-021-09794-1>.

28. Kurbanov I. G. Problems of investigation of environmental crimes and ways of their solutions in the Russian Federation. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2020;1-2 (40): 182-184. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10089. (In Russ.).

29. Milyukov S. F. Current trends in the development of criminal and environmental policy / S. F. Milyukov, N. I. Kuznecova. In: *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 2022. T. 10;2: 42-52. doi:10.21685/2307-9525-2022-10-2-5. (In Russ.).

30. Tishchenko A. S. Problems of organized environmental crime and counteraction measures. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2019;11-1 (38): 218-220. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11737. (In Russ.).

31. Filippov A. R. On the basics of countering organized forms of economic crime in modern conditions. In: *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2022;1: 134-142. (In Russ.).

32. Dobrecov D. G. On some measures implemented in the Russian Federation to prevent and suppress crimes affecting the environment within the framework of the international environmental agenda. In: *Ekologicheskoe pravo*. 2023;1: 16-20. DOI: 10.18572/1812-3775-2023-1-16-20. (In Russ.).

33. Lynch M. J. (2020). Green criminology and environmental crime: criminology that matters in the age of global ecological collapse. *Journal of White Collar and Corporate Crime*, 1(1), 50-61. <https://doi.org/10.1177%2F2631309X19876930>. (In Russ.).

34. Thomson R., Espin J., & Samuels-Jones T. (2020). Green crime havens: A spatial cluster analysis of environmental crime. *Social Science Quarterly*, 101(2), 503-513. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12773>. (In Russ.).

35. Sostoyanie prestupnosti. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/> (data obrashcheniya: 20.02.2024). (In Russ.).

36. Portal pravovoj statistiki. Available from: <http://crimestat.ru/> [Accessed: 10th January 2024]. (In Russ.).

37. Pokazateli prestupnosti Rossii. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> [Accessed: 10th January 2024]. (In Russ.).

38. Kriminologicheskie problemy regionov Krajnego Severa Rossii / pod red. A. I. Dolgovo. Moscow: Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya, 2015. 245 s. (In Russ.).

39. Chizhova L. A. The shadow economy as a destabilizing factor in the development of the Northern regions / L. A. Chizhova, V. V. Uhanov. In: *Ekonomika i socium*. 2016;11-1 (30): 1553-1559. (In Russ.).

40. Agafonova V. B. Legal problems of elimination of past (accumulated) harm caused to the environment in the Arctic zone of the Russian Federation / V. B. Agafonova, N. G. Zhavoronkova. In: *Ekologicheskoe pravo*. 2020;1: 34-36. DOI:10.18572/1812-3775-2020-1-34-36. (In Russ.).

41. Battahov P. P. The Arctic of the XXI century: legal issues of the use of natural resources and resources produced by anthropogenic activities // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2022;1 (205): 28-32. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_1_28. (In Russ.).

42. Letuta T. V. Prevention of environmental harm in regional judicial practice / T. V. Letuta, E. V. Mishchenko. In: *Ekologicheskoe pravo*. 2020;5: 21-25. DOI: 10.18572/1812-3775-2020-4-21-25. (In Russ.).

43. Luneva E. N. The ecosystem approach in law. In: *Ekologicheskoe pravo*. 2023;5: 9-15 DOI: 10.18572/1812-3775-2023-5-9-15. (In Russ.).

44. Popovicheva O. B. Forest fires as a source of black carbon in the Arctic in the summer of 2022 / O. B. Popovicheva, M. A. Chichaeva, R. G. Kovach. In: *Arktika: ekologiya i ekonomika*. 2023;13(2): 257-270. DOI: 10.25283/223-45942023257270. (In Russ.).

45. Binchik E. Epoha cheloveka: ritorika i apatiya antropocena. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 392 s. (In Russ.).

46. Mednikova A. A. *Ekologiya kak fenomen samosoznaniya cheloveka v epohu postgumanizma: dis. ... kand. filosof. nauk: 09.00.13 / Mednikova Anna Aleksandrovna. M., 2023. S. 30. (In Russ.).*
47. Ferrando F. *Filosofskij postgumanizm. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2022. S. 50. (In Russ.).*
48. Morton T. *Stat' ekologichnym. Moscow: Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh», 2019. S. 202. (In Russ.).*
49. Zhizhek S. *Svoboda ot prirody oznachaet okonchatel'noe poraboshchenie. Available from: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/svoboda-ot-prirody-oznachaet-okonchatel'noe-poraboshchenie> [Accessed: 10th January 2024]. (In Russ.).*
50. Ignat'eva I. A. *Problems of legal definition of environmental information. In: Ekologicheskoe pravo. 2023;3: 7–12. DOI:10.18572/1812-3775-2023-3-7-12. (In Russ.).*
51. Aleksandr Cybul'skij: «Takie proekty, kak "Chistaya Arktika", neobhodimo razvivat' i tirazhirovat'». Available from: <https://dvinanews.ru/news/detail/7127> [Accessed: 10th January 2024]. (In Russ.).
52. *Novyj raund razvitiya Arktiki: vyzovy i vozmozhnosti. Available from: <https://roscongress.org/sessions/spief-2021-novyy-raund-razvitiya-arkтики-vyzovy-i-vozmozhnosti/discussion/> [Accessed: 10th January 2024]. (In Russ.).*
53. *Razvitie Arhangel'skoj oblasti kak arkticheskogo regiona-lidera. URL: <https://dvinaland.ru/news/578762> (data obrashcheniya: 10.01.2024). (In Russ.).*
54. *Arkticheskij obrazovatel'nyj potencial. Available from: <https://www.vnedra.ru/lyudi/kadri/arkticheskij-obrazovatel'nyj-potencial-22346/> [Accessed: 10th January 2024]. (In Russ.).*
55. Bykov V. M. *Formirovanie kadrovogo potenciala Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii. Syktyvkar: GOU VO KRAGSIU, 2023. (In Russ.).*
56. Matveeva M. *Morskie bolezni Arktiki: vse pro ekologicheskij monitoring akvatorii Sevmorputi. Available from: <https://strana-rosatom.ru/2022/02/17/nachalis-raboty-po-sozdaniyu-sistemy-e/> [Accessed: 10th January 2024]. (In Russ.).*
57. *Prokuratore i RGO poruchili naladit' ekomonitoring likvidacii othodov v Arktike (2023). Available from: <https://tass.ru/v-strane/18275095> [Accessed: 10th January 2024]. (In Russ.).*
58. *Suhanovskaya T. Arkticheskie regiony gotovy stat' privlekatel'nymi dlya zhizni. Available from: <https://rg.ru/2022/02/03/arkticheskie-regiony-gotovy-stat-privlekatel'nymi-dlia-zhizni.html> [Accessed: 10th January 2024]. (In Russ.).*
59. *Zdravoohranenie v Rossii. 2023: Statisticheskij sbornik / Rosstat. Moscow, 2023. (In Russ.).*
60. Mironov D. S. *Harakteristika demograficheskikh processov v Arkticheskoy zone Rossijskoj Federacii na primere Murmanskoy oblasti / D. S. Mironov, S. A. Nemanova, G. O. Epifancev. In: Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2023;11 (137). Available from: <https://research-journal.org/archive/11-137-2023-november/10.23670/IRJ.2023.137.103> [Accessed: 10th January 2024]. (In Russ.).*
61. *Makosko A. A. Trends in environmental and climatic risks to human health in the Arctic zone of Russia in a changing climate / A. A. Makosko, A. V. Matesheva, S. V. Emelina. In: Arktika: ekologiya i ekonomika. 2023;13 (4): 579–589. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-4-579-589. (In Russ.).*
62. *O sostoyanii sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Rossijskoj Federacii v 2022 godu: Gosudarstvennyj doklad. M.: Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitel'ej i blagopoluchiya cheloveka, 2023. URL: https://docsfera.ru/research/gosudarstvennyj_doklad_o_sostoyanii_sanitarno_epidemiologicheskogo_blagopoluchiya_naseleniya_v_rossii/ (data obrashcheniya: 10.01.2024). (In Russ.).*
63. *Dikanova T. A. Problems of combating illegal trade in endangered wild animals and plants. In: Ekologicheskoe pravo. 2023;1: 12–16. DOI:10.18572/1812-3775-2023-1-12-16. (In Russ.).*
64. *Bandurin L. E. Integrated development of territories as a mechanism for allocating costs for the creation of infrastructure facilities between public authorities and private individuals / L. E. Bandurin, A. V. Basharin. In: Ekologicheskoe pravo. 2023;5: 16–23. DOI:10.18572/1812-3775-2023-5-16-23. (In Russ.).*
65. *Kajnov V.I. On the issue of optimization of administrative and legal regimes, specially protected natural areas included in the design of oil fields / V. I. Kajnov, A. D. Grigorova, T. S. Egorova. In: Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2023;11: 51–59. (In Russ.).*

Информация об авторе

Information about the author

И. Л. Третьяков – доктор юридических наук,
доцент

I. L. Tretyakov – Doctor of Sciences (Law),
Docent

Статья поступила в редакцию 30.01.2024;
одобрена после рецензирования 19.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 30.01.2024;
approved after reviewing 19.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 159.9.07
EDN: EGAXAHОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО Я-ОБРАЗА
ИНТЕРНЕТ-РАБОТНИКОВ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИНадира Летфулловна Захарова¹, Юлия Викторовна Лисичкина²¹ Московский государственный гуманитарно-экономический университет, Москва, Россия² Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, Москва, Россия¹ nadlex@mail.ru² yuliyalisichkina@yandex.ru

Аннотация. Обращение к проблеме обусловлено значимостью определения становления субъекта профессиональной деятельности. Особого внимания заслуживает группа интернет-работников как одна из востребованных групп специалистов современности. Изложены результаты эмпирического исследования содержания компонентов профессионального Я-образа официально трудоустроенных и неформально занятых интернет-работников. Представлен анализ данных, полученных от 248 респондентов в возрасте от 21 до 56 лет с применением тестирования, описательной статистики, сравнительного анализа. Выявлены различия в содержании представлений официально трудоустроенных и неформально занятых работников о своем профессиональном прошлом, настоящем и будущем. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован при разработке программ психологического сопровождения граждан, оказавшихся в трудных условиях адаптации к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: неформальная занятость, интернет-работники, профессиональный Я-образ

Для цитирования: Захарова Н.Л., Лисичкина Ю.В. Особенности профессионального Я-образа интернет-работников различных форм занятости // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 89–97. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/009.pdf>. EDN: EGAXAH.

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

Original article

FEATURES OF THE PROFESSIONAL SELF-IMAGE
OF INTERNET WORKERS OF VARIOUS FORMS OF EMPLOYMENTNadira L. Zakharova¹, Yulia V. Lisichkina²¹ Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow, Russia² University of World Civilizations named after V.V. Zhirnovsky, Moscow, Russia¹ nadlex@mail.ru² yuliyalisichkina@yandex.ru

Abstract. Addressing the problem is due to the importance of determining the formation of a subject of professional activity. The group of Internet workers deserves special attention as one of the sought-after groups of specialists of our time. The results of an empirical study of the content of the components of the professional self-image of officially employed and informally employed Internet workers are presented. An analysis of data obtained from 248 respondents aged 21 to 56 years using testing, descriptive statistics, and comparative analysis is presented. Differences in the content of the views of formally employed and informally employed workers about their professional past, present and future were revealed. The applied aspect of the problem under study can be implemented in the development of programs for psychological support for citizens who find themselves in difficult conditions of adaptation to professional activity.

Keywords: informal employment, Internet workers, professional self-image

For citation: Zakharova N.L., Lisichkina Yu.V. Features of the professional self-image of Internet workers of various forms of employment. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 89–97. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/009.pdf>. EDN: EGAXAH.

© Захарова Н.Л., Лисичкина Ю.В., 2024

Введение

Развитие Я-образа субъекта профессиональной деятельности определяет стратегии реализации личностно-профессионального потенциала. В современной психологии изучение профессионального Я-образа сопряжено с разработкой фундаментальных проблем профессионального самоопределения, результативности и успешности, профессионального здоровья и долголетия. Проблема профессионального Я-образа интернет-работников и его содержание в зависимости от форм занятости характеризуется высокой значимостью, которая в теоретическом аспекте обусловлена недостаточной разработанностью [3, 5, 15]. Постоянно меняющийся рынок труда порождает противоречие между возможностями и потребностями субъекта и условиями профессиональной среды для профессионального совершенствования, сохранения профессионального здоровья, психологической безопасности на рабочем месте. Такая ситуация снижает профессиональную идентичность личности, порождает профессиональную маргинализацию, является предпосылкой появления работников неформальной занятости. Неформальная занятость обладает рядом специфических черт социально-экономического, организационного, психологического характера. Психологические особенности работников неформальной занятости взаимосвязаны со спецификой их труда и оказывают влияние на поведение и отдельные аспекты профессиональной деятельности. Исследования показывают, что работники неформальной занятости в большой степени подвержены негативным явлениям на рынке труда, таким как недобросовестная оплата труда, отсутствие гарантии занятости, социальной защиты, а также конкуренция и нестабильность дохода [4, 6, 7, 19]. Обращение к проблеме профессионального Я-образа является чрезвычайно значимым в контексте психологической помощи работникам неформальной занятости.

Особую группу составляют интернет-работники, которые испытывают психологическое воздействие кибер-технологий, что требует особого внимания в связи с высоким риском воздействия киберпростран-

ства на психические состояния, физическое и психологическое здоровье, когнитивную и эмоциональную сферу [8, 10, 14, 20].

Исследования личности и ее самосознания подчеркивают наличие динамики отношения человека к прошлому, настоящему и будущему [1, 2], что позволяет нам предположить, во-первых, взаимную детерминацию самосознания и профессионального Я-образа, во-вторых, способность отражать отношение субъекта к реальности, связанной с профессиональным пространством. Логично утверждать, что профессиональный Я-образ необходимо изучать как результат функционирования психических процессов, отражающего осознание человеком достижений в прошлом, настоящем и перспектив саморазвития как субъекта профессиональной деятельности.

Исходя из положений о соотношении самосознания с саморазвитием и совершенствованием [1], логичным является определение профессионального Я-образа как динамично прогрессирующего феномена, включенного в процесс профессиональной социализации. Эта включенность означает для нас использование профессионального Я-образа в качестве индикатора профессионального развития, с одной стороны; с другой, – ресурса личности для достижения профессионального мастерства.

Профессиональный Я-образ, по нашему мнению, как компонент самосознания включен не только в процесс самооценки, но также в формирование смыслов деятельности, в сущности, мотивов и ценностей профессиональной деятельности. При этом можно говорить о специфичной связи: профессиональные ценности и мотивация становятся регуляторами формирования и развития профессионального Я-образа, а образ будущего профессионального становится значимым в определении мотивации, в некоторой степени, показателем мотивационно-потребностной сферы субъекта профессиональной деятельности.

Профессиональный Я-образ представляет собой совокупность представлений человека о себе как профессионале, включает в себя осознание своих достоинств и недостатков, своей роли в коллек-

тиве, понимание своих возможностей, способностей, склонностей и интересов. Это также самооценка профессиональных качеств, удовлетворенность своей профессией и своей деятельностью в ней.

Целью нашего исследования стало определение особенностей профессионального Я-образа работников неформальной сферы занятости.

Гипотеза исследования: существуют различия в содержании компонентов профессионального Я-образа официально трудоустроенных и неформально занятых интернет-работников.

Методы

Эмпирическое исследование и обработка результатов проводились в период с 2021 г. по 2024 г. Эмпирические данные были также предоставлены участниками интернет-площадок сервисов «Авито», «Одноклассники», «Advego». В исследовании приняли участие официально трудоустроенные интернет-работники (115 чел.) (Группа 1), работники неформальной занятости в возрасте от 21 до 56 лет (133 респондента) (Группа 2). Среди участников исследования – репетиторы, копирайтеры, мерчендайзеры, психологи.

Исследование проводилось с помощью авторского апробированного опросника «Профессиональный Я-образ» [13], который включает 25 утверждений, построенных на типичных профессиональных ситуациях, и не имеют непосредственной связи со спецификой какой-либо профессии. Испытуемый оценивает собственные профессиональные качества и деятельность по 10-бальной системе. Оценка прошлого предполагает самооценивание испытуемым ситуаций, которые происходили 5–7 лет до периода диагностики; оценка настоящего предполагает оценивание актуального восприятия ситуации, оценка будущего предполагает представления субъекта тех же ситуаций через 5–7 лет. Ситуации представлены высказываниями, представляющие следующие компоненты профессионального Я-образа: профессиональное самоопределение, целенаправленность профессиональной деятельности, профессиональная самооэффективность, ценностные позиции по отношению к профессии, профессиональная автономия. Статистическая обработка данных с применением пакета программ («Statistica 20.0», «Microsoft Excel»), критерия Стьюдента.

Результаты

Актуальный профессиональный Я-образ. По шкале «Профессиональное

самоопределение» значимые различия выявились в группе молодых интернет-работников: официально трудоустроенные работники значительно выше оценивают собственный профессиональный выбор, в большей степени удовлетворены содержанием деятельности и вознаграждением за работу ($t=-1,313$, $p < 0,001$). Различия двух групп респондентов выявлены в трех возрастных категориях, кроме категории от 31 до 40 лет. По шкале «Целенаправленность профессиональной деятельности» выявлено, что респонденты Группы 1 оценивают свою компетентность, способность ставить цели, достигать их, планировать свою профессиональную карьеру выше, чем респонденты Группы 2 ($t=-,213-1,462$, при $p < 0,05$). По шкале «Профессиональная самооэффективность» выявлены ярко выраженные различия: во всех возрастных категориях респондентов Группы 1 высоко оценивается профессиональный опыт, готовность к неожиданным и трудным ситуациям, профессиональная успешность ($t=,087-2,026$, при $p < 0,05$). Наибольшая устойчивость собственного образа как высоко успешного профессионала наблюдается в группе лиц в возрастной категории 31–40 лет. Наибольшая неустойчивость проявляется в группах молодых интернет-работников неформальной занятости (возрастная категория 20–30 лет). По шкале «Ценностные позиции по отношению к профессии» значимые различия в двух группах респондентов выявлены в возрастных категориях 31–40 лет ($t=-1,730$, $p < 0,001$) и 41–50 лет ($t=-2,030$, $p < 0,000$): в Группе 1 выше оценивают значимость своей деятельности и собственного вклада в развитие общества по сравнению с респондентами Группы 2. Для молодежи (работники до 30 лет) в целом свойственна оценка значимости профессии незначительно выше среднего. По шкале «Профессиональная автономия» выявлены значимые различия в возрастных категориях 31–40 лет ($t=2,169$, $p < 0,044$) и 41–50 лет ($t=-1,041$, $p < 0,025$).

Представления о профессиональном Я-прошлом. По шкале «Профессиональное самоопределение» у официально трудоустроенных интернет-работников выявлены высокие значения во всех возрастных группах. Наибольшая разница выявлена в группе молодых работников до 30 лет ($t=-2,534$, при $p < 0,012$). Наиболее высокие значения – у респондентов обеих групп старше 50 лет. По шкале «Целенаправленность профессиональной деятельности» выявлено, что офици-

ально трудоустроенные работники двух возрастных категорий (20–30 лет, 41–40 лет) оценивают свою компетентность, целенаправленность в планировании карьеры выше, чем неформально занятые. Значимые различия выявились в группе молодых работников ($t=1,331$, $p<0,025$) и у респондентов в возрасте 31–40 лет ($t=2,213$, $p<0,083$). Наиболее неудовлетворенными своими способностями в прошлом являются молодые интернет-работники неформальной занятости. По шкале «Профессиональная самооффективность» значения оценки профессионального Я-прошлого у официально трудоустроенных работников достигают высокого уровня. Респонденты Группы 2 признают наличие ошибок в деятельности, невысокий уровень готовности к экстремальным ситуациям в профессии ($t=1,245-2,270$, при $p<0,004$). По шкале «Ценностные позиции по отношению к профессии» значимых различий в оценках своего прошлого респондентами не обнаружено. Однако можно отметить тенденцию: работники неформальной занятости свои стремления к творческой деятельности, собственную значимость как субъекта профессиональной деятельности в прошлом оценивают выше (разница составляет 0,8 балла). По шкале «Профессиональная автономия» выявлено, что работники неформальной занятости оценивают свои способности самостоятельно регулировать профессиональную деятельность, принимать решения, управлять своими функциональными состояниями в прошлом значительно выше, чем официально трудоустроенные работники ($t=0,324-2,265$, при $p<0,045$). Наиболее низко свою профессиональную автономию оценивают официально трудоустроенные работники в возрастной категории 41–50 лет. В целом официально трудоустроенные работники полагают, что в профессиональном прошлом они не обладали достаточной информацией для понимания содержания деятельности, были менее самостоятельными и не готовыми принимать решения для изменений в организации.

Профессиональное Я-перспективное. По шкале «Профессиональное самоопределение» получены высокие баллы респондентами сравниваемых групп. Респонденты обеих групп в возрасте от 20 до 40 лет в большей степени уверены, что в будущем они не будут сожалеть о выборе своей профессии, их выбор оправдается

интересной работой и высоким материальным вознаграждением. Однако с возрастом оптимизм работников неформальной занятости снижается: разница в оценивании составляет от 1,3 балла в группе респондентов 41–50 лет; 2 балла в группе респондентов старше 50 лет. Значимых различий в данном компоненте профессионального Я-образа у респондентов двух групп не было выявлено. По шкале «Целенаправленность профессиональной деятельности» выявлено, что официально трудоустроенные работники в меньшей степени в будущем представляют себя компетентными специалистами, респонденты старше 40 лет полагают, что их способности ставить цели и достигать карьерного роста проявятся не в полной степени ($t=3,694$, $p<0,048$; $t=1,412$, $p<0,014$). Выявилась группа наиболее тревожных относительно собственной будущей компетентности – работники неформальной занятости в возрасте 41–50 лет. По шкале «Профессиональная самооффективность» значения оценки профессионального будущего достигают уровня выше среднего. По шкале «Ценностные позиции по отношению к профессии» значения оценки профессионального будущего достигают высокого уровня в группе официально трудоустроенных работников. У респондентов всех возрастных групп проявляется средний уровень восприятия значимости их профессиональной деятельности для общества. Работники неформального сектора экономики в меньшей степени готовы интересоваться инновациями в своей профессии, а также к руководящей или наставнической деятельности. По шкале «Профессиональная автономия» значения оценки профессионального будущего достигают среднего уровня. Значимые различия обнаружены в группах от 20 до 30 лет ($t=1,524$, $p<0,041$) и 41–50 лет ($t=-1,352$, $p<0,3$).

Выявлены высокие показатели по всем шкалам у официально трудоустроенных работников по сравнению с неформально занятыми работниками (таблица 1). Респонденты Группы 1 в большей степени заинтересованы в будущих результатах, повышении профессионального мастерства, самореализации. Они полагают, что в будущем они овладеют большим профессиональным опытом.

Результаты по всем шкалам опросника «Профессиональный Я-образ» исследуемых групп представлены в таблице 2.

Таблица 1 – Средние значения показателей компонентов профессионального Я-образа у официально трудоустроенных и неформально занятых работников

Table 1 – Average values of indicators of professional components
Self-image among formally employed and informally employed workers

Компоненты профессионального Я-образа	Официально трудоустроенные работники		Неформально занятые работники	
	М	SD	М	SD
Профессиональное самоопределение	8,1	2,14	7,5	1,05
Целенаправленность профессиональной деятельности	7,1	1,75	6,3	1,36
Профессиональная самооффективность	7,2	1,82	6,1	0,97
Ценностные позиции по отношению к профессии	9,2	0,87	7	1,21
Профессиональная автономия	4,9	1,25	6	2,78

Примечание: М – среднее значение, SD – стандартное отклонение

Таблица 2 – Средние значения профессионального Я-образа официально трудоустроенных интернет-работников разных возрастных групп

Table 2 – Average values of the professional self-image of officially employed Internet workers of different age groups

Компонент профессионального Я-образа	Возрастная категория							
	20–30 лет		31–40 лет		41–50 лет		51 и старше	
	М	Ст. отк.	М	Ст. отк.	М	Ст. отк.	М	Ст. отк.
Я-образ в прошлом	6,34	2,46	6,18	1,67	5,62	2,13	6,64	1,48
Я-образ в настоящем	7	3,54	7,58	1,85	6,78	2,04	7,6	2,76
Я-образ в будущем	6,48	2,64	7,14	3,01	7,66	1,86	7,94	2,13
Итого	6,6		6,96		6,6		7,3	

Примечание: М – среднее значение, Ст. отк. – стандартное отклонение

Обсуждение

Результаты эмпирического исследования позволяют утверждать, что молодые работники неформальной занятости не удовлетворены собственным профессиональным выбором, что предполагает снижение уровня развития их профессионализма. Определяя содержание профессионального менталитета, ученые обозначают тесную связь профессионального самоопределения с ценностной системой субъекта деятельности [1, 2]. Такие психологические конструкты как профессиональные ценности, инициативность, готовность к переобучению, мотивация входят в структуру профессионального менталитета, определяют успешность субъекта при формировании новых профессиональных оценок, а также

его успешность в реализации личностно-профессиональных планов [2].

Различия двух групп респондентов в определении целенаправленности собственной деятельности могут объясняться организационными аспектами работы: неформально занятые работники испытывают меньшую уверенность в реализации планов из-за необходимости постоянного поиска работодателя, высокого самоконтроля в этой сфере деятельности, зависимости от внешних обстоятельств. Этот феномен был обозначен рядом исследователей. Так, в исследованиях Д. В. Зайцева и др. отмечается, что для неформально занятых интернет-работников проблемой становится неуверенность и сомнения относительно выбора собственной деятель-

ности, сниженная оценка своих возможностей контролировать ситуацию [11].

Очевидно, что основными причинами снижения оценок молодыми работниками целенаправленности своей деятельности связано с такими новыми и сложными явлениями, как нестабильность заказов, жесткость требований, связанных с организацией труда, рабочего пространства; сложности во взаимодействии с заказчиком; высокий уровень конкуренции среды. Такие выводы подтверждаются результатами исследований М. Ю. Широкой: у молодых работников проявляются сильные переживания относительно дефицита времени, отсутствия профессиональных, карьерных перспектив. Развитие тайм-синдрома является постоянной характеристикой интернет-работников неформальной занятости [16]. Официально трудоустроенные работники представляют себя как способными достигать целей в профессиональной деятельности, планировать свою карьеру, преодолевать трудные ситуации, повышать профессиональное мастерство, что, по всей видимости, обусловлено достаточным количеством стимулов, мотивирующих деятельность: психологическая и консультативная поддержка со стороны коллег и руководства, наличие образцов результатов деятельности [9].

Неформально занятые работники оценивают свою самостоятельность в управлении собственной деятельностью выше по сравнению с официально трудоустроенными работниками. В исследовании зарубежных авторов [17, 18] доказывается, что у неформально занятых уровень автономии более высокий, чем у официально трудоустроенных. При этом, как утверждают авторы, это может зависеть от контроля над рабочей нагрузкой и уровня доверия, оказываемого работодателем.

Выявлено, что официально трудоустроенные работники в возрасте 41–50 лет в меньшей степени воспринимают себя как самостоятельных субъектов деятельности, обладающих всей необходимой информацией для принятия самостоятельных и ответственных решений, способных привести к изменениям в организации. Такое восприятие может быть связано с высоко развитой критичностью к результатам своей деятельности, свойственной профессионалам.

Низкие оценки респондентами Группы 2 своих потребностей в творчестве в прошлом являются, по всей видимости, отражением чувства сожаления, которое переживают работники в настоящем. Работник, ко-

торый может характеризоваться как «цифровой кочевник» [12, 18], не имеет не только географических границ, но и ему также необходимо самостоятельно находить границы собственного потенциала, в некоторых случаях отказываясь от задач, которые, по его мнению, не могут быть решены имеющимися средствами. В этом случае сужается творческое пространство профессиональной деятельности, что, в свою очередь, снижает оценку собственной профессиональной самооценки.

Проявление тревожности у работников неформальной занятости старше 41 года относительно собственного профессионального будущего свидетельствует о проявлении профессиональной деструкции, снижении деловой активности, а также, о сниженном уровне профессионального здоровья. Респонденты полагают, что в будущем не достигнут высокого уровня профессиональной успешности, мастерства, не уверены, что реализуются в полной степени в выбранной профессии и будут уверены в себе как профессионале. Они допускают наличие ошибок в деятельности, невысокий уровень готовности к экстремальным ситуациям в профессии и профессиональный опыт. Наименьшая устойчивость и стремление к успешности проявляется у респондентов всех возрастных групп неформальной занятости. Такие данные свидетельствуют о недостаточно развитой мотивации достижения профессионализма, доминировании отрицательного эмоционального фона относительно профессионального будущего, мотивации избегания неудач, низкой готовности осуществлять деятельность в заданных условиях или заданной профессиональной среде, иными словами, о проявлении признаков профессиональной маргинализации.

Высокий уровень профессиональной автономии, в способности самостоятельно регулировать собственную профессиональную деятельность, управлять своими функциональными состояниями, самостоятельно принимать решения, выраженный у работников неформальной занятости свидетельствует о способности преодолевать пассивность, позволяющей субъекту длительное время находиться в негосударственном секторе экономики, формируя и закрепляя ценности. Иными словами, оценка себя как высокоавтономного, позволяет работнику неформальной занятости решать новые задачи и сохранять трудовую активность до 50 лет.

Выводы

Согласно полученным данным, можно утверждать, что профессиональный Я-образ официально трудоустроенных интернет-работников имеет следующие особенности: оценка своего профессионального Я-образа в настоящем у молодых работников выше среднего; склонность к занижению своих профессиональных качеств в прошлом выражена у респондентов в возрасте от 41 до 50 лет; наиболее позитивное воспринимаемое будущее характерно для работников старше 51 года; наиболее высокая оценка своего профессионального настоящего характерна для работников старше 51 года.

Профессиональный Я-образ неформально занятых интернет-работников имеет следующие особенности: оценка молодыми работниками профессиональных качеств в прошлом и настоящем не достигает средних значений и является самой низкой по сравнению с оценками других возрастных категорий; работники всех возрастных категорий позитивно воспринимают свое профессиональное будущее (оценки выше средних значений); наиболее высокие оценки (выше средних значений) своего профессионального настоящего у респондентов в возрастной категории от 31 до 40 лет и старше 51 года.

Анализ эмпирических данных позволяет сделать следующие выводы:

1. Официально трудоустроенные работники удовлетворены профессиональным выбором, содержанием деятельности и вознаграждением за работу, в целом, на протяжении всей своей жизнедеятельности, до 40 лет критично оценивают прошлый опыт в постановке и достижении целей, связанных с профессиональной деятельностью, но позитивно оценивают актуальные умения планировать свою карьеру и профессиональное развитие. Уверенные в себе профессионалы проявляют тревожность в отношении будущей самореализации и надежности своей деятельности и не оценивают себя как профессионально автономными.

2. Работники неформальной сферы занятости представляют себя самостоя-

тельными в организации условий деятельности, способными регулировать свои эмоции, отличаются сниженным уровнем готовности соотносить свои действия с мнением профессионального сообщества и соблюдать этические нормы в деятельности. Они не удовлетворены профессиональным самоопределением и профессиональной самоэффективностью в прошлом и настоящем, но выражают надежду на будущую профессиональную карьеру и самореализацию. С повышением стажа неформальной занятости работники уверены в своем профессионализме, но с возрастом снижается оптимизм в отношении профессиональной успешности и уровне профессионального мастерства. Высоко оценивают свою профессиональную автономию.

Заключение

Выявленные особенности профессионального Я-образа могут стать основанием для определения задач психологического сопровождения развития профессионального Я-образа работников неформальной занятости. Полученные данные позволили определить, что для снижения возможностей интернет-работников уходить в теневой сектор экономики необходимо, кроме законодательных мер, разрабатывать такие мотивационные системы, которые бы учитывали большой спектр потребностей и восприятия работником себя как профессионала.

Перспективным является изучение психологических характеристик работников, определяющих выбор занятости, в том числе определение закономерностей становления и социализации профессионала в современных условиях организации деятельности интернет работников.

Ограничением нашего исследования является количество представленных для анализа форм занятости интернет-работников. Это связано с тем, что именно эта категория работников имеет большую возможность вести деятельность, скрывая полученные доходы. Следовательно, они могут не создавать собственные предприятия или организации, то есть не иметь статуса индивидуального предпринимателя или самозанятого.

Список источников

1. Агапов В. С. Становление Я-концепции в управленческой деятельности руководителей. М. : Изд-во ООО «ПКЦ Альтекс», 2012. 488 с.
2. Алдашева А. А. Самоопределение и профессиональный менталитет субъекта труда в период пандемии и кризиса / А. А. Алдашева, А. С. Баканов, М. Е. Зеленова [и др.] // Институт

психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 2. С. 166–195.

3. Асракулов А.С. Неформальная занятость и анализ факторов, влияющих на неформальную занятость // Наука сегодня: теория и практика. Вологда: ООО «Маркер, 2020. С. 18–21.

4. Базылева М. Н. Новая экономика и неформальные трудовые отношения // Проблемы современной экономики. 2006. № 1/2. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=937> (дата обращения: 17.03.2023).

5. Бурдаева Е. Ю. Индикаторные параметры и эффекты современной интернет-занятости: социально-психологический контекст / Е. Ю. Бурдаева, Д. В. Зайцев, С. К. Летягина // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 10. С. 443.

6. Варшавская Е. Я. Занятость в неформальном секторе как феномен современного рынка труда // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. № 3(54). С. 123–128.

7. Гимпельсон В. Е. Неформальная занятость в России // Демоскоп. 2003. № 107–108. С. 3–5.

8. Гладышева А. В. Перспективы применения информационных технологий на рынке труда специфических трудовых ресурсов / А. В. Гладышева, О. Н. Горбунова // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 10(56). С. 54–63.

9. Емельянова О. Я. Проблемы адаптации работников в условиях свободной занятости: зарубежный опыт / О. Я. Емельянова, В. С. Самсонов, И. В. Шершень [и др.] // Регион: системы, экономика, управление. 2019. № 4(47). С. 125.

10. Жеребин В. М. Интернет-занятость как новая форма трудоустройства населения / В. М. Жеребин, О. А. Алексеева, Н. А. Ермакова // Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (Москва). 2016. № 1 (71). С. 67.

11. Зайцев Д. Интернет-занятость молодежи: социально-психологические аспекты регулирования / Д. Зайцев, Н. Аринушкина // Бюллетень науки и практики. 2017. № 10 (23). С. 328–332.

12. Капелюшников Р. И. Нестандартные формы занятости и безработицы в России. М. : ГУ – ВШЭ, 2004. 50 с.

13. Лисичкина Ю. В. Опросник «Профессиональное Я-перспективное»: общая характеристика, надежность и внешняя валидность / Ю. В. Лисичкина, Н. А. Захарова // Человеческий капитал. 2023. № 3 (171). С. 111–121.

14. Спицына К. Р. Пилотное исследование профессионального благополучия дистанционных работников / К. Р. Спицына, Н. А. Захарова // Психология управления персоналом и экосистема наставничества в условиях изменения технологического уклада. 2021. № 2. С. 247–252.

15. Турчин А. С. Образ мира личности и методологические основания его репрезентации // Методология современной психологии. 2023. № 18. С. 402–408.

16. Широкая М. Ю. «Пространство времени» в профессиональной деятельности человека как актуальная проблема психологии // Мир психологии. 2019. № 2 (98). С. 144–154.

17. Donatella D. P. The Precarization Effect / D. P. Donatella, S. Hänninen, M. Siisiäinen, T. Silvasti // The New Social Division. Making and Unmaking Precariousness. Publisher: Palgrave Macmillan, 2015. Vol. 2. P. 1–24.

18. Fritsch M. Self-Employment and Well-Being Across Institutional Contexts Self-Employment and Well-Being Across Institutional Contexts / M. Fritsch, A. Sorgner, M. Wyrwich // Journal of Business Venturing. 2018. № 34 (6). P. 54.

19. Hertel G. The Psychology of the Internet at Work / G. Hertel, D. L. Stone, R. D. Johnson, J. Passmore // Handbook of the Psychology of the Internet at Work. Publisher: Wiley/Blackwell, 2017. Vol. 5. P. 18–30.

20. Mann S. The psychological impact of teleworking: stress, emotions and health / S. Mann, L. Holdsworth // New Technology Work and Employment. 2023. № 18 (3). P. 196–211.

References

1. Agapov V. S. Stanovlenie Ya-koncepcii v upravlencheskoj deyatel'nosti rukovoditelej. Moscow: Izd-vo ООО «PKC AI'teks», 2012.

2. Aldasheva A. A., Bakanov A. S., Zelenova M. E. Self-determination and professional mentality of the subject of labor during a pandemic and crisis. In: Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda. 2020. Vol. 5;2: 166–195.

3. Asrakulov A.S. Neformal'naya zanyatost' i analiz faktorov, vliyayushchih na neformal'nuyu zanyatost'. In: Nauka segodnya: teoriya i praktika. Vologda: ООО «Marker, 2020: 18–21.
4. Bazyleva M. N. Novaya ekonomika i neformal'nye trudovye otnosheniya. In: Problemy sovremennoj ekonomiki. 2006;1/2. Available from: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=937> [Accessed 17th March 2023].
5. Burdaeva E. Yu. Indikatorskiye parametry i efekty sovremennoj internet-zanyatosti: social'no-psihologicheskij kontekst / E. Yu. Burdaeva, D. V. Zajcev, S. K. Letyagina. In: Byulleten' nauki i praktiki. 2018. T. 4. № 10. S. 443.
6. Varshavsaya E. Ya. Zanyatost' v neformal'nom sektore kak fenomen sovremennogo rynka truda. In: Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2006. № 3(54). S. 123–128.
7. Gimpel'son V. E. Neformal'naya zanyatost' v Rossii. In: Demoskop. 2003. № 107–108. S. 3–5.
8. Gladysheva A. V., Gorbunova O. N. Prospects for the use of information technologies in the labor market for specific labor resources. In: Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2013;10(56): 54–63.
9. Emel'yanova O. Ya., Samsonov V. S., Shershen' I. V. Problems of adaptation of workers in conditions of free employment: foreign experience. In: Region: sistemy, ekonomika, upravlenie. 2019;4 (47): 125.
10. Zherebin V. M., Alekseeva O. A., Ermakova N. A. Internet employment as a new form of employment for the population. In: Institut social'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniya RAN (Moskva). 2016;1 (71): 67.
11. Zajcev D., Arinushkina N. Internet employment of youth: socio-psychological aspects of regulation. In: Byulleten' nauki i praktiki. 2017;10 (23): 328–332.
12. Kapelyushnikov R. I. Nestandartnye formy zanyatosti i bezroboticy v Rossii. Moscow: GU – VShE, 2004. 50 s.
13. Lisichkina Yu. V., Zaharova N. L. Questionnaire “Professional self-perspective”: general characteristics, reliability and external. In: Chelovecheskij kapital. 2023;3 (171): 111–121.
14. Spicyna K. R., Zaharova N. L. A pilot study of teleworker occupational well-being. In: Psihologiya upravleniya personalom i ekosistema nastavnichestva v usloviyah izmeneniya tekhnologicheskogo uklada. 2021;2: 247–252.
15. Turchin A. S. The image of the personal world and the methodological foundations of its representation. In: Metodologiya sovremennoj psihologii. 2023;18: 402–408.
16. Shirokaya M. Yu. «Prostranstvo vremeni» v professional'noj deyatel'nosti cheloveka kak aktual'naya problema psihologii. In: Mir psihologii. 2019;2 (98): 144–154.
17. Donatella D. P. The Precarization Effect / D. P. Donatella, S. Hänninen, M. Siisiäinen, T. Silvasti. In: The New Social Division. Making and Unmaking Precariousness. Publisher: Palgrave Macmillan, 2015. Vol. 2: 1–24.
18. Fritsch M. Self-Employment and Well-Being Across Institutional Contexts Self-Employment and Well-Being Across Institutional Contexts / M. Fritsch, A. Sorgner, M. Wyrwich. In: Journal of Business Venturing. 2018;34 (6): 54.
19. Hertel G. The Psychology of the Internet at Work / G. Hertel, D. L. Stone, R. D. Johnson, J. Passmore. In: Handbook of the Psychology of the Internet at Work. Publisher: Wiley/Blackwell, 2017. Vol. 5: 18–30.
20. Mann S. The psychological impact of teleworking: stress, emotions and health / S. Mann, L. Holdsworth. In: New Technology Work and Employment. 2023;18 (3): 196–211.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024;
одобрена после рецензирования 24.01.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 22.01.2024;
approved after reviewing 24.01.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 159.99
EDN: GAPCYW

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (СОТРУДНИКОВ)
К ВЫПОЛНЕНИЮ СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ С УЧЕТОМ ФАКТОРА ВНЕЗАПНОСТИ**

Александр Григорьевич Караяни

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

karayani@mail.ru, <https://orcid.org/> ORCID: 0000-0001-9586-9718

Аннотация. В статье дается краткий обзор использования фактора внезапности в военнопсихологическом искусстве полководцев разных эпох. Внезапность рассматривается как когнитивный феномен – иллюзия антиципации. Выделяются основания расхождения предполагаемого и реального образа боевой ситуации. Обосновываются задачи психологической подготовки военнослужащих (сотрудников) к боевым действиям в условиях внезапности.

Ключевые слова: внезапность, военная хитрость, рефлексивное управление противником

Для цитирования: Караяни А.Г. Психологическая подготовка военнослужащих (сотрудников) к выполнению служебно-боевых задач с учетом фактора внезапности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 98–108. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/010.pdf>. EDN: GAPCYW.

Original article

**PSYCHOLOGICAL TRAINING OF MILITARY PERSONNEL (EMPLOYEES)
TO PERFORM SERVICE AND COMBAT TASKS, TAKING INTO ACCOUNT THE SURPRISE FACTOR**

Aleksandr G. Karayani

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

karayani@mail.ru, <https://orcid.org/> ORCID: 0000-0001-9586-9718

Abstract. The article provides a brief overview of the use of the surprise factor in the military psychological art of commanders of different eras. Suddenness is considered as a cognitive phenomenon – the illusion of anticipation. The reasons for the discrepancy between the supposed and real image of the combat situation are highlighted. The tasks of psychological training of military personnel (employees) for combat operations in conditions of surprise are substantiated.

Keywords: surprise, military cunning, reflexive control of the enemy

For citation: Karayani A.G. Psychological training of military personnel (employees) to perform service and combat tasks, taking into account the surprise factor. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 98–108. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/010.pdf>. EDN: GAPCYW.

© Караяни А.Г., 2024

Внезапное пугает врага, обычное немного стоит.
Берецкий

Разрушительное оружие действует потрясающе,
но его действие ничтожно в сравнении
с действием «бича» внезапности.

Г. А. Леер

Введение

Продолжается специальная военная операция российских войск на Украине. Срыв попытки решительного контрнаступления противника, обеспечиваемого всей мощью натовской космической и воздушной разведки, агентуры, действующих под видом рядовых наёмников американских, британских и других спецподразделений¹, многочисленных зарубежных инструкторов, самых современных боевых технологий и боевой техники², оголтелых и утративших какие-либо нравственные границы информационно-психологических акций и т. д., завершился временной стабилизацией линии фронта.

Противоборствующие стороны закрепились на огромной по протяжённости линии боевого соприкосновения, разделенные насыщенными боевыми элементами предпольями – укрепленными передовыми полосами обороны впереди главной полосы обороны, призванные задержать наступающего противника с целью выигрыша времени и измотать его в период подхода к оборонительной полосе.

Министр обороны Российской Федерации С. К. Шойгу, характеризуя предполье, созданное российскими войсками, отмечает, что на всем протяжении линии боевого соприкосновения, которая составляет более двух тысяч километров, создано семь тысяч километров минных полей (глубина минирования составляет до 600 метров, что в два раза превышает обычные стандартные), вырыто две тысячи километров противотанковых рвов, установлено полтора миллиона противотанковых за-

граждений «Пирамида». В полосе обороны наших войск оборудовано 12 000 сборных железобетонных сооружений, 3000 взводных опорных пунктов, 45 000 блиндажей, более 150 000 укрытий для техники [7]. По оценкам международных специалистов, преодоление такой заградительной полосы традиционными средствами и методами чрезвычайно затруднительно.

Однако такая стабилизация обстановки на фоне многократного увеличения ориентированного на Украину военного производства в странах коллективного Запада, безусловно, носит временный характер и не должна вводить в заблуждение. Именно в подобных, кажущихся стабильными, боевых ситуациях чаще всего создаются реальные предпосылки для применения противником неожиданных и неординарных методов военных действий, достигающих эффекта внезапности, и, как следствие этого, – боевого успеха. Голосящие в один голос враждебные антироссийские СМИ, утверждающие о полном господстве российских войск на полях СВО, о перехвате инициативы и готовящемся мощном решительном российском наступлении, в определённой степени носят «убаюкивающий» эффект. Достижение противником таких усыпляющих бдительность целей может создать серьёзные предпосылки для внезапных и неожиданных действий.

По оценкам специалистов, внезапность является одним из наиболее мощных факторов достижения целей военного противоборства. Благодаря внезапности, победа достигалась в 64 % исследованных за последние 2000 лет сражений [16, С. 5].

К сожалению, свежие научные исследования, посвящённые психологическим аспектам внезапности, практически отсутствуют. Абсолютное большинство публикаций относится к середине – концу XX в. [1; 2; 13; 16; 18; 19; 20; 21; 24], что не позволяет на научной основе оценивать тенденции в области внезапности в ходе СВО.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы актуализировать проблему внезапности в боевых событиях, осмыслить возможные способы использования внезапности противником в ходе СВО, определить пути психологической подготовки военнослужащих и сотрудников к служебно-боевой деятельности в условиях использования противником фактора внезапности.

Для достижения данной цели использовались методы изучения научной литературы, документов, логического анализа, сравнения, обобщения, классификации.

¹ Только уничтожено в ходе СВО свыше 5800 боевиков, в том числе 1427 – из Польши, 466 – из Соединённых Штатов Америки, 344 – из Великобритании (доклад Министра обороны Российской Федерации С.К. Шойгу на расширенном заседании коллегии Министерства обороны 19 декабря 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73035> (дата обращения: 15.01.2024)).

² Всего Киеву поставлено 5220 танков, боевых бронированных машин пехоты и бронетранспортёров; 28 самолётов; 87 вертолёт, 23 тысячи беспилотных летательных аппаратов; свыше 1300 артиллерийских систем, из них 494 – гаубиц M777, Caesar, Paladin и Krab, два миллиона 650 тысяч снарядов калибра 155 и 122 миллиметра (доклад Министра обороны Российской Федерации С.К. Шойгу на расширенном заседании коллегии Министерства обороны 19 декабря 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73035> (дата обращения: 15.01.2024)).

Основные положения

Изучение проблемы внезапности на войне показало, что она рассматривалась в качестве важнейшего принципа достижения победы на протяжении многих столетий.

История войн и военного искусства с древних времён до наших дней даёт немало примеров успешных боевых действий, в которых решающую роль играла внезапность. Эффект внезапности в боевых схватках с противником широко использовали Сунь-цзы, Александр Македонский, Ганнибал, Наполеон Бонапарт, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, другие полководцы прошлого. Не менее активно он применяется в войнах и локальных конфликтах современности.

Впервые, 2 500 лет назад, системно рассмотрел принцип внезапности в тактических действиях войск известный китайский военный учёный, стратег и военачальник Сунь-цзы. Сунь-цзы исходил из того, что война, по своей сущности, – обман. А обман – это средство добиться победы над противником, средство «управлять его сердцем». Поэтому искусный полководец должен при умелости изображать неумелость; при готовности атаковать демонстрировать подчинение; казаться далёким, когда близок к противнику и казаться близким, находясь очень далеко от него; делать вид, что не может, когда...

Как следствие этого – у того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться; у того, кто умеет обороняться, противник не знает, где ему нападать [22]. Такая тактика дезориентирует и деморализует противника, создаёт благоприятные условия для осуществления против него внезапных действий.

Персидский царь и полководец Кир II Великий при осаде Вавилона (538 год до н. э.) в праздничную ночь отвел воды реки Евфрат по 360 вырытым заранее каналам в высохшее озеро и по обезвоженному руслу реки ввел войска в город, застав врасплох защитников считавшегося неприступным города (Вавилон был окружен тремя стенами толщиной от 3 до 8 м. На одной из стен было около трехсот башен, расположенных одна от другой на расстоянии сорок четыре метра. Стены опоясывал глубокий и широкий ров, наполненный водой).

По-видимому, именно из необходимости обеспечения эффекта внезапности исходил Московский князь Дмитрий Донской, внезапно применив засадный полк на Куликовском поле 8 сентября 1380 года. Внезапное появление засадного полка решила исход сражения с противником.

Поклонником внезапности был Наполеон Бонапарт. Он утверждал: «Имея против себя превосходящую по числу армию, я, как молния, бросался на её фланг, разбивал его, пользовался смятением неприятеля и кидался опять со всеми силами на другие пункты; таким образом, наносил я поражения по частям, и победа, которую я одерживал, была не что иное, как победа сильнейшего над слабейшим» [14].

Великий российский полководец А. В. Суворов для достижения внезапности учил своих воинов совершать марши в 3–4 раза быстрее, чем это делали большинство армий мира (от 28 до 35 верст в сутки) и в 2 раза быстрее, чем требовал от своих подчинённых Фридрих Великий. При форсированном марше суворовские войска преодолевали в сутки и до 50 верст. Нередко марши проводились скрытно, в ночное время, невзирая на любую погоду [3].

Объясняя своим воинам важность скорости, он подчеркивал, что «деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего» ибо «быстрота и внезапность заменяют число». «Штыки, быстрота, внезапность!.. неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него, как снег на голову, рази, тесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться; кто испуган, тот побежден вполонину; у страза глаза большие; один за десятерых покажется» (13, С. 140.).

Наряду с достижением внезапности с использованием временного фактора, А. В. Суворов «удивлял» противника и применением новых тактических форм. Так, штурм считавшейся неприступной крепости Измаил, безуспешно осаждаемой русскими войсками на протяжении года, стал неожиданностью для всех военных теоретиков и практиков. Не поощряемый военной наукой того времени штурм крепости явился фактором, который на практике реализовал суворовский принцип «удивить – победить».

О важности введения противника в заблуждение, чтобы достичь внезапности говорил и М. И. Кутузов. Известен такой случай. На вопрос: «Неужели вы, дядюшка, надеетесь разбить Наполеона? Кутузов отвечает: «Разбить? Нет! А обмануть его надеюсь» [23].

Немецкий военный теоретик Клаузевиц в своём фундаментальном труде «О войне» писал «...захват противника врасплох в

стратегии нередко одним ударом заканчивает войну» [11, С. 394].

Выдающийся отечественный полководец Г. К. Жуков в своей полководческой практике исходил из того, что «крупнейший фактор, влияющий на успешность проведения операций, есть достижение оперативной и тактической внезапности. Внезапность достигается главным образом через два элемента: обман противника и стремительность действий» [20].

После Второй мировой войны в многочисленных военных событиях фактор внезапности использовался многократно. Ввод советских войск в Афганистан, знаменитый «бросок на Приштину» сводного батальона ВДВ ВС России в ночь с 11 на 12 июня 1999 года, широкое применение БПЛА, электронных средств разведки и контроля в ходе СВО и др.

Показательным в этом отношении является пример использования внезапности боевиками ХАМАС в ходе операции «Наводнение Аль-Акса» («Буря Аль-Акса») по вторжению на территорию Израиля 7 октября 2023 года. Здесь эффект внезапности сочетал внезапность по времени (суббота (шаббат), когда граждане Израиля отдыхают, в день праздника Симхат Тора), месту (в месте проведения музыкального фестиваля), масштабу (по населённым пунктам Израиля был нанесен ракетный удар от 2,5 до 5 тысячами ракет и на его территорию одновременно проникли более 2500 боевиков) и способу (боевики одновременно ворвались на территорию в Израиля по земле (используя грузовики, пикапы, мотоциклы, бульдозеры), по воде (на катерах) и по воздуху (на парамоторах и аэрошютах – воздушных судах с крылом из ткани, оснащенных двигателем) действий. Всё это обеспечило абсолютную внезапность акции и первоначальный успех ХАМАС. Следует добавить, что нападению предшествовали несколько недель беспорядков, устраивавшихся палестинскими арабами вдоль границы Израиля с сектором Газа (в том числе запуск шаров со взрывными и зажигательными устройствами, массовое сжигание автомобильных шин, закладка и метание взрывных устройств). Многодневные беспорядки у границы стали отвлекающим манёвром [6].

Таким образом, на протяжении многих веков достижение внезапности рассматривалось в качестве важнейшего условия достижения победы над противником. В процессе этой практики стало традицией выделять стратегическую, оперативную и тактическую внезапность.

Изучение литературы, посвящённой исследованию внезапности в военном деле, показывает, что в отдельных случаях делались попытки анализа её психологической сущности.

В частности, признаётся, что внезапность действий порождает как материальные, так и моральные (психологические) эффекты.

Материальный эффект внезапности состоит в том, что она не оставляет времени подвергнутому нападению на организацию ответных действий: оценку ситуации, принятие решения, перераспределение сил и средств, организацию противодействия и т. д.

Психологический эффект внезапности проявляется в действии механизма неожиданности на психику человека.

На наш взгляд, с психологической точки зрения, внезапность – это разрыв стереотипа предвидения (антиципации) возможных схем наступления военных событий и реальным развитием военной ситуации, вызывающий когнитивный диссонанс.

Анализ научных походов к психологическому пониманию внезапности [10, С. 338; 16, С. 16] позволяет выделить основные линии расхождения между прогностическим образом возможного развития военного события и реальными характеристиками боевой ситуации (таблица 1).

Таблица – Виды внезапности и примеры их достижения

Table – Types of surprise and examples of their achievement

№ п/п	Линия расхождения между прогностическим и реальным ходом боевых событий	Некоторые примеры
1	Внезапность по времени события	Нападение арабов на Синайском полуострове и Голанских высотах 6 октября 1973 г. в еврейский праздник Йог-Кипур («Судный день») – самый важный из отмечаемых дней, день поста, покаяния и отпущения грехов, в «мирную субботу» («шалом шаббат»), когда 2/3 израильтян проводят в синагогах, когда жизнь в стране замирает. Израильтяне не ожидали нападения в это время.

№ п/п	Линия расхождения между прогностическим и реальным ходом боевых событий	Некоторые примеры
2	Внезапность по месту события	Переход армии А. В. Суворова с боями через перевал Сен-Готард и Чёртов мост в долину Ройса, через заснеженный перевал Кинциг и нанесение сокрушительного поражения Массене (сентябрь-октябрь 1799 г.). Операция «Оверлорд» по открытию второго фронта во Второй мировой войне была засекречена. Весной 1944 года в целях безопасности было временно прекращено транспортное сообщение с Ирландией. Все участники будущей операции находились в изолированных лагерях, и им было запрещено покидать базу. Операции предшествовала крупная операция по дезинформации противника о времени и месте вторжения войск союзников в 1944 году в Нормандии (операция Fortitude). В результате противник не знал о месте проведения операции.
3	Внезапность по используемому виду оружия (средств)	Использование Ганнибалом 2000 быков для отвлечения внимания противника и прорыва римского окружения (217 г. до н. э.). Применение Иваном Грозным пороха для подрыва стен при взятии Казани (2 октября 1552 года). Применение британскими войсками танков 15 сентября 1916 г. против германской армии. Использование боевых газов в ходе Первой мировой войны. Боевое применение «Катюш» 14 июля 1941 года под Кингисеппом. Атомная бомбардировка США японских городов Хиросима и Нагасаки в 6 и 9 августа 1945 г. и др. Использование израильтянами средств радиоэлектронной борьбы в ходе шестидневной арабо-израильской войны (1967 г.). Во всех случаях противники не ожидали применения такого вида оружия (средств).
4	Внезапность по силе и интенсивности наступившего боевого события	Вторжение на территорию Советского Союза 22 июня 1941 г. фашистских войск, включающих 157 дивизий и 12 бригад, армады фашистских самолетов и танков. Руководство СССР не имело информации о наличии у его границ такой группировки противника.
5	Внезапность по виду события и способу его наступления	Атака 14 сентября 2019 г. дронами неизвестной принадлежности одного из крупнейших в мире нефтеперерабатывающих заводов Саудовской Аравии. Возможность такой атаки никто даже не предполагал.
	Внезапность по способу действий	Использование германским племенем батави в войне против римлян скрытых траншей для внезапных атак, соединенных туннелями для безопасного отступления. Отвод вод реки Тигр персидскими войсками во главе с Киром и атака Вавилона по руслу реки (539 года до н. э.). Оборудование англичанами 20 гигантских туннелей под линией обороны немцев в 1917 году у деревни Мессен в Бельгии. После произведенного взрыва под позициями противника погибло около 10000 солдат, и деморализованные германские войска уже не смогли организовать сопротивления. Подрыв здания разведки ВВС Сирии в Алеппо повстанцами, проникшими к месту подрыва через прокопанный туннель. Действий такими способами противники не ожидали.

№ п/п	Линия расхождения между прогностическим и реальным ходом боевых событий	Некоторые примеры
6	Внезапность по сочетанию событий	Введение советских войск в Афганистан. Уничтожение израильскими войсками сирийской системы ПВО в долине Бекаа 9 июня 1982 г. после разведки с помощью БПЛА и малоразмерными дистанционно-пилотируемыми летательными аппаратами, масштабным применением мощных радиоэлектронных помех, ложных целей и самонаводящихся противорадиолокационных ракет, нанесения удара дальнобойной и реактивной артиллерией, более 100 самолётами с применением обычных, кассетных, шариковых и кумулятивных бомб, управляемых и самонаводящихся ракет. Вторжение группировок ХАМАС на территорию Израиля после периода дезинформации, мощной ракетной атаки, нанесения ударов с земли, с воды, с воздуха и др. Возможность таких акций не предполагалась.
7	Внезапность по состоянию готовности противника	Перед началом Войны Судного дня арабских стран против Израиля (1973 г.) Президент Египта А. Садат постоянно заявлял, что страна не готова к новой войне, Вооружённые силы находятся в небоеготовом состоянии, а его личные отношения с тогдашним главой союзной Сирии Хафезом находятся на грани разрыва. Так, Израилю внушалось ложное чувство безопасности. Израильцы не ожидали мощного и согласованного удара арабов.
8	Внезапность характера собственной реакции на наступившее событие	Реакция шока воинов Красной Армии при секретном применении ею «Катюш» по врагу и т. д.

Таким образом, судя по таблице, существует немало оснований для проявления фактора внезапности в боевом противоборстве.

Анализ литературы, посвященной проблеме внезапности в военных событиях, позволяет констатировать, что внезапность может достигаться как при случайном стечении обстоятельств, так и в результате целенаправленной деятельности командиров, штабов, разведорганов, органов информационно-психологических операций и т. д.

Некоторые авторы [8] полагают, что целенаправленное достижение внезапности является составным элементом рефлексивного управления противником и тесно связано с военной хитростью и маскировкой. При этом военная хитрость рассматривается как способ ведения боевых действий, маскировка как одно из главных ее средств, а внезапность как достигаемый результат. Однако, с психологической точки зрения, эти явления весьма специфичны. Вслед за подходом некоторых китайских психологов, можно разделить рассматриваемые феномены следующим образом: *маскировка* – процесс и результат созда-

ния у противника иллюзий восприятия, *военная хитрость* (введение противника в заблуждение) – процесс и результат создания у него мыслительных иллюзий, *внезапность* – результат создания у противника иллюзий антиципации (предвидения, предвосхищения) [10, С. 332–333].

Внезапное «прозрение», то есть осознание иллюзорности своего тактического мышления и совершённых при принятии решения ошибок, сопровождается целым комплексом негативных психологических последствий.

Ещё древнегреческий писатель, историк и афинский полководец Ксенофонт утверждал: «Что бы это ни было – приятное или грозное, чем меньше его ожидают, тем больше причиняет оно удовольствия или страха. Никогда это так не замечается, как на войне, где всякая неожиданность приводит в трепет даже наиболее сильных духом» [17].

Так как внезапные действия противника создают ситуацию неизвестности и неопределённости, срабатывает врождённый механизм человеческого реагирования на новизну – «чего не знаю, того боюсь». Как

показано в таблице, в боевом противоборстве существует множество оснований для возникновения разрыва стереотипа предположения и представления о возможных событиях, таких как неожиданное появление противника по времени и месту, применение им неожиданных боевых средств и тактических действий, к тому же с неожиданной мощью и т. д.

Страх в обстановке неизвестности способен трансформироваться в смятение, упадок духа, панику, дезорганизацию и дезинтеграцию войск, слом их воли к сопротивлению. Всё это способно резко изменить соотношение сил в пользу стороны, достигшей внезапности.

А. И. Омелькин, исследовав крупнейшие сражения почти за 2000 лет, отмечает, что в 44 % ситуаций подвергшиеся внезапному удару войска были ошеломлены и не смогли оказать организованного сопротивления противнику [16, С. 5]. При этом установлено, что достигнутая внезапность может менять соотношение потерь в оружии и боевой технике до 1:26 в пользу нападающего и соотношение потерь в людях от 1:8 до 1:14 [16].

Знание командирами, работниками штабов всех уровней, военными психологами психологических механизмов и закономерностей проявления в вооруженном противоборстве фактора внезапности позволяет целенаправленно готовить подчиненных к боевым успехам.

Известно, что психологическая подготовка личного состава к боевым действиям – это комплекс мероприятий по формированию у них психологической устойчивости к боевым стресс-факторам и психологической готовности к решению конкретных боевых задач. При этом и психологическая устойчивость, и психологическая готовность включают одни и те же компоненты, находящиеся в разных иерархических соотношениях: знания о всех аспектах предстоящего боя, высокую мотивацию боевой активности, боевой настрой, умения и навыки действовать на поле боя в составе боевого коллектива и в одиночку, владение приемами эмоционально-волевой мобилизации и психической релаксации [9].

При этом важнейшим компонентом психологической устойчивости и готовности являются знания о противнике, о его численности, возможностях оружия, боевом опыте, тактике действий, используемых ухищрениях, возможностях и ресурсах, доступных для использования и т. д. Для получения такого знания необходимо осу-

ществлять психологическую процедуру, именуемую в социальной психологии «социально-психологическая идентификация», то есть мысленное отождествление себя с противником, постановка себя на его место, оценка его глазами ситуации военного противоборства. Необходимо в процессе психологической подготовки учить командиров всех степеней задавать себе вопрос: «Что бы я в такой обстановке сделал, будь я на месте противника?».

Анализируя неприступность боевого предполя, созданного в ходе СВО на линии соприкосновения российских и украинских войск, следует задуматься, какие способы может применить противник, мотивированный любыми средствами нанести нам поражение. Обратившись к таблице, можно предположить, что противник может использовать метод проделывания боевых туннелей (как это делали англичане в 1917 году у деревни Мессен), метод использования современных персональных аэромобильных средств – парамоторов, аэрошютов и др. (как это сделали боевики ХАМАС при вторжении на территорию Израиля), метод применения индивидуального подводного снаряжения для перемещения диверсантов под водой, метод тотального радиолокационного подавления, метод использования «грязной атомной бомбы» и, конечно же, методы информационно-психологических операций и террористических актов, нацеленных на деморализацию населения России, и т. д.

Специалисты утверждают, что в более чем в 90 % изученных боевых ситуаций внезапность достигалась не только благодаря усилиям нападающей стороны, но и из-за ошибок обороняющихся, то есть из-за их неготовности к неожиданным и незнакомым тактическим действиям противника и применению им нового оружия. Поэтому в процессе психологической подготовки с личным составом необходимо моделировать действия умного, хитрого, коварного противника, умело использующего факторы новизны, неопределённости и неординарности действий.

Одновременно организуемая психологическая подготовка должна формировать у военнослужащих (сотрудников) навыки своевременного обнаружения подготовки противником соответствующих действий. Например, для выявления подземных работ еще совсем недавно использовались тапиксы с водой и барабаны с горохом, а сегодня имеются методы электроразведки, электродиагностики, гравитационной разведки, маг-

ниторазведки, сейсморазведки, радиационной разведки, активно разрабатываются лазерная система обнаружения скрытых туннелей, инфракрасно-термографические средства, радиочастотная томография и др. [25]. Решая задачи в Сирийской арабской республике, наши военнослужащие использовали в целях обнаружения вражеских туннелей специальный георадар «Око-3», способный обнаруживать пустоты на глубине 50 м, «видеть» даже сквозь 12-метровый бетонный слой [5].

При этом важным является даже не столько технологическая оснащённость подразделений и частей средствами обнаружения вражеских туннелей, сколько способность проявлять постоянную боевую настороженность и готовность к коллективным действиям в условиях проникновения противника в тыл наших войск из-под земли, с воздуха, с водной поверхности и из-под воды.

Не менее важно обучать военнослужащих способам эффективного огня по возвышенным целям. Вспоминаю, как, проходя службу в Афганистане, на импровизированных соревнованиях с афганскими военнослужащими мы всегда показывали лучший результат по стрельбе на ровной местности и часто терпели неудачу при ведении огня по целям, расположенным на возвышении.

Командиры и весь личный состав должны в результате психологической подготовки приобрести мотивацию к ожиданию неординарных действий противника, востребовать и постоянно применять средства их предупреждения. «Подобно всякому творению рук и воли людей, бой осуществляется дважды – сначала в мыслях, а потом в действительности» ... командир «должен силой фантазии, напрягая остроту чувства предвидения, пережить этот бой, детали которого порой запечатлеваются в памяти, как кадры на киноплёнке» [1, С. 200].

История войн наглядно демонстрирует тот факт, что противник достигает внезапности там, где офицеры отличаются невысоким творческим потенциалом, неумением предвидеть самые маловероятные варианты ведения боевых действий. Склонность к шаблонному мышлению – одна из главных причин достижения противником внезапности, прежде всего в ситуациях оперативного масштаба [16, С. 18–19]. Поэтому в ходе психологической подготовки нужно отыгрывать ситуации неординарных, инновационных, ухищренных действий противника с применением БПЛА, боевых роботов, высокоточных средств.

Командиры и весь личный состав должны быть подготовлены к тому, чтобы в случае вклинения противника «создавать воздушно-огневые и наземные заслоны на путях его продвижения и направлениях пролета аэромобильных отрядов, принимать решительные меры по борьбе с высаженными воздушными десантами, диверсионно-разведывательными формированиями, а при благоприятных обстоятельствах – проводить контратаки с целью разгрома вклинившейся группировки и восстановления положения переднего края обороны» [4, С. 117].

Также психологическая подготовка должна быть направлена на то, чтобы эффективно действовать в условиях полного «ослепления», «оглушения» и частичного обездвижения посредством массированного применения противником инновационных средств радиоэлектронного подавления систем связи, разведки и управления, полного электронного контроля поля боя, электронно «невидимых» средств поражения. Вспомним: неожиданное применение в ходе войны в Персидском заливе истребителей-бомбардировщиков F-117A («Стелс») обеспечило то, что, совершив лишь 1 % от общего числа боевых вылетов, эти самолёты уничтожили до 95 % особо важных стратегических целей в районе Багдада, не понеся потерь [15].

Одновременно с подготовкой к действиям в обстановке внезапности необходимо готовить наших военнослужащих и сотрудников к созданию эффекта внезапности при организации боевых действий с противником.

Опыт войн и военного искусства говорит о том, что к эффективным мерам обеспечения оперативной внезапности относятся:

- сохранение в тайне своих планов и замыслов;
- введение в заблуждение противника относительно своих целей и намерений;
- скрытность расположения и состояния своих Вооружённых сил;
- выбор неожиданных для противника районов сосредоточения основных усилий;
- быстрота маневрирования на поле боя и стремительность действий;
- упреждение в нанесении ударов;
- неожиданное задействование новых боевых средств, вооружения и техники;
- использование неизвестных противнику способов боевых действий;
- использование географических особенностей местности, погоды, времени года и суток [2, С. 110].

Заключение

Таким образом, вся история войн и военных конфликтов наглядно показывает, какими губительными могут быть последствия для армий, не принявших эффективных мер для предотвращения внезапности.

С психологической точки зрения, внезапность – это несовпадение образа начавшегося боя образу ожидаемого боя,

которые складываются в сознании командиров и всего личного состава, и порождает мощный когнитивный диссонанс.

В процессе психологической подготовки необходимо формировать у военнослужащих и сотрудников реалистичный образ предстоящих боевых действий с учётом возможности применения противником инновационных и внезапных действий.

Список источников

1. Батов П. И. В походах и боях. 3-е изд., доп. и испр. М. : Воениздат, 1974. 528 с.
2. Внезапность // Военная энциклопедия / гл. ред. комиссии П. С. Грачёв. М. : Военное издательство, 1994. Т. 2. С. 110.
3. Внезапность в тактике Суворова. URL: <https://aeslib.ru/istoriya-i-zhizn/velikie/vnezapnost-v-taktike-suvorova.html> (дата обращения: 24.01.2024).
4. Воробьев И. Н. Тактика – искусство боя. М. : Общевоинская академия Вооружённых сил Российской Федерации. 2002. 863 с.
5. Всевидящее «Око»: в Хмеймим доставили специальный георадар для поиска туннелей террористов. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2021312042-ays6d.html> (дата обращения: 24.01.2024).
6. Вторжение ХАМАС в Израиль (2023) URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Вторжение_ХАМАС_в_Израиль_\(2023\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Вторжение_ХАМАС_в_Израиль_(2023)) (дата обращения: 26.01.2024).
7. Доклад Министра обороны Российской Федерации С. К. Шойгу на расширенном заседании коллегии Министерства обороны 19 декабря 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73035> (дата обращения: 15.01.2024).
8. Караяни А.Г. Военная психология: учебник. М. : Юрайт, 2023. 593 с.
9. Караяни А.Г., Корчемный П.А. Психологическая подготовка боевых действий / А. Г. Караяни, П. А. Корчемный. М. : ВУ, 2016. 180 с.
10. Караяни А. Г. Прикладная военная психология / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. СПб. : Питер, 2006. 480 с.
11. Клаузевиц Карл фон. О войне. М. : Эксмо; СПб. : Мидгард, 2007. 861 с.
12. Круглов В. В. О возрастающем значении упреждения противника в действиях / В. В. Круглов, А. С. Шубин // Военная мысль. 2021. № 12. С. 27–34.
13. Макаров О. М. Рассуждения по вопросам морской тактики. М. : Военмориздат, 1943. 332 с.
14. Наполеон как полководец. URL: <http://rushist.com/index.php/west/2450-napoleon-kak-polkovodets> (дата обращения: 20.01.2024).
15. Новичков Н. Н. Актуальные уроки «Бури в пустыне». URL: https://nvo.ng.ru/wars/2022-01-27/1_10_11_1174_desertstorm.html?ysclid=lrftbvn9v70991528078 (дата обращения: 26.01.2024).
16. Омелькин А. И. Психологические условия достижения и предупреждения внезапности в войнах и военных конфликтах: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
17. Организация и классификация боевых действий. URL: <https://zdamsam.ru/a6271.html> (дата обращения: 22.01.2024).
18. Попов В. С. Внезапность и неожиданность в истории войн. М. : Воениздат, 1955. 207 с.
19. Прозоров В. Г. Тактическая внезапность. М. : Воениздат, 1958. 126 с.
20. Речь Г. К. Жукова на военно-научной конференции // Военная мысль. 1985. Специальный выпуск (февраль). С. 3, 17–33. URL: <https://paul-atrydes.livejournal.com/61517.html> (дата обращения: 23.01.2024).
21. Семейко Л. С. Предвидение командира в бою. М. : Воениздат, 1966. 184 с.
22. Сунь-Цзы. Искусство войны. М. : Изд-во «Яуза», 2023. 384 с.
23. Тактика внезапности в полководческом искусстве Кутузова. URL: <https://pochta-rolvaya.ru/aboutarmy/history/voyny-rossiyskoj-imperii/27726.html> (дата обращения: 23.01.2024).
24. Шеховцов Н. И. Способы достижения внезапности в годы Великой Отечественной войны». М. : Воениздат, 1957.
25. Янкелевич В. Вокруг Израиля, или Тоннельная война. URL: <https://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer8/VJankelovich1.php> (дата обращения: 25.01.2024).

References

1. Batov P. I. V pohodah i boyah. Moscow: Voenizdat, 1974. (In Russ).
2. Grachyov P. S. Vnezapnost'. In: Voennaya enciklopediya Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1994. Vol. 2: 110. (In Russ).
3. Vnezapnost' v taktike Suvorova. URL: <https://aeslib.ru/istoriya-i-zhizn/velikie/vnezapnost-v-taktike-suvorova.html> (data obrashcheniya: 24.01.2024). (In Russ).
4. Vorob'ev I. N. Taktika – iskusstvo boya. Moscow: Obshchevojskovaya akademiya Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii. 2002. (In Russ).
5. Vsevidyashchee «Oko»: v Hmejmim dostavili special'nyj georadar dlya poiska tunnelej terroristov. Available from: <https://tvzvezda.ru/news/2021312042-ays6d.html> [Accessed: 24th January2024]. (In Russ).
6. Vtorzhenie HAMAS v Izrail' (2023) Available from: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Vtorzhenie_HAMAS_v_Izrail'__\(2023\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Vtorzhenie_HAMAS_v_Izrail'__(2023)) (data obrashcheniya: 26.01.2024). (In Russ).
7. Doklad Ministra oborony Rossijskoj Federacii S. K. Shojgu na rasshirennom zasedanii kollegii Ministerstva oborony 19 dekabrya 2023 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73035> (data obrashcheniya: 15.01.2024). (In Russ).
8. Karayani A.G. Voennaya psihologiya: uchebnik. Moscow: Yurajt, 2023. (In Russ).
9. Karayani A. G., Korchemnyj P. A. Psihologicheskaya podgotovka boevyh dejstvij / A. G. Karayani, P. A. Korchemnyj. Moscow: VU, 2016. (In Russ).
10. Karayani A. G., Syromyatnikov I. V. Prikladnaya voennaya psihologiya. Saint-Petersburg: Piter, 2006. (In Russ).
11. Klauzevic Karl fon. O vojne. Moscow: Eksmo; Saint-Petersburg: Midgard, 2007. (In Russ).
12. Kruglov V. V., Shubin A. S. About the increasing importance of anticipating the enemy in actions. In: Voennaya mysl'. 2021;12: 27–34. (In Russ).
13. Makarov O. M. Rassuzhdeniya po voprosam morskoy taktiki. Moscow: Voenmorizdat, 1943. (In Russ).
14. Napoleon kak polkovodec. Available from: <http://rushist.com/index.php/west/2450-napoleon-kak-polkovodets> [Accessed: 20th January2024]. (In Russ).
15. Novichkov N. N. Aktual'nye uroki «Buri v pustyne». Available from: https://nvo.ng.ru/wars/2022-01-27/1_10_1174_desertstorm.html?ysclid=lrftbvn9v70991528078 [Accessed: 26th January2024]. (In Russ).
16. Omel'kin A. I. Psihologicheskie usloviya dostizheniya i preduprezhdeniya vnezapnosti v voynah i voennyh konfliktah. Moscow, 1997. (In Russ).
17. Organizaciya i klassifikaciya boevyh dejstvij. Available from: <https://zdamsam.ru/a6271.html> (data obrashcheniya: 22.01.2024). (In Russ).
18. Popov B. C. Vnezapnost' i neozhidannost' v istorii vojn. Moscow: Voenizdat, 1955. (In Russ).
19. Prozorov V. G. Takticheskaya vnezapnost'. Moscow: Voenizdat, 1958. (In Russ).
20. Rech' G. K. Zhukova na voenno-nauchnoj konferencii. In: Voennaya mysl'. 1985. Special'nyj vypusk (fevral'): 3, 17–33. Available from: <https://paul-atrydes.livejournal.com/61517.html> [Accessed: 23th January2024]. (In Russ).
21. Semejko L. S. Predvidenie komandira v boyu. Moscow: Voenizdat, 1966. (In Russ).
22. Sun'-Czy. Iskustvo vojny. Moscow: Izd-vo «Yauza», 2023. (In Russ).
23. Taktika vnezapnosti v polkovodcheskom iskusstve Kutuzova. Available from: <https://pochta-polevaya.ru/aboutarmy/history/voyny-rossiyskoj-imperii/27726.html> (data obrashcheniya: 23.01.2024). (In Russ).
24. Shekhovcov N. I. Sposoby dostizheniya vnezapnosti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny». Moscow: Voenizdat, 1957. (In Russ).
25. Yankelevich V. Vokrug Izrailya, ili Tonnel'naya vojna. Available from: <https://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer8/VJankelevich1.php> [Accessed: 25th January2024]. (In Russ).

Информация об авторах

А. Г. Караяни – член-корреспондент Российской академии образования, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор

Information about the author

A. G. Karayani – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Psychology), Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024;
одобрена после рецензирования 27.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 30.01.2024;
approved after reviewing 27.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 159.9.072
EDN: HNOBUP

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОПРОТИВЛЯЕМОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ,
СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ: ОСНОВНЫЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Наталья Ивановна Дунаева¹, Светлана Николаевна Сорокоумова²

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

² Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации», Москва, Россия

¹ nataliadunaeva468@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4310-5115>

² 4013@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования важнейших личностных образований, составляющих психологическую структуру сопротивляемости личности подростков, старшеклассников, студентов. Научная новизна заключается в том, что были изучены компоненты психологической структуры (знаниевый, мотивационный, эмоционально-волевой) сопротивляемости молодых людей разных возрастных групп. Дан сравнительный анализ результатов у трех групп испытуемых – подростков, старшеклассников, студентов, возрастная динамика представленных результатов по различным шкалам в ходе констатирующего исследования. Выявлены особенности способов преодоления в различных жизненных ситуациях, особенности системы отношений респондентов к семье, к друзьям, к одноклассникам (однокурсникам), к страхам и опасениям, чувству вины, прошлому и будущему, к жизненным целям, особенности мотивов поведения, аффилиации, основные стили совладания, особенности толерантности к неопределенности, особенности жизнестойкости в трех группах испытуемых – подростков, старшеклассников и студентов.

Ключевые слова: сопротивляемость личности, психологическая структура сопротивляемости, компоненты психологической структуры, трудные жизненные ситуации, подростки, старшеклассники, студенты, возрастная динамика

Для цитирования: Дунаева Н.И., Сорокоумова С.Н. Психологическая структура сопротивляемости личности подростков, старшеклассников и студентов: основные эмпирические результаты // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 109–117. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/011.pdf>. EDN: HNOBUP.

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

Original article

THE PSYCHOLOGICAL STRUCTURE OF THE PERSONALITY RESISTANCE OF ADOLESCENTS,
HIGH SCHOOL STUDENTS AND STUDENTS: THE MAIN EMPIRICAL RESULTS

Natalia I. Dunaeva¹, Svetlana N. Sorokoumova²

¹ University of Nizhny Novgorod (N.I. Lobachevsky University), Nizhny Novgorod, Russia

² Military Educational Research Centre of Ground Forces «Combined Arms Military Academy of Armed Forces of the Russian Federation», Moscow, Russia

¹ nataliadunaeva468@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4310-5115>

² 4013@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>

Abstract. The article presents the results of a study of the most important personality formations that make up the psychological structure of the personality resistance of adolescents, high school students, and students. The scientific novelty lies in the fact that the components of the psychological structure (knowledge, motivational, emotional-volitional) of resistance of young people of different age groups have been studied. A comparative analysis of the results in three

groups of subjects – adolescents, high school students, students, age dynamics of the presented results on various scales during the ascertaining study is given. The features of coping methods in various life situations, the features of the respondents' relationship system to family, friends, classmates (classmates), fears and fears, guilt, past and future, life goals, features of behavior motives, affiliations, basic coping styles, features of tolerance to uncertainty are revealed, characteristics of resilience in three groups of subjects – teenagers, high school students and students.

Keywords: personality resistance, psychological structure of resistance, components of psychological structure, difficult life situations, adolescents, high school students, students, age dynamics

For citation: Dunaeva N.I., Sorokoumova S.N. The psychological structure of the personality resistance of adolescents, high school students and students: the main empirical results. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 109–117. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/011.pdf>. EDN: HNOBUP.

© Дунаева Н.И., Сорокоумова С.Н., 2024

Введение

Переходные исторические периоды, связанные с социально-экономическими, политическими преобразованиям в стране и в мире, несомненно, отражаются на человеке при адаптации к новым реалиям. Особенно это проявлялось в кризисные периоды истории России, например, связанные с Великой Отечественной войной, когда военная повседневность, с обострением экстремальности изменила социально-психологическое состояние общества, привела к появлению высокого уровня сплоченности между людьми, позволила выработать психологическую устойчивость, привычные установки в своем поведении, расширить используемые ресурсы человека [17].

Современные реалии, связанные со специальной военной операцией и частичной мобилизацией, также отразились на мировосприятии современной молодежи, были нарушены многие планы, связанные с продолжением учебы за рубежом, стажировки стали невозможны. Данная ситуация стала для некоторых молодых людей травматичной, появилась растерянность, неопределенность, избыточно тревожные переживания, страх. Восприятие любой сложной ситуации в большей степени зависит от того, как человек сам относится к своим возможностям, каковы его ресурсы, установки. Жизненные трудности способствуют погружению в свой внутренний мир, более глубокому осмыслению жизни, к пересмотру и осознанию собственных жизненных целей, выработке новых стратегий поведения и могут выступать основой для формирования сопротивляемости как личностной способности противостоять им [16, 18, 21].

Проблема сопротивляемости личности трудным жизненным ситуациям в последние десятилетия привлекает все больше внимание исследователей и является од-

ной из самых актуальных в современной психологической науке [1, 2, 4, 11, 14, 19].

Теоретические и практические подходы к проблеме изучения сопротивляемости личности трудным жизненным ситуациям, выявление важнейших личностных образований, составляющих психологическую структуру сопротивляемости личности подростков, старшеклассников, студентов, определяющих стратегию их поведения и деятельности в различных ситуациях, а также тенденции развития сопротивляемости в этих возрастных группах в типичных условиях обучения, обсуждались ранее в наших исследованиях [5, 6, 7, 10]. Были выявлены особенности способов поведения в различных жизненных ситуациях, особенности социально-психологической адаптации, ценностные ориентации личности и смысло-жизненные установки, особенности проявлений субъектности в трех групп испытуемых – подростков, старшеклассников, студентов [8, 9].

Основная часть

Для изучения важнейших личностных образований, составляющих психологическую структуру авторского понимания сопротивляемости личности подростков, старшеклассников, студентов, нами была разработана программа констатирующего эксперимента, включающая несколько этапов. Для реализации этого был разработан диагностический комплекс, позволяющий определить психологическую структуру сопротивляемости личности: опросник С. С. Гончаровой «Способы преодоления негативных ситуаций», тест «Незавершенные предложения» Сакса-Леви (Sacks Sentence Completion Test, SSCT), методика мотивации к успеху (Т. Элерс), опросник аффилиации (А. Мехрабиан), методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» («Coping Inventory for Stressful Situations») (Н. С. Эндлер в соавторстве с

Д. А. Паркер), опросник толерантность к неопределенности (М. Маклейн), тест жизнестойкости (методика С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьева) [3, 12, 13, 15, 20] .

Приведем анализ результатов констатирующего эксперимента, который включал в себя три этапа и был посвящен изучению компонентов психологической структуры сопротивляемости подростков и молодых людей. Исследование осуществлялось в четырех школах города Нижнего Новгорода, в двух нижегородских вузах: ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева и ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н. И. Лобачевского». Эмпирический материал основывается на выборке, включающей в себя результаты исследования обучающихся школ: подростки (7–8 класс) – 224 человека; старшеклассники (10–11 класс) – 203 человека, студентов вуза – 196 обучающихся 1–2 курса факультета социальных наук, факультета экономики и предпринимательства, химического факультета.

По результатам изучения компонентов психологической структуры сопротивляемости школьников среднего, старшего звена и студентов младших курсов, мы проследили динамику изменения показателей относительно применяемых ими способов преодоления, связанных с неприятными (трудными) ситуациями в ситуации неопределенности. Был изучен знаниевый (когнитивный) компонент психологической структуры сопротивляемости, включающий в себя сведения о владении стратегиями в ситуациях выбора.

По шкале «Поиск поддержки» у подростков 7–8 классов выявлен достаточно большой процент низкого уровня (30,36 %), это говорит о том, что данная часть детей испытывает сложности с налаживанием коммуникации. Это свидетельствует о том, что они не могут самостоятельно эффективно разрешать свои проблемы, отказываются от обсуждения со взрослыми. Это вызывает некоторые опасения, поскольку неумение рассказать о проблеме, поделиться своими переживаниями, может привести к накоплению отрицательных эмоций, беспомощному состоянию. Рассматривая в возрастной динамике данный показатель, следует отметить его снижение в каждой последующей группе – 10–11 класс – 26,11 %; 1–2 курс – 15,82 %, это также означает увеличение выборов стратегии, связанной с поддержкой взрослого человека.

Рассмотрим результаты высокого уровня по шкале «Поиск поддержки». Процент таких детей незначителен и с возрастом не наблюдается увеличение показателя (7–8 класс – 9,38 %; 10–11 класс – 9,85 %, 1–2 курс – 9,69 %), есть некоторые опасения относительно того, какой взрослый, с какой направленностью может оказаться рядом с подростком. Если значимый взрослый будет с конструктивной направленностью, то эта зависимость от мнения взрослого повлияет позитивным образом. Если молодые люди, особенно подросткового возраста, будут искать поддержку и попадут под влияние деструктивного контента со стороны взрослого, еще не сформированной способностью к сопротивляемости, то создается угроза как для самого подростка, так и угроза обществу в целом. Это мы можем наблюдать на примерах приверженности идеям различных деструктивных, экстремистских организаций, в которые могут вовлекаться подростки.

По шкале «Повышение самооценки» мы можем отметить, что высокий уровень значительно не меняется с возрастом (7–8 класс – 16,52 %; 10–11 класс – 17,24 %; 1–2 курс – 13,27 %). Данные результаты свидетельствуют о том, что респонденты демонстрируют поведенческий репертуар своеобразного ухода от решения проблемных ситуаций, игнорирование проблемы, ее обесценивание, прокрастинацию, используя переключение на другие объекты либо деятельность. Безусловно, на какое-то время это позволит поддержать самооценку и избежать отрицательных эмоций, но не включенность в разрешение проблемы, что в дальнейшем может иметь различные негативные последствия. По результатам исследования, низкие показатели по этой шкале демонстрируют динамику к снижению с возрастом (7–8 класс – 10,71 %; 10–11 класс – 9,85 %; 1–2 курс – 7,65 %), что может означать ориентацию на решение проблемы с опорой на предшествующий опыт.

Анализ шкалы «Самообвинение» показывает ярко выраженную возрастную динамику. Самообвинение как неадаптивная стратегия не позволяет разрешить проблему, включающую в себя признание чувства вины на когнитивном уровне. Мы можем констатировать, что происходит снижение внутреннего переживания негативных эмоций (7–8 класс – 37,05 %; 10–11 класс – 33,50 %; 1–2 курс – 19,39 %) за счет увеличения стратегии активного действия сопротивляемости в трудной ситуации. Так, под-

ростки по данной шкале продемонстрировали уход от решения проблемы, оставаясь наедине с ней, внутренне переживая, избегая активных действий. Старшеклассники и в большей степени студенты 1–2 курсов показали активные действия, способные изменить проблемную ситуацию. Это может рассматриваться и как переход количества в качество, когда накапливается опыт успешного, активного разрешения по мере взросления, опыт противостояния негативным эмоциональным проявлениям.

По шкале «Анализ проблемы» мы также наблюдаем возрастную динамику. Высокий уровень по показателям данной шкалы выявлен у респондентов 7–8 классов – 4,91 %; 10–11 классов – 18,72 %; 1–2 курса – 33,67 %. Данная стратегия позволяет обстоятельно рассмотреть проблему, выбрать оптимальное решение по выходу из ситуации, путем рассуждений относительно последствий, а не под влиянием эмоций.

Полученные результаты по шкале «Поиск виноватых» демонстрируют меньшую выраженность в возрастных изменениях. Высокий уровень по данной шкале представлен в – 7–8 классах – 19,20 %; 10–11 классах – 16,26 %; 1–2 курс – 15,31 %. Респонденты, выбравшие данную стратегию как основную, склонны во всех своих неудачах обвинять других, испытывая при этом отрицательные эмоции.

В ходе дальнейшего исследования был применен тест Сакса-Леви, адаптированный нами, который включал лишь те характеристики, которые относились к предмету исследовательского поиска. Нам было важно выявить особенности системы отношений испытуемых к себе, семье, к друзьям, одноклассникам (однокурсникам), страхам и опасениям, отношению к своему прошлому и будущему, к жизненным целям. По результатам анализа полученных данных можно констатировать, что с возрастом положительное отношение к себе возрастает, причем в ответах прослеживается обращение в свой внутренний мир и оценку себя.

Исследование возрастной динамики оценки нереализованных возможностей показывает, что наиболее высокие показатели у респондентов 10–11 классов – 76,85 %. Анализ примеров высказываний позволил определить, что это связано с ситуацией неопределенности, с ситуацией выбора, с ожиданиями, опасениями и тревогами, которые сопровождают старшеклассников в этот период. Сложности с

определением будущей профессиональной сферы, выбор и поступление в профессиональные заведения, высокий уровень переживания о возможных неудачах при сдаче экзаменов. В качестве примера: девушка – 18 лет (11 класс): «Моим скрытым желанием является проснуться, а экзамены позади». «Я всегда хотела быть врачом, но у меня мало шансов поступить».

У студентов 1–2 курсов тенденция к незначительному снижению высоких показателей, хотя также отмечаются трудности и неопределенные ситуации, связанные с вхождением в новый коллектив, сдачей экзаменов в предстоящей сессии.

Далее рассмотрим результаты исследования отношения к будущему. Следует отметить, что наиболее высокие показатели демонстрируют студенты 1–2 курсов – 83,16 %, они полны сил, у них насыщенная и активная студенческая жизнь, построение амбициозных планов, возникновение романтических отношений. Высокий процент по отношению к будущему и среди подростков 7–8 классов – 79,02 %, поскольку оно еще отдаленно, пока все глобальные проблемы решают родители и в настоящее время им нечего беспокоиться. Более низкие показатели имеют старшеклассники – 72,41 %. Это связано с высокой степенью ответственности за выбор профессиональной направленности, но все же с надеждами на реализацию своего намеренного пути.

Наблюдается также возрастная динамика отношения к страхам и опасениям: рост страхов с возрастом среди респондентов 7–8 классов – 20,54 %; 10–11 классов – 34,98 %; 1–2 курсов – 27,04 %. Превалирует высокий процент среди старшеклассников, основные опасения связаны с учебной деятельностью, с подготовкой к ЕГЭ. Подростковый возраст рассматривается как некий переходный период из детства во взрослую жизнь. Ребята примеряют взрослые поведенческие модели, но пока они несколько поверхностны, подражательны, шаблонны. Опасения связаны с правильностью принятых «взрослых» решений, а также с появившимся грузом ответственности за принятые решения. Среди студентов страхи и опасения связаны с дальнейшим трудоустройством, нахождением своего места в обществе.

Рассмотрим результаты исследования отношения к друзьям. Анализ динамики результатов показывает самый высокий процент положительного отношения среди учеников 10–11 классов – 67,98 %. Это свя-

зано с тем, что за школьные годы сложились тесные дружеские связи внутри школьного коллектива, проверенные годами. Небольшое снижение наблюдается среди студентов 1–2 курсов – 63,78 %. Смена учебного коллектива, возникновение новых дружеских связей среди однокурсников несколько снижают частоту взаимодействия со старыми друзьями. У подростков 7–8 классов выявлены самые низкие показатели (53,57 %), известный период «бури и натиска» характеризуется противоборством, отстаиванием своей независимости, негибкостью, все это отражается и на построении дружеских отношений.

По результатам исследования отношения к своему прошлому, можно констатировать, что большинство респондентов положительно относятся к своему прошлому, показывая стабильно высокие результаты (7–8 класс – 81,7 %; 10–11 класс – 82,76 %; 1–2 курс – 76,53 %). Лишь незначительное снижение наблюдается среди студентов 1–2 курса. Возможно, это связано с тем, что новый жизненный этап учебы в вузе, статус студента воспринимается ими как важный и значимый, они чувствуют в настоящий момент себя более успешными.

Возрастная динамика с тенденцией роста наблюдается и по положительному отношению к лицам противоположного пола (7–8 класс – 66,96 %; 10–11 класс – 85,22 %; 1–2 курс – 91,84 %). Интерес к противоположному полу связан с процессом взросления. Динамика результатов исследования отношения к семье также демонстрирует положительную динамику (7–8 класс – 54,02 %; 10–11 класс – 55,17 %; 1–2 курс – 62,76 %), это говорит о значимости и важности семьи для респондентов.

Результаты исследования чувства вины показывают, что ее положительная оценка связана с ее признанием и растет к окончанию школы, и немного снижается к 1–2 курсу (7–8 класс – 18,3 %; 10–11 класс – 27,09 %; 1–2 курс – 23,47 %).

Далее нами был изучен аксиологический (мотивационный) компонент психологической структуры сопротивляемости, представленный в трех возрастных группах. Данный компонент включает сведения о мотивах поведения в различных ситуациях и сопротивляемости внешним обстоятельствам.

Результаты диагностики респондентов на мотивацию успеха демонстрируют рост среди старшеклассников (7–8 класс – 22,77 %; 10–11 класс – 31,53 %; 1–2 курс – 15,82 %), поскольку это сопряжено с главной задачей данного периода – успешной

сдачей экзаменов и поступлением в вуз. Когда цель достигнута, то снижается и мотивация, что мы и видим среди студентов 1–2 курса. У всех респондентов результаты диагностики на избегание неудач, несклонность к риску продемонстрировали стабильные показатели. Также мы отметили некоторую динамику снижения склонности к риску, которую демонстрируют молодые люди (7–8 класс – 9,38 %, 10–11 класс – 11,33 %, 1–2 курс – 5,61 %). Это может свидетельствовать о повышении рациональности, а также важности пребывания в привычно комфортных условиях, что в настоящее время является одной из важных составляющих жизни молодых людей.

Далее представлены результаты диагностики аффилиации – потребности к стремлению к людям и установлению добрых отношений с ними. Была выявлена возрастная динамика снижения этого мотива среди респондентов (7–8 класс – 31,70 %; 10–11 класс – 28,57 % и 1–2 курс – 22,96 %).

Подросткам 7–8 классов важно удовлетворить потребность в аффилиации, поскольку построение межличностных отношений со сверстниками являются эмоционально важными и связаны с оценкой и признанием его как личности. Чем старше становится молодой человек, тем становится более самостоятельным, потребность к контактам снижается, они становятся более избирательными.

Приведем результаты преобладания типичных сочетаний двух мотивов по высокому уровню «Стремления к людям» и высокий уровень «Боязнь быть отвергнутым» среди респондентов выборки. Полученные данные свидетельствуют о том, что с возрастом снижается внутренний конфликт между стремлением к людям и боязнью быть отвергнутым (7–8 класс – 36,16 %, 10–11 класс – 31,03 %; 1–2 курс – 16,84 %).

Самое часто встречающееся сочетание мотивов среди всех возрастных групп, которое с возрастом превалирует – это высокий уровень стремления к людям и отсутствие опасения быть отвергнутым (7–8 класс – 60,71 %; 10–11 класс – 65,52 %; 1–2 курс – 72,96 %). Такая тенденция связана с накоплением опыта социального взаимодействия и появлением чувства уверенности в своих возможностях. Следует отметить, что среди студентов 1–2 курсов мы наблюдаем сочетание низкого уровня обоих мотивов по сравнению с другими возрастными группами, то есть проявление безразличия к социальным контактам (1–2 курс – 8,67 %).

На третьем этапе нашего исследования мы изучили три основных стиля совладания: ориентировочный на решение задачи (проблемно-ориентировочный или копинг (ПОК), эмоционально-ориентировочный стиль (ЭОК) и стиль, ориентированный на избегание (КОИ).

Результаты выявления проблемно-ориентированного поведения демонстрируют рост респондентов ориентированных на решение проблем и задач (7–8 класс – 10,27 %; 10–11 класс – 19,7 %; 1–2 курс – 26,53 %). Приобретенный опыт успешного разрешения различных ситуаций обыденной жизни и выбор эффективных стратегий поведения приводит к данной возрастной динамике.

Одновременно с этим происходит снижение числа выборов, связанных с импульсивными эмоциональными реакциями, которые не приводят к положительному разрешению проблемы, а лишь усугубляют ее (7–8 класс – 29,91 %; 10–11 класс – 25,12 %; 1–2 курс – 22,45 %).

С возрастом становится все меньше респондентов, выбирающих стратегию избегания. Данная стратегия зачастую оказывается не продуктивной, приводящей лишь к накоплению проблем и отрицательных эмоций, из-за упущенных возможностей ее разрешения ранее, ограничения временных рамок при ее разрешении (7–8 класс – 11,16 %; 10–11 класс – 10,34 %; 1–2 курс – 8,67 %).

Результаты измерения толерантности к неопределенности показывают возрастную динамику готовности принятия сложных, неопределенных ситуаций, происходящих в окружающей действительности, а также готовность неординарно разрешать их, проявляя гибкость, отходя от шаблонов (7–8 класс – 8,04 %; 10–11 класс – 13,30 %; 1–2 курс – 16,84 %). Наряду с этим снижается число респондентов, которые испытывают дискомфорт в неопределенных ситуациях (7–8 класс – 22,77 %; 10–11 класс – 18,23 %; 1–2 курс – 15,82 %).

Результаты измерения жизнестойкости по шкале «Вовлеченность» ниже нормы показывают снижение показателей с возрастом. Результаты ниже нормы мы наблюдаем у подростков 7–8 классов – 16,52 %, у старшеклассников 10–11 классов – 21,18 %, у студентов 1–2 курсов – 28,57 %. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что с возрастом снижается удовольствие от собственной деятельности, ощущение бессмысленности своей деятельности.

Результаты измерения толерантности к неопределенности по шкале «Контроль» в норме показывают рост показателя с возрастом (7–8 класс – 69,20 %; 10–11 класс – 72,91 %; 1–2 курс – 78,06 %). Растет убежденность респондентов в том, что предпринимаемыми действиями они смогут повлиять на разрешение ситуации, главное выполнять активные действия.

Результаты измерения толерантности к неопределенности по шкале «Принятие риска» показали динамическую стабильность (7–8 класс – 76,34 %; 10–11 класс – 73,40 %; 1–2 курс – 77,55 %). Убежденность респондентов в необходимости действий, независимо от результата, важна для приобретения опыта для дальнейшего использования. Общий показатель жизнестойкости показывает динамическую стабильность (7–8 класс – 75 %; 10–11 класс – 74,88 %; 1–2 курс – 75,51 %).

Выводы

По итогам исследования мы наблюдаем, что старшеклассники и студенты 1–2 курсов более склонны обращаться за поддержкой к другим людям, нежели подростки 7–8 классов. Тем не менее с возрастом мы наблюдаем тенденции к увеличению выборов стратегий, связанных с социальной поддержкой в сложной ситуации. С возрастом происходит накопление опыта решения проблемных ситуаций, включающих в себя активные действия, уменьшается тенденция ухода от решения ситуации.

У подростков наблюдается склонность драматизировать события, даже незначительный повод может вызывать всплеск эмоций, поэтому активность проявляется во внутреннем контуре в сфере эмоциональных переживаний, самообвинений, при этом происходит постоянное прокручивание и возвращение в ситуацию. На наш взгляд, опыт такой внутренней работы впоследствии способствует перерождению, переходу во внешние активности противостояния, приводящие в дальнейшем к самостоятельному принятию решения, совершению поступков, позволяющих изменить и разрешить трудную ситуацию.

Было выявлено, что умение справляться с эмоциями и взвешено принимать решения усиливается с возрастом; положительное отношение к себе с возрастом увеличивается; пик положительного отношения к друзьям среди учащихся 10–11 классов; пик мотивации успеха выявлен среди выпускников школ; снижение с возрастом потребности в «Стремлении к людям»; снижение с возрастом внутреннего конфликта

между стремлением к людям и их избеганием; с возрастом увеличивается число молодых людей, ориентированных на решение проблем и задач, снижается также число выборов стратегий, ориентированных на эмоции.

Общий показатель жизненности показывает динамическую стабильность. Таким образом, данное исследование позволило раскрыть важнейшие личностные образования, составляющие психологическую структуру сопротивляемости личности подростков, старшеклассников и студентов.

Список источников

1. Ануфриева О. В. Психологические детерминанты сопротивляемости подростков асоциальным влияниям: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Ануфриева Ольга Владимировна. Бишкек, 2018. 181 с.
2. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании: монография. СПб. : Изд-во «СОЮЗ», 2002. 271 с.
3. Гончарова С. С. Способы преодоления негативных ситуаций – метод диагностики психологического преодоления в раннем юношеском возрасте // Психологическая диагностика. 2006. № 3. С. 17–28.
4. Гороховатский Л. Ю. Формирование психологической сопротивляемости личности будущего специалиста таможенных органов профессиональным трудностям: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Гороховатский Леонид Юрьевич. Самара, 2013. 26 с.
5. Дунаева Н. И. Модель исследования сопротивляемости как личностного свойства негативным жизненным ситуациям // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). С. 122–126.
6. Дунаева Н. И. Феномен сопротивляемости личности трудным жизненным ситуациям в работах отечественных исследователей / Н. И. Дунаева, П. А. Егорова // Психолого-педагогический поиск. 2019. № 4(52). С. 205–211.
7. Дунаева Н. И. Сопротивляемость студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья деструктивной агрессии в ходе социально-психологического сопровождения / Н. И. Дунаева, П. А. Гордеева // Прикладная юридическая психология. 2022. № 3(60). С. 98–105.
8. Дунаева Н. И. Изучение сопротивляемости личности подростков, старшеклассников и студентов трудным жизненным ситуациям / С. Н. Сорокоумова, Н. И. Дунаева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6(94). С. 802–808. DOI 10.21603/2078-8975-2022-24-6-802-808.
9. Дунаева Н. И. Формирование сопротивляемости личности студентов в условиях современной образовательной среды / Н. И. Дунаева, П. А. Гордеева, С. Н. Сорокоумова // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11. № 1(42). DOI 10.26795/2307-1281-2023-11-1-10.
10. Дунаева Н. И. Проблема сопротивляемости личности трудным жизненным ситуациям в условиях образовательной среды в российских и зарубежных исследованиях / Н. И. Дунаева, Н. Е. Серебровская, П. А. Егорова // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 1(26). С. 11. DOI 10.26795/2307-1281-2019-7-1-11.
11. Ионеску Ш. Сопротивляемость и родственные понятия // Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма: сб. научных статей Первого международного форума / под. ред. И. А. Баевой, Ш. Ионеску, Л. А. Регуш. СПб., 2006. С. 17–20.
12. Крюкова Т. Л. О методологии исследования и адаптации опросника диагностики совладающего (копинг) поведения // Психология и практика: сб. научн. трудов / отв. ред. В. А. Соловьева. Вып. 1. Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2001. С. 70–82.
13. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова М. : Смысл, 2006. 63 с.
14. Нарушевич А. А. О феномене сопротивляемости в современной зарубежной психологии // Вестник Новгородского государственного университета. Сер: Педагогика. Психология. 2007. № 42. С. 7–9.
15. Пахомов А. П. Методика «Незаконченные предложения» Сакса-Леви: учебное пособие // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 4. С. 99–116.
16. Стрельцова И. П. Представления подростков и юношей о трудных ситуациях и стратегиях совладающего поведения в них: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Стрельцова Ирина Петровна. М., 2003. 22 с.
17. Харитоновна Е. В. Мобилизация морального духа и психологического состояния в годы Великой Отечественной войны // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 5–17.

18. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства. 2012. № 19. 12 с.
19. Gamezy N. Resiliency and vulnerability to adverse developmental outcomes associated with poverty // American Behavioral Scientist. 1991. Vol. 34. Pp. 416–430.
20. Sachs J. M. Levy S. The sentence completion test // Bellak L. (ed.) Projective psychology. N.Y.: Knopf, 1950. Pp. 357–397.
21. Sorokoumova S. N. Psychological and pedagogical support to primary school children in conflict relations / E. A. Sorokoumova, O. V. Suvorova, S. N. Sorokoumova // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. T. 8. № 2.1. P. 398–407.

References

1. Anufrieva O. V. Psihologicheskie determinanty soprotivlyaemosti podrostkov asocial'nym vliyaniyam. Bishkek, 2018. (In Russ.).
2. Baeva I. A. Psihologicheskaya bezopasnost' v obrazovanii: monografiya. Saint-Petersburg: Izd-vo «SOYuZ», 2002. (In Russ.).
3. Goncharova S. S. Ways to overcome negative situations" is a method of diagnosing psychological overcoming in early adolescence. In: Psihologicheskaya diagnostika. 2006;3: 17–28. (In Russ.).
4. Gorohovatskij L. Yu. Formirovanie psihologicheskoy soprotivlyaemosti lichnosti budushchego specialista tamozhennyh organov professional'nym trudnostyam. Samara, 2013. (In Russ.).
5. Dunaeva N. I. A model for the study of resistance as a personal property to negative life situations. In: Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2011;6 (31): 122–126. (In Russ.).
6. Dunaeva N. I., Egorova P. A. The phenomenon of personality's resistance to difficult life situations in the works of domestic researchers. In: Psihologo-pedagogicheskij poisk. 2019;4(52): 205–211. (In Russ.).
7. Dunaeva N. I., Gordeeva P. A. The resistance of students with disabilities and disabilities to destructive aggression during socio-psychological support. In: Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2022;3(60): 98–105. (In Russ.).
8. Dunaeva N. I. Sorokoumova S. N. The study of the personality resistance of adolescents, high school students and students to difficult life situations. In: Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. Vol. 24;6(94). S. 802–808. DOI 10.21603/2078-8975-2022-24-6-802-808. (In Russ.).
9. Dunaeva N. I., Gordeeva P. A., Sorokoumova S. N. Formation of students' personality resistance in the modern educational environment. In: Vestnik Mininskogo universiteta. 2023. Vol. 11;1(42). DOI 10.26795/2307-1281-2023-11-1-10. (In Russ.).
10. Dunaeva N. I., Serebrovskaya N. E., Egorova P. A. The problem of personal resistance to difficult life situations in an educational environment in Russian and foreign studies. In: Vestnik Mininskogo universiteta. 2019. Vol. 7;1(26):11. DOI 10.26795/2307-1281-2019-7-1-11. (In Russ.).
11. Baeva I. A., Ionescu Sh., Regush L. A. (eds.) Resistance and related concepts. In: Psihologicheskaya bezopasnost', ustojchivost', psihotravma. Saint-Petersburg, 2006: 17–20. (In Russ.).
12. Kryukova T. L., Solov'eva V. A. (eds.) On the methodology of research and adaptation of the questionnaire for the diagnosis of coping behavior. In: Psihologiya i praktika. Kostroma: Izd-vo KGU im. N. A. Nekrasova, 2001: 70–82. (In Russ.).
13. Leont'ev D. A., Rasskazova E. I. Test zhiznestojkosti Moscow: Smysl, 2006. (In Russ.).
14. Narushevich A. A. On the phenomenon of resistance in modern foreign psychology. In: Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser: Pedagogika. Psihologiya. 2007;42: 7–9. (In Russ.).
15. Pahomov A. P. The technique of "Unfinished sentences" by Sachs-Levy. In: Eksperimental'naya psihologiya. 2012. Vol. 5;4: 99–116. (In Russ.).
16. Strel'cova I. P. Predstavleniya podrostkov i yunoshej o trudnyh situatsiyah i strategiyah sovladayushchego povedeniya v nih. Moscow, 2003. (In Russ.).
17. Haritonova E. V. Mobilization of morale and psychological state during the Great Patriotic War. In: Psihologicheskij zhurnal. 2020. Vol. 41;3: 5–17. (In Russ.).
18. Yanickij M. S., Seryj A. V. The main methodological approaches to the study of the value-semantic sphere of personality. In: Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva. 2012;19. (In Russ.).
19. Gamezy N. Resiliency and vulnerability to adverse developmental outcomes associated with poverty. In: American Behavioral Scientist. 1991. Vol. 34. Pp. 416–430.

20. Sachs J. M. Levy S. The sentence completion test. In: Bellak L. (ed.) Projective psychology. N.Y.: Knopf, 1950. Pp. 357-397.

21. Sorokoumova S. N., Suvorova O. V., Sorokoumova S. N. Psychological and pedagogical support to primary school children in conflict relations: International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. Vol. 8;2.1. P.398–407.

Информация об авторах

Н. И. Дунаева – кандидат психологических наук, доцент

С. Н. Сорокоумова – доктор психологических наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024;
одобрена после рецензирования 16.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

N. I. Dunaeva – Candidate of Sciences (Psychology), Docent

S. N. Sorokoumova – Doctor of Sciences (Psychology), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 25.01.2024;
approved after reviewing 16.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 37.015.31
EDN: GIGOXU

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ И СТРАТЕГИЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Ольга Юрьевна Жангужинова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
olga.zhanguzhinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0399-7462>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с выявлением взаимосвязи социально-психологической адаптации и стратегий безопасности личности студентов. Исследование проводилось среди студентов первого и второго курса посредством анализа показателей адаптированности студентов в вузе и установлении корреляции этих показателей с выбранными студентами стратегиями обеспечения безопасности. Анализ позволил выявить значимые корреляции между некоторыми способами обеспечения безопасности в рамках стратегий и типами адаптированности студентов.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, стратегия, психология безопасности личности, адаптация, социализация, индивидуализация, студенты

Для цитирования: Жангужинова О.Ю. Взаимосвязь социально-психологической адаптации и стратегий безопасности личности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 118–127. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/012.pdf>. EDN: GIGOXU.

Original article

INTERRELATION OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION AND STRATEGIES FOR PERSONAL SECURITY

Olga Yu. Zhanguzhinova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
olga.zhanguzhinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0399-7462>

Abstract. The article is devoted to the consideration of issues related to interrelation of social and psychological adaptation and strategies for students' personal security. The study was conducted among first- and second-year students. The analysis of students' adaptation to the university was made and the correlation between the analysis' results and students' strategies for personal security was established. The analysis revealed significant correlations between certain security measures within the strategies and types of students' adaptation.

Keywords: social and psychological adaptation, strategy, psychology of personal security, adaptation, socialization, individualization, students

For citation: Zhanguzhinova O.Yu. Interrelation of Social and Psychological Adaptation and Strategies for Personal Security. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 118–127. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/012.pdf>. EDN: GIGOXU.

© Жангужинова О.Ю., 2024

Введение

Период обучения в высшем учебном заведении, начиная с момента поступления, является этапом активного включения адаптационных механизмов юных студентов. Так, данный период характеризуется переменами практически во всех сферах жизнедеятельности недавних школьников, в особенности, если данный отрезок их

взросления сопровождается сменой места жительства (переезд в другой город или в общежитие) [1]. Итак, студенты испытывают стресс из-за столкновения с новым уровнем сложности в обучении, требующем большей самостоятельности при ознакомлении с новым материалом, выполнении домашних заданий и подготовки к экзаменам. Студенты также переживают

значимые перемены в круге общения, появляются новые знакомства, которые не всегда становятся благоприятными для эмоционального состояния юношей и девушек. Данный аспект особенно актуален в современном мире цифровых технологий, когда процесс буллинга и другого негативного влияния стал гораздо более масштабным. Все отмеченные факторы указывают на важность изучения механизмов и этапов социально-психологической адаптации студентов [2]. Однако не менее важным остается понимание, как эти механизмы взаимосвязаны со стратегиями безопасности личности, которые используют студенты (осознанно или инстинктивно) на этапе адаптации к новым условиям, ведь рассматриваемый этап в жизни человека является одним из наиболее подверженных возникновению чувства незащищенности ввиду обозначенных выше факторов. Оказавшись далеко от привычного образа жизни – рядом нет родителей, которые всегда поддержат и подскажут, нет привычного круга общения, полюбившихся педагогов и привычных учебных дисциплин – студенты начинают подбирать новые или использовать уже опробованные стратегии личностной безопасности [3].

Несмотря на то, что вопрос адаптации студентов достаточно важен, а процесс перехода из старшей школы в высшее учебное заведение нередко сопровождается ощущением потери уверенности в собственной безопасности, на сегодняшний день отсутствуют комплексные исследования, направленные на выявление взаимосвязи социально-психологической адаптации и стратегий безопасности личности. При этом проведение такого исследования поможет определить эффективные стратегии безопасности личности для повышения качества социально-психологической адаптации студентов с учетом современных реалий. Данный фактор определяет актуальность исследования взаимосвязи социально-психологической адаптации студентов и используемой ими стратегии личностной безопасности [4].

Цель исследования состоит в выявлении взаимосвязи социально-психологической адаптации и стратегий безопасности личности студентов.

Задачи работы включают:

- изучение понятия социально-психологической адаптации;
- рассмотрение стратегий безопасности личности;

– проведение экспериментальной части исследования для выявления взаимосвязи социально-психологической адаптации и стратегий безопасности личности студентов.

Исследованием вопроса социально-психологической адаптации занимались такие авторы, как С. А. Афанасьева, Л. С. Дениско, А. И. Заикина, Е. И. Накапкина, Н. В. Панова, К. А. Федотова, Т. А. Харина, М. С. Яницкий и др. Стратегии безопасности личности рассматривали в своих работах М. В. Бызова, Л. С. Дениско, Е. А. Дюкова, М. С. Иванов, Г. М. Ключева, А. Н. Кришталюк, С. Ю. Махов, О. А. Мосягина, В. С. Тышко и др. По отдельности проблемы социально-психологической адаптации студентов и выбора стратегии безопасности личности изучены достаточно хорошо и освещены в трудах отечественных и зарубежных авторов как в работах более ранних лет, так и в современных трудах. Однако, как было отмечено ранее, вопрос взаимосвязи двух рассматриваемых явлений не был рассмотрен в научных исследованиях.

Основные положения

В рамках анализа научного рассмотрения понятия «адаптации» Е. В. Тихих отмечает, что при рассмотрении данного термина не в отношении физиологического приспособления индивидов, а в отношении их адаптации в обществе важно рассматривать понятие «фенотипической адаптации». Данный термин был введен Ф. З. Меерсон и означает «процесс, в результате которого организм приобретает устойчивость к определенному фактору внешней среды» [5, С. 1], в данном случае к факторам, с которыми сталкиваются студенты при поступлении в высшее учебное заведение.

Как отмечают Н. С. Бейлина и Е. Ю. Двойникова понятие адаптации является междисциплинарным и должно рассматриваться с точки зрения психоанализа, социальной психологии, педагогической психологии. При этом авторы отмечают, что в педагогической психологии определение качества адаптации осуществляется посредством анализа успеваемости студентов, соответствию их поведения принятым в коллективе социальным нормам, их успешности во взаимодействии со сверстниками, а также психологическому и эмоциональному состоянию [6, С. 3].

Рассматривая социально-психологическую адаптацию, Е. А. Тамкова и Н. Ф. Дианова приписывают данному феномену также сам процесс постижения индивидом социально-психологических

ролевых функций, а также осознания своего собственного социально-психологического статуса [7, С. 142].

Социально-психологическая адаптация рассматривается Л. А. Антиповой как процесс взаимодействия индивида с окружающим его социумом, в рамках которого происходит принятие и постижение индивидом принятых в этом социуме стандартов поведения, ценностных установок и культурной идентичности [8, С. 52].

Из данного определения можно выявить три основных типа адаптации [9, С. 7]:

- социальная адаптация индивида состоит только во внешнем приспособлении к окружающим условиям. При этом сама личность индивида остается нетронутой, он не проходит путь изменений внутри себя;

- психологическая адаптация предполагает глубинные изменения в восприятии индивидом внешних факторов, происходит полная адаптация индивиду, включая преобразование самой его личности;

- социально-психологическая адаптация состоит в адаптированности индивида к социуму посредством включения внутренних и внешних механизмов приспособления, при этом сохраняются личностные особенности индивида.

При этом социально-психологическая адаптация может происходить лишь формально, не принося положительного результата ни для самого индивида, ни для общества (регрессивная социально-психологическая адаптация), так и быть успешной и эффективной (прогрессивная социально-психологическая адаптация) [10].

Касательно исследования проблемы социально-психологической адаптации молодежи на этапе окончания школы и поступления в высшие учебные заведения, вслед за Т. Д. Дубовицкой и А. В. Крыловой, выделим такие виды адаптации, как адаптированность в учебной группе и адаптированность к учебной деятельности [11].

Адаптированность в учебной группе предполагает налаживание отношений с участниками учебного процесса. Признаком высокой адаптированности считается наличие выстроенного общения с одноклассниками, принятие с их стороны, способность индивида проявлять себя в рамках принятых в учебной группе норм и ценностей и т. д. [12, С. 172].

Адаптированность к учебной деятельности подразумевает способность индивида к достижению положительных результатов в образовательном процессе. Показателем успешной адаптации в данном случае бу-

дет легкость в усвоении новых дисциплин, своевременное выполнение заданий, отсутствие зажатости в вопросе обсуждения темы с преподавателем, в признании потребности в педагогической поддержке и т. д. [13, С. 67].

Именно эти два вида социально-психологической адаптации будут взяты за основу практического исследования в рамках данной научной работы.

Далее рассмотрим стратегии безопасности личности. Вопрос личной безопасности в целом и стратегий безопасности в частности является объектом исследований многих авторов. Значимый вклад в изучение данного аспекта жизни человека внесли труды таких авторов, как М. С. Иванов, Т. М. Краснянская, Г. Ю. Фоменко, М. С. Яницкий и др.

Важно отметить, что до недавнего времени понимание в психологии сводилось главным образом к оценке физического состояния человека, экономической стабильности в его жизни, качества его здоровья и т. д. [14, С. 129]. В современной же психологии все больше уделяется внимания не только физической, но и психологической безопасности. Однако само понятие психологической безопасности в исследованиях разных авторов (И. А. Баева, В. П. Соломин, Н. А. Шлыкова и др.) затрагивает только аспекты защиты психического здоровья человека, его душевного равновесия. Такие подходы к рассмотрению безопасности не включают во внимание более глубинные представления, как, например, адаптация человека к новым жизненным факторам. Более широкий взгляд на проблему обеспечения безопасности человека возник в рамках становления нового направления в психологии – это психология безопасности личности (Т. М. Краснянская, Г. Ю. Фоменко). Так, Г. Ю. Фоменко обращает особое внимание на то, что психология безопасности должна выходить за рамки только лишь физических катаклизмов, так как в повседневной жизни человека может происходить гораздо больше незначительных событий, которые подвергают опасности его внутреннее состояние [15, С. 84]. Т. М. Краснянская, анализируя психологию безопасности личности, вводит новое понятие «психологическое самообеспечение безопасности субъекта в экстремальной ситуации», которое автор характеризует следующим образом: «феномен, концептуально представленный в сознании субъекта и реализующийся в форме сложно организованного многоуровневого и много-

компонентного процесса достижения им психического состояния подконтрольности экзо- и эндогенных параметров, поддерживающего динамическое равновесие со средой и обеспечивающего неснижение во времени вероятности реализации жизненно значимой для него цели. Психологическое самообеспечение безопасности характеризуется своими закономерностями, стратегиями, принципами, средствами и методами организации» [16, С. 53].

В рамках данного исследования будут более подробно рассмотрены именно стратегии безопасности личности.

В работе М. С. Иванова и М. С. Яницкого представлена подробная классификация стратегий безопасности личности. Так, авторы описывают три основных стратегии безопасности личности с точки зрения выбора человеком того или иного типа поведения [17]:

1. Стратегия адаптации. Данная стратегия основывается на желании и стремлении индивида выжить в окружающем его мире. В рамках такого подхода к личностной безопасности для индивида характерно полагание на себя и свои силы с целью достижения результата (обеспечения собственной безопасности). В этом контексте человек привлекает только те ресурсы, которыми обладает он сам – это его интеллект, физические способности, компетентность как специалиста в той или иной сфере и т.д. Эти ресурсы человек активно использует в случае локальных примеров возникновения опасных ситуаций. Когда же речь заходит о более глобальных проблемах, то здесь индивиды, использующие такую стратегию, склонны находить чувство защищенности, выбирая государство с четким режимом управления, для которого характерны порядок и стабильность.

2. Стратегия социализации. В рамках данной стратегии индивиды склонны полагаться не на себя, как в предыдущем примере, а на общество и близких людей. Приверженцы такой стратегии продвигают идею о том, что каждый человек живет в социуме, а, следовательно, его безопасность зависит от того, насколько он вхож в этот социум, насколько он пользуется в нем уважением и имеет ли там верных друзей, готовых помочь в случае необходимости. Безопасность также может достигаться посредством обретения влиятельного покровителя. Индивиды, использующие данную стратегию, стремятся к статусности, влиятельности, получению власти и т.д. При возникновении локальных угроз такие люди стараются найти поддержку

среди своего ближнего круга. А в случае глобальных катаклизмов такие люди стараются оказаться не в укрепленном городе, а в обществе, разделяющем ценности безопасного существования.

3. Стратегия индивидуализации. Сторонники данной стратегии отчетливо сознают невозможность избежать все угрозы, возникающие в окружающем мире, но в своих представлениях о безопасности обращают особое внимание на то, что одну из основных угроз для человека представляет он сам. Именно поэтому в рамках своей стратегии безопасности они не ориентируются на физическое выстраивание этой безопасности или достижение ее посредством налаживания социальных связей, а стремятся к собственному просвещению и укреплению своей личности, своего «Я». Для таких людей сильная личность является залогом безопасности в случае возникновения тех или иных трудностей. Для них важным аспектом при локальной опасности является сохранение своей самостоятельности и мобильности. При глобальных угрозах такие люди стремятся окружить себя обществом со схожими взглядами на гуманность и терпимость, на защиту прав личности и т.д.

При этом авторы разработали содержательную характеристику данных стратегий в зависимости от того, касается ли возникшая опасность конкретного человека, локально социум или несет в себе глобальную опасность. Именно эта характеристика была положена в основу методики определения стратегий личностной безопасности, которая была применена в рамках данного исследования [17].

Методы

Для проведения исследования были отобраны следующие методики:

1. Методика «Адаптированность студентов в вузе» (авторы: Т. Д. Дубовицкая, А. В. Крылова) [11].

В рамках методики 50 студентам первого и второго курса было предложено оценить 15 суждений от 0 до 2, где согласие с суждением равно двум баллам, несогласие – нулю баллов, один балл дается в случае затруднения в оценке суждения [18].

По результатам проведения методики были выявлены такие направления адаптированности студентов, как адаптированность в учебной группе и адаптированность к учебной деятельности [19]. Каждое направление оценивалось в рамках следующих шкал: низкий уровень адаптированности (от нуля до шести баллов); сред-

ний уровень адаптированности (от семи до тринадцати баллов) и высокий уровень адаптированности (от четырнадцати до шестнадцати баллов) [20].

2. Методика М. С. Иванова для исследования показателей стратегий обеспечения безопасности личности [14].

В рамках проведения методики студентом было предложено выбрать не более трех способов обеспечения личной безопасности из 9 предложенных вариантов:

– стратегия адаптации включает первый, четвертый и седьмой компоненты стратегии безопасности: обладание ярким умом, сильным здоровым организмом, знаниями о том, как быть в безопасности (1); обладание жильем, отвечающим требованиям безопасности, необходимыми атрибутами для обеспечения защиты, включая денежные средства (4); проживание территориально в местности (городе, стране), где отмечается высокий уровень организации порядка и жизненной стабильности (7);

– стратегия социализации включает второй, пятый и восьмой компоненты стратегии безопасности: обладание авторитетом и влиянием среди окружающих людей, наличие значимых связей (2); присутствие в окружении надежных людей, на которых можно положиться в случае необходимости (5); проживание территориально в местности (городе, стране), где среди граждан воспитана высокая культура безопасности (8);

– стратегия индивидуализации включает третий, шестой и девятый компоненты стратегии безопасности: обладание сильным, стойким духом, получение уважения и чувства востребованности от окружающих людей (3); восприятие себя как самостоятельной личности, готовой сменить место жительства, будучи не обремененной свя-

зями с социумом или бытом (6); проживание среди людей, которые проявляют уважение к правам человека, являют гуманное и толерантное отношение (9).

Далее в соответствии с содержательной характеристикой стратегий личностной безопасности, представленной в работе М. С. Иванова и М. С. Яницкого, были определены типичные для студентов стратегии безопасности личности.

3. Корреляционный анализ Спирмена между адаптацией и стратегиями обеспечения безопасности личности для выявления взаимосвязи между способами обеспечения личной безопасности и направлениями адаптированности студентов.

4. U-критерий Манна-Уитни для подтверждения достоверности полученных результатов.

Результаты

С целью выявления взаимосвязи социально-психологической адаптации студентов и выбранными ими стратегиями безопасности личности был проведен опрос среди 50 студентов первого и второго курса Новосибирского Государственного Педагогического Университета. Возрастной состав выборки, таким образом, включал период от 17 до 18 лет.

В рамках опроса студентам было предложено ознакомиться с 16 утверждениями в рамках методики «Адаптированность студентов в вузе» (авт. Т. Д. Дубовицкая, А. В. Крылова) и с 9 утверждениями в рамках методики М. С. Иванова для исследования показателей стратегий обеспечения безопасности личности.

Результаты выявления уровня адаптированности студентов в вузе представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Уровень адаптированности студентов в вузе

Table 1 – Level of students' adaptation at the university

Тип адаптации	Уровень адаптации, %		
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Адаптированность в учебной группе	16 %	68 %	16 %
Адаптированность к учебной деятельности	2 %	68 %	30 %

Таким образом, диагностика показала, что только 30 % студентов успешно адаптировались к учебной деятельности, и лишь 16 % студентов смогли успешно адаптироваться в учебной группе. Такие показатели являются признаком недостаточно высокой способности студентов в силу разных обсто-

ятельств выстроить взаимоотношения с новым коллективом, а также добиться положительных результатов в изучении дисциплин в рамках образовательной программы.

Полученный результат указывает на необходимость дальнейшего проведения исследования для того, чтобы наметить пути

организации педагогической поддержки студентов для повышения результативности их адаптации в вузе. Для этой цели была проведена диагностика стратегий обеспечения безопасности личности, которых придерживаются респонденты.

Результаты выявления стратегий обеспечения безопасности личности представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Стратегии обеспечения безопасности личности

Table 2 – Strategies for personal security

Стратегия безопасности	Количество студентов, %
Адаптация	62%
Социализация	38%
Индивидуализация	0%

Согласно данным, полученным в рамках диагностики, большинство студентов (62 %) используют стратегию адаптации для обеспечения своей безопасности. Они полагаются на собственные ресурсы, такие как интеллект и физические способности, и стремятся достичь стабильности и защиты в том месте, где они живут.

38 % студентов предпочитают стратегию социализации. Они полагаются на поддержку общества и близких людей, стремятся к достижению статусности и получению власти.

Важно отметить, что ни у кого из студентов не была выявлена стратегия индивидуализации в обеспечении своей безопасности.

Для установления взаимосвязи между уровнем адаптации студентов к обучению в вузе и их приоритетной стратегией безопасности личности был проведен корреляционный анализ Спирмена, который позволил выявить некоторые значимые корреляции.

Итак, в рамках определения стратегии обеспечения личной безопасности студенты знакомились с девятью компонентами организации безопасного пространства, среди которых они должны были выбрать не более трех. При это значимые корреляции были выявлены между уровнем адаптированности в учебной группе и четырьмя вариантами обеспечения личной безопасности по методике М. С. Иванова (утверждения 4, 5, 7, 8), а также между уровнем адаптированности к учебной деятельности и двумя вариантами обеспечения личной безопасности по методике М. С. Иванова (утверждения 4, 5). Для наглядности представим результаты корреляционного анализа в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты корреляционного анализа Спирмена

Table 3 – Results of Spearman correlation analysis

Номер утверждения	Адаптированность в учебной группе	Адаптированность к учебной деятельности
1. Обладание ярким умом, сильным здоровым организмом, знаниями о том, как быть в безопасности	-0,16	-0,08
2. Обладание авторитетом и влиянием среди окружающих людей, наличие значимых связей	0,20	0,13
3. Обладание сильным, стойким духом, получение уважения и чувства востребованности от окружающих людей	-0,24	0,14
4. Обладание жильем, отвечающим требованиям безопасности, необходимыми атрибутами для обеспечения защиты, включая денежные средства	-0,43*	0,36*
5. Присутствие в окружении надежных людей, на которых можно положиться в случае необходимости	0,43*	-0,48*
6. Восприятие себя как самостоятельной личности, готовой сменить место	0,05	-0,07

Номер утверждения	Адаптированность в учебной группе	Адаптированность к учебной деятельности
жительства, будучи не обремененной связями с социумом или бытом		
7. Проживание территориально в местности (городе, стране), где отмечается высокий уровень организации порядка и жизненной стабильности	-0,34*	0,24
8. Проживание территориально в местности (городе, стране), где среди граждан воспитана высокая культура безопасности	0,35*	-0,18
9. Проживание среди людей, которые проявляют уважение к правам человека, являют гуманное и толерантное отношение	0,09	-0,15

*-корреляции, значимые при $p < 0,05$.

При рассмотрении результатов корреляционного анализа Спирмена важно учитывать, что значимыми считаются результаты в диапазоне от 0,3 и выше и от -0,3 и ниже.

Итак, в процессе корреляционного анализа была выявлена умеренная положительная связь между адаптированностью в учебной группе и такими компонентами стратегии социализации, как интерпретация студентами безопасности, как возможности окружения себя надежными людьми, которым они смогут безоговорочно доверять (члены семьи, близкие друзья и т. д.), и как пребывание в социуме, где развита высокая культура безопасности. Иными словами, чем больше студент придерживается данных компонентов стратегии социализации, тем выше его показатели адаптированности в учебной группе.

Умеренная отрицательная связь была установлена между адаптированностью студентов в учебной группе и двумя компонентами стратегии адаптации, в рамках которых безопасность ассоциируется с возможностью человека иметь хорошо защищенное жилье, средства защиты, финансовое обеспечение, требуемые для построения безопасной среды; а также с возможностью жить в той локации, где присутствует строгий подход к достижению высокого уровня правопорядка и стабильности. Данные результаты указывают на то, что студенты, выбирающие стратегию адаптации с опорой на отмеченные компоненты, имеют более слабый уровень адаптированности в учебной группе, то есть, чем больше студент полагается на компоненты стратегии социализации как средства личной безопасности, тем ниже уровень его адаптированности в учебной группе.

В вопросе адаптированности к учебной деятельности умеренная положительная связь была выявлена с компонентом стратегии адаптации, предписывающим понятию безопасности такие критерии, как обладание достойным, способным обеспечить защиту жильем, необходимыми средствами защиты и финансовыми средствами, которые могут быть эффективным подспорьем для достижения чувства безопасности. Данный аспект указывает на то, что при выборе данного компонента в рамках стратегии адаптации студенты имеют более высокий уровень адаптированности к учебной деятельности.

Умеренная отрицательная корреляция была выявлена между уровнем адаптированности к учебной деятельности и стремлением студента обеспечить свою безопасность через построение надежного окружения, на которое он сможет всегда положиться. У студентов с таким убеждением отмечается отрицательная динамика адаптированности к учебной деятельности, то есть им сложнее влиться в учебных процесс, осваивать новые дисциплины.

Среднее арифметическое значение уровня адаптированности в учебной группе у студентов, проявивших склонность к выбору стратегии адаптации для достижения личной безопасности, оказалось равно 8,06, что соответствует нижней границе среднего уровня адаптированности. А у студентов со стратегией социализации аналогичный показатель равен 12,84, что соответствует верхней границе среднего уровня адаптированности. Полученный результат указывает на то, что студенты со стратегией социализации успешнее адаптируются в учебной группе. При этом в отношении адаптированности к учебной дея-

тельности значимых отличий выявлено не было.

Достоверность полученных результатов исследования подтверждается результата-

ми проверки по U-критерию Манна-Уитни, где показатель значимости в отношении адаптированности к учебной деятельности равен 0,05 (таблица 4).

Таблица 4 – Результаты сравнительного анализа с использованием U-критерия Манна-Уитни между социально-психологической адаптацией студентов и стратегий безопасности личности

Table 4 – Results of the Mann-Whitney U test comparative analysis between social and psychological adaptation of students and strategies for personal security

	Стратегия адаптации	Стратегия социализации	p
Адаптированность в учебной группе	8,07	12,84	0,000
Адаптированность к учебной деятельности	12,58	11,58	0,053

Обсуждение

В отношении взаимосвязи между социально-психологической адаптацией студентов и стратегиями безопасности личности были выявлены положительные и отрицательные корреляции. В более общем понимании полученные в рамках исследования результаты указывают на то, что присущие человеку стратегии безопасности личности оказывают влияние на скорость и успешность его адаптации как к учебному процессу, так и в учебной группе. Следовательно, установленные данные могут быть использованы для разработки программ и мероприятий, направленных на поддержку социально-психологической адаптации студентов.

Понимание того, как тот или иной компонент стратегии безопасности влияет на адаптацию студентов, позволит разработать индивидуальную стратегию, направленную на педагогическую поддержку студентов с целью повышения качества их адаптации, исходя из специфики их восприятия безопасности и особенностей влияния данного восприятия на процесс адаптации к учебной деятельности или в учебной группе.

Заключение

Социально-психологическая адаптация играет ключевую роль в формировании личности и определении ее отношения к себе и окружающему миру. Особенно значим процесс адаптации на этапе поступления в высшее учебное заведение,

когда молодые люди сталкиваются с новой социальной средой, более сложными требованиями учебного заведения и необходимостью налаживать общение с новыми незнакомыми людьми. Успешная адаптация на данном этапе влияет на эмоциональное благополучие студента, его академические достижения и общую удовлетворенность жизнью.

Изучение взаимосвязи между социально-психологической адаптацией и стратегиями безопасности позволяет увидеть, какие факторы влияют на поведение личности в новых социальных условиях.

На основании результатов исследования можно сделать вывод о том, что используемые студентом компоненты стратегии безопасности имеют значимое влияние на успешность его социально-психологической адаптации, поскольку разные элементы стратегий безопасности могут способствовать или, напротив, препятствовать адаптированности студента к учебной деятельности или в учебной группе.

В целом, исследование подтверждает, что социально-психологическая адаптация тесно взаимосвязана со стратегиями безопасности личности в отдельных их компонентах. Понимание этой взаимосвязи позволяет разрабатывать более эффективные программы и меры поддержки для обеспечения активной и успешной адаптации личности в современном обществе и способствует созданию безопасной и защищенной среды для всех ее участников.

Список источников

1. Айзенк Г. Исследования человеческой психики / Г. Айзенк, М. Айзенк. М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 480 с.
2. Бызова М. В. Значение механизмов психологической защиты в контексте безопасности личности. Идентичность, благополучие и безопасность: теоретические и практические исследования: материалы региональной научно-практической конференции / М. В. Бызова, Е. А. Дюкова. Екатеринбург, 2019. С. 28–35.

3. Bisbey T. M., Kilcullen M. P., Thomas E. J., Ottosen M. J., Tsao K., Salas E. Safety Culture: An Integration of Existing Models and a Framework for Understanding Its Development. *Human Factors*. 2021;63 (1): 88–110.
4. Galai I. A., Lebedev A. V., Aizman R. I. The specificity of socio-psychological adaptation of students of pedagogical university in the city and district centre. *International Journal of Development Research*. 2020;3: 34254-34258.
5. Тихих Е. В. Социально-психологическая адаптация студентов СИБГУ им. М. Ф. Решетнева в иноязычной образовательной среде. *Scientific Cooperation Center «Interactive plus»*. 2022. С. 1–4.
6. Бейлина Н. С. Особенности социально-психологической адаптации поколения девяностых годов («Z-поколение») / Н. С. Бейлина, Е. Ю. Двойникова // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019. № 3. С. 1–7.
7. Тамкова Е. А. Социально-психологическая адаптация: классификация и механизмы / Е. А. Тамкова, Н. Ф. Дианова // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 5-3. С. 142–145.
8. Антипова Л. А. Педагогические технологии успешной адаптации личности студента в процессе обучения в вузе // *Казанский педагогический журнал*. 2008. № 2. С. 52–56.
9. Афанасьева С. А. Характеристика понятий «адаптация», «социально-психологическая адаптация» и «дезадаптация» // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 11-2 (74). С. 6–8.
10. Лигостаев А. Г. Факторы социализации личности. Институт истории, гуманитарного и социального образования. 2018. URL: <https://prepod.nspu.ru/mod/page/view.php?id=35013> (дата обращения: 03.12.2023).
11. Методика «Адаптированность студентов в вузе (Т. Д. Дубовицкая, А. В. Крылова). URL: <https://cpd-program.ru/methods/asv.htm> (дата обращения: 03.12.2023).
12. Дениско Л. С. Формирование понятия «социально-психологическая адаптация» на основе теоретического анализа психолого-педагогической литературы в современной психологии // *Молодой ученый*. 2021. № 9(351). С. 171-173.
13. Заикина А. И. Исследование уровня социально-психологической адаптации студентов-первокурсников к условиям вуза // *Форум молодых ученых*. 2022. № 1 (65). С. 65–68.
14. Иванов М. С. Обеспечение личной безопасности как проблема психологии жизненного пути, самореализации и идентичности личности // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 3-3 (63). С. 128–133.
15. Фоменко Г. Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации // *Человек. Сообщество. Управление*. Краснодар: КубГУ, 2010. № 1. С. 83–89.
16. Краснянская Т. М. Психология самообеспечения безопасности: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 279 с.
17. Иванов М. С. Отношение к личной безопасности: понятие, структура, ценностная вариативность / М. С. Иванов, М. С. Яницкий // *Психология отношений в постнеклассической парадигме*. 2015. С. 54–69.
18. Danilenko L. P., Prazukin D. K. Features of socio-psychological adaptation of the first-year students in a higher educational institution / L. P. Danilenko, D. K. Prazukin // *Заметки ученого*. 2023. № 2. С. 161–165.
19. Zhukanova A. Features of social and psychological adaption of young professionals / A. Zhukanova, M. Abdresheva // *Студенческий вестник*. 2020. № 16-10 (114). С. 21–25.
20. Заикина А. И. Исследование уровня социально-психологической адаптации студентов-первокурсников к условиям вуза // *Форум молодых ученых*. 2022. № 1 (65). С. 65–68.

References

1. Ajzenk G., Ajzenk M. *Issledovaniya chelovecheskoj psihiki*. Moscow: Izd-vo EKSMO-Press, 2001. (In Russ.).
2. Byzova M. V., Dyukova E. A. *Znachenie mekhanizmov psihologicheskoy zashchity v kontekste bezopasnosti lichnosti. Identichnost', blagopoluchie i bezopasnost': teoreticheskie i prakticheskie issledovaniya: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Ekaterinburg, 2019: 28–35. (In Russ.).
3. Bisbey T. M., Kilcullen M. P., Thomas E. J., Ottosen M. J., Tsao K., Salas E. Safety Culture: An Integration of Existing Models and a Framework for Understanding Its Development. *Human Factors*. 2021;63 (1): 88–110.

4. Galai I. A., Lebedev A. V., Aizman R. I. The specificity of socio-psychological adaptation of students of pedagogical university in the city and district centre. *International Journal of Development Research*. 2020;3: 34254-34258.
5. Tihih E. V. Social'no-psihologicheskaya adaptaciya studentov SIBGU im. M. F. Reshetneva v inoyazychnoj obrazovatel'noj srede. *Scientific Cooperation Center «Interactive plus»*. 2022: 1–4. (In Russ.).
6. Bejlina N. S., Dvojnukova E. Yu. Features of the socio-psychological adaptation of the generation of the nineties ("Z-generation"). In: *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*. 2019;3: 1–7. (In Russ.).
7. Tamkova E. A., Dianova N. F. Socio-psychological adaptation: classification and mechanisms. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2021;5-3: 142–145. (In Russ.).
8. Antipova L. A. Pedagogical technologies of successful adaptation of a student's personality in the process of studying at a university. In: *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*. 2008;2: 52–56. (In Russ.).
9. Afanas'eva S. A. Characteristics of the concepts of "adaptation", "socio-psychological adaptation" and "maladaptation". In: *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2022;11-2 (74): 6–8. (In Russ.).
10. Ligostaev A. G. Faktory socializacii lichnosti. Institut istorii, gumanitarnogo i social'nogo obrazovaniya. 2018. Available from: <https://prepod.nspu.ru/mod/page/view.php?id=35013> [Accessed 3th December 2023]. (In Russ.).
11. Metodika «Adaptirovannost' studentov v vuze (T. D. Dubovickaya, A. V. Krylova). Available from: <https://cpd-program.ru/methods/asv.htm> [Accessed 3th December 2023]. (In Russ.).
12. Denisko L. S. Formation of the concept of "socio-psychological adaptation" based on the theoretical analysis of psychological and pedagogical literature in modern psychology. In: *Molodoj uchenyj*. 2021;9(351): 171-173. (In Russ.).
13. Zaikina A. I. The study of the level of socio-psychological adaptation of first-year students to university conditions. In: *Forum molodyh uchenyh*. 2022;1 (65): 65–68. (In Russ.).
14. Ivanov M. S. Ensuring personal security as a problem of the psychology of the life path, self-realization and identity of the individual. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;3-3 (63): 128–133. (In Russ.).
15. Fomenko G. Yu. Psihologiya bezopasnosti lichnosti: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya institucionalizacii. In: *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. Krasnodar: KubGU, 2010;1: 83–89. (In Russ.).
16. Krasnyanskaya T. M. Psihologiya samoobespecheniya bezopasnosti: monografiya. Pyatigorsk: PGLU, 2009. (In Russ.).
17. Ivanov M. S., Yanickij M. S. Attitude to personal safety: concept, structure, value variability. In: *Psihologiya otnoshenij v postneklassicheskoy paradigme*. 2015: 54–69. (In Russ.).
18. Danilenko L. P., Prazukin D. K. Features of socio-psychological adaptation of the first-year students in a higher educational institution. In: *Zametki uchenogo*. 2023. № 2. S. 161–165. (In Russ.).
19. Zhukenova A., Abdresheva M. Features of social and psychological adaption of young professionals. In: *Studencheskij vestnik*. 2020;16-10 (114): 21–25. (In Russ.).
20. Zaikina A. I. Issledovanie urovnya social'no-psihologicheskoy adaptacii studentov-pervokursnikov k usloviyam vuza. In: *Forum molodyh uchenyh*. 2022;1 (65): 65–68. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.12.2023;
одобрена после рецензирования 24.01.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 20.12.2023;
approved after reviewing 24.01.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 159.9; 378
EDN: LUXHAT

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА МИРА ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЯМИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ

Мария Александровна Наплавкова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

n.m.a.3011@yandex.ru

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования особенностей образа мира и смысложизненных ориентаций у подростков с эмоционально-волевыми нарушениями. Рассмотрены ключевые аспекты данных понятий, такие как влияние эмоций и волевой активности на восприятие окружающей действительности. Определено содержание образа мира и его особенности. Обсуждены стратегии поддержки, направленные на улучшение эмоционального благополучия подростков и развитие их волевых качеств. Новизна исследования заключается в том, что оно направлено на понимание взаимосвязи между образом мира и смысложизненных ориентаций, и эмоционально-волевыми нарушениями у подростков. Анализ взаимосвязи эмоционально-волевой сфер, образа мира и смысложизненных ориентаций подчеркивает необходимость комплексного подхода к работе с этой категорией подростков с целью эффективной поддержки их психосоциального развития.

Ключевые слова: образ мира, картина мира, подростки, эмоционально-волевая сфера, нарушения, смысложизненные ориентации

Для цитирования: Наплавкова М.А. Смысложизненные ориентации в структуре образа мира подростков с нарушениями эмоционально-волевой сферы // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 128–136. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/013.pdf>. EDN: LUXHAT.

Original article

MEANINGFUL ORIENTATIONS IN THE STRUCTURE OF THE WORLD IMAGE OF ADOLESCENTS WITH EMOTIONAL-VOLITIONAL SPHERE DISORDERS

Maria A. Naplavkova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

n.m.a.3011@yandex.ru

Abstract. This article presents research data on the peculiarities of the worldview and meaning-of-life orientations in adolescents with emotional and volitional disorders. Key aspects of these concepts, such as the influence of emotions and volitional activity on the perception of the surrounding reality, are examined. The content of the worldview and its features are determined. Strategies of support aimed at improving the emotional well-being of adolescents and developing their volitional qualities are discussed. The novelty of the study lies in its focus on understanding the relationship between the worldview, meaning-of-life orientations, and emotional and volitional disorders in adolescents. Practical recommendations for working with adolescents are proposed with the aim of optimizing the processes of forming meaningful life attitudes and a positive worldview. The analysis of the interconnection of the emotional and volitional spheres underscores the necessity of a comprehensive approach to working with this category of adolescents for the effective support of their psychosocial development.

Keywords: worldview, picture of the world, adolescents, emotional-volitional sphere, disorders, meaning-of-life orientations

For citation: Naplavkova M.A. Meaningful orientations in the structure of the world image of adolescents with emotional-volitional sphere disorders. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 128–136. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/013.pdf>. EDN: LUXHAT.

© Наплавкова М.А., 2024

Введение

Образ мира принято рассматривать как сложно организованную систему восприятия и интерпретации внешнего мира, позволяющую человеку ориентироваться и взаимодействовать с окружающей средой, сохранять устойчивость к быстро меняющемуся внешнему миру. Данное понятие в психологии не имеет общепризнанного и универсального определения. Тем не менее концепция образа мира играет ключевую роль в понимании человеческой природы и ее взаимодействия с внешним миром. Концепция данного понятия в психологических науках предоставляет глубинное понимание человеческой природы во всех ее взаимосвязях и зависимостях от внешнего мира.

Так, в отечественной психологии термин был введен А. Н. Леонтьевым. Под образом мира он понимает многоуровневое образование, вбирающее систему ценностно-смысловых конструктов, формирующихся в сознании личности при познании реальности [9]. Им предложена пятимерная модель данного понятия, включающая в себя: четыре пространственно-временных измерений, «пронизанные» пятым измерением – значением, как еще одной координатой четырехмерного пространства и времени.

А. А. Леонтьев выделяет две формы образа мира: ситуативный (фрагментарный), к которому относят рефлексивный мир, отдаленный от нашего действия в мире, в частности, восприятия; внеситуативный (глобальный) – образ целостного мира, своего рода схема (образ) мировоздания [8].

По мнению О. А. Богпомочевой, образ мира генерируется всеми познавательными процессами, выступая в качестве их интегральной характеристики [3]. Автор отмечает, что данный феномен не является набором отдельных инструментов, а имеет живое начало, которое непрерывно проверяется и подтверждается своим соответствием реальному миру.

В. С. Мазлумян расширяет понятия картины мира, дополняя его не только объективными знаниями о мире, но субъективным отражением ввиду индивидуальных эмоционально-личностных особенностей личности, определяет понятия образа мира через «индивидуальное эмотивно-смысловое преломление социальной картины мира в сознании отдельного человека» [12].

Согласно В. П. Серкину образ мира не ограничивается чисто субъективным восприятием, а представляет собой гораздо более сложную концепцию, олицетворяя собой интеграцию различных компонентов, включая как субъективные, так и объективные аспекты пространства, времени и ценностей [14; 15].

Е. Ю. Артемьева рассматривает структуру образа мира, служащей регулятором и основой формирования образа мира, обозначая ее – «структура субъективного опыта» [2]. Обозначает три слоя структуры: «перцептивный мир» – поверхностный (включает четыре компонента пространства, также характеризуется значениями и смыслами); семантический (взаимодействие объектов в многомерных отношениях); амодальные структуры.

В. Е. Клочко, расширяя концепцию образа мира, рассматривает его во взаимосвязи с объективным предметным миром человека. Также, выделяя три уровня в развитии сознания: предметный, отражающий окружающий мир предметов, означенных словом; смысловой, включающий сформированные смыслы, соответствующие актуальным потребностям и возможностям человека; ценностный, предполагающий усвоение из мира культуры идеальных форм нравственных основ жизни, которые становятся основой поведения и жизни человека [7].

Следует согласиться с подходом А. В. Серого и М. С. Яницкого, отмечающих, что образ мира личности представляет собой интегративный феномен, сочетающий как внутренние, субъективные, так и внешние, объективные характеристики [19, 20].

Восприятие времени в рамках образа мира включает в себя субъективное представление человека о прошлом, настоящем и будущем, а также его ценностное отношение к этим временным локусам [11]. Кроме того, оно охватывает восприятие активности, эмоциональную окраску и насыщенность времени, и многие другие аспекты. Субъективные ценностно-смысловые характеристики образа мира включают ценностные установки личности, их осознание, внутреннее принятие и степень их практической реализации [1]. Это также включает в себя осмысленность жизни и ее отдельных временных компонентов – прошлого, настоящего и будущего, что определяет актуальное смысловое состояние личности.

Исходя из вышеперечисленного, можно сказать, что образ мира – это сложная и интегративная система, включающая в се-

бя как субъективные, так и объективные аспекты пространства, времени и ценностей, оказывающая влияние на множество аспектов жизни человека. Образ мира включает в себя: восприятие окружающего мира (по средствам модальности восприятия, а также ее интерпретации), смыслы и ценности (придаваемые индивидом своим действиям и переживаниям), представления о себе и своей роли в мире (самоидентификацию, самопонимание и восприятие собственной роли), отношения с другими людьми, ожидания и представления о будущем.

Стоит отметить важность когнитивных процессов в формировании личностного смысла, что оказывает значительное влияние на структуру и организацию субъективной реальности личности. Именно когнитивные процессы, настраиваясь над аффективными, обуславливают адекватность ее восприятия, позволяют осмысленно взаимодействовать с ней и характеризуют содержание и границы субъективной реальности.

Подростковый возраст относят к периоду интенсивного развития и изменений, что сказывается на развитии эмоционально-волевой сферы и формировании концепции мира. Образ мира берет свое начало на основе личного опыта и новых знаний, которые они получают в ходе социальных и культурных взаимодействий. Этот период развития представляет становления личности на основе его социального и анатомо-физиологического развития, характеризуется началом становления чувства взрослости, способствует более ясной и четкой самоидентификации в роли субъекта взаимодействия и деятельности. В результате происходит переориентация детских норм и ценностей на взрослых, что усложняет структуру личностных смыслов и комплекс личностных свойств подростка. В дальнейшем это влияет на закреплённые подростком нормы и ценности, укоренившихся в его личностных чертах и обуславливающих его поведение.

По периодизации Л. С. Выготского и Д. Б. Эльконина, в основе которой лежат новообразования в виде чувства взрослости, критичность мышления и потребность в самоутверждении, к ведущей деятельности относятся, под социальной ситуацией – сверстники [18]. По Э. Эриксону, подростковый возраст относится к стадии половой зрелости от 12 до 18 лет.

В подростковом возрасте процесс формирования образа мира приобретает

особую актуальность, так как подростки находятся в периоде активного когнитивного и эмоционального развития. Подростковый образ мира олицетворяет интеграцию их уникальных переживаний, эмоций и восприятия окружающей среды. В этот период формируются ценности, смыслы, установки, оказывающие влияние на конструкцию образа мира.

Таким образом, в периоде подросткового возраста, формирование образа мира является активным и динамичным процессом, отражающим сложные взаимосвязи между внутренним миром подростка и внешней средой. Где наряду, с когнитивными и эмоциональными факторами выступают волевой компонент, участвующий в регуляции психических процессов и поведении личности. Процесс осмысления объективной действительности и включение в систему личностных смыслов предполагает наличие волевого усилия, что выражается в сознательном поиске связей и целей собственной деятельности, в ходе чего цель приобретает собственную значимость, как результат деятельности приобретает смысл. Возможность достижения эмоциональной и личностной автономности проявляется к концу подросткового возраста. Личностные смыслы начинают генерализоваться в личностные черты, что оказывает влияние на поведение и решения подростков.

Формирование смысло-жизненных ориентаций личности отражает отношение к социальным ценностям, определяя жизненные цели человека [17; 5]. Так, образовательные учреждения играют ключевую роль в формировании этой системы. Подростки активно взаимодействуют с социумом, формируя свое восприятие мира под воздействием культурных, социальных и прочих факторов. Семья, школа, сверстники, средства массовой информации – все эти элементы окружения оказывают существенное влияние на формирование образа мира. Период обучения важен для развития ценностно-смысловых ориентаций.

Стоит отметить, что подростковый кризис может проявляться по-разному. В это время подросток сталкивается с неопределенностью и стремится определить свою идентичность, взаимоотношения с окружающим миром и своим местом в нем. Эти поиски часто сопровождаются эмоциональными и волевыми колебаниями, что может создать основу для развития нарушений. Е. М. Вечканова в своих работах поднимает проблему идентичности, определяя под кризисом

несоответствие сложившейся к данному моменту структуры идентичности изменившемуся контексту ее существования [16]. Отмечая, что кризис может переживаться по-разному, либо со стороны конструктивизма как поиск новых возможностей и решения проблем. Либо с деструктивной стороной в контексте состояния сомнения, неверия в себе и в своем будущем, возможно сопровождаемое депрессивными тенденциями. Подростки подвержены перепадам настроения, неопределенности, связанные с поиском своего места в социуме, что может дополнительно повлечь за собой тревожность, плаксивость, трудности эмоциональной регуляции поведения. Неустойчивость эмоционального состояния может перерасти в эмоциональную лабильность, отсутствию волевого контроля. Осознание и понимание этих аспектов подросткового кризиса могут помочь разработать эффективные стратегии поддержки и сопровождения подростков в этот важный период их развития.

Таким образом, нарушения эмоционально-волевой сферы подростков могут быть одним из предикторов дезорганизации в системе формирования образа мира и смысложизненных ориентаций. Эмоции, воля и смыслы тесно взаимосвязаны, и изменения в одной из этих сфер могут сказаться на других. Подростки с данными нарушениями могут переживать интенсивные негативные эмоции, такие как тревога, страх, злость, горе, гнев, что в дальнейшем может исказить их способность видеть и ценить положительные аспекты себя и мира в целом, а также оказывать влияние на смещение акцентов в их ценностных ориентациях. Нарушения в эмоционально-волевой сфере могут быть усугублены социокультурными факторами, такими как стигматизация или недостаточный доступ к психологической поддержке. Это может создать дополнительные барьеры для формирования позитивных личностных смыслов.

Изучение системы личностных смыслов и образа мира подростков с нарушениями эмоционально-волевой сферы является актуальным в связи с тем, что в современной психолого-педагогической литературе недостаточно исследований, посвящённых проблеме изучения образами мира и смысложизненных ориентаций подростков, имеющих эмоционально-волевые нарушения. Отсутствие единой системы представлений понимания образа мира, его структуры и особенностей формирования. Исходя из этого, определяется необходи-

мость в разработке психокоррекционных мероприятий, более эффективных стратегий поддержки и вмешательств в педагогическом и психологическом сопровождении, направленном на работу с образом мира и личностными смыслами подростков с нарушениями эмоционально-волевой сферы.

Вышесказанное определило цель исследования выявить особенности взаимосвязи образа мира и системы личностных смыслов подростков с нарушениями эмоционально-волевой сферы.

Методы

Исследование было проведено на базе ГБУЗ «Кузбасская клиническая психиатрическая больница» в 2022–2023 годах. В исследовании приняли участие 40 респондентов (23 % мужского и 77 % женского пола), средний возраст выборки 15,5 лет.

По данным анамнеза, подростки обратились за психологической помощью с жалобами на: тревожность (58,9 %), подавленное настроение (51,2 %), фиксацию на негативные ситуации (46,2 %), утомляемость (41 %), трудности общения (38,5 %), перепады настроения (33,3 %). Также звучали жалобы на плохой сон, трудности усвоения информации, потерю интереса к происходящему.

У 28,2 % присутствовало самоповреждающее поведение в различных видах (нанесение порезов, выдергивание волос, прокалывание, изнемогающие физические нагрузки). Большинство респондентов (25,4 %) описывали свое поведение с целью перехода моральной боли в физическую, что «облегчало» их моральное состояние.

На основе собранных данных анамнеза, можно говорить о нарушениях эмоционально-волевой сферы, что обуславливает использование опросников оценки тревожности Ч. Д. Спилбергера в адаптации Ю. А. Ханина [6], шкала депрессии В. Зунга в адаптации Т. И. Балашовой [6]. Для изучения смысложизненных ориентаций подростков был использован опросник смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, реконцептуализированный А. В. Серым для диагностики актуальных смысловых состояний (АСС) [10]. Для исследования образа мира применялся семантический дифференциал, разработанный В. П. Серкиным [14]. Полученные данные были подвергнуты феноменологическому описанию с применением методов описательных статистик и метода корреляционного анализа.

Результаты исследования

У респондентов была выявлена высокая ситуативная тревожность у 72,5 % подростков, что говорит о том, что для них характерно субъективное переживание напряжения, беспокойства, озабоченности, нервозности в стрессовых ситуациях. Высокий уровень личностной тревожности наблюдался у 85 % подростков, которым свойственна предрасположенность к тревоге, наличие тенденции воспринимать многие ситуации как угрожающие. Из них высокие показатели по двум шкалам тревоги были у 70 % респондентов.

Высокая тревога у подростков может иметь разнообразные проявления и последствия, оказывая влияние на их поведение, эмоциональное состояние и качество жизни.

По результатам опросника, на выявление депрессии В. Зунга у 37,5 % респондентов были определены признаки легкого депрессивного состояния (невротического или ситуативного генеза), умеренная депрессия продемонстрировало 34 %, всего у 5 % были выявлены признаки тяжелой степени депрессивного состояния. Также у 23,5 % подростков признаков депрессивного состояния не выявлено.

На основе данных, полученных в результате исследования эмоционально-волевой сферы подростков, возможно предположить специфику образами мира и смысло-жизненных ориентаций подростков с данным типом нарушений.

Результаты семантического дифференциала «образа мира» демонстрируют, что подростки с эмоционально-волевыми нарушениями склонны к отрицательно-валентной оценке образа мира. На основе средних значений были выделены «сильно» выраженные категории в восприятии мира, такие как «пассивный» (3,26), «статичный» (3,41), «замкнутый» (3,31), «напряженный» (2,59), «неуверенный» (3,26), «обычный» (2,85), «бессмысленный» (3,15), «разрозненный» (3,05), «беспокойный» (2,79), «сон-

ный» (2,08), «радикальный» (3,44) и «грустный» (3,33). Респонденты также отмечают нейтрально-валентные категории образа мира: «понимающий» (4,46), «творческий» (4,64), «новый» (4,64), «уважительный» (4,79).

Таким образом, можно констатировать, что образ мира подростков с нарушениями эмоционально-волевой сферы носит выраженный дихотомичный характер и содержит в себе авersive стимулы.

Анализ результатов респондентов по методике смысло-жизненных ориентаций демонстрирует значительное снижение показателей по всем шкалам теста в сравнении с нормотипической группой подростков, приведенных в исследовании М. В. Верстова, М. А. Павлюкова [4].

У респондентов с эмоционально-волевыми нарушениями показатели по всем шкалам ниже, что указывает на низкую осмысленность жизни ($\mu = 65,26$), заблокированность субъективного настоящего ($\mu = 16,15$), прошлого ($\mu = 15,10$) и будущего ($\mu = 20,38$). Самые низкие показатели наблюдаются по шкале «Локус контроля-Я» ($\mu = 13,6$), что определяется представлением о себе, как о слабой личности, испытывающей трудности при принятии решений в соответствии со своими целями и представлениями.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что респонденты испытывают сложности в поиске смысла жизни, ограничивая собственное восприятие прошлого и настоящего, демонстрируя неопределенность в отношении будущего, а также на низкий уровень самоопределения и контроля над собой, что также может быть обусловлено состоянием их эмоционально-волевой сферы, наличием высокой тревожности, возможных признаков депрессивного состояния.

В таблице представлено распределение типов актуального смыслового состояния подростков с нарушением эмоционально-волевой сферы.

Таблица – Представленность типов актуального смыслового состояния в исследуемой группе (%)

Table – Representation of types of actual semantic state in the study group (%)

Типы АС							
1	2	3	4	5	6	7	8
82,5	7,5	2,5	2,5	5	0	0	0

Большинство респондентов (82,5 %) относятся к 1 типу актуального смыслового состояния, для которого характерно переживание неудовлетворенности прожитой

частью жизни, низкая осмысленность настоящего, отсутствие целей в будущем и дискретность в восприятии своей жизни в целом. У таких подростков преобладает

негативная самооценка, неудовлетворенность собой, экстернальный контроль поведения. «Локус Я» размыт, проблемы осознаются через призму неудовлетворенности самим собой.

Отнесенные к типам 3 и 4 (высокая осмысленность настоящего при низкой осмысленности прошлого и будущего, а также высокая осмысленность прошлого и настоящего при низкой осмысленности будущего соответственно), составляющие 2,5 % и 2,5 % группы. Тип 2 (низкая осмысленность настоящего и будущего при высокой осмысленности прошлого) – 7,5 %, тип 5 (высокая осмысленность будущего при низкой осмысленности прошлого и настоящего) – 5 %.

В целом, данные свидетельствуют о том, что подростки с нарушениями эмоционально-волевой сферы склонны к негативному восприятию своей жизни, испытывают трудности при осмыслении временных отрезков (прошлого, настоящего и будущего) жизни. Дисбаланс смысложизненных ориентаций, нарушения в эмоционально-волевой сфере, низкая осмысленность жизни в целом, указывают на десинхронизацию временных локусов смысла, определяющих образ мира подростка.

Корреляционный анализ показателей методик семантического дифференциала и смысложизненных ориентаций указывает на наличие устойчивых взаимосвязей между направленностью смысложизненных ориентаций и категорий образа мира подростков с нарушениями эмоционально-волевой сферы.

Показатель теста СЖО «Цели в жизни», характеризующий смысловой локус субъективного будущего, имеет устойчивые связи с категориями, представляющими образ мира: «пассивный» ($r = 0,37$, при $p \leq 0,005$), «статичный» ($r = 0,35$, при $p \leq 0,005$), «недостойный» ($r = 0,63$, при $p \leq 0,005$), «непонимающий» ($r = 0,42$, при $p \leq 0,005$), «закрытый» ($r = 0,44$, при $p \leq 0,005$), «напряженный» ($r = 0,40$, при $p \leq 0,005$), «неподвижный» ($r = 0,37$, при $p \leq 0,005$), «неуверенный» ($r = 0,57$, при $p \leq 0,005$), «независимый» ($r = 0,33$, при $p \leq 0,005$), «обычный» ($r = 0,42$, при $p \leq 0,005$), «дискомфортный» ($r = 0,49$, при $p \leq 0,005$), «скучный» ($r = 0,45$, при $p \leq 0,005$), «неоправданный» ($r = 0,37$, при $p \leq 0,005$), «бессмысленный» ($r = 0,61$, при $p \leq 0,005$), «разрозненный» ($r = 0,38$, при $p \leq 0,005$), «отрицательный» ($r = 0,37$, при $p \leq 0,005$), «злой» ($r = 0,38$, при $p \leq 0,005$), «сонный» ($r = 0,37$, при $p \leq 0,005$), «несчастный» ($r = 0,52$, при $p \leq$

$0,005$), «трусливый» ($r = 0,32$, при $p \leq 0,005$), «грустный» ($r = 0,46$, при $p \leq 0,005$).

Наблюдаются корреляционные связи между шкалой «Процесс жизни» (субъективное настоящее) и восприятием образа мира в понятиях: «пассивный» ($r = 0,52$, при $p \leq 0,005$), «статичный» ($r = 0,45$, при $p \leq 0,005$), «недостойный» ($r = 0,64$, при $p \leq 0,005$), «закрытый» ($r = 0,49$, при $p \leq 0,005$), «напряженный» ($r = 0,46$, при $p \leq 0,005$), «неуверенный» ($r = 0,44$, при $p \leq 0,005$), «ненасыщенный» ($r = 0,54$, при $p \leq 0,005$), «непривлекательный» ($r = 0,46$, при $p \leq 0,005$), «дискомфортный» ($r = 0,47$, при $p \leq 0,005$), «скучный» ($r = 0,45$, при $p \leq 0,005$), «неоправданный» ($r = 0,35$, при $p \leq 0,005$), «бессмысленный» ($r = 0,40$, при $p \leq 0,005$), «разрозненный» ($r = 0,44$, при $p \leq 0,005$), «отрицательный» ($r = 0,36$, при $p \leq 0,005$), «злой» ($r = 0,32$, при $p \leq 0,005$), «несчастный» ($r = 0,56$, при $p \leq 0,005$), «голодный» ($r = 0,36$, при $p \leq 0,005$), «грустный» ($r = 0,46$, при $p \leq 0,005$), «самодостаточный» ($r = 0,33$, при $p \leq 0,005$).

Значения по шкале «результат жизни», соответствующие смысловому локусу субъективного «прошлого», имеют устойчивую связь с параметрами образа мира: «пассивный» ($r = 0,52$, при $p \leq 0,005$), «статичный» ($r = 0,34$, при $p \leq 0,005$), «недостойный» ($r = 0,70$, при $p \leq 0,005$), «закрытый» ($r = 0,58$, при $p \leq 0,005$), «напряженный» ($r = 0,54$, при $p \leq 0,005$), «неподвижный» ($r = 0,40$, при $p \leq 0,005$), «неуверенный» ($r = 0,57$, при $p \leq 0,005$), «ненасыщенный» ($r = 0,51$, при $p \leq 0,005$), «непривлекательный» ($r = 0,41$, при $p \leq 0,005$), «дискомфортный» ($r = 0,43$, при $p \leq 0,005$), «скучный» ($r = 0,33$, при $p \leq 0,005$), «неоправданный» ($r = 0,52$, при $p \leq 0,005$), «бессмысленный» ($r = 0,53$, при $p \leq 0,005$), «разрозненный» ($r = 0,45$, при $p \leq 0,005$), «отрицательный» ($r = 0,43$, при $p \leq 0,005$), «безответственный» ($r = 0,37$, при $p \leq 0,005$), «злой» ($r = 0,39$, при $p \leq 0,005$), «сонный» ($r = 0,42$, при $p \leq 0,005$), «несчастный» ($r = 0,60$, при $p \leq 0,005$), «трусливый» ($r = 0,39$, при $p \leq 0,005$), «грустный» ($r = 0,61$, при $p \leq 0,005$), «самодостаточный» ($r = 0,40$, при $p \leq 0,005$).

В результате проведенного анализа, полученных данных, смысложизненных ориентаций и образа мира подростков с эмоционально-волевыми нарушениями имеется ряд ключевых особенностей. Для данной категории подростков характерна низкая осмысленность временных локусов и осмысленности жизни. Отчетливо выраженный дихотомичный характер образа мира указывает на наличие авersiveных стимулов, создающих негативные аспекты восприятия себя и окружающей действи-

тельности, что влияет на целенаправленность личности, её активность, самооценку и социальные отношения. Смысложизненные ориентации существенно связаны с эмоциональным благополучием и уровнем удовлетворенности собственной жизни. Анализ образа мира выявил, что большинство подростков описывают свой мир в негативно окрашенных категориях: «сонный», «замкнутый», «напряженный», «скучный», «непривлекательный», «бессмысленный», «грустный», «разрозненный», «несчастный».

Обсуждение результатов

С одной стороны, подростки с эмоционально-волевыми нарушениями, имеющие высокую тревожность, депрессивные тенденции, склонность к агрессивным и аутоагрессивным проявлениям, с трудностями общения, самоописания имеют низкую осмысленность жизни, дихотомичность в восприятии мира, демонстрируют низкую осмысленность локусов настоящего, прошлого и будущего по сравнению с нормотипичной группой, испытывают трудности с формированием устойчивых жизненных целей из-за сниженной волевой активности, что влечет за собой ограниченную способность подростков к планированию будущего, что влияет на общее восприятие темпоральных характеристик.

С другой стороны, сложность в детерминации нарушений эмоционально-волевой сферы, образа мира и смысловых ориентаций подростков, а также в понимании их синергетичности представляют собой важный аспект исследования. Недостаточная изученность предикторов формирования того или иного изучаемого явления. Ввиду многочисленных взглядов на понимание образа мира, не существует единой точки зрения, касаемой выделения компонентов образа мира, в общем смысле можно выделить следующие компоненты: когнитивный, эмоциональный, социальный, смысловой и прогностический. В результате их взаимодействия создается целостная картина мира личности, определяющая особенности её восприятия окружающей действительности и взаимодействие с ней [13]. На основе полученных данных, стоит упомянуть, что к особенностям образа мира подростков с нарушениями эмоционально-волевой сферы стоит отнести его фрагментарный характер, неустойчивость по отношению к происходящему.

Таким образом, существует сложность изучения взаимосвязей между эмоцио-

нально-волевыми нарушениями, образом мира и смысложизненными ориентациями подростков.

Заключение

Необходимо отметить, что образ мира подростков с нарушениями эмоционально-волевой сферы представляет собой сложную систему, в которой выявляются определенные особенности смысложизненных ориентаций и пространственно-временных характеристик. В результате чего эти особенности в большей мере определяются дисбалансом в эмоционально-волевой сфере подростка, в ходе чего оказывают влияние на формирование их личностных смыслов.

Подростки с эмоционально-волевыми нарушениями испытывают трудности в осмыслении настоящего, прошлого и будущего, что может сказываться на построении их дальнейших и ближайших целях и планах. При этом немаловажную роль играет и волевой компонент в структуре образа мира этих подростков, указывая на то, что сниженная волевая активность связана с ограниченной способностью к планированию, что в целом воздействует на уровень осмысленности деятельности. Преобладание негативной самооценки, ощущение неудовлетворенности собой и дефицит внутреннего контроля могут формировать у подростков отрицательный образ мира и снижать уровень личностной значимости.

Сильные эмоциональные переживания могут ослабить волевой контроль подростка, снизив его способность к саморегуляции. Это может привести к затруднениям в достижении жизненных целей. Негативное эмоциональное состояние часто сочетается с негативным восприятием себя и образом мира в целом. Это может стать преградой для формирования позитивных смыслов в различных сферах жизни. Также эмоциональные нарушения могут влиять на взаимоотношения с окружающими, что может создавать трудности в установлении контактов и поддержании отношений с окружающими.

Работа с подростками с эмоционально-волевыми нарушениями должна включать в себя дальнейшее изучение данной проблемы, а также разработки коррекционных программ.

Коррекционные программы должны уделять особое внимание формированию волевых качеств, а также предоставлению поддержки в развитии позитивного восприятия себя и мира, чтобы повысить уровень осмысленности их жизни.

Таким образом, взаимосвязь и синергичность эмоционально-волевой сферы подростков, образа мира, смысло-жизненных ориентаций и личностных смыслов остается малоизученной. Их дальнейшее

исследование способствует разработке адекватных стратегий поддержки и коррекции, учитывающих эту взаимосвязь, помогая подросткам развивать эмоциональную стабильность и волевые качества.

Список источников

1. Абульханова-Славская К. А. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения / К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский. М. : Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр "Наука"», 1989. 248 с.
2. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / под ред. И. Б. Ханиной. М. : Наука, Смысл, 1999. 350 с.
3. Богпомочева О. А. Особенности образа мира у одаренных подростков // Психологическая наука и образование. 2006. Т. 11. № 4. С. 5–22.
4. Верстова М. В. Смысло-жизненные ориентации современных подростков в разных социокультурных пространствах / М. В. Верстова, М. А. Павлюкова. // Молодой ученый. 2020. № 50 (340). С. 414–416.
5. Иванов М. С. Безопасность в системе ценностно-смысловых ориентаций офицеров российской национальной гвардии: на примере курсантов – будущих офицеров / М. С. Иванов, А. А. Утюганов, М. С. Яницкий, // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 3. С. 440–458.
6. Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. М. : Эксмо, 2007. 416 с.
7. Ключко В. Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 5–19.
8. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная реальность. М., 1993. С.18.
9. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
10. Леонтьев Д. А. Тест смысло-жизненных ориентаций. М. : Смысл, 2006. 16 с.
11. Леонтьев Д. А. Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 25–34.
12. Мазлумян В. С. Картина мира и Образ мира?! // Мир психологии. 2009. № 4. С. 100–109.
13. Наплавкова М. А. Понятие образа мира подростков с эмоционально-волевыми нарушениями как объект психологического исследования // Живая психология. 2023. Т. 10. № 4(44). С. 59–67.
14. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учебное пособие для вузов. М. : Изд-во ПЧЕЛА, 2008. 382 с.
15. Серкин В. П. Пять определений понятия и схема образа мира // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2006. № 1. С. 11–19.
16. Серый А. В. Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности / А. В. Серый, Е. М. Вечканова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3(63). С. 238–247.
17. Утюганов А. А. Нарративные технологии формирования ценностно-смысловых ориентаций личности: психологическое содержание и применение в образовательной практике / А. А. Утюганов, М. С. Яницкий, А. В. Серый // Science for Education Today. 2019. № 9(1). С. 76–92.
18. Эльконин Д. Б. Детская психология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / под ред. Б. Д. Эльконина. 4-е изд. М. : Издательский центр «Академия», 2007. 194 с.
19. Яницкий М. С. Хронотопические характеристики образа мира осужденных, находящихся в местах лишения свободы / М. С. Яницкий, А. В. Серый, Р. О. Балабашук // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27. № 3. С. 298–306.
20. Яницкий М. С. Образ мира как психологическая система и его природно-средовые детерминанты / М. С. Яницкий, А. В. Серый, О. А. Браун [и др.] // Сибирский психологический журнал. 2021. № 80. С. 6–29.

References

1. Abul'hanova-Slavskaya K. A., Brushlinskij A. V. *Filosofsko-psihologicheskaya koncepciya S. L. Rubinshtejna: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow: Federal'noe gosudarstvennoe unitarnoe predpriyatie «Akademicheskij nauchno-izdatel'skij, proizvodstvenno-poligraficheskij i knigorasprostranitel'skij centr "Nauka"», 1989. (In Russ.).
2. Artem'eva E. Yu., Hanina I. B. (eds.) *Osnovy psihologii sub"ektivnoj semantiki*. Moscow: Nauka, Smysl, 1999. (In Russ.).
3. Bogpomocheva O. A. Features of the image of the world among gifted teenagers. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2006. Vol. 11;4: 5–22. (In Russ.).
4. Verstova M. V., Pavlyukova M. A. Meaningful life orientations of modern adolescents in different socio-cultural spaces. In: *Molodoj uchenyj*. 2020;50 (340): 414–416. (In Russ.).
5. Ivanov M. S., Utyuganov A. A., Yanickij M. S. Security in the system of value and semantic orientations of officers of the Russian National Guard: on the example of cadets – future officers. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika*. 2020. Vol. 17;3: 440–458. (In Russ.).
6. Karelin A. *Bol'shaya enciklopediya psihologicheskikh testov*. Moscow: Eksmo, 2007. (In Russ.).
7. Klochko V. E. The patterns of the movement of psychological cognition and the problem of the method of science. In: *Metodologiya i istoriya psihologii*. 2007. Vol. 2;1: 5–19. (In Russ.).
8. Leont'ev A. A. Linguistic consciousness and the image of the world. In: *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya real'nost'*. Moscow, 1993:18. (In Russ.).
9. Leont'ev A. N. Psychology of the image. In: *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 14. Psihologiya*. 1979;2: 3–13. (In Russ.).
10. Leont'ev D. A. *Test smyslozhiznennykh orientacij*. Moscow: Smysl, 2006. (In Russ.).
11. Leont'ev D. A. Man and the world of Life: from Ontology to phenomenology. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*. 2019. Vol. 15;1: 25–34. (In Russ.).
12. Mazlumyan V. S. A picture of the world and an Image of the world?! In: *Mir psihologii*. 2009;4: 100–109. (In Russ.).
13. Naplavkova M. A. The concept of the image of the world of adolescents with emotional and volitional disorders as an object of psychological research. In: *Zhivaya psihologiya*. 2023. Vol. 10;4(44): 59–67. (In Russ.).
14. Serkin V. P. *Metody psihologii sub"ektivnoj semantiki i psiho-semantiki. The image of the world as a psychological system and its natural and environmental determinants* Izd-vo PCHELA, 2008. (In Russ.).
15. Serkin V. P. Five definitions of the concept and the scheme of the image of the world. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*. 2006;1: 11–19. (In Russ.).
16. Seryj A. V., Vechkanova E. M. Temporal aspects of actualization of semantic facets of subjective images of experiencing an identity crisis during adolescence. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;3-3(63): 238–247. (In Russ.).
17. Utyuganov A. A., Yanickij M. S., Seryj A. V. Narrative technologies for the formation of value-semantic orientations of personality: psychological content and application in educational practice. In: *Science for Education Today*. 2019;9(1): 76–92. (In Russ.).
18. El'konin D. B. (eds.) *Detskaya psihologiya: ucheb. posobie dlya studentov vyssh. ucheb. zavedenij*. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2007. (In Russ.).
19. Yanickij M. S., Seryj A. V., Balabashchuk R. O. Chronotopic characteristics of the image of the world of convicts in prison. In: *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*. 2022. Vol. 27;3: 298–306. (In Russ.).
20. Yanickij M. S., Seryj A. V., Braun O. A. The image of the world as a psychological system and its natural and environmental determinants. In: *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*. 2021;80: 6–29. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.12.2023;
одобрена после рецензирования 25.01.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 20.12.2023;
approved after reviewing 25.01.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 159.923.5

EDN: LWQBFI

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ: К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ПОНЯТИЯ

Ольга Вениаминовна Суворова¹⁻⁴, Наталья Сидоровна Селукова⁵, Елена Викторовна Мазурова⁶

¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

² Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Россия

³ Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия

⁴ Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

⁵ Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В. Г. Короленко, Глазов, Россия

⁶ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

¹⁻⁴ olgavenn@yandex.ru

⁵ madam.selukova@yandex.ru

⁶ elenamazurova@pspu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты методологического самоопределения авторов и выявления онтологического статуса, подходов к определению понятий «профессиональное общение педагога» и «психологическая готовность к профессиональному общению будущего педагога». Авторы анализируют подходы к выделению существенных свойств и характеристических признаков данных понятий; их структурно-содержательной основе. Рассматривается соотношение понятий «коммуникативная компетентность» и «профессиональное общение педагога» в психолого-педагогических исследованиях. Предлагается авторское определение и структурно-содержательное описание понятия «психологическая готовность к профессиональному общению педагога».

Ключевые слова: будущий педагог, профессиональное общение педагога, психологическая готовность

Для цитирования: Суворова О.В., Селукова Н.С., Мазурова Е.В. Психологическая готовность к профессиональному общению будущих педагогов: к проблеме онтологического статуса понятия // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 137–149. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/014.pdf>. EDN: LWQBFI.

Original article

PSYCHOLOGICAL READINESS FOR PROFESSIONAL COMMUNICATION OF FUTURE TEACHERS: ON THE PROBLEM OF THE ONTOLOGICAL STATUS OF THE CONCEPT

Olga V. Suvorova¹⁻⁴, Natalya S. Selukova⁵, Elena V. Mazurova⁶

¹ Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

² Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Mininsky University), Nizhny Novgorod, Russia

³ The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

⁴ Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

⁵ Glazov State Engineering and Pedagogical University named after V. G. Korolenko, Glazov, Russia

⁶ Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

¹⁻⁴ olgavenn@yandex.ru

⁵ madam.selukova@yandex.ru

⁶ elenamazurova@pspu.ru

Abstract. The article presents the results of the authors' methodological self-determination and identification of the ontological status, approaches to defining the concepts of "professional communication of a teacher" and "psychological readiness for professional communication of a future teacher". The authors analyze approaches to the identification of essential properties and characteristic features of these concepts; their structural and substantive basis. The correlation of the concepts of "communicative competence" and "professional communication of a teacher" in psychological and pedagogical research is considered. The author's definition and a structural and meaningful description of the concept of "psychological readiness for professional communication of a teacher" are proposed.

Keywords: future teacher, professional communication of a teacher, psychological readiness

For citation: Suvorova O.V., Selukova N.S., Mazurova E.V. Psychological readiness for professional communication of future teachers: on the problem of the ontological status of the concept. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 137–149. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/014.pdf>. EDN: LWQBF1.

© Суворова О.В., Селукова Н.С., Мазурова Е.Н., 2024

Введение

Педагогическая профессия не просто относится к типу профессии «человек-человек», но является коммуникативной профессией, в которой общение выступает как пространство труда педагога, как форма, метод и средство, инструмент достижения профессиональных целей (Л. М. Митина, 2012) [26].

Среда современного образовательного учреждения характеризуется сложной социальной организацией, полиэтничностью, насыщенностью контактов в профессиональной деятельности, наличием проблем взаимопонимания участников образовательного процесса.

Молодой педагог, завершивший обучение в вузе, включается в сложную систему профессиональной деятельности и взаимодействий с субъектами образовательного процесса в образовательной организации. Современные обучающиеся отличаются независимостью, свободой и спонтанностью поведения, отсутствием авторитетов; для родителей характерна высокая требовательность и внимание к процессу и результатам обучения и воспитания собственных детей и в то же время низкая вовлеченность в школьную жизнь; образовательному процессу в целом свойственна информационная плотность, сложность и многообразие решаемых коммуникативных задач в процессе воспитания, обучения и развития.

Исследователи констатируют трудности взаимодействия педагога в образовательной среде: многообразие конфликтных ситуаций между разными субъектами образования (Фролова Е. В., Рябова Т. М., Рогач О. В., Зуйкина А. В.) [40]; коммуникативные барьеры в отношениях (Гриджин А. А., Цыганкова Е. Н.) [10]; межличностные труд-

ности поликультурного плана (Долганов Д. Н.) [13]; трудности и деформации межличностного взаимодействия (Елфимова Н. В.) [14]; коммуникативные дефициты педагога (Васильева А. С., Вокуюева А. С., Николаева А. А.) [7]; речевую агрессию педагога (Сысоева Е. Ю., 2018) [38], в том числе недостаточную коммуникативную толерантность (Дмитриева Е. Е., Суворова О. В.) [12], наличие персонифицированных рисков в предстоящем профессиональном общении будущего педагога (Суворова О. В., Егорова П. А., Хрулев А. Е.) [37].

Характер трудностей взаимодействия педагога в современной образовательной организации во многом носит компетентностно-психологический характер и актуализирует тему психологической готовности студентов педагогических специальностей к профессиональному общению. Анализ сайтов российских вузов по вопросу формирования готовности к профессиональному общению будущих педагогов в процессе обучения в высшей школе показал, что обучение студентов профессионально-педагогическому общению происходит как в теоретическом плане, так и в практическом плане в процессе лекционных и практических занятий по дисциплинам коммуникативного блока. В процессе прохождения производственных педагогических практик идет фиксация проблем и психологических трудностей взаимодействия студентов-практикантов с обучающимися и воспитанниками, которые корректируются в дальнейшем обучении. Сегодня в практике подготовки будущих педагогов активно применяются и исследуются практические методы обучения профессиональному общению будущих педагогов, активные формы обучения, тренинги, контекстные методы обучения навыкам и умениям мо-

делирования педагогического общения и профессиональной коммуникации педагога (И. И. Барахович) [4], (Н. Н. Моисеева) [27], (В. В. Монжиевская) [28].

В то же время важно отметить, что как теоретическая, так и практическая подготовка современного студента педагогического вуза к коммуникативному аспекту профессиональной деятельности в рамках дисциплин и практик преимущественно связана с освоением педагогического общения как взаимодействия с обучающимися. Существенно реже представлены исследования готовности студентов педагогического профиля к полисубъектному профессиональному общению педагога, готовность к профессиональным коммуникациям (И. И. Барахович, М. И. Шилова) [5]. Современная школа и образовательное учреждение – это сложная система полисубъектных профессионально-педагогических взаимодействий педагога (педагог – обучающийся, педагог – педагог, педагог – администратор, педагог – родитель), которая направлена, прежде всего, на построение образовательной общности, отношений совместности, организацию совместной деятельности, обеспечение положительного психологического климата и психологической безопасности всех участников образовательного процесса для решения центральной задачи обучения, воспитания и развития обучающихся и воспитанников.

Системность в подготовке будущего педагога к профессиональному общению как к полисубъектному взаимодействию сегодня чрезвычайно востребована [29] и во многом сдерживается, на наш взгляд, терминологическим многообразием подходов, а также неоднозначным пониманием соотношения понятий педагогического и профессионального общения, коммуникативной компетентности, а также психологической готовности к ним студентов педагогических специальностей.

Основные положения

Целью данной статьи является представление результатов методологического самоопределения авторов и выявления онтологического статуса, подходов к определению понятий «профессиональное общение педагога» и «психологическая готовность к профессиональному общению будущего педагога». Для реализации данной цели предполагается решение задач: выявление подходов к выделению существенных свойств и характеристических признаков понятий; структурно-

содержательная оценка и уточнение ряда родственных понятий.

Основным методом исследования является обзорно-аналитический метод: анализ и сопоставление понятийно-терминологической ряда близких понятий.

Понятие «педагогическое общение» является наиболее разработанным и освоенным в отечественной науке (А. А. Леонтьев) [23], (В. А. Кан-Калик) [18], (А. А. Реан, Я. Л. Коломинский) [33] и определяется как взаимодействие с обучающимися и воспитанниками, обусловленное решением задач обучения и воспитания. Педагогическое общение рассматривается как вид профессионального общения, как ведущий аспект и компонент профессиональной деятельности и личности педагога в исследованиях Н. В. Кузьминой, А. К. Марковой, Л. М. Митиной; как подсистема профессиональной компетентности личности (И. М. Зимняя, 2010) [17].

Понятие профессионально-педагогического общения, введенное в научный оборот В. А. Кан-Каликом, апеллирует к профессиональной основе педагогического общения, коммуникативной культуре и коммуникативным способностям педагога в процессе реализации задач обучения и воспитательных воздействий (В. А. Кан-Калик) [18]. В то же время сегодня профессиональное общение педагога – это активное взаимодействие со всеми участниками образовательного процесса (И. И. Барахович) [4], (А. Н. Ксенофонтова) [21], (В. А. Демина) [11]. Если педагогическое общение – это вид профессионального общения с обучающимися, то его можно рассматривать как относительно независимую подсистему профессионального общения и отношений педагога (свои задачи, методы, инструменты, предмет общения). Подсистема профессиональных отношений педагога в педагогическом коллективе, с родительским сообществом также относительно независимые подсистемы отношений. Тогда профессиональное общение педагога выступает как взаимодействие в этих относительно независимых подсистемах отношений. Педагог становится субъектом, организатором и координатором этих взаимодействий.

В профессиональном общении педагога достигаются различные профессиональные цели педагогической деятельности в коммуникации с родителями и коллегами, в мультидисциплинарном взаимодействии со специалистами в процессе профессиональной деятельности. В отноше-

ниях с коллегами профессиональное общение связано с командной работой в процессе инновационной деятельности, разработки, адаптации и реализации программ обучения и воспитания, выработки общих стратегий взаимодействия с конкретными обучающимися и родителями в ходе общих образовательных и воспитательных мероприятий. В общении с родителями профессиональные стратегии общения педагога – это построение позитивных доверительных отношений с родителями, обеспечение постоянства контакта и обратной связи с ними; стимулирование осознания родителями важности сотрудничества, поддержки и доверительных отношений с ребенком; вовлечение родителей в процесс обучения и воспитания; стимулирование активной позиции в родительском сообществе; мотивирование к совместной деятельности в школьных и внешкольных мероприятиях; формирование родительских убеждений, ответственной позиции и психолого-педагогической компетентности родителей.

Понятие профессионального общения педагога сопоставляется исследователями, прежде всего, с понятием коммуникативной компетентности и рассматривается как ее составляющая (М. Ф. Анкваб) [3]. Соотношение профессионального общения и коммуникативной компетентности будущего педагога оценивается по-разному. Так, в компетентностном подходе понятие коммуникативной компетентности рассматривается как более широкое и включающее в себя как общекультурное, так и профессиональное общение (М. Ф. Анкваб) [3], (В. В. Монжиевская) [29].

Коммуникативная компетенция как требование к профессиональной подготовке является одной из ключевых в процессе обучения в вузе (С. И. Алмаши) [2], относится к социальному взаимодействию и включает компетенции социального взаимодействия с обществом, семьей, коллективом, партнерами и компетенции в общении (И. А. Зимняя) [17]; знание языков и способов взаимодействия, навыки работы в команде (А. В. Хуторской) [17]. Коммуникативная компетентность как интеграл компетенций и реализованное личностное качество педагога рассматривается как компонент профессионально-педагогической компетентности и связывается с владением приемами профессионального общения (Е. А. Смирнова) [35], что находит отражение в профессиональных компетенциях стандарта подготовки будущего педагога.

Опираясь на понимание коммуникативной компетентности как системы внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определенном круге коммуникативных ситуаций, в исследованиях А. А. Бодалева, Г. М. Андреевой, Ю. М. Жукова [1] под коммуникативной компетентностью педагога понимают интегративную характеристику личности, отражающую ее способность решать коммуникативные задачи широкого круга ситуаций профессиональной деятельности (Е. Ю. Алеевская, Н. А. Аширбагина, Н. А. Мещерякова, 2016) [1].

Освоение системы компетенций ФГОС 3++ предполагает готовность и способность будущего педагога строить общение в профессиональной среде со всеми субъектами образовательного процесса – с обучающимися, коллегами, родителями, сетевыми и социальными партнерами [1]. Авторы конкретизируют содержание коммуникативной компетенции на уровнях общекультурных (универсальных) и общепрофессиональных, а также рассматривают содержание профессиональных компетенций в различных видах деятельности будущего педагога – педагогической, проектной, управленческой, культурно-просветительской [1].

Коммуникативная подготовка бакалавров будущих педагогов по данному стандарту до 2022 года центрировалась во многом на общекультурных (универсальных) и ряде общепрофессиональных компетенций социального взаимодействия. Коммуникативная подготовка бакалавров педагогических специальностей оценивалась экспертами как недостаточная [4]. На уровне магистратуры в коммуникативной подготовке будущего педагога по данному стандарту преобладают профессиональные компетенции и качество коммуникативной подготовки повышается [1].

Пилотный проект по реформе высшего образования в Российской Федерации (2023–2026) предполагает возврат к базовой подготовке специалистов в вузе, направлен на интенсификацию профессионального становления специалиста и бакалавра на этапе обучения в вузе (Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»). В новых методических рекомендациях по структуре и содержанию подготовки педагогических кадров на этапе бакалавриата («Ядро высшего педагогического образования») дается возможность вариативности

содержания учебных курсов и практик в аспекте профессионализации, в том числе для формирования коммуникативной компетентности.

Коммуникативная компетентность будущего педагога включает деятельностный / операционально-технический, когнитивный, социальный, этический, эмоциональный, ценностный аспекты, которые проявляются в актуальной деятельности и позволяют решать коммуникативные задачи в профессиональной деятельности [1]. Приоритетным направлением в государственных стандартах высшего педагогического образования в рамках компетентностной парадигмы образования – результативный и практико-ориентированный подход, способность будущих педагогов решать профессиональные проблемы или комплекс проблем. Особое внимание уделяется развитию практических навыков, умениям действовать в профессионально значимых ситуациях взаимодействия с разными субъектами образования: разрешать противоречия, предупреждать конфликты, организовывать совместную деятельность в образовательном учреждении. Коммуникативная компетентность рассматривается В. В. Монжиевской как цель и результат подготовки специалиста к профессиональному общению [28].

Система профессиональных компетенций как основа коммуникативной компетентности будущего педагога осваивается через решение коммуникативных задач в профессиональных ситуациях определенного круга. Рамки компетентностного подхода не в полной мере позволяют освоить саму сущность профессионального общения педагога как деятельности с разными субъектами образовательного процесса для решения различных задач обучения, воспитания и сотрудничества, особенно на начальных этапах обучения в вузе.

Выскажем некоторые наши позиции в понимании сущности и специфики профессионального общения педагога в рамках обозначенной проблемы.

Родовым по отношению к понятию «профессиональное общение педагога» является понятие профессионального общения. В энциклопедическом словаре понятие «профессиональное общение» трактуется как «многоплановый процесс развития контактов между субъектами, порождаемый мотивами совместной трудовой деятельности». [32]. Понятие профессионального общения в соответствии с данным определением сближается с понятием

«профессиональная коммуникация», общением в профессиональной среде, в профессиональном сообществе.

Профессиональное общение рассматривается также как вид общения, направленный на реализацию эффективной стратегии взаимодействия и построение отношений, способствующих решению целей и задач профессиональной деятельности (В. В. Монжиевская) [29]. В качестве сущностных характеристик профессионального общения В. В. Монжиевская называет субъект-субъектные отношения, предполагающие активную позицию участников коммуникации; природу общения как единство коммуникативной, интерактивной и перцептивной составляющих; поле его функционирования как межпрофессиональная и внутрипрофессиональная стратификация; предмет общения (В. В. Монжиевская) [29]. Выделенные автором сущностные характеристики профессионального общения свойственны как для профессионального общения педагога в целом, так и для педагогического общения.

Прежде всего, субъект-субъектный, диалогический способ взаимодействия и сотрудничества педагога со всеми участниками образовательного процесса (Н. Н. Моисеева) [27]. Общение многоаспектно, и как самостоятельная и специфическая форма активности субъекта, предполагает в качестве результата построение субъект-субъектных отношений (Б. Ф. Ломов, 1999) [24]. Субъект-субъектная, или диалогическая парадигма предполагает оптимальную стратегию взаимодействия и воздействия в межличностном, в том числе в профессионально-педагогическом взаимодействии (Г. А. Ковалев) [20]. В качестве системообразующей причины коммуникативных проблем образования отмечается именно недостаточная сформированность позиций диалога, партнерства и сотрудничества в отношениях субъектов образования у будущих педагогов как организаторов субъект-субъектного взаимодействия (О. В. Кириллова) [19], (Н. Н. Моисеева) [27].

Сущность профессионального общения педагога и педагогического общения раскрывается, на наш взгляд, в понимании общения как отношения и общности (А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский) [31]. Мы считаем, что главная цель профессионального общения педагога – в создании образовательной общности, построении и развитии гуманистических партнерских отношений со всеми субъектами образовательного процесса с доминантой сотруд-

ничества во взаимодействии в ней с целью реализации задач воспитания, обучения и развития обучающихся и воспитанников. Профессиональное общение во многих других профессиях может строиться как на кооперации, так и на конкуренции, в образовательной общности – совместность и сотрудничество являются определяющей формой отношений как с обучающимися, так и с коллегами и родителями.

Профессиональные коммуникации в сфере образования специфичны и отражают ценностную картину мира, нормы взаимоотношений всех участников образовательного процесса (Г. Ф. Кудинова, 2022) [22]. В образовании как социальном институте гуманистические отношения и нравственные ценности находятся на вершине ценностной иерархии. Историческая специфика гуманистического подхода в образовании состоит в том, что гуманистические ценности составляют системообразующее начало профессиональной деятельности педагога, в основе которых нравственные смыслы и нравственные императивы (В. П. Бездухов, О. К. Позднякова) [6]; (В. А. Григорьева-Голубева, И. В. Евграфова) [9], прежде всего, в педагогическом общении (В. А. Григорьева-Голубева) [8]. Аксиологическая природа профессионального общения педагога – в гуманистической и нравственной позиции педагога, которая реализуется в общении и транслируется субъектам образования в оценках событий, поступков, выборов, в способах и средствах, в стратегиях и стиле взаимодействия, этике и культуре общения. Педагог как коммуникатор выступает с гуманистической, нравственной ценностной позиции в профессиональном общении как с обучающимися, так и с коллегами и родителями. Вместе с тем, как в педагогическом, так и в профессиональном общении педагога важной задачей является координация различных смыслов и достижение взаимопонимания с разными субъектами образовательной среды [25], что также обращает нас к гуманистическому смыслу и гуманистической миссии института образования.

Профессиональное общение педагога в образовательной среде с разными участниками образовательного процесса предполагает реализацию как общих (контактная, информационная, когнитивная, эмотивная, конативная, координационная) (В. В. Монжиевская) [29], так и специфических задач и функций: прагматическая, формирующей и подтверждающей, орга-

низации и поддержки межличностных отношений (Н. С. Ефимова) [15]; амотивной, понимания, побудительной, аффективной и поддерживающей, воздействия и влияния (Г. М. Соколова) [36]. Специфика профессионального общения педагога проявляется также в специфических стилях и стратегиях профессионально-педагогического взаимодействия.

Опираясь на определения и подходы А. А. Леонтьева [23], В. А. Кан-Калика [18], В. А. Деминой [11], В. В. Монжиевской [29], мы определяем профессиональное общение педагога как компетентное взаимодействие и построение системы субъект-субъектных отношений со всеми участниками образовательного процесса, осуществляемое в условиях и с позиции его профессиональной деятельности, характеризующееся гуманистической и диалогической направленностью, обеспечивающее эффективное решение задач образования, обучения, воспитания, развития, организации совместной деятельности и партнерских отношений, создание благоприятной атмосферы и поддержку психологической безопасности личности в образовательной среде.

Психологическая готовность студентов педагогических направлений подготовки к профессиональному общению педагога приобретает особое значение и составляет сегодня приоритетную задачу в подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности. Сегодня исследуются коммуникативная готовность, готовность к профессиональным коммуникациям, коммуникативный потенциал будущего педагога (И. И. Барахович, М. И. Шилова) [5]; его психологическая готовность к субъект-субъектному взаимодействию в образовательной среде (Н. Н. Моисеева) [27]; психологическая готовность к педагогическому общению (Е. А. Орлова) [30]. Отметим, психологическая готовность к профессиональному общению будущего педагога недостаточно представлена в исследованиях.

На основе анализа исследований данных авторов, мы полагаем, что формирование психологической готовности к профессиональному общению будущих педагогов на этапе обучения в вузе должно обеспечивать ценностные, мотивационные, смысловые, личностные, деятельностные, инструментальные и рефлексивно-оценочные ресурсы будущего педагога к реализации компетентного взаимодействия на основе профессионально-педагогических ценностей, норм, методов

построения взаимодействий и системы субъект-субъектных отношений со всеми участниками образовательного процесса.

Направленность на диалог, а также навыки и умения инициации и поддержания диалога со всеми участниками образовательного процесса; построение и позитивное развитие субъект-субъектных отношений как отношений партнерства и сотрудничества в образовательных сообществах, образовательной среде в целом составляют одну из ведущих задач формирования психологической готовности к профессиональному общению будущего педагога (Н. Н. Моисеева) [27].

В рамках методологического самоопределения в исследуемой проблеме рассмотрим подходы к определению понятия «психологическая готовность к профессиональному общению будущего педагога».

Психологическая готовность студентов педагогических направлений подготовки к профессиональному общению изучается в психолого-педагогических исследованиях в двух аспектах: с одной стороны, как психическое состояние, обеспечивающее регуляцию деятельности педагога в процессе построения взаимодействия с субъектами образования (Н. Н. Моисеева) [27]. С другой стороны, как сложное личностное новообразование (В. Ф. Жукова) [16]; многоуровневое, иерархически организованное образование, включающее как мотивационно-побудительное и личностное звено, так и операционально-деятельностное (Е. А. Орлова) [30]. В рассмотренных дефинициях психологической готовности будущего педагога к профессиональному общению делаются акценты на ее структурно-функциональном аспекте.

В. Ф. Жукова, анализируя категорию психологической готовности в целом, дает ее структурное определение как сложного многокомпонентного личностного новообразования, включающего «взаимодействие мотивационного, эмоционально-волевого, ориентировочно-мобилизационного, познавательно-оценивающего, операционально-деятельного и когнитивного компонентов» [16]. Структурная организация психологической готовности студентов – будущих педагогов – к профессиональному общению включает когнитивный, поведенческий и эмоциональный компоненты (Н. Н. Моисеева) [27]; мотивационно-побудительное звено, звено личностных качеств, обуславливающих процесс общения учителя и учащихся, и функционально-операциональное звено, формирующее стиль общения (Е. А. Орлова) [30].

Опираясь на положение Б. Ф. Ломова о том, что психологическая готовность к взаимодействию в образовательной среде определяется коммуникативным потенциалом личности будущего педагога (Ломов, 1999) [24], мы считаем важным включение в структуру психологической готовности к профессиональному общению будущего педагога личностного компонента готовности. Личностный компонент включает, прежде всего, профессионально значимые коммуникативные качества и способности личности: доброжелательность, открытость, общительность, уверенность, альтероцентричность, диалогическую направленность личности, коммуникативные и организаторские склонности, коммуникативную толерантность, ассертивность.

Основываясь на аксиологической природе профессионально-педагогического общения [8], мы полагаем важным выделение *ценностно-мотивационного компонента* психологической готовности к профессиональному общению педагога, включающего гуманистическую направленность и партнерскую субъект-субъектную ориентацию общения как ценностную позицию будущего педагога в общении с разными субъектами образования.

В понимании и определении психологической готовности человека характеристическим признаком понятия выступает стабильность функциональности, то есть стабильная эффективность выполнения профессиональных функций и решения задач профессиональной деятельности (Ю. М. Тихомирова) [39]. Важным критерием психологической готовности является стабильность эмоционального равновесия в условиях принятия решения [39]. Применительно к профессиям «человек-человек» это психологическая устойчивость функционирования человека в сложных эмоциональных (внештатных) ситуациях взаимодействия, требующих немедленного реагирования и быстрого принятия решения [39]. Эмоциональный компонент психологической готовности к профессиональному общению включает эмоционально-личностные ресурсы саморегуляции, совладания со стрессом, сохранения эмоционального равновесия и эмпатии в сложных коммуникативных ситуациях, например, публичного выступления перед педагогическим или родительским коллективом, самообладание в конфликте, в условиях соревнования или конкуренции в профессиональном сообществе.

Операционально-функциональный аспект психологической готовности к профессиональному общению будущего педагога в контексте современных образовательных стандартов подготовки обозначен нами как **деятельностно-компетентностный** компонент. Данный компонент включает, прежде всего, освоенность системы компетенций образовательного стандарта – коммуникативной компетентности как владение приемами профессионального общения (Е. А. Смирнова) [35]. Основой его состава является сформированность деятельности профессионального общения, системы коммуникативных действий, таких как выбор стратегии общения, прогнозирование, моделирование, программирование, организация, управление, самоконтроль и рефлексия общения с разными субъектами образования, в том числе, освоенность различных форм, методов, средств, приемов и техник взаимодействия [18], [34]. Освоенность профессионального общения будущим педагогом как деятельности создает условия для реализации вариативных видов общения с субъектами образовательного процесса – развивающего, духовного, убеждающего, поддерживающего, фасилитирующего в единстве мотивации, цели и задач общения, коммуникативных действий и рефлексии.

В процессе профессионального общения педагог выступает и как личность, и как субъект профессиональной деятельности. Педагог как личность в общении – это носитель системы гуманистических смыслов и субъект-субъектных отношений с разными участниками образовательного процесса, устойчивых позитивных качеств коммуникативного плана, диалогической позиции транслятора социальных, нравственных, этических, межличностных норм взаимодействия. Педагог как субъект профессиональной деятельности выступает как носитель активного профессионально-деятельного начала, как субъект профессиональных коммуникативных действий, позволяющих выбирать и строить стратегии, моделировать, прогнозировать, организовывать, контролировать и оценивать процесс взаимодействия и взаимопонимания, осуществлять целеполагание и оперативно действовать в сложных ситуациях общения; решать задачи воспитания, обучения и развития, мотивирования и вовлечения в совместную деятельность, убеждения и воздействия, поддержки и фасилитации, разрешения и предупреждения конфликтов. Педагог как субъект профессионального

общения выступает как инициатор и организатор взаимодействия и сотрудничества, как агент влияния, как транслятор ценностей, смыслов и норм отношений в образовательной среде.

Основываясь на приведенных выше позиции, мы определяем психологическую готовность будущего педагога к профессиональному общению как аспект психологической готовности будущего педагога к профессиональной деятельности, как интегральное субъектно-личностное образование, которое отражает ценностно-мотивационный, личностный, деятельностный и коммуникативный потенциал студента к построению полисубъектного взаимодействия, развитию субъект-субъектных отношений партнерства и сотрудничества; к актуализации диалогической позиции и проявлению эмоциональной устойчивости в сложных ситуациях взаимодействия с участниками образовательного процесса.

Анализ современных тенденций развития педагогической теории и практики показывает противоречие между необходимостью формирования у будущих педагогов психологической готовности к профессиональному общению и недостаточной разработанностью в науке и практике педагогических условий, раскрывающих содержательно-процессуальную и методико-технологическую оснащенность данного процесса. Понимание психологической готовности будущего педагога к профессиональному общению как интегрального субъектно-личностного образования позволяет выстраивать подготовку к профессиональным коммуникациям с разными субъектами образования на основе сочетания аксиологического, компетентностного, личностно-ориентированного и субъектно-деятельностного подходов в процессе освоения дисциплин и практик, начиная с первого курса.

Выводы

Таким образом, профессиональное общение педагога подразумевает компетентное взаимодействие и построение системы субъект-субъектных отношений со всеми участниками образовательного процесса, осуществляемое в условиях и с позиции его профессиональной деятельности, направленное на решение задач воспитания, обучения и развития субъектов образования, организацию совместной деятельности и партнерских отношений, создание благоприятной атмосферы в образовательной среде.

Профессиональное общение педагога выступает как его взаимодействие в относительно независимых подсистемах отношений. Это профессионально-педагогическое взаимодействие с обучающимися и воспитанниками; профессиональные отношения педагога в педагогическом коллективе; взаимоотношения с родительским сообществом. В профессиональном общении педагога достигаются различные цели и задачи профессионально-педагогической деятельности в общении с обучающимися, в коммуникации с родителями, коллегами, в мультидисциплинарном взаимодействии со специалистами. Педагог выступает как субъект профессионального общения, становится организатором и координатором взаимодействий подсистем отношений, их интеграции в единую образовательную общность.

Психологическая готовность к профессиональному общению – интегральное субъектно-личностное образование, кото-

рое отражает ценностно-мотивационный, личностный, деятельностный и коммуникативный потенциал студента к построению полисубъектного взаимодействия в образовательной среде, развитию субъект-субъектных отношений партнерства и сотрудничества на основе приоритета гуманистических и нравственных ценностей, мотивов сотрудничества и диалога.

Формирование психологической готовности к профессиональному общению в процессе подготовки будущих педагогов предполагает: формирование гуманистической и диалогической ценностной позиции, развитие профессионально значимых коммуникативных качеств; освоение профессиональных коммуникативных действий, коммуникативной деятельности и коммуникативных компетенций в разных подсистемах профессиональных отношений; коррекцию коммуникативных трудностей и развитие эмоциональной устойчивости в сложных ситуациях профессионального взаимодействия.

Список источников

1. Алеевская Ю. И. Коммуникативная компетентность как предмет педагогического исследования / Ю. И. Алеевская, Н. Л. Аширбагина, Н. А. Мещерякова // Интеграция образования. 2016. Т. 20. № 3. С. 352–363.
2. Алмаши С. И. Коммуникативная компетентность как составляющая готовности к педагогической инновационной деятельности // Вестник Нижневартского государственного университета. 2013. № 4. С. 13–18.
3. Анкваб М. Ф. Профессиональное общение как составляющая коммуникативной компетентности // Молодой ученый. 2014. № 2 (61). С. 718–721.
4. Барахович И. И. Развитие коммуникативного потенциала будущего педагога: проблемы прогнозирования // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2016. С. 40–44.
5. Барахович И. И. Готовность будущего педагога к профессиональным коммуникациям / И. И. Барахович, М. И. Шилова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (вестник КГПУ). 2014. № 2 (28). С. 37–40.
6. Бездухов В. П. Гуманистические ценности как системообразующее начало профессиональной деятельности педагога / В. П. Бездухов, О. К. Позднякова // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 302–306.
7. Васильева А. С. Влияние характерологических особенностей личности педагога на поведение в конфликтной ситуации / А. С. Вокуева, А. А. Николаева // Вестник университета. 2019. № 2. С. 157–163.
8. Григорьева-Голубева В. А. Особенности педагогического взаимодействия в свете аксиологического подхода к образованию // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. № 3. С. 100–109.
9. Григорьева-Голубева В. А. Универсальные гуманистические ценности в контексте педагогической деятельности / В. А. Григорьева-Голубева, И. В. Евграфова // Вестник ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. № 4. С. 127–136.
10. Гридчин А. А. Коммуникативные барьеры как источник конфликтных ситуаций в школьном социуме / А. А. Гридчин, Е. Н. Цыганкова // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 2. С. 9–13.
11. Демина В. А. Становление профессионального общения будущего учителя: на материале факультета иностранных языков: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Демина Виктория Александровна. Петропавловск-Камчатский, 2002. 21 с.

12. Дмитриева Е. Е. Психологическое исследование коммуникативной толерантности у студентов высшей педагогической школы / Е. Е. Дмитриева, О. В. Суворова, П. А. Егорова // Язык и культура. 2019. № 45. С. 161–172.
13. Долганов Д. Н. Межличностные отношения в контексте поликультурного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 3. С. 35–39.
14. Елфимова Н. В. Исследование деформаций межличностного взаимодействия в системе «Педагог учащийся» // Педагогическое образование в России. 2011. № 3. С. 89–95.
15. Ефимова Н. С. Психология общения: практикум по психологии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по укрупненной группе специальностей 44.03.00 «Образование и педагогические науки» (квалификация (степень) «бакалавр»). М. : «ФОРУМ»-ИНФРА-М, 2018. 191 с.
16. Жукова В. Ф. Психолого-педагогический анализ категории «психологическая готовность». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskiy-analiz-kategorii-psihologicheskaya-gotovnost> (дата обращения: 03.03.2022).
17. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 3-е изд-е, пересм. М. : МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 448 с.
18. Кан-Калик В. А. Учителю о педагогическом общении: Книга для учителя. М. : Просвещение, 1987. 190 с.
19. Кириллова О. В. Теоретические и методологические основы профессионально педагогического общения: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Кириллова Ольга Васильевна. Чебоксары, 1998. 403 с.
20. Ковалев Г. А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 41–49.
21. Ксенофонтова А. Н. Основы профессиональной коммуникации педагога // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 694. С. 141–145.
22. Кудинова Г. Ф. Современная профессиональная коммуникация // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2022. № 1 (62). Т. 3. С. 253–256.
23. Леонтьев А. А. Психология общения. 2-е изд., испр. и доп. М. : Смысл, 1997. 365 с.
24. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии; Российская академия наук. Ин-т психологии. М. : Наука, 1999. 349 с.
25. Матяш О. И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование // Сибирь. Философия. Образование. 2002. № 6. С. 36–47.
26. Митина Л. М. Психология профессиональной деятельности педагога: системный личностно-развивающий подход // Вестник московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2012. № 3. С. 48–64.
27. Моисеева Н. Н. Формирование психологической готовности будущего учителя к субъект-субъектному взаимодействию: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07 / Моисеева Наталья Николаевна. Самара, 2007. 25 с.
28. Монжиевская В. В. О результатах исследований проблемы общения в профессиональной деятельности и подготовки к нему специалистов // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2018. № 3. С. 166–175.
29. Монжиевская В. В. Общение в профессиональной деятельности: сущность, функции, критерии функционирования // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 11. С. 37–45.
30. Орлова Е. А. Формирование психологической готовности к педагогическому общению у будущих учителей: дис. ... д-ра. психол. наук: 19.00.07 / Орлова Елена Александровна. Тула, 1998. 323 с.
31. Петровский А. В. Теоретическая психология: учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. М. : Издательский центр «Академия», 2001. 496 с.
32. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. М. : Когито-Центр, 2015. 672 с.
33. Реан А. А. Социальная педагогическая психология / А. А. Реан, Я. Л. Коломинский. СПб. : Изд-во «Питер», 2000. 416 с.
34. Руденский Е. В. Социальная психология: курс лекций. М. : Изд. дом «ИНФРА-М»; Новосибирск: НГАЭиУ, 1997. 221 с.

35. Смирнова Е. А. Формирование коммуникативной компетентности студентов в условиях непрерывного образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Смирнова Елена Алексеевна. М., 2007. 37 с.
36. Соколова Г. Е. Коммуникативные основы педагогического общения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2019. № 4. С. 52–58.
37. Суворова О. В. Персонифицированный опыт как фактор прогнозирования профессионально-коммуникативных качеств студентов – будущих педагогов / О. В. Суворова, П. А. Егорова, А. Е. Хрулев [и др.] // Язык и культура. 2019. № 46. С. 299–317.
38. Сысоева Е. Ю. Речевая агрессия педагогов: сущность, причины, виды, пути преодоления // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 4. С. 48–53.
39. Тихомирова Ю. М. Теоретический анализ структурных компонентов психологической готовности к профессиональной деятельности // Психологические науки: теория и практика: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, март 2014 г.). М. : Буки-Веди, 2014. С. 6–9.
40. Фролова Е. В. Конфликты в системе школьного образования: ключевые проблемы, специфика и факторы развития / Е. В. Фролова, Т. М. Рябова, О. В. Рогач // Перспективы науки и образования. 2019. № 3 (39). С. 227–239.

References

1. Aleevskaya Yu. I., Ashirbagina N. L., Meshcheryakova N. A. Communicative competence as a subject of pedagogical research. In: Integraciya obrazovaniya. 2016. Vol. 20;3: 352–363. (In Russ.).
2. Almashi S. I. Communicative competence as a component of readiness for pedagogical innovation activity. In: Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013;4: 13–18. (In Russ.).
3. Ankva M. F. Professional communication as a component of communicative competence. In: Molodoj uchenyj. 2014;2 (61): 718–721. (In Russ.).
4. Barahovich I. I. Development of the future teacher's communicative potential: problems of forecasting. In: Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva. 2016: 40–44. (In Russ.).
5. Barahovich I. I., Shilova M. I. The future teacher's readiness for professional communication. In: Vestnik krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva (vestnik KGPU). 2014;2 (28): 37–40. (In Russ.).
6. Bezduhov V. P., Pozdnyakova O. K. Humanistic values as a system-forming beginning of a teacher's professional activity. In: Samarskij nauchnyj vestnik. 2018. Vol. 7;3 (24): 302–306. (In Russ.).
7. Vasil'eva A. S., Nikolaeva A. A. The influence of the characterological characteristics of the teacher's personality on behavior in a conflict situation. In: Vestnik universiteta. 2019;2: 157–163. (In Russ.).
8. Grigor'eva-Golubeva V. A. Features of pedagogical interaction in the light of the axiological approach to education. In: Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2016;3: 100–109. (In Russ.).
9. Grigor'eva-Golubeva V. A., Evgrafova I. V. Universal humanistic values in the context of pedagogical activity. In: Vestnik leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2018;4: 127–136. (In Russ.).
10. Gridchin A. A., Cygankova E. N. Communication barriers as a source of conflict situations in school society. In: Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2018;2: 9–13. (In Russ.).
11. Demina V. A. Stanovlenie professional'nogo obshcheniya budushchego uchitelya: na materiale fakul'teta inostrannyh yazykov. Petropavlovsk-Kamchatskij, 2002. (In Russ.).
12. Dmitrieva E. E., Suvorova O. V., Egorova P. A. Psychological study of communicative tolerance among students of higher pedagogical school. In: Yazyk i kul'tura. 2019;45: 161–172. (In Russ.).
13. Dolganov D. N. Interpersonal relations in the context of multicultural education. In: Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015; 3 (63). Vol. 3: 35–39. (In Russ.).
14. Elfimova N. V. The study of deformations of interpersonal interaction in the "Teacher student" system. In: Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2011;3: 89–95. (In Russ.).
15. Efimova N. S. Psihologiya obshcheniya: praktikum po psihologii. Moscow: «FORUM»-INFRA-M, 2018. (In Russ.).
16. Zhukova V. F. Psihologo-pedagogicheskij analiz kategorii «psihologicheskaya gotovnost'». Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskij-analiz-kategorii-psihologicheskaya-gotovnost> [Accessed 3th March 2022]. (In Russ.).

17. Zimnyaya I. A. Pedagogicheskaya psihologiya. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2010. (In Russ.).
18. Kan-Kalik V. A. Uchitelyu o pedagogicheskom obshchenii: Kniga dlya uchitelya. Moscow: Prosveshchenie, 1987. (In Russ.).
19. Kirillova O. V. Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy professional'no pedagogicheskogo obshcheniya. Cheboksary, 1998. (In Russ.).
20. Kovalev G. A. Three paradigms in psychology – three strategies of psychological impact. In: Voprosy psihologii. 1987;3: 41–49. (In Russ.).
21. Ksenofontova A. N. Fundamentals of professional communication of a teacher . In: Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020;694: 141–145. (In Russ.).
22. Kudina G. F. Sovremennaya professional'naya kommunikaciya // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully. 2022;1 (62). Vol. 3: 253–256. (In Russ.).
23. Leont'ev A. A. Psihologiya obshcheniya. Moscow: Smysl, 1997. (In Russ.).
24. Lomov B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii; Rossijskaya akademiya nauk. In-t psihologii. Moscow: Nauka, 1999. (In Russ.).
25. Mat'yash O. I. What is communication and do we need a communication education? In: Sibir'. Filosofiya. Obrazovanie. 2002;6: 36–47. (In Russ.).
26. Mitina L. M. Psychology of professional activity of a teacher: a systematic personal development approach. In: Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie. 2012;3: 48–64. (In Russ.).
27. Moiseeva N. N. Formirovanie psihologicheskoy gotovnosti budushchego uchitelya k sub"ekt-sub"ektnomu vzaimodejstviyu. Samara, 2007. (In Russ.).
28. Monzhievskaya V. V. On the results of research on the problem of communication in professional activity and the preparation of specialists for it. In: Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk. 2018;3: 166–175. (In Russ.).
29. Monzhievskaya V. V. Communication in professional activity: the essence, functions, criteria of functioning. In: Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya. 2015. Vol. 11: 37–45. (In Russ.).
30. Orlova E. A. Formirovanie psihologicheskoy gotovnosti k pedagogicheskomu obshcheniyu u budushchih uchitelej. Tula, 1998. (In Russ.).
31. Petrovskij A. V., Yaroshevskij M. G. Teoreticheskaya psihologiya. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2001. (In Russ.).
32. Bodalev A. A. Psihologiya obshcheniya. Enciklopedicheskij slovar. Moscow: Kogito-Centr, 2015. (In Russ.).
33. Rean A. A. Social'naya pedagogicheskaya psihologiya / A. A. Rean, Ya. L. Kolominskij. Saint-Petersburg: Izd-vo «Piten», 2000. (In Russ.).
34. Rudenskij E. V. Social'naya psihologiya: kurs lekcij. Moscow: Izd. dom «INFRA-M»; Novosibirsk: NGAEiU, 1997. (In Russ.).
35. Smirnova E. A. Formirovanie kommunikativnoj kompetentnosti studentov v usloviyah nepreryvnogo obrazovaniya. Moscow, 2007. (In Russ.).
36. Sokolova G. E. The communicative foundations of pedagogical communication. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika. 2019;4: 52–58. (In Russ.).
37. Suvorova O. V., Egorova P. A., Hrilev A. E. Personificirovannyj opyt kak faktor prognozirovaniya professional'no-kommunikativnyh kachestv studentov – budushchih pedagogov. In: Yazyk i kul'tura. 2019;46: 299–317. (In Russ.).
38. Sysoeva E. Yu. Speech aggression of teachers: the essence, causes, types, ways of overcoming. In: Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2018. Vol. 24; 4: 48–53. (In Russ.).
39. Tihomirova Yu. M. Teoreticheskij analiz strukturnyh komponentov psihologicheskoy gotovnosti k professional'noj deyatel'nosti. In: Psihologicheskie nauki: teoriya i praktika. Moscow: Buki-Vedi, 2014: 6–9. (In Russ.).
40. Frolova E. V., Ryabova T. M., Rogach O. V. Conflicts in the school system: key problems, specifics and development factors. In: Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2019;3 (39): 227–239. (In Russ.).

Информация об авторах

О. В. Суворова – доктор психологических наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024;
одобрена после рецензирования 16.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

O. V. Suvorova – Doctor of Sciences (Psychology), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 26.01.2024;
approved after reviewing 16.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 159.9

EDN: MGFRQQ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РОДСТВЕННИКОВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ,
ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ**Ольга Борисовна Полушина**

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

polushina.olga2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3370-9372>

Аннотация. В статье раскрыто понятие «работа горя», выделены виды осложненного горевания, рассмотрены задачи и стадии горевания, представлены данные задачи относительно работы с родственниками пропавших без вести, выделены особенности работы с родственниками военнослужащих, пропавших без вести, представлены техники работы психолога с родственниками, пропавших без вести. Представлены особенности работы с применением психотерапевтического подхода десинзибилизация и переработка движением глаз (далее ДПДГ).

Ключевые слова: горе, работа горя, задачи горя, горевание родственников, пропавших без вести, ДПДГ

Для цитирования: Полушина О.Б. Оценка эффективности информационно-психологического воздействия // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 150–159. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/015.pdf>. EDN: MGFRQQ.

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

Original article

PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF RELATIVES OF MISSING SERVICEMEN

Olga B. Polushina

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

polushina.olga2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3370-9372>

Abstract. The article reveals the concept of "grief work", identifies the types of complicated grieving, considers the tasks and stages of grieving, presents these tasks regarding working with relatives of missing persons, highlights the features of working with relatives of servicemen who are missing, presents the techniques of a psychologist working with relatives of missing persons. The features of work using the psychotherapeutic approach of desinhibition and processing by eye movement (hereinafter DPDG) are presented.

Keywords: grief, the work of grief, tasks of grief, grieving of relatives of the missing, EMDR

For citation: Polushina O.B. Psychological support of relatives of missing servicemen. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 150–159. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/015.pdf>. EDN: MGFRQQ.

© Полушина О.Б., 2024

Введение

Психологическое сопровождение человека в ситуации горя является одной из актуальных проблем психологической практики. Но проблема сопровождения родственников пропавших без вести в этом аспекте становится еще более значимой и

трудноразрешимой задачей. Бесследное исчезновение военнослужащего всегда является потерей при тяжелых обстоятельствах. Актуальность работы психолога в данном случае сложно переоценить. Родственники пропавших без вести годами живут в ситуации неизвестности, что прово-

цирует различные проблемы с физическим и психологическим здоровьем. Пропажа без вести родного человека является психогенной травмой. Данная травма носит пролонгированный и хронический характер. Как отмечает В. В. Храмелашвили [18], последствиями будут: снижение адаптационного потенциала личности, возникновение или обострение соматических заболеваний, изменение образа «Я», социальная изоляция и др.

Воздействие травмирующих событий ограничено во времени; ситуация, в которой оказывается семья пропавшего без вести не имеет временных рамок, поэтому боль и стресс, вызванные исчезновением родного человека, не покидают близких долгие годы. Отсутствие информации о пропавшем без вести родственнике погружает его близких в состояние травмирующей неопределенности, которое серьезно нарушает течение их жизни.

Прежде чем рассмотрим особенности работы психолога в этом случае, обратимся к некоторым понятиям: скорбь, горе, работа горя, осложненное горевание и этапы горя.

Основные положения.

Понятие «работа горя (скорби)» впервые употребляется З. Фрейдом [17, С. 176–193]. Он подчеркивает три составляющих в переживании скорби: когнитивная, конативная, аффективная. Что представляет собой процесс, в результате которого человек осознает неизбежность случившегося, его реальность. При этом ярко проявляется сопротивление.

По мнению Э. Линдемманна [11], работа горя завершается в случае, если человек, во-первых, перестает быть зависимым от умершего; во-вторых, адаптируется к жизни без умершего; в-третьих, способен строить новые отношения. В практике работы с клиентом мы чаще всего сталкиваемся с осложненным гореванием. Э. Линдемманн выделил следующие виды горевания: искаженное, хроническое, отсроченное, подавленное и предвосхищающее. Все эти виды горевания можно отнести к осложненному гореванию.

Искаженное горевание описывается автором как поверхностное проявление горя (отсутствие чувства утраты, отчужденность, враждебность, изоляция, чрезмерная активность, соматизация и др.). Хроническое горе характеризуется затягиванием процесса горевания. При отсроченном горевании человек по какой-либо причине не позволяет себе горевать, например, нет

времени, очень много забот или считает себя не вправе горевать. При отсроченном горевании, горе может настичь человека даже после нескольких лет утраты. Подавленное горе совпадает с отсроченным по содержанию. Только при отсроченном горевании процесс в какое-то время происходит, при подавлении не наступает. Предвосхищающее горевание может ярко проявляться у родственников военнослужащих, находящихся в боевых условиях. Военнослужащий жив и здоров, а родные могут пережить все стадии горевания, как будто бы он погиб. Работая с родственниками пропавших без вести мы чаще всего сталкиваемся с отсроченным и подавленным гореванием. И тот и другой вид горевания относится к осложненному гореванию (по МКБ-11 6B42 – Длительное расстройство горя) [1]. В науке активно поднимается вопрос о возможности диагностики состояния человека, переживающего горе. В отчете Йельского исследования утраты отмечены три основных методики для диагностики, из них авторы исследования рекомендуют два: тест пролонгированной реакции горя (ПРГ) и тест – стойкая осложненная реакция утраты (СОРУ) [13]. К сожалению, ни тот ни другой не переведены и, соответственно, не адаптированы на российскую выборку. До сих пор основным методом является клиническое интервью.

Одно из направлений изучения работы горя связано с выделением стадий горя. Первой, кто выделила и описала эти стадии, стала Э. Кюблер-Росс [9]. Изучая реакции больных со смертельным диагнозом, она выделила 5 стадий горевания: отрицание, гнев, тревога, депрессия, принятие. Автор подчеркивает индивидуальные варианты проявлений на каждой стадии, время их проживания, возможность повтора и застревания на какой-либо стадии. Но в то же время она выделила общие закономерности прохождения этих стадий. В классификации Г. В. Старшенбаума [16] выделяется 8 этапов течения реакции горя: эмоциональная дезорганизация; гиперактивность; поиск; отчаяние; демобилизация; разрешение; рецидивирующий. А. О. Руслина [15] соотнесла стадии горевания, предложенные западными и отечественными психологами, с религиозной точкой зрения. Она отмечает, что религия придает смысл страданиям горящего человека. Она отмечает, что со временем (в историческом плане) произошло сокращение времени горевания. В религии отсутствует

описание негативных переживаний людей в состоянии горя (агрессия, гнев и пр.).

Важно понимать, что работа горя – это длительный процесс. Но в ситуации работы с родственниками без вести пропавших одной из первых задач является начать процесс горевания. Потому что яркой особенностью осложненного горевания родственников пропавших без вести является отказ от горевания. Они сознательно отказываются от скорби, потому что для них она является признаком признания смерти близкого человека. Д. Беккер [22, С. 41], обнаружив у людей запрет на скорбь, отметил основные механизмы защиты: подавление и избегание.

Пример при работе с женой без вести пропавшего военнослужащего:

П: С кем вы говорили о случившемся?

К: Ни с кем, знают только его друзья, мои и его родители, из других родственников еще моя тетя. Я не могу ни с кем об этом говорить, на работе у меня никто не знает.

Как видим в данной ситуации, жена отказывается говорить с кем-либо на тему случившегося, этим она не только запрещает себе скорбеть, но и не получает социальной поддержки со стороны общества. Еще один аспект эмоций – человек не может описать, что он чувствует. В частности, Е. Николетти [24, С. 58] подчеркивает своеобразность такой потери. Человек осознает потерю, но не признает ее. Мы не можем потерю фактологически описать. Пропавшего нет рядом, но никто и не знает, где он сейчас. По мнению Е. Николетти, пропавший без вести потерян дважды: первый раз, когда приходит известие о пропаже, и второй – а был ли человек вообще (именно отсутствие тела приводит к таким мыслям и ощущениям).

Д. Класс, П. Р. Сильверман, С. Л. Никман [25] отмечали, что человек стремится сохранить и поддержать привязанность с умершими, в отличие от взглядов З. Фрейда [17] на этот вопрос. Тем более родственники пропавших без вести стремятся сохранить связь с пропавшим. Ведутся споры, является ли данное стремление сохранить связь адаптивным. У исследователей нет пока ответа на этот вопрос.

Для осуществления работы горя очень важно соблюдение определенных ритуалов: религиозных или светских. Ритуалы позволяют принять разлуку. С без вести пропавшими невозможно попрощаться. Нет документов, нет тела. Работа психолога в этом случае направлена на попытку запустить процесс скорби, без признания воз-

можной смерти близкого. Например, можно попрощаться с местом, где жили совместно супруги или образом совместной жизни.

П: Как ты думаешь, ты много прошла за то время, как вы не виделись с супругом?

К: Да, мне пришлось устанавливать статус мужа как без вести пропавшего, вывозить все вещи из нашей квартиры.

П: Как ты думаешь, если твой муж жив, перенес ли он без тебя много испытаний?

К: Думаю, да, он был ранен, очень серьезно.

П: Теперь подумай о том, насколько вы изменились с тех пор, как вы виделись в последний раз?

К: Мы очень изменились: я стала замкнутой, практически ни с кем не общаюсь, стала более жесткой в отношениях с родственниками. Думаю, и у него есть серьезные изменения.

П: Тогда, может быть, стоит попрощаться с вашими отношениями? Даже если вы и встретитесь в будущем, это будут другие отношения.

К: Я представила себе фотографию, на которой мы вместе, такой именно фотографии нет в реальности, я поставила ее на комод, как свидетельство наших отношений, их реальности, я могу попрощаться с ними (впервые за много месяцев заплакала).

У родственников пропавших без вести нет возможности прийти на кладбище, нет могилы. Для работы скорби можно использовать очень важные места, где встретились, например, супруги, или любимое место, где они часто бывали вместе и пр.

К: Я часто теперь хожу на нашу скамейку в ближайшем парке, сижу, слушаю шелест листвы и мне становится как-то умиротвореннее.

Важно понимать, что у родственников пропавших без вести навсегда остается надежда, что близкий вернется. Эта надежда колеблется: от максимальной веры, что вернется, до пучины безнадежности.

К: Я не верю, что его нет. В какой-то момент времени я уверена, что вот сейчас дверь откроется и он будет на пороге. В другие моменты я почти уверена, что его нет в живых, после таких ранений почти не выживают (как видим, даже в ситуации отчаяния она не верит в гибель мужа).

Горе и скорбь принимаются за предательство. Человек отказывается говорить на эту тему даже с самыми близкими людьми. Родственникам необходимо разъяснять особенности чувств и поступков жён, которые потеряли мужей, родители сыновей.

Поступки могут быть различными: продолжать писать сообщения, покупать подарки на день рождения и пр. Эти поступки помогают на первый взгляд продержаться, но при этом они усугубляют состояние человека. С другой стороны, нельзя просто запретить это делать. Необходимо разговаривать, не избегать тем, связанных с пропавшим без вести.

К: Я не могу говорить со своими родителями о пропавшем муже, мне кажется, что они хотят, чтобы я им сказала какие-то новости, а их у меня нет. Что я им могу сказать. А вот с родителями мужа мне легче общаться. Мы много вспоминаем, говорим о нем.

Пропавшего без вести могут идеализировать, особенно если это герой боевых действий. Создается безупречный образ, который может поддерживаться социумом. В этом случае можем встретиться с еще одной проблемой – это некий социальный запрет на горевание. Например, ребенку могут говорить: не плачь, твой папа герой, а ты плачешь. Мы не будем спорить, что он герой, но для ребенка это папа, его папа, ему плохо без него, а его горе становится под запретом. Невыраженные мысли и чувства соматизируются, но могут впоследствии обернуться другими проблемами: депрессией, различного рода тревожностями, нарушениями сна и пр. Сам термин «горе, лишенное прав», впервые употребляет К. Дока [3]. По его мнению, бесправное горе – это когда окружающие не принимают всерьез и не признают право горящего на него. В ситуации в работе с родственниками пропавших без вести этот отказ от горевания иницируется самим человеком. Некоторые люди отказывают в праве горевания близким, например, мать по отношению к ребенку (не сообщает ему о случившемся) или жена по отношению к родителям пропавшего мужа. Как правило, объясняется это желанием уберечь близких от травмы. Люди не учитывают того факта, что скрыть случившееся невозможно, родные все равно узнают и здесь дополнительно травмирующим фактом становится обман со стороны близкого человека (добавляется обида).

Возможна идеализация личности пропавшего без вести. Идеализация позволяет продолжить жизнь человека. Люди прого-

варивают: а что бы он сказал, сделал в той или иной ситуации. Но возможно и «очернение» пропавшего без вести: «Если бы он не лез на рожон, то и не случилось бы ничего». В психологической работе необходимо дать возможность выговориться человеку, выплеснуть агрессию и злость. Потому что, как правило, клиент будет осуждать себя за такие чувства и мысли, не позволяя им проявляться. Что приводит к ухудшению его качества жизни.

Основные чувства, которые испытывают родственники пропавших без вести: печаль, гнев, обвинения, вина и самобичевание, тревога, одиночество, усталость, беспомощность, шок, тоска, оцепенение, безнадежность. Именно эти чувства должны стать предметом обсуждения на консультации или групповой терапии. Физические ощущения: неприятные ощущения в груди (сжатость, колет, тупая боль); в горле (комочек, не могу глотать); повышенная чувствительность к звукам, яркому свету; диссоциация, деперсонализация и дереализация; нехватка энергии, усталость. Данные физические ощущения также являются мишенями в терапии. Можно использовать для их проработки телесно-ориентированную терапию, ДПДГ. Когнитивные убеждения: неверие, спутанность мыслей, поглощенность своими мыслями, переживание присутствия, галлюцинации. В поведении наблюдаются: нарушение аппетита и сна; рассеянность; социальное дистанцирование; сновидения с участием пропавшего без вести; избегание разговоров о пропавшем; беспокойство и излишняя активность (человек продолжает жить, как будто ничего не случилось); высокая ценность предметов, вещей, принадлежавших пропавшему (не разрешают убрать вещи из шкафов, оставляют в комнате все как было при нем и пр.). При работе с деструктивными когнитивными убеждениями и поведенческими проявлениями высокий результат достигается с использованием когнитивно-поведенческой терапии.

В целом весь процесс психологического сопровождения родственников пропавших без вести можно строить на позиции В. Вординга [3], определившего задачи горевания. Кратко представим их в форме таблицы.

Таблица 1 – Задачи горевания, по В. Вордену

Table 1 – Grieving tasks, according to W. Worden

Задачи горевания	Отрицание задачи горевания	Особенности проявления у родных пропавших без вести
1. Принятие реальности утраты (помогают ритуалы прощания).	1) Отрицание факта потери. 2) Снижение значения утраты. 3) Отрицание необратимости утраты.	Практически всегда присутствует отрицание реальности утраты (факта потери и необратимости утраты). Сохранение личных вещей и комнаты пропавшего в неприкосновенности. Обращение к различного рода ведуньям, гадалкам в поиске пропавшего.
2. Переработка боли, причиняемой горем.	Отрицание боли, запрет на чувства (гнева, тревоги, стыда, вины и пр.).	Идеализация или очернение пропавшего, употребление психоактивных веществ, кардинальные изменения в жизни (смена места жительства, работы и пр.). Застывание на этой задаче приводит к депрессии.
3. Приспособиться к миру без умершего (в нашем случае без пропавшего).	Отказ от существования без близкого, пропавшего без вести (нарушение адаптации к внешнему миру, к собственной личности и пониманию ценностей жизни).	Вынуждены решать те задачи, которые решал пропавший без вести. Сложности в понимании своего социального статуса. В обществе отсутствует обозначение близкого человека, пропавшего без вести (например, при смерти: вдова, сирота). Потеря самоконтроля. Потеря трех фундаментальных предположений о мире: мир доброжелателен, мир полон смысла и я достоин (Р. Янофф-Булман [9]). Социальная изоляция и дистанцирование.
4. Сохранить связь с умершим (пропавшим без вести), приступая к построению новой жизни.	Отказ найти новым отношениям место в своей жизни.	Отказываются от новых даже дружеских отношений, не говоря уже о более интимных. Отсутствие планов на жизнь.

Необходимо подчеркнуть, что задачи, выделенные В. Ворденем, не являются стадиями, на которых в динамике необходимо концентрироваться. Чаще всего они решаются последовательно, но это не значит, что часть задач не будет решаться одновременно или в другой последовательности.

Для работы психолога с родственниками пропавших без вести необходимо учитывать следующие моменты: какие отношения были с пропавшим без вести (при нарушенной сепарации или созависимых отношениях процесс горевания будет еще более осложненным), каковы были обстоятельства пропажи без вести (в ситуации

боевых действий риск психогенной травматизации родных усиливается), а также наличие сопутствующих событий в жизни родственников пропавших без вести (ранние детские травмы или недавние потери, например, беременности накануне пропажи без вести мужа и др.).

Пропажа человека – всегда внезапное и неожиданное событие. Чаще всего случается при травматических условиях. Близкие пропавших без вести зачастую остаются без социальной поддержки и понимания того, что с ними происходит со стороны друзей, коллег, родных. Они не могут или не считают возможным показать свою боль

утраты. Во время психотерапии необходимо запустить процесс горевания. Для решения следующих задач горевания также возможна организация психологического сопровождения. Но вполне может быть достаточно решения первой задачи: принятие реальности утраты. В дальнейшем человек при соответствующей поддержке ближайшего социального окружения справиться самостоятельно. В процессе работы с родственниками пропавших без вести необходимо осуществлять поддержку и со стороны психолога. Иногда с этой целью

психолог обговаривает возможность созваниваться с клиентом между встречами.

Психотерапевтический подход «Десенсибилизация и переработка движениями глаз» (ДПДГ/EMDR) показан при различных диагнозах: ПТСР, депрессии, тревоги. Наиболее эффективной продолжительностью одной сессии является время, превышающее 60 минут [7]. На основе общих рекомендаций реализации работы в рамках ДПДГ [19] можем представить этапы работы с родственниками пропавших без вести.

Таблица 2 – Этапы работы с родственниками пропавших без вести

Table 2 – Stages of the work with relatives of missing persons

Этап работы	Содержание	Обсуждаемые моменты
Оценка симптомов	- Тягостные мысли. - Ощущение нереальности происходящего. - Нарушения сна, питания. - Приступы паники и пр.	Что сопутствует проявлению симптомов? Как часто они проявляются? В какое время они особенно тяжело переживаются? Насколько часто проявляются? Где они локализируются в теле?
Длительность	Динамика симптомов	Как давно проявляются симптомы? Как они меняются со временем? Что менялось в жизни при проявлении симптомов?
Первоначальный повод	В данном случае повод определен изначально	Какие сопутствующие события происходили в жизни, когда пришло известие о пропаже?
Дополнительные прошлые события	Были ли другие важные события, предшествующие событию	Какие были события в Вашей жизни, которые повлияли на Ваше восприятие сейчас (например, отсутствие сепарации с родителями, поссорились с пропавшим и пр.)
Другие жалобы	Есть ли дополнительные жалобы помимо ситуации с пропавшим без вести	Трудности на работе, сложные взаимоотношения с родственниками, друзьями и пр.
Нынешняя напряженность	При рассматриваемом запросе проводится общая оценка состояния	Какова оценка общего состояния? Что может и не может клиент предпринять?
Желаемое состояние	Что хочешь чувствовать? Что хочешь сделать?	Необходимо учитывать, что наличие определенной боли, горя является необходимым для благоприятного образа клиента о себе

Рассмотрим некоторые мишени работы психолога с родственниками пропавших без вести. Можем столкнуться с жалобой на навязчивые воспоминания, связанные с пропавшим без вести. Достаточно часто навязчивые воспоминания и мысли возникают в ситуациях, если клиент поссорился или не завершил какие-то дела с пропавшим без вести. Воспоминания и мысли могут объединяться с другими воспоминаниями. Например, человек обозна-

чает ведущее чувство, которое он испытывает: Я бессильна. Я могла отговорить сына не служить. Я могла предпринять хотя бы попытку. И вообще я ничего в своей жизни не могу изменить. Мама болела, я ничего не смогла сделать. Мы потеряли большую сумму денег в свое время, и я тоже ничего не предприняла. Как видим, у клиента есть доминирующее убеждение: «Я бессильна», которое было сформировано до ситуации с сыном.

Несмотря на то, что психолог видит эту закономерность, нельзя подталкивать клиента к концентрации на этой взаимосвязи. Клиент сам в процессе работы устанавливает эти взаимосвязи. В процессе переработки травмы произойдет реструктурирование, вне зависимости, осознает клиент эту связь или нет.

Другой мишенью является работа с физическими ощущениями клиента. Осуществляется концентрация на физическом самочувствии: П: Что ты сейчас чувствуешь? К: Боль. П: Где ты чувствуешь боль? К: Ком в горле, он кислый и горький на вкус. В дальнейшем при работе концентрируемся на ощущениях в горле, при этом не упоминая о том, какие они, эти ощущения (Следи за ощущениями в горле).

Далее важной темой для работы являются рентные установки [12]. Рентная установка определяется состоянием готовности человека к специфической реакции получения выгоды (материальной либо моральной) от тяжелого положения. Данная установка формируется на фоне помощи и поддержки со стороны социума. Она оказывает общее деформирующее влияние на поведение индивида. В консультировании эту проблему обозначают вторичной выгодой. Человек отказывается от помощи, потому что, если он будет себя лучше чувствовать, его перестанут жалеть родственники. Или человек может быть убежден, что пока он так себя чувствует, ему будет оказываться медицинская помощь.

Также возможен страх утраты социальной идентичности. Например: К: Если я перестану испытывать боль, то что я за мать такая. Очень важно при организации работы с родственниками по типу группы встреч, иметь в виду данный фактор. Группа встреч не должна превратиться в группу, обеспечивающую социальную идентичность. При подобной организации помощи необходимо ориентировать участников на их ближайшее социальное окружение и подчеркивать временный характер работы группы.

Теперь рассмотрим некоторые техники, которые могут быть использованы в работе с родственниками пропавших без вести. Например, одна из популярных техник – «Безопасное место». Может быть реализована в разных направлениях психотерапии (ЭОТ Н. Д. Линде «Уютное место» [10]; Эриксоновский гипноз «Приятное воспоминание» [4]; арт-терапия «Безопасное место», «Интересное место» [8]; схем-терапия Дж. Янг «Безопасное место» [21]). Возможно ис-

пользование данной техники и в рамках ДПАГ [19]. Данная техника может быть реализована в двух форматах: непосредственной работы психолог – клиент, а также при прослушивании аудиозаписи клиентом, записанной психологом. Основными задачами техники являются: снижение беспокойства и тревоги клиента непосредственно при работе и совладание с травматическим материалом между сессиями. Упражнение имеет восемь этапов: идентификация безопасного места; идентификация эмоций и ощущений с найденным образом; усиление созданного образа; работа с образом при билатеральной стимуляции (наиболее эффективно в данном случае использовать тактильную стимуляцию), 4–5 проходов; подбор ключевого слова к созданному образу с билатеральной стимуляцией, 4–6 проходов; проверка соответствия слова и образа, 1 проход (при успешности переходим к следующему этапу, если соответствия места и ключевого слова нет, повторяется предыдущий этап); проверка безопасного места на тревожных ситуациях (выбираются несколько ситуаций по шкале SUDS 3–4 балла, прорабатывается каждая ситуация отдельно по 1 проходу); самостоятельная работа клиента с безопасным местом. Использование безопасного места можно использовать совместно с релаксационными техниками, которые также могут быть представлены клиенту в форме аудиозаписи.

Для решения одного из этапов горевания можно использовать технику контейнирования в ДПАГ [20]. Предлагаемая техника решает задачу возможности контроля и достижения переносимости переживаемой боли. Потому что клиенты очень часто формулируют запрос к психологу при потере родственников следующим образом: *не могу больше так..., меня разорвет ..., я не переживу...* и пр. Мы используем данную технику в измененном виде. Выделим этапы ее реализации: установка на создание контейнера (можно поместить всю переживаемую эмоцию, можно только ее часть в зависимости от избранной стратегии работы); создание контейнера (3–4 прохода) с достаточно детальным образом; оценка по шкале SUDS помещаемого чувства (от 1 до 10, 1 минимально проявляется это чувство у меня сейчас до контейнирования и 10 максимально проявляется чувство) с кратким билатеральным стимулированием; помещение каждого чувства, ощущения в контейнер (1 проход на чувство); оценка актуального состояния

по шкале VoC (от 1 до 7). Далее осуществляется переработка травматического переживания, которое было помещено в контейнер (или частичная переработка, чувство можно из контейнера доставать по частям). Также могут быть переработаны навязчивые мысли, сновидения и другие беспокоящие симптомы на основе стандартного протокола ДПДГ. Есть нюансы работы с травмированным человеком при выборе билатеральной стимуляции. Наиболее предпочтительным способом является тактильная стимуляция, во многих случаях зрительная стимуляция может усилить беспокойство. Для снижения беспокойства при зрительной стимуляции можно изменить движение руки с горизонтальной ориентации в вертикальную. Если клиент отказывается от обсуждения произошедшего можно на начальном этапе работы использовать слепой протокол.

Заключение (выводы).

Работая с родственниками, пережившими пропажу близких, необходимо легитимировать горе. Психолог должен создать безопасную обстановку для выра-

жения эмоций, зачастую очень противоречивых (от агрессии и негодования до обвинения себя в случившемся). Необходимо строить работу по активизации имеющихся ресурсов человека, ориентировать его на помощь со стороны ближайшего социального окружения. Велика роль разъяснительной, просветительской работы психолога, иногда информирования достаточно для отработки травмирующего события. Для решения задач горя можно использовать различные психотерапевтические подходы: эриксоновский гипноз, арт-терапию, схем-терапию, когнитивно-поведенческую терапию и др. Высокий результат и эффект обеспечивает метод ДПДГ (EMDR). Применение техник, разработанных в данном подходе, возможно и в ситуации отсроченного и подавленного горевания, которое чаще всего наблюдается у родственников военнослужащих, пропавших без вести. Терапия может проводиться как в индивидуальной, так и групповой форме, а также необходимо помнить о терапевтическом действии исполнения ритуалов. Ритуалы дают возможность личного признания горя.

Список источников

1. МКБ-11 для ведения статистики смертности и заболеваемости (МКБ-11 CC3). URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/ru> (дата обращения: 22.08.2023).
2. Баканова А. А. Психотерапия горя: история становления и текущая практика в зарубежных исследованиях // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 4. С. 23–41.
3. Ворден В. Консультирование и терапия горя. Пособие в области специалистов психического здоровья. М. : Центр психологического консультирования и психотерапии, 2020. 330 с.
4. Гинзбург М. Р., Яковлева Е. А. Эриксоновский гипноз: систематический курс. М. : МПСИ, 2008. 312 с.
5. Довженко Т. В. Помощь родственникам погибших при чрезвычайных ситуациях // Психология экстремальных ситуаций / под ред. В. В. Рубцова, С. Б. Малых. М. : Психологический институт РАО, 2007. С. 250–253.
6. Дока К. Бесправное горе: утрата в позднем возрасте // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 125–131.
7. Казенная Е. В. Современное состояние исследований эффективности метода десенсибилизации и переработки движениями глаз (EMDR) при посттравматическом стрессовом расстройстве // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31. № 3 (121). С. 69–90.
8. Копытин А. И. Методы арт-терапии в преодолении последствий травматического стресса. М. : Когито-Центр, 2014. 208 с.
9. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. М. : Корвет, 2016. 294 с.
10. Линде Н. Д. Эмоционально-образная (аналитически-действенная) терапия: чувство – образ – анализ – действие. М. : Генезис, 2022. 376 с.
11. Линдемманн Э. Клиника острого горя // Психология эмоций. Тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 288 с.
12. Одинцова М.А. Специфика проявления рентной установки в поведении человека // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 192–196.
13. Paul K. Maciejewski, Andreas Maercker, Paul A. Boelen, Holly G. Prigerson «Пролонгированная реакция горя» и «стойкая осложненная реакция утраты»: анализ данных

Йельского исследования тяжелой утраты // WPA Всемирная психиатрия на русском языке. Вып. 3. 2016. С. 263–271.

14. Прайтлер Б. Бесследно пропавшие... Психотерапевтическая работа с родственниками пропавших без вести. М. : Когито-центр, 2015. 315 с.

15. Руслина А. О. Периодизация процесса переживания горя в психологии в сопоставлении с некоторыми положениями православного богословия // Консультативная психология и психотерапия. 2012. Т. 20. № 3. С. 185–212.

16. Старшенбаум Г. В. Суицидология и кризисная психотерапия. М. : Когито-Центр, 2005. 375 с.

17. Фрейд З. Печаль и меланхолия. М. : АСТ; Минск: Харвест, 2006. 193 с.

18. Храмельшвили В. В. Психотерапевтическая помощь при опознании погибших при взрыве в Московском метро // Психология экстремальных ситуаций / под ред. В. В. Рубцова, С. Б. Малых. М. : Психологический институт РАО, 2007. С. 295–297.

19. Шапиро Ф. Психотерапия эмоциональных травм с помощью движений глаз (EMDR): основные принципы, протоколы и процедуры. М. : Диалектика, 2021. 835 с.

20. Шварц А. EMDR и психология телесности: терапия, направленная на понимание осознанности при травмах / А. Шварц, Б. Майбергер. СПб. : Диалектика, 2023. 352 с.

21. Янг Дж. Схема-терапия. Практическое руководство / Дж. Янг, Дж. Коско, М. Вайсхаар. СПб. : Диалектика, 2020. 464 с.

22. Becker D. Die Erfindung des Traumas – Verflochtene Geschichten. Berlin: Freitag, 2006. 315 p.

23. Janoff-Bulman R. Posttraumatic growth: Three explanatory models. Psychological Inquiry, 15. P. 30–34.

24. Nicoletti E. Some Reflexions on Clinical work with Relatives of Missing people. A Particular Elaboration of Loss // Kordon D. et al. (Eds). From Psychological effects of Political Repression. Buenos Aires: Sudamerikana/Planeta, 1988. P. 57–63.

25. Class D., Silverman P., Nickman Continuing bonds: New understanding of grief. Washington, DC: Taylor & Francis. 1996. 384 p.

References

1. МКБ-11 dlya vedeniya statistiki smernosti i zabolevaemosti (МКБ-11 SSZ). Available from: <https://icd.who.int/browse11/l-m/ru> [Accessed 22th August 2023]. (In Russ.).

2. Bakanova A. A. Grief Psychotherapy: History of Formation and Current Practice in Foreign Studies. In: Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. 2017. Vol. 25;4: 23–41. (In Russ.).

3. Vorden V. Konsul'tirovanie i terapiya gorya. Posobie v oblasti specialistov psicheskogo zdorov'ya. Moscow: Centr psihologicheskogo konsul'tirovaniya i psihoterapii, 2020. (In Russ.).

4. Ginzburg M. R., Yakovleva E. L. Eriksonovskij gipnoz: sistematicheskij kurs. Moscow: MPSI, 2008. (In Russ.).

5. Dovzhenko T. V., Rubcova V. V., Malyh S. B. (eds.) Assistance to relatives of those killed in emergency situations. In: Psihologiya ekstremal'nyh situacij. Moscow: Psihologicheskij institut RAO, 2007: 250–253. (In Russ.).

6. Doka K. Disenfranchised Grief: Loss in Late Life. In: Arheologiya russkoj smerti. 2016;3: 125–131. (In Russ.).

7. Kazennaya E. V. Current state of research on the efficacy of eye movement desensitization and processing (EMDR) in post-traumatic stress disorder. In: Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. 2023. Vol. 31;3 (121): 69–90. (In Russ.).

8. Kopytin A. I. Metody art-terapii v preodolenii posledstvij travmaticheskogo stressa Moscow: Kogito-Centr, 2014. (In Russ.).

9. Kyubler-Ross E. O smerti i umiranii. Moscow: Korvet, 2016. (In Russ.).

10. Linde N. D. Emocional'no-obraznaya (analiticheski-dejstvennaya) terapiya: chuvstvo – obraz – analiz – dejstvie. Moscow: Genezis, 2022. (In Russ.).

11. Lindemann E., Vilyunasa V. K., Gippenrejtser Yu. B. (eds.) Acute Grief Clinic. In: Psihologiya emocij. Teksty. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. (In Russ.).

12. Odincova M.A. The Specifics of the Manifestation of the Rent Attitude in Human Behavior. In: Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010;2: 192–196. (In Russ.).

13. Paul K. Maciejewski, Andreas Maercker, Paul A. Boelen, Holly G. Prigerson «Prolongirovannaya reakciya gorya» i «stojkaya oslozhnennaya reakciya utraty»: analiz dannyh Jel'skogo issledovaniya tyazhelej utraty. In: WPA Vsemirnaya psihiatriya na russkom yazyke. Vyp. 3. 2016: 263–271. (In Russ.).

14. Prajtler B. Bessledno propavshie... Psihoterapevticheskaya rabota s rodstvennikami propavshih bez vesti. Moscow: Kogito-centr, 2015. (In Russ.).
15. Ruslina A. O. Periodization of the Process of Experiencing Grief in Psychology in Comparison with Some Provisions of Orthodox Theology. In: Konsultativnaya psihologiya i psihoterapiya. 2012. Vol. 20;3: 185–212. (In Russ.).
16. Starshenbaum G. V. Suicidologiya i krizisnaya psihoterapiya. Moscow: Kogito-Centr, 2005. (In Russ.).
17. Frejd Z. Pechal' i melanholiya. Moscow: AST; Minsk: Harvest, 2006. (In Russ.).
18. Hramelashvili V. V. Psihoterapevticheskaya pomoshch' pri opoznanii pogibshih pri vzryve v Moskovskom metro. In: Psihologiya ekstremal'nyh situacij / pod red. V. V. Rubcova, S. B. Malyh. Moscow: Psihologicheskij institut RAO, 2007: 295–297. (In Russ.).
19. Shapiro F. Psihoterapiya emocional'nyh travm s pomoshch'yu dvizhenij glaz (EMDR): osnovnye principy, protokoly i procedury. Moscow: Dialektika, 2021. (In Russ.).
20. Shvarc A. EMDR i psihologiya telesnosti: terapiya, napravlenная na ponimanie osoznannosti pri travmah / A. Shvarc, B. Majberger. SPb. : Dialektika, 2023. (In Russ.).
21. Yang Dzh. Skhema-terapiya. Prakticheskoe rukovodstvo / Dzh. Yang, Dzh. Klosko, M. Vajskhaar. Saint Petersburg: Dialektika, 2020. (In Russ.).
22. Becker D. Die Erfindung des Traumas – Verflochtene Geschichten. Berlin: Freitag, 2006. 315 r.
23. Janoff-Bulman R. Posttraumatic growth: Three explanatory models. Psychological Inquiry, 15. R. 30–34.
24. Nicoletti E. Some Reflexions on Clinical work with Relatives of Missing people. A Particular Elaboration of Loss. In: Kordon D. et al. (Eds). From Psychological effects of Political Repression. Buenos Aires: Sudamerikana/Planeta, 1988. P. 57–63.
25. Slass D., Silverman P., Nickman Continuing bonds: New understanding of grief. Washington, DC. Taylor & Francis. 1996. 384 p.

Информация об авторе

О. Б. Полушина – кандидат психологических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 06.12.2023;
одобрена после рецензирования 21.12.2023;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the author

O. B. Polushina – Candidate of Sciences (Psychology), Docent

The article was submitted 06.12.2023;
approved after reviewing 21.12.2023;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 159.922.6
EDN: NHDGKH

ИЗМЕНЕНИЯ В СОДЕРЖАНИИ ОБРАЗА МИРА КУРСАНТОВ-ПСИХОЛОГОВ В ПЕРИОД ВХОЖДЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОЕННОГО ВУЗА

Анатолий Степанович Турчин¹, Роман Алексеевич Терехин²

^{1,2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ ast55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7973-2017>

² t87terekhin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2238-6640>

Аннотация. В статье рассматривается проблема динамики образа мира у курсантов, получающих специальность военного психолога в вузе Росгвардии. В период вхождения курсанта в образовательное пространство вуза происходят изменения всех слоев образа мира, но преимущественно фиксируется трансформация среднего-семантического слоя, содержание которого меняется под влиянием двух факторов: а) обучения вузовского типа и б) влияния организационной культуры военной образовательной организации высшего образования.

В содержании образа мира можно обнаружить как научные составляющие, так и образы, перенесенные из предыдущих возрастов. Это явление, связанное с феноменологией и психологией обыденного сознания, может проявляться по-разному, например, в интроекции наркомифов, сохранении варианта соподчинения ценностных ориентаций у старшекурсников, в котором профессионально важные ценности располагаются ниже досуговых и др.

Ключевые слова: образ мира, ценностные ориентации, семантический слой, организационная культура

Для цитирования: Турчин А.С., Терехин Р.А. Изменения в содержании образа мира курсантов-психологов в период вхождения в образовательное пространство военного вуза // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 160–166. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/016.pdf>. EDN: NHDGKH.

Original article

CHANGES IN THE CONTENT OF THE IMAGE OF THE WORLD OF PSYCHOLOGICAL CADETS DURING THE PERIOD OF ENTRY INTO THE EDUCATIONAL SPACE OF A MILITARY UNIVERSITY

Anatoly S. Turchin¹, Roman A. Terekhin

^{1,2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ ast55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7973-2017>

² t87terekhin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2238-6640>

Abstract. The article deals with the problem of the dynamics of the image of the world among cadets receiving the specialty of a military psychologist at the University of Rosgvardiya. During the cadet's entry into the educational space of the university, changes occur in all layers of the image of the world, but mainly the transformation of the middle – semantic layer is recorded, the content of which changes under the influence of two factors: a) university-type training and b) the influence of the organizational culture of the military educational organization of higher education.

In the content of the image of the world, one can find both scientific components and images transferred from previous ages. This phenomenon, associated with the phenomenology and psychology of everyday consciousness, can manifest itself in different ways, for example, in the introjection of drug addicts, the preservation of a variant of subordination of value orientations among undergraduates, in which professionally important values are located below leisure, etc.

Keywords: image of the world, value orientations, semantic layer, organizational culture

For citation: Turchin A.S., Terekhin R.A. Changes in the content of the image of the world of psychological cadets during the period of entry into the educational space of a military university. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 160–166. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/016.pdf>. EDN: NHDGKH.

© Турчин А.С., Терехин Р.А., 2024

Введение

В отечественной психологии понятие «образ мира» активно используется уже практически полвека, со времени появления одноименной статьи А. Н. Леонтьева [8]. За данный период времени в психологической литературе появился целый ряд его определений и интерпретаций, однако все они страдают рядом неточностей [14; 22; 23 и др.]. Можно отметить следующие позиции:

Во-первых, большая часть определений сводится к перечислению какого-то количества признаков, которые должны характеризовать его проявления в существующей реальности.

Во-вторых, образ мира определяется как оппозиция другому понятию, а именно «картина мира», поскольку изначально в середине XX века Робертом Редфильдом они применялись рядомположно, для характеристики отражения в сознании познающего субъекта воспринимаемой действительности и осознания своего места в ней [29].

В дальнейшем авторы активно расширяли объем данной категории, демонстрируя некоторую «пристрастность», т. е. выделяя те признаки или свойства образа мира, которые соответствовали их научным (и профессиональным) интересам. Так, например, появилось определение «профессионального образа мира», который подвержен воздействию профессиональной деятельности субъекта [5; 16; 21; 25 и др.].

Целью данной статьи выступает рассмотрение динамики образа мира курсантов – будущих военных психологов в первоначальный период обучения в вузе войск Росгвардии. Последнее во многом специфицирует и усложняет сам процесс исследования, поскольку курсанты психологической специальности не только знакомятся с теоретическими положениями психологической науки, но так или иначе выполняют ряд диагностических исследований, что затрудняет выявление содержания образа мира, как из-за возможной фундаментальной ошибки атрибуции у преподавателя, так и из-за вероятности получения социально желательных ответов.

Теоретический обзор проблемы

Несмотря на довольно продолжительную историю исследований проблематики образа мира, как отмечалось выше, в каждом конкретном случае приходится уточнять, что выступает приоритетом для исследователя, когда определение дается через ряд рядомположных свойств. При этом

трудно говорить о какой-то строгой системе, поскольку трудно определить системообразующий компонент, развертывание которого могло бы дать информацию о более широкой системе. Мы склонны рассматривать их как варианты типологии, базирующиеся на основоположениях А. Н. Леонтьева. Можно выделить два основных варианта понимания образа мира, такие как: а) субъективного образа, в котором трудно выделить связь внешнего и внутреннего (кстати, еще и поэтому используют термин «единство», метко характеризуемый П. Я. Гальпериным, как «лукавый»); б) некоторый усредненный вариант восприятия и понимания мира и его событийности, когда есть относительно устойчивый объем признаков или свойств, к ним присоединяют что-то, что считают своим (возрастной аспект, профессиональные требования к содержанию компонентов образа мира, наличие или отсутствие противоречий между слоями образа мира субъекта и др.) [1; 2; 10; 12; 30 и др.].

Проблеме изучения индивидуальных и коллективных представлений об образе мира посвящен довольно обширный комплекс исследований, но опыт соотнесения данного понятия с такими категориями, как «модель мира» и «картина мира» на уровне индивидуального и коллективного опыта не велик. В этой связи актуальность данной проблемы возрастает для ряда отраслей психологии, в том числе и для возрастной психологии. Последнее, в частности, проявилось в дискуссии по поводу построения периодизации возрастного развития Д. Б. Эльконина в середине 80-х гг. XX в., когда ее монооснование – ведущий вид деятельности – начало оспариваться, как единственно определяющее специфическое содержание возрастных этапов развития психики. Хотя она и не привела к каким-то конструктивным результатам, но современная практика показывает внутреннюю противоречивость, подвижность и нестабильность данной периодизации, поскольку в современных психологическом и педагогическом сообществах фиксируется факт удлинения периода детства как такового, есть некоторая путаница в феноменологии. Так, при описании ранней юности И. С. Коном [6] приводятся характеристики, которые в значительной степени напоминают пережитки «подростничества». Если же говорить о возрастном развитии одаренных в интеллектуальном плане

детей, то их образ мира еще менее изучен, чем у обычных или «нормальных», в терминологии психологии обыденного сознания, детей [11; 13; 20; 28].

Представление предметного и социального мира, как основа сознательной жизнедеятельности развивающегося субъекта, будучи важным условием развития познавательной сферы личности [17; 18], должно конкретизироваться применительно к возрастной специфике (задачам возраста).

Если рассматривать процесс утверждения понятия образа мира в проблематике психологии, то на первом этапе, согласно идее Н.И. Чуприковой [24], была необходима его дифференциация с Редфильдовской «картиной мира» [29]. Это действительно важная задача, поскольку нет единой и единственно верной картины мира, она различается даже у гомозиготных близнецов, не говоря уже об усредненной картине мира различных социальных групп. Если речь идет о представителях традиционных культур, то для них характерна мифологическая картина мира, соответственно, и образ мира будет существенно отличаться от того, что является типичным или нормативным для представителей иной цивилизации [19]. Главное, что эта картина мира воспринимается субъектом, как: а) не случайная; б) нормативная и поэтому привычная. В период обучения в педагогическом вузе на историческом факультете нам было трудно ответить на такие вопросы, как: «Были ли несчастными крестьянские дети, если они не знали иной судьбы?» или «Можно ли считать нарушением прав шестилетнего ребенка малых народов Севера в 30-х гг. XX века, если он в сентябре отправлялся в промысловый отпуск и уходил в тайгу для самостоятельной охоты на белок, куниц, соболей и др.?» (последний вопрос нам задавал уже на психологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова Д. Б. Эльконин, с душевным теплом вспоминая такого своего шестилетнего друга-оленовода, допущенного к костру Совета племени).

Еще более интересное описание мифологической картины мира можно встретить в работах зарубежных и отечественных психологов, исследовавших содержание коллективного и индивидуального сознания представителей различных народов, таких как Л. Леви-Брюль [7], Ф. Кликс [4], А. Р. Лурия [9], А. Ш. Тхостов [19] и др.

Если говорить о действительно содержании образа мира, то можно отметить, что в структуре обыденного сознания при-

сутствуют и функционируют одновременно образы «правильного» и «неправильного» мира. [3; 13; 27]. К примеру, как было обнаружено в наших исследованиях [18], у старшеклассников действительно формируется научная картина мира, но в то же время сохраняется склонность к интроекции наркотических мифов.

Детская картина мира исследовалась рядом отечественных психологов, в том числе Аксеновой Ю. А. [1], Г. В. Бурменской [12] и др. В конце концов, учеными-педагогами из г. Кемерово была разработана и внедрена дошкольная парциальная годичная программа «Детская картина мира» [3]. Среди зарубежных исследователей можно отдать приоритет в этом плане Жану Пиаже [28], еще и потому, что многие исследования в отечественной детской психологии строились как оппозиция его представлениям о детской картине мира и развитии образа мира ребенка [11].

Применительно к реалиям обучения в высшей школе исследования образа мира выполнялись в России и за рубежом на рубеже XX–XXI вв. [4; 16; 23; 26; 27]. Они показали важность рассмотрения его динамики под влиянием обучения вузовского типа. Практически во всех работах признается факт неизбежности трудностей адаптационного периода у значительной части первокурсников, считавшихся ранее достаточно успешными выпускниками школ.

При поступлении в вузы, относящиеся к образовательным организациям закрытого типа, т. е. военные образовательные организации высшего образования они осложняются трудностями вхождения в организационную культуру иного типа, даже если первокурсники имеют опыт прохождения службы по призыву или окончили кадетские классы. Кстати, в обыденном сознании некоторых школьных педагогов существует миф о кадетских классах, как месте, где будет осуществляться «перековка» тех подростков, которые по какой-то причине могут быть отнесены к категории «трудных». Естественно, что нет никаких гарантий, что такой перевод даст положительный результат, поскольку развитие личности школьников представляет внутренне противоречивый, гетерохронный процесс, а зачисление в кадетские или иные профильные классы не задает автоматически требуемую траекторию развития личности. Иначе можно было бы решать проблему первичного профессионального самоопределения по примеру Петруши Гринёва, с младенчества записывая «сержантом гвардии» [15].

Обращаясь к образовательно-воспитательной ситуации на первом курсе вуза Росгвардии, нельзя ждать быстрых изменений, как в плане адаптации к той картине мира, которая начинает выстраиваться у курсанта с первых дней пребывания в вузе, так и находиться в плену иллюзии о том, что уровень освоения учебно-академической деятельности позволяет большинству первокурсников бесконфликтно входить в новое для них образовательное пространство. Тем не менее после сдачи первой зачетно-экзаменационной сессии можно ожидать, что изменения в содержании всех слоев образа мира как-то проявятся в их поведении.

Принимая в целом объяснительную схему А. Н. Леонтьева [8], согласно которой существуют 3 компонента (слоя) образа мира (чувственная ткань, семантический слой и ядерный слой), мы попытались определить, какие изменения в структурах образа мира происходят у курсантов в наиболее сложный период вхождения в организационную культуру военного вуза, а именно, в течение первого года обучения. Если использовать структуру образа мира, заявленную в классической работе А. Н. Леонтьева [8], то можно отметить различие в способах фиксации происходящих изменений. В срединном – семантическом слое образа мира – они могут фиксироваться на основе данных балльно-рейтинговой шкалы и текущей академической успеваемости. В прочих слоях они могут выявляться по-разному.

Если чувственная ткань проявляет себя в поведенческом (поступочном) звене, что может регистрироваться по итогам наблюдения, то изменения ценностных ориентаций в ядерном слое образа мира могут не рефлексироваться субъектом обучения. В этом плане представляет интерес их наличие в качестве значимых для личности и соответствие тем установкам, которые должны соответствовать организационной культуре будущего офицера Росгвардии.

Сознательно отодвигая на второй план изменения семантического слоя, так как их можно на этом этапе фиксировать по-разному, в том числе анализируя динамику учебной мотивации и результаты академической успеваемости (до и после первой сессии), мы сосредоточились на выявлении изменений в основе ядерного слоя образа мира – иерархии ценностных ориентаций. Проявление динамики в чувственной ткани мы фиксировали также, поскольку полагали, что, через особенности вербальной самооценки, они будут свидетельство-

вать об изменениях в самопрезентации и образе «Я». Мы учитывали также тот достаточно известный факт, что школа провоцирует формирование не мотивации достижения, а мотивации избегания. Соответственно, и самооценка молодых людей не может быть в период адаптации к новой образовательной среде гарантированно стабильной и адекватной.

Эмпирическая часть исследования выполнялась в феврале 2023 года. Группу респондентов составили курсанты 1 года обучения психологической специальности (25 юношей в возрасте от 18 до 23 лет). В качестве диагностического инструментария использовались методики «Вербальная диагностика самооценки личности» [21, С. 48–49] и «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности (С. С. Бубнова)» [21, С. 26–28].

Результаты и обсуждение

По данным, полученным на основе диагностики вербальной самооценки, можно отметить (среднее значение составляет 39 баллов), что при среднем ее уровне выявляется тенденция к ее снижению. Последнее не удивительно, так как связано с незавершенностью адаптационного периода к организационной культуре военного вуза. Не исключены и довольно сильные эмоциональные переживания по итогам первой зачетно-экзаменационной сессии.

Данные по методике С. С. Бубновой тоже были предсказуемыми. Первое место в иерархии отведено таким ценностным ориентациям, как «приятное времяпровождение и отдых». Интересно, что оппозиционной ценности – материальному благосостоянию – выявлена слабая корреляционная связь (коэффициент корреляции равен 0,01). Это можно трактовать двояко: а) как следствие невысокой профессиональной и финансовой грамотности; б) как рецидив «подростнического» самоотношения. К сожалению, зафиксирована также слабая связь самооценки (коэффициент равен – 0,38) с ценностной ориентацией «наслаждение прекрасным». Как и ожидалось, установлена значимая корреляционная связь показателей вербальной самооценки и «стремления получать любовь окружающих и любви к себе» (в обоих случаях значение коэффициента равно 0,38).

Тревожит тот факт, что, при хорошей академической успеваемости первокурсников-психологов, выявлена отрицательная связь между самооценкой и познавательной активностью. В литературе этот факт не имеет однозначного объяснения, но это вы-

глядит как тревожный симптом на фоне выраженной ценности, связанной со стремлением к высокому социальному статусу, приобретением каких-либо льгот и власти.

Довольно точно определяется отношение курсантов к такой ценности, как общение со сверстниками. Испытывая выраженную потребность во внимании со стороны других людей, они не готовы к конструктивному его использованию. Так, установлена средняя отрицательная связь между вербальной самооценкой и стремлением юношей к общению, социальной активности. Как в этом случае, так и в следующем, коэффициент корреляции равен -0,4, т. е. и ценностная ориентация «здоровье» пока не занимает того места, которое можно было бы определить, как «достойное» (т. е. соотносимое с типом профессии). Как правило, на предвыпускном и выпускном курсах ценность «здоровье» находится в верхней трети иерархии, поскольку военнотружущие уже имеют соответствующий опыт и отдают себе отчет о необходимости поддержания соматического здоровья на уровне, соответствующем задачам профессионализации.

Заключение

Субъективные отчеты курсантов, полученные при проведении индивидуальных бесед, подтвердили предположение о

необходимости изменения отношения к организации психологического сопровождения динамики образа мира на младших курсах военного вуза. Не принижая значимости учебно-академической успешности, следует обратить особое внимание на снижение остроты противоречия первоначальной картины мира и реальной, трансформирующейся под влиянием образовательной среды военной образовательной организации высшего образования. При этом наименее предсказуемым является «поведение» внешнего и центрального слоев образа мира. Это может привести к неправомерному суждению курсанта об ошибочности своего первичного профессионального самоопределения и прекращению обучения. Тем самым на первые роли выходит воспитательная работа офицерско-преподавательского состава кафедр, в процессе которой будут разъясняться основные положения организационной культуры и организовываться такие формы учебно-воспитательной работы, которые способствуют повышению самооценки и трансформации иерархии ценностных ориентаций в направлении, при котором задачи профессионализации и решение задач служебно-боевого характера будут закреплять профессионально важные качества будущего офицера.

Список источников

1. Аксенова Ю. А. Символы мироустройства в сознании детей. М. : Деловая Книга, 2013. 738 с.
2. Баранов А. А. Самооценка академических достижений в экзаменационной ситуации и личностные особенности студентов возрастного периода молодости / А. А. Баранов, О. Н. Малахова, О. А. Жученко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12. Вып. 2 (46). С. 102–113.
3. Габрунер М. В. Детская картина мира: образоват. программа для детей мл. дошк. возраста / М. В. Габрунер, В. В. Соколовская, Т. М. Чурекова. Кемерово: Кемер. обл. ин-т усовершенствования учителей, 2000. 162 с.
4. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М. : Прогресс, 1983. 302 с.
5. Климов Е. А. О феномене профессиональной относительности образа мира // МГУ. Серия «Психология». 1995. № 1. С. 8–18.
6. Кон И. С. Психология ранней юности: книга для учителя. М. : Просвещение, 1989. 254 с.
7. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / пер. с фр. под ред. проф. В. К. Никольского и А. В. Кисина. М. : Атеист, 1930. 337 с.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1977. 304 с.
9. Лурия А. Р. Язык и сознание. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. 336 с.
10. Мухина В. С. Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. М., 1981. 240 с.
11. Обухова Л. Ф. Концепция Пиаже: за и против. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 191 с.
12. Одаренные дети / общ. ред. Г. В. Бурменской, В. М. Слущкого. М. : Прогресс, 1991. 380 с.
13. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 2-е изд. СПб. : Питер, 2000. 277 с.
14. Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник МГУ. Серия «Психология». 1984. № 4. С. 13–21.

15. Пушкин А. С. Капитанская дочка. М. : Детская литература, 1982. 110 с.
16. Серкин В. П. Изменения образа мира, образа жизни и представлений о себе при переживании экстремальной ситуации: новые эмпирические данные и рекомендации // Психологическая безопасность личности в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сборник научных статей V Международной научно-практической конференции / под ред. Р. В. Кадырова. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2015. С. 322–334.
17. Терехин Р. А. Взаимосвязь интеллектуальных способностей, социального интеллекта и готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач / Р. А. Терехин, А. С. Турчин // Вестник государственного университета просвещения. Серия: психологические науки. 2023. № 3. С. 23–39.
18. Турчин А. С. Педагогическая психология: учебное пособие (по программе дополнительного профессионального образования) / А. С. Турчин, А. А. Дьячков. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2020. 108 с.
19. Тхостов А. Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1993. № 1. С. 3–16.
20. Улыбина Е. В. Психология обывденного сознания. М. : Смысл, 2001. 263 с.
21. Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. М. : Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с.
22. Фроловская М.Н. Профессиональный образ мира как универсалия педагогической культуры // Известия Алтайского университета. 2010. № 2 (2). С. 18–25.
23. Ханина И. Б. Образ мира и профессиональный мир // Мир психологии. 2009. № 4. С. 179–187.
24. Чуприкова Н.И. Умственное развитие и обучение: к обоснованию системно-структурного подхода). М. : МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. 320 с.
25. Шмелев И.М. Образ мира субъекта как предмет психологического исследования // Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пенза – Ереван – Колин: Социосфера, 2012. С. 14–20.
26. Kruschel H. Zur didaktisch-methodischen Gestellung des theoretischen Erkenntnes. Wissenschaftliche Zeitschrift Der Pädagogischen Hochschule. «Liselotte Hermann». Gustrow, 1980. H. 2. S. 153–165.
27. Mehlhorn H., Mehlhorn H.-G. Untersuchungen zur Schöpferischen Denken bei Schülern, Lehrlingen und Studenten // Beiträge zur Pädagogik. Berlin, 1982. Bd. 27. 248 s.
28. Piaget J. Einführung in die Genetische Erkenntnistheorie. 1. Aufl. Frankfurt a.M. Suhrkamp, 1973. 103 S.
29. Redfield R. The social organization of tradition // Redfield R. Peasant society and culture: An anthropological approach to civilization. Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1956. P. 67–104.
30. Zur Stellung, Funktion, Gestaltung und zum Einsatz von gedruckten Lehr- Lernmitteln, Studienliteratur, in der Hochschulausbildung. T. 11 / Unter der Leitung von N. F. Talysina und W. Graf. VEB, Berlin, 1977. 60 S.

References

1. Aksenova Yu. A. Simvoly miroustrojstva v soznanii detej. Moscow: Delovaya Kniga, 2013. (In Russ.).
2. Baranov A. A., Malahova O. N., Zhuchenko O. A. Self-assessment of academic achievements in the examination situation and personal characteristics of students of the youth age period. In: Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya. 2023. Vol. 12. Vyp. 2 (46): 102–113. (In Russ.).
3. Gabruner M. V., Sokolovskaya V. V., Churekova T. M. Detskaya kartina mira. Kemerovo: Kemer. obl. in-t usovershenstvovaniya uchitelej, 2000. (In Russ.).
4. Kliks F. Probuzhdayushcheesya myshlenie. U istokov chelovecheskogo intellekta. Moscow: Progress, 1983. (In Russ.).
5. Klimov E. A. About the phenomenon of professional relativity of the image of the world. In: MGU. Seriya «Psihologiya». 1995;1: 8–18. (In Russ.).
6. Kon I. S. Psihologiya rannej yunosti: kniga dlya uchitelya. M. : Prosveshchenie, 1989. (In Russ.).
7. Levi-Bryul' L. Pervobytnoe myshlenie. Moscow: Ateist, 1930. (In Russ.).
8. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. Moscow: Politizdat, 1977. (In Russ.).
9. Luriya A. R. Yazyk i soznanie. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1998. (In Russ.).
10. Muhina V. S. Izobrazitel'naya deyatel'nost' rebenka kak forma usvoeniya social'nogo opyta.

Moscow, 1981. (In Russ.).

11. Obuhova L. F. Konceptsiya Piazhe: za i protiv. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981. (In Russ.).
12. Burmenskaya G. V., Sluckij V. M. (eds.) Odarennye deti. Moscow: Progress, 1991. (In Russ.).
13. Osorina M. V. Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh. Saint-Petersburg: Piter, 2000. (In Russ.).
14. Petuhov V. V. The image of the world and the psychological study of thinking. In: Vestnik MGU. Seriya «Psihologiya». 1984;4: 13–21. (In Russ.).
15. Pushkin A. S. Kapitanskaya dochka. Moscow: Detskaya literatura, 1982. (In Russ.).
16. Serkin V. P., Kadyrov R. V. Izmeneniya obraza mira, obraza zhizni i predstavlenij o sebe pri perezhivanii ekstremal'noj situacii: novye empiricheskie dannye i rekomendacii. In: Psihologicheskaya bezopasnost' lichnosti v ekstremal'nyh usloviyah i krizisnyh situacijah zhiznedeyatel'nosti. Vladivostok: Mor. gos. un-t, 2015: 322–334. (In Russ.).
17. Terekhin R. A., Turchin A. S. Vzaimosvyaz' intellektual'nyh sposobnostej, social'nogo intellekta i gotovnosti voennosluzhashchih k vypolneniyu sluzhebno-boevykh zadach. In: Vestnik gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: psihologicheskie nauki. 2023;3: 23–39. (In Russ.).
18. Turchin A. S., D'yachkov A. A. Pedagogicheskaya psihologiya: uchebnoe posobie (po programme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya). Saint-Petersburg: Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2020. (In Russ.).
19. Thostov A. Sh. Bolezn' kak semioticheskaya sistema. In: Vestnik MGU. Ser. 14. Psihologiya. 1993;1: 3–16. (In Russ.).
20. Ulybina E. V. Psihologiya obyden'nogo soznaniya. Moscow: Smysl, 2001. (In Russ.).
21. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manujlov G. M. Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp. Moscow: Izd-vo Instituta Psihoterapii, 2002. (In Russ.).
22. Frolovskaya M.N. Professional'nyj obraz mira kak universal'iya pedagogicheskoy kul'tury. In: Izvestiya Altajskogo universiteta. 2010;2 (2): 18–25. (In Russ.).
23. Hanina I. B. Obraz mira i professional'nyj mir. In: Mir psihologii. 2009;4: 179–187. (In Russ.).
24. Chuprikova N.I. Umstvennoe razvitie i obuchenie: k obosnovaniyu sistemno-strukturnogo podhoda). Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2003. (In Russ.).
25. Shmelev I.M. Obraz mira sub'ekta kak predmet psihologicheskogo issledovaniya. In: Gumanizaciya obucheniya i vospitaniya v sisteme obrazovaniya: teoriya i praktika. Penza – Yerevan – Kolin: Sociosfera, 2012: 14–20. (In Russ.).
26. Kruschel H. Zur didaktisch-methodischen Gestellung des theoretischen Erkenntnes. Wissenschaftliche Zeitschrift Der Pädagogischen Hochschule. «Liselotte Hermann». Gustrow, 1980. H. 2: 153–165.
27. Mehlhorn H., Mehlhorn H.-G. Untersuchungen zur Schöpferischen Denken bei Schülern, Lehrlingen und Studenten. In: Beiträge zur Pädagogik. Berlin, 1982. Bd. 27.
28. Piaget J. Einführung in die Genetische Erkenntnistheorie. 1. Aufl. Frankfurt a.M. Suhrkamp, 1973.
29. Redfield R. The social organization of tradition. In: Redfield R. Peasant society and culture: An anthropological approach to civilization. Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1956: 67–104.
30. Zur Stellung, Funktion, Gestaltung und zum Einsatz von gedruckten Lehr- Lernmitteln, Studienliteratur, in der Hochschulausbildung. T. 11 / Unter der Leitung von N. F. Talysina und W. Graf. VEB, Berlin, 1977.

Информация об авторах

А. С. Турчин – доктор психологических наук, профессор

Р. А. Терехин – кандидат психологических наук

Information about the authors

A. S. Turchin – Doctor of Sciences (Psychology), Professor

R. A. Terekhin – Candidate of Sciences (Psychology)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024;
одобрена после рецензирования 12.03.2024;

The article was submitted 11.03.2024;
approved after reviewing 12.03.2024;

Научная статья

УДК 372.881
EDN: OQCJJGПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ИНСТИТУТОВ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ВРАЖДЕБНОМУ ИНФОРМАЦИОННОМУ ВЛИЯНИЮ**Елена Александровна Емельянова¹, Марина Сергеевна Лавреева², Вера Александровна
Лангенштейн³**¹⁻³ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии,
Санкт-Петербург, Россия¹ emelena-17@yandex.ru² spig_lamar@mail.ru³ langvera@yandex.ru

Аннотация. Предметом статьи является проблема педагогического обеспечения готовности курсантов военных институтов противодействию враждебному информационному влиянию. На основании анализа нынешнего этапа международных отношений авторы делают вывод о перспективе длительного противостояния России и «глобального Запада», в котором обе стороны будут стремиться добиться победы не военным путем, а в сфере информационной. Следовательно, мы, как и весь мир, обречены на долгий срок глобального информационного противоборства. Одним из основных объектов информационного противоборства являются военнослужащие и системы военного управления. Поэтому важнейшей задачей Российской Федерации выступает обеспечение защиты военнослужащих от враждебного информационного воздействия. В статье раскрывается понятие готовности курсантов военных образовательных организаций высшего образования (далее – ВООВО) к противодействию враждебному информационному влиянию и задачи педагогического обеспечения ее формирования и развития. Авторы определяют понятие и сущность педагогического обеспечения готовности курсантов к противодействию враждебному информационному влиянию, а также структуру этого педагогического явления.

Ключевые слова: информационное противоборство, технологии информационного противоборства, готовность к противодействию информационному влиянию, педагогическое обеспечение готовности к противоборству враждебному информационному влиянию

Для цитирования: Емельянова Е.А., Лавреева М.С., Лангенштейн В.А. Педагогическое обеспечение готовности курсантов военных институтов противодействию враждебному информационному влиянию // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 167–177. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/017.pdf>. EDN: OQCJJG.

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Original article

PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE CADETS OF MILITARY INSTITUTIONS READINESS
TO COUNTERACT HOSTILE INFORMATION INFLUENCE**Elena A. Yemelyanova¹, Marina S. Lavreeva², Vera A. Langenshtein³**¹⁻³ Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg,
Russia¹ emelena-17@yandex.ru² spig_lamar@mail.ru³ langvera@yandex.ru

Abstract. The subject of the article is the problem of the pedagogical support of the cadets of military institutions readiness to counteract hostile information influence. Based on the analysis of the current stage of international relations, the authors conclude about the prospect of a long confrontation between Russia and the “global West”, in which both sides will strive to achieve victory

not by a military way, but in the field of information. Therefore, we, like the whole world, are doomed for a long time of global information confrontation. One of the main objects of information confrontation is military personnel and military management systems. Therefore, the most important task of the Russian Federation is to ensure the protection of military personnel from hostile information impact. The article reveals the concept of readiness of cadets of military educational organizations of higher education (further – МЕОHE) to counteract hostile information influence and the task of pedagogical support for its formation and development. The authors determine the concept and essence of the pedagogical support of the readiness of cadets to counteract hostile information influence, as well as the structure of this pedagogical phenomenon.

Keywords: information confrontation; information confrontation technologies; readiness to counteract information influence; Pedagogical support of readiness to confront hostile information influence

For citation: Yemelyanova E.A., Lavreeva M.S., Langenshtein V.A. Pedagogical support for the cadets of military institutions readiness to counteract hostile information influence. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 167–177. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/017.pdf>. EDN: OQCJJG.

© Емельянова Е.А., Лавреева М.С., Лангенштейн В.А., 2024

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что на нынешнем этапе развития международных отношений Россия вновь оказалась в эпицентре глобальных противоречий, вызванных стремлением государств «условного Запада» создать новый, подходящий для них, порядок мироустройства, в котором России, как и большинству стран, отводилось место поставщика ресурсов, поддерживающего любые шаги стран НАТО и ЕС. Попытки России отстоять свои глобальные интересы, вернуть утраченные позиции, которые СССР, где Россия являлась государствообразующей республикой, занимал в прошлом столетии, натолкнулись на крайне жесткую реакцию со стороны «глобального Запада» во главе с США. Однако, осознавая опасность прямого военного столкновения с Россией, государство, которое является не только ядерной державой, но и обладает мощным военным потенциалом в сфере обычного вооружения, ее оппоненты выбрали иную стратегию, позволяющую, по их мнению, реализовать свои замыслы иным путем, в сфере информационного противоборства. На острие информационного противоборства оказываются военнослужащие и системы военного управления. Поэтому одной из актуальных задач российского государства является создание мощного механизма, включающего в себя наиболее эффективные технологии информационного противодействия. В основе такого механизма должна быть педагогическая деятельность, направленная на формирование и развитие у военнослужащих личностных качеств, позволяющих успешно противостоять информационно-

психологическому воздействию со стороны враждебных государств.

Исследование педагогической литературы свидетельствует, что феномен готовности курсантов военных институтов к информационному противодействию являлся предметом исследования в целом ряде публикаций. Гораздо реже встречаются публикации, в которых рассматривались педагогические аспекты развития готовности курсантов военных институтов к информационному противоборству. В то время как наблюдается необходимость в вооружении преподавателей, командиров ВООВО Росгвардии подобного рода знаниями и методиками.

В связи с этим цель статьи состоит в том, чтобы раскрыть понятие педагогического обеспечения готовности курсантов военных институтов к противодействию враждебному информационному влиянию, определить его сущность и структуру, положив начало более глубокому изучению данного педагогического феномена.

Методология и методика исследования

Методологическими основаниями исследования выступают диалектический метод познания, ориентирующий на изучение объекта исследования в развитии и взаимосвязи с другими явлениями, а также системный, деятельностный и аксиологический подходы.

Системный подход, обоснованный в теориях и концепциях зарубежных и отечественных ученых (И. В. Блауберг, М. С. Каган, Л. И. Новикова, А. В. Петровский, Э. Г. Юдин, Д. Парсонс, Л. Бертаданфи и др.), обусловил необходимость рассмотрения деятельности по педагогическому обеспечению готовности курсантов к противодействию враждебному информаци-

онному влиянию как педагогическую систему, представляющую собой совокупность взаимосвязанных компонентов, целью которой является формирование и развитие у курсантов заданных качеств.

Деятельностный подход (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. В. Сериков и др.) в изучении педагогического обеспечения готовности курсантов к противодействию враждебному информационному влиянию ориентирует на исследование данного феномена как психолого-педагогического процесса, обусловленного мотивацией, целеполаганием, имеющего свой предмет и последовательность действий, направленного на преобразование этого предмета до уровня прогнозируемого продукта. Таким продуктом в данной деятельности является готовность курсантов к информационному противоборству.

Аксиологический подход, ключевым понятием которого являются ценности личности (Б. С. Брушлинский, В. А. Сластенин, В. М. Розин, П. Г. Щедровицкий), обосновывает необходимость формирования и развития у курсантов государственно-патриотических ценностей, как фундаментальной морально-психологической основы, обеспечивающей устойчивость по отношению к информационно-психологическому воздействию, оказываемому со стороны верного противника.

В ходе изучения объекта исследования использовались:

теоретические методы: теоретический анализ на основе изучения философской, психологической, социологической, культурологической, педагогической литературы; сравнительно-исторический и логический анализ; ретроспективный анализ собственной социально-педагогической и управленческой деятельности;

эмпирические методы: изучение и обобщение передового педагогического и управленческого опыта; беседы с преподавателями и командирами; беседы с курсантами; беседы с учеными, исследовавшими проблемы информационного противоборства.

Результаты исследования. Основные положения

Учитывая степень напряженности и глубину противоречий, возникших и развивающихся между наиболее развитыми странами мира (Россия – НАТО, ЕС; Китай – США; Израиль – арабский мир), можно предполагать, что в ближайшие десятилетия большинство стран окажутся втянутыми

в длительные конфликтные отношения, которые будут реализовываться в формате так называемой «гибридной войны». Хотя применять термин война в данном случае не всегда оправдано. Термин «гибридная война» описывает новую форму противоборства, сочетающую в себе как способы вооруженной борьбы, так и способы невооруженной борьбы. Это могут быть экономические, дипломатические методы силового воздействия (санкции, демарши, попытки дипломатической изоляции, исключение из международных организаций), способы ограничения культурного, спортивного пространства страны противника (запрет на культурные контакты, на участие в соревнованиях и т. д.). В случаях, когда оппонент значительно уступает в силовых возможностях, могут использоваться формы противодействия, связанные с применением вооруженной силы (бомбардировки, транспортная блокада, вооруженное вторжение и т. д.). Особенность заключается в том, что в гибридном конфликте отсутствуют временные и пространственные ограничения и интервалы. Там нет понятий фронт и тыл, нет перерывов и интервалов. И одной из важнейших особенностей гибридного конфликта является включенность информационного компонента на всех этапах, на всем пространстве и во всех способах противодействия. Можно утверждать, что информационное противоборство выступает сердцевинной, ключевым феноменом гибридного конфликта. Любой конфликт начинается и заканчивается в информационной сфере. Это означает, что в ближайшей и дальнейшей перспективе Россия должна быть готова к полноценному участию в затяжном гибридном конфликте и, прежде всего, информационному противоборству.

В последние десятилетия в научный оборот прочно вошли понятия «информационное противоборство» и «информационная война». В научной литературе понятие «информационное противоборство» имеет различные дефиниции, но, по сути, большинством исследователей рассматривается как конкурирующее информационное противодействие сторон, ориентированное на достижение превосходства в информационно-коммуникативном пространстве, проявляющегося в овладении объектами информационного ресурса противоположной стороны и одновременной защите собственного ресурса, в целях обеспечения полного или преимуществен-

ного обладания/контроля над источниками сырья и рынками сбыта [1, 2, 3].

Информационное противоборство может осуществляться в различных формах, самой острой из которых является информационная война. Можно согласиться с точкой зрения Д. П. Гавры, который отмечает, что противоборство в информационной сфере переходит в форму войны, когда одна из сторон отказывается от ограничений в выборе форм и методов воздействия на противника и из всех видов информационного оружия выбирает самые разрушительные, направленные на полную деморализацию противостоящей стороны [4]. При этом необходимо отметить, что информационная война не может длиться долго в связи с тем, что:

а) методы, применяемые в информационной войне, слишком разрушительны и наносят значительный ущерб отношениям государств, влияя тем самым на экономику и социальную сферу, что, в конечном итоге, тормозит развитие государств участников информационной войны;

б) методы информационной войны, как и любой войны, хоть и не столь разрушительны, но тоже затратны.

Поэтому в информационном противоборстве стороны будут использовать не столь разрушительные, но тоже достаточно действенные методы воздействия на информационные и психологические ресурсы противника.

Информационное противоборство, как и любой другой вид конфликта, имеет свой объект. Объектом информационного противоборства выступает любой объект, в отношении которого возможно осуществление информационного воздействия, т. е. он может принимать, оценивать и интерпретировать информацию. Результатом такого воздействия должна быть модификация свойств объекта как информационной системы [5]. В качестве объектов информационного противостояния могут выступать: массовое и индивидуальное сознание граждан; социально-политические системы; информационная инфраструктура. Среди объектов информационного противодействия особое место занимают социальные системы, предназначенные для ведения вооруженной борьбы, к которым относятся практически все силовые структуры любого государства.

Современный арсенал форм, средств и способов враждебного информационно-психологического воздействия на население нашей страны, органы управления и личный

состав силовых структур, в том числе курсантов военных институтов, достаточно широк и постоянно пополняется все новыми и новыми технологическими приемами, и методами, появление которых обусловлено социальной и коммуникативной ситуацией, а также достижениями в социологии, коммуникологии, психологии и других научных дисциплинах и практиках. Среди технологий, которые в настоящее время активно используются странами НАТО в целях информационно-психологического воздействия на население и военнослужащих, противостоящих им, или нейтральных государств, необходимо, прежде всего, выделить технологии и методы, доказавшие свою эффективность и применяющиеся достаточно активно поныне.

Технологии информационного вброса представляют собой блок специально подобранной информации, стимулирующей объект информационного воздействия на совершение немедленных ответных действий. Это может быть любая информация, способная вывести объект из состояния равновесия и побудить к совершению необдуманных действий [7]. В этом ключе в последние годы часто используется метод «фейков», распространение заведомо ложных сообщений (под видом достоверных), которые способны нанести ущерб психике граждан, социальной жизни и инфраструктуре общества.

Технологии «мягкой силы», основанные на привлекательности тех или иных идей, ценностей, способных притягивать других (политические, культурные, потребительские и т. д.).

Технология «окно Овертона» опирается на идею расширения «окна возможного», превращения недопустимых в политике и общественном сознании идей в допустимые, общепринятые. Эта технология позволяет самые изувещиваемые идеи в общественном сознании превратить в обыденные.

Технология «ценностной инверсии» направлена на разрушение связи времен, межпоколенной оценки смысла жизни, радикальную переоценку всех аспектов социального бытия. Она может дополняться десимволизацией, предполагающей замену идеалов, символов прошлого поколения новыми, отвечающими интересам инициатора этого процесса. В эту матрицу очень четко вписываются процессы «декоммунизации», «десоветизации», которые в последующем переросли в «деруссификацию» в странах Прибалтики, Польше, а затем и в Украине.

Технология дегероизации относится к группе предыдущих технологий. Она ориентирована на выхолащивание духовной значимости, принижение подвига представителей предыдущих поколений, совершивших героические поступки, приписывание этим людям низменных мотивов, введение элемента случайности, обесценивание подвига представлением его как результата ошибок руководителей. Тем самым инициаторы применения данной технологии пытаются решить задачу по изъятию из системы ценностей населения страны-мишени и, прежде всего, подрастающего поколения идеала, образца поведения и внедрению на их место кумиров, образцов подражания, соответствующих интересам коммуникатора. К этой же группе можно отнести технологию десакрализации, которая также ориентирована на разрушение и деформацию сложившейся системы взглядов, оценок и установок личности и основана на обесценивании явлений и обычаев (идеологических, религиозных, нравственных и т. д.), которые находятся в ряду священных для индивида [8].

А. В. Беляев выделяет технологию бинарного декодирования, смысл которой заключается в достижении изменения смысловых акцентов в оценке людей и событий. Для нашей страны это особенно актуально, потому что продолжается идеологическое противостояние условных «красных» и «белых». Бинарный способ предполагает определение социальной реальности через противопоставление двух противоречащих позиций: «друг – враг»; «чужой – свой» и т. д. Меняются оценки событий и героев Гражданской войны и в этом контексте появляются в качестве образцов подражания люди, которые были врагами или/и откровенными предателями Родины (например, осуществляются попытки сделать героем генерала Власова). То есть, если ты воевал против большевиков, значит, делал правильно. На пьедестал возводятся такие одиозные личности, как К. Маннергейм, П. Краснов, А. Колчак и т. д. [9].

Среди наиболее распространенных можно назвать технологию фальсификации, представляющей собой умышленное искажение фактов. Это достигается при помощи следующих методов: подделка архивных документов; прямое измышление; введение новых понятий, искажающих суть явления (нацистско-советская война, т. е. война двух режимов); умолчание (победу во Второй мировой войне одержали США и Великобритания); односторонний подбор фактов (фактографическая фальсификация) и т. д.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации в числе основных направлений деятельности в области обороны страны указываются: совершенствование системы обеспечения информационной безопасности Вооруженных сил Российской Федерации, других войск и органов, включающей в себя силы и средства информационного противоборства; нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества [6].

Курсанты военных образовательных организаций высшего образования Росгвардии представляют собой одну из наиболее значимых и в какой-то степени уязвимых целей для враждебного информационно-психологического воздействия. Значимость курсантов обусловлена их социальным статусом, как будущих военных специалистов, реализующих задачи по обороне государства, а уязвимость – маргинальным социально-психологическим статусом, как людей, находящихся на стыке разных социальных групп и сохраняющих мышление, привычки, ментальность предыдущей группы, вчерашних школьников. Необходимо понимать, что в современной средней школе образовательный процесс реализуется по-разному, в зависимости от состава преподавателей, социальной среды и т. д. Это значит, что в ВООВО Росгвардии могут поступать недостаточно зрелые выпускники школ, с не сложившимся мировоззрением, с пагубными привычками, ценностными ориентирами, которые не всегда связаны с задачами служения Родине. Отсюда вытекает одна из основных задач системы высшего военного образования, которая заключается в подготовке военного специалиста, способного уверенно противостоять враждебным для интересов страны информационно-психологическим воздействиям со стороны любого государства. Речь идет о необходимости формирования компетенции готовности курсантов к противодействию враждебному информационно-психологическому влиянию.

Большинство отечественных исследователей считает готовность к деятельности не врожденным качеством, а результатом профессиональной подготовки, синтезом свойств личности, определяющих ее пригодность к деятельности, интегральным свойством личности, формирование которого обусловлено знаниями, умениями, навыками [13]. Опираясь на сложившиеся в науке

позиции, можно предположить, что под готовностью курсантов к противодействию враждебному информационному влиянию следует понимать комплексное психическое образование, интеграцию качеств личности курсанта, обеспечивающих высокую степень морально-психологической устойчивости и мобилизованности на выполнение профессиональных задач в условиях информационно-психологического воздействия со стороны противника.

М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович исходили из того, что готовность к деятельности содержит в себе не только установки на определенные формы реагирования, но и модели наиболее вероятного поведения, осознание задач, выделение оптимальных способов действия, оценку своего потенциала в соответствии предстоящими требованиями определенного результата [14]. Следовательно, мотивационно-целевой компонент готовности представляет собой совокупность устойчивых мотивов, ценностных ориентаций и установок личности курсантов, как предрасположенности к негативному восприятию враждебной информации, мобилизованности к активным действиям по защите духовных ценностей своей страны и народа.

Когнитивный компонент характеризует готовность курсантов как способность, на базе сформированных знаний и умений, осуществлять анализ воспринимаемой информации, формировать объективную картину мира, выявлять недобросовестные, манипулятивные методы и приемы, давать им объективную критическую оценку.

Операционально-деятельностный компонент проявляется в жизненной позиции курсантов, мобилизованности и способности к осуществлению активных действий по борьбе с провокационной информацией. Он включает совокупность умений осуществлять аргументированное, убеждающее воздействие на партнеров по коммуникативному взаимодействию, связанное с разоблачением

Формирование и развитие готовности курсантов к противодействию враждебному информационно-психологическому влиянию является одной из приоритетных задач ВООВО. Решение этой задачи требует всестороннего педагогического обеспечения. А. И. Тимонин рассматривал педагогическое обеспечение как специфическую педагогическую деятельность по «управлению функционированием и развитием системной совокупности ресурсов (личностных, институциональных, средовых), привлекае-

мых для осуществления процесса формирования личностно-профессиональной позиции индивида, которая предполагает определение функционального назначения каждого ресурса, установление взаимосвязей их функций в определенных организационно-педагогических формах» [15]. При этом под личностными ресурсами понимаются жизненный и социальный опыт, личностные качества курсантов, профессиональная направленность. Институциональные ресурсы рассматриваются, прежде всего, как образовательная программа вуза, мастерство педагогов и применяемые педагогические технологии. Ключевым понятием ресурсов среды, по мнению исследователя, выступает образовательная среда вуза [15].

Характеризуя педагогическое обеспечение, исследователи этого феномена подчеркивают, что оно предполагает выявление функциональности каждого конкретного ресурса, установление функциональных взаимосвязей, проявляющихся в заданных организационно-педагогических условиях [16].

Педагогическое обеспечение профессионализации курсантов может быть представлено как особый вид профессионально-педагогической деятельности, направленный на актуализацию и активизацию образовательных ресурсов с целью обеспечения эффективного решения образовательных задач. Педагогическое обеспечение профессионализации курсантов рассматривается как в контексте ресурсного подхода, так и через совокупность педагогических условий реализации данного процесса. С позиции ресурсного подхода педагогическое обеспечение целесообразно рассматривать как управление функционированием и развитием системой совокупности ресурсов, привлекаемых для осуществления образовательных задач [17].

Применительно к образовательной системе ВООВО Росгвардии педагогическое обеспечение развития готовности курсантов к противодействию враждебному информационно-психологическому влиянию предполагает создание и эффективное управление педагогической системой, включающей совокупность взаимосвязанных личностных, образовательно-педагогических и средовых ресурсов, направленное на достижение педагогической цели, заключающейся в формировании мотивационной направленности и способности курсантов самостоятельно

осуществлять критический анализ и аргументированное противодействие любым провокационным, недобросовестным информационным воздействиям как государств потенциальных противников, так и представителей внутренней оппозиции.

К основным принципам педагогического обеспечения развития готовности курсантов к противодействию враждебному информационно-психологическому влиянию целесообразно отнести: принцип целенаправленности; принцип комплексности; принцип гибкости. Целенаправленность предполагает, что вся совокупность педагогических влияний будет пронизана поставленной целью. Ведущим требованием принципа комплексности выступает требование сочетания, применяемых педагогических технологий во всех условиях образовательной среды военного института. Необходимость гибкости обусловлена меняющейся педагогической ситуацией и предусматривает способность преподавателей и командиров применять более эффективные инновационные педагогические методы и способы, смелее отказываться от отживших, устаревших технологий.

Особенностью ВООВО Росгвардии является ее интегративность, связность всех компонентов, позволяющая им существовать как целостной системе и способность обмениваться информацией и деятельностью с внешней средой, и внутренними компонентами. Основными сферами образовательной среды военного института являются учебный процесс; служебно-боевая деятельность и бытовая внеучебная жизнедеятельность, включающая досуг курсантов. Каждая из перечисленных сфер содержит в себе значительный потенциал для актуализации и активизации ресурсов по развитию у курсантов качеств, позволяющих осуществлять эффективное противодействие враждебному информационному влиянию.

Ключевую роль в педагогическом обеспечении готовности курсантов к противодействию враждебному влиянию играет учебный процесс, в котором опытные педагоги помогают курсантам овладеть необходимым объемом знаний и умений, позволяющих ориентироваться в потоке информации, формировать верные оценочные суждения, выстраивать логику рассуждений относительно происходящих событий в стране и за рубежом и интерпретации этих событий. Цель педагогического обеспечения заключается в том, чтобы создать условия для успешной реализации

задач в учебном процессе военного института, связанных с формированием и развитием готовности у курсантов к противодействию враждебному влиянию. Эта цель может быть достигнута:

- ориентированием профессорско-преподавательского состава на постоянное развитие во время занятий у курсантов ценностей патриотизма, верности воинскому долгу, как фундаментального ценностного основания, обеспечивающего готовность курсантов к противодействию враждебному информационному влиянию;

- внедрением в учебно-образовательный процесс педагогических технологий, приемов и методов, направленных на формирование и развитие у курсантов качеств, позволяющих осуществлять успешное противодействие информационно-психологическому влиянию антироссийской пропаганды;

- оснащением военных институтов методическими материалами, учебными пособиями, монографиями, в которых излагаются содержание и смысл противодействия враждебному информационному влиянию, а также опыт педагогической деятельности по развитию готовности обучающихся противодействию такому влиянию;

- широкое использование в учебном процессе методов и технологий интерактивного обучения, способствующих развитию у курсантов критического мышления и умений самостоятельно находить правильные ответы в ситуациях мощного, манипулятивного информационно-психологического воздействия;

Педагогическое обеспечение развития у курсантов готовности к противодействию враждебному информационному влиянию предполагает создание образовательной среды военного института, в которой учебно-образовательный процесс гармонично, непротиворечиво дополняется педагогическим взаимодействием командиров с курсантами в условиях внеучебной деятельности в бытовой, досуговой обстановке. Это взаимодействие в условиях быта и досуга способствует раскрытию воспитательного потенциала образовательной среды военного института, расширению его возможностей, включению в процесс воспитания эмоциональной составляющей, обогащению опытом взаимодействия с представителями научной общественности, ветеранами, специалистами контрпропаганды и т. д.

К числу основных направлений активизации ресурсов образовательной среды

ВООВО по развитию готовности курсантов к противодействию враждебного информационного влияния можно отнести:

– создание эффективной внутренней среды военного института и внешней среды социума, способствующей гражданскому и государственно-патриотическому воспитанию курсантов, формированию активной жизненной позиции, готовности в любых условиях защищать интересы своего государства. Такое взаимодействие обеспечивается комплексом мероприятий, включающих посещение мест боевой славы, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и боевых действий, встречи с учеными, политиками, патриотически настроенными работниками культуры, участие в городских мероприятиях, связанных с празднованием знаменательных событий в истории нашей страны, участие в диспутах, дебатах, семинарах, в ходе которых осуществляется обсуждение наиболее значительных событий в России и за рубежом и т. д.;

– педагогическое наполнение образовательной среды военного института специальным укладом, образом жизни [18]. Педагогическое наполнение образовательной среды реализуется, прежде всего, через систему межличностных и групповых взаимоотношений в воинских коллективах военных институтов. Особое значение приобретает процесс формирования курсантских коллективов, в которых стержневыми, сплачивающими факторами выступают верность боевым традициям армии и флота, преданность Родине, морально-психологическая готовность выступить на защиту интересов своей страны. Формированию таких отношений в курсантских коллективах способствуют: личный пример командиров; строгий уставной порядок; высокий уровень организации служебной деятельности; коллективное участие в мероприятиях патриотической направленности; создание морально-психологической атмосферы в курсантских коллективах, оказывающей позитивное влияние на сознание личности каждого курсанта. Это достигается максимальным использованием групповых форм воспитательной работы (обсуждение актуальных проблем внутренней и внешней политики на собраниях воинских коллективов; коллективный просмотр и обсуждение учебных и художественных фильмов; организация мастер-классов с представителями СМИ, посвященных борьбе с враждебной пропагандой; участие в социальных проектах, волонтерской деятельности и т. д.);

– эффективное использование инфраструктурных объектов военных институтов как для развития системы государственно-патриотических ценностей курсантов, так и для оказания помощи в противодействии враждебному информационно-психологическому влиянию. К основным инфраструктурным объектам можно отнести: музеи истории и боевой славы военных институтов; комнаты отдыха; наглядное оформление аудиторий, кабинетов и территории; деятельность научных обществ, факультативов, использование возможностей стенных газет и т. д.

Заключение

Таким образом, современная геополитическая ситуация характеризуется стремлением ведущих игроков на политической арене реализовывать конфронтационную стратегию, тяжесть которой все более перемещается в сферу информационного противодействия. Одним из основных объектов информационно-психологического воздействия со стороны государств, являющихся вероятным противником России, выступают, прежде всего, военнослужащие и системы военного управления. Курсанты ВООВО Росгвардии в силу ряда причин достаточно уязвимы для информационного оружия вероятного противника. Поэтому одной из ведущих задач профессорско-преподавательского состава и командиров ВООВО является формирование и развитие готовности курсантов к противодействию враждебному информационному влиянию.

Под готовностью курсантов к противодействию враждебному информационному влиянию следует понимать комплексное психическое образование, совокупность качеств личности курсанта, обеспечивающих высокую степень морально-психологической устойчивости и мобилизованности на выполнение профессионально-боевых задач в условиях информационно-психологического воздействия со стороны противника.

Решение задачи формирования готовности курсантов военных институтов к противодействию враждебному информационному влиянию требует всестороннего педагогического обеспечения. Применительно к образовательной системе ВООВО Росгвардии педагогическое обеспечение готовности курсантов к противодействию враждебному информационно-психологическому влиянию предполагает создание и эффективное управление педагогической системой, включающей совокупность взаимосвяз-

занных личностных, образовательно-педагогических и средовых ресурсов, направленных на формирование мотивации и способности курсантов самостоятельно осуществлять критический анализ и аргументированное противодействие любым провокационным, недобросовестным информационным воздействиям как государств потенциальных противников, так и представителей внутренней оппозиции.

К основным принципам педагогического обеспечения готовности курсантов к противодействию враждебному информационно-психологическому влиянию целесообразно отнести: принцип целенаправленности; принцип комплексности; принцип гибкости. Реализация этих принципов в практической деятельности позволит успешно достичь поставленной педагогической цели.

Список источников

1. Резник А. Н. Информационное противоборство в условиях вооруженного конфликта: Содержание, технологии, тенденции: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Резник Андрей Николаевич. М., 2004. 32 с.
2. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях. М. : Изд-во МИФИ, 2003. 388 с.
3. Расторгуев С. П. Информационная война. М. : Радио и связь, 1999. 416 с.
4. Гавра Д. П. Информационное противоборство: современное понимание, характеристики, подходы к междисциплинарному познанию // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 29. С. 10–17.
5. Рощупкин В. Г. Международные информационно-психологические конфликты: учебное пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2023. 168 с.
6. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.
7. Манойло А. В. Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия / А. В. Манойло, Е. Пономарева // Обозреватель Observer. 2019. № 2(349). С. 5–18.
8. Кафтан В. В. Деконструкция Российской ценностной системы как социогуманитарная практика информационной войны // Гуманитарные аспекты обеспечения информационной безопасности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: материалы межвузовского круглого стола. М. : Военный университет Министерства Обороны Российской Федерации. 2020. С. 15–27.
9. Беляев А. В. Образ врага как основа насильственных технологий современного информационного противоборств // Гуманитарные аспекты обеспечения информационной безопасности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: материалы межвузовского круглого стола. М. . Военный университет Министерства Обороны Российской Федерации. 2020. С. 73–81.
10. Бельков О. А. О методологии противодействия фальсификации истории Великой Отечественной войны // Гуманитарные аспекты обеспечения информационной безопасности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: материалы межвузовского круглого стола. М. : Военный университет Министерства Обороны Российской Федерации. 2020. С. 120–129.
11. Манойло А. В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения фейковых новостей // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. С. 75–107.
12. Морозов А. В. Психология информационной провокации // Казанский педагогический журнал. 2017. № 5(125). С. 27–35.
13. Никитин Ю. Г. Формирование готовности курсантов военного вуза к реализации гражданской позиции // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 4. С. 110–113.
14. Дьяченко М. И. Психологическая готовность / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. М. : Наука, 1986. 350 с.
15. Тимонин А. И. Социально-педагогическое обеспечение профессионального становления студентов гуманитарных факультетов университета: автореф. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / Тимонин Андрей Иванович. Кострома, 2008. 42 с.
16. Маркова А. К. Модель профессиональной компетентности учителя в соответствии со стандартами образования // Завуч. 2013. № 4. С. 113–126.
17. Измайлова В. В. Педагогическое обеспечение: сущность и структура понятия // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Т. II (Психолого-педагогические науки). С. 11–14.

18. Бастраков С. И. Развитие воспитательной среды современного военного вуза в условиях перестройки военного образования: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Бастраков Сергей Иванович. Омск, 2021. 221 с.

References

1. Reznik A. N. Informacionnoe protivoborstvo v usloviyah vooruzhennogo konflikta: Soderzhanie, tekhnologii, tendencii. Moscow, 2004. (In Russ.).
2. Manojlo A. V. Gosudarstvennaya informacionnaya politika v osobykh usloviyah. Moscow: Izd-vo MIFI, 2003. (In Russ.).
3. Rastorguev S. P. Informacionnaya vojna. Moscow: Radio i svyaz', 1999. (In Russ.).
4. Gavra D. P. Information warfare: modern understanding, characteristics, approaches to interdisciplinary cognition. In: Rossijskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu. 2023;29: 10–17. (In Russ.).
5. Roshchupkin V. G. Mezhdunarodnye informacionno-psihologicheskie konflikty. Samara: Izd-vo Samarskogo universiteta, 2023. (In Russ.).
6. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 5 dekabrya 2016 g. № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii». In: Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016;50. St. 7074. (In Russ.).
7. Manojlo A. V., Ponomareva E. Modern information and psychological operations: technologies and methods of counteraction. In: Obozrevatel' Observer. 2019;2(349): 5–18. (In Russ.).
8. Kaftan V. V. Dekonstrukciya Rossijskoj cennostnoj sistemy kak sociogumanitarnaya praktika informacionnoj vojny. In: Gumanitarnye aspekty obespecheniya informacionnoj bezopasnosti voennosluzhashchih Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii. Moscow: Voennyj universitet Ministerstva Oborony Rossijskoj Federacii. 2020: 15–27. (In Russ.).
9. Belyaev A.V. Obraz vraga kak osnova nasil'stvennyh tekhnologij sovremennogo informacionnogo protivoborstv. In: Gumanitarnye aspekty obespecheniya informacionnoj bezopasnosti voennosluzhashchih Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii. Moscow: Voennyj universitet Ministerstva Oborony Rossijskoj Federacii. 2020: 73–81. (In Russ.).
10. Bel'kov O.A. O metodologii protivodejstviya falsifikacii istorii Velikoj Otechestvennoj vojny. In: Gumanitarnye aspekty obespecheniya informacionnoj bezopasnosti voennosluzhashchih Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii. M. : Voennyj universitet Ministerstva Oborony Rossijskoj Federacii. 2020: 120–129. (In Russ.).
11. Manojlo A. V. Cascade-type chain reactions in modern technologies of viral dissemination of fake news. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal). 2020;3: 75–107. (In Russ.).
12. Morozov A. V. The psychology of information provocation. In: Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2017;5(125): 27–35. (In Russ.).
13. Nikitin Yu.G. Formation of readiness of cadets of a military university for the realization of a civic position. In: Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2012;4: 110–113. (In Russ.).
14. D'yachenko M. I. Psihologicheskaya gotovnost' / M. I. D'yachenko, L. A. Kandybovich. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ.).
15. Timonin A. I. Social'no-pedagogicheskoe obespechenie professional'nogo stanovleniya studentov humanitarnykh fakul'tetov universiteta. Kostroma, 2008. (In Russ.).
16. Markova A. K. Model' professional'noj kompetentnosti uchitelya v sootvetstvii so standartami obrazovaniya. In: Zavuch. 2013;4: 113–126. (In Russ.).
17. Izmajlova V. V. Pedagogical support: the essence and structure of the concept. In: Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012;2. Vol. II (Psihologo-pedagogicheskie nauki): 11–14. (In Russ.).
18. Bastrakov S. I. Razvitie vospitatel'noj sredy sovremennogo voennogo vuza v usloviyah perestrojki voennogo obrazovaniya. Omsk, 2021. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. А. Емельянова – кандидат педагогических наук
М. С. Лавреева – кандидат педагогических наук, профессор
В. А. Лангенштейн – кандидат педагогических наук, доцент

Information about the authors

E. A. Emelyanova – Candidate of Sciences (Pedagogy)
M. S. Lavreeva – Candidate of Sciences (Pedagogy), Professor
V. A. Langenshtein – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024;
одобрена после рецензирования 29.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 29.01.2024;
approved after reviewing 29.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 796/799
EDN: QVQTFW

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СРЕДСТВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ
КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ИНСТИТУТА ДЛЯ УСКОРЕННОЙ АДАПТАЦИИ
К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВОЙСКАХ**

Владимир Викторович Прокопенко

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
vvbars@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса, раскрывающего новые актуальные средства решения образовательных задач, способствующих совершенствованию военно-прикладной физической подготовки курсантов военного института войск национальной гвардии, в целях их ускоренной адаптации к служебно-боевой деятельности по предназначению в войсках. Представлено содержание новых прикладных физических упражнений, выполняемых в полной боевой экипировке, схожих по двигательным характеристикам с профессиональными действиями военнослужащих в ходе выполнения служебно-боевых задач в экстремальных условиях обстановки, сопряженных с риском для жизни и здоровья. Разработаны рекомендации по наиболее рациональному использованию форм физической подготовки при планировании занятий с курсантами в экипировке с оружием.

Ключевые слова: служебно-боевые задачи, исторический и боевой опыт, физическая подготовка, физические качества, прикладные навыки, адаптация, специальные прикладные упражнения, военный институт, курсанты, войска национальной гвардии

Для цитирования: Прокопенко В.В. Совершенствование средств специальной прикладной физической подготовки курсантов военного института для ускоренной адаптации к профессиональной деятельности в войсках // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 178–186. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/018.pdf>. EDN: QVQTFW.

Original article

**IMPROVING THE MEANS OF SPECIAL APPLIED PHYSICAL TRAINING OF MILITARY INSTITUTE CADETS
FOR ACCELERATED ADAPTATION TO PROFESSIONAL ACTIVITIES IN THE ARMY**

Vladimir V. Prokopenko

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
vvbars@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of an issue that reveals new relevant means of solving educational problems that contribute to the improvement of military-applied physical training of cadets of the military institute of the National Guard troops, in order to accelerate their adaptation to service and combat activities as intended in the troops. The content of new applied physical exercises performed in full combat gear, similar in motor characteristics to the professional actions of military personnel during the performance of service and combat missions in extreme environmental conditions, associated with risks to life and health, is presented. Recommendations have been developed for the most rational use of forms of physical training when planning classes with cadets wearing weapons.

Keywords: service and combat missions, historical and combat experience, physical training, physical qualities, applied skills, adaptation, special applied exercises, military institute, cadets, national guard troops

For citation: Prokopenko V.V. Improving the means of special applied physical training of military institute cadets for accelerated adaptation to professional activities in the army. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 178–186. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/018.pdf>. EDN: QVQTFW.

Введение

Современные требования, предъявляемые к обучающимся в военных образовательных организациях высшего образования войск национальной гвардии, предполагают высокий уровень военно-прикладной и специальной физической подготовленности выпускников, способных с высокой эффективностью обучать подчиненный личный состав и выполнять служебно-боевые задачи по предназначению.

Вместе с тем, напряженная международная обстановка, усиление санкционного давления на Россию со стороны проамериканского Запада и их непрекращающейся военной помощи русофобскому националистическому режиму Украины в ходе проведения российскими войсками специальной военной операции, требуют постоянного совершенствования всех видов вооружения, военной техники и военно-технического обеспечения, что с постоянным успехом решает российский военно-промышленный комплекс.

Несмотря на быстро меняющуюся стратегию и тактику ведения боевых действий, использования самых современных средств вооружения и военной техники, как российскими войсками, так и противником, внедрения современных IT-технологий в боевое противодействие, главным и решающим фактором успешности любого боевого столкновения остается человеческий фактор.

Это выражается в профессиональной, специальной физической и психологической подготовленности каждого военнослужащего по своему направлению выполнения служебно-боевых задач.

Исторический опыт Великой Отечественной войны, локальных военных конфликтов и специальной военной операции показывают, что одним из важных факторов, напрямую или косвенно влияющих на успешность выполнения боевых задач, является высокий уровень общей, специальной и прикладной физической подготовленности командиров подразделений и их подчиненного личного состава.

Сформированные в процессе обучения устойчивые специальные физические качества и прикладные навыки и умения позволяют военным служащим наиболее эффективно выполнять необходимые двигательные действия в экстремальных условиях боевой обстановки.

Но для того, чтобы личный состав подразделений мог максимально быстро и успешно развивать свои основные физические качества, формировать необходимые специальные психологические качества и прикладные двигательные навыки и умения, нужен квалифицированный «педагог» – командир подразделения, уверенно обладающий специальными знаниями, владеющий разными методиками обучения и быть лично отлично подготовленным по военно-профессиональным дисциплинам и физической подготовке.

Все эти задачи по качественной профессиональной, в том числе и по прикладной физической подготовке офицеров – будущих командиров подразделений, и решает в процессе образовательной деятельности военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации.

Основные результаты исследования

Система физической подготовки курсантов в военных институтах войск национальной гвардии основывается на федеральных нормативно-правовых актах и ведомственных руководящих документах: Концепции развития физической культуры и спорта, Программы развития военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта, Наставления, Руководства и Сборника упражнений и нормативов по физической подготовке в войсках национальной гвардии Российской Федерации [1–5].

В системе образовательной деятельности используются все имеющиеся формы физической подготовки курсантов: утренняя физическая зарядка, учебные занятия, спортивно-массовая работа, физическая тренировка в процессе учебно-боевой деятельности, самостоятельная физическая тренировка.

Программный объем обучения курсантов факультета (командного) и факультета (военно-политической работы) по дисциплине «физическая подготовка» с первого по пятый курс охватывает все десять ее разделов, что в течение пятилетнего периода обучения курсантов в военном институте предполагает обеспечение подготовки выпускника с высоким уровнем развития физических качеств, прикладных двигательных навыков, методической и спортивной подготовленности в соответствии с установленными квалификационными требованиями и компетенциями.

На практике эффективное освоение курсантами учебной программы по физи-

ческой подготовке за счет проведения только одних учебных занятий по дисциплине невозможно без задействования других форм физической подготовки, где проводится многократная тренировка разученных на учебных занятиях программных физических упражнений, приемов и действий.

И здесь очень важна ведущая роль в обучении со стороны профессорско-преподавательского состава кафедры физической подготовки и спорта, командиров учебных подразделений и самих курсантов, поскольку без активной познавательной деятельности курсантов с учетом значительного объема учебного материала по физической подготовке, нельзя будет достигнуть конечной цели обучения – качественной подготовки каждого выпускника.

Расширение и повышение сложности решаемых войсками Росгвардии служебно-боевых задач на современном этапе в условиях проведения специальной военной операции на Украине вносят свои коррективы и в содержание образовательных программ по военно-профессиональным, юридическим и гуманитарным дисциплинам в военных институтах войск национальной гвардии, это отразилось и на содержании дисциплины «Физическая подготовка».

Кроме того, создание в военных институтах новых актуальных направлений образовательной деятельности и новых факультетов по специальностям обучения, например, таких как в Санкт-Петербургском военном ордена Жукова институте войск национальной гвардии, где образован факультет по подготовке специалистов артиллерийских подразделений, а в перспективе будет и факультет IT-технологий.

Научный анализ практических действий военнослужащих различных подразделений наших войск в зоне проведения специальной военной операции подтвердил необходимость в проведении дальнейших научных исследований в области физической подготовки и армейского спорта для поиска новых практических средств физической подготовки, способствующих ускорению адаптации военнослужащих войск к профессиональной деятельности по предназначению и повышению эффективности при выполнении служебно-боевых задач в экстремальных условиях обстановки, сопряженных с риском для жизни и здоровья.

Научные исследования в данном направлении ведутся специалистами физической подготовки военных институтов Росгвардии, в том числе наиболее активно эта работа проводится профессорско-

преподавательским составом кафедры физической подготовки спорта Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии.

Результатом данных исследований в военном институте стала разработка автором статьи новых прикладных физических упражнений, выполняемых в полной экипировке с оружием, и схожих по двигательным характеристикам с практическими действиями, выполняемыми в первую очередь военнослужащими подразделений специального назначения и разведки в определенных условиях боевой обстановки [6–14].

На первом этапе исследования был проведен научный анализ практических двигательных действий военнослужащих, наиболее характерных при выполнении боевых задач в разных экстремальных условиях обстановки в ходе проведения специальной операции на Украине с уже имеющимися прикладными физическими упражнениями в Сборнике упражнений и нормативов по физической подготовке в войсках национальной гвардии.

Среди данных упражнений было выделено упражнение № 77 «Переползание 50 метров», как наиболее характерное для практических действий военнослужащих подразделений специального назначения, разведки, штурмовых групп и др., при выполнении специальных боевых задач.

Упражнение № 77 выполняется в полевой летней форме одежды без оружия и формирует базовые прикладные двигательные навыки в переползании.

Вместе с тем, в реальных боевых условиях, военнослужащие выполняют перебежки и переползание в полной боевой экипировке с оружием, где вес дополнительного военного снаряжения достигает 25–45 кг, что в свою очередь принципиально изменяет технику двигательных действий при перебежках и переползании, как в механике отдельных частей, так и туловища в целом.

Проведение с курсантами 4 курса апробации нового упражнения в переползании в полной экипировке с оружием на прямой 50-метровой дистанции, показало очень существенные различия в технике и скорости выполнения двигательных действий в полной экипировке с оружием по сравнению с «классическим» (упражнение № 77) выполнением упражнения.

Это отразилось и на значительном увеличении времени выполнения упражнения: переползание в полной экипировке с оружием в руках по сравнению с установлен-

ным в Сборнике упражнений по физической подготовке содержанием упражнения № 77, выполняемого без экипировки и оружия, в среднем более чем в три раза [5].

Кроме этого, переползание и перебежки в полной экипировке с оружием в руках в положении изготки для стрельбы также предполагает и своеобразную технику передвижения, что создает дополнительные трудности при его выполнении.

Особенностями упражнений в переползании и в перебежках в полной экипировке с оружием в положении изготки для стрельбы заключаются в том, что эти упражнения моделируют предполагаемые двигательные действия в экстремальных условиях, где военнослужащие при передвижении в полной боевой экипировке перемещаются не только по прямой, а, как правило, разными способами, с периодическим изменением направления движения и преимущественно в ночное время.

Эти особенности также создают дополнительные трудности при выполнении двигательных действий в полной экипировке.

Рассмотрим содержание нового первого упражнения «Переползание в полной боевой экипировке с изменением направления» под углом 45° .

Упражнение № 1 – «Переползание в полной боевой экипировке с изменением направления» (под углом 45°).

Дистанция – 60 метров.

Форма одежды – № 4.

Экипировка и снаряжение: бронежилет, шлем стальной армейский (ШСА), автомат (АК-74), подсумок с одним магазином, пистолет Макарова (ПМ), штык-нож, противогаз, малая пехотная лопата (МПЛ).

Исходное положение – у линии старта, в положении изготки для стрельбы лежа.

По команде «МАРШ» выполнить переползание по-пластунски в положении изготки для стрельбы лежа с изменением направления движения под углом 45° (рисунок 1) через каждый 15-метровый отрезок дистанции.

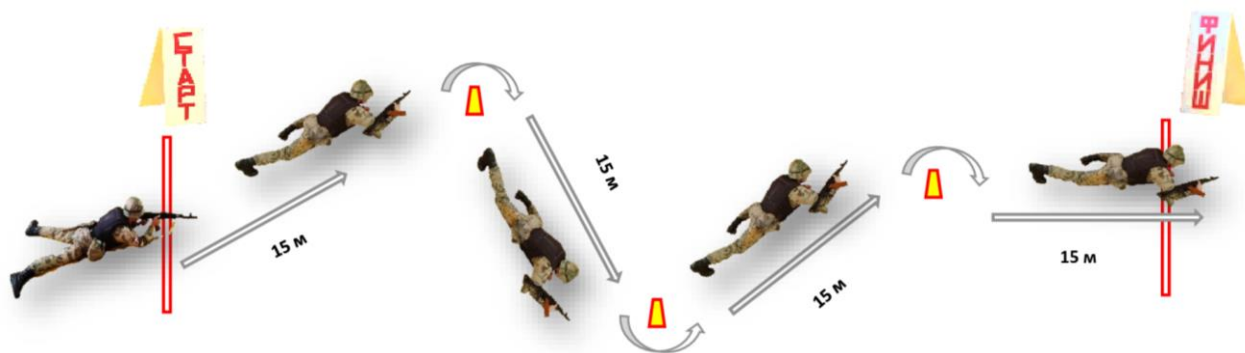

Рисунок 1 – Переползание в полной боевой экипировке с изменением направления (45°)

Figure 1 – Crawling in full combat gear with a change of direction (45°)

Второе упражнение «Переползание в полной боевой экипировке с изменением направления» имеет свои отличия от первого упражнения, это увеличение длины дистанции и изменение угла направления движения после каждого отрезка дистанции.

Упражнение № 2 – «Переползание в полной боевой экипировке с изменением направления» (под углом 90°).

Дистанция – 80 метров.

Форма одежды – № 4.

Экипировка и снаряжение: бронежилет, шлем стальной армейский (ШСА), авто-

мат (АК-74), подсумок с одним магазином, пистолет Макарова (ПМ), штык-нож, противогаз, малая пехотная лопата (МПЛ).

Исходное положение – у линии старта, в положении изготки для стрельбы лежа.

По команде «МАРШ» выполнить переползание по-пластунски в положении изготки для стрельбы лежа с изменением направления движения под углом 90° (рисунок 2) через каждый 20-метровый отрезок дистанции.

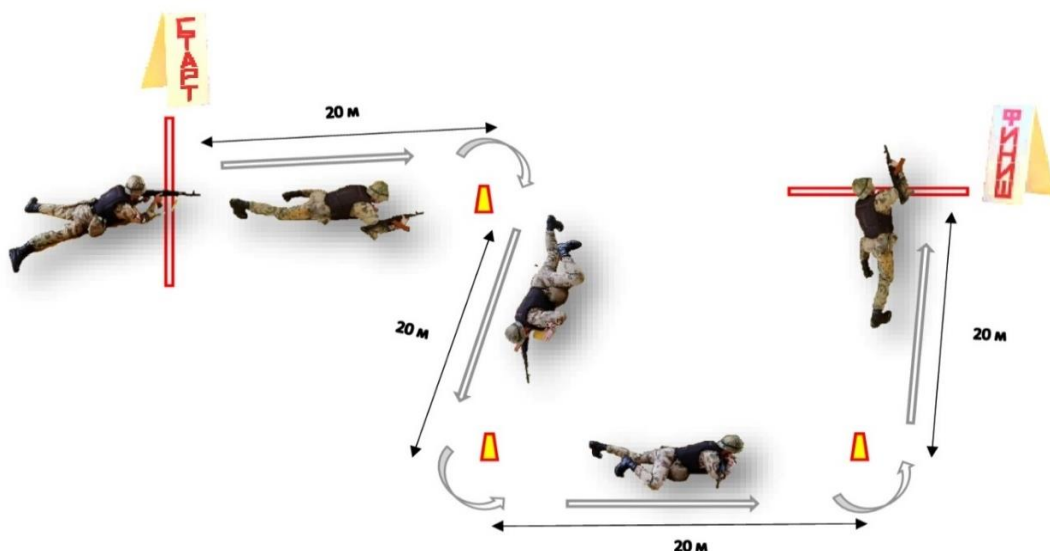

Рисунок 2 – Переползание в полной боевой экипировке с изменением направления (90°)

Figure 2 – Crawling in full combat gear with a change of direction (90°)

Третье упражнение «Комбинированное передвижение в полной боевой экипировке с изменением направления» отличается от первых двух упражнений тем, что в процессе его выполнения военнослужащий в полной боевой экипировке осуществляет несколько специальных приемов и действий, входящих в содержание учебных вопросов по военно-профессиональным дисциплинам и по физической подготовке: подготовка для стрельбы из положения лежа, перебежки в положении подготовки с оружием в руках и в положении подготовки для стрельбы в движении, переползание в положении подготовки для стрельбы лежа с изменением направления движения под разными углами.

Упражнение № 3 – «Комбинированное передвижение в полной боевой экипировке с изменением направления» (45°).

Дистанция – 100 метров.

Форма одежды – № 4.

Экипировка и снаряжение: бронежилет, шлем стальной армейский (ШСА), автомат (АК-74), подсумок с одним магазином, пистолет Макарова (ПМ), штык-нож, противогаз, малая пехотная лопата (МПЛ).

Исходное положение – у линии старта, в положении подготовки для стрельбы лежа.

По команде «МАРШ» на первом 25-метровом отрезке выполнить перебежки в положении с оружием в руке, на втором 25-метровом отрезке выполнить переползание в положении подготовки для стрельбы лежа с изменением направления движения под углом 45°, на третьем 25-метровом отрезке выполнить перебежки на 25 метров в положении подготовки для стрельбы в движении с изменением направления под углом 45°, на четвертом 25-метровом отрезке выполнить переползание в положении подготовки для стрельбы лежа с изменением направления движения под углом 45° и пересечь финишную черту в положении подготовки для стрельбы в движении (рисунок 3).

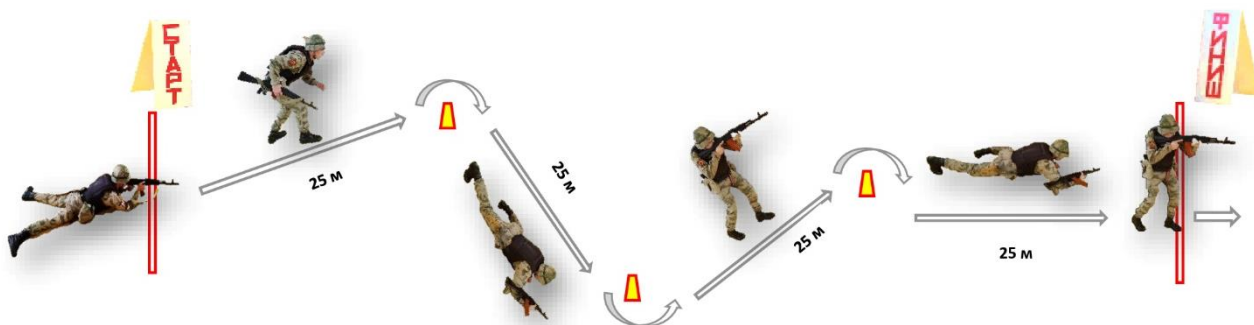

Рисунок 3 – Комбинированное передвижение в полной боевой экипировке с изменением направления

Figure 3 – Combined movement in full combat gear with change of direction

Отличительные особенности представленных выше упражнений, выполняемых в полной боевой экипировке, следующие.

1. Взаимосвязь данных упражнений с практической служебно-боевой деятельностью войск.

Выполнение военными подразделениями специального назначения и разведки, штурмовых и диверсионно-разведывательных групп практических двигательных действий в определенных экстремальных условиях обстановки (в зоне проведения локального военного конфликта), сопряженных с риском для жизни и здоровья [6, 7, 10–12].

2. Преимущество освоения данных упражнений.

Содержание упражнений моделирует действия военнослужащих, выполняющих боевые задачи в полной экипировке с оружием в экстремальных условиях обстановки, сопряженных с риском для жизни и здоровья и включает различные прикладные и боевые действия (перебежки в положении изготки для стрельбы в движении, изготки для стрельбы из положения лежа, переползание в полной экипировке в положении изготки для стрельбы лежа с периодическим изменением направления движения и т.п.).

3. Компактность выполнения упражнений на местности.

Наличие относительно небольших ровных площадок на любой местности и с любым покрытием: 20х70 метров – для первого упражнения и 40х40 метров – для второго упражнения, 20х90 метров – для третьего упражнения.

4. Минимальная потребность в учебно-материальной базе.

Элементы упражнения (тумбы «Старт-Финиш», поворотные стойки) могут быть как стационарными – в пункте постоянной дислокации подразделения, так и переносными (переносная учебно-материальная база по физической подготовке), и подручными (камни, ветки деревьев и т.п.) средствами – в пункте временной дислокации, не требующими значительных затрат на их изготовления и установку.

5. Максимальная обзорность со стороны руководителя занятия за выполнением упражнений.

6. Максимальная «моторная» плотность занятия при выполнении упражнений поточным способом. Возможность, как одиночного выполнения упражнения, так и в составе отдельной условно «боевой» группы 3–5 человек с тренировкой слаживания в

действиях и имитацией стрельбы из положения лежа и стоя в движении по внезапным сигналам и командам.

7. Существенное сокращение времени на тренировку и контроль упражнений при его выполнении поточным способом.

8. Для формирования вариативности формируемых у военнослужащих военно-прикладных навыков и умений в ходе проведения учебно-тренировочных занятий в перебежках и в переползании, переносные поворотные стойки могут устанавливаться на разном расстоянии друг от друга и под разным углом направления движения [15–20].

Использование данных тренировочных специальных прикладных упражнений в системе пятилетнего обучения курсантов в военном институте в процессе проведения разных форм физической подготовки, при правильно построенной поурочной методики обучения с 3 по 5 курс, позволяет подготовить выпускника-командира, способного квалифицированно обучать подчиненный личный состав, в целях его ускоренной адаптации к боевой работе.

Для этого на 3 курсе обучения у курсантов формируются военно-прикладные навыки в перебежках и в переползании без экипировки и оружия, на 4 курсе формируются военно-прикладные навыки в перебежках и в переползании в облегченной и в полной экипировке с оружием, на 5 курсе совершенствуются военно-прикладные навыки и умения в перебежках и в переползании в полной экипировке с оружием в разных формах физической подготовки и в различных климатических и временных условиях обстановки.

Выводы

В заключение можно сделать следующие выводы: в ходе проведения учебно-тренировочных занятий по теме «ускоренное передвижение и легкая атлетика», спортивно-массовой работы и попутных физических тренировок у курсантов 3–5 курсов последовательно формируются устойчивые навыки и умения в перебежках в положении изготки для стрельбы в движении, в переползании в полной боевой экипировке в положении изготки для стрельбы лежа и в перебежках с оружием в руках с изменением направлений движения.

Тренировочная практика в выполнении курсантами упражнений в перебежках и в переползании в полной боевой экипировке в составе отдельных мобильных групп (по 3–5 человек), формирует навыки не только одиночных, но и коллективных действий, что

способствует ускоренной адаптации к практической деятельности в период боевого слаживания подразделений.

Указанные положительные стороны новых упражнений имеют не только теоретическое, но и практическое обоснование по результатам проведенных учебно-тренировочных и контрольных занятий с курсантами 4 курса.

Методически грамотная организация занятий с курсантами в перебежках и в переползании в полной боевой экипировке с изменением направлений движения под разными углами позволяет проводить занятия в динамике с требуемым соблюдением требований безопасности и достижением слаженности двигательных действий, необходимых каждому военнослужащему.

Сформированные у курсантов методические и практические навыки и умения в

обучении упражнениям в перебежках и в переползании в полной боевой экипировке в положении изготровки для стрельбы, позволяют: во-первых – ускорению адаптации выпускников военного института к профессиональной деятельности по предназначению в войсках, а во-вторых, как командиров – умелому и качественному обучению подчиненного личного состава к предстоящим практическим действиям в различных условиях обстановки [6].

Внедрение новых прикладных упражнений в учебные программы по физической подготовке курсантов военного института войск национальной гвардии, будет способствовать ускоренной адаптации выпускников к особенностям предстоящей служебно-боевой деятельности в войсках.

Список источников

1. Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" и Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"» // Российская газета. 2021. 5 мая.
2. Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 371-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" и статью 1 Федерального закона "Об обязательных требованиях в Российской Федерации"» // Российская газета. 2022. 26 сентября.
3. Наставление по физической подготовке в войсках национальной гвардии Российской Федерации. М. : Федеральная служба войск Росгвардии, 2018. 70 с.
4. Руководство по физической подготовке в войсках национальной гвардии Российской Федерации. М. : Федеральная служба войск Росгвардии, 2018. 323 с.
5. Сборник упражнений и нормативов по физической подготовке в войсках национальной гвардии Российской Федерации. М. : Федеральная служба войск Росгвардии, 2018. 97 с.
6. Прокопенко В. В. Специальная профессионально-прикладная физическая подготовка курсантов военных образовательных организаций войск национальной гвардии: монография. СПб.: Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2021. 227 с.
7. Прокопенко В. В. Организация и методика специальной функциональной подготовки курсантов военных образовательных организаций высшего образования: монография. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2022. 230 с.
8. Кириченко Р. В. Частная методика тренировки основных физических качеств и прикладных двигательных навыков у военнослужащих внутренних войск МВД России в разных формах физической подготовки: методическое пособие / Р. В. Кириченко, И. Е. Кабаев. СПб. : Изд-во СПВИ ВВ МВД России, 2011. 137 с.
9. Лобанов Ю. Я. Физическая подготовка в вопросах и ответах: методическое пособие / Ю. Я. Лобанов, И. Е. Кириченко. СПб. : Изд-во СПВИ ВВ МВД РФ, 2012. 96 с.
10. Воробьев С. Н. Организация попутной физической тренировки в военном институте с различными категориями военнослужащих: методические рекомендации. СПб. : Изд-во СПВИ ВВ МВД России, 2012. 47 с.
11. Воробьев С. Н. Организация и методика проведения специальной функциональной тренировки с военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии: научно-практическое пособие / С. Н. Воробьев, Н. Н. Цирульников. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2019. 128 с.
12. Ефимов В. В. Специальная функциональная тренировка курсантов ВООВО войск национальной гвардии: монография / В. В. Ефимов, Р. В. Кириченко. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2020. 281 с.

13. Воробьев С. Н. Особенности организации и методики проведения попутной физической тренировки с курсантами военного института войск национальной гвардии Российской Федерации: научно-практическое пособие. СПб. : Изд-во СПбВИ войск национальной гвардии России, 2018. 93 с.

14. Шарухин А. П. Педагогическая модель воспитания мужества у курсантов вузов внутренних войск МВД России и педагогические условия ее реализации / А. П. Шарухин, В. В. Ефимов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2013. № 6 (100). С. 172–176.

15. Специальная функциональная подготовка: учебное пособие / сост. В. В. Ефимов; под ред. И. С. Скаковец. Пермь: Изд-во ПВИ войск национальной гвардии, 2019. 150 с.

16. Физическая культура (курс лекций): учебное пособие / под ред. Л. М. Волковой, П. В. Половникова. СПб. : Изд-во СПбГТУ, 1998. 153 с.

17. Методические рекомендации для физкультурно-оздоровительных занятий / под ред. В. В. Орехова. М., 1987. 59 с.

18. Спортивная медицина: учебник для институтов физкультуры. М. : Изд-во Физкультура и спорт. 1987. 240 с.

19. Аулик И. В. Определение физической работоспособности в клинике и в спорте. М. : Медицина, 1979. 48 с.

20. Обвинцев А. А. О необходимости организации самоконтроля на занятиях по физической подготовке / А. А. Обвинцев, К. В. Романов, Е. А. Иванов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2022. № 7 (209). С. 293–296.

21. Дмитриев Г. Г. Требования к функциональной подготовке военнослужащих специальных подразделений для действий в условиях горной местности / Г. Г. Дмитриев, Е. А. Иванов, А. М. Украинец // Современные тенденции совершенствования прикладной направленности физической подготовки: теория, методика, практика. СПб., 2023. С. 39–43.

References

1. Federal Law No. 127-FZ dated April 30, 2021 "On Amendments to the Federal Law on Physical Culture and Sports in the Russian Federation and the Federal Law On Education in the Russian Federation". In: Rossijskaya gazeta. 2021. 5 maya.

2. Federal Law No. 371-F3 dated September 24, 2022 "On Amendments to the Federal Law on Education in the Russian Federation and Article 1 of the Federal Law On Mandatory Requirements in the Russian Federation". In: Rossijskaya gazeta. 2022. 26 sentyabrya.

3. Nastavlenie po fizicheskoj podgotovke v vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. Moscow: Federal'naya sluzhba vojsk Rosgvardii, 2018.

4. Rukovodstvo po fizicheskoj podgotovke v vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. Moscow: Federal'naya sluzhba vojsk Rosgvardii, 2018.

5. Sbornik uprazhnenij i normativov po fizicheskoj podgotovke v vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. Moscow: Federal'naya sluzhba vojsk Rosgvardii, 2018.

6. Prokopenko V. V. Special'naya professional'no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka kursantov voennyh obrazovatel'nyh organizacij vojsk nacional'noj gvardii. Saint-Petersburg: Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2021.

7. Prokopenko V. V. Organizaciya i metodika special'noj funkcional'noj podgotovki kursantov voennyh obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya. Saint-Petersburg: Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2022.

8. Kirichenko R. V., Kabaev I. E. Chastnaya metodika trenirovki osnovnyh fizicheskikh kachestv i prikladnyh dvigatel'nyh navykov u voennosluzhashchih vnutrennih vojsk MVD Rossii v raznyh formah fizicheskoy podgotovki: metodicheskoe posobie. Saint-Petersburg: Izd-vo SPVI VV MVD Rossii, 2011.

9. Lobanov Yu. Ya., Kirichenko I. E. Fizicheskaya podgotovka v voprosah i otvetah. Saint-Petersburg: Izd-vo SPVI VV MVD RF, 2012.

10. Vorob'ev S. N. Organizaciya poputnoj fizicheskoy trenirovki v voennom institute s razlichnymi kategoriyami voennosluzhashchih. Saint-Petersburg: Izd-vo SPVI VV MVD Rossii, 2012.

11. Vorob'ev S. N., Cirul'nikov N. N. Organizaciya i metodika provedeniya special'noj funkcional'noj trenirovki s voennosluzhashchimi i sotrudnikami vojsk nacional'noj gvardii. Saint-Petersburg: Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2019.

12. Efimov V. V., Kirichenko R. V. Special'naya funkcional'naya trenirovka kursantov VOOVO vojsk nacional'noj gvardii. Saint-Petersburg: Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2020.

13. Vorob'ev S. N. Osobennosti organizacii i metodiki provedeniya poputnoj fizicheskoy trenirovki s kursantami voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbI vojsk nacional'noj gvardii Rossii, 2018.
14. Sharuhin A. P., Efimov V. V. Pedagogicheskaya model' vospitaniya muzhestva u kursantov vuzov vnutrennih vojsk MVD Rossii i pedagogicheskie usloviya ee realizacii. In: Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. 2013;6 (100): 172–176.
15. Efimov V. V., Skakovec I. S. (eds.) Special'naya funkcional'naya podgotovka. Perm': Izd-vo PVI vojsk nacional'noj gvardii, 2019.
16. Volkova L. M., Polovnikova P. V. Fizicheskaya kul'tura (kurs lekcij). Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGTU, 1998.
17. Orekhov V. V. (eds.) Metodicheskie rekomendacii dlya fizkul'turno-ozdorovitel'nyh zanyatij. Moscow, 1987.
18. Sportivnaya medicina. Moscow: Izd-vo Fizkul'tura i sport. 1987.
19. Aulik I. V. Opredelenie fizicheskoy rabotosposobnosti v klinike i v sporte. Moscow: Medicina, 1979.
20. Obvincev A. A., Romanov K. V., Ivanov E. A. About the need to organize self-control in physical training classes. In: Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. 2022;7 (209): 293–296.
21. Dmitriev G. G., Ivanov E. A., Ukrainec A. M. Requirements for the functional training of military personnel of special units for operations in mountainous terrain. In: Sovremennye tendencii sovershenstvovaniya prikladnoj napravlenosti fizicheskoy podgotovki: teoriya, metodika, praktika. Saint-Petersburg, 2023: 39–43.

Информация об авторе

В. В. Прокопенко – кандидат педагогических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 29.01.2024;
одобрена после рецензирования 22.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the author

V. V. Prokopenko – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent

The article was submitted 29.01.2024;
approved after reviewing 22.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 37.017
EDN: RBVVHA

ПРОБЛЕМА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В СИСТЕМЕ ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ
ВОЕННЫХ ИНСТИТУТОВ РОСГВАРДИИ

Анатолий Петрович Шарухин

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
apsha@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса организации воспитательного процесса в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации. Отмечено, что целеполагание – один из самых сложных вопросов организации воспитательного процесса. Раскрыта актуальность темы, проанализированы взгляды на проблему целеполагания в системе воспитания курсантов и подходы к проектированию модели выпускника военного института. Представлен авторский взгляд на решение проблемы целеполагания в системе воспитания курсантов военного института Росгвардии. Раскрыты уровни целеполагания и модели цели воспитания на каждом уровне. Сделаны выводы о значимости решения проблемы целеполагания в системе воспитания курсантов военного института Росгвардии.

Ключевые слова: военный институт Росгвардии, курсанты, система воспитания, педагогическое целеполагание, модели целей воспитания

Для цитирования: Шарухин А.П. Проблема целеполагания в системе воспитания курсантов военных институтов Росгвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 187–194. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/019.pdf>. EDN: RBVVHA.

Original article

THE GOAL SETTING PROBLEM IN THE UPBRINGING SYSTEM OF THE CADETS
OF THE ROSGVARDIYA MILITARY INSTITUTES

Anatoly P. Sharukhin

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
apsha@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the organization of the upbringing process in the units of the National Guard Troops of the Russian Federation. It is noted that goal setting is one of the most difficult issues of the upbringing process organization. The theme topicality is revealed. The views on the problem of goal-setting in the upbringing system of the cadets and approaches to designing a model of a military institute graduate are analyzed. The author's view on solving the goal-setting problem in the upbringing system of the cadets of the Rosgvardiya Military Institute is presented. The goal-setting levels and models of the goal of upbringing at each level are revealed. Conclusions about the importance of solving the problem of goal-setting in the upbringing system of the cadets of the Rosgvardiya military Institute are drawn.

Keywords: Rosgvardiya military institute, cadets, upbringing system, pedagogic goal setting, models of upbringing goals

For citation: Sharukhin A.P. The Goal Setting Problem in the Upbringing System of the Cadets of the Rosgvardiya Military Institutes. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 187–194. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/019.pdf>. EDN: RBVVHA.

© Шарухин А.П., 2024

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что проблема целеполагания в образователь-

ной практике и в педагогике была и остается одной из наиболее сложных (если не самой сложной) и не до конца изученных

проблем. Для военных образовательных учреждений высшего образования и воинских частей (территориальных органов), а также для педагогики профессионального образования, осуществляющегося в военных институтах Росгвардии, служебно-боевой педагогики войск, она приобретает особое значение, которое определяется тем, что организация воспитания курсантов и военнослужащих (сотрудников) выступает центральной задачей педагогической деятельности и главным объектом педагогических исследований.

В то же время проблеме целеполагания в системе воспитания внимание практически не уделяется, хотя она является «кричащей». Закономерно возникает вопрос: что в целеполагании «не так»? Ответ достаточно прост: оно выполняет системообразующую функцию и подразумевает наличие сформированной компетенции у соответствующих должностных лиц в обосновании и постановке целей воспитания. Однако специальное изучение данного вопроса говорит о существующем противоречии между потребностью образовательного процесса в научно обоснованном целеполагании, осуществляемом на высоко профессиональном уровне, и реальной ситуации, не соответствующей актуальным потребностям образовательного процесса в военных институтах. На сегодняшний день остаются открытыми вопросы: какова структура целеполагания в системе воспитания курсантов, какова технология целеопределения и постановки целей в воспитательном процессе. Стало повседневностью, что в процессе осуществления педагогической деятельности при реализации функции целеполагания должностные лица, отвечающие за воспитание подчиненных, считают возможным в лучшем случае обратиться к какому-то из документов или (что значительно чаще) исходят из своего опыта и интуиции.

В этой связи целью статьи выступает теоретическое осмысление подходов к решению проблемы целеполагания на примере системы воспитания курсантов. Логика здесь заключается в том, что курсанты проходят в своей подготовке этапы освоения ролей рядового, младшего командира и младшего офицерского состава. Однако следует отметить, что в одной статье невозможно ответить на все вопросы, которые связаны с данной проблемой. Необходимо проведение глубокого, системного исследования на стыке прежде всего таких наук, как антропология, профессиональная эти-

ка, аксиология, история, социология, культурология, юриспруденция, психология, военная наука и педагогика. Данная статья может послужить началом и триггером поиска ответов на накопившиеся вопросы.

Материалы и методы

Основу исследования составили такие методы, как изучение научных и нормативных источников, сравнение, обобщение, педагогическое моделирование, эмпирическое изучение педагогической деятельности более 250 офицеров, занимающих должности командиров войсковых и курсантских подразделений, заместителей по военно-политической работе, преподавателей общепрофессиональных, военно-профессиональных, философских, социально-экономических, гуманитарных учебных дисциплин.

Результаты

Изучение научных трудов по теме статьи свидетельствует о разнообразии взглядов, отражающих понимание данного феномена. Среди основных признаков целеполагания называются:

умение педагога выстраивать «пирамиду целей» от самых общих социальных целей (в основании которой – общественные ожидания, общественные ориентиры в форме идеалов, на их базе – спроектированы цели собственной деятельности и взаимодействия с обучающимися вплоть до конкретного занятия, способствующего формированию гражданственности и индивидуальности) [4, С. 24, 43, 142; 15, С. 20; 16, С. 95];

осознанность выбора целей на основе диагностики обучающихся и их коррекционного сопровождения в образовательном процессе; фиксация целеполагания как части педагогической деятельности [9, С. 157–158]; обозначение целеполагания как показателя связи целей и способов их достижения [16];

совместное с обучающимися обсуждение целей и выработка совместной стратегии действий [15];

моделирование педагогической цели как качества личности [9];

взаимосвязь образовательных целей с перспективными изменениями в системе образования [14];

трансформация общественно-государственных требований к человеку (которые поставлены перед образовательной системой страны) в педагогические цели с выбором инструментов перевода учащегося в обучающегося (субъект самовоспитания) и результат функционирования

образовательной организации по определению целей с учетом состояния организации, педагогического коллектива, обучающегося и др. [6, С. 106];

проектирование результатов деятельности педагога, выраженных в новообразованиях личности (ценностях, способностях и др.) [10];

комплекс близких, среднесрочных и стратегических результатов совместной деятельности педагога (по воспитанию-обучению-развитию) и ученика (самовоспитание-самообучение-саморазвитие) [13, С. 47];

самостоятельная часть целеполагающей деятельности педагога, руководителя, коллектива наряду с: прогнозированием, планированием и др., в процессе которой осуществляется конструирование целей и путей их достижения;

наличие структурной организации: проектирования – построение пирамиды целей и наполнение цели ценностями; организации деятельности по достижению цели; диагностики целереализации [7, С. 92];

наличие функций, происходящих из характера решения задач по целеполаганию: аналитика, диагностика, ориентировка, проектирование, организация, оценка [7, С. 92–93];

процессная реализация целеполагания: творческое осмысление ситуации, обоснование цели и ее конкретизация, рефлексия результата, корректировка задач и цели [11]; целеобоснование (анализ потребностей, исследование возможностей), целеопределение (формулировка цели и способов достижения), целеосуществление [20];

виды целеполагания: системный, предметный, блочный, поурочный [3, С. 134]; жесткое («готовые» цели заданы извне), свободное (самостоятельное конструирование), интегрированное (совместное обсуждение способов достижения извне заданных целей) [18; 19];

принципы: конкретности, иерархичности, целостности, практической направленности [4, С. 22];

модели целеполагания: методологическая [4, С. 23]; теоретическая [14]; поэтапного достижения цели [9]; управления [11];

уровни развития целеполагания: низкий, допустимый, достаточный, оптимальный [16].

Проведенный анализ научных взглядов на проблему педагогического целеполагания позволяет сделать несколько выводов, которые могут быть полезны для последующего решения решаемой научной задачи:

1) В основе различий лежит прежде всего масштабно-уровневый взгляд на объект исследования – педагогическое целеполагание. Оно рассматривается учеными-педагогами на уровне: а) организации образования, представляемого как общественно-институциональное явление [5]; б) конкретной образовательной системы (например, подготовки к будущей специальности) [8]; в) профессионально-педагогической деятельности того или иного педагога, преподающего конкретную дисциплину [3]; г) проведения конкретного занятия [2].

2) При определении сущности данного феномена используются и структурно-системный и процессно-деятельностный подходы.

3) Многие исследователи сосредотачивают внимание на том, что осуществление целеполагания представляет собой трансформацию общественно-государственных требований к человеку в педагогические цели с переводом учащегося в обучающегося (субъект самовоспитания) и результат функционирования образовательной организации; другими словами проектирование пирамиды в основании которой – общественные ожидания, общественные ориентиры в форме идеалов, на их базе – сформулированы и поставлены цели собственной деятельности и взаимодействия с обучающимися (в том числе по обсуждению целей) вплоть до конкретного занятия.

4) Большинство ученых-педагогов четко не определяют, что выступает содержанием результата целеполагания в воспитании: качества личности, отношения личности, поведение личности или что-то иное.

5) При рассмотрении целеполагания с позиции процессно-деятельностного подхода границы понятия расширяются до охвата всего функционального состава педагогической деятельности (от аналитики, связанной с воспитательной ситуацией – до организации деятельности по достижению цели и корректировки результата).

6) Рассмотрены различные аспекты целеполагания: модели, принципы, уровни и др.

Сделанные выводы позволяют определить методологические основания решения стоящей задачи, уточнить сущность целеполагания, раскрыть его структуру и определить основные мероприятия, которые необходимо осуществить на разных уровнях организации воспитательного процесса.

Методологическим основанием решения стоящей задачи выступает личностно-социально-деятельностный подход [2], который объединяет в себе механизм формирования-развития и проявления личности (личность формируется, развивается и проявляется в процессе социально значимой деятельности), связи личности в целом с обществом и в частности с профессиональным сообществом, его субкультурой через профессиональную деятельность (личность – носитель общественных отношений, которые реализует через социально значимую деятельность).

Другим методологическим основанием служит системный подход, означающий, что воспитание в военном институте Росгвардии представляет собой целостную систему, системообразующим компонентом которой выступает цель воспитания курсантов. Функционирование системы воспитания приобретает форму процесса. Сама цель воспитания также представляет собой системный феномен.

Важно отметить, что под целью воспитания курсантов понимается морально и нормативно одобренный, социально и личностно значимый, спланированный и четко представляемый, имеющий качественные и количественные параметры результат скоординированных по задачам, тематическому содержанию, методам, месту и времени взаимодействий будущих выпускников, а также их авторитетных наставников в лице профессорско-преподавательского состава и командиров (начальников), который выражен в качествах (отношениях) личности вышедшего из стен военного института офицера и достижение которого может быть проконтролировано и оценено в процессе диагностики при помощи обоснованных критериев.

Конечная цель воспитания выполняет направляющую функцию, определяет способ и характер действий и может быть представлена в виде цепи поэтапно решаемых воспитательных задач [21]. Каждая воспитательная задача предстает как конкретизированная в сложившихся образовательных условиях составная часть конечной цели воспитания курсантов и может быть условно обособлена для более глубокого изучения, уяснения и определения способов эффективного решения. Однако нельзя при этом забывать, что системный подход в рамках диалектического анализа проблемы требует рассмотрения воспитательной задачи не только как конечной си-

стемы, но и как части более широкой системы (цели воспитания).

Все воспитательные задачи так или иначе связаны с определенным тематическим содержанием, которое составляет информационную основу решения задачи. Например, решение задачи формирования профессионально-этических ценностей у курсанта связано с раскрытием понятий «офицерский долг», «офицерская честь» и других. Информационно-тематическое содержание может быть представлено в «готовом для потребления» виде (полностью раскрытым, не требующим интеллектуальной и духовно-нравственной работы личности) или виде, требующем интенсивного осмысления, духовно-нравственного переживания. Возникает задача выбора формы представления информационно-тематического содержания. От решения этой задачи зависит решение задачи выбора способов организации деятельности курсанта (учебной, служебной, культурно-досуговой и др.). В итоге выстраивается «пирамида» или «дерево» задач. Решенные задачи с обоснованными «ответами» представляют собой стратегию воспитания.

Подводя предварительный итог, отметим, что под целеполаганием в воспитании курсантов следует понимать управляемый процесс (реализации функции) проектирования «пирамиды» или «дерева» воспитательных задач, берущих начало от конечной цели и лежащих в основании построения стратегии воспитания будущих выпускников в рамках конкретного образовательного процесса.

Система воспитания в военных институтах Росгвардии включена в систему образования и создается для формирования и развития у курсантов, как будущих офицеров, личностно и профессионально значимых качеств (отношений). Данные качества (отношения) выступают в виде требований к офицеру, изложенных в нормативных документах (федеральных законах, указах Президента Российской Федерации, федеральных государственных образовательных стандартах, приказах командиров, профессиональных требованиях). Вместе с тем, абитуриенты, поступающие в военные институты, не обладают комплексом этих качеств (отношений).

Следовательно, необходимо:

1. На уровне военного института осуществить управление процессом целеобоснования и подготовки системы воспи-

тания к эффективному функционированию. Для этого организовать:

во-первых, обоснование и разработку прогностической модели выпускника военного института под каждую специальность (направление подготовки), обладающего комплексом обязательно сформированных-развитых личностно-профессиональных качеств, позволяющих успешно выполнять профессиональные обязанности и развиваться далее;

во-вторых, обоснование и разработку прогностической модели поэтапного процесса становления и развития личностно-профессиональных качеств от этапа к этапу в соответствии с программой подготовки курсанта как рядового, как младшего командира, как командира взвода, как командира роты;

в-третьих, обоснование и разработку модели критериев оценки успешности становления и развития личностно-профессиональных качеств от этапа к этапу в соответствии с программой подготовки курсанта и формированием рейтинга курсантов;

в-четвертых, разработку модели диагностических процедур, позволяющих определить как исходный уровень сформированности-развитости личностно-профессиональных качеств абитуриентов и потенциал их личностно-профессионального развития в образовательном процессе военного института, так и успешность прохождения «контрольных точек» на индивидуальном самообразовательном маршруте;

в-пятых, обоснование и разработку прогностической модели типовых индивидуальных образовательных маршрутов курсантов с учетом накопленного опыта подготовки будущих офицеров по каждой специальности (направлению подготовки);

в-шестых, проведение системы мероприятий, направленных на повышение компетентности офицеров факультетов в вопросах организации процесса воспитания во взводах и ротах на основе разработанных моделей выпускника; поэтапного процесса становления и развития личностно-профессиональных качеств курсанта от этапа к этапу; критериев оценки успешности становления и развития личностно-профессиональных качеств от этапа к этапу его подготовки; применения диагностических процедур и использования типовых индивидуальных образовательных маршрутов курсантов);

в-седьмых, подготовку профессорско-преподавательского состава кафедр к

максимальной реализации воспитательно-го потенциала обучения на основе разработанных моделей в соответствии с особенностями учебной дисциплины и ее месте в системе становления и развития личностно-профессиональных качеств курсанта от этапа к этапу его подготовки;

в-восьмых, обоснование и разработку критериев оценки педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава кафедр по максимальной реализации воспитательно-го потенциала обучения на основе разработанных моделей в соответствии с особенностями учебной дисциплины и ее месте в системе становления и развития личностно-профессиональных качеств курсанта;

в-девярых, обоснование и разработку критериев оценки воспитательной деятельности офицеров факультетов на основе разработанных моделей подготовки курсантов;

в-десятых, обоснование и разработку модели управления процессом целеобоснования и подготовки системы воспитания курсантов к эффективному функционированию.

2. На уровне факультетов военного института осуществить:

а) качественное изучение моделей (выпускника военного института под каждую специальность (направление подготовки); поэтапного процесса становления и развития личностно-профессиональных качеств курсанта от этапа к этапу; критериев оценки успешности становления и развития личностно-профессиональных качеств от этапа к этапу его подготовки; применения диагностических процедур и использования типовых индивидуальных образовательных маршрутов курсантов);

б) диагностику как исходного уровня сформированности-развитости личностно-профессиональных качеств абитуриентов и потенциала их личностно-профессионального развития в образовательном процессе военного института, так и успешность прохождения «контрольных точек» на индивидуальном самообразовательном маршруте.

Для этого организовать:

инструкторско-методические занятия с командирами курсантских подразделений по использованию рассматриваемых моделей;

индивидуальные собеседования по знанию: моделей (выпускника военного института под каждую специальность (направление подготовки); поэтапного процесса становления и развития личностно-

профессиональных качеств курсанта от этапа к этапу; критериев оценки успешности становления и развития личностно-профессиональных качеств от этапа к этапу его подготовки; применения диагностических процедур и использования типовых индивидуальных образовательных маршрутов курсантов); диагностических процедур, позволяющих определить как исходный уровень сформированности-развитости личностно-профессиональных качеств абитуриентов и потенциал их личностно-профессионального развития в образовательном процессе военного института, так и успешность прохождения «контрольных точек» на индивидуальном самообразовательном маршруте;

заслушивания командиров взводов по вопросу осуществления качественной диагностики личностно-профессиональных качеств подчиненных курсантов.

3. На уровне кафедр военного института осуществить:

А) качественное изучение моделей (выпускника военного института под каждую специальность (направление подготовки); поэтапного процесса становления и развития личностно-профессиональных качеств курсанта от этапа к этапу его подготовки; критериев оценки успешности становления и развития личностно-профессиональных качеств от этапа к этапу его подготовки; применения диагностических процедур и использования типовых индивидуальных образовательных маршрутов курсантов) с учетом особенностей учебной дисциплины и ее места в образовательном процессе военного института;

б) проектирование технологий максимальной реализации воспитательного потенциала обучения;

в) диагностику как исходного уровня сформированности-развитости личностно-профессиональных качеств курсантов и потенциала их личностно-профессионального развития в процессе изучения дисциплины, так и успешности прохождения «контрольных точек» на индивидуальном самообразовательном маршруте в процессе осуществления учебной деятельности.

Для этого организовать:

инструкторско-методические и показательные занятия с преподавателями кафедры по использованию технологий максимальной реализации воспитательного потенциала обучения;

обмен опытом между преподавателями родственных кафедр по использованию

технологий максимальной реализации воспитательного потенциала обучения;

заслушивания преподавателей по вопросу разработки и применения технологий, методов, приемов, повышающих эффективность реализации воспитательного потенциала обучения.

4. На уровне воспитательной деятельности командира взвода осуществляется индивидуальная работа с каждым курсантом и работа, направленная на весь учебный взвод с задачей формирования курсантского коллектива. Необходимо:

а) осуществить диагностику исходного уровня сформированности-развитости личностно-профессиональных качеств курсантов взвода и потенциала их личностно-профессионального развития в образовательном процессе военного института, применив для этого разработанный критерийно-оценочный аппарат;

б) провести сравнительный анализ исходного уровня сформированности-развитости личностно-профессиональных качеств курсантов взвода и потенциала их личностно-профессионального развития в образовательном процессе военного института с разработанными в моделях;

в) разработать индивидуальный образовательный маршрут для каждого курсанта с учетом полученных сравнительных данных;

г) разработать стратегию индивидуальной работы с каждым курсантом и работы со всем взводом.

Выводы

Проблема целеполагания в системе воспитания курсантов военных институтов Росгвардии остается пока нерешенной и требует тщательной научной проработки.

В статье решена задача первичного теоретического осмысления подходов к решению проблемы осуществления результативного целеполагания на примере системы воспитания курсантов военных институтов Росгвардии.

Дано авторское определение сущности целеполагания в системе воспитания курсантов военных институтов Росгвардии на основе анализа и обобщения литературы, посвященной данной проблеме и изучения практики воспитательной деятельности командиров курсантских подразделений и профессорско-преподавательского состава.

Предложен комплекс мер, которые необходимо реализовать на разных уровнях управления в военном институте Росгвардии для успешной организации процесса целеполагания в системе воспитания курсантов.

Список источников

1. Анисимова Н. П. Психология постановки учебных целей в совместной деятельности учителя и учеников: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07 / Анисимова Нина Петровна. М., 2007. 51 с.
2. Барабанщиков А. В. О закономерностях военно-педагогического процесса / А. В. Барабанщиков, В. Г. Демин. М.: ВПА, 1967. 26 с.
3. Башмаков М. И. Планирование учителем своей деятельности / М. И. Башмаков, С. Н. Поздняков, Н. А. Резник // Школьные технологии. 2001. № 1. С. 133–140.
4. Бобылева О. А. Развитие идеи целеполагания в построении обучения в отечественной дидактике: середина 50-х – 80-е гг. XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Бобылева Ольга Алексеевна. Хабаровск, 2008. 22 с.
5. Боровкова Т. И., Морев И. А. Мониторинг развития системы образования. Владивосток, 2004. Ч. I. Теоретические аспекты: учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2004. 150 с.
6. Гладких В. Г. Теоретические основы целевого управления учреждением образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Гладких Валентина Григорьевна. Оренбург, 2001. 41 с.
7. Гумерова Н. Л. Развитие педагогического целеполагания у учителей общеобразовательных школ: аксиологический подход: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Гумерова Назира Латыповна. М., 2008. 23 с.
8. Егорова Ю. А. Педагогическое целеполагание: сущностные характеристики // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7. С. 80–85.
9. Ильевич Т. П. Технология проектирования учебных задач в контексте личностно-ориентированного целеполагания: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Ильевич Татьяна Петровна. Ростов н/Д, 2001. 22 с.
10. Кириленко Н. П. Формирование умений дидактического целеполагания у студентов университета (на материале изучения педагогики): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Кириленко Наталья Петровна. Саратов, 1997. 17 с.
11. Коростылева Н. Я. Педагогическое целеполагание в современной школе как объект управления: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Коростылева Наталья Яковлевна. СПб., 2002. 24 с.
12. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высш. шк., 1990. 117 с.
13. Кутеева Н. Г. Становление профессиональных целей молодого учителя в процессе постдипломного образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Кутеева Наталья Геннадьевна. Пенза, 2008. 25 с.
14. Лебедев О. Е. Теоретические основы педагогического целеполагания в системе образования: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Лебедев Олег Ермолаевич. СПб., 1992. 338 с.
15. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996. 308 с.
16. Мезенцева Н. В. Особенности педагогического целеполагания у учителей в зависимости от уровня их личностной зрелости // Теория и практика общественного развития. 2011. № 6. С. 95–101.
17. Педагогика: учебник и практикум для вузов / под ред. П. И. Пидкасистого. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 408 с.
18. Рожков М. И. Организация воспитательного процесса в школе: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / М. И. Рожков, Л. В. Байбородова. М., 2000. 253 с.
19. Сергеев Н. К. О некоторых основах построения системы целей формирования качеств личности / Н. К. Сергеев, В. П. Сергиенко // Органическое единство учебного и воспитательного процессов: сб. науч. тр. Волгоград: ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1982. 167 с.
20. Серова Н. А. Целеполагание в условиях личностно ориентированного обучения математике в средней школе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Серова Наталья Александровна. Н. Новгород, 2004. 21 с.
21. Шарухин А. П. Воспитание военнослужащих и сотрудников подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации: учебное пособие. СПб.: СПВИ войск национальной гвардии, 2020. 240 с.

References

1. Anisimova N. P. Psihologiya postanovki uchebnyh celej v sovmestnoj deyatel'nosti uchitelya i uchenikov. Moscow, 2007. (In Russ.).
2. Barabanshchikov A. V., Demin V. G. O zakonomernostyah voenno-pedagogicheskogo processa. Moscow: VPA, 1967. (In Russ.).
3. Bashmakov M. I., Pozdnyakov S. N., Reznik N. A. Teacher's planning of their activities. In: Shkol'nye tekhnologii. 2001;1: 133–140. (In Russ.).
4. Bobyleva O. A. Razvitie idei celepolaganiya v postroenii obucheniya v otechestvennoj didaktike: seredina 50-h – 80-e gg. XX veka. Habarovsk, 2008. (In Russ.).
5. Borovkova T. I., Morev I. A. Monitoring razvitiya sistemy obrazovaniya. Vladivostok, 2004. Ch. I. Teoreticheskie aspekty. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta, 2004. (In Russ.).
6. Gladkih V. G. Teoreticheskie osnovy celevogo upravleniya uchrezhdeniem obrazovaniya. Orenburg, 2001. (In Russ.).
7. Gumerova N. L. Razvitie pedagogicheskogo celepolaganiya u uchitelej obshcheobrazovatel'nyh shkol: aksiologicheskij podhod. Moscow, 2008. (In Russ.).
8. Egorova Yu. A. Pedagogical goal-setting: essential characteristics. In: Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013;7: 80–85. (In Russ.).
9. Il'evich T. P. Tekhnologiya proektirovaniya uchebnyh zadach v kontekste lichnostno-orientirovannogo celepolaganiya. Rostov-on-Don, 2001. (In Russ.).
10. Kirilenko N. P. Formirovanie umenij didakticheskogo celepolaganiya u studentov universiteta (na materiale izucheniya pedagogiki). Saratov, 1997. (In Russ.).
11. Korostyleva N. Ya. Pedagogicheskoe celepolaganie v sovremennoj shcole kak ob'ekt upravleniya. Saint-Petersburg, 2002. (In Russ.).
12. Kuz'mina N. V. Professionalizm lichnosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya. Moscow: Vyssh. shk., 1990. (In Russ.).
13. Kuteeva N. G. Stanovlenie professional'nyh celej molodogo uchitelya v processe postdiplomnogo obrazovaniya. Penza, 2008. (In Russ.).
14. Lebedev O. E. Teoreticheskie osnovy pedagogicheskogo celepolaganiya v sisteme obrazovaniya. Saint-Petersburg, 1992. (In Russ.).
15. Markova A. K. Psihologiya professionalizma. Moscow: Mezhdunar. gumanitar. fond «Znanie», 1996. (In Russ.).
16. Mezenceva N. V. The peculiarities of pedagogical goal-setting among teachers, depending on the level of their personal maturity. In: Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2011;6: 95–101. (In Russ.).
17. Pidkasistogo P. I. (eds.) Pedagogika: uchebnik i praktikum dlya vuzov. Moscow: Izd-vo Yurajt, 2023. (In Russ.).
18. Rozhkov M. I., Bajborodova L. V. Organizaciya vospitatel'nogo processa v shcole. Moscow, 2000. (In Russ.).
19. Sergeev N. K., Sergienko V. P. O nekotoryh osnovah postroeniya sistemy celej formirovaniya kachestv lichnosti. In: Organicheskoe edinstvo uchebnogo i vospitatel'nogo processov: sb. nauch. tr. Volgograd: VGPI im. A. S. Serafimovicha, 1982. (In Russ.).
20. Serova N. A. Celepolaganie v usloviyah lichnostno orientirovannogo obucheniya matematike v srednej shcole. Nizhniy Novgorod, 2004. (In Russ.).
21. Sharuhin A. P. Vospitanie voennosluzhashchih i sotrudnikov podrazdelenij vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. Saint-Petersburg: SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2020. (In Russ.).

Информация об авторе

А. П. Шарухин – доктор педагогических наук, профессор

Статья поступила в редакцию 26.02.2024;
одобрена после рецензирования 15.03.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the author

A. P. Sharukhin – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

The article was submitted 26.02.2024;
approved after reviewing 15.03.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 372.881.1

EDN: SIJMYR

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ
В ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЕ

Марина Романовна Ванягина

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

marmalkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8492-3520>

Аннотация. Статья посвящена опытно-экспериментальному обучению иностранному языку курсантов на основе авторской концепции профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе. Главная идея концепции – построение методической системы иноязычного обучения с учетом особенностей военной образовательной среды и применением комплекса современных педагогических технологий. Основные положения концепции отражены в подходе, аксиологии, принципах, технологиях иноязычного обучения. Рассмотрен состав и уровни иноязычной коммуникативной военно-профессиональной компетенции как основной цели обучения иностранному языку в военном вузе. Опытно-экспериментальное обучение показало положительную динамику в экспериментальных группах, что доказывает состоятельность концепции.

Ключевые слова: профессионально ориентированное иноязычное обучение, высшая военная школа, интегративно-рекомбинационный подход, технологии иноязычного обучения, иноязычная коммуникативная военно-профессиональная компетенция

Для цитирования: Ванягина М.Р. Реализация концепции профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 195–206. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/020.pdf>. EDN: SIJMYR.

THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION (BY FIELDS AND LEVELS OF EDUCATION)

Original article

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF PROFESSIONALLY ORIENTED FOREIGN LANGUAGE EDUCATION
IN HIGHER MILITARY SCHOOL

Marina R. Vanyagina

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

marmalkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8492-3520>

Abstract. The article is devoted to experimental foreign language teaching of the cadets based on the author's concept of professionally oriented foreign language teaching in a higher military school. The main idea of the concept is the arranging a methodological system of foreign-language teaching takes into account the peculiarities of the military educational environment and should use of a complex of modern pedagogical technologies. The main provisions of the concept are reflected in the approach, axiology, principles, and technologies of foreign language teaching. The composition and levels of foreign language communicative military-professional competence are considered as the main goal of teaching a foreign language at a military higher educational institution. Experimental training showed positive dynamics in experimental groups, which proves the validity of the concept.

Keywords: professionally oriented foreign language teaching, higher military school, integrative-recombination approach, foreign language teaching technologies, foreign language communicative military-professional competence

For citation: Vanyagina M.R. Implementation of the concept of professionally oriented foreign language education in higher military school. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 195–206. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/020.pdf>. EDN: SIJMYR.

© Ванягина М.Р., 2024

Введение

В связи с необходимостью обеспечения безопасности государства в быстро меняющемся мире и возникновением очагов напряженности на геополитической арене требования к качеству военного образования, в том числе в области языковой подготовки, возрастают. Выпускник военного вуза должен обладать набором профессиональных и универсальных компетенций, среди которых не последнее место занимает владение иностранными языками. Иностранный язык используется для военно-дипломатического и военно-технического сотрудничества между странами, обеспечения безопасности международных мероприятий, проведения совместных военных учений, маневров и операций, выполнение задач в глобальном информационном пространстве. Вызовы современного общества свидетельствуют о необходимости трансформации образования в целом и отдельных предметных методических систем в частности.

Существует потребность совершенствования системы иноязычного обучения курсантов в военных образовательных организациях высшего образования (далее – ВООВО), приведения ее в соответствие с современными требованиями теории и методики обучения языкам и профессиональной лингводидактики. «Многоаспектность проблемы обеспечения высокого качества обучения курсантов иностранному языку» [1, С. 116] диктует необходимость фундаментализации языковой подготовки [2], создания и обоснования единой концепции обучения иностранным языкам в высшей военной школе. Таким образом, цель научной работы – обосновать и верифицировать концепцию профессионально ориентированного иноязычного обучения, основанную на идеях применения интегративно-рекомбинационного подхода в обучении [3], влияния образовательной военной среды на процесс обучения иностранным языкам [4] и использования комплекса интерактивных педагогических технологий [5].

В настоящее время обучение иностранному языку ВООВО ведется в направлении профессионально ориентированного освоения языка с практической целью формирования способности обучающихся эффективно осуществлять иноязычную коммуникацию в профессиональной сфере. С внедрением в методику обуче-

ния иностранным языкам понятий «язык для специальных целей» (LSP) [6], «предметно-языковое интегрированное обучение» (CLIL) [7] активно развиваются исследования по конструированию иноязычной обучающей среды в отдельных профессиональных областях высшего образования. Военная образовательная среда в этом смысле представлена отдельными научными итерациями и нуждается в концептуализации.

Основные положения

«Профессионально ориентированное иноязычное обучение – системный процесс обучения иностранному языку, обусловленный целями подготовки квалифицированного специалиста в определенной области, как правило, на уровне получения профессионального образования» [8, С. 151].

Профессионально направленному обучению иностранным языкам в вузах посвящено много исследований. Н. Ф. Коряковцева говорит о значительной роли иностранного языка для подготовки инновационных кадров в различных профессиональных областях [9]. Ю. В. Еремин, А. В. Рубцова заявляют о важности дидактико-коммуникативного аспекта будущей профессиональной деятельности обучающихся при обучении иностранным языкам [10]. О. Г. Поляков, подчеркивая значимость иностранного языка для специальных целей, указывает на размытость статуса иностранного языка на неязыковых направлениях подготовки студентов [11]. Р. П. Мильруд отмечает повышение мотивации к обучению языкам в связи с востребованностью языка для профессиональных и индивидуальных целей, а также то, что профессиональные запросы обучающихся определяют форму и содержание иноязычного обучения в вузах [12].

Профессионально ориентированное иноязычное обучение в высшей военной школе имеет свои закономерности, оно включает следующие процессы: изучение военно-профессиональных терминов и способов их использования в военном дискурсе; работа с профессионально значимой информацией из аутентичных иноязычных источников по специальности, в том числе военный перевод, реферирование, аннотирование текстов; решение служебных и иных профессиональных задач средствами иностранного языка в профессиональных коммуникативных ситуациях; межкультурная и межличностная коммуникация в сфере профессиональ-

ной деятельности; саморазвитие и развитие гибких навыков в процессе изучения иностранного языка.

Военная образовательная среда представляет собой догматическую среду, т. к. обладает следующими характеристиками: следование традициям, устойчивость, регламентация, дисциплина, самоограничение [13]. К особенностям военной образовательной среды относятся: приоритет воспитания (формирование гражданина, патриота, воина); регламентация (уставная дисциплина, распорядок дня, субординация, строгий контроль, регламент воинской службы); военная атрибутика (форма, знаки различия, воинские приветствия и иные ритуалы); особое сообщество (преобладание мужчин, воинское братство, высокая роль воинского коллектива, противопоставление гражданским); содержание обучения, обусловленное целями подготовки офицера (служебно-боевая деятельность, работа с вооружением и техникой, командирская подготовка); высокие нагрузки у обучающихся (физические, моральные, психологические, интеллектуальные – так называемые тяготы и лишения); обособленность (закрытость территории учебного за-

ведения как любой воинской части, защищенный режим работы с информацией, соблюдение государственной и военной тайны, ограничения в выезде за границу); разнородность и мультикультурный контекст обучающихся (курсанты из разных регионов страны). Данные характеристики военной образовательной среды напрямую влияют на организацию процесса обучения иностранному языку. В связи с этим все аспекты системы профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе имеют особенности, отличные от имеющихся в других предметно-профессиональных областях.

Модель системы профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе представлена в виде солярно-радиальной схемы по методу многомерного дидактического моделирования В. Э. Штейнберга [14] и отражает ключевые аспекты обучения: цели, функции иностранного языка как основного объекта обучения, принципы, подходы, содержание обучения, характеристики среды обучения, методики и технологии, средства обучения. Вышеуказанная модель изображена на рисунке 1 [8, С. 154].

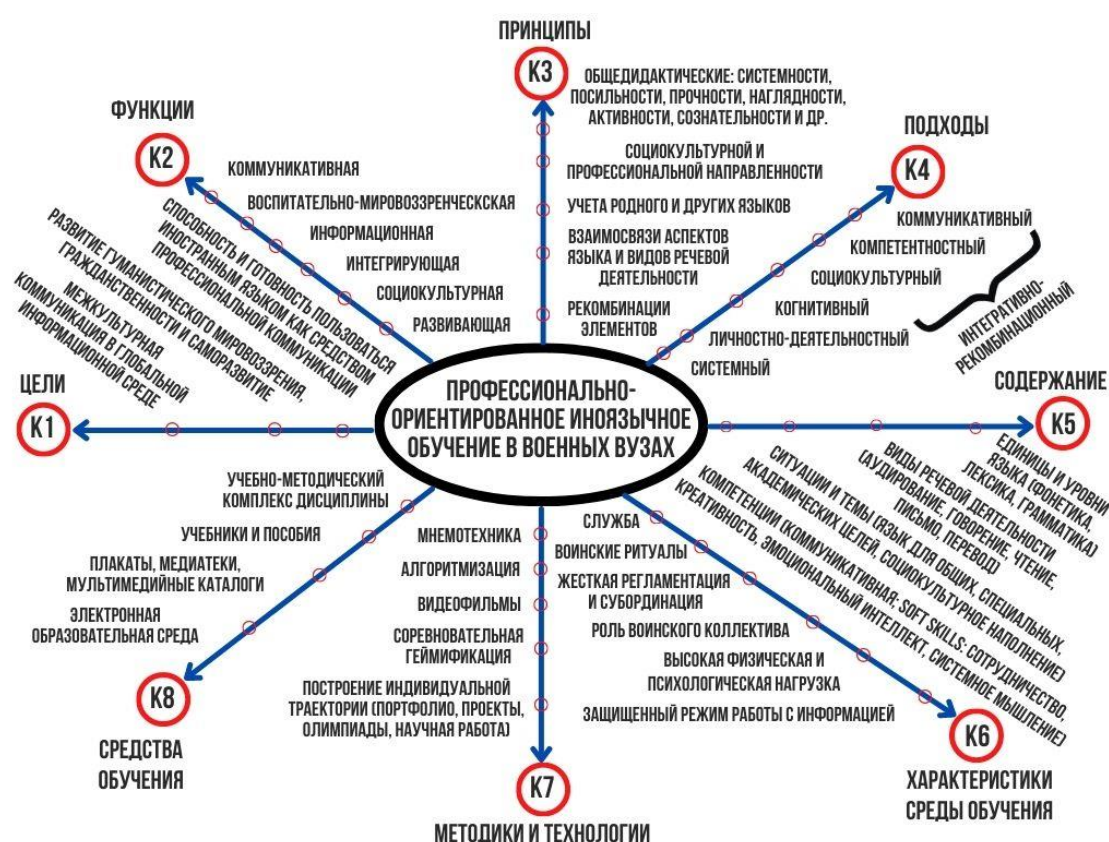

Рисунок 1 – Модель системы профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе

Figure 1 – Model of a system of professionally oriented foreign-language education in a higher military school

К принципам, задающим основной вектор иноязычного обучения в высшей военной школе относятся общедидактические принципы (системности, посильности, прочности, активности и др.), а также методические и частнометодические, обуславливающие особенности обучения определенному предмету (иностранным языку) в конкретной образовательной среде (ВООВО). Методические принципы: учета родного и других языков, социокультурной и профессиональной направленности учебного материала, взаимосвязи аспектов языка и видов речевой деятельности, интеграции и рекомбинации. Частнометодические принципы иноязычного обучения характеризуют военную образовательную среду и включают принципы: опережающего контента (изучение профессионального контекста на занятиях по иностранному языку), интенсивности, корпоративности, служебной регламентации, защиты информации, развития мотивации.

К целям обучения иностранным языкам, согласно федеральным государственным образовательным стандартам высшего образования, относятся способность и готовность пользоваться иностранным языком как средством профессиональной коммуникации. В рамках высшей военной школы мы интерпретируем эту универсальную компетенцию (УК-4) под шифром «коммуникация» как иноязычную коммуникативную военно-профессиональную компетенцию. Данная компетенция включает в себя субкомпетенции: лингвистическую (владение языковым материалом и видами речевой деятельности), социокультурную (фоновые знания о реалиях стран изучаемого языка и способность осуществлять межкультурную коммуникацию), информационную (восприятие, порождение и все виды работы с иноязычной информацией), прагматическую (умение выбирать и применять адекватные стратегии коммуникации в условиях ситуации и имеющегося уровня владения языком), самообразовательную (способность организовывать самостоятельное изучение иностранного языка и использовать язык для своих целей и саморазвития), военно-профессиональную (знание профессиональной лексики, понимание военного дискурса и способность порождать профессионально ориентированные тексты, способность решать военно-профессиональные коммуникативные задачи посредством иностранного языка).

Подход определяет угол зрения, под которым рассматривается методическая система. Предложенный автором *интегративно-рекомбинационный подход* сочетает в себе основные непротиворечащие друг другу идеи ведущих современных подходов (коммуникативного, компетентностного, социокультурного, когнитивного, личностно-деятельностного, системного) по принципу интеграции «и позволяет с учетом цифровой трансформации образования в постоянно меняющихся условиях протекания образовательного процесса сочетать по принципу рекомбинации различные формы, средства и технологии обучения» [4, С. 35].

Технологии занимают особую роль в концепции профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе, поскольку они позволяют воплотить на практике основные теоретические положения концепции. Технологии обучения представляют собой «целостную дидактическую систему, реализация которой в педагогической практике приводит к достижению гарантированных целей обучения и воспитания» [15, С. 19]. Концепция предполагает применение комплекса технологий обучения, обусловленных характеристиками военной образовательной среды. Нижеуказанный комплекс был реализован в опытно-экспериментальном обучении курсантов Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации.

Предлагаются технологии обучения специализированной лексике на основе мнемотехники, обучения грамматике с применением алгоритмизации, обучение социокультурному и профессиональному контексту на основе лингвострантоведческой компарации, интенсификации процесса обучения иностранным языкам с помощью цифровой аудиовизуализации и соревновательной геймификации. Особенности процесса профессиональной иноязычной коммуникации диктуют применение *интерактивных технологий обучения* на занятиях по иностранному языку, подразумевающих интенсивное взаимодействие (интеракцию) участников. Интерактивное обучение предполагает использование сотрудничества, которое крайне эффективно в реалиях воинского коллектива. Оно повышает мотивацию, формирует положительное отношение и интерес к изучаемой дисциплине, позволяет осознать каждому члену коллектива свою роль, развивает умение работать в команде, улучшает

социальную адаптацию. Применяются такие задания к военно-профессиональным темам как: составить диалоги, обсудить в парах и группах проблемные вопросы, высказаться «за» и «против», задать вопросы и ответить на них, описать военную реалию с двух разных позиций, провести переговоры (брифинг, сборы), проверить и оценить работы друг друга.

Для изучения профессиональной лексики целесообразно использовать мнемотехнику, позволяющую запомнить большое количество информации с помощью приемов создания ассоциаций и образов, группировки, перекодирования, опор, схем [16]. Например, изучая тему «Организация и вооружение бронетанковых войск», курсанты легко запоминают слово «hull – корпус», используя ассоциацию «у Халка мощный корпус». Также используются мнемокарты для визуализации информации, необходимой для запоминания лексики. С лексикой непосредственно связана грамматика, правила которой целесообразно учить с помощью алгоритмизации, поскольку алгоритмы важны для управления познавательной деятельностью обучающихся [17]. Алгоритмизация помогает формировать такие умения курсантов, как определять структуру и взаимосвязь элементов как частей целого; видеть особенности и характеристики явлений; выявлять тенденции и закономерности; приводить аргументацию и производить логические операции. Технология алгоритмизации при обучении грамматике предполагает представление грамматических правил в виде пошаговых алгоритмов, как правило, указывающих на то, какую грамматическую конструкцию выбрать в каждом конкретном случае. Примером является алгоритм нахождения вспомогательного глагола для того, чтобы построить вопрос на английском языке. Представленная в таком виде информация осваивается гораздо легче, в том числе благодаря характеристикам учебного группы курсантов как мужского коллектива, где преобладает рациональный подход к обучению.

Социокультурный и профессиональный контекст важен для иноязычного обучения будущих военных специалистов. Постулат соизучения языка и культуры признают большинство методистов: В. В. Сафонова [18], П. В. Сысоев [19], С. Г. Тер-Минасова [20]. В этой связи свою эффективность показала технология лингвострановедческой компарации, а именно сравнения реалий своей страны и страны изучаемого языка.

Для обучения курсантов особенно значимы военные реалии. Сравнение военно-культурных реалий, таких как видов и родов войск, образцов вооружения, систем званий и должностей, элементов распорядка дня, военных доктрин, команд и способов воинских приветствий, позволяет не только готовить курсантов к межкультурной коммуникации, но и осознавать ценность своей культуры, воспитывать самоидентичность. Разработан комплекс заданий к текстам про военные реалии России и США, основанный на методе сравнения. Пример задания: «сравните тактико-технические характеристики американской гаубицы M109 Паладин и российской гаубицы МСТА-С, используя плакат».

С одной стороны, данные гендерной психологии и психологии спорта свидетельствуют о том, что мужская среда является высоко конкурентной, и мужчинам свойственно участвовать в разного рода соревнованиях [21, 22]. С другой стороны, игровая методика давно показала свою эффективность в педагогике, т. к. она повышает мотивацию, вовлекает в происходящие действия, а игра «охватывает все виды человеческой активности» [23, С. 237]. В связи с этим в комплекс технологий иноязычного обучения курсантов экспериментальных групп была введена соревновательная геймификация, заключающаяся в использовании на занятиях по иностранному языку игр-соревнований и конкурсов с заданиями на набор баллов, а также на скорость и реакцию. Чаще всего соревнование проходило на предпоследнем занятии, завершающим тему, перед промежуточным контролем по теме (контрольной работой, тестом). Группа курсантов делилась на две-три команды, которые выбирали капитана, девиз, а затем выполняли задания по пройденной теме в игровой форме. Соревнование включало различные задания: ответить на вопросы по видеоролику, выполнить лексический тест, расшифровать тактические знаки (аббревиатуры, знаки различия) и т. п. По каждому заданию за правильные ответы начислялись баллы. В конце игры подсчитывались баллы и подводились итоги. Такие занятия позволили интенсифицировать иноязычное обучение и повысить мотивацию курсантов.

В учебно-методический комплекс по дисциплине «иностранному языку» были внесены соответствующие задания для проведения опытно-экспериментального обучения и в дальнейшем при положительной

апробации внедрения результатов исследования в образовательный процесс.

Методы

Исследование выполнено в логике общенаучного системного и частнонаучного интегративно-рекомбинационного подхода к обучению иностранным языкам в высшей школе. Методология исследования базируется на значимости аксиологического обоснования иноязычного обучения: труды А. К. Крупченко [24], Ю. В. Еремина, А. В. Рубцовой [10]; идеях влияния образовательной среды на все аспекты обучения: В. И. Слободчиков [25], В. А. Ясвин [13]; основных достижениях военной педагогики в области преподавания гуманитарных дисциплин: П. И. Образцов, В. М. Косухин [263], А. П. Шарухин [27]; исследованиях в области обучения иностранным языкам в высшей военной школе: В. Я. Колотов, Э. Р. Палютина [28], Т. Н. Крисковец [29], Т. В. Ларина, С. А. Бакленева [30], Т. Г. Шарухина [31] и др.

Для разработки концепции профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе применялись теоретические методы: изучение и анализ научной литературы, сравнительный анализ концепций профессионально ориентированного обучения иностранному языку, обобщение и экстраполяция педагогического опыта, моделирование.

Применяемые эмпирические методы: наблюдение, опытно-экспериментальное обучение, анкетирование, метод экспертной оценки, статистические методы обработки данных. С целью верификации концепции было организовано опытно-экспериментальное обучение согласно теории педагогического эксперимента, который «моделирует основные параметры учебного процесса» [32, С. 9]. Опытно-экспериментальное обучение проходило в группах курсантов первого и второго курсов Санкт-Петербургского военного орден Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, изучающих английский язык, с 2020 по 2022 гг. Пять экспериментальных групп (ЭГ) по 10–13 человек обучались английскому языку по авторской концепции с применением комплекса вышеупомянутых педагогических технологий. Их результаты освоения иноязычной коммуникативной военно-профессиональной компетенции сравнивались с результатами обучения в пяти контрольных группах (КГ) по 9–13 человек, в которых обучение проходило по традицион-

ной методике. На данном этапе эксперимента приняли участие 112 курсантов.

Результаты

Перед опытно-экспериментальным обучением в контрольных и экспериментальных группах был проведен входной срез, определивший уровень иноязычной коммуникативной компетенции. Курсантом предлагалось выполнить три задания: лексико-грамматический тест на уровень владения общеупотребительной англоязычной лексикой, основными грамматическими правилами английского языка и страноведческими знаниями за курс средней школы; коммуникативное ситуационное задание на бытовую тему, например, купить в магазине необходимые продукты, заказать номер в отеле, договориться о встрече, подсказать дорогу к определенному месту и т. п.; и задание на основе работы с англоязычным текстом: извлечение и представление информации, передача содержания, ответы на вопросы. Входной срез показал примерно равное среднее значение уровня иноязычной коммуникативной компетенции курсантов: ЭГ1 – 48 %, ЭГ2 – 52 %, ЭГ3 – 39 %, ЭГ4 – 45 %, ЭГ5 – 50 %; КГ1 – 51 %, КГ2 – 38 %, КГ3 – 47 %, КГ4 – 49 %, КГ5 – 48 %.

По результатам двух семестров обучения согласно концепции профессионально ориентированного иноязычного обучения с применением комплекса педагогических технологий, направленных на развитие иноязычной коммуникативной военно-профессиональной компетенции был проведен постэкспериментальный срез с целью установления эффективности предложенной концепции. Для этого была проведена диагностика уровня иноязычной коммуникативной военно-профессиональной компетенции (ИКВПК) на основе разработанного диагностического инструментария. Выделено пять уровней компетенции, соответствующих оценкам по пятибалльной шкале оценивания: низкий («2») – до 35 %, элементарный («3») – 35–64 %, базовый («4») – 65–86 %, высокий («5») – 87–95 %, продвинутый («5+») – 96–100 % и дополнительные достижения по иностранным языкам). Процент в скобках означает усредненное значение выполненных итоговых заданий согласно теории шкалирования оценок [33, 34].

Для определения уровня ИКВПК было предусмотрено три задания: лексико-грамматический тест, коммуникативная задача и задание на работу с иноязычной информацией. Такой выбор был обусловлен составными компонентами компетен-

ции, а также опорой на разработки концепции единого экзамена по профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности [35].

Лексико-грамматический тест выявлял знание специализированной военной лексики, основ грамматики и военно-профессиональных и культурно-страноведческих реалий. Проверка лексико-грамматических и социокультурных знаний и умений по тесту была установлена по формуле:

$$K_t = \frac{L_1}{L_2} \times 100 \% (1),$$

где K_t – коэффициент владения лексикой, грамматикой и фоновыми знаниями (по результатам теста);

L_1 – количество терминов, грамматических явлений и военных реалий, которые курсанты знают (правильно указали в тесте);

L_2 – общее количество информационных единиц, содержащихся в тесте.

Уровень прохождения теста выявил следующие показатели: ЭГ1 – 68 %, ЭГ2 – 59 %, ЭГ3 – 72 %, ЭГ4 – 75 %, ЭГ5 – 80 %; КГ1 – 42 %, КГ2 – 51 %, КГ3 – 62 %, КГ4 – 58 %, КГ5 – 60 %. Средний показатель по тесту у экспериментальных групп: 70,8 %, у контрольных групп: 54,6 %.

Коммуникативная задача представляла собой комплексное задание и заключалась в порождении устного высказывания на основании представленной информации. Примером служат такие задания, как «рассмотрев карту противника с иноязычными тактическими знаками, назвать задачи войск противника, какие подразделения находятся в первом эшелоне»; «определить более подходящее для выполнения огневой задачи вооружение по инструкции тактико-технических характеристик нескольких образцов оружия и обосновать свой выбор»; «провести беседу с местным жителем на иностранном языке, выяснить у него основные характеристики местности и на основании этих данных выбрать место для маскировки техники»; «изучить боевой приказ противника и определить, какова обстановка в подразделениях противника, когда планируется начало боевых действий»; «по схеме здания и прилегающей местности определить, где расставить группы охраны и патрули и дать задачи подчиненным для обеспечения безопасности мероприятия». Это задание оценивалось по пяти основным критериям: произношение, беглость, грамотность, вокабуляр, достижение целей коммуникативной задачи [36, 37]. По каждому критерию выставалось от 0 до 5 бал-

лов (округление до десятичной дроби). Максимальное количество баллов за все задания принималось за 100 %. Оценку коммуникативного задания осуществляла группа экспертов – преподавателей иностранного языка, прошедших соответствующий инструктаж. Экспериментальные и контрольные группы показали следующие результаты выполнения задания: ЭГ1 – 70 %, ЭГ2 – 72 %, ЭГ3 – 75 %, ЭГ4 – 68 %, ЭГ5 – 82 %; КГ1 – 50 %, КГ2 – 45 %, КГ3 – 64 %, КГ4 – 55 %, КГ5 – 58 %. Средний показатель за коммуникативное задание у экспериментальных групп: 73,6 %, у контрольных групп: 54,4 %.

Задание на работу с информацией, представленной в профессионально ориентированном тексте, включало в себя: перевод отрывка, ответы на вопросы, нахождение запрашиваемых фактов и представление искомой информации в системном виде (сравнительная таблица, анализ, аннотация). Например, один из вариантов содержал текст про беспилотные летательные аппараты. Задания были на перевод отрывка текста об использовании дронов в военных целях, заполнить таблицу «за» и «против» применения БПЛА, найти ложные утверждения из представленных и опровергнуть их данными из текста, найти в тексте информацию про самый маленький БПЛА и записать его тактико-технические характеристики. Верное выполнение всех заданий по тексту соответствовало 100 %. Результаты выполнения задания на работу с информацией: ЭГ1 – 81 %, ЭГ2 – 79 %, ЭГ3 – 82 %, ЭГ4 – 74 %, ЭГ5 – 90 %; КГ1 – 49 %, КГ2 – 58 %, КГ3 – 67 %, КГ4 – 65 %, КГ5 – 71 %. Средний показатель по заданию у экспериментальных групп: 81,2 %, у контрольных групп: 62 %.

Средний уровень иноязычной коммуникативной военно-профессиональной компетенции по результатам выполнения всех заданий экспериментальными и контрольными группами составил соответственно 72,42 % и 55 %. Итоги опытно-экспериментального обучения представлены на рисунке 2.

Обсуждение

Средние показатели компонентов иноязычной коммуникативной военно-профессиональной компетенции в экспериментальных группах больше на 17,42 %, что свидетельствует о состоятельности концепции профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе.

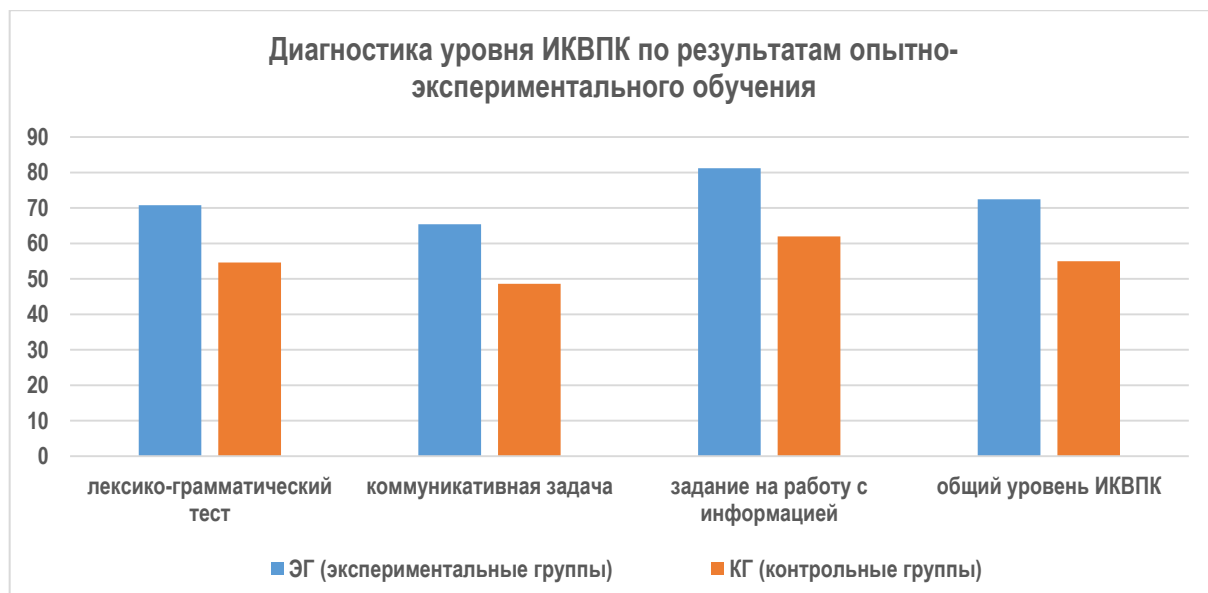

Рисунок 2 – Результаты опытно-экспериментального обучения по концепции профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе

Figure 2 – Results of pilot training according to the concept of professionally oriented foreign language training in higher military school

Анализ выполненных заданий показал, что курсанты как в экспериментальных, так и в контрольных группах лучше всего справляются с заданиями на извлечение и обработку информации, т. к. чтение является рецептивным видом речевой деятельности, а восприятие напечатанного текста наименее интеллектуально затратно по сравнению с аудированием или продуктивными видами речевой деятельности, такими как говорение и письмо. Также это можно связать с тем, что чтению уделяется большое внимание как в средней школе, так и на различных дисциплинах в высшей школе, ведь получение информации связано в первую очередь с чтением. Однако курсанты экспериментальных групп показали более высокие результаты в умениях поискового и изучающего чтения, в том числе благодаря технологиям интерактивного обучения, например, лингвострановедческой компарации. Они качественнее выполняли анализ информации и осуществляли сравнение фактов и явлений. Второй по результативности был лексико-грамматический текст. Курсантам контрольных групп сложнее давались сложные грамматические конструкции и узко профессиональные термины, которые курсанты экспериментальных групп освоили с помощью различных приемов, например, алгоритмизации и мнемотехники. Самым сложным заданием для всех курсантов

оказалась коммуникативная задача, т. к. для ее выполнения требовалось применить большое количество знаний, умений и навыков. Задание задействовало элементы нескольких субкомпетенций: лингвистической, прагматической, военно-профессиональной. Его ценность заключалась в моделировании профессиональной коммуникативной ситуации, которая может произойти в дальнейшем в профессиональной деятельности курсантов.

Помимо более высоких результатов по всем параметрам иноязычного обучения, курсанты экспериментальных групп продемонстрировали повышенную мотивацию к изучению иностранного языка, они чаще участвовали во внеурочных мероприятиях кафедры иностранных языков: олимпиадах, викторинах, конкурсах переводов, и занимали на них призовые места. Был проведен анализ портфолио курсантов по иностранному языку, курсанты экспериментальных групп набрали большее количество достижений по дисциплине «иностранному языку» на 26 %. Согласно анкетированию, проведенному по итогам опытно-экспериментального обучения, курсанты отмечали, что у них улучшились результаты и по другим дисциплинам. Они научились более логично и убедительно высказывать свои мысли, узнали профессионально значимую информацию.

Заключение

Исследование показало, что профессиональный компонент иноязычной коммуникативной компетенции является очень важным для обучения иностранному языку в военных вузах, т. к. он обеспечивает необходимую междисциплинарную интеграцию, прежде всего с военно-профессиональными дисциплинами. Высшая военная школа обладает своей спецификой в силу необходимости подготовки офицерских кадров для обеспечения безопасности страны, в связи с этим процесс обучения иностранным языкам должен базироваться на принципах, обусловленных закономерностями военной образовательной среды, такими как учет социокультурного и про-

фессионального контекста, регламентация, корпоративность, интенсивность, развитие мотивации, защита информации. Педагогические технологии для иноязычного обучения курсантов должны выбираться и комбинироваться исходя из условий обучения. Доказавшие эффективность в военной образовательной среде технологии: мнемотехника, алгоритмизация, лингвострановедческая компарация, соревновательная геймификация. Перспективным направлением для реализации идей и продолжения исследования может быть разработка дескрипторов и вариантов единого экзамена для определения уровня иноязычной коммуникативной военно-профессиональной компетенции курсантов.

Список источников

1. Шарухина Т. Г. Теория и практика иноязычного обучения в военных образовательных организациях высшего образования Росгвардии: обзор выступлений на межвузовском научно-практическом семинаре // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 3 (16). С. 116–119. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2021/09/029.pdf> (дата обращения 25.12.2023).
2. Краснощекова Г. А. Фундаментализация языкового образования студентов в технических вузах // Язык и культура. 2018. № 44. С. 229–247.
3. Ванягина М. Р. Влияние образовательной среды военного вуза на обучение иностранным языкам // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. Т. 7. № 2. С. 46–57.
4. Ванягина М. Р. Интегративно-рекомбинационный подход к обучению иностранным языкам в высшей школе // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 4(37). С. 32–36.
5. Ванягина М. Р. Интерактивные технологии обучения иностранным языкам в высшей школе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 7(160). С. 46–52.
6. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes: A learning-centered approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 185 p.
7. Алмазова Н. А. Педагогические подходы и модели интегрированного обучения иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в зарубежной и российской лингводидактике / Н. А. Алмазова, Т. А. Баранова, Л. П. Халяпина // Язык и культура. 2017. № 39. С. 116–134.
8. Ванягина М. Р. Моделирование профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2021. № 2(839). С. 147–159.
9. Коряковцева Н. Ф. Роль и статус иностранного языка в профессиональной подготовке инновационных кадров // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2019. № 1(830). С. 20–31.
10. Еремин Ю. В. Дидактико-коммуникативный подход в профессиональном иноязычном образовании / Ю. В. Еремин, А. В. Рубцова // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал. 2019. № 2 (февраль). ART 2703.
11. Поляков О. Г. Иностранный язык как профильная и непрофильная дисциплина: пути освоения и проблемы преподавания // Научные достижения 2022: гуманитарные и социальные науки: сборник материалов XI международной очно-заочной научно-практической конференции. М. : Научно-издательский центр «Империя», 2022. С. 68–70.
12. Мильруд Р. П. Преподавание английского языка будущим специалистам // Труды естественно-научного и гуманитарного факультета Тамбовского государственного технического университета: сборник научных и научно-методических статей. Тамбов: Изд-во Р. В. Першина, 2014. С. 216–224.
13. Ясвин В. А. Исследования образовательной среды в отечественной психологии: от методологических дискуссий к эмпирическим результатам // Известия Саратовского

университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. № 1. С. 80–90.

14. Штейнберг В. Э. Теория и практика дидактической многомерной технологии. М. : Народное образование, 2015. 350 с.

15. Исаева Н. Н. Роль технологий обучения в образовательном процессе военного института / Н. Н. Исаева, О. Л. Поминова // Материалы 9-й международной научно-практической конференции. Ключевые вопросы современной науки, 17–25 апреля 2013. Т. 21. Педагогические науки. Болгария. София: Белград-БД ООД. С. 17–25.

16. Зиганов М. А. Техника запоминания иностранных слов (запоминание на основе визуального мышления) / М. А. Зиганов, В. А. Козаренко, А. Н. Семин. М. : Образование, 2002. 144 с.

17. Беспалько В. П. Киберпедагогика – образовательный вызов XXI века. Педагогическая технология киберпедагогики // Школьные технологии. 2017. № 1. С. 19–25.

18. Сафонова В. В. Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 123–141.

19. Сысоев П. В. Пересматривая конструкт межкультурной компетенции: обучение межкультурному взаимодействию в условиях «диалога культур» и «не-диалога культур» // Язык и культура. 2018. № 43. С. 261–281.

20. Тер-Минасова С. Г. Вызовы межкультурной коммуникации: взгляд из России // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 9–19.

21. Горбунов Г. Д. Психопедагогика спорта. М. : Юрайт, 2019. 269 с.

22. Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб. : Питер. 2006. 431 с.

23. Мильруд Р. П. Игры, в которые играют учителя с учащимися: языковая педагогика в действии / Р. П. Мильруд, И. Р. Максимова // Язык и культура. 2019. № 45. С. 235–249.

24. Крупченко А. К. Аксиологические стратегии иноязычного профессионального педагогического образования // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 44–54.

25. Слободчиков В. И. Структура и состав образовательной сферы: категориальный анализ // Психология обучения. 2010. № 1. С. 4–24.

26. Образцов П. И. Дидактика высшей военной школы / П. И. Образцов, В. М. Косухин. Орел: Академия Спецсвязи России, 2004. 317 с.

27. Шарухин А. П. Военная педагогика: учебник для военных вузов. СПб. : Питер, 2017. 576 с.

28. Колотов В. Я. Роль обучения иностранному языку в процессе становления целостной личности курсанта ВИФК / В. Я. Колотов, З. Р. Палютина // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2021. № 2. С. 190–193.

29. Крисковец Т. Н. Новые контексты профессиональной подготовки курсантов военных образовательных организаций высшего профессионального образования Министерства обороны Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 5. С. 56.

30. Ларина Т. В. Уровни языковой подготовки в военно-профессиональном образовании / Т. В. Ларина, С. А. Бакленева // Мир образования – образование в мире. 2015. № 1. С. 93–98.

31. Шарухина Т. Г. Творческо-продуктивное иноязычное обучение курсантов военных институтов на основе профессионального дискурса // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2023. № 1(215). С. 535–540.

32. Штульман Э. А. Методический эксперимент в системе методов исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1976. 156 с.

33. Ванягин В. Е. Методика оценивания качества подготовки специалистов в военных образовательных организациях высшего образования на основе определения уровня сформированности их компетенций // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 1(29). С. 197–209.

34. Петров А. Ю. Бально-рейтинговая система оценки эффективности профессионального развития обучающихся профессиональной образовательной организации: монография. Н. Новгород: Нижегородский институт развития образования. 2021. 192 с.

35. Павловская И. Ю. Разработка концепции единого экзамена по профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности выпускника российского вуза: задачи и решения / И. Ю. Павловская, А. О. Гребенников, М. А. Креер // Тестология. 2021. № 3. С. 14–33.

36. Барская О. В. Оценка устной речи курсантов по английскому языку как второй процедуры языкового тестирования // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54-1. С. 40–46.

37. STANAG 6001 SPEAKING PROFICIENCY Assessment Criteria. URL: <https://www.natobilc.org/documents/LanguageTesting/STANAG%206001%20Speaking%20Assessment%20Criteria.pdf> (дата обращения 25.12.2023).

References

1. Sharuhina T. G. Theory and practice of foreign language education in military educational institutions of higher education of the Russian Guard: a review of presentations at the interuniversity scientific and practical seminar. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2021;3 (16): 116–119. Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2021/09/029.pdf> [Accessed 25th December 2023]. (In Russ.).

2. Krasnoshchekova G. A. The fundamentalization of students' language education in technical universities. In: Yazyk i kul'tura. 2018;44: 229–247. (In Russ.).

3. Vanyagina M. R. The influence of the educational environment of a military university on teaching foreign languages. In: Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya. 2021. Vol. 7;2: 46–57. (In Russ.).

4. Vanyagina M. R. Integrative-recombination approach to teaching foreign languages in higher education. In: Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2021. T. 10;4(37): 32–36. (In Russ.).

5. Vanyagina M. R. Interactive technologies for teaching foreign languages in higher education. In: Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.. 2021;7(160): 46–52.

6. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes: A learning-centered approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

7. Almazova N. A., Baranova T. A., Halyapina L. P. Pedagogical approaches and models of integrated teaching of foreign languages and professional disciplines in foreign and Russian linguodidactics. In: Yazyk i kul'tura. 2017;39: 116–134.

8. Vanyagina M. R. Modeling of professionally oriented foreign language education at the higher military school. In: Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2021;2(839): 147–159. (In Russ.).

9. Koryakovceva N. F. The role and status of a foreign language in the professional training of innovative personnel. In: Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2019;1(830): 20–31. (In Russ.).

10. Eremin Yu. V., Rubcova A. V. Didactic and communicative approach in professional foreign language education. In: Letters to the Issue. Offlajn (The Emissia.Offline Letters). 2019;2 (fevral'). ART 2703. (In Russ.).

11. Polyakov O. G. Inostrannyj yazyk kak profil'naya i neprofil'naya disciplina: puti osvoeniya i problemy prepodavaniya. In: Scientific achievements 2022: humanities and social sciences. Moscow: Nauchno-izdatel'skij centr «Imperiya», 2022: 68–70. (In Russ.).

12. Mil'rud R. P. Prepodavanie anglijskogo yazyka budushchim specialistam. In: Proceedings of the Faculty of Natural Sciences and Humanities of Tambov State Technical University. Tambov: Izd-vo R. V. Pershina, 2014: 216–224. (In Russ.).

13. Yasvin V. A. Research of the educational environment in Russian psychology: from methodological discussions to empirical results. In: Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2018. Vol. 18;1: 80–90. (In Russ.).

14. Shtejnberg V. E. Teoriya i praktika didakticheskoy mnogomernoj tekhnologii. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 2015. (In Russ.).

15. Isaeva N. N., Pominova O. L. Rol' tekhnologij obucheniya v obrazovatel'nom processe voennogo instituta In: Materials of the 9th International scientific and practical conference. Key issues of modern science, April 17–25, 2013. Vol. 21. Pedagogicheskie nauki. Bolgariya. Sofiya: Belgrad-BD OOD. S. 17–25. (In Russ.).

16. Ziganov M. A., Kozarenko V. A., Semin A. N. Tekhnika zapominaniya inostrannyh slov (zapominanie na osnove vizual'nogo myshleniya). Moscow: Obrazovanie, 2002. (In Russ.).

17. Bepal'ko V. P. Cyber pedagogy is an educational challenge of the XXI century. Pedagogical technology of cyber pedagogy. In: Shkol'nye tekhnologii. 2017;1: 19–25. (In Russ.).

18. Safonova V. V. Co-study of languages and cultures in the mirror of global trends in the development of modern language education. In: Yazyk i kul'tura. 2014;1 (25): 123–141. (In Russ.).

19. Sysoev P. V. Revising the construct of intercultural competence: teaching intercultural interaction in the context of a "dialogue of cultures" and a "non-dialogue of cultures". In: Yazyk i kul'tura. 2018;43: 261–281. (In Russ.).
20. Ter-Minasova S. G. Challenges of intercultural communication: a view from Russia. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2017;4: 9–19. (In Russ.).
21. Gorbunov G. D. Psihopedagogika sporta. Moscow: Yurajt, 2019. (In Russ.).
22. Bendas T. V. Gendernaya psihologiya. Saint Petersburg: Piter. 2006. (In Russ.).
23. Mil'rud R. P., Maksimova I. R. Игры, в которые играют учителя с учащимися: языковая педагогика в действии. In: Yazyk i kul'tura. 2019;45: 235–249. (In Russ.).
24. Krupchenko A. K. Axiological strategies of foreign language professional pedagogical education. In: Prepodavatel' HKHI vek. 2019;4: 44–54. (In Russ.).
25. Slobodchikov V. I. The structure and composition of the educational sphere: a categorical analysis. In: Psihologiya obucheniya. 2010;1: 4–24. (In Russ.).
26. Obratcov P. I., Kosuhin V. M. Didaktika vysshej voennoj shkoly. Eagle: Akademiya Specsvyazi Rossii, 2004. (In Russ.).
27. Sharuhin A. P. Voennaya pedagogika: uchebnik dlya voennyh vuzov. Saint Petersburg: Piter, 2017. (In Russ.).
28. Kolotov V. Ya., Palyutina Z. R. Rol' obucheniya inostrannomu yazyku v processe stanovleniya celostnoj lichnosti kursanta VIFK. In: Actual problems of physical and special training of law enforcement agencies. 2021;2: 190–193. (In Russ.).
29. Kriskovec T. N. New contexts of professional training of cadets of military educational institutions of higher professional education of the Ministry of Defense of the Russian Federation. In: Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2019;5: 56. (In Russ.).
30. Larina T. V. Levels of language training in military vocational education / T. V. Larina, S. A. Bakleneva. In: Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2015;1: 93–98. (In Russ.).
31. Sharuhina T. G. Creative and productive foreign language training of cadets of military institutes based on professional discourse. In: Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. 2023;1(215): 535–540. (In Russ.).
32. Shtul'man E. A. Metodicheskij eksperiment v sisteme metodov issledovaniya. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1976. (In Russ.).
33. Methodology for assessing the quality of training of specialists in military educational institutions of higher education based on determining the level of formation of their competencies. In: Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019;1(29): 197–209. (In Russ.).
34. Petrov A. Yu. Ball'no-rejtingovaya sistema ocenki effektivnosti professional'nogo razvitiya obuchayushchihsya professional'noj obrazovatel'noj organizacii. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskij institut razvitiya obrazovaniya. 2021. (In Russ.).
35. Development of the concept of a unified exam on professionally oriented foreign language communicative competence of a graduate of a Russian university: tasks and solutions. In: Testologiya. 2021;3: 14–33. (In Russ.).
36. Barskaya O. V. Assessment of cadets' oral speech in English as a second language testing procedure. In: Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2017;54-1: 40–46. (In Russ.).
37. STANAG 6001 SPEAKING PROFICIENCY Assessment Criteria. Available from: <https://www.natobilc.org/documents/LanguageTesting/STANAG%206001%20Speaking%20Assessment%20Criteria.pdf> [Accessed 25th December 2023]. (In Russ.).

Информация об авторе

М. Р. Ванягина – кандидат педагогических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 27.12.2023;
одобрена после рецензирования 29.01.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the author

M. R. Vanyagina – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent

The article was submitted 27.12.2023;
approved after reviewing 29.01.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 796.01:519.2

EDN: VTJQYI

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ СПОРТИВНЫХ КОМАНД В ВУЗАХ СИЛОВЫХ СТРУКТУР НА ОСНОВЕ КОНТРОЛЬНЫХ ТЕСТОВ ПОСРЕДСТВОМ ПРИМЕНЕНИЯ АЛГОРИТМОВ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА

Михаил Львович Куликов¹, Алексей Иванович Примакин²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ mptica@yandex.ru

² a.primakin@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается методика формирования спортивных команд в вузах силовых структур на основе контрольных тестов посредством применения алгоритмов кластерного анализа. Тестирование в теории и практике физической подготовки является широко распространенным методом определения уровня физической подготовленности курсантов и слушателей. Приводится пример использования многофакторного кластерного анализа в среде программы Statistica по обработке результатов контрольных тестов легкоатлетов бегунов для формирования спортивных команд на этапе отбора к соревнованиям.

Ключевые слова: тестирование, физическая подготовленность, математический инструментарий, многофакторный кластерный анализ

Для цитирования: Куликов М.Л., Примакин А.И. Методика формирования спортивных команд в вузах силовых структур на основе контрольных тестов посредством применения алгоритмов кластерного анализа // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 207–218. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/021.pdf>. EDN: VTJQYI.

Original article

METHODOLOGY OF FORMATION OF SPORTS TEAMS IN UNIVERSITIES OF POWER STRUCTURES ON THE BASIS OF CONTROL TESTS THROUGH APPLICATION OF CLUSTER ANALYSIS ALGORITHMS

Mikhail L. Kulikov¹, Alexey I. Primakin²

¹ Saint-Petersburg university of the ministry of internal affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia

² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ mptica@yandex.ru

² a.primakin@mail.ru

Abstract. The article proposes a methodology for the formation of sports teams in universities of law enforcement agencies based on control tests through the use of cluster analysis algorithms. Testing in the theory and practice of physical training is a widespread method of determining the level of physical fitness of cadets and students. An example is given of the use of multivariate cluster analysis in the environment of the Statistica program for processing the results of control tests of track and field runners to form sports teams at the selection stage for competitions.

Keywords: testing, physical fitness, mathematical tools, multivariate cluster analysis

For citation: Kulikov M.L., Primakin A.I. Methodology of formation of sports teams in universities of power structures on the basis of control tests through application of cluster analysis algorithms. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 207–218. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/021.pdf>. EDN: VTJQYI.

© Куликов М.Л., Примакин А.И., 2024

Введение

Физическая подготовка является важнейшим элементом профессиональной готовности сотрудников силовых структур [1, 2, 3]. Одним из действенных средств физической подготовки являются служебно-прикладные виды спорта, способствующие формированию различных двигательных навыков, воспитанию необходимых физических качеств. Являясь эффективным средством повышения функциональных возможностей организма, служебно-прикладные виды спорта, способствуя повышению работоспособности сотрудников, реально влияют на результативность выполнения ими служебных задач [4, 5, 6]. Развитие служебно-прикладных видов спорта предполагает проведение соревнований, отбор и подготовку соответствующих спортивных команд. Проблемы отбора и подготовки в спортивной деятельности широко обсуждаются в научных изданиях [7, 8, 9]. Одним из методов, используемых при решении данных проблем, является спортивное тестирование.

Основные положения

Использование тестирования в области физической культуры и спорта обусловлено необходимостью получения точной информации об уровне физической подготовленности на данном этапе учебно-тренировочного процесса. Сам термин «test» в переводе означает «испытание», «проверка», «проба». Тестирование – это процесс проведения того или иного испытания с целью получения определенных результатов. Проводя тестирование, мы измеряем те или иные показатели у спортсмена и на этой основе строим своё умозаключение по интересующим нас вопросам подготовки или отбора. Эта область спортивно-педагогической деятельности, являясь одной из важнейших, позволяет проводить сравнительный анализ, как отдельных спортсменов, так и спортивных команд, осуществлять отбор для участия в соревнованиях, для занятий тем или иным видом спорта, определять динамику подготовленности спортсменов и вносить необходимые коррективы в методику тренировочного процесса.

В теории и практике физической культуры и спорта в качестве тестов используются определенные двигательные действия (упражнения), отвечающие необходимым требованиям, а именно: информативность используемых тестов, их надёжность, целесообразность, стандартизация методики тестирования. Проведение процедур те-

стирования, как правило, привязано к определенным этапам спортивной подготовки, например, начало или окончание подготовительного этапа подготовки, предсоревновательный этап, этап формирования команды для участия в турнире и т. п. Информация о степени подготовленности спортсмена, получаемая при помощи тестирования, является одним из важнейших факторов управления учебно-тренировочным процессом [10, 11, 12].

Результаты, получаемые в ходе тестирования спортсменов, требуют корректных методов обработки. Задача обработки всего массива данных, полученных в ходе тестовых испытаний, предполагает использование определенных инструментов, позволяющих получить достоверные результаты, основываясь на которых тренер-преподаватель принимает те или иные управленческие решения. В качестве математического инструментария для решения выше поставленной задачи предлагается использовать многофакторный кластерный анализ [13, 14].

Материалы и методы

Рассмотрим ряд теоретических положений и рекомендаций, лежащих в основе методик и алгоритмов этого достаточно емкого раздела многомерного статистического анализа [15], который позволяет осуществлять разделение объектов не по одному параметру, а по целому набору факторов-показателей (признаков). Кроме того, в отличие от многих математико-статистических методов, многофакторный кластерный анализ не накладывает никаких ограничений на особенности изучаемых объектов.

Главная цель кластерного анализа – разделение множества изучаемых объектов, которые характеризуются некоторым набором факторов-показателей, на однородные (в некотором смысле) группы или кластеры. Говоря про однородность объектов в кластере, мы не можем утверждать, что это «лучшие» (или «худшие») объекты из изучаемой выборки. Главная особенность объектов кластера – их однородность; уникальная структура взаимосвязи факторов-показателей, присущая каждому объекту соответствующего кластера. Важно, чтобы объекты одного и того же кластера были сходными (однородными по структуре взаимосвязи показателей), а разных кластеров – разнородными.

Применение алгоритмов кластерного анализа позволяют изучать объекты самого разнообразного вида и различных шкал

размерностей (секунды, метры и т.п.), не накладывая каких-либо существенных ограничений. Первоначальный объем информации может быть достаточно большой, а в ходе обработки сокращается и становится наглядным и компактным.

Существенную роль в ходе проведения многофакторного кластерного анализа играет правильно выбранный масштаб измеряемых единиц. Впрочем, эта особенность характерна и для других видов существующих математико-статистических методов – корреляционного, факторного, дискриминантного и других видов анализов [16].

Предварительным этапом в этом случае является стандартизация (нормирование) исходных данных, когда из текущего числового значения фактора-показателя вычитают среднее выборочное и делят на среднее квадратическое отклонение – СКО (1):

$$z = \frac{(x - \bar{x})}{\sigma}, \quad (1)$$

где z – стандартизированное (нормированное) значение; x – текущее числовое значение фактора-показателя; $\bar{x}, \sigma$ – среднее выборочное и среднее квадратическое отклонение (СКО) соответственно [17].

В результате операции стандартизации характеристики положения – средние выборочные по каждому фактору становятся равными нулю, а характеристики разброса – дисперсии и среднее квадратическое отклонение (СКО) – единице. Это соответствует как бы «выравниванию» всех факторов-показателей, устраняя соответствующие размерности и приводя их к единому диапазону значений.

Методы кластерного анализа условно можно разделить на два вида: иерархические и неиерархические, каждый из которых включает большое разнообразие приемов и алгоритмов. Применяя различные методы, исследователь может получить для одних и тех же исходных данных различные рекомендации и решения задачи, причем, это будет расцениваться, как допустимое и нормальное явление [18].

Алгоритмы иерархической кластеризации позволяют большие кластеры разделять на меньшие (дивизимные методы – Divisive ANALysis, DIANA), а исходные элементы и меньшие кластеры последовательно объединять в большие (агломеративные методы – Agglomerative Nesting, AGNES), уменьшая, тем самым, число кластеров.

Как правило, иерархические методы кластерного анализа применяют при незначительных объемах выборок, помимо этого, они дают наглядное представление о

процедуре кластеризации, осуществляя построение дендрограмм (dendron – «дерево»). Дендрограмма визуализирует близость (однородность) отдельных элементов и кластеров друг к другу, показывая в графической форме последовательность шагов по разделению или объединению (в зависимости от применяемого метода кластеризации – DIANA или AGNES) кластеров.

Алгоритм древовидной кластеризации производит расчет расстояний между объектами в одномерном или многомерном пространстве и в дальнейшем применяет эти расстояния при формировании кластеров. Наиболее наглядным и очевидным методом расчета можно считать вычисление евклидовых расстояний, которые отражают реальные геометрические расстояния между объектами в многомерном пространстве (2):

$$d_{ij} = d(Y_i, Y_j) = \sqrt{\sum_{k=1}^m (x_{ki} - x_{kj})^2}, \quad (2)$$

где $d(Y_i, Y_j)$ – геометрическое расстояние между i и j объектами; m – количество переменных (факторов-показателей); x_{ki} и x_{kj} – значения по k -ой переменной (фактору-показателю) i и j объектов.

Не менее популярной метрикой можно считать квадрат евклидова расстояния, которая применяется для придания большего веса наиболее отдаленным друг от друга переменным (3):

$$d_{ij} = d(Y_i, Y_j) = \sum_{k=1}^m (x_{ki} - x_{kj})^2. \quad (3)$$

В зависимости от характера решаемой задачи существует практика придания каждому фактору-показателю веса или коэффициента важности в виде экспертных оценок, которые формируются в результате опроса экспертов-специалистов соответствующей предметной области.

«Взвешенное» евклидово расстояние применяется в тех случаях, когда каждой переменной (фактору-показателю) удается приписать некоторый коэффициент важности (вес) – w_k , определяющий его значимость в решаемой задаче (4):

$$d_{ij} = d(Y_i, Y_j) = \sqrt{\sum_{k=1}^m w_k (x_{ki} - x_{kj})^2}. \quad (4)$$

На этом этапе кластерного анализа проводится процедура объединения отдельных объектов, первоначально представляющие из себя, как бы отдельные кластеры, в более крупные структуры – группы-кластеры. В дальнейшем эти группы-кластеры предстоит по определенным правилам объединять друг с другом. К таким правилам в процессе кластеризации можно отнести: принцип «ближайшего со-

седа», принцип «дальнего соседа» и принцип «средней связи».

Допустим, требуется найти расстояние между двумя кластерами S_1 и S_2 , при этом каждый кластер включает в себя некоторое количество объектов. Для каждой пары объектов (Y_i, Y_j) , где $Y_i \in S_1; Y_j \in S_2$, находим расстояние $d(Y_i, Y_j)$ по одной из описанных ниже формул.

Расстояние между кластерами по правилу «ближайшего соседа» определяется по формуле (5):

$$d(S_1, S_2) = \min_{Y_i \in S_1; Y_j \in S_2} d(Y_i, Y_j). \quad (5)$$

Расстояние между кластерами по правилу «дальнего соседа» определяется по формуле (6):

$$d(S_1, S_2) = \max_{Y_i \in S_1; Y_j \in S_2} d(Y_i, Y_j). \quad (6)$$

Расстояние между кластерами по правилу «средней связи» определяется, как среднее арифметическое всех попарных расстояний между объектами рассматриваемых групп (7):

$$d(S_1, S_2) = \frac{1}{n_1 \cdot n_2} \sum d(Y_i, Y_j), \quad (7)$$

где сумма берется по всем парам объектов (Y_i, Y_j) , при условии: $Y_i \in S_1; Y_j \in S_2$, а величины n_1 и n_2 определяют число объектов в первой и второй группах соответственно.

К неиерархическим видам кластерного анализа относится метод k -средних (k -means). Данный метод применяется, когда исследователь понимает, сколько кластеров ему необходимо. Допустим, в случае формирования двух группы-кластеры, как, например, в ходе решения нашей задачи, метод k -средних строит и располагает их на как можно более удаленном расстоянии друг от друга, чтобы они были настолько различны, насколько это возможно.

Алгоритм кластерного анализа случайным образом в пространстве назначает центры будущих кластеров. Затем вычисляет расстояние между центрами кластеров и каждым объектом, и объект приписывается к тому кластеру, к которому он ближе всего. После этого вычисляются средние значения для каждого кластера, как некий центр «тяжести» кластера, – средних будет столько, сколько используется переменных для проведения анализа (k переменных). Этот набор k -средних значений определяет координаты нового положения центра кластера.

В дальнейшем алгоритм кластерного анализа вновь вычисляет расстояние от каждого объекта до центров «тяжести» кластеров и «связывает» объекты с ближайшим кластером. Этот процесс (итерационный цикл) повторяется до тех пор, пока центры

«тяжести» кластеров не перестанут «мигрировать» в пространстве.

Результаты (практическая часть)

Применим рассмотренные алгоритмы многофакторного кластерного анализа для решения практической задачи по формированию спортивных команд [19].

В описываемом исследовании проводилось тестирование спортсменов легкоатлетов Санкт-Петербургского университета МВД России, специализирующихся в беге на средние дистанции. Тестирование проводилось с целью формирования команд для подготовки к серии соревнований летнего сезона. В качестве тестов использовались следующие упражнения: прыжок в длину с места, тройной прыжок с места, бег 60 метров с высокого старта, бег 400 метров, бег 1500 метров. Использование данной батареи тестов обусловлено необходимостью определить, как скоростно-силовые качества, так и уровень развития выносливости, что в итоге влияет на конечный результат выступления в соревнованиях по легкоатлетическому кроссу (бег на 3 км и эстафета 4x1 км) и служебному двоеборью (бег 3 этапа по 1 км (500 м) со стрельбой из ПМ между этапами). Результаты тестирования представлены в таблице 1.

Обработка результатов представленной батареи тестов осуществлялась с помощью специализированной компьютерной программы Statistica [20], в среде которой на начальном этапе кластерного анализа проводилась стандартизация (нормирование) исходных данных в соответствии с формулой (1).

Нормированные результаты тестирования представлены в таблице 2.

После нормирования данных непосредственно приступаем к кластерному анализу, выбирая агломеративный метод иерархической древовидной кластеризации, результатом которой является построение дендрограммы (рисунок 1).

В качестве расстояний между объектами (19 объектов – спортсмены-легкоатлеты) в данном пятимерном пространстве (в нашей задаче пять факторов-тестов: два фактора связаны с прыжками, а три – с бегом), вычисляются евклидовы расстояния (*Euclidean distances*) по формуле (2).

Сформировав первые простейшие кластеры, их дальнейшее объединение осуществляется по правилу «ближайшего соседа» – *Single Linkage* (метод одиночной связи «принцип ближайшего соседа»), которое описывается формулой (5).

Таблица 1 – Результаты тестирования спортсменов легкоатлетов Санкт-Петербургского университета МВД России, специализирующихся в беге на средние дистанции

Table 1 – Test results of athletes of athletes of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia specializing in middle distance running

№ п/п	Тесты				
	Прыжок в длину с места, см	Тройной прыжок с места, см	Бег 60 м с высокого старта, с	Бег 400 м, с	Бег 1500 м, мин.
1.	240	740	8,0	56,0	4,48
2.	244	745	8,7	56,4	4,60
3.	243	748	8,1	57,1	4,70
4.	246	745	8,6	56,0	4,60
5.	243	747	8,2	56,1	4,70
6.	249	748	8,0	55,2	4,70
7.	250	749	8,3	55,0	4,90
8.	246	742	8,2	57,0	4,80
9.	247	743	8,1	56,1	4,70
10.	259	760	7,9	54,9	4,29
11.	255	755	7,8	53,0	4,39
12.	257	759	7,9	54,0	4,36
13.	258	758	7,7	53,0	4,41
14.	250	760	7,8	52,0	4,36
15.	254	757	7,5	54,0	4,35
16.	253	758	7,7	54,6	4,29
17.	242	745	8,2	56,4	4,51
18.	256	759	7,9	54,8	4,30
19.	257	761	7,8	53,0	4,39
Среднее	249,95	751,53	8,02	54,95	4,45
СКО	5,93	7,06	0,29	1,41	0,10

Таблица 2 – Нормированные результаты тестирования спортсменов легкоатлетов Санкт-Петербургского университета МВД России, специализирующихся в беге на средние дистанции

Table 2 – Standardized test results for athletes of athletes of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia specializing in middle distance running

№ п/п	Тесты				
	Прыжок в длину с места	Тройной прыжок с места	Бег 60 м с высокого старта	Бег 400 м	Бег 1500 м
1.	-1,68	-1,63	-0,07	0,75	0,35
2.	-1,00	-0,92	2,30	1,03	1,45
3.	-1,17	-0,50	0,27	1,32	1,35
4.	-0,67	-0,92	1,96	0,75	0,75
5.	-1,17	-0,64	0,61	0,82	1,05
6.	-0,16	-0,50	-0,07	0,18	0,45
7.	0,01	-0,36	0,95	0,04	0,85
8.	-0,67	-1,35	0,61	1,24	1,25
9.	-0,50	-1,21	0,27	0,82	0,55
10.	1,53	1,20	-0,41	-0,03	-1,56
11.	0,85	0,49	-0,75	-1,38	-0,55
12.	1,19	1,06	-0,41	-0,67	-0,85
13.	1,36	0,92	-1,09	-1,38	-0,35
14.	0,01	1,20	-0,75	-2,09	-0,85
15.	0,68	0,78	-1,77	-0,67	-0,95
16.	0,51	0,92	-1,09	-0,25	-1,56

№ п/п	Тесты				
	Прыжок в длину с места	Тройной прыжок с места	Бег 60 м с высокого старта	Бег 400 м	Бег 1500 м
17.	-1,34	-0,92	0,61	1,03	0,65
18.	1,02	1,06	-0,41	-0,10	-1,46
19.	1,19	1,34	-0,75	-1,38	-0,55
Среднее	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
СКО	1	1	1	1	1

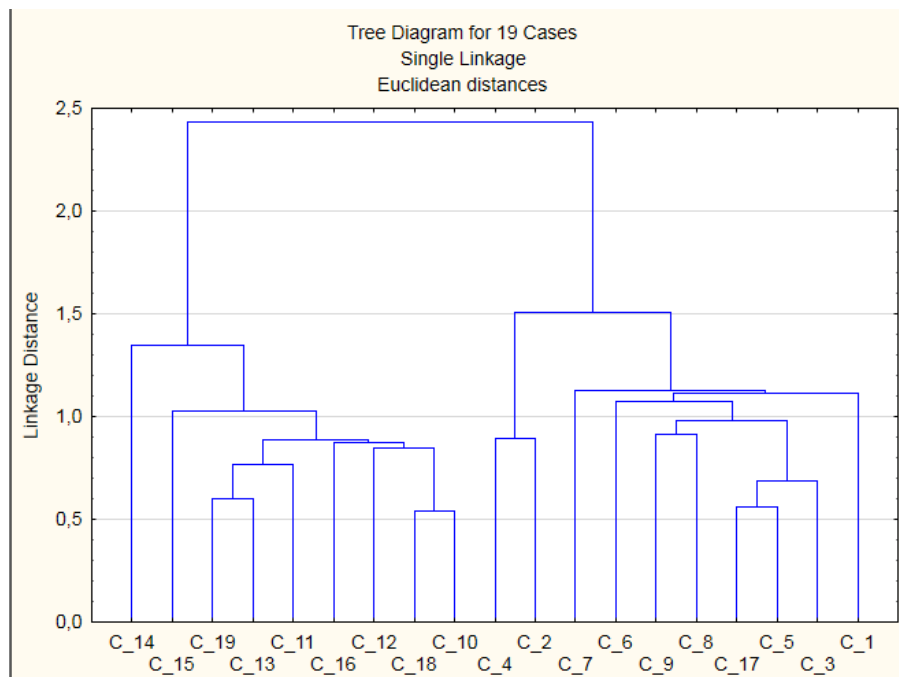

Рисунок 1 – Вертикальная дендрограмма –
результат иерархической древовидной кластеризации

Figure 1 – Vertical dendrogram – result of hierarchical tree clustering

Дендрограмма наглядно демонстрирует последовательность объединения сначала однородных объектов друг с другом в кластеры, затем – кластеров друг с другом в зависимости от расстояния *Linkage Distances* (ось ординат).

На первом этапе каждый объект представляет собой один кластер (вертикальная линия), далее наблюдаем объединение таких объектов в кластеры, а потом взаимное объединение кластеров до тех пор, пока все объекты не объединятся в один кластер. Для каждого узла в графе (там, где формируется новый кластер) можно видеть величину расстояния *Linkage Distances*, для которого соответствующие объекты связываются в новый кластер.

Анализируя результаты кластеризации, представленные на рисунке 1, очевидным представляется формирование двух кла-

стеров (команд) на расстоянии *Linkage Distances*, равном 1,5 и более. В первом кластере (команде) близкими (однородными) объектами являются объекты (спортсмены-легкоатлеты) с номерами от 1 до 9 и 17, во втором – с номерами от 10 до 16, 18 и 19.

С учетом специализации спортсменов-легкоатлетов представляет определённый интерес проведение кластерного анализа только по профильным тестам – по видам бега (факторы 3, 4 и 5 – Var 3, Var 4 и Var 5), с учётом того, что три фактора предоставляют возможность сформировать трехмерное пространство и определить в нем расположение каждого из объектов по соответствующим координатам (факторам). Результат подобной «усеченной» кластеризации представлен на рисунке 2.

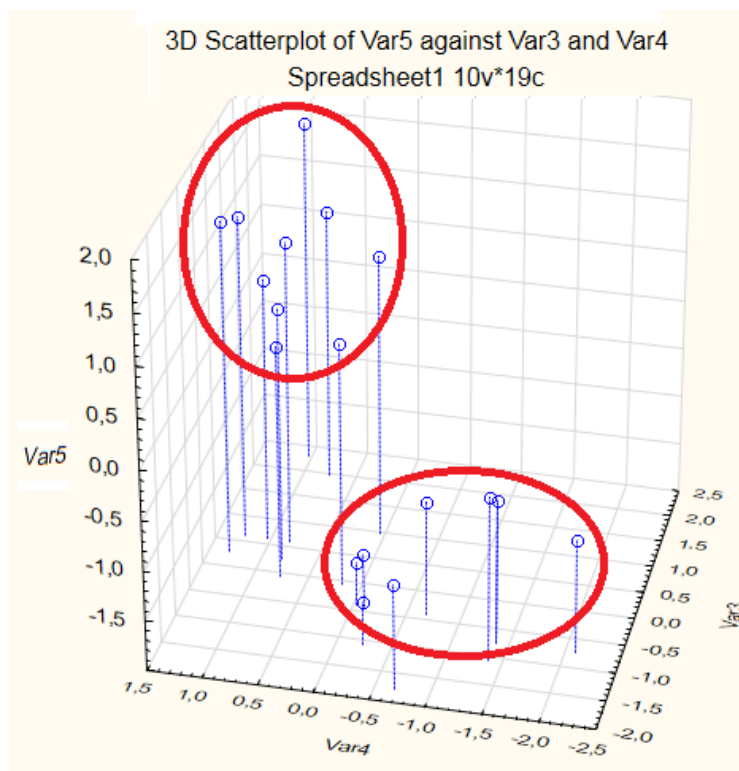

Рисунок 2 – Результат трехфакторной кластеризации с визуализацией формирования двух кластеров (групп-команд спортсменов-легкоатлетов)

Figure 2 – The result of three-factor clustering with visualization of the formation of two clusters (groups-teams of athletes-athletes)

В данном случае очевидно формирование двух кластеров, состоящих из сходных объектов, которые выделены на рисунке 2 посредством эллипсовидных контуров. Стоит отметить, что подобная визуализация результатов кластерного анализа невозможна в случае большего количества факторов (четыре и более).

Возможность формирования по результатам тестирования двух кластеров-групп целесообразно проверить с помощью не иерархического вида кластерного анализа, т.е. посредством метода *k*-средних (*k*-means). Понимая, что все исследуемые объекты необходимо разделить на два кластера, вновь обращаемся к программе *Statistica*, но в стартовой панели модуля *Cluster analysis* (кластерный анализ) выбираем кластеризацию методом *k*-средних (*K-means clustering*). Выбираем показатели, по которым будет происходить кластеризация, указав число кластеров равное двум. Метод *k*-средних основан на итерационных процедурах, где в результате каждой итерации исследуемые объекты перемещаются в различные кластеры. Указав в опциях процесса кластеризации число итераций (*Number of iterations*) и выбрав начальные центры кла-

стеров (*Initial cluster centers*), получаем результаты дисперсионного анализа (*Analysis of Variance*) кластеризации методом *k*-средних (рисунок 3).

Дисперсионный анализ кластеризации методом *k*-средних построен на соотношении межгрупповых и внутригрупповых дисперсий (*SS*), числе степеней свободы (*df*), вычислении *F*-критерия (критерия Фишера) и определении уровней значимости *p* по каждой из переменных. В рассматриваемой задаче уровни значимости переменных малы (значительно меньше, чем 0,01), что говорит об отклонении гипотез о равенстве средних для центров кластеров. Таким образом, убеждаемся в значительном влиянии каждого из факторов на конечный результат кластерного анализа – объединение объектов на однородные схожие группы.

При выборе вкладки *Graph of means* будет построен график координат центров кластеров, который представлен на рисунке 4.

Ломаные линии на этом графике соответствуют сформированным кластерам. Деления горизонтальной оси графика соответствуют переменным (факторам) кластерного анализа, в рассматриваемой

задаче их пять. Вертикальная ось (ось ординат) отображает средние значения по

переменным для объектов, входящих в соответствующий кластер.

Variable	Analysis of Variance (Spreadsheet1)					
	Between SS	df	Within SS	df	F	signif. p
Var1	14,67646	1	4,323543	17	57,7073	0,000001
Var2	16,95654	1	2,043463	17	141,0650	0,000000
Var3	11,64246	1	7,357538	17	26,9005	0,000074
Var4	13,42066	1	5,579338	17	40,8922	0,000007
Var5	15,96029	1	3,039709	17	89,2602	0,000000

Рисунок 3 – Результаты дисперсионного анализа кластеризации методом *k*-средних

Figure 3 – Results of *k*-mean clustering analysis of variance

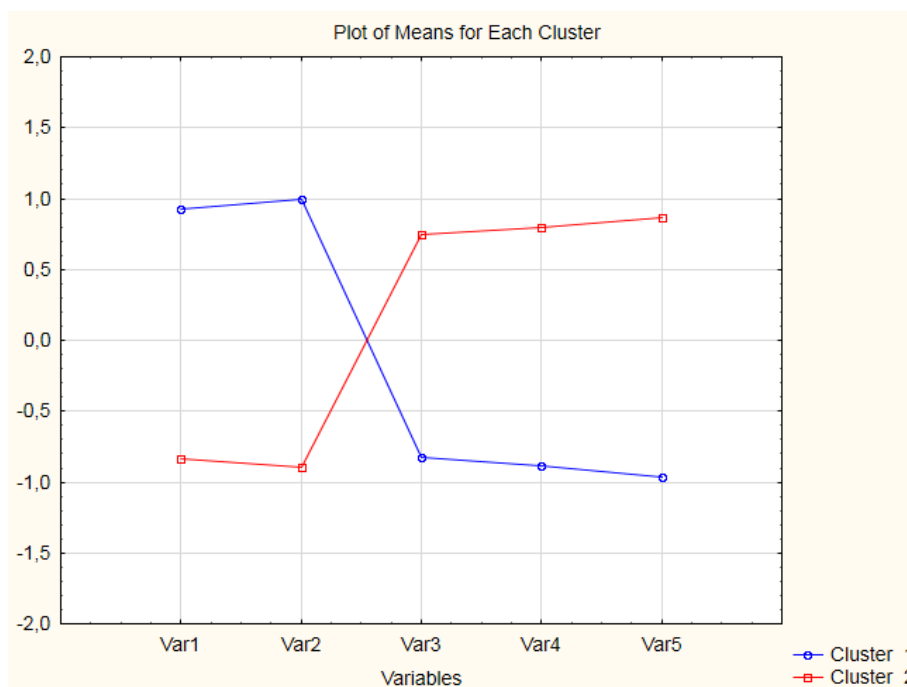

Рисунок 4 – График координат центров кластеров

Figure 4 – Cluster Center Coordinate Plot

Анализируя информацию, представленную на рисунке 4, можно отметить, что просматриваются существенные отличия по результатам тестирования в отношении двух групп спортсменов-легкоатлетов по всем переменным (факторам), т.е. по всем видам тестов: и по прыжкам, и по разновидностям бега.

С помощью вкладки *Save classifications and distances* выводятся номера каждого из

объектов, входящих в соответствующий кластер, и расстояния от объектов до центра каждого кластера. Величина данного расстояния указывает на косвенную принадлежность объекта к соответствующему кластеру. Проведя эту операцию и рассортировав столбец с номерами кластера (*CLUSTER*) по возрастанию, получим результат, приведенный на рисунке 5.

Spreadsheet1								
	1 Var1	2 Var2	3 Var3	4 Var4	5 Var5	6 CASE_NO	7 CLUSTER	8 DISTANCE
C_10	1,53	1,20	-0,41	-0,03	-1,56	10	1	0,57
C_11	0,85	0,49	-0,75	-1,38	-0,55	11	1	0,37
C_12	1,19	1,06	-0,41	-0,67	-0,85	12	1	0,25
C_13	1,36	0,92	-1,09	-1,38	-0,35	13	1	0,42
C_14	0,01	1,20	-0,75	-2,09	-0,85	14	1	0,69
C_15	0,68	0,78	-1,77	-0,67	-0,95	15	1	0,46
C_16	0,51	0,92	-1,09	-0,25	-1,56	16	1	0,45
C_18	1,02	1,06	-0,41	-0,10	-1,46	18	1	0,45
C_19	1,19	1,34	-0,75	-1,38	-0,55	19	1	0,35
C_1	-1,68	-1,63	-0,07	0,75	0,35	1	2	0,66
C_2	-1,00	-0,92	2,30	1,03	1,45	2	2	0,76
C_3	-1,17	-0,50	0,27	1,32	1,35	3	2	0,45
C_4	-0,67	-0,92	1,96	0,75	0,75	4	2	0,55
C_5	-1,17	-0,64	0,61	0,82	1,05	5	2	0,21
C_6	-0,16	-0,50	-0,07	0,18	0,45	6	2	0,61
C_7	0,01	-0,36	0,95	0,04	0,85	7	2	0,57
C_8	-0,67	-1,35	0,61	1,24	1,25	8	2	0,35
C_9	-0,50	-1,21	0,27	0,82	0,55	9	2	0,33
C_17	-1,34	-0,92	0,61	1,03	0,65	17	2	0,28

Рисунок 5 – Состав каждого кластера и расстояния объектов от центров соответствующих кластеров

Figure 5 – Structure of each cluster and distance of objects from the centers of the corresponding clusters

Информация, полученная нами с помощью метода k -средних, о принадлежности объектов к соответствующим кластерам совпадает с результатами иерархической древовидной кластеризации, что свидетельствует о достоверности полученных данных.

Заключение

В нашем исследовании была предпринята попытка использования в спортивно-педагогической практике методов многофакторного кластерного анализа с применением специализированной компьютерной программы Statistica при обработке результатов тестирования

спортсменов-легкоатлетов по пяти переменным (факторам). Исследование показало, что многомерный кластерный анализ является действенным математическим инструментом, позволяющим сделать обоснованные выводы, к которым было бы затруднительно прийти, например, просто построив гистограмму средних или посчитав процентное соотношение между результатами различных видов тестирования. Использование программы Statistica облегчает расчеты, позволяя достаточно быстро и наглядно получать данные, необходимые педагогу, тренеру для принятия обоснованных решений.

Список источников

1. Приказ Росгвардии от 24.05.2021 № 178 «О внесении изменения в Квалификационные требования к уровню физической подготовки для должностей рядового состава. URL: <https://pravo.ppt.ru/prikaz/rosgvardiya/n-178-251992> (дата обращения: 14.12.2023).
2. Радченко Д. Г. Проблемы повышения эффективности физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств // Оптимизация учебно-воспитательного и тренировочного процесса в учебных организациях высшего образования. Здоровый образ жизни как фактор профилактики наркомании: материалы всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 19 мая 2018 года / отв. ред. Е. В. Панов. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 96–98.
3. Ивахненко Г. А. К вопросу эффективности физической подготовки на начальном этапе обучения в вузах силовых ведомств // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 9 (187). С. 121–123.

4. Ефимов В. В. Пути развития служебно-прикладных и военно-прикладных видов спорта среди офицеров Росгвардии // Перспективные направления научных исследований в области физической культуры и спорта (теория и практика): сборник статей Итоговой научно-практической конференции за 2018 год, посвященной 65-ой годовщине образования Научно-исследовательского центра (по физической подготовке и военно-прикладным видам спорта в Вооружённых Силах Российской Федерации: в 2 ч. Санкт-Петербург, 26-27 февраля 2019 года. Ч. 1. СПб. : Военный институт физической культуры, 2019. С. 155–160.
5. Пестерев Н. Н. Вопросы популяризации служебно-прикладных видов спорта МВД России / Н. Н. Пестерев, Е. В. Архипов // Совершенствование методики преподавания специальных профессиональных дисциплин в образовательных организациях МВД России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 18 февраля 2019 года. Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2019. С. 110–112.
6. Василенко Д. В. Организация и развитие в органах внутренних дел служебно-прикладных видов спорта // Инновации. Наука. Образование. 2021. Т. 1. № 44. С. 36–40.
7. Уголькова Е. Р. Спортивный отбор и его теоретические аспекты, спортивный отбор на этапе углубленной специализации // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 2(180). С. 426–430.
8. Насевич С. В. Проблема спортивного отбора // Вопросы студенческого спорта и теории спортивной тренировки: Материалы Республиканской научно-практической конференции, Элиста, 14 июня 2019 года / отв. ред. И. Т. Балдашинов. Элиста: Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, 2019. С. 6–8.
9. Попова И. Е. Критерии спортивного отбора в легкую атлетику // Проблемы и достижения современной науки. 2020. № 1(7). С. 14–16.
10. Диянова С. Н. Показатели физической подготовки – тестирование / С. Н. Диянова, И. Ю. Арушанян, Н. А. Михайлова // Инновационные проекты и программы в психологии, педагогике и образовании: сборник статей Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 01 декабря 2018 года. Магнитогорск: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2018. С. 74–77.
11. Андреева О. В. Тестирование по физической подготовке / О. В. Андреева, К. Е. Жарова, Н. Н. Котляр, Е. В. Шестопалов. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2021. 100 с.
12. Антрофилов С. А. Применение различных видов тестирования физической подготовленности военнослужащих для разработки нормативных требований по физической подготовке: сборник статей научно-практической конференции профессорско-преподавательского и научного составов института за 2021 г.: в 2 ч. Санкт-Петербург, 16–17 февраля 2022 года. Ч. 2. СПб. : Военный институт физической культуры, 2022. С. 183–188.
13. Черных А. К. Математические методы в психологии: учебное пособие / А. К. Черных, Н. В. Ярмоленко, С. Е. Сычев [и др.]. Ч. 3. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2020. 91 с.
14. Грачев М. И. Математическое моделирование организационных систем / М. И. Грачев, В. Г. Бурлов, Н. Г. Грачева // Наукоемкие технологии в космических исследованиях Земли. 2022. Т. 14. № 5. С. 14–20. DOI 10.36724/2409-5419-2022-14-5-14-20. EDN SBRDUD.
15. Большакова Л. В., Примакин А. И., Яковлева Н. А. Математико-статистические методы обработки экспериментальных данных при проведении научных исследований (методические рекомендации) / Л. В. Большакова, А. И. Примакин, Н. А. Яковлева. СПб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2014. 92 с.
16. Ермолаев-Томин О. Ю. Математические методы в психологии: учебник. 5-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2014. 511 с.
17. Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика: учебник для прикладного бакалавриата. 12-е изд. М. : Юрайт, 2015. 480 с.
18. Мандель И. Д. Кластерный анализ. М. : Финансы и статистика. 1988. 176 с.
19. Афонин П. Н. Статистический анализ с применением современных программных средств: учебное пособие / П. Н. Афонин, Д. Н. Афонин. СПб. : ИЦ «Интермедия», 2017. 100 с.
20. Стукач О. В. Программный комплекс Statistica в решении задач управления качеством: учебное пособие / О. В. Стукач; Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011.

References

1. Prikaz Rosgvardii ot 24.05.2021 № 178 «O vnesenii izmeneniya v Kvalifikacionnye trebovaniya k urovnyu fizicheskoy podgotovki dlya dolzhnostej ryadovogo sostava. Available from: <https://pravo.ppt.ru/prikaz/rosgvardiya/n-178-251992> [Accessed 14th December 2023]. (In Russ.).
2. Radchenko D. G. Problemy povysheniya effektivnosti fizicheskoy podgotovki kursantov, slushatelej obrazovatel'nyh organizacij i sotrudnikov silovyh vedomstv. In: Optimizaciya uchebno-vospitatel'nogo i trenirovochnogo processa v uchebnyh organizacijah vysshego obrazovaniya. Zdorovyj obraz zhizni kak faktor profilaktiki narkomanii. Krasnoyarsk: Sibirskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2018: 96–98. (In Russ.).
3. Ivahnenko G. A. On the issue of the effectiveness of physical training at the initial stage of education in law enforcement agencies. In: Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. 2020;9 (187): 121–123. (In Russ.).
4. Efimov V. V. Puti razvitiya sluzhebno-prikladnyh i voenno-prikladnyh vidov sporta sredi oficerov Rosgvardii. In: Perspektivnye napravleniya nauchnyh issledovanij v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta (teoriya i praktika). Saint-Petersburg: Voennyj institut fizicheskoy kul'tury, 2019: 155–160. (In Russ.).
5. Pesterev N. N. Voprosy populyarizacii sluzhebno-prikladnyh vidov sporta MVD Rossii / N. N. Pesterev, E. V. Arhipov. In: Sovershenstvovanie metodiki prepodavaniya special'nyh professional'nyh disciplin v obrazovatel'nyh organizacijah MVD Rossii. Krasnodar: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii», 2019: 110–112. (In Russ.).
6. Vasilenko D. V. Organizaciya i razvitie v organah vnutrennih del sluzhebno-prikladnyh vidov sporta. In: Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. T. 1;44: 36–40. (In Russ.).
7. Ugol'kova E. R. Sports selection and its theoretical aspects, sports selection at the stage of advanced specialization. In: Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. 2020;2(180): 426–430. (In Russ.).
8. Nasevich S. V. Problema sportivnogo otbora In: Voprosy studencheskogo sporta i teorii sportivnoj trenirovki. Elista: Kalmyckij gosudarstvennyj universitet imeni B.B. Gorodovikova, 2019: 6–8. (In Russ.).
9. Popova I. E. Criteria for athletic selection in athletics. In: Problemy i dostizheniya sovremennoj nauki. 2020;1(7): 14–16. (In Russ.).
10. Diyanova S. N., Arushanyan I. Yu., Mihajlova N. A. Pokazateli fizicheskoy podgotovki – testirovanie. In: Innovacionnye proekty i programmy v psihologii, pedagogike i obrazovanii. Magnitogorsk: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Aeterna», 2018: 74–77. (In Russ.).
11. Andreeva O. V., Zharova K. E., Kotlyar N. N. Testirovanie po fizicheskoy podgotovke. Magnitogorsk: Magnitogorskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet im. G. I. Nosova, 2021. (In Russ.).
12. Antrofikov S. A. Primenenie razlichnyh vidov testirovaniya fizicheskoy podgotovlennosti voennosluzhashchih dlya razrabotki normativnyh trebovanij po fizicheskoy podgotovke. Saint-Petersburg: Voennyj institut fizicheskoy kul'tury, 2022: 183–188. (In Russ.).
13. Chernyh A. K., Yarmolenko N. V., Sychev S. E. Matematicheskie metody v psihologii. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbI vojsk nacional'noj gvardii, 2020. (In Russ.).
14. Grachev M. I., Burlov V. G., Gracheva N. G. Matematicheskoe modelirovanie organizacionnyh sistem. In: Naukoemkie tekhnologii v kosmicheskikh issledovaniyah Zemli. 2022. Vol. 14;5: 14–20. DOI 10.36724/2409-5419-2022-14-5-14-20. EDN SBRDUD. (In Russ.).
15. Bol'shakova L. V., Primakin A. I., Yakovleva N. A. Matematiko-statisticheskie metody obrabotki eksperimental'nyh dannyh pri provedenii nauchnyh issledovanij (metodicheskie rekomendacii). Saint-Petersburg: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2014. (In Russ.).
16. Ermola ev-Tomin O. Yu. Matematicheskie metody v psihologii. Moscow: Izd-vo Yurajt, 2014. (In Russ.).
17. Gmurman V. E. Teoriya veroyatnostej i matematicheskaya statistika: uchebnik dlya prikladnogo bakalavriata. Moscow: Yurajt, 2015. (In Russ.).
18. Mandel' I. D. Klasternyj analiz. Moscow: Finansy i statistika. 1988. (In Russ.).
19. Afonin P. N., Afonin D. N. Statisticheskij analiz s primeneniem sovremennyh programnyh sredstv. Saint-Petersburg: IC «Intermediya», 2017. (In Russ.).
20. Stukach O. V. Programmnij kompleks Statistika v reshenii zadach upravleniya kachestvom: uchebnoe posobie / O. V. Stukach; Tomskij politekhnicheskij universitet. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2011. (In Russ.).

Информация об авторах

М. Л. Куликов – кандидат педагогических наук,
доцент

А. И. Примакин – доктор технических наук,
профессор

Вклад авторов: все авторы сделали
эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта
интересов.

Статья поступила в редакцию 20.12.2023;
одобрена после рецензирования 28.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

M. L. Kulikov – Candidate of Sciences
(Pedagogy), Docent

A. I. Primakin – Doctor of Sciences (Technical),
Professor

Contribution of the authors: the authors
contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 20.12.2023;
approved after reviewing 28.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 37.022
EDN: WRTFHS

СИСТЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТРЕЛЬБЕ ИЗ ПИСТОЛЕТА МАКАРОВА

Магомед Камилович Магомедов¹, Андрей Иванович Свиридов²

^{1,2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ magomedov-sociologist@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3279-1279>

² sviric666@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2026-507X>

Аннотация. В ходе выполнения служебно-боевых задач военнослужащим войск национальной гвардии, зачастую приходится сталкиваться с экстремальными ситуациями, порой выходящими за рамки человеческих возможностей. Применить в таких условиях стрелковое оружие и выполнить успешно огневую задачу без надлежащей подготовки представляется весьма затруднительно.

В данной статье были раскрыты ряд факторов, как физиологического, так и психологического характера, значительно снижающие эффективность применения стрелкового оружия в ходе выполнения огневой задачи. Представлен ряд психотехнических методик, снижающих негативные стрессовые состояния. Разработан учебный цикл, в рамках которого определены этапы формирования устойчивых практических навыков стрельбы из пистолета Макарова. Проведен сравнительный анализ и выявлена эффективность представленного учебного цикла.

Ключевые слова: огневая подготовка, стрелковое оружие, огневой контакт, курсант, военнослужащий войск национальной гвардии, учебный цикл, психоэмоциональное состояние, психотехнические тренировки, аутогенная тренировка, идеомоторная тренировка

Для цитирования: Магомедов М.К., Свиридов А.И. Система психологической подготовки курсантов при обучении стрельбе из пистолета Макарова // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 219–227. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/022.pdf>. EDN: WRTFHS.

Original article

SYSTEM OF PSYCHOLOGICAL TRAINING OF CADETS WHEN LEARNING TO SHOOT WITH A MAKAROV PISTOL

Magomed K. Magomedov¹, Andrey I. Sviridov²

^{1,2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ magomedov-sociologist@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3279-1279>

² sviric666@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2026-507X>

Abstract. During the performance of service and combat tasks, servicemen of the National Guard troops often have to face extreme situations, sometimes beyond human capabilities. It is very difficult to use small arms in such conditions and successfully complete a firing task without proper training.

In this article, a number of factors, both physiological and psychological, have been revealed that significantly reduce the effectiveness of the use of small arms during the execution of a firing task. A number of psychotechnical techniques that reduce negative stress conditions are presented. A training cycle has been developed, within the framework of which the stages of formation of stable practical skills of shooting from a Makarov pistol have been determined. A comparative analysis was carried out and the effectiveness of the presented training cycle was revealed.

Keywords: fire training, small arms, fire contact, cadet, National Guard soldier, scientific cycle, psycho-emotional state, psychotechnical training, autogenic training, ideomotor training

For citation: Magomedov M.K., Sviridov A.I. System of psychological training of cadets when learning to shoot with a Makarov pistol. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 219–227. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/022.pdf>. EDN: WRTFHS.

© Магомедов М.К., Свиридов А.И., 2024

Введение

Международная обстановка на современном этапе отражает комплексный и системный кризис мировой капиталистической системы, продуцируя между ее субъектами противоречия социально-экономического и геополитического характера. Разрешение данных противоречий в силу логики исторических событий стало причиной каскада конфронтаций между государствами в различных регионах мира. Милитаризация государств, формирование общественного мнения о разрешении тех или иных противоречий военным путем успешно насаждается в социальном дискурсе. Такие тенденции привели к конфликтам в странах Ближнего Востока, Закавказья и Восточной Европы. Эскалации такого характера имеют потенциал для перехода на совершенно новый уровень противостояния и вовлечения в события новых участников.

В условиях нынешнего развития обстановки, безопасность государства и общества обретает актуальное значение и становится краеугольной потребностью, на которой зиждется перспектива дальнейшего существования государства-общества, как системы. Институт армии обретает максимальную актуальность, от состояния боевой готовности, оснащения, военнотехнического развития их будет зависеть, насколько успешно будут выполнены задачи безопасности государства и общества.

Немаловажное место в данной парадигме занимает состояние военной науки и стратегии, уровень построения различных тактик применения воинских частей, подразделений (групп), степень подготовленности личного состава, владения современным вооружением и военнотехнической техникой, с учетом тех требований предъявляемых к ведению общевойсковых широкомасштабных наступательных (оборонительных) и разведывательно-диверсионных операций.

Основные положения

Индивидуальная подготовка военнослужащего, как боевой единицы, для формирования которой закладывается серьезный потенциал интеллектуального характера, в первую очередь, выдвигает требование привить умения и навыки, совершенствуя их

до автоматизма. К первоочередным навыкам, которые необходимы на поле боя, при выполнении боевых задач, являются владение и применение стрелкового оружия различного назначения.

Анализ боевого применения стрелкового короткоствольного оружия показывает, что дистанция между сторонами огневого контакта составляет максимум 7–10 метров, а время нейтрализации противника не превышает в среднем трех секунд, данные обстоятельства актуализируют такие показатели, как недопущения применения противостоящей стороной прицельного поражающего огня, скорость выполнения первого выстрела, повышения маневренности перемещения в ходе огневого контакта [20, С. 21].

По мнению ряда специалистов, процесс формирования и совершенствования практических навыков в стрельбе лежит в психологической плоскости, нежели физиологической [8, С. 20–21].

Рассматривая более детально формирование стрелковых навыков, необходимо акцентировать внимание на психолого-физиологическом аспекте. Исследования, направленные на изучение психологической реакции организма человека в стрессовой ситуации, позволили обозначить спектр закономерных проявлений: туннельное видение (утрача способности к периферическому обзору, сокращение поля зрения стрелка в три раза); моторная дисфункция (неспособность выполнять сложные движения) [18, С. 24–25]; нарушение слуха – частичная глухота; повышенный стресс (повышение порога восприимчивости и артериального давления, увеличение выброса адреналина в организм); шок, граничащий с параличом; деформация восприятия времени (ощущение растягивания времени) [19, С. 56]. Поскольку вышеуказанные факторы сложно избежать, возникает необходимость учитывать их в процессе обучения стрельбе. В ходе психологической подготовки значительное внимание уделяется выработке способностей к сознательному управлению эмоционального состояния при выполнении огневых задач, в том числе и при выполнении различных упражнений стрельб.

В зависимости от степени повышения уровня стрелковых навыков военнослужа-

щего (стрелка), допускается изменение методического содержания и подхода психологической подготовки [9, С. 42–45]. Данная подготовка способствует развитию необходимого профессионального уровня владения стрелковым оружием, становясь самостоятельным и доминирующим направлением. Базовыми элементами психологической подготовки военнослужащего являются аутогенная и идеомоторная тренировки [14, С. 31–35].

Аутогенная тренировка позволяет задействовать систему выработанных военным служащим психологических приемов, способствуя смене тонуса мышечной структуры и изменения кинетики психологических процессов. В конечном счете, способствуя трансформации ряда функции организма и психоэмоционального состояния военнослужащего в ходе выполнения стрелковых приемов (психоэмоциональное состояние, функционирование внутренних органов) [17, С. 103].

Совершенствование практической стрельбы путем применения аутогенной тренировки позволяет развить спектр необходимых качеств: хладнокровность (самообладание), контроль над рефлексными проявлениями организма (кровообращение и т. д.); увеличение выносливости и трудоспособности посредством интенсивного сосредоточения мыслей над выполняемой работой. В итоге стрелок может находиться в более стрессо-устойчивом состоянии в эмоционально неблагоприятной обстановке [2, 8].

Аутогенную тренировку условно можно разделить на начальный и завершающий этапы. Начальный этап тренировки направлен на успокоение и нивелирование напряжения стрелка. Завершающий финишный этап способствует формированию у стрелка состояния уверенности в себе, веры в безграничные возможности организма и способности конструирования самим стрелком необходимых психологических качеств [4, с. 69–71]. При этом необходимо отметить, что стрелок зачастую не имеет представления, как будет достигнут желаемый результат, всецело полагаясь на потенциал своего организма.

Данная тренировка может содержать в себе неоднократно повторяемые стрелком специально разработанные словесные упражнения, позволяющие приобрести навыки самовнушения с целью недопущения нервного напряжения. В результате данного процесса, стрелок должен научиться фокусировать свое внимание на

конкретных ситуациях, тем самым позволив заблаговременно осмыслить производимые действия. Такой подход позволяет минимизировать негативные последствия стрессовых состояний [13, С. 3].

Необходимо отметить высокое психотерапевтическое значение данного метода, в основе которого лежит концепция тренинга нервных процессов торможения и возбуждения, способствуя усилению и повышению способности саморегуляции и контроля индивида.

В ходе данной тренировки наблюдается значительная позитивная динамика в способностях визуализации той или иной ситуации, прогрессия бессознательных способностей сознания и памяти, формирование способностей саморегуляции ряда произвольных функций и развитие навыков осознанного контроля и управления непроизвольными функциями и процессами организма.

Идеомоторная тренировка включает в себе мыслительный процесс, направленный на визуализацию ранее отработанных приемов и действий, позволяя комбинировать вышеуказанную работу с выработанными навыками действий, мобилизуя и повышая степень готовности к выполнению стрелковых упражнений. Данная тренировка в ходе процесса обучения способствует формированию у военнослужащего на сознательном уровне концентрированных образов и представлений о выполнении отдельных составных частей техники стрельбы. Неотъемлемой частью на данном этапе является присутствие анализа ощущений состояния организма стрелка, на основе которых повышает концентрацию внимания и ускоряет реакцию организма.

В процессе идеомоторной тренировки необходимо выделить следующие функции визуализации: программирующую, тренирующую и регуляторную. Программирующая функция основывается на представлении эталонного (образцового) выполнения приема или действия. Тренирующая функция базируется на представлениях оптимизации и облегчения реализации планируемых действий. А регуляторная функция подразумевает возможность изменения, контроля действий, а также формирования сложных приемов, путем связки более простых элементов. Данная тренировка в результате позволит повысить эффективность, скорость и точность выполнения приемов [15].

В процессе применения идеомоторной тренировки удержания пистолета и при-

цельной стрельбы, реализуется следующий алгоритм действий, который многократно мысленно повторяется обучаемыми:

обучаемые находятся на рубеже открытия огня напротив мишеней;

одним движением отстегнуть клапан кобуры и достать пистолет так, чтобы пистолетная рукоятка плотно прилегалась к ладони, особенно шейка рукоятки к основанию запястья;

имитировать присоединение магазина к основанию рукоятки пистолета, выключить предохранитель, удерживая ребристую поверхность затвора отвести его резко до конца назад и без сопровождения отпустить, удерживать пистолет под углом 45–60 градусов;

по команде руководителя стрельбы «Огонь» навести пистолет на мишень, положить указательный палец на хвост спускового крючка так, чтоб легла на крючок подушечка первой фаланги указательного пальца, а не изгиб фаланги или же кончик пальца;

удерживая пистолет на линии огня, совместить мушку и целик так, чтобы мушка пришлась посередине прорези, а вершина ее была наравне с верхними краями целика [11, С. 84];

в ходе прицеливания устранить свободный ход курка, на естественном выдохе осуществить дожатие, не дергая, пока не сорвется с боевого взвода, не ожидая выстрела [7, С. 87];

акцентировать внимание на одновременном и согласованном удержании пистолета, мушки и целика в плоскости ведения огня;

при необходимости сфокусировать внимание на хвате пистолета и удержании на линии огня;

выполнить упражнение 3–4 раза.

Идеомоторная тренировка фокусирует внимание не на результате обучаемого, а на технической составляющей производства выстрела. Включение обучаемым самоанализа, регуляции мышечных и визуальных ощущений, сосредоточив внимание и быстроту реакции в ходе выполнения приемов стрельбы.

Стабильность человеческой психики, в ходе работы в критической ситуации, обеспечивается регулируемыми, целенаправленными и осознанными действиями, а также включением ряда неосознаваемых механизмов [5, С. 71–73]. В конкретной стрессовой ситуации военнослужащему крайне необходимо повысить степень управляемости организмом и выполнить поставленную огневую задачу в критической обстановке [3, С. 10–11].

Для достижения вышеуказанных целей в ходе выработки устойчивой практики действий в критической обстановке, на сегодняшний день актуализировано внедрение данного метода в подготовку личного состава. За последние годы наблюдается тенденция расширения диапазона применения описываемого метода за пределами лечебно-профилактических практик. Имея хорошие перспективы применения в адаптированной форме для психологической подготовки военнослужащих при обучении стрельбе из стрелкового оружия, в том числе из пистолета [6, С. 51].

Обучение практическим навыкам выполнения стрельбы из пистолета, необходимо вести в комплексе, в том числе подвергая военнослужащего психологической подготовке [12, С. 289–290].

Необходимо подчеркнуть, что вышеуказанные тренировки в комплексе позволяют нивелировать вредные стрелковые рефлексy. Для уравнивания психоэмоционального состояния стрелка, в том числе позитивное воздействие оказывает применение ряда физических упражнений и дыхательную гимнастику.

В результате анализа проведения стрелковых тренировок и стрельб было сделано интересное наблюдение. При обращении с учебным пистолетом или же при выполнении учебной стрельбы из пистолета на тренажере обучаемые проявляли состояние спокойствия. А при обращении с боевым оружием и находясь на огневом рубеже у некоторых обучаемых наблюдается ступор, скованности или состояние психомоторного возбуждения, при этом не отдавая отчета совершаемым действиям, в том числе забывая порядок действий. Вышеуказанные состояния, в целом нормальная реакция стрелка на действия, включающие себя нестандартные ощущения (отдача стрелкового оружия, внешнее звуковое воздействие), а также присутствие хоть и мнимой доли опасности и риска для военнослужащего [10, С. 49–50].

В связи с вышесказанным, нами предлагается использовать учебный цикл, состоящий из трех этапов:

Первый – подготовительный (обеспечение становления необходимых навыков стрельбы – проводится в течение 3 месяцев обучения, не только на плановых занятиях, но и в часы самостоятельной работы).

1. Изучение и выполнение приемов стрельбы поэлементно (хват, зарядание, удержание ровной мушки, выполнение спуска).

2. Проведение аутогенной и идеомоторной тренировки, как перед проведением занятий, так и самостоятельно еженедельно (при необходимости ежедневно) – внутренняя актуализация.

2.1. Экспозиционная фаза (программирование аутогенной тренировки).

2.2. Обсервативная фаза (визуальное наблюдение за выполнением двигательного цикла с особым акцентированием на основных моментах выполнения отдельного приема).

2.3. Идеомоторная фаза (3–5-кратное повторение «внутреннего» представления каждого отдельного приема) [1, С. 19].

3. Использование лазерных тренажеров для обучения прицеливания на завершающем этапе.

Второй – закрепляющий (создание условий для сохранения приобретенных навыков стрельбы и реализация оптимальных возможностей в достижении отличных результатов стрельбы – проводится в течение 4–6 месяцев обучения).

1. Тренировка выполнения приемов стрельбы в целом.

2. Аутогенная и идеомоторная тренировка, как перед проведением занятий, так и самостоятельно еженедельно:

Внешняя реализация.

2.1. Имитационная фаза (выполнение элементов идеомоторного управления в четкой временной последовательности в общих чертах).

2.2. Фаза практической тренировки (упражнение, тренированное идеомоторным методом, выполняется практически).

3. Выполнение упражнения стрельб с использованием лазерных тренажеров.

4. Контрольная стрельба.

Третий – восстановительный (поддержание тренированности в течение всего периода обучения).

1. Закрепляющая тренировка выполнения приемов стрельбы в целом.

2. Аутогенная и идеомоторная тренировка, как перед проведением занятий, так и самостоятельно еженедельно.

3. Контрольная стрельба.

Процесс визуализации и дальнейшего преобразования мыслительных образов в

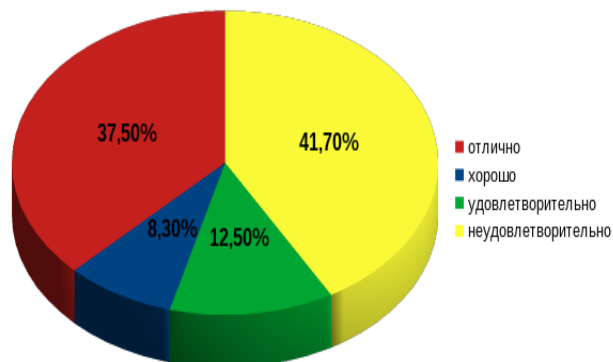
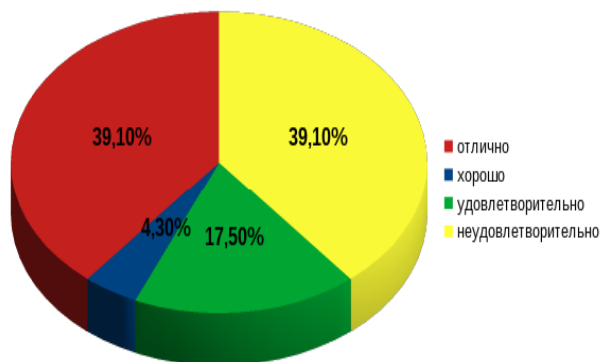
совокупность действий, должна, в конечном счете, преследовать достижения эффективности и эталонной реализации [16, с. 143]. При этом проявляя хладнокровность, выраженную в самоконтроле в производимых действиях, оценке окружающей обстановки, адекватности реагирования на изменения ситуации. Немаловажное значение в данном процессе имеет значение правильность и последовательность выстраивания микрозадач, для достижения основной задачи, а также тренировать систему мышления, создавая алгоритм поэтапного осмысления действий, синхронизируя их с совершаемыми действиями. При этом подчиняя совокупность ощущений и мыслей на решения конкретной задачи или действий, при этом, не упуская из виду основную задачу, как конечный результат. Данный уровень подготовки, возможно, достигнуть в результате комплексной и упорной тренировки.

В рамках определения результативности вышеуказанного учебного цикла было проведено поэтапное экспериментальное исследование в период с декабря 2021 по сентябрь 2023 г. Исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации и проходило в три этапа: подготовительный, закрепляющий и восстановительный.

В исследовании принимали участие 46 курсантов 1 курса, обучающихся по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности». Участники исследования были разделены на две учебные группы – экспериментальная и контрольная. Форма обучения – очная, возраст испытуемых 18–22 года.

В вышеуказанные группы распределение происходило случайным образом, что позволило обеспечить однородность групп и получить репрезентативные и объективные результаты. Испытуемые ранее не имели опыта стрельбы из стрелкового оружия.

На подготовительном этапе определяется уровень подготовки курсантов, для этого чего была проведена контрольная стрельба, в ходе которой были получены следующие первичные результаты (рисунок 1 а, б).

а) б)
Рисунок 1 – Результаты первичной контрольной стрельбы:
а – экспериментальная группа, б – контрольная группа

Figure 1 – Results of primary control shooting:
a – experimental group, b – control group

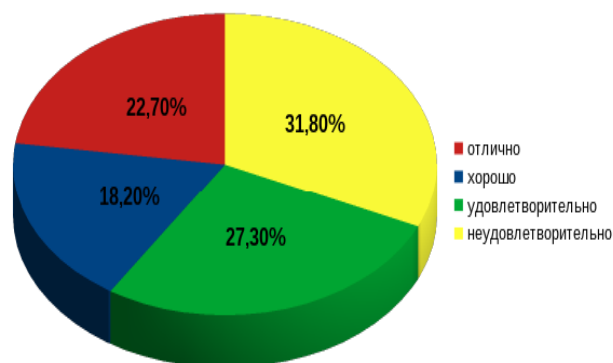
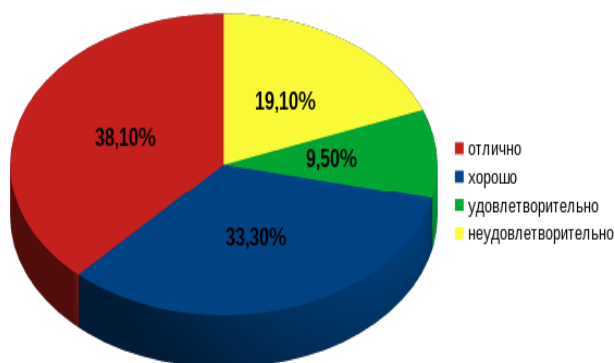
Анализ стрельбы испытуемых в экспериментальной и контрольной группах показывает примерно одинаковые результаты.

Далее в течение 3 месяцев с испытуемыми экспериментальной группы в период проведения практических занятий, консультаций и самостоятельной подготовки, путем применения аутогенных и идеомоторных техник формировались практические навыки выполнения приемов изготовления, удержания оружия – выноса на линию прицеливания и огня, осуществления плавного спуска, возврата оружия на линию огня после выстрела, осуществления стрельбы

путем использования короткого хода спускового крючка.

На втором закрепляющем этапе учебного цикла, на протяжении 4–6 месяцев, проводится тренировка выполнения стрельбы в целом, с последующим использованием, в том числе лазерных тренажеров. Психотехнические тренировки проводятся с испытуемыми как перед проведением занятий, так и самостоятельно с еженедельной периодичностью.

Результаты контрольной стрельбы второго этапа учебного цикла показывают нижеприведенные результаты (рисунок 2).

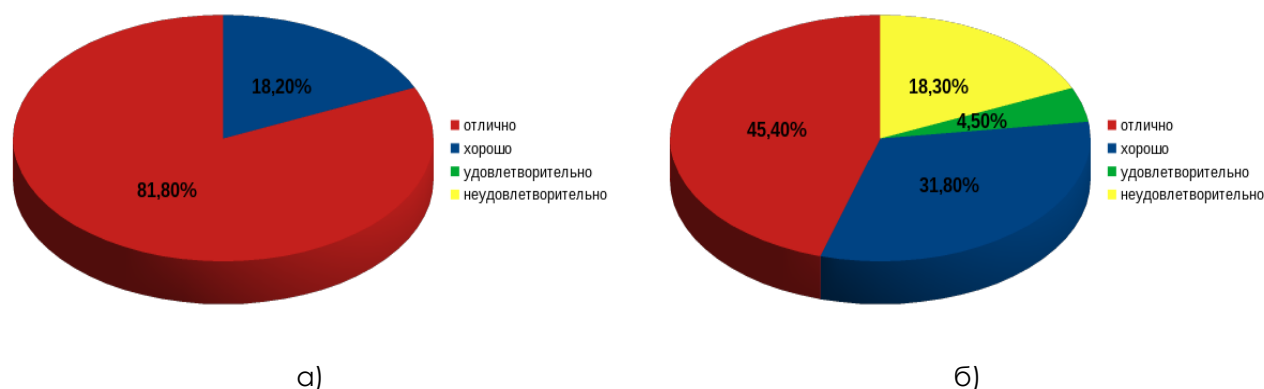
а) б)
Рисунок 2 – Результаты контрольных стрельб на втором этапе учебного цикла:
а – экспериментальная группа, б – контрольная группа

Figure 2 – Results of control shooting at the second stage of the training cycle:
a – experimental group, b – control group

Сравнительный анализ контрольной стрельбы второго этапа, в экспериментальной и контрольной группах, показал улучшение результатов испытуемых экспериментальной группы. По таким оценочным показателям, как «отлично» на 15,4 %, «хорошо» на 15,1 %. Также можем наблюдать снижение в таких оценочных показателях, как «удовлетворительно» на 17,8 % и «неудовлетворительно» на 12,7 % в экспериментальной группе в сравнении с показателями контрольной группы.

Третий – восстановительный этап учебного цикла заключается в поддержании тренированности в течение всего периода обучения. На данном этапе курсанты закрепляют полученные навыки в выполнении приемов стрельбы, и применяют психотехнические тренировки перед проведением стрельб и ходе проведения занятия.

Контрольная стрельба третьего этапа учебного цикла демонстрирует следующие результаты (рисунок 3).

а)
Рисунок 3 – Результаты контрольных стрельб на третьем этапе учебного цикла:
а – экспериментальная группа, б – контрольная группа

Figure 3 – Results of control shooting at the third stage of the training cycle:
a – experimental group, b – control group

Сравнительный анализ контрольной стрельбы третьего этапа, в экспериментальной и контрольной группах, иллюстрирует увеличение разрыва в показателях экспериментальной и контрольной групп. По оценочным показателям, как «отлично» на 36,4 %, что в два раза больше, чем результаты, показанные на втором этапе подготовки. Также показательным фактором можно отметить отсутствие в экспериментальной группе испытуемых выполнивших упражнение на удовлетворительно и неудовлетворительно.

Заключение

Таким образом, психологические аспекты подготовки военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии, требуют дальнейшего изучения в силу своей перспективности, а также внедрения в практическую плоскость применения, в хо-

де проведения учебно-тренировочных мероприятий. Данная работа, по мнению авторов, должна иметь комплексный и системный подход. При этом имеется необходимость учитывать исходные физические и психологические показатели военнослужащих, определить последовательность их увеличения, постепенно, но верно приближаясь такому уровню нагрузок, позволяющий выработать, тот уровень профессиональной подготовки бойца, который бы позволил успешно выполнить предстоящую огневую задачу. Необходимо отметить, что реализация данной работы требует применения современных и качественных методик в ходе проведения занятий, и соответствующего методического и профессионального уровня руководителей занятия (стрельба).

Список источников

1. Бариеников Е. М. Формирование защитных приемов для деятельности человека в экстремальных условиях среды обитания / Е. М. Бариеников, Е. Е. Бариеников // Актуальные проблемы обеспечения деятельности человека в экстремальных условиях. 2014. С. 17–20.

2. Бережная Е. С. Аутогенная тренировка в спортивной стрельбе // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 28. С. 874–876.
3. Витушкин А. В. Необходимость применения приемов саморегуляции в обучении стрельбе курсантов вузов ФСИН России // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 2 (18). С. 9–13.
4. Домрачева Е. Ю. Гражданское оружие в Российской Федерации / Е. Ю. Домрачева, О. Ю. Иляхина, А. П. Поздняков // Проблемы правоохранительной деятельности. Белгород. 2019. № 3. С. 68–71.
5. Карякина Т. Н. Методы саморегуляции функциональных состояний личности / Т. Н. Карякина, О. В. Голубь // Медико-биологические аспекты адаптации и социализации. 2006. С. 71–73.
6. Косыгина С. В. Условия применения идеомоторных техник для развития эмоционального самоконтроля у курсантов Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя // Психология и педагогика служебной деятельности. 2018. № 4. С. 49–53.
7. Миронченко В. Н. Огневая подготовка. М. : Воениздат, 2011. 416 с.
8. Наздрачев В. В. Методика совершенствования боевой подготовки курса образовательных учреждений МВД России: автореф. дис... канд. пед. наук: 13.00.04 / Наздрачев Виктор Вячеславович. М. : Московская академия МВД РФ, 2000. 24 с.
9. Николаев Н. О. Психические свойства стрелка в процессе огневой подготовки сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации // Концепт. 2016. № 2 (февраль). С. 41–45.
10. Отрыжко В. А. Техника управления спуском курка и ее разучивание / В. А. Отрыжко, Н. Н. Поплавская // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 1. С. 47–53.
11. Попов А. В. Психологические особенности выполнения контрольных упражнений стрельб из девятимиллиметрового пистолета Макарова / А. В. Попов, А. Н. Пахомов // Педагогика: вопросы теории и практики. 2017. № 3. С. 82–86.
12. Попов А. А. Формирование психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к применению огнестрельного оружия: педагогический аспект воспитания // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59–1. С. 287–290.
13. Романов Е. И. Некоторые аспекты психологической подготовки сотрудников полиции с использованием психотехнической подготовки / Е. И. Романов, Р. И. Носатый, Ю. В. Корсаков // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 6. Т. 7. С. 2–9.
14. Свиридов А. И. Опыт применения методики аутогенной и идеомоторной тренировки при подготовке курсантов военных образовательных организаций военного образования к выполнению упражнений стрельб из стрелкового оружия / А. И. Свиридов, М. В. Аниканов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 1. С. 31–35.
15. Система эмоционально-волевой подготовки спортсмена. URL: <http://www.shooting-ua.com> (дата обращения: 13.10.2023).
16. Уэйнберг Р. С. Основы психологии спорта и физической культуры / Р. С. Уэйнберг, Д. Гоулд. Киев: Олимпийская литература, 2001. 336 с.
17. Шарандова Е. К. Физиологические критерии динамики овладения методикой аутогенной тренировки / Е. К. Шарандова, Ю. П. Потехина, П. А. Продиус // Вестник новых медицинских технологий. 2016. С. 102–107.
18. Bonanno G. A. Loss, trauma, and human resilience. *American Psychologist*, 59. 2004. P. 20–28.
19. Jain A. and Stephan E. Stress in patrol duty: How stressed are police officers. Berlin: Logos. 2000.
20. Ungerer J. Psychophysiological study on the influence of Operational Tempo on SWAT – Unit members. Diploma Thesis, University Mannheim, Cologne. 1999.

References

1. Barienikov E. M., Barienikov E. E. Formirovanie zashchitnyh priemov dlya deyatel'nosti cheloveka v ekstremal'nyh usloviyah sredy obitaniya. In: Actual problems of ensuring human activity in extreme conditions. 2014: 17–20. (In Russ.).
2. Berezhnaya E. S. Autogenic training in sports shooting. In: *Alleya nauki*. 2019. Vol. 1;28: 874–876. (In Russ.).
3. Vitushkin A. V. The need to apply self-regulation techniques in shooting training for cadets of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *Teoriya i praktika sociogumanitarnykh nauk*. 2022;2 (18): 9–13. (In Russ.).

4. Domracheva E. Yu. , Ilyahina O. Yu., Pozdnyakov A. P. Civilian weapons in the Russian Federation. In: Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. Belgorod. 2019. № 3. S. 68–71. (In Russ.).
5. Karyakina T. N., Golub' O. V. Methods of self-regulation of functional states. In: Mediko-biologicheskie aspekty adaptacii i socializacii. 2006: 71–73. (In Russ.).
6. Kosygina S. V. Conditions for the use of ideomotor techniques for the development of emotional self-control among cadets of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot. In Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. 2018;4: 49–53. (In Russ.).
7. Mironchenko V. N. Ognevaya podgotovka. Moscow: Voenizdat, 2011. (In Russ.).
8. Nazdrachev V. V. Metodika sovershenstvovaniya boevoj podgotovki kursa obrazovatel'nyh uchrezhdenij MVD Rossii. Moscow: Moskovskaya akademiya MVD RF, 2000. (In Russ.).
9. Nikolaev N. O. Mental properties of the shooter in the process of fire training of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation. In: Koncept. 2016;2 (fevral'): 41–45. (In Russ.).
10. Otryzhko V. A., Poplavskaya N. N. Trigger release control technique and its learning. In: Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2022;1: 47–53. (In Russ.).
11. Popov A. V., Pahomov A. N Psychological features of performing control exercises of shooting from a nine-millimeter Makarov pistol. In: Pedagogika: voprosy teorii i praktiki. 2017;3: 82–86. (In Russ.).
12. Popov A. A. Formation of psychological readiness of employees of internal affairs bodies to use firearms: pedagogical aspect of education. In: Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2018;59–1: 287–290. (In Russ.).
13. Romanov E. I., Nosatyj R. I., Korsakov Yu. V. Some aspects of psychological training of police officers using psychotechnical training. In: Mir nauki. Pedagogika i psihologiya. 2019;6. Vol. 7: 2–9. (In Russ.).
14. Sviridov A. I., Anikanov M. V. Experience in the application of autogenic and ideomotor training techniques in the preparation of cadets of military educational organizations of military education to perform small arms shooting exercises. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2020;1: 31–35. (In Russ.).
15. Sistema emocional'no-volevoj podgotovki sportsmena. Available from: <http://www.shooting-ua.com> [Accessed 13th October 2023]. (In Russ.).
16. Uejnberg R. S., Gould D. Osnovy psihologii sporta i fizicheskoy kul'tury. Kyiv: Olimpijskaya literatura, 2001. (In Russ.).
17. Sharandova E. K., Potekhina Yu. P., Prodius P. A. Fiziologicheskie kriterii dinamiki ovladeniya metodikoj autogennoj trenirovki. In: Bulletin of new medical technologies. 2016;102–107. (In Russ.).
18. Bonanno G. A. Loss, trauma, and human resilience. American Psychologist, 59. 2004. R. 20–28.
19. Jain A. and Stephan E. Stress in patrol duty: How stressed are police officers. Berlin: Logos. 2000.
20. Ungerer J. Psychophysiological study on the influence of Operational Tempo on SWAT – Unit members. Diploma Thesis, University Mannheim, Cologne. 1999.

Информация об авторах

М. К. Магомедов – кандидат социологических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 26.12.2023;
одобрена после рецензирования 17.01.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

M. K. Magomedov – Candidate of Sciences (Sociological)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 26.12.2023;
approved after reviewing 17.01.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 378
EDN: WWPWCG

ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ»
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ДИДАКТИКИ

Виктор Алексеевич Мельничук

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
Melvic70@mail.ru

Аннотация. В данной статье автор представляет анализ понятия «педагогическая технология» в контексте современной дидактики. В современном образовательном процессе педагогическая технология играет важную роль, поскольку обеспечивает эффективное использование современных информационно-коммуникационных технологий и методов обучения для достижения образовательных целей.

В статье проводится обзор различных подходов и концепций, связанных с педагогической технологией, включая традиционные методы преподавания, инновационные методики и современные образовательные технологии. Анализируются основные принципы, преимущества и ограничения педагогической технологии, а также их влияние на результаты обучения и развитие обучающихся.

В статье также рассматривается роль педагогической технологии в развитии критического мышления, творческого потенциала и самостоятельности обучающихся. Обсуждаются вопросы интеграции технологий в учебный процесс, адаптации образования к современным требованиям и создания стимулирующей образовательной среды.

Исходя из проведенного анализа, автор в статье делает вывод о важности педагогической технологии в современной дидактике и ее потенциале для улучшения образовательного процесса. Предлагаются рекомендации по эффективному использованию педагогической технологии и интеграции ее в педагогическую практику для достижения оптимальных результатов обучения и формирования профессиональных компетенций у обучающихся.

Ключевые слова: педагогическая технология, современная дидактика, информационно-коммуникационные технологии, методы обучения, критическое мышление, образовательная среда, творческий потенциал

Для цитирования: Мельничук В.А. Исследование категории «педагогическая технология» в контексте современной дидактики // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 228–236. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/023.pdf>. EDN: WWPWCG.

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

Original article

ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF "PEDAGOGICAL TECHNOLOGY"
IN THE CONTEXT OF MODERN DIDACTICS

Viktor A. Melnichuk

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russia, Saint-Petersburg, Russia
Melvic70@mail.ru

Abstract. In this article, the author presents an analysis of the concept of "pedagogical technology" in the context of modern didactics. In the modern educational process, pedagogical technology plays an important role, since it ensures the effective use of modern information and communication technologies and teaching methods to achieve educational goals.

The article reviews various approaches and concepts related to pedagogical technology, including traditional teaching methods, innovative methods and modern educational technologies. The main principles, advantages and limitations of pedagogical technology are

analyzed, as well as their impact on learning outcomes and the development of students.

The article also examines the role of pedagogical technology in the development of critical thinking, creative potential and independence of students. The issues of integrating technologies into the educational process, adapting education to modern requirements and creating a stimulating educational environment are discussed.

Based on the analysis, the author concludes in the article about the importance of pedagogical technology in modern didactics and its potential for improving the educational process. Recommendations are offered on the effective use of pedagogical technology and its integration into pedagogical practice to achieve optimal learning outcomes and the formation of professional competencies among students.

Keywords: pedagogical technology, modern didactics, information and communication technologies, teaching methods, critical thinking, educational environment, creative potential

For citation: Melnichuk V.A. Analysis of the concepts of "pedagogical technology" in the context of modern didactics. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 228–236. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/023.pdf>. EDN: WWPWCG.

© Мельничук В.А., 2024

Введение

Анализ опыта проведения занятий по дисциплинам служебно-профессиональной подготовки, накопленный профессорско-преподавательским составом в образовательных организациях МВД России, дает основание утверждать, что все они используют педагогические технологии на основе здравого смысла, для чего применяют определенные формы занятий (лекция, семинар и т. п.), различные методы их проведения, доступные средства обучения (учебники, презентации, модели и т. п.) с учетом условий существующей образовательной среды. Они готовят учебно-методические материалы, необходимые для спроектированного учебного курса (отдельного занятия), методические разработки и учебные материалы. При этом любой из них в ходе образовательной деятельности прогнозирует возможную оценку качества результата обучения. Все эти действия в совокупности могут характеризоваться категориями «педагогическая технология» или «технология обучения» [1, 2]. В связи с этим проблематика технологизации образовательной деятельности, обоснования и разработки инновационных педагогических технологий требует особого внимания со стороны научно-педагогических кадров.

Основная часть

В современных научных исследованиях вопросам изучения понятий категорий «педагогическая технология» и «технология обучения» уделяется очень много внимания со стороны учёных разных стран мира. Результаты этих исследований нашли свое отражение в научных статьях, монографиях учебниках и другой литературе.

Термин «технология» имеет широкий смысл и используется в различных областях, включая науку, инженерию, производство и образование [3]. В контексте данной темы, педагогическая технология относится к использованию и применению современных образовательных и информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения и взаимодействия между преподавателем и обучающимися.

Технология в педагогике включает в себя разработку и применение методов, приемов и инструментов, основанных на научных исследованиях и инновационных подходах, с целью обеспечить более эффективное и качественное образование. Педагогическая технология может включать использование компьютеров, интерактивных досок, программного обеспечения, мультимедийных ресурсов, онлайн-платформ и других технологических средств для создания интерактивных и стимулирующих учебных ситуаций.

Педагогическая технология также охватывает проектирование и организацию учебных материалов, выбор и адаптацию образовательных программ, оценку и мониторинг учебного процесса с использованием современных технологий. Целью педагогической технологии является создание благоприятной и эффективной образовательной среды, способствующей активному и глубокому обучению, развитию навыков критического мышления, творчества и сотрудничества среди обучающихся.

В настоящее время научная категория «технология» в абстрактной форме означает обусловленные знаниями и общественной эффективностью способы достижения целей. Иными словами технология представляет собой систему представлений и

действий, направленных на рациональную реализацию практики. Таким образом, технология может представлять собой какой-либо научно обоснованный алгоритм, методику, применяемую в педагогической науке или являющейся её продуктом. Категория «педагогическая технология» впервые появилась в педагогической литературе в начале 60-х годов прошлого века. В западных странах под таким названием стали выходить специальные журналы. К началу 70-х во многих странах начинают функционировать различные учреждения по разработке педагогических технологий [3, 6]. Вначале эти технологии определяли способы применения технических средств и средств программированного обучения. Далее под этим термином стали понимать теорию и практику организации образовательного процесса в соответствии с конкретными задачами обучения на основе требований теории систем. Таким образом, педагогическая технология представляет собой не просто исследование в сфере использования технических средств обучения или компьютеров. Она является исследованием, имеющим целью выявить принципы и разработать приемы оптимизации образовательного процесса с целью повышения его эффективности [7, 8].

Исходя из представленного, можно сказать, что педагогическая технология представляет собой внедрение системного подхода в педагогическую практику. Системный подход позволяет исследовать педагогический процесс как сложную систему, анализировать его развитие и оценивать эффективность системы в целом.

Однако в современной педагогике отсутствует единое понимание этой категории. В различных областях, например, при подготовке специалистов для силовых структур в армиях НАТО, используются разные педагогические теории (бихевиоризм, когнитивизм, личностно-мотивационный подход), которые различным образом трактуют сущность обучения и достижение его эффективности. Это приводит к различным интерпретациям педагогических технологий.

В отечественной педагогике А. С. Макаренко внес значительный вклад в развитие идеи технологизации педагогики. Он ввел понятие «педагогическая техника», которое шире, чем просто использование различных средств воздействия на учащихся. Педагогическая техника, по его представлению, также включает в себя технологичность самого воспитательного процесса.

Наследие А. С. Макаренко оказало значительное влияние на развитие педагогической науки и практики в России. Его идеи о технологичности воспитательного процесса и необходимости учета различных факторов при планировании и реализации образования продолжают оставаться актуальными и находят свое отражение в современных педагогических подходах и методиках.

В целом, А. С. Макаренко сыграл важную роль в развитии педагогической технологии, подчеркнув не только важность использования различных средств и методов, но и необходимость системного подхода к организации и коррекции воспитательного процесса с учетом индивидуальных особенностей каждого ученика.

Таким образом, понятие педагогической технологии остается неоднозначным в современной педагогике. В различных контекстах оно может трактоваться по-разному, отражая различные подходы и методы образования. Однако идеи системного подхода, разработанные в рамках педагогической технологии, а также вклад А. С. Макаренко, по-прежнему имеют значение и предоставляют возможности для развития эффективных практик и подходов в образовании.

К разработке проблематики педагогической технологии вернулись лишь в 80-х годах, хотя в педагогической науке были накоплены фундаментальные исследования на эту тему. В ряде трудов их содержание было направлено на то, чтобы полнее осветить всю процессуальную сторону обучения с учетом последних достижений науки. Однако, несмотря на многолетние исследования, статус «педагогической технологии» определялся по-разному. Она рассматривалась в качестве педагогической науки, в других случаях занимала положение между наукой и практикой, промежуточное положение между наукой и искусством или связывала технологию с проектированием обучения. Аналогичная картина сложилась и при определении категории «педагогическая технология». У одних авторов она трактуется как некий инструментарий, включающий технические средства обучения. Данное определение обосновывается тем, что эффективность обучения зависит от применяемых технических новинок. В данном случае она рассматривается как способ технизации обучения [14, 15]. У других авторов педагогическая технология трактуется как способ научного обеспечения практики подготовки специалистов. Она рассматривается как

способ применения научных принципов к практике обучения [12, 16]. Исходя из этого, педагогическую технологию можно трактовать как систему принципов и способов, ориентированную на дидактическое применение научных подходов к организации образовательной деятельности с учетом эмпирических инноваций, направленных на достижение требуемых результатов в обучении специалистов и развития их личностных качеств. При этом в данной категории можно выделить два уровня: 1) совокупность сведений, необходимых преподавателю для реализации образовательной деятельности; 2) реальный процесс обучения специалистов, его организацию и обеспечение [12]. В обоих подходах педагогическая технология рассматривается как средство оптимизации образовательного процесса и повышения его эффективности. Однако акцент делается на различных аспектах: технической оснащенности и инновациях или научном обеспечении и научных принципах. Оба подхода имеют свое место в истории и развитии педагогической технологии и способствуют разнообразию подходов и методов в образовании.

Важно отметить, что педагогическая технология включает не только технические аспекты, такие как инструменты и ресурсы, но также учитывает личностные особенности обучающихся и их взаимодействие в процессе обучения. Это подчеркивает значимость адаптации методов и средств обучения к потребностям и особенностям учащихся, чтобы обеспечить требуемый уровень эффективности образования.

Также интересно отметить, что некоторые подходы к педагогической технологии уделяют внимание процессу проектирования и практическому применению педагогических средств для достижения образовательных целей. Это подтверждает роль педагогической технологии как инструмента для организации и структурирования образовательного процесса с учетом педагогических принципов и закономерностей.

В целом, понимание педагогической технологии как системы, включающей цели, методы, средства, закономерности и принципы обучения и воспитания, подчеркивает ее роль в достижении эффективности и оптимизации образовательного процесса. Это означает, что педагогическая технология служит основой для разработки и реализации практических стратегий и методов обучения, направленных на достижение желаемых результатов в образовании.

Анализ различных определений педаго-

гической технологии показывает, что она может включать в себя разные аспекты и быть представлена как технико-инструментальный подход, функционально-процессуальный подход и другие направления, которые отражают развитие и обогащение содержания технологии в образовании.

Таким образом, педагогическая технология включает в себя методы, приемы, средства и подходы, которые применяются для организации образовательного процесса с целью достижения оптимальных результатов обучения и развития обучающихся.

При организации образовательного процесса с использованием педагогической технологии преподаватели учитывают организационную структуру образовательной деятельности и особенности конкретных учебных дисциплин. Они также ориентируются на цели и содержание образовательных программ, соответствующие образовательным стандартам и требованиям модели специалиста.

Масштабы организуемого процесса обучения определяются исходными установками, которые могут быть разнообразными. Например, преподаватель может ориентироваться на социальный заказ, то есть на потребности и ожидания общества в отношении определенных знаний и навыков. Он также учитывает образовательный стандарт, который определяет требования к содержанию и результатам обучения. Модель специалиста указывает на необходимые компетенции и навыки, которые должны быть развиты у студентов. Кроме того, цели и содержание профессионального образования также влияют на организацию образовательного процесса и выбор соответствующих педагогических технологий.

Таким образом, педагогическая технология в образовательной практике используется для создания эффективной структуры обучения и развития, учета образовательных стандартов и требований к специалистам, а также для достижения соответствующих образовательных целей. Она обеспечивает систематический и целенаправленный подход к обучению, а также помогает преподавателям выбирать и применять подходящие методы, формы и средства обучения для достижения наилучших результатов.

В образовательной практике педагогическая технология представляет собой комплексный подход к организации образовательного процесса на разных уровнях управления образовательной организаци-

ей. Она включает в себя общепедагогические, частнопредметные и локальные технологии, которые способствуют эффективному осуществлению образовательного процесса и достижению поставленных образовательных целей.

Общепедагогическая технология на общедидактическом уровне учитывает целостный процесс обучения в учебном заведении и основывается на педагогических целях, содержании обучения, методах и средствах, используемых в образовательном процессе. Она обеспечивает организацию обучения с учетом социальных и образовательных стандартов, моделей специалиста, потребностей обучающихся и других факторов.

Частнопредметные педагогические технологии на частнометодическом уровне ориентированы на различные учебные дисциплины и предметы. Они представляют собой совокупность методов, приемов и средств, используемых преподавателем для эффективной реализации содержания обучения и воспитания в рамках конкретного предмета. Такие технологии способствуют усвоению знаний, развитию навыков и формированию компетенций студентов в определенной области.

На локальном уровне применяются локальные технологии, которые охватывают отдельные части образовательного процесса и решают конкретные дидактические и воспитательные задачи. Это могут быть технологии проведения занятий, организации самостоятельной работы студентов, контроля и оценки знаний, развития определенных навыков и др. Локальные технологии позволяют более детально организовать и структурировать образовательный процесс, учитывая специфику задач и потребностей студентов.

Таким образом, педагогическая технология представляет собой комплексный подход к организации образовательного процесса на разных уровнях управления образовательной организацией. Она включает в себя общепедагогические, частнопредметные и локальные технологии, которые способствуют эффективному осуществлению образовательного процесса и достижению поставленных образовательных целей.

Представленные выше рассуждения позволяют выделить основные структурные составляющие педагогической технологии:

1. Цели и задачи. Определение конкретных образовательных целей и задач, которые педагогическая технология должна

помочь достичь. Цели и задачи должны быть четко сформулированы и соответствовать образовательным потребностям и требованиям учеников.

2. Методы и стратегии. Выбор и применение различных методов и стратегий обучения, которые оптимально сочетают педагогические и технологические аспекты. Это может включать интерактивные методы, проблемно-ориентированное обучение, коллективное обучение и другие подходы, а также использование различных технологических инструментов и ресурсов.

3. Образовательные материалы и ресурсы. Разработка или выбор соответствующих учебных материалов и ресурсов, которые поддерживают обучение и достижение образовательных целей. Это может включать электронные учебники, мультимедийные материалы, программное обеспечение, онлайн-ресурсы, интерактивные задания и другие образовательные материалы.

4. Оценка и обратная связь. Разработка методов и инструментов для оценки учебных результатов и эффективности педагогической технологии. Это может включать формативную и суммативную оценку, использование онлайн-тестирования, самооценку, а также предоставление обратной связи учащимся для поддержки их развития.

5. Управление и организация. Планирование и организация учебного процесса с использованием педагогической технологии. Это включает выбор подходящих временных рамок, организацию групповой и индивидуальной работы, управление доступом к технологическим ресурсам, а также обеспечение безопасности и конфиденциальности данных.

6. Профессиональное развитие. Обеспечение поддержки и обучения педагогов в области использования педагогической технологии. Это может включать профессиональные тренинги, семинары, обмен опытом, развитие навыков работы с технологиями, а также стимулирование их самообразования в области интеграции технологий в учебный процесс.

7. Исследования и инновации. Проведение исследований в области педагогической технологии, анализ существующих практик и разработка новых подходов и инноваций. Это помогает улучшить эффективность и результаты образовательного процесса, а также расширить понимание о том, как технологии могут быть использованы в образовании.

8. Структурное взаимодействие. Обеспечение взаимодействия между различными

ми структурными компонентами педагогической технологии. Это включает координацию работы педагогов, администрации, технического персонала и других участников образовательного процесса для успешной реализации педагогической технологии.

Комбинация этих структурных составляющих в педагогической технологии позволяет создать эффективную и инновационную образовательную среду, которая способствует активному участию учеников, развитию их навыков и достижению образовательных целей.

На основе применения педагогических технологий появляется возможность исключения из процесса подготовки специалистов необоснованных педагогических экспромтов и перевода методической работы на путь предварительного проектирования процесса обучения, с последующим воспроизведением этого проекта на занятиях.

В современных условиях педагогическое проектирование является важным условием эффективности процесса обучения, так называемый «технологический подход» в проектировании и реализации педагогических систем является инновационным и требует дальнейшего развития.

Педагогическое проектирование представляет собой предварительную и функциональную разработку элементов педагогических систем. Термин «проектирование» в педагогике заимствован из инженерно-технической деятельности, где под ним понимают создание проекта изделия (сооружения), который реализуется на практике. Идеи «педагогического проектирования» и «педагогических технологий» получили развитие в образовательной теории и практике и используются при составлении Федеральных государственных стандартов. Благодаря проектированию, реализуемому на основе технологических подходов, разрабатываемая педагогическая система также становится технологичной.

В образовании объектом проектирования в большинстве случаев является педагогическая система как единство структурных и функциональных элементов и связей между ними, а также внешних и внутренних условий, влияющих на достижение целей обучения. При этом, педагогические системы следует проектировать на разных иерархических уровнях: педагогическая система профессионального образования, педагогическая система образовательной организации, педагогическая система каждого преподавателя, педагоги-

ческая система учебной дисциплины, темы и конкретного занятия. Основное отличие технологического проектирования педагогической системы от планирования образовательной деятельности состоит в обязательном детальном целеполагании результатов её функционирования на диагностической основе. Действительно, в рамках технологического подхода к педагогической деятельности, основной упор делается на системность и структурированность всех элементов образовательного процесса. Целеполагание играет важную роль в проектировании педагогической системы, поскольку четко определенные образовательные цели являются отправным пунктом для выбора методов, средств и оценки достижения результатов обучения.

Технологический подход предполагает детальное проектирование каждого элемента педагогического процесса: целей, содержания, форм, методов и средств обучения. Это позволяет обеспечить структурную и содержательную целостность педагогической системы, гарантировать достижение требуемых результатов обучения и развития личности.

Системный подход, в свою очередь, позволяет рассматривать педагогическую технологию как сложную систему, включающую взаимодействующие элементы. Каждый элемент образовательного процесса взаимосвязан и оказывает влияние на другие элементы, их взаимодействие определяет эффективность образования. Системный подход способствует планированию и организации педагогической деятельности в целом, учитывая взаимосвязь и взаимодействие между ее компонентами.

Таким образом, педагогическая технология, построенная на основе технологического и системного подходов, позволяет достичь высокой эффективности обучения и развития личности. Целеполагание, структурная и содержательная целостность, системность и планируемая эффективность являются важными принципами, которые помогают обеспечить качество образовательного процесса и достижение поставленных целей.

Заключение

Проведенный анализ источников по этой проблематике показал, что на современном этапе наметились два подхода в трактовке категории «технология». В первом случае она рассматривается как средство преобразования, а во втором как искомые продукты и услуги. При рассмотрении педагогической технологии с позиции общего

определения технологии, она может быть понята как система, включающая цели, формы, методы, средства и критерии оценки, которые направлены на решение конкретных задач и достижение поставленных результатов в образовательном процессе.

Педагогическая технология, как система целей, форм, методов и средств, является инструментом для организации и управления образовательным процессом. Она предоставляет педагогу набор инструментов и методов, которые позволяют достичь поставленных образовательных целей, обеспечить эффективность обучения и развития учащихся.

Кроме того, педагогическая технология также включает критерии оценки эффективности решения поставленной задачи и

получения намеченных результатов. Это означает, что она предусматривает систему контроля и оценки, которая позволяет оценить уровень достижения образовательных целей и определить необходимые корректировки в процессе обучения.

Таким образом, педагогическая технология, определенная как система целей, форм, методов, средств и критериев оценки, представляет собой комплексный подход к организации образовательного процесса, который обеспечивает эффективность обучения и достижение поставленных целей. Она позволяет педагогам систематизировать свою деятельность, использовать определенные методы и инструменты для достижения желаемых результатов в образовании.

Список источников

1. Гуслова М. Н. Инновационные педагогические технологии: учебное пособие для студентов средних профессиональных учебных заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2010. 288 с.
2. Щербакова Т. Н. Теоретические основы организации обучения в начальных классах. Педагогические технологии: учебное пособие для студентов учреждений среднего профессионального образования / В. П. Сергеева, Э. К. Никитина, Т. Н. Щербакова; под ред. В. П. Сергеева. М. : ИЦ Академия, 2013. 320 с.
3. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. 528 с.
4. Долженко О. В. Современные методы и технология обучения в техническом вузе / О. В. Долженко, В. Л. Шатуновский. М., 1990. 191 с.
5. Фетисов А. В. Научная организация управления качеством подготовки военного специалиста: материалы XXI межвузовской научно-технической конференции «Военная радиоэлектроника: опыт использования и проблемы, подготовка специалистов» / А. В. Фетисов, Л. Н. Бережнова. Ч. 1. Петродворец: изд-во ВМИРЭ имени А. С. Попова, 2010. С. 173–183.
6. Эрганова Н. Е. Педагогические технологии в профессиональном обучении: учебник. М. : Академия, 2018. 224 с.
7. Воронов В. Н. Анализ существующих подходов к обучению в высшей школе / В. Н. Воронов, В. Н. Гуляев // Мир образования – образование в мире. 2012. № 2. С. 107–114.
8. Матяш Н. В. Инновационные педагогические технологии: Проектное обучение: учебное пособие. М. : Академия, 2013. 272 с.
9. Гребенюк В. П. Применение метода интеграции при организации подготовки курсантов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации / В. П. Гребенюк, С. В. Гребенюк, А. В. Фетисов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 3(16). С. 9–14.
10. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 4. М., 1984. 246 с.
11. Бобонец С. А. Интенсификация образовательного процесса как условие повышения качества подготовки специалистов / С. А. Бобонец, А. В. Костюк // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3(12). С. 6–10.
12. Мельничук В. А. Подготовка военнослужащих внутренних войск МВД России на основе комплексных учебно-методических задач: монография. СПб. : СПВИ внутренних войск МВД России. 2016. 154 с.
13. Янушкевич Ф. Технология обучения в системе высшего образования. М., 1986. 112 с.
14. Воронин В. Н. Интеграция эвристического и технологического подходов в проектировании дидактических комплексов в вузе. Тольятти, 1999. 151 с.

15. Дашков П. П. Инновационные подходы в мотивации и адаптации курсантов к служебной деятельности в условиях риска // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 2(11). С. 16–19.
16. Китаев А. Б. Особенности реализации метода игровых технологий при подготовке военных специалистов по дисциплине «Военная топография» / А. Б. Китаев, С. П. Павловский // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 1(14). С. 24–28.
17. Кларин М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии. (Анализ зарубежного опыта). Рига: НПЦ «Эксперимент», 1995. 176 с.
18. Современные образовательные технологии: учебное пособие / коллектив авторов; под ред. Н. В. Бордовской. 3-е изд., стер. М. : КНОРУС, 2013. 432 с.
19. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. Т. 1. М. : НИИ школьных технологий, 2006. 816 с.
20. Педагогические технологии: учебное пособие для студентов педагогических специальностей / под общ. ред. В. С. Кукушина. Изд. 4-е, прораб. и доп. Ростов н/Д : Издательский центр «Март»; Феникс, 2010. 333 с.
21. Профессиональная педагогика: учебник для студентов, обучающихся по педагогическим специальностям и направлениям / под ред. С. Я. Батышева, А. М. Новикова. Изд. 3-е, перераб. М. : Из-во ЭГВЕС, 2009. 456 с.
22. Федоров В. А. Педагогические технологии управления качеством профессионального образования: учебное пособие. М. : Академия, 2012. 176 с.

References

1. Guslova M. N. Innovacionnye pedagogicheskie tekhnologii: uchebnoe posobie dlya studentov srednih professional'nyh uchebnyh zavedenij. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2010. (In Russ.).
2. Sergeeva V. P., Nikitina E. K., Shcherbakova T. N., Sergeeva V. P. (eds.) Teoreticheskie osnovy organizacii obucheniya v nachal'nyh klassah. Pedagogicheskie tekhnologii. Moscow: IC Akademiya, 2013. (In Russ.).
3. Bim-Bad B. M. (eds.) Pedagogicheskij enciklopedicheskij slovar' Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 2002. (In Russ.).
4. Dolzhenko O. V., Shatunovskij V. L. Sovremennye metody i tekhnologiya obucheniya v tekhnicheskom vuze. Moscow, 1990. (In Russ.).
5. Fetisov A. V., Berezhnova L. N. Nauchnaya organizaciya upravleniya kachestvom podgotovki voennogo specialista. Ch. 1. Petrodvorec: izd-vo VMIRE imeni A. S. Popova, 2010: 173–183. (In Russ.).
6. Erganova N. E. Pedagogicheskie tekhnologii v professional'nom obuchenii. Moscow: Akademiya, 2018. (In Russ.).
7. Voronov V. N., Gulyaev V. N. Analiz sushchestvuyushchih podhodov k obucheniyu v vysshej shkole. In: Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2012;2: 107–114. (In Russ.).
8. Matyash N. V. Innovacionnye pedagogicheskie tekhnologii: Proektnoe obuchenie. Moscow: Akademiya, 2013. (In Russ.).
9. Grebenyuk V. P., Grebenyuk S. V., Fetisov A. V. Primenenie metoda integracii pri organizacii podgotovki kursantov v voennyh institutah vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2021;3(16): 9–14. (In Russ.).
10. Makarenko A. S. Pedagogicheskie sochineniya. Vol. 4. Moscow, 1984. (In Russ.).
11. Bobonec S. A., Kostyuk A. V. Intensifikaciya obrazovatel'nogo processa kak uslovie povysheniya kachestva podgotovki specialistov. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2020;3(12): 6–10. (In Russ.).
12. Mel'nichuk V. A. Podgotovka voennosluzhashchih vnutrennih vojsk MVD Rossii na osnove kompleksnyh uchebno-metodicheskikh zadach. Saint-Petersburg: SPVI vnutrennih vojsk MVD Rossii. 2016. (In Russ.).
13. Yanushkevich F. Tekhnologiya obucheniya v sisteme vysshego obrazovaniya. Moscow, 1986. (In Russ.).
14. Voronin V. N. Integraciya evristicheskogo i tekhnologicheskogo podhodov v proektirovanii didakticheskikh kompleksov v vuze. Tolyatti, 1999. (In Russ.).
15. Dashkov P. P. Innovative approaches in motivating and adapting cadets to work in a risky environment. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2020;2(11): 16–19. (In Russ.).

16. Kitaev A. B., Pavlovskij S. P. Innovative approaches in motivating and adapting cadets to work in a risky environment. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2021;1(14): 24–28. (In Russ.).
17. Klarin M. V. Innovacii v mirovoj pedagogike: obuchenie na osnove issledovaniya, igry i diskussii. (Analiz zarubezhnogo opyta). Riga: NPC «Eksperiment», 1995. (In Russ.).
18. Bordovskoj N. V. (eds.) Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii. M. : KNORUS, 2013. (In Russ.).
19. Selevko G. K. Enciklopediya obrazovatel'nyh tekhnologij. Vol. 1. Moscow: NII shkol'nyh tekhnologij, 2006. (In Russ.).
20. Kukushin B. C. (eds.) Pedagogicheskie tekhnologii: uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh special'nostej Rostov-on-Don: Izdatel'skij centr «Mart»; Feniks, 2010. (In Russ.).
21. S. Ya. Batyshev, A. M. Novikov (eds.) Professional'naya pedagogika: uchebnik dlya studentov, obuchayushchihsya po pedagogicheskim special'nostyam i napravleniyam Moscow: Izvo EGVES, 2009. (In Russ.).
22. Fedorov V. A. Pedagogicheskie tekhnologii upravleniya kachestvom professional'nogo obrazovaniya. Moscow: Akademiya, 2012. (In Russ.).

Информация об авторе

В. А. Мельничук – кандидат военных наук

Статья поступила в редакцию 05.07.2023;
одобрена после рецензирования 24.11.2023;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the author

V. A. Melnichuk – Candidate of Sciences
(Military)

The article was submitted 05.07.2023;
approved after reviewing 24.11.2023;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 378.145.3
EDN: XDTLQM

**АКТУАЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ «ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ»**

Руслан Александрович Николаев

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
ruslan53rus1978@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальность в современных условиях педагогической программы «Основные направления патриотического воспитания военнослужащих» на курсах повышения квалификации офицерского состава. Тестирование офицеров, пребывающих на курсы повышения квалификации, показало необходимость разработки данной программы, целью которой является повышение уровня государственно-патриотического воспитания военнослужащих. Проведенная автором работа по внедрению данной программы позволяет сделать вывод об ее актуальности и необходимости в ходе обучения офицеров на курсах повышения квалификации. Также указаны формы, методы и средства обучения, которые позволили добиться положительных результатов.

Ключевые слова: патриотизм, государственно-патриотическое воспитание, актуальность, традиции, педагогическая программа

Для цитирования: Николаев Р.А. Актуальность педагогической программы «Основные направления патриотического воспитания военнослужащих» // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 237–244. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/024.pdf>. EDN: XDTLQM.

Original article

**THE IMPORTANCE OF THE PEDAGOGICAL PROGRAM "THE MAIN DIRECTIONS
OF PATRIOTIC EDUCATION OF MILITARY PERSONNEL"**

Ruslan A. Nikolayev

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
ruslan53rus1978@mail.ru

Abstract. The article examines the relevance in modern conditions of the pedagogical program "The main directions of patriotic education of military personnel" at the advanced training courses for officers. Testing of officers attending advanced training courses showed the need to develop this program. The work carried out by the author on the implementation of this program allows us to conclude that it is relevant and necessary during the training of officers at advanced training courses. The forms, methods, and means of training that allowed achieving positive results are also indicated.

Keywords: patriotism, state-patriotic education, relevance, traditions, pedagogical program

For citation: Nikolayev R.A. The importance of the pedagogical program "The main directions of patriotic education of military personnel". Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 237–244. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/024.pdf>. EDN: XDTLQM.

© Николаев Р.А., 2024

Введение

Вооруженные силы считаются столпом государственной безопасности и обороны [24]. Важность офицерского состава в армии неоспорима, и их подготовка является критически важным аспектом национальной

безопасности. В этом контексте патриотическое воспитание военнослужащих играет решающую роль [4]. Педагогическая программа «Основные направления патриотического воспитания военнослужащих» на курсах повышения квалификации офицер-

ского состава является неотъемлемой частью этого процесса, в данной статье рассматривается ее важность, так как исходные данные подтверждают ее актуальность.

Основные положения

В современных условиях существования войск национальной гвардии Российской Федерации наиболее остро звучит вопрос государственно-патриотического воспитания офицеров. Можно констатировать тот факт, что мировоззрение подрастающего поколения начала 90-х годов XX века под влиянием западной культуры претерпело существенные изменения. Офицерский состав, стоящий на страже нашей Родины в настоящее время, на себе прочувствовал эти изменения. Формирование патриотов страны происходит в очень не простое время, которое переживает Россия [7]. Курсы повышения квалификации офицерского состава, куда приезжают на обучение со всех регионов нашей страны, являются тем местом, где можно проанализировать последствия этих изменений на уровень патриотического сознания наших офицеров. В зависимости от того, как они будут работать с военнослужащими, в рамках патриотического воспитания, будет зависеть во многом моральное состояние личного состава [6].

Патриотизм – качество социальное. Во все времена у людей он ассоциировался с такими понятиями, как Родина, любовь, готовность к самопожертвованию, верностью своей присяге. Следовательно, можно сформулировать главную цель патриотического воспитания – это привитие подрастающему поколению чувства беззаветной любви к своей Родине, гордость за историческое прошлое своего государства, уважение к старшему поколению, готовности встать на защиту своего государства в любой момент [13]. Патриотические ноты играют главенствующую роль в процессе становления и обретения независимости множества народов. Данные процессы неизменно сопутствовали трудам ученых и поэтов, проявлявших неподдельный интерес к проблеме патриотизма. Это прослеживается в трудах Н. А. Добролюбова, В. Г. Белинского, А. С. Макаренко, С. Л. Рубинштейна, И. А. Сикорского, В. А. Сухомлинского, Н. Г. Чернышевского, М. А. Шолохова и других [2].

Проведя анализ научной литературы по изучаемой проблеме, можно выделить несколько определений понятия «патриотизм»:

- «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [17];

- в философском словаре И. Т. Фролова рассматривает патриотизм как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины [26];

- в своем педагогическом энциклопедическом словаре Б. М. Бим-Бад использует понятие патриотизма как любовь к Отечеству, к родной земле, к своей культурной среде [18];

- по мнению Т.Ф. Ефремовой, патриотизм – это любовь к своему отечеству, преданность своему народу и ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины [6];

- в Российской педагогической энциклопедии В. Г. Панова под патриотизмом понимается социально-политический и нравственный принцип, выражающий чувство любви к родине, заботу о ее интересах и готовность к ее защите от врагов [19].

Исходя из приведенных примеров, мы видим многообразие подходов к определению понятия «Патриотизм».

Когда человек проявляет патриотизм к своей малой Родине, то он проявляет его по отношению ко всей стране. В этом заключается сущность патриотизма [16]. В. С. Соловьев отмечал: «Привязанность к местной Родине также мало препятствует патриотизму, то есть преданности общему Отечеству, как в правильной семье любовь к матери не мешает и не соперничает с любовью к отцу...» [21]. Иного, безадресного патриотизма быть не может, ибо он направлен на конкретные объекты. Важное значение имеет осознание этого каждым человеком. Патриотизм заложен в жизнеспособности государства, способствующему духовному единению народа и эффективному функционированию всех его институтов.

Как мы уже знаем, чувство патриотизма формируется последовательно в процессе воспитания в семье, школе, институте, армии, что определяет его характер и глубину.

Патриотическое воспитание военнослужащих – это сложная, систематическая и целенаправленная деятельность органов военного управления на всех уровнях по формированию у военнослужащих патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, осознания готовности к выполнению воинского долга по защите интересов нашей Родины.

Государственно-патриотическое воспитание – обучение на военнослужащих для формирования и развития личности, обладающей качествами гражданина-патриота России.

В основе работы офицеров лежит формирование патриотического сознания, умение правильно довести до военнослужащих сущность требований военной присяги, общевоинских уставов, требований приказов Директора федеральной службы – главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации и добиться их выполнения. От того, насколько подготовлены военнослужащие в вопросах выполнения своих функциональных обязанностей, как они дисциплинированы можно судить о моральном климате подразделения.

Эти цели достигаются на плановых занятиях по боевой подготовке, военно-политической подготовке, культурно-досуговых и других мероприятиях.

Можно отметить, что основными направлениями формирования патриотизма у военнослужащих являются:

изучение истории государства и края, в котором служишь;

изучение воинских традиций;

участие в воинских ритуалах;

воспитание на ценностях морали и нравственности [27].

Проведенная ранее работа по выявлению уровня патриотизма среди слушателей курсов повышения квалификации офицерского состава позволила сделать выводы о необходимости разработки педагогической программы «Основные направления патриотического воспитания военнослужащих» [15].

Задачами данной программы является выработка единого понимания действий командиров (начальников) по формированию государственно-патриотического воспитания военнослужащих.

Патриотическое воспитание играет ключевую роль в становлении защитника Отечества. Ведь еще в педагогической теории и практике советского периода проблеме воспитания патриотизма посвящено немало исследований. Подтверждением этому является желание каждого из педагогов того периода разобраться в проблемах патриотического воспитания (А. С. Макаренко [12], В. Я. Стоюнин [1], В. А. Сухомлинский [23] и др.). Все перечисленные педагоги понимали: для того чтобы сохранить культурные традиции и историческое наследие России необходимо формировать патриотизм подрастающего поколения.

Военнослужащие должны четко понимать и ценить историю, национальную культуру и ценности своей страны. Национальная культура – это совокупность ценностей, как материальных, так и духовных, а также практикуемых данной социальной группой различных способов взаимодействия с природой и социальным окружением [11].

Педагогическая программа «Основные направления патриотического воспитания военнослужащих» способствует укреплению духовных ценностей офицерского состава. Она помогает им осознать важность службы на благо своей страны и обязанность защищать ее интересы, способствует развитию таких духовных качеств как самоотверженность, честь и верность присяге. Патриотическое воспитание и профессиональная подготовка тесно взаимосвязаны [16].

Она учит офицеров адаптировать свои профессиональные навыки и знания к условиям военной службы, что повышает их способность выполнять сложные задачи и принимать важные решения [14]. Педагогическая программа по патриотическому воспитанию не только помогает офицерскому составу развивать моральные ценности, такие как честность, доброта и ответственность, но и способствует созданию здоровой и дисциплинированной атмосферы в войсках.

Программа, согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова, является планом, либо порядком проведения чего-либо [25].

Под педагогической программой понимается нормативный документ, созданный на основе примерной или авторской программы по учебному предмету, с учетом типа образовательного учреждения, средств обучения, особенностей контингента учащихся [5].

Целью разрабатываемой программы явилось повышение уровня государственно-патриотического воспитания военнослужащих.

Программа предусматривает объединение единой целью нескольких этапов, на которых формируется мотивационная установка к проведению занятий по патриотическому воспитанию, погружение слушателей в исследуемую проблему, рефлексия и анализ полученных результатов. Методами, используемыми в ходе реализации программы, могут быть: рассказ, индивидуальные или групповые беседы, тестирование, лекции, семинары, индивидуальные проекты, кейс-методы.

Кейс-методом называют метод конкретных ситуаций, то есть техника обучения, ис-

пользующая описание реальных экономических, социальных и бизнес-ситуаций [10]. Обучающимся доводится конкретная ситуация, которую они должны исследовать, разобраться в сути проблем, предложить свои возможные пути решения и выбрать лучшее из них. Кейсы основываются на приближенных к реальным ситуациям [22].

На первом этапе, посредством проведения вводных занятий, у офицеров создается мотивационная установка для проведения занятий по патриотическому воспитанию. На данных занятиях офицеры погружаются в существующую проблему по патриотическому воспитанию военнослужащих. Они сопровождаются постоянной ссылкой на героические подвиги наших сослуживцев. Каждый день военнослужащие Росгвардии, рискуя своей жизнью, спасают тысячи других. Примером таких подвигов являются:

грамотные действия полковника Хайрудинова С. обеспечили удержание важного в стратегическом плане населенного пункта, сохранив при этом жизни своих подчиненных и мирных жителей; действия лейтенанта Концова М., который будучи тяжело раненым, истекая кровью, продолжал командовать своим подразделением и успешно выполнил боевую задачу;

во время совершения марша капитан Миланин Ю. командовал подчиненным подразделением. Внезапно на них напала группа противника. С самого начала боя офицер уверенно руководил своими подчиненными и организовал оборону войсковой колонны. Получив ранение, офицер не оставил поле боя, а продолжил управлять подчиненными, что позволило отразить атаку противника, который имел численное превосходство;

и многие другие.

После представления данной информации у слушателей появляется интерес к изучению данной проблемы. Для последующего изучения и анализа на этом этапе проводится тестирование, результаты которого свидетельствуют о важности проводимой работы. В результате тестирования было выявлено, что около 10 % опрошенных слушателей заявили, что для них патриотизм не является столь важной ценностью. Понятие «Патриотизм» у абсолютного большинства офицеров ассоциируется с любовью к своей Родине. Только 2 % опрошенных сопоставляют его с верностью воинской присяге, воинскому долгу. Однако это офицеры, которые постоянно работают с личным составом и которые передают

свой опыт последующему поколению. Именно от качества проводимой ими работы по патриотическому воспитанию военнослужащих зависит состояние морального уровня в подразделениях, который будет влиять на выполнение служебно-боевых задач. После проведения нескольких циклов индивидуальных бесед у слушателей появляется осознание важности и необходимости проводимой работы по патриотическому воспитанию. В тех случаях, когда обучаемые не усвоили значимость исследуемой проблемы, проводятся дополнительные занятия, выясняются причины непонимания с целью дальнейшей корректировки результатов.

На втором этапе программы посредством проведения лекционных занятий слушатели все больше погружались в изучаемую проблематику. Отмечается повышение интереса к вопросам патриотического воспитания военнослужащих, а также активность при подготовке индивидуальных докладов, так как ранее со слушателями такие занятия не проводились. Особый интерес вызвала тематика практико-ориентированной направленности, такая как «Содержание, проявление и возможные отклонения патриотизма», «Информационная война против России в ходе выполнения СВО», «Возрождение фашизма на Украине». Отдельное внимание офицеров интересовала тема роли фейковой информации на уровень патриотизма в подразделениях [20]. Дискуссии становятся все оживленнее, а работа по разрешению предложенных кейс ситуаций окончательно убеждает слушателей в необходимости проводимой работы. Слушателям были предложены такие ситуации, как «Влияние микро групп на моральное состояние воинского коллектива», «Межнациональные конфликты в воинском коллективе. Пути решения».

Также на данном этапе предлагалось обсуждение фильмов, с написанием эссе. Такими фильмами стали: «Отец солдата» 1964 г., «В 6 часов вечера после войны» 1944 г., «На войне как на войне» 1968 г., составляющих Золотой фонд отечественного кинематографа. А чего только стоит «Летят журавли» М. Колотозова, ведь этот фильм стал достоянием не только советского кино, но и мирового, он удостоился важнейшей награды, о которой может мечтать любой режиссер, относящий себя к таковым по призванию, удостоился «Золотой пальмовой ветви» «Каннского кинофестиваля» в 1958 году [4].

Сцены, приведенные в этих фильмах, имеют свой глубокий смысл и заслуживают подробного обсуждения. Главные герои этих фильмов знают войну не понаслышке, а прочувствовали ее, имея опыт непосредственного участия в ней, поэтому роль патриотизма они всегда показывали в своих фильмах с наилучшей стороны [8].

По истечении времени офицеры учатся анализировать, обобщать, логически мыслить. Данные навыки, несомненно, пригодятся им в дальнейшей работе по патриотическому воспитанию военнослужащих. При завершении отработки этого этапа программы было организовано участие офицеров в смоделированных реальных действиях, где обучаемые предлагали свои пути решения проблемных ситуаций. Такими ситуациями стали: «Влияние микрогрупп в подразделении на решения командира в процессе повседневной деятельности», «Отказ в выполнении распоряжений командира подразделения, попытка подрыва его авторитета со стороны военнослужащих, имеющих влияние на других» и другие. Главной задачей при разработке данных ситуаций была не реалистичность, а реальность предложенных ситуаций [13]. Активность слушателей в ходе докладов и обсуждений по разрешению данных конфликтных ситуаций говорит о том, что темы являются актуальными для многих офицеров.

Итогом является сформированность к проведению занятий по патриотическому воспитанию военнослужащих.

На заключительном этапе по завершении отработки предлагаемой программы были организованы рефлексия и итоговое тестирование. В современной педагогике под рефлексией понимают самоанализ деятельности и её результатов [3]. Не всегда уделяется должное внимание данному этапу реализации программы: рефлексия имеет большое значение для каждого субъекта образовательного процесса. Во-первых, она дает «научную пищу» для размышления слушателем, во-вторых, на основе тех предложений, которые поступают от слушателей, вносятся коррективы в саму программу. Ведь рефлексия это обращение во внутренний мир человека, размышление над своей деятельностью, анализ имеющихся знаний, умений, переосмысление совершенных поступков. Недостаток рефлексии, либо ее отсутствие, имеет деструктивное воздействие на личность обучаемого, его профессиональное становление. От формирования у военнослужащих рефлексивного мышления зависит

успешность выполнения служебно-боевых задач.

В процессе реализации программы использовались самые различные формы рефлексии: рефлексивные упражнения, анкета, рефлексивная карта, самооценка слушателя, заполнение таблиц, графиков, эссе и др. Выполнение заданий осуществлялось как индивидуально, так и группой. Так, по итогам каждого дня слушатели заполняли рефлексивный дневник, в котором фиксировали те темы, которые вызывали у них затруднения. Такая форма занятий не только выявляла уровень подготовки слушателей, но и способствовала созданию эмоционально-оценочного фона занятий. Использование таблицы, в которой слушатели проставляли знаки (+) плюс и (-) минус по рассмотренной теме, способствовало развитию аналитических способностей, актуализации знаний, поиску новой информации, развитию рефлексивных умений.

Цель итогового тестирования – получение объективной оценки результатов обучения, которая ориентирована на характеристику освоения содержания курса. В ходе обсуждения реализации программы, слушатели обращали внимание на свои ошибки в работе с военнослужащими, перенимали положительный опыт других офицеров. Результаты реализации программы и проведенного тестирования показали положительные результаты динамики, так как низкий уровень готовности слушателей к патриотическим социальным действиям в интересах государства и общества уменьшился с 10 до 2 %.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что педагогическая программа «Основные направления патриотического воспитания военнослужащих» на курсах повышения квалификации офицерского состава является важным инструментом, которая окажет помощь в вопросах патриотического воспитания офицеров, мотивирования их на проведение занятий по данной тематике с военнослужащими. Она способствует укреплению духовно-нравственной составляющей, развитию профессионализма и поддержанию высокого морального состояния среди военнослужащих, что положительно отразится на выполнении служебно-боевых задач. Полученные результаты позволяют сделать вывод о достижении главной задачи программы – повышения уровня государственно-патриотического воспитания военнослужащих.

Список источников

1. Беляева Н. В. Идеи патриотического и нравственного воспитания средствами литературы в педагогической концепции В. Я. Стоюнина // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. № 1(35). С. 34–41.
2. Бирюченская Т. А. Вопросы патриотического воспитания в отечественной педагогической мысли // Теория и практика модернизации образования в российских регионах: Третьи Покровские образовательные чтения. Рязань: РГПУ им С. А. Есенина, 2020. С. 124–125.
3. Бологова Н. А. Формирование рефлексивной позиции управленческого персонала колледжа в процессе повышения квалификации: специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Бологова Наталья Анатольевна. М., 2014. 26 с.
4. Гуляев А. С. Кино как средство патриотического воспитания / А. С. Гуляев, М. Н. Евченко // Молодой ученый. 2014. № 8 (67). С. 749–751. URL: <https://moluch.ru/archive/67/11451/> (дата обращения: 07.10.2023).
5. Джуринский А. Н. История образования и педагогической мысли. М., 2003.
6. Ефремова О. Ю. Военная педагогика: учебник для вузов / О. Ю. Ефремова. СПб. : Питер, 2019. 640 с.
7. Иванова Е. К. Патриотизм – национальная идея России / Е. К. Иванова, А. С. Николова, Л. В. Маюрова // Юный ученый. 2017. № 1(10). С. 5–14.
8. Кичин В. А. Интервью с Сергеем Сельяновым: Кино государственного значения // Российская газета. 2004. № 3520.
9. Кондукторова Н. В. Педагогические идеи К. Д. Ушинского в современной системе // Образование и воспитание. 2016. № 5 (10). С. 3–6.
10. Красикова Е. Н. Кейс-метод как инновационный метод обучения в дополнительном профессиональном образовании / Е. Н. Красикова, А. С. Калашова // Сборник трудов по проблемам дополнительного профессионального образования. 2016. № 29. С. 211–218.
11. Левченко Ю. А. Теория и методика воспитания. Патриотическое воспитание военнослужащих: учебно-методическое пособие. Воронеж: ВАИУ, 2010. 48 с.
12. Личностно-социальная концепция А. С. Макаренко в современной педагогике / Л. И. Гриценко. М. : Изд-во «Перемена», 2007.
13. Мельников А. В. Педагогические условия моделирования реальных ситуаций служебно-боевой деятельности / А. В. Мельников, С. В. Беленев // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 3. С. 63–66.
14. Митрахович В. А. Педагогическое сопровождение формирования профессионализма у военнослужащих контрактной службы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 439–445.
15. Николаев Р. А. Онтологические основания формирования патриотического сознания военнослужащих в профессиональной среде / Р. А. Николаев, Т. И. Султанбеков // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 2(23). С. 75–79.
16. Николаев О. С. Использование российских воинских традиций в военно-патриотическом воспитании учащихся // Педагогика: традиции и инновации: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2012 г.). Челябинск, 2012. С. 93–94.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1986. 797 с.
18. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. 3-е изд., стер. М. : Большая российская энциклопедия, 2009. 527 с.
19. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. Г. Панов. М. : Большая Рос. энцикл., 1993–1999. Т. 1: А – М. Т. 1 / гл. ред. В. В. Давыдов. 1993. 607.
20. Смирнов А. «Глубокие фейки»: сущность и оценка потенциального влияния на национальную безопасность // Свободная мысль. 2019. № 5. 70 с.
21. Соловьев В. С. Статьи и письма // Новый мир. 1989. № 1. С. 201.
22. Стрекалова Н. Д. Разработка и применение учебных кейсов: практическое руководство / Н. Д. Стрекалова, В. Г. Беляков. СПб. : Санкт-Петербургский филиал нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». 2013. 80 с.
23. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. М. : Нар. Асвета, 1981. С. 120.
24. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1. Ст. 212.

25. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935–1940. 88405 с.
26. Фролова И. Т. Философский словарь. М. : Политиздат, 1981. 365 с.
27. Чередниченко С. В. Патриотическое воспитание как основа воспитания будущих офицеров // Молодой ученый. 2023. № 12 (459). С. 187–191.

References

1. Belyaeva N. V. The ideas of patriotic and moral education by means of literature in the pedagogical concept of V. Ya. Stoyunin. In: Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2017;1(35): 34–41. (In Russ.).
2. Biryuchenskaya T. A. Voprosy patrioticheskogo vospitaniya v otechestvennoj pedagogicheskoy mysli. In: Teoriya i praktika modernizacii obrazovaniya v rossijskih regionah: Tret'i Pokrovskie obrazovatel'nye chteniya. Ryazan: RGPU im S. A. Esenina, 2020. S. 124–125. (In Russ.).
3. Bologova N. A. Formirovanie refleksivnoj pozicii upravlencheskogo personala kolledzha v processe povysheniya kvalifikacii. Moscow, 2014. (In Russ.).
4. Gulyaev A. S., Evchenko M. N. Cinema as a means of patriotic education. In: Molodoj uchenyj. 2014;8 (67): 749–751. Available from: <https://moluch.ru/archive/67/11451/> [Accessed 7th October 2023]. (In Russ.).
5. Dzhurinskij A. N. Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli. M., 2003. (In Russ.).
6. Efremova O. Yu. Voennaya pedagogika. Saint-Petersburg: Piter, 2019. (In Russ.).
7. Ivanova E. K., Nikolova A. S., Mayurova L. V. Patriotism is the national idea of Russia. In: Yunyj uchenyj. 2017;1(10): 5–14. (In Russ.).
8. Kichin V. A. Interview with Sergey Selyanov: Cinema of national importance. In: Rossijskaya gazeta. 2004;3520. (In Russ.).
9. Konduktorova N. V. K. D. Ushinsky's pedagogical ideas in the modern system. In: Obrazovanie i vospitanie. 2016;5 (10): 3–6. (In Russ.).
10. Krasikova E. N., Kalashova A. S. The case method as an innovative method of teaching in additional professional education. In: Sbornik trudov po problemam dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya. 2016;29: 211–218. (In Russ.).
11. Levchenko Yu. A. Teoriya i metodika vospitaniya. Patrioticheskoe vospitanie voennosluzhashchih. Voronezh: VAIU, 2010. (In Russ.).
12. Gricenko L. I. Lichnostno-social'naya koncepciya A. S. Makarenko v sovremennoj pedagogike. Moscow: Izd-vo «Peremena», 2007. (In Russ.).
13. Mel'nikov A. V., Belenev S. V. Pedagogical conditions for modeling real situations of service and combat activities. In: Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2008;3: 63–66. (In Russ.).
14. Mitrahovich V. A. Pedagogical support for the formation of professionalism among military personnel of the contract service. In: Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2011;3: 439–445. (In Russ.).
15. Nikolaev R. A. Ontological foundations of the formation of patriotic consciousness of military personnel in a professional environment / R. A. Nikolaev, T. I. Sultanbekov. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;2(23): 75–79. (In Russ.).
16. Nikolaev O. S. Ispol'zovanie rossijskih voinskih tradicij v voenno-patrioticheskom vospitanii uchashchihsya. In: Pedagogika: tradicii i innovacii: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Chelyabinsk, oktyabr' 2012 g.). Chelyabinsk, 2012. S. 93–94. (In Russ.).
17. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Slovar' russkogo yazyka. Moscow: Rus. yaz., 1986. (In Russ.).
18. Bim-Bad B. M. Pedagogicheskij enciklopedicheskij slovar'. Moscow: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 2009. (In Russ.).
19. Panov V. G., Davydov V. V. Rossijskaya pedagogicheskaya enciklopediya. 1993. (In Russ.).
20. Smirnov A. "Deep fakes": the essence and assessment of the potential impact on national security. In: Svobodnaya mysl'. 2019;5. (In Russ.).
21. Solov'ev V.S. Articles and letters. In: Novyj mir. 1989;1: 201.
22. Strekalova N. D., Belyakov V. G. Razrabotka i primeneniye uchebnyh kejsov: prakticheskoe rukovodstvo. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskij filial nac. issled. un-ta «Vysshaya shkola ekonomiki». 2013. (In Russ.).
23. Suhomlinskij V. A. Serdce otdayu detyam. Moscow: Nar. Asveta, 1981: 120. (In Russ.).
24. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii». In: Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016;1. St. 212. (In Russ.).

25. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M. : Gos. in-t «Sov. encikl.»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov. 1935–1940. (In Russ.).
26. Frolova I. T. Filosofskij slovar'. M. : Politizdat, 1981. (In Russ.).
27. Cherednichenko S. V. Patriotic education as the basis for the education of future officers. In: Molodoj uchenyj. 2023; 12 (459): 187–191. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 17.10.2023;
одобрена после рецензирования 01.12.2023;
принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 17.10.2023;
approved after reviewing 01.12.2023;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 378.1
EDN: XFWMWW

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ
ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВОЕННЫХ ИНСТИТУТАХ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александр Вадимович Фетисов¹, Николай Владиславович Носов²

^{1,2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии,
Санкт-Петербург, Россия

¹ Eletsaysveta@yandex.ru

² nikonosov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены содержание сетевого взаимодействия, модели сетевого взаимодействия и их роль в эффективном функционировании системы военно-профессиональной подготовки в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации. В ней показана важность организации сетевого взаимодействия между кафедрами военно-профессиональных дисциплин с целью повышения качества военно-профессиональной подготовки выпускников.

Ключевые слова: система военно-профессиональной подготовки, сеть, сетевое взаимодействие, модели сетевого взаимодействия кафедр военно-профессиональных дисциплин

Для цитирования: Фетисов А.В., Носов Н.В. Сетевое взаимодействие как фактор эффективного функционирования системы военно-профессиональной подготовки в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 245–252. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/025.pdf>. EDN: XFWMWW.

Original article

NETWORK INTERACTION AS A FACTOR OF EFFECTIVE FUNCTIONING OF THE SYSTEM OF MILITARY
PROFESSIONAL TRAINING IN MILITARY INSTITUTES OF THE VNG OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander V. Fetisov¹, Nikolay V. Nosov²

^{1,2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg,
Russia

¹ Eletsaysveta@yandex.ru

² nikonosov@yandex.ru

Annotation. The article examines the content of network interaction, models of network interaction and their role in the effective functioning of the military vocational training system in military institutes of the National Guard troops of the Russian Federation. It shows the importance of organizing network interaction between departments of military professional disciplines in order to improve the quality of military professional training of graduates.

Keywords: system of military professional training, network, network interaction, models of network interaction of departments of military professional disciplines

For citation: Fetisov A.V., Nosov N.V. Network interaction as a factor of effective functioning of the system of military professional training in military institutes of the VNG of the Russian Federation. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 245–252. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/025.pdf>. EDN: XFWMWW.

© Фетисов А.В., Носов Н.В., 2024

Введение

В современной военно-политической обстановке, сложившейся на западных границах Российской Федерации, осно-

вополагающей целью совершенствования военно-профессиональной подготовки в военных институтах Федеральной службы войск национальной гвардии Российской

Федерации является повышение уровней сформированности базовых военно-профессиональных компетенций выпускников, как руководителей высокой квалификации [1, 4, 8]. В ходе всего периода обучения у них должны также непрерывно формироваться и совершенствоваться необходимые личностные качества: инициативность, трудолюбие, способность к управлению подразделением как в ходе их слаживания, так и непосредственно при выполнении служебно-боевых (боевых) задач [5, 6, 7, 8, 11, 13].

В современных условиях к офицерскому составу войск национальной гвардии Российской Федерации предъявляются повышенные профессиональные требования, определяемые, в первую очередь, сложностью организации служебно-боевых (боевых) действий и автоматизацией процессов управления подчиненными формированиями [2, 3, 8, 13, 14]. Такой подход к подготовке военных специалистов требует совершенствования организации военно-профессиональной подготовки курсантов в военных институтах. При этом разрешение всей проблематики формирования высоких военно-профессиональных качеств выпускников выходит за рамки организации военно-профессиональной подготовки в системе образовательной деятельности конкретного военного института. Она определяется как кардинальная задача всей системы военно-профессионального образования Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. Эта задача состоит в адаптации курсантов к военно-профессиональной среде, в которой происходят важнейшие процессы их социализации, обучения и воспитания. В современных условиях эта кардинальная задача становится все более актуальной как в теоретическом, так и в практическом плане.

Основная часть

Деятельность военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации по организации и реализации планов военно-профессиональной подготовки курсантов является основополагающей частью организации их образовательной деятельности. При этом основой организации военно-профессиональной подготовки должны являться общие философские постулаты о всеобщей связи, взаимной обусловленности и целостности явлений и процессов военной науки, а также аксиологический и деонтологический подходы к подготовке военных специалистов, дающие

ориентиры на профессионально значимые ценности в личности будущего офицера [1, 2, 3, 11, 17]. В основу реализации этих постулатов в ходе военно-профессиональной подготовки должен быть положен системный подход, создающий условия для комплексного формирования требуемых базовых военно-профессиональных компетенций у курсантов-выпускников военного института войск национальной гвардии [14, 15, 17, 18].

Следует заметить, что в современных условиях под системой военно-профессиональной подготовки курсантов необходимо понимать не только комплексно связанную систему учебных и методических мероприятий, но и целенаправленную деятельность преподавателей, ориентированную на повышение уровней сформированности базовых военно-профессиональных компетенций, определяющих развитие профессиональных качеств выпускников [14, 15, 16, 18]. При этом следует иметь в виду, что целью дисциплин военно-профессиональной подготовки является формирование у обучающихся комплекса военно-профессиональных компетенций, позволяющих им управлять подразделениями при выполнении задач, определенных для войск национальной гвардии Российской Федерации соответствующим законом. Кроме того, в ходе обучения в военном институте курсанты должны освоить и курс общей тактики, дающий возможность ориентироваться во всех видах общевойскового боя. Большую значимость также имеет и изучение всех видов всестороннего обеспечения и основных положений военного управления.

Кроме перечисленных выше условий, имеющееся образовательное пространство военно-профессиональной подготовки содержит в себе учебно-воспитательную среду. Рациональная организация этой среды объединяет военные учебно-научные подразделения, позволяет с наиболее высокой эффективностью разрешать изменяющиеся задачи освоения военно-профессиональных дисциплин, выступая одним из механизмов развития личности выпускника в условиях непрерывного развития системы военного образования.

Основная проблема организации военно-профессиональной подготовки в военных институтах Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации проистекает из одновременной подготовки курсантов по военно-учетной специальности, определяемой квалификаци-

онными требованиями заказчика к специалистам-выпускникам [12, 14, 16, 17, 20], с подготовкой их по гражданской специальности, требования к которой определяются Федеральными государственными образовательными стандартами. Таким образом, военные институты в ходе освоения учебных программ готовят военных специалистов по двум специальностям: во-первых, по гражданской, содержание подготовки по которой определены федеральным государственным стандартом, во-вторых, по военно-учетной специальности, требования к которой определяются квалификационными характеристиками. Организация военно-профессиональной подготовки в таких условиях приводит к возникновению проблем, влияющим на качество обучения военно-профессиональным дисциплинам. Таким образом, сущность проблемы состоит в недостатке ресурса учебного времени, выделяемого на военно-профессиональную подготовку при реализации учебных программ по двум специальностям (военной и гражданской). При этом требования государственных стандартов по гражданской специальности относительно выделяемого ресурса учебного времени изменению не подлежат.

Такая организация образовательной деятельности значительно сократила ресурс учебного времени, отводимого на изучение дисциплин военно-профессиональной подготовки, который не определен государственным стандартом. Сложившаяся ситуация объективно привела к снижению качества формирования необходимых выпускнику базовых военно-профессиональных компетенций, к удлинению сроков их становления на первичных офицерских должностях и в итоге к общему снижению боеспособности формирований войск национальной гвардии Российской Федерации [1, 14, 19].

Такое положение создало дополнительные условия в деятельности военных институтов войск национальной гвардии для развертывания исследований по обоснованию инновационных форм и способов взаимодействия военно-профессиональных кафедр, которые могли бы суммировать векторы содержания различных дисциплин военно-профессионального цикла в едином образовательном пространстве. Изучение отдельных источников дидактической литературы [15–19] показало, что педагогическое взаимодействие наиболее часто понимается как взаимный контакт преподавателей и обучающихся. Однако на основа-

нии ряда последних научных исследований в этой области [1, 15, 18–21] логично заключить, что рассматриваемый процесс следует представлять шире, выходя за рамки межличностных отношений. В этот процесс следует включать и другие субъекты системы образовательной деятельности военного института Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. Например, следует включать кафедры военно-профессиональных дисциплин, которые в обычных условиях находятся за пределами формально организованного междисциплинарного взаимодействия в образовательной среде. В таких условиях эти подразделения начинают более эффективно решать образовательные задачи, направленные на повышение качества военно-профессионального образования.

Организация взаимодействия кафедр военно-профессионального блока следует представлять как процесс решения основных проблем военно-профессиональной подготовки специалистов. Их разрешение на основе взаимодействия позволит обеспечить суммирование учебно-методических и других возможностей учебно-научных подразделений. Кроме того, такое взаимодействие обеспечит синергию его участников; формирование совокупности положений, регулирующих совместную деятельность, что, в итоге, повысит полноту и уровни сформированности базовых военно-профессиональных компетенций. Наиболее эффективным способом организации педагогического взаимодействия научных подразделений является его реализация в звене «кафедра – кафедра» [1, 13, 14].

При организации этого процесса следует учитывать, что взаимодействие представляет собой основной метод сетевой организации подготовки специалистов в военных институтах. Сетевое взаимодействие военно-профессиональных кафедр состоит в создании системы связей, позволяющих разрабатывать, апробировать и предлагать военно-профессиональному педагогическому сообществу инновационные модели содержания военно-профессионального подготовки и управления этой системой. Иными словами, это способ деятельности по совместному использованию имеющихся в военном институте ресурсов.

При глубоком анализе смысла педагогических категорий «сеть», «сетевое», необходимо использовать содержание работ видного российского социолога М. М. Чучкевича [2]. Именно этим ученым в полном объ-

еме дано определение сетевой организации обучения и представлены основные характеристики этой системы. В работах М. М. Чучкевича определена суть сетевой организации обучения. Установлено, что такая система в ходе ее организации объединяет независимых индивидов, социальные группы, а в отдельных случаях, и образовательные организации. Эти элементы рассматриваемой системы при достижении общих целей должны действовать согласованно в течение времени, необходимого для получения требуемого результата. Кроме того, все элементы системы сетевой организации обучения (подготовки специалистов в военных институтах) должны иметь корпоративный имидж и входить в корпоративную инфраструктуру [2]. Основными элементами сетевого педагогического взаимодействия в образовательной организации должна быть не только информация, но в то же время и «персона» (актор) и «событие» (артефакт) [3]. В рассматриваемых условиях подготовки военных специалистов в военных институтах в качестве «персон» (актеров) могут являться военно-профессиональные кафедры, а в качестве «событий» (артефактов) предполагается их педагогическая деятельность по формированию базовых военно-профессиональных компетенций на уровне не ниже заданного. С этой целью событие (артефакт) и инициируется коллективами военных научно-педагогических кафедр, обосновывающих актуальную необходимость решения заявленной задачи.

Система сетевого взаимодействия научно-педагогических подразделений (кафедр) имеет важное отличие от их традиционного взаимодействия в современной системе военно-профессионального образования. При организации сетевого взаимодействия нормы деятельности кафедр должны особым образом разрабатываться внутри этой сети [3, 17–19]. На современных условиях возможна организация разных моделей сетевого взаимодействия военно-профессиональных кафедр. Сеть образовательного взаимодействия научно-педагогических подразделений (кафедр) в этих условиях должна организовываться в двух вариантах [2, 18].

Первый вариант связан с объединением нескольких кафедр дисциплин военно-профессионального цикла вокруг одной основной (ведущей) кафедры (например, кафедры тактики служебно-боевого применения подразделений), которая к тому же должна обладать необходимым со-

держательным, методическим, научным и кадровым потенциалом, исполнять функцию так называемого «ресурсного центра». В таких условиях другие кафедры, входящие в общую сеть образовательного взаимодействия, способны реализовать с необходимым качеством программы дисциплин военно-профессионального цикла в комплексе с базовым теоретико-практическим курсом общей тактики. Остальную базовую военно-профессиональную подготовку реализует «ресурсный центр» военного института. В таких условиях «ресурсный центр» военного института является идеологическим ядром в вертикальном сетевом взаимодействии различных военно-профессиональных кафедр, помогая в проведении всех видов тактических занятий, а также других учебных мероприятий: круглых столов, конференций, дискуссий и встреч по обмену опытом. Именно этот ресурсный центр информирует все другие учебно-научные подразделения и обучающихся о сроках проведения военно-профессиональных мероприятий.

Второй вариант основан на кооперации всех военно-профессиональных кафедр на равноправной основе с привлечением управленческих ресурсов учебного отдела военного института. Во второй модели так называемый «ресурсный центр» отсутствует. При этом все участники сетевого взаимодействия в военном институте имеют возможность создавать собственную траекторию преподавания военных дисциплин и ее развития на основе руководящих документов учебного отдела.

Следовательно, в условиях функционирования системы сетевого взаимодействия качество теоретико-практической подготовки специалистов повысится до требуемого уровня за счет целенаправленного привлечения и комплексного использования образовательных ресурсов кафедр военно-профессионального цикла.

Система сетевого взаимодействия может быть организована в двух основных структурах: как «ресурсный центр» или как «паритетная кооперация».

Для того чтобы создать сеть на практике, необходимо наладить реальное межкафедральное сетевое взаимодействие в рамках отдельно взятого военного института в интересах реализации современных требований к организации военно-профессиональной подготовки курсантов [2, 3]. Иными словами, для повышения качества подготовки специалистов в военном

институте войск национальной гвардии Российской Федерации необходимо построить соответствующую инфраструктуру образовательного пространства на основе реорганизации кооперационных, координационных, информационных связей, существующих между соответствующими задачам подготовки военно-профессиональными кафедрами.

Таким образом, комплексирование деятельности военно-профессиональных кафедр в военном институте войск национальной гвардии Российской Федерации, высокая централизация их ресурсов при создании сетевой модели, априори повышает качество военно-профессиональной подготовки обучающихся. Отношения синергии, связи, лежащие в основе организации образовательного партнерства между учебными научными подразделениями института, на практике реализуют все преимущества системы сетевого взаимодействия. При этом между участниками системы устанавливаются более тесные профессиональные отношения, возникают дополнительные социальные связи, что обогащает деятельность каждого из них. Участники системы сетевого взаимодействия одновременно организуют событийное пространство. Каждый участник этой системы не только существует в событийном пространстве, но и влияет на его совершенствование. В таком пространстве основным принципом функционирования является не строгая управленческая иерархия, а взаимодействие между коллективами, более эффективное использование имеющихся ресурсов каждого учебного научного подразделения [2, 3, 15–17].

От участия кафедр в сетевом взаимодействии ожидается повышение качества освоения военно-профессиональной составляющей образовательной деятельности образовательной организации, так как характеристики сети включают следующие свойства:

направленность участников на учебно-воспитательные цели, использование единого методического инструментария;

актуальные возможности (кадровые, управленческие, ресурсные) по обмену мнениями при взаимном обучении и т. д.;

интенсификация педагогического взаимодействия между кафедрами и развитие взаимопомощи в совместной работе;

исключение дублирования и неэффективной траты средств и ресурсов;

взаимообмен идеями, мнениями, опытом и технологиями;

развитие взаимной заинтересованности и ответственности для поддержания эффективности взаимодействия.

Эффект взаимодействия военно-профессиональных кафедр военных институтов Федеральной Службы войск национальной гвардии Российской Федерации, которые могли бы суммировать векторы содержания различных дисциплин военно-профессионального блока в едином образовательном пространстве на практике позволяет:

во-первых, совместно добиться результатов в освоении учебных программ дисциплин военно-профессионального блока, которых нельзя добиться поодиночке;

во-вторых, повысить влияние на кафедры, находящиеся за пределами сети, и усилить военную направленность в военном институте в целом.

Заключение

Таким образом, для военных институтов Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации использование системы сетевого взаимодействия военно-профессиональных кафедр является высокоэффективной инновационной технологией, которая позволяет выполнять государственный заказ по подготовке военных специалистов и динамично развиваться научно-педагогическим подразделениям.

Более того, тесное сетевое взаимодействие военно-профессиональных кафедр позволяет комплексировать предметно-тематическое содержание занятий этих подразделений в единую систему комплексных компетентностных модулей [18–20]. Такая система, дополнительно структурированная по учебным тактическим задачам, соответствующим задачам, возложенным Федеральным законом на войска национальной гвардии Российской Федерации, и звеньям тактического уровня управления, значительно повысит эффективность военно-профессиональной подготовки курсантов.

Список источников

1. Пырский А. М. Педагогические технологии в военном образовании. СПб. : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2015. 287 с.

2. Чучкевич М. М. Основы управления сетевыми организациями. М. : Институт социологии РАН, 1999. 234 с.
3. Адамский А. И. Методические рекомендации для региональных органов управления образованием по организации сетевого взаимодействия инновационных общеобразовательных учреждений. URL: www.eureka.com (дата обращения: 05.03.2023).
4. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (Ч. I). С. 41–59.
5. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 25. С. 41.
6. Федеральный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001 № 25. С. 18.
7. Федеральный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФЗ «О военном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 25. С. 15.
8. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2012;53. Ст. 7598; 2017;3. Ст. 4765.
9. Указ Президента РФ от 25 декабря 2014 г. № 2976 Военная доктрина Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 19.
10. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 15. Ст. 44.
11. О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 157. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 25. Ст. 23.
12. Положение о практической подготовке обучающихся (утверждено приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 5 августа 2020 г. № 885/390).
13. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (утвержден приказом Министерства высшего образования и науки Российской Федерации от 09 февраля 2016 г. № 92 (ред. 13 июля 2017 г.). 127 с.
14. Концепция кадровой политики и развития системы образования в войсках национальной гвардии Российской Федерации на период 2018–2021 годов и далее до 2025 года (утверждена приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 27 ноября 2017 года № 503).
15. Особенности организации и осуществления образовательной, методической и научной (научно-исследовательской) деятельности в области подготовки кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка, а также деятельности военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации (утвержден приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 07 ноября 2017 г. № 467). 47 с.
16. Материалы 22-й Всероссийской военно-практической конференции РАН. Пути повышения подготовки военного специалиста в современных условиях. М., 2019. Т. 2. 245 с.
17. Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел». М., 2019. 237 с.
18. Квалификационные требования к военно-профессиональной подготовке выпускников (дополнение к Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования) (утверждены первым заместителем Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующего войск национальной гвардии Российской Федерации 09. 12. 2020 г.).
19. Носов Н. В. Моделирование процесса формирования военно-профессиональных компетенций при подготовке специалистов для войск национальной гвардии / Н. В. Носов, А. В. Фетисов, С. П. Павловский // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. № 3. С. 44–49.
20. Решетов Е. В. Организация совместной деятельности преподавателя и обучающихся с целью повышения уровней сформированности профессиональных компетенций /

Е. В. Решетов, А. В. Фетисов, А. Б. Китаев // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 4 (14). С. 24–27.

21. Богук Ю. М. Моделирование процесса формирования компетенций у выпускников военно-учебных заведений / Ю. М. Богук, М. А. Голубев, Д. В. Ставицкий [и др.] // Сборник трудов ВКА. 2019.

Reference

1. Pyrskij A. M. Pedagogicheskie tekhnologii v voennom obrazovanii. SPb. : Sankt-Peterburgskij voennyj institut vnutrennih vojsk MVD Rossii, 2015. (In Russ.).

2. Chuchkevich M. M. Osnovy upravleniya setevymi organizatsiyami. Moscow: Institut sociologii RAN, 1999. (In Russ.).

3. Adamskij A. I. Metodicheskie rekomendacii dlya regional'nyh organov upravleniya obrazovaniem po organizatsii setevogo vzaimodejstviya innovatsionnyh obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. Available from: www.eureka.com [Accessed 5th March 2023]. (In Russ.).

4. Federal'nyj zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 226-FZ «O vojskakh natsional'noj gvardii Rossijskoj Federacii». In: Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016. № 27 (Ch. I). S. 4159. (In Russ.).

5. Federal'nyj zakon ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu». In: Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2006;25: 41. (In Russ.).

6. Federal'nyj zakon ot 30 maya 2001 g. № 3-FZ «O chrezvychajnom polozenii». In: Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001;25: 18. (In Russ.).

7. Federal'nyj zakon ot 30 yanvarya 2002 g. № 1-FZ «O voennom polozenii». In: Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001;25: 15. (In Russ.).

8. Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii». In: Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 2012;53. St. 7598; 2017;3. St. 4765. (In Russ.).

9. Ukaz Prezidenta RF ot 25 dekabrya 2014 g. № 2976 Voennaya doktrina Rossijskoj Federacii. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2015;10: 19. (In Russ.).

10. O strategii natsional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02 iyulya 2021 g. № 400. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2021;15: 44. (In Russ.).

11. O Federal'noj sluzhbe vojsk natsional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30 sentyabrya 2016 g. № 157. In: Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016;25: 23. (In Russ.).

12. Polozenie o prakticheskoy podgotovke obuchayushchihsya (utverzhdeno prikazom Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii i Ministerstva prosveshcheniya Rossijskoj Federacii ot 5 avgusta 2020 g. № 885/390). (In Russ.).

13. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya (utverzhden prikazom Ministerstva vysshego obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot 09 fevralya 2016 g. № 92 (red. 13 iyulya 2017 g.)). (In Russ.).

14. Konceptiya kadrovoj politiki i razvitiya sistemy obrazovaniya v vojskakh natsional'noj gvardii Rossijskoj Federacii na period 2018–2021 godov i dalee do 2025 goda (utverzhdena prikazom Federal'noj sluzhby vojsk natsional'noj gvardii Rossijskoj Federacii ot 27 noyabrya 2017 goda № 503). (In Russ.).

15. Osobennosti organizatsii i osushchestvleniya obrazovatel'noj, metodicheskoy i nauchnoj (nauchno-issledovatel'skoj) deyatel'nosti v oblasti podgotovki kadrov v interesah oborony i bezopasnosti gosudarstva, obespecheniya zakonnosti i pravoporyadka, a takzhe deyatel'nosti voennyh obrazovatel'nyh organizatsij vysshego obrazovaniya vojsk natsional'noj gvardii Rossijskoj Federacii (utverzhden prikazom Federal'noj sluzhby vojsk natsional'noj gvardii Rossijskoj Federacii ot 07 noyabrya 2017 g. № 467). (In Russ.).

16. Materialy 22-j Vserossijskoj voenno-prakticheskoy konferencii RARAN. Puti povysheniya podgotovki voennogo specialista v sovremennyh usloviyah. Moscow, 2019. Vol. 2. (In Russ.).

17. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya taktiko-spezial'noj, ognevoj i professional'no-prikladnoj fizicheskoy podgotovki v sovremennom kontekste prakticheskogo obucheniya sotrudnikov organov vnutrennih del». Moscow, 2019. (In Russ.).

18. Kvalifikacionnye trebovaniya k voenno-professional'noj podgotovke vypusknikov (dopolnenie k Federal'nomu gosudarstvennomu obrazovatel'nomu standartu vysshego obrazovaniya) (utverzhdeny pervym zamestitелем Federal'noj sluzhby vojsk natsional'noj gvardii Rossijskoj Federacii – glavnokomanduyushchego vojsk natsional'noj gvardii Rossijskoj Federacii 09.12. 2020 g.). (In Russ.).

19. Nosov N. V., Fetisov A. V., Pavlovskij S. P. Modelirovanie pro-cessa formirovaniya voenno-professional'nyh kompetencij pri podgotovke specialistov dlya vojsk nacional'noj gvardii. In: Akademicheskij vestnik vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii;3: 44–49. (In Russ.).

20. Reshetov E. V. Organizaciya sovmestnoj deyatel'nosti prepodavatela i obuchayushchihsya s cel'yu povysheniya urovnej sformirovannosti professional'nyh kompetencij / E. V. Reshetov, A. V. Fetisov, A. B. Kitaev. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2021;4 (14): 24–27. (In Russ.).

21. Boguk Yu. M., Golubev M. A., Stavickij D. V. Modelirovanie pro-cessa formirovaniya kompetencij u vypusknikov voenno-uchebnyh zavedenij. In: Sbornik trudov VKA. 2019. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Фетисов – кандидат военных наук, доцент

Н. В. Носов – кандидат военных наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024;
одобрена после рецензирования 28.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

A. V. Fetisov – Candidate of Sciences (Military),
Docent

N. V. Nosov – Candidate of Sciences (Military)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 08.02.2024;
approved after reviewing 28.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 37.01
EDN: XHOQQG

**ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ КУРСАНТА ВОЕННОГО ИНСТИТУТА РОСГВАРДИИ КАК СУБЪЕКТА
УЧЕБНОЙ И САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ЛИЧНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ**

Татьяна Геннадьевна Шарухина

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

tgsha2006@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5169-3044>

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью теоретико-методологического осмысления понятия «курсант военного института Росгвардии как субъект учебной и самообразовательной деятельности, личность и индивидуальность». Важность понимания сущностей феноменов «курсант как субъект учебной и самообразовательной деятельности», «курсант как личность», «курсант как индивидуальность» состоит в том, что они раскрывают магистральный путь профессионального, личностного и духовного развития обучающихся. В процессе постановки педагогических целей следует учитывать, что субъект характеризуется с профессиональной точки зрения мастерством и способностями. Личность проявляется в поступках. С индивидуальностью связан внутренний мир курсанта, творческая неповторимость.

Ключевые слова: педагогическое понимание, курсант военного института Росгвардии как субъект учебной и самообразовательной деятельности, курсант как личность, курсант как индивидуальность

Для цитирования: Шарухина Т.Г. Педагогическое понимание курсанта военного института Росгвардии как субъекта учебной и самообразовательной деятельности, личности и индивидуальности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 253–259. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/026.pdf>. EDN: XHOQQG.

Original article

**PEDAGOGICAL UNDERSTANDING OF THE CADET OF THE ROSGVARDIYA MILITARY INSTITUTE AS
A SUBJECT OF EDUCATIONAL AND SELF-EDUCATIONAL ACTIVITIES, PERSONALITY AND INDIVIDUALITY**

Tatiana G. Sharukhina

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

tgsha2006@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5169-3044>

Abstract. The topicality of the article is determined by the need for theoretical and methodological comprehension of the concept of "a cadet of a Rosgvardiya military as a subject of educational and self-educational activity, personality and individuality". The importance of understanding the phenomena essence "cadet as a subject of educational and self-educational activity", "cadet as a personality", "cadet as individuality" is that they reveal the main path of professional, personal and moral cadets' development. In the process of setting pedagogical goals, it should be taken into account that the subject is characterized from a professional point of view by proficiency and abilities. Personality is shown in behavior. The cadet's inner world, creative uniqueness is connected with individuality.

Keywords: pedagogical understanding, a cadet of the Rosgvardiya military Institute as a subject of educational and self-educational activities, personality, individuality

For citation: Sharukhina T.G. Pedagogical understanding of the cadet of the Rosgvardiya Military Institute as a subject of educational and self-educational activities, personality and individuality. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 253–259. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/026.pdf>. EDN: XHOQQG.

© Шарухина Т.Г., 2024

Введение

Проблема «понимания» входит в предметную область теории познания и представляет собой интеллектуальный процесс осмысления и моделирования познаваемого объекта на основе накопленного опыта в определенном контексте [1]. То есть познаваемый объект изучается не непосредственно, а через призму восприятия объекта и ситуации, а также накопленного человеком опыта. В герменевтике (толкование) понимание выступает одновременно «формой существования бытия» и «формой познания» [2; 3]. В понимании заключено отношение субъекта познания к объекту познания [4]. Источником понимания служат более или менее четкие знания и вера [5]. В конечном счете, человек стремится к пониманию для того, чтобы обеспечить разумное поведение [6].

При организации образовательного процесса в военном институте Росгвардии очень важно, чтобы и профессорско-преподавательский состав, и командиры (начальники) хорошо понимали курсантов. Особенно важно, чтобы курсантов видели и понимали как стремящихся к духовно-нравственному и профессиональному саморазвитию обучающихся. Однако в поле зрения должны быть не только одни курсанты. Не менее важно понимать всю учебно-воспитательную ситуацию, которая сложилась и может способствовать или не способствовать данному саморазвитию. При этом важны все детали ситуации, оказывающие влияние на обучающихся. То есть отличие педагогического понимания от других видов понимания состоит в том, что курсант рассматривается как развивающаяся и совершенствующаяся при педагогической поддержке система [7]. В связи с этим при изучении курсанта необходимо понять:

во-первых, что он представляет собой в данный момент, и каков потенциал его физического, профессионального (прежде всего компетентностного, волевого, самоорганизационного) и личностного (духовно-нравственного, государственно-патриотического, культурно-эстетического) развития, а также развития как индивидуальности (с позиции творческого стиля);

во-вторых, «восприимчивость» будущего офицера к педагогическим влияниям по каждому из названных направлений.

Особую важность при понимании имеют вопросы экзистенциального опыта обучающегося, который осмысливается посредством использования как аналитиче-

ского, так и холистического механизмов познания [8]. Подчеркивая важность холистического механизма познания, необходимо отметить его противоположность аналитическому механизму, разделяющему целое на части. Исследователь должен понимать, что разделение осуществляется искусственно и не выступает конечной целью познания. Нужно уметь видеть педагогический мир целостно, в различных его взаимосвязях. Особенно актуально данное восприятие и понимание конкретного человека, связанного с окружающим миром тысячами связей.

Так как логика развития человека (в нашем случае курсанта) раскрывается Б. Г. Ананьевым [9] от индивида к субъекту деятельности и затем к личности и индивидуальности, то преподаватель и руководители подразделения (командир взвода, командир роты, начальник факультета и его заместители) должны обладать знанием об обучающемся в военном институте Росгвардии как субъекте учебно-служебной, досуговой, хозяйственно-бытовой, внутригрупповой деятельности, личности и индивидуальности для понимания сложившейся педагогической ситуации и потенциале развития подчиненного.

Исходя из сказанного, цель статьи заключается в раскрытии сущности и содержания педагогического понимания курсанта военного института Росгвардии как субъекта учебной, служебной, досуговой, хозяйственно-бытовой, внутригрупповой деятельности, личности и индивидуальности для проектирования педагогической стратегии (например, в виде поддержки) его развития в образовательном процессе военного института.

Результаты

В современной образовательной практике в процессе целеустановления командиры курсантских подразделений и преподаватели нередко отходят от строгого научно-смыслового контекста в пользу обыденного при использовании термина «личность курсанта». Отход от его научно-смыслового понимания не позволяет правильно спроектировать план учебно-воспитательных взаимодействий с курсантом и воздействий на него.

Курсант – это жизненная система, объединяющая духовное и телесное, природное и общественное, унаследованное от своих предков и приобретенное, обладающая рациональностью; выступающая результатом и одновременно субъектом ис-

торического процесса, а также культуры и субкультуры [10].

Курсант родился в свое время с индивидуальными характеристиками прежде всего по отношению к природно-биологическим свойствам. При занятиях курсанта физической подготовкой можно легко увидеть его предрасположенность к силовым или беговым упражнениям. То есть в пределах вида существуют различия в телосложении, нейродинамике, возрастных и гендерных признаках. Интегрируясь в процессе развития, данные свойства начинают составлять темпераментные различия и задатки. Так образуется биологический фундамент (со своими специфическими особенностями) будущей личности. Каким образом темперамент обуславливает развитие личностных особенностей? Известно, что физические различия влияют на появление тех или иных событий в жизни будущего курсанта. Аналогично и темперамент через разную чувствительность, разный эмоциональный тон и пиковые проявления эмоциональности выступает «планером» событийного жизненного ряда, проходя через который будущий курсант, а затем и офицер, формируется как личность. Если в психологической структуре личности курсанта выделить биологический и социальный «полюсы», то ядром биологического полюса, объединяющего задатки, выступит именно темперамент [11].

Где следует искать «социальный полюс»? Единогласно признается, что необходимо исследовать военно-социальную природу курсанта (общественную сущность как единство его отношений). Где и как формируется и проявляется военно-социальная природа курсанта? Она формируется и проявляется, взаимодействуя с природой (природным миром), социумом (социальным миром, в том числе с военно-социальным, обладающим своей субкультурой) и с со своим внутренним миром [12].

В своей учебно-служебной, досуговой, хозяйственно-бытовой, внутригрупповой деятельности курсант активно взаимодействует с природой, познавая ее законы. Чем глубже он знает законы природного мира, тем лучше он сможет их использовать в последующем при решении служебно-боевых задач. Например, законы Ньютона очень наглядно проявляются при организации транспортировки тяжелых грузов (тяжелой техники).

Социальный и военно-профессиональный мир характеризуется взаимодействием

курсантов с «гражданскими» людьми и в военно-профессиональном сообществе для скоординированного и успешного решения учебно-служебных, досуговых, хозяйственно-бытовых, внутригрупповых задач. В процессе решения данных задач осуществляется процесс инкультурации, интериоризации, овладения нормами взаимоотношений и способами профессиональной деятельности [13]. У курсантов накапливается учебный и профессиональный опыт, формируются и развиваются умения и навыки, расширяется общий и профессиональный кругозор. Курсант становится все более умелым субъектом учебной и самообразовательной деятельности. Кроме того, в образовательном процессе не только накапливается опыт, но и происходит новаторство, совершенствование учебно-воспитательного процесса, «создание» новых методических приемов, методов, технологий. Чем активнее участвуют курсанты в этом процессе, тем быстрее и лучше обобщаются и закрепляются психические процессы, появляются психические новообразования в виде развития способностей.

По способностям можно судить об операционально-деятельностной стороне курсанта. Способности определяют мастерство и результативность действий обучающихся, скорость усвоения и диапазон применяемых способов [14]. Курсант проявляет свою субъектность, осуществляя взгляд на деятельность изнутри нее (с точки зрения изучения ситуации и постановки целей, выбора наиболее действенных способов, необходимости коррекции действий для повышения ее эффективности и др.).

При использовании своих способностей, умений осуществлять деятельность для благородных целей быть защитником государства, общества, прав и свобод людей, а также стремления не подвести товарищей, командиров (начальников), для развития авторитета и славы войск национальной гвардии, для дальнейшего своего личностно-профессионального роста курсант выступает как субъект отношений, личность [15], которая может быть зрелой и не вполне зрелой. Зрелость определяется внутренним миром курсанта, который реализуется в социальном поведении. Известно, что основу данной системы координат составляет верность присяге.

Отношения курсанта военного института Росгвардии имеют сложный компонентно-структурный состав, в который входят:

когнитивный компонент, основная функция которого состоит в осмыслении стоя-

щих перед ним задач и способов их эффективного решения, понимании значения достижения позитивного результата для общества, государства и для себя самого;

рефлексивно-чувственный компонент, функционирование которого придает осуществляемым действиям эмоциональную окраску, совестливые переживания;

ценностно-смысловой компонент, определяющий направленность личности курсанта, ее ответственность, мотивирующий действия и придающий им полную осмысленность, основанную на его идентификации с системой ценностей, объединяющей с военно/служебно-профессиональным сообществом, народом, Отечеством;

волевой компонент, осуществляющий саморегуляцию профессионального поведения в случае возникновения дефицита мотивации, мотивационного или компетентностного конфликта, необходимости преодоления негативных эмоциональных состояний в процессе выполнения учебно-служебных, досуговых, хозяйственно-бытовых, внутригрупповых задач;

поведенческий компонент, обеспечивающий осуществление практических действий на определенном уровне их качества [16].

Преподавателю, командиру курсантского подразделения важно понять статусно-ролевое положение курсанта, его личностную позицию по отношению к осуществляемым деятельности, окружающим людям. Курсант все время находится под пристальным вниманием окружающих, которые сравнивают его действия и поступки с нормами права и морали (действуют социальные ожидания) и оценивают их (действует система ценностей, в том числе и личностных [17]. Нормы и ценности, лежащие в основании ожиданий и оценок окружающих, усваиваются курсантом, закрепляются в его опыте и проявляются в последующем в виде отношений к миру социума – политике, праву, традициям и др. В рамках отношений проявляется направленность личности курсанта.

Таким образом, личность курсанта характеризуется:

направленностью, которая обозначает то, к чему он стремится, чего хочет;

способностями – возможностями, потенциями, тем, что курсант может;

характером – как устойчивой тенденцией реализации и расширения возможностей, то есть тем, что курсант есть в настоящем.

Когда речь идет об осознании курсантом своей духовной принадлежности и «выстраивании» на ее основе смыслов своей бытийности, переживаниях по этому поводу, то в действие вступает его внутренний мир. Взаимоотношения с социальным, военно-профессиональным и природным миром входят в этот мир как «мои личные». Они носят индивидуально-своеобразный характер, как правило, отличаются креативностью, дополняющей утилитарную полезность, выступают средством, позволяющим открыть себя перед другими курсантами, преподавателями, командирами (начальниками), внеинститутским сообществом, самореализоваться. В этом самовыражении проявляется индивидуальность (от лат. *individuum* – неделимое) курсанта [18].

Понимание руководителями (командирами, начальниками), преподавателями того, что представляет собой курсант в своем индивидно-субъектно-личностном развитии и проявлении им индивидуальности должно быть дополнено пониманием педагогических условий, при которых деятельность обучающегося в военном институте превратится в фактор личностно-профессионального развития будущего офицера [19].

Например, большое значение в жизни курсанта играет досуг. Каждый курсант стремится сам планировать свой досуг. При этом важно, чтобы курсант и руководители подразделения понимали, при каких условиях досуг выполнит свою воспитательную функцию. Обозначим эти условия союзом «если»:

они смогут использовать время досуга для духовного, культурного, интеллектуального роста, восполнения своих сил;

досуг является логичным продолжением их учебно-служебной, хозяйственно-бытовой деятельности и интенсивного решения задач;

досуг сопровождается ценностно насыщенной общением, которое лично значимо для курсанта;

перед глазами существует постоянный пример рационального использования свободного времени офицерами, которые проявляют творчество при организации досуговой деятельности;

отсутствует принудительность в организации досуга, который выступает результатом инициативы курсантов [20].

Руководитель (командир, начальник), преподаватель должны также понимать, что к средовым факторам, оказывающим непосредственное воспитательное влияние

на курсанта, относятся учебный коллектив и они сами [21].

Курсантский коллектив выполнит свою воспитательную миссию в том случае, если:

в процессе обсуждения все курсанты приходят к единым оценкам и требованиям по разным аспектам взаимоотношений;

курсант находится в единой системе взаимоотношений, под пристальным контролем коллектива, который считает его референтным;

система взаимоотношений отличается направленностью на развитие курсантского братства, предотвращение неконструктивных конфликтов;

с каждым днем повышается слаженность действий и организованность учебного подразделения, позитивно влияющих на решение различных задач, решаемых учебным подразделением, между лидерами сложились отношения взаимопомощи и сотрудничества, готовности поддерживать друг друга в сложные моменты;

командир (начальник), преподаватель выступают лидерами, обладающими безупречной репутацией.

Руководителю (командиру, начальнику) преподавателю необходимо обладать для осуществления эффективного воспитательного влияния высоким авторитетом. Авторитет руководителя (командира, начальника), преподавателя формируется в процессе повседневного общения и взаимодействия с курсантами, в ходе которых курсанты начинают признавать в руководителе (командире, начальнике), преподавателе не только формальное, но и неформальное право управлять ими, воспитывать каждого.

Авторитет завоевывается тогда, когда курсанты видят в руководителе (командире, начальнике), преподавателе образец всего лучшего, что он требует с них и при этом создает условия для развития всего лучшего в каждом. Руководитель (командир, начальник), преподаватель дружелюбен, принципиален и справедлив. Он проявляет заботу о курсантах. Руководитель (командир, начальник), преподаватель трудится с полной самоотдачей, показывая исключительную работоспособность. Он в курсе всего, что происходит в курсантском подразделении. В этом кроется педагогический профессионализм руководителя (командира, начальника), преподавателя.

Выводы

Понимание руководителем (командиром, начальником), преподавателем педагогической реальности в военном институте и конкретном учебном подразделении Росгвардии выступает необходимым условием организации эффективного образовательного процесса.

Педагогическое понимание заключается в осознании того, что представляет собой в данный момент курсант, учебный коллектив; каков потенциал их развития; в какой степени эффективным может быть педагогическое влияние руководителя (командира, начальника), преподавателя.

Педагогическое понимание руководителя (командира, начальника), преподавателя зависит от уровня его компетентности в вопросах организации обучения и воспитания, знания качественных характеристик курсанта как субъекта учебно-служебной, досуговой, хозяйственно-бытовой, внутригрупповой деятельности, личности и индивидуальности.

Список источников

1. Жихарева Т. М. Проблема понимания в философии В. Дильтея и М. Хайдеггера // Электронный философский журнал. 2013. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya-v-filosofii-v-dilteya-i-m-haydeggera?ysclid=loac3etlx0669890825> (дата обращения: 27.10.2023).
2. Терехов В. Б. Перспективы развития современной герменевтики на примере компаративистского анализа герменевтико-феноменологической философии Г. Шпета и П. Рикера // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 182–189.
3. Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences. Essays on language, action and interpretation. Edited, translated and introduced by John B. Thomson. Cambridge: University Press. 1981. P. 43–62. URL: https://assets.cambridge.org/97811071/44972/frontmatter/9781107144972_frontmatter.pdf.
4. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 200 с.
5. Choi I., Koo M., Choi J.A. Individual differences in analytic versus holistic thinking // Personality and Social Psychology Bulletin. 2007. Vol. 33. N 5. P. 691–705. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postizhenie-nepostizhimoe-i-ekzistentsialnyy-opyt-kak-metodologicheskie-problemy-psihologii>

ponimaniya?ysclid=lobqhhqkqb506188430 (дата обращения: 27.10.2023). Doi 10.1177/0146167206298568.

6. Алексеев А. А., Громова Л. А. Поймите меня правильно или книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми. СПб. : Экономическая школа, 1993. 352 с.

7. Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1–2. М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 1994–1999. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001674060?ysclid=loahaiuh6j279072799> (дата обращения: 26.10.2023).

8. Evans J.S.B.T. Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition // Annual Review of Psychology. 2008. Vol. 59. P. 255–278. URL: <https://sites.ualberta.ca/~francisp/Phil488/EvansDualProcessing2008.pdf>. Doi 10.1146/annurev.psych.59.103006.093629.

9. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб. : Питер, 2002. 288 с.

10. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека: учебник. М. : Изд-во МГУ, 2010. 528 с.

11. Платонов К. К. Структура и развитие личности. М. : Институт психологии РАН, 1986. 254 с.

12. Воловикова М. И. Личность как субъект становления нравственного и правового сознания // Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М. : ПЕРСЭ, 2002. С. 329–351.

13. Знаков В. В. Субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М. : ПЕРСЭ, 2008. С. 144–160.

14. Головей Л. А. Психология становления субъекта деятельности в периоды юности и взрослости: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Головей Лариса Арсеньевна. СПб., 1997. 526 с.

15. Мясичев В. Н. Психология отношений: Избр. психол. тр. / ред. А. А. Бодалев. М. : Институт практ. психологии, 1998. 362 с.

16. Шарухин А. П. Военная педагогика: учебник. СПб. : Изд-во «ПИТЕР», 2017. 576 с.

17. Брушлинский А. В. Психология субъекта / под ред. В. В. Знакова. М. : Институт психологии РАН, 2003. 272 с.

18. Небылицын В. Д. Проблемы психологии индивидуальности: Избранные психологические труды. М. : Акад. пед. и соц. наук. Моск. психол.-соц. ин-т, 2000. 682 с.

19. Смирнов Р. В. Педагогические стратегии развития профессионального воспитания военнослужащих войск национальной гвардии: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Смирнов Руслан Вадимович. СПб., 2019. 204 с.

20. Шарухин А. П. Воспитание военнослужащих и сотрудников подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации: учебное пособие. СПб. : СПВИ войск национальной гвардии, 2020. 240 с.

21. Исаева Н. Н. Воинский коллектив подразделения внутренних войск МВД России как объект психологического анализа и педагогической деятельности: монография / под ред. А. П. Шарухина. СПб. : РИЦ ФГОУ ВПО «СГУ», 2014. 318 с.

References

1. Zhihareva T. M. The problem of understanding in the philosophy of V. Dilthey and M. Heidegger. In: Elektronnyj filosofskij zhurnal. 2013. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya-v-filosofii-v-dilteya-i-m-haydeggera?ysclid=loac3etlx0669890825> [Accessed 27th October 2023].

2. Terekhov V. B. Prospects for the development of modern hermeneutics on the example of a comparative analysis of the hermeneutical-phenomenological philosophy of G. Shpet and P. Riker. In: Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i social'nye nauki. 2012;1: 182–189.

3. Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences. Essays on language, action and interpretation. Edited, translated and introduced by John B. Thomson. Cambridge: University Press. 1981. P. 43–62. URL: https://assets.cambridge.org/97811071/44972/frontmatter/9781107144972_frontmatter.pdf.

4. Bodalev A. A. Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982.

5. Choi I., Koo M., Choi J.A. Individual differences in analytic versus holistic thinking. In: Personality and Social Psychology Bulletin. 2007. Vol. 33. № 5. P. 691–705. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/postizhenie-nepostizhimoe-i-ekzistentsialnyy-opyt-kak-metodologicheskie-problemy-psiologii-ponimaniya?ysclid=lobqhhqkb506188430> [Accessed 27th October 2023]. Doi 10.1177/0146167206298568.
6. Alekseev A. A., Gromova L. A. Pojmite menya pravil'no ili kniga o tom, kak najti svoj stil' myshleniya, effektivno ispol'zovat' intellektual'nye resursy i obresti vzaimoponimanie s lyud'mi. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 1993.
7. Rossijskaya pedagogicheskaya enciklopediya. Vol. 1–2. Moscow: Nauchnoe izd-vo «Bol'shaya rossijskaya enciklopediya», 1994–1999. Available from: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001674060?ysclid=loahaiuh6j279072799> [Accessed 26th October 2023].
8. Evans J.S.B.T. Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition // Annual Review of Psychology. 2008. Vol. 59. P. 255–278. Available from: <https://sites.ualberta.ca/~francisp/Phil488/EvansDualProcessing2008.pdf>. Doi 10.1146/annurev.psych.59.103006.093629.
9. Anan'ev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya. Saint Petersburg: Piter, 2002.
10. Asmolov A. G. Psihologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka: uchebnik. Moscow: Izd-vo MGU, 2010.
11. Platonov K. K. Struktura i razvitie lichnosti. Moscow: Institut psihologii RAN, 1986.
12. Brushlinskogo A. B., Volovikovej M. I. (eds.) Lichnost' kak sub'ekt stanovleniya npravstvennogo i pravovogo soznaniya. In: Psihologiya individual'nogo i gruppovogo sub'ekta. Moscow: PERSE, 2002: 329–351.
13. Znakov V. V., Brushlinskij A. B., Volovikova M. I. Sub'ekt-ob'ektnyj i sub'ekt-sub'ektnyj tipy ponimaniya vyskazyvanij v mezhlichnostnom obshchenii. In: Psihologiya individual'nogo i gruppovogo sub'ekta. Moscow: PERSE, 2008: 144–160.
14. Golovej JI. A. Psihologiya stanovleniya sub'ekta deyatel'nosti v periody yunosti i vzroslosti. Saint Petersburg, 1997.
15. Myasishchev V. N., Bodalev A. A. Psihologiya otnoshenij: Izbr. psihol. tr. Moscow: Institut prakt. psihologii, 1998.
16. Sharuhin A. P. Voennaya pedagogika: uchebnik. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «PITER», 2017.
17. Brushlinskij A. B., Znakova V. V. (eds.) Psihologiya sub'ekta. Moscow: Institut psihologii RAN, 2003.
18. Nebylicyn V. D. Problemy psihologii individual'nosti: Izbrannye psihologicheskie trudy. Moscow: Akad. ped. i soc. nauk. Mosk. psihol.-soc. in-t, 2000.
19. Smirnov R. V. Pedagogicheskie strategii razvitiya professional'nogo vospitaniya voennosluzhashchih vojsk nacional'noj gvardii. Saint Petersburg, 2019.
20. Sharuhin A. P. Vospitanie voennosluzhashchih i sotrudnikov podrazdelenij vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. Saint Petersburg: SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2020.
21. Isaeva N. N., Sharuhin A. P. (eds.) Voinskij kollektiv podrazdeleniya vnutrennih vojsk MVD Rossii kak ob'ekt psihologicheskogo analiza i pedagogicheskoy deyatel'nosti. Saint Petersburg: RIC FGOU VPO «SGU», 2014.

Информация об авторе

Information about the author

Т. Г. Шарухина – доктор педагогических наук, профессор

T. G. Sharukhina – Doctor of Science (Pedagogy), Professor

Статья поступила в редакцию 31.10.2023;
одобрена после рецензирования 22.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 31.10.2023;
approved after reviewing 22.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 37.032
EDN: XXBASX

ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТОВ
ВОЕННЫХ ИНСТИТУТОВ РОСГВАРДИИ К РАБОТЕ С ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ,
ПРОХОДЯЩИМИ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ

Максим Андреевич Щукин

Саратовский военный ордена Жукова Краснознамённый институт войск национальной гвардии,
Саратов, Россия
shchukin-ma@mail.ru

Аннотация. Исследование проблемы формирования готовности курсантов к работе с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, определяет своей целью выявить подходы и принципы, необходимые для формирования востребованной готовности курсантов как целостного, личностного и системного образования. Раскрываются (обосновываются) содержание и требования обозначенных подходов и принципов в ходе образовательной деятельности военного института Росгвардии.

Ключевые слова: подход, принцип, формирование готовности, курсант, офицер

Для цитирования: Щукин М.А. Подходы и принципы формирования готовности курсантов военных институтов Росгвардии к работе с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 260–267. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/027.pdf>. EDN: XXBASX.

Original article

APPROACHES AND PRINCIPLES FOR DEVELOPING THE ROSGVARDIYA MILITARY INSTITUTES CADETS'
READINESS TO WORK WITH CONTRACT ENLISTED MEN

Maxim A. Shchukin

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov, Russia
shchukin-ma@mail.ru

Abstract. The study of the problem of developing cadets' readiness to work with contract enlisted men aims to identify the approaches and principles necessary for the cadets' readiness formation as holistic, personal and systemic education. The content and requirements of the presented approaches and principles in the course of educational activities of the military institute of the Rosgvardiya are revealed.

Keywords: approach, principle, readiness formation, cadet, officer

For citation: Shchukin M.A. Approaches and Principles for Developing the Rosgvardiya Military Institutes Cadets' Readiness to Work with Contract Enlisted Men. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 260–267. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/027.pdf>. EDN: XXBASX.

© Щукин М.А., 2024

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы

Среди проблем, стоящих перед современной российской системой профессионального военного образования, актуальной является проблема формирования готовности курсантов к работе с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту. Это обусловлено

обострением геополитической обстановки в мире, и как следствие, необходимость повышения оборонительного потенциала нашей страны в том числе за счёт значительного увеличения численности военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, преимущественно рядового и сержантского состава. Указанная категория военнослужащих будет в основном являться подчинённым личным составом для

выпускников военных институтов Росгвардии и других силовых ведомств командного профиля.

Основные положения

Исследование проблемы формирования готовности курсантов к работе с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, определяет своей целью выявить подходы и принципы, необходимые для формирования востребованной готовности курсантов как целостного, личностного и системного образования. Структурными компонентами такой готовности являются мотивационно-целевой, когнитивно-операционный и контрольно-оценочный. Следуя логике исследования и раскрывая готовность курсантов к работе с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, курсант рассматривается как субъект формирования готовности. Поэтому подходы и принципы к формированию готовности курсантов к работе с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, обосновываются в свете образовательной деятельности военных институтов Росгвардии.

Рассмотрим их подробнее.

Системный, компетентностный и личностно-деятельностный подходы являются определяющими для данного исследования. Раскроем идеи приведённых подходов.

Реализация идей системного подхода в педагогической практике направлена на осуществление продуктивной и перспективной обратной связи между всеми действующими составляющими процесса формирования готовности [1]–[3]. Необходимо отметить, что структурное наполнение данного подхода, как системы, подразумевает реализацию в ходе процесса обучения чётко поставленных задач со всеми возникающими проблемами [3]. Ведя речь о структуре и единой содержательной педагогической системе в аспекте изучаемого подхода, по мнению В. П. Беспалько, данный подход позволяет выполнить главный действенный процесс педагогической системы, сосредоточенный на формировании личности обучающегося в среде социальных и профессиональных значений [2]. При этом результативность целостной педагогической системы определяется согласованностью и высокими показателями итогов деятельности всех её структурных компонентов, направленных на достижение формирования готовности курсантов к работе с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту. Данное субъектное сосредоточение

педагогических усилий представляется важным, в связи с тем, что оно обеспечивает развитие основных направлений образовательного процесса и затрагивает всех его участников, побуждает к активному взаимодействию всех его структурных компонентов.

Идеи компетентностного подхода интерпретируют сущность, направленную не по вектору овладения устоявшимися профессиональными знаниями в готовом виде, а на индивидуальный поиск и формирование профессионального опыта в решении социальных и трудовых задач [4]. Актуальные события профессиональной деятельности предъявляют к специалисту объёмные требования, которые не ставились ранее. Для выполнения этих требований необходима гибкая модель подготовки специалистов в новой реальности социально-профессионального пространства. Развивать, прежде всего, необходимо личностные и профессиональные компетенции специалиста, его готовность к самостоятельной деятельности в изменившихся условиях. При этом компетентностный подход в профессиональной подготовке курсантов объединяет, по сути и по реализации, другие применяемые подходы в части содержания форм и применяемых средств для получения необходимого результата.

Главные понятия личностно-деятельностного подхода определены в работах психологов, в которых личность является субъектом деятельности [5; 6]. Данный подход обеспечивает плодотворное слияние личных и общественных задач в их единстве [7; 8]. А. К. Маркова отмечает, что в процессе реализации личностно-деятельностного подхода происходит закрепление и становление индивидуальных и психологических особенностей обучающихся, их личностных качеств и деятельностных характеристик [7]. Данный подход в основном конструировался как индивидуально-направленный механизм, с помощью которого педагог влияет на учебный процесс по выполнению обучаемыми различных образовательных задач и проблем. Это способствует формированию личности обучающегося и его профессиональной грамотности [8].

Закономерности и противоречия процесса формирования готовности специалиста являются лишь теоретической основой определения и применения подходов и принципов. На основе положений вышеперечисленных подходов обоснуем принципы формирования готовности курсантов к

работе с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, о которых пойдёт речь далее.

Принципами формирования готовности курсантов являются: систематичность, последовательность и комплексность; прочность результатов обучения и развития познавательных возможностей курсантов; сознательность, творческая активность и самостоятельность курсантов (под контролем педагога); развивающий и воспитывающий характер (раскрывает обратную связь научных результатов современности с опытом деятельности Росгвардии); обучение на высоком уровне трудностей; рациональное совмещение групповых и индивидуальных форм и способов процесса обучения курсантов; наглядность; связь обучения с практической деятельностью Росгвардии.

Учитывая, что принципами формирования готовности курсантов являются руководящие педагогические положения, отражающие закономерности процесса образовательной деятельности военного института, возможно интерпретировать вышеперечисленные принципы, как [9; 10] социальной обусловленности и научности; практической направленности; систематичности, последовательности и комплексности; обучение на высоком уровне трудностей; наглядности; сознательности, активности и самостоятельности курсантов; прочности знаний, навыков, умений; индивидуальности и дифференцировании.

Принципы формирования готовности курсантов основываются на положениях многих разнонаправленных наук и результативности их реализации в ходе военно-профессиональной деятельности. Указанные принципы формирования готовности курсантов обуславливают основные направления образовательной деятельности в военном институте: организацию, содержание и методику. Приводя описание принципов формирования готовности курсантов, необходимо принимать во внимание то, что любая мысль, заключённая в их сути, представляет собой ряд повторяющейся взаимозависимости.

Принцип социальной обусловленности и научности формирования готовности курсантов обеспечивает выполнение государственного заказа по профессиональной подготовке офицеров Росгвардии. Данный факт определяет необходимость в совершенствовании процесса формирования готовности курсантов в соответствии с концепцией развития современного об-

щества и потребностей государства.

Выполнение основных педагогических требований указанного принципа предусматривает: рассмотрение возможных явлений образовательной деятельности, её закономерностей и противоречий, поиска способов преодоления разногласий и условностей; опору в ходе образовательной деятельности военных институтов на процессы, происходящие в обществе и Росгвардии; постоянное выполнение положений руководящих документов; воспитательный и развивающий характер образовательной деятельности, направленный на формирование у курсантов должных качеств гражданина и компетенций офицера; доведение важности ратного труда офицера на благо своего государства.

Принцип практической направленности в ходе формировании готовности курсантов определяет их умения, знания и навыки по действиям в боевой обстановке, как будущего офицера. Данный принцип содержит следующие основные требования: овладеть порядком практических действий офицера в бою; формировать готовность курсантов в определенном руководящими документами порядке; создавать учебную обстановку как боевую (с наибольшей долей приближения); неуклонно соблюдать порядок образовательной деятельности военного института; изучать боевой опыт прошлого и современности.

Принцип систематичности, последовательности и комплексности при формировании готовности курсантов ориентирует образовательную деятельность военного института на упорядоченность и доступность в доведении изучаемого материала. Исходя из задач, возложенных на Росгвардию, определяется потребность в развитии и закреплении профессиональных компетенций у курсантов, как будущих офицеров. Усвоение указанных компетенций проходит более эффективно в случае, если изучаемый материал представлен в упорядоченном виде (в системе). Эта система обеспечивает формирование готовности курсантов к результативной практической деятельности в должности офицера. Данная готовность достигается при соблюдении определенной логической хронологии в доведении изучаемого материала, упорядоченной организации доведения содержания предметов обучения с учётом их особенностей и специфики. Для формирования военно-профессиональных компетенций у курсантов, с помощью которых будет гарантированно обеспечи-

ваться выполнение задач в должности офицера, им нужны не остаточные, а твердо усвоенные знания по пройденному материалу каждой дисциплины. Этот принцип определяет выполнение следующих основных, зависимых друг от друга, педагогических требований: опора в образовательной деятельности на содержание распорядительных документов военных институтов; соблюдение последовательности в ходе реализации учебного процесса (осуществлять связь между пройденным и новым теоретическим материалом, а также в практических действиях по его отработке); обозначение в пройденном материале основной его сути и развитие её в ходе последующих занятий; определение порядка развития и стимулирования логического мышления у курсантов, а также самостоятельности в ходе образовательной деятельности.

Принцип формирования готовности курсантов на высоком уровне трудности подразумевает выработку их профессиональных качеств и психологических свойств личности. При этом организация обучения осуществляется с максимальным проявлением сознательности и активности, происходит всеобъемлющая отдача и напряжение усилий курсантов. С помощью данного принципа возможно корректировать педагогические методы доступности и интенсивности в обучении. Практика показывает, что при использовании данного принципа надлежащим образом степень сложности материала для формирования готовности курсантов должна регулярно развиваться с накопительным эффектом.

Осуществление указанного принципа в ходе образовательной деятельности военного института определяется следующими основными педагогическими требованиями: осуществлять выборку (компоновку) и доведение учебного материала с учётом исходного уровня умственных и физических способностей курсантов; регулярно обеспечивать выполнение мероприятий доступности в обучении, полагаясь в ходе этого на показатели наиболее подготовленных курсантов; создавать в ходе проведения занятий наивысшую нагрузку и напряжение возможностей курсантов; выполнять всестороннюю подготовку преподавателей для проведения занятий; обучать курсантов (как будущих руководителей) практике работы с личным составом, в том числе подразделений, укомплектованных военнослужащими, проходящими военную службу по контракту.

Принцип наглядности в обучении необходим для реализации средств наглядности в ходе образовательной деятельности в соответствии с целями, учебными вопросами, формами и методами проведения учебных занятий (тренировок, практик). Применять указанные средства необходимо при доведении нового и повторении усвоенного учебного материала, в том числе в ходе самостоятельной работы курсантов. Представляется важным реализация мероприятий по доступности средств наглядности, а также их рационального и творческого применения на практике.

В ходе формирования готовности курсантов необходимо использовать различные виды наглядности (натуральные, изобразительные, образные, практические). Основными требованиями принципа являются: применение наиболее эффективных средств наглядности после их предварительного изучения и методически правильного представления; постоянная практика курсантов с использованием натуральных средств наглядности; необходимость преподавателя обобщать наблюдения курсантов; сочетание в ходе каждого занятия различных видов средств наглядности.

Принцип сознательности, активности и самостоятельности обеспечивает формирование у курсантов правильного отношения к образовательной деятельности военного института.

Сознательность курсантов подразумевает под собой достижение сути рассматриваемых проблем, уверенность в необходимости усвоения материала и положительное отношение к процессу обучения. Сознательность придает процессу формирования готовности курсантов воспитательный характер, который существенно способствует развитию востребованных военно-профессиональных качеств личности.

Активность курсантов в ходе образовательной деятельности проявляется через повышение эффективности их интеллектуальной и физической работы, а также использования на практике знаний, умений и навыков.

Самостоятельность курсантов в ходе формирования готовности обозначает наличие у них заинтересованности к развитию своих профессиональных и личных качеств. При наличии такой заинтересованности у курсантов, а также при их творческом участии в образовательной деятельности военного института, осуществляется целенаправленное достижение высокого уровня профессиональных компетенций.

Принцип прочности в ходе формирования профессиональной готовности курсантов важен тем, что он обеспечивает выполнение обязанностей по предназначению в ходе военной службы в должности офицера. Для достижения максимального эффекта данного принципа востребованы не только знания, умения и навыки, но и военно-профессиональные взгляды, психологические качества личности. Чем выше их устойчивость, тем быстрее и лучше курсанты усвоят новый учебный материал.

Этот принцип определяет выполнение следующих основных педагогических требований: осуществление не быстрых, но правильных действий курсантов при первом изучении ими нового материала (в последующем уменьшая время на выполнение усвоенных действий при сохранении высокого их качества); на начальном этапе выработки умений и навыков у курсантов регулярно выполнять тренировку в однотипных условиях, при усвоении материала необходимо менять и усложнять условия; добиваться запоминания учебного материала курсантами на длительной основе, с помощью всех видов памяти и методов её использования; поощрять правильную деятельность курсантов в ходе обучения, прививать им правильные приемы для самостоятельного обучения; реализовывать образовательную деятельность с адаптацией к условиям современной боевой обстановки.

Приведенный принцип обеспечивает формирование у курсантов навыков в запоминании изучаемого материала. Это достигается с помощью различных видов запоминания информации (произвольного, непроизвольного), посредством регулярно повторения теоретического материала и практических упражнений (нормативов).

Принцип индивидуального и дифференцированного подхода при формировании готовности курсантов подразумевает проведение различных учебных и познавательных мероприятий в ходе плановых занятий и в процессе выполнения служебно-боевых задач, опираясь на индивидуальный подход к каждому курсанту (группе курсантов).

Указанный принцип подразумевает осуществление таких основных требований, как регулярный анализ результатов деятельности курсантов (как субъектов обучения), определение их особенностей и возможностей, учёт в дальнейшем результатов проведенного анализа и корректировка организации учебного процесса с целью устранения выявленных недостатков; постоянный контроль образовательной деятель-

ности каждого курсанта с применением различных форм реагирования в случае отставания от программы обучения (образование групп дополнительной подготовки, проведение дополнительных занятий и пр.); работа над совершенствованием индивидуальных способностей курсантов как основы формирования их профессиональной готовности к деятельности офицера Росгвардии.

Обсуждение

Вышеизложенные подходы и принципы обучения обеспечивают комплексность и единство в формировании готовности курсантов к работе с военнотружущими, проходящими военную службу по контракту. Военные институты Росгвардии добиваются усиления результативности образовательной деятельности, в том числе по средствам совершенствования и развития применения подходов и принципов в обучении курсантов. Рассуждая о значимости того или иного подхода и принципа обучения, возможно выявить тот факт, что формирование готовности курсантов реализуется за счёт деятельности всех участников педагогического процесса (курсантов, преподавателей, командиров, начальников). Именно от деятельности курсантов по овладению, а преподавателей по обучению профессиональным качествам офицера, будет зависеть успех дальнейшей служебно-боевой деятельности выпускников военных институтов Росгвардии. Данный процесс определяет взаимодействие и результативность в ходе использования средств и инструментов обучения курсантов. При этом значительная роль отведена подходам и принципам образовательной деятельности. Изложенное содержание подходов и принципов формирования готовности курсантов не следует рассматривать как догму, как что-то непоколебимое и постоянное, оно пребывает в регулярном развитии и совершенствовании. Данная работа, опираясь на авторскую модель формирования готовности курсантов к работе с военнотружущими, проходящими военную службу по контракту, обобщает изученный материал для его дальнейшего совершенствования и развития.

Вывод

Исходя из вышеизложенного, процесс формирования готовности курсантов возможно охарактеризовать, как методологически обоснованный, многофункциональный, фундаментальный и практически направленный. Данная характеристика обеспечивает всеобъемлющую и каче-

ственную подготовку курсантов в ходе образовательной деятельности в военных институтах. Исследуя процесс формирования готовности курсантов к работе с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, возможно выявить, что подходы и принципы определяют закономерности, которые представляют собой

одни из основных составляющих в организации и методике обучения курсантов, выступают направляющими для достижения целей и задач образовательной деятельности военных институтов, обеспечивают педагогическое и методическое мастерство в ходе подготовки будущих офицеров Росгвардии.

Список источников

1. Осмоловская И. М. О процессе обучения: современное прочтение // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. № 3 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-ya-lerner-o-protseesse-obucheniya-sovremennoe-prochтение> (дата обращения: 02.10.2023).
2. Герасимов Е. Н. Актуализация и модернизация ключевых понятий теории педагогических систем В. П. Беспалько и её основные принципы с позиции компетентностного и технологического подходов к обучению в вузе // Universum: психология и образование. 2014;4 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-i-modernizatsiya-klyuchevyh-ponyatiy-teorii-pedagogicheskikh-sistem-v-p-bespalko-i-eyo-osnovnye-printsiipy-s-pozitsii> (дата обращения: 02.10.2023).
3. Звоненко А. Б. Генезис понятия «Учебно-познавательная деятельность» // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ponyatiya-uchebno-poznavatel'naya-deyatelnost> (дата обращения: 02.10.2023).
4. Исак В. Ю. Компетентностный подход в современном образовании // Труды военно-космической академии имени А. Ф. Можайского. 2014. № 642. С. 173–176.
5. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2010. 288 с.
6. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Астрель, 2008. 672 с.
7. Макарова Е. Н. Проблема профессионализма в психолого-акмеологических исследованиях // Экономика образования. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-professionalizma-v-psihologo-akmeologicheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 03.10.2023).
8. Сериков В. В. Личностно-развивающее образование как одна из культурологических образовательных моделей // Известия ВГПУ. 2016. № 2 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-razvivayushchee-obrazovanie-kak-odna-iz-kulturologicheskikh-obrazovatel'nyh-modeley> (дата обращения: 03.10.2023).
9. Алехин И. А. Военная педагогика: учебник. М.: Изд-во Юрайт, 2022. 414 с.
10. Психология и педагогика: учебное пособие. Кн. 2. Военная педагогика / С. В. Ценцера, Д. В. Дмитриев, Д. А. Мещеряков [и др.]; под общ. ред. С. В. Ценцера. Саратов: ООО «Амирит», 2023. 298 с. ISBN 978-5-00207-294-1. EDN OLYDTV.
11. Зотов А. А. Воспитание профессиональных ценностей в педагогической системе у курсантов военных институтов войск национальной гвардии: дис. канд. пед. наук: 13.00.08 / Зотов Александр Александрович. СПб., 2019. 212 с. EDN INYGEN.
12. Методика отбора и подготовки офицеров и сотрудников, назначаемых на основные руководящие (командные) должности в войсках национальной гвардии Российской Федерации / С. В. Ценцера, Н. В. Пахомова, Д. В. Дмитриев [и др.]. Саратов: СВИ войск национальной, 2022. 82 с. ISBN 978-5-00207-000-8. EDN WMUBGJ.
13. Этнопсихология и ее применение при формировании воинского коллектива в подразделениях войск национальной гвардии Российской Федерации: учебное пособие / Г. А. Кирпиленко, А. А. Теплова, А. А. Никоноров [и др.]; под общ. ред. Г. А. Кирпиленко. Саратов: Амирит, 2023. 194 с. ISBN 978-5-00207-244-6.
14. Рахимбаева И. Э. Формирование готовности будущего офицера к управлению конфликтами в подразделениях войск национальной гвардии Российской Федерации / И. Э. Рахимбаева, М. Р. Сиразетдинов, С. В. Ценцера // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-1. С. 131–135. EDN SBOFSW.
15. Максимова Е. А. Особенности самостоятельной работы курсантов при компетентностном подходе к образованию / Е. А. Максимова, С. В. Ценцера, Н. В. Пахомова // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3(100). С. 104–106. DOI 10.24412/1991-5497-2023-3100-104-106. EDN QRSZCJ.
16. Ценцера С. В. Основы педагогической культуры офицера: учебное пособие /

С. В. Ценцера, И. Э. Рахимбаева, Д. А. Егоров. Саратов: СВИ войск национальной гвардии, 2017. 84 с. ISBN 978-5-9999-2882-5. EDN CXFRD.

17. Теплова А. А. Педагогические условия формирования у курсантов военных институтов ответственности в учебной деятельности / А. А. Теплова // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей XIV Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 16 ноября 2022 года / под общ. ред. В. В. Косухина. Ч. 1. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2022. С. 364–369. EDN VIXUEQ.

18. Тепляков С. В. Особенности профессионального воспитания военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства: сборник статей и материалов / сост. С. С. Наседкина, общ. ред. Е. А. Куштым. Челябинск: Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского, 2023. С. 317–324. EDN LTPXRZ.

19. Киришко В. П. Формирование и совершенствование военно-профессиональных качеств офицера войск национальной гвардии Российской Федерации под влиянием коллектива // Проблемы современного образования. 2023. № 3. С. 127–135. DOI 10.31862/2218-8711-2023-3-127-135. EDN EEDRBX.

20. Корчагин М. В. Лидерство: интегрированный подход в исследовании // Актуальные проблемы науки (ко Дню российской науки): сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 08 февраля 2023 года. Саратов: СВИ войск национальной гвардии, 2023. С. 55–60. EDN WADROK.

References

1. Osmolovskaya I. M. About the learning process: a modern reading. In: Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2017;3 (39). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-ya-lerner-o-protse-ssobucheniya-sovremennoe-prochtenie> [Accessed 02nd October 2023]. (In Russ.).

2. Gerasimov E. N. Actualization and modernization of key concepts of the theory of pedagogical systems by V. P. Bepalko and its basic principles from the perspective of competence-based and technological approaches to higher education. In: Universum: psihologiya i obrazovanie. 2014;4 (5). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-i-modernizatsiya-klyuchevyh-ponyatiy-teorii-pedagogicheskikh-sistem-v-p-bepalko-i-eyo-osnovnye-printsiipy-s-pozitsii> [Accessed 02nd October 2023]. (In Russ.).

3. Zvonenko A. B. The genesis of the concept of "Educational and cognitive activity". In: Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2021;2. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ponyatiya-uchebno-poznavatel'naya-deyatelnost> [Accessed 02nd October 2023]. (In Russ.).

4. Isak V. Yu. Competence-based approach in modern education. In: Trudy voenno-kosmicheskoy akademii imeni A. F. Mozhajskogo. 2014;642: 173–176. (In Russ.).

5. Anan'ev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya. Saint-Petersburg: Piter, 2010. (In Russ.).

6. Vygotskij L. S. Pedagogicheskaya psihologiya. Moscow: Astrel', 2008. (In Russ.).

7. Makarova E. N. The problem of professionalism in psychological and acmeological research. In: Ekonomika obrazovaniya. 2015;2. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-professionalizma-v-psihologo-akmeologicheskikh-issledovaniyah> [Accessed 02th October 2023]. (In Russ.).

8. Serikov V. V. Personal development education as one of the cultural educational models. In: Izvestiya VGPU. 2016;2 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-razvivayushchee-obrazovanie-kak-odna-iz-kulturologicheskikh-obrazovatel'nykh-modeley> (data obrashcheniya: 03.10.2023). (In Russ.).

9. Alekhin I. A. Voennaya pedagogika. Moscow: Izd-vo Yurajt, 2022. (In Russ.).

10. Cencerya S. V., Dmitriev D. V., Meshcheryakov D. A. (eds.) Psihologiya i pedagogika. Kn. 2. Voennaya pedagogika. Saratov: ООО «Amirit», 2023. ISBN 978-5-00207-294-1. EDN OLYDTV. (In Russ.).

11. Zotov A. A. Vospitanie professional'nyh cennostej v pedagogicheskoy sisteme u kursantov voennykh institutov vojsk nacional'noj gvardii. Saint-Petersburg, 2019. EDN INYGEN. (In Russ.).

12. Cencerya S. V., Pahomova N. V., Dmitriev D. V. Metodika otbora i podgotovki oficerov i sotrudnikov, naznachayemykh na osnovnye rukovodyashchie (komandnye) dolzhnosti v voyskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. Saratov: SVI vojsk nacional'noj, 2022. ISBN 978-5-00207-000-8. EDN WMUBGJ. (In Russ.).

13. Kirpilenko G. A., Teplova A. A., Nikonorov A. A. (eds.) Etnopsihologiya i ee primeneniye pri formirovaniy voinskogo kollektiva v podrazdeleniyah vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. Saratov: Amirit, 2023. ISBN 978-5-00207-244-6. (In Russ.).

14. Rahimbaeva I. E., Sirazetdinov M. R., Cencerya S. V. Formation of the future officer's readiness for conflict management in the units of the National Guard of the Russian Federation. In: Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022;75-1: 131–135. EDN SBOFSW. (In Russ.).

15. Maksimova E. A., Cencerya S. V., Pahomova N. V. Features of independent work of cadets with a competency-based approach to education. In: Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2023;3(100): 104–106. DOI 10.24412/1991-5497-2023-3100-104-106. EDN QRSZCJ. (In Russ.).

16. Cencerya S. V., Rahimbaeva I. E., Egorov D. A. Osnovy pedagogicheskoy kul'tury oficera. Saratov: SVI vojsk nacional'noj gvardii, 2017. ISBN 978-5-9999-2882-5. EDN CXRFRD. (In Russ.).

17. Teplova A. A., Kosuhina V. V (eds.) Pedagogicheskie usloviya formirovaniya u kursantov voennykh institutov otvetstvennosti v uchebnoj deyatel'nosti. In: Napravleniya i perspektivy razvitiya obrazovaniya v voennykh institutah vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. Novosibirsk: NVI vojsk nacional'noj gvardii, 2022: 364–369. EDN BIXUEQ. (In Russ.).

18. Teplyakov S. V., Nasedkina S. S., Kushtym E. A. (eds.) Osobennosti professional'nogo vospitaniya voennosluzhashchih, prohodyashchih voennuyu sluzhbu po kontraktu v voyskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. In: Smysly, cennosti, normy v bytii cheloveka, obshchestva, gosudarstva. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skij gosudarstvennyj institut iskusstv im. P. I. Chajkovskogo, 2023: 317–324. EDN LTPXRZ. (In Russ.).

19. Kirishko V. P. Formation and improvement of military professional qualities of an officer of the National Guard of the Russian Federation under the influence of the collective. In: Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2023;3: 127–135. DOI 10.31862/2218-8711-2023-3-127-135. EDN EEDRBX. (In Russ.).

20. Korchagin M. V. Liderstvo: integrirovannyj podhod v issledovanii In: Aktual'nye problemy nauki (ko Dnyu rossijskoj nauki). Saratov: SVI vojsk nacional'noj gvardii, 2023: 55–60. EDN WADROK. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.10.2023;
одобрена после рецензирования 10.11.2023;
принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 05.10.2023;
approved after reviewing 10.11.2023;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 378.14
EDN: YBRXYU

СТРАТЕГИИ ЭФФЕКТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ БУДУЩИХ ВЫПУСКНИКОВ
ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Юлия Александровна Войтенко

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии,
Саратов, Россия
juliavoytenko@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о стратегиях эффективной профессиональной коммуникации будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации. Так как профессиональная коммуникация является неотъемлемой частью работы будущего выпускника военного института, необходимо с самого начала обучения целенаправленно готовить курсантов к управлению процессами общения в коммуникативных ситуациях профессионального общения. В статье анализируются модели коммуникации, этапы и правила коммуникации. Приводятся характеристики эффективной коммуникации. Предлагаются способы повышения эффективности коммуникации в профессиональном общении будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации.

Ключевые слова: коммуникация, виды коммуникации, модели коммуникации, этапы коммуникации, организационная коммуникация, профессиональная коммуникация, эффективная коммуникация

Для цитирования: Войтенко Ю.А. Стратегии эффективной профессиональной коммуникации будущих выпускников военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 268–277. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/028.pdf>. EDN: YBRXYU.

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES
(LAW, PSYCHOLOGISTS AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

Original article

EFFECTIVE COMMUNICATION STRATEGIES FOR THE FUTURE GRADUATES OF THE RUSSIAN FEDERATION
NATIONAL GUARD TROOPS MILITARY EDUCATION INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

Yuliya A. Voitenko

Saratov military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov, Russia
juliavoytenko@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the effective communication strategies for the future officers of the National Guard Troops of the Russian Federation. Professional interaction is the essential part of work of the future military institute graduate. That is why it is very important to intentionally prepare the cadets to control and rule the processes of communication in the situations of professional interaction. Models, phases and rules of communication are analyzed. Characteristics of the effective communication are given. Ways to improve the effectiveness of communication in the professional interaction of the future officers of the Russian Federation National Guard Troops are proposed.

Keywords: communication, types of communication, models of communication, phases of communication, organizational communication, professional interaction

For citation: Voitenko Yu.A. Effective communication strategies for the future graduates of the Russian Federation National Guard Troops military education institution of higher education. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 268–277. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/028.pdf>. EDN: YBRXYU.

© Войтенко Ю.А., 2024

Введение

Термин «коммуникация» многозначен. Чаще всего в психологической, педагогической, социальной литературе коммуникация рассматривается как процесс взаимодействия людей, целью которого является передача информации от одного из них к другому посредством определенной среды при помощи специальных знаков, кодов или сигналов.

Основные положения

Анализ литературы выявил многообразие вариантов классификации коммуникации: по форме (вербальная и невербальная), по каналам общения (формальная, неформальная), по среде воздействия (внешние и внутренние), по видам (межличностная, групповая, публичная, массовая, организационная) и другие [19, С. 8]. Каждый вид коммуникации имеет свои характеристики, цели и задачи. Рассмотрим более подробно виды коммуникации: межличностная, групповая, публичная, массовая, организационная.

Межличностной называется коммуникация, которая представляет собой процесс обмена информацией между двумя или несколькими людьми.

Массовая коммуникация – процесс передачи информации при помощи технических средств, таких как средства массовой информации, большой аудитории.

Групповая коммуникация – процесс общения, в котором принимает участие небольшая группа людей (до тридцати человек).

Публичная коммуникация – такой процесс коммуникации, при котором информация, представляющая общественный интерес, передается в устной форме в официальной обстановке большому количеству заинтересованных людей.

Особым видом коммуникации является организационная коммуникация как вид взаимодействия, в которое вступают члены организации для достижения поставленных целей и выполнения функциональных задач.

Коммуникация в организациях включает горизонтальную, вертикальную и диагональную коммуникацию. Вертикальная коммуникация подразумевает процесс передачи информации от руководства к подчиненным (коммуникация по нисходящей) и от

подчиненных к руководству (коммуникация по восходящей). Горизонтальная коммуникация представляет собой взаимодействие равных по уровню и положению представителей одной организации [17, С. 154]. Диагональная коммуникация – это взаимодействие между разноуровневыми подразделениями одной организации.

Поскольку от организационной коммуникации в значительной мере зависит успешность функционирования организации, эффективность выполнения задач ее членами, структурными подразделениями и самой организацией в целом, руководителям необходимо построить такую модель коммуникации, которая была бы максимально эффективной для данной организации. В то же время каждому работнику (представителю каждого структурного подразделения) организации также необходимо уметь максимально эффективно выстраивать коммуникации, как с руководством, так и с подчиненными и, что не менее важно, с коллегами, занимающими равнозначное положение в организации. Это означает, что им необходимо будет вступать в особый вид взаимодействия – профессиональную коммуникацию, то есть общение, связанное с выполнением профессиональных функций и удовлетворением профессиональных интересов, которое участники ведут с целью передачи информации, мыслей или идей в процессе осуществления профессиональной деятельности в определенной сфере [4, С. 78]. Поэтому будущему специалисту необходимо научиться вести профессиональную коммуникацию, которая была бы эффективной и приводила к требуемым результатам.

Будущим выпускникам военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации предстоит работать с военнослужащими в воинских коллективах, в том числе проводить личные беседы, вести воспитательную работу среди подчиненных, а также взаимодействовать с руководством и равными по званию и должности военнослужащими, как в устной, так и в письменной форме. От того, насколько эффективно будет выстроена коммуникация, зависит, насколько полно и точно будут выполнены поставленные перед самим

офицером или им перед своими подчиненными профессиональные задачи, насколько рабочие взаимоотношения сложатся в коллективе и насколько благоприятным будет в нем климат.

Будущему офицеру (в настоящем – курсанту) для эффективного проведения общения в будущем важно знать, что представляет собой модель коммуникации, какие модели коммуникации описывают ее как процесс, какие компоненты включает коммуникация и по каким критериям можно оценить степень ее эффективности.

Модель коммуникации – это абстрактное, речевое или графическое изображение процессов коммуникации, выражающее взаимосвязь между ее компонентами [18]. Впервые модель коммуникации и составляющие ее компоненты были предложены американским политологом, теоретиком коммуникации Г. Ласуэллом в работе под названием «Структура и функции коммуникации в обществе».

Он считал, что для описания акта коммуникации необходимо ответить на вопросы: «Кто? Что? По какому каналу? Кому? С каким эффектом? передает». Ответы на эти вопросы составили линейную модель коммуникации, представляющую собой однонаправленный процесс, состоящий из пяти компонентов, таких как коммуникатор, сообщение, канал, получатель и эффект [20, с. 216].

Еще одна модель коммуникации, получившая название математическая модель (шумовая модель), была предложена американскими математиками К. Шенноном и У. Уивером. Эта модель содержала следующие компоненты: источник, передатчик, канал, приемник, цель. Помимо указанных компонентов. К. Шеннон и У. Уивер приняли во внимание наличие информационного шума во время передачи сообщения (информации) от коммуникатора к получателю. По их мнению, этот шум мог негативным образом повлиять на эффективность коммуникации и снизить ее. Модель К. Шеннона и У. Уивера так же, как и модель Г. Ласуэлла, была однонаправленной.

Первая циркулярная модель, то есть модель, в которой процесс коммуникации представлен как постоянный обмен сообщениями между ее участниками, была предложена психологом Ч. Осгудом и ученым в области коммуникаций У. Шраммом. Данная модель, помимо коммуникатора, сообщения, канала, получателя и цели, предполагает наличие

еще одного компонента – обратной связи. Ч. Осгуд и У. Шрамм обратили внимание на взаимодействие участников коммуникации, которые выполняют три взаимосвязанных процесса: кодирование, декодирование и интерпретацию сообщения.

Модифицированную версию модели К. Шеннона и У. Уивера представляет собой модель профессора, ученого в области коммуникаций М. Л. ДеФлера (ДеФлюэра). М. Л. ДеФлер считал, что коммуникация – это циклический процесс, а коммуникационный шум (то есть помехи, затрудняющие эффективность коммуникации) может возникнуть на любом этапе коммуникации. Ученый выделял такие компоненты коммуникационного процесса, как источник информации, отправитель, канал, получатель, цель. Он обращал особое внимание на соотношение значения сообщения, отправленного коммуникатором, со значением сообщения, воспринятого и интерпретированного получателем с учетом влияния возникших шумов (помех). Коммуникацию, по мнению ученого, можно называть состоявшейся в том случае, если интерпретированное получателем сообщение по своему значению совпадает с отправленным. Значительную роль в этом процессе, по его мнению, играет обратная связь. Ученый полагал, что коммуникация как циклический процесс имеет возможность обратной связи со стороны всех ее участников, что позволяет отправителю адаптировать свое сообщение под канал передачи информации и таким образом увеличить вероятность ее результативности и соответствия смысла принятого сообщения смыслу отправленного. Данная модель больше всех из представленных соответствует структуре межличностной профессиональной коммуникации.

Будущему офицеру, как отправителю или получателю информации, необходимо развивать способность доносить ее до собеседника / получателя для достижения нужного результата. Ему важно научиться использовать различные методы обработки и передачи информации одному человеку или группе людей с целью добиться их наибольшей включенности в процессе общения. Также у него должно быть развито умение воспринимать чужое мнение (слышать обратную связь) и вести обмен информацией между участниками коммуникации.

Чтобы профессиональная коммуникация состоялась и была результативной, будущего офицера важно научить понимать, из каких этапов она состоит, и уметь пра-

вильно выстраивать каждый из них. Далее предлагаем более подробно рассмотреть этапы коммуникации. К ним относятся: установление и поддержание контакта, ориентация в ситуации, обсуждение вопроса или проблемы, принятие решения и выход из контакта.

Установление контакта между людьми – это важный этап коммуникации, при котором инициатором общения (коммуникатором) создаются условия для обеспечения развития процесса общения в нужном направлении и достижения целей общения. Правильное проведение этого этапа облегчит процесс общения отправителя и получателя сообщения в будущем. Процесс поддержания контакта или налаживания отношений будет отличаться в зависимости от формы его проведения (личное или опосредованное общение), степени знакомства (наличие или отсутствие отношений адресанта и адресата), целей и задач, которые ставит перед собой и собеседником инициатор общения. Этот этап связан с распределением ролей в общении. При ведении профессиональной коммуникации это – официальные роли людей, выполняющих свои профессиональные обязанности. Важно помнить, что при таком виде коммуникации на первый план выходят деловые качества личности. На этом этапе также формируется личное отношение к собеседнику и задается эмоционально-личностный план делового общения [10, С. 11].

Ориентация в ситуации, как этап общения, помогает определить тактику и стратегию профессионального общения. Целью этого этапа является развитие интереса к предстоящему общению и вовлечение собеседника в сферу общих интересов. В общении собеседникам необходимо понять цели и мотивы поведения, ожидания и запросы друг друга, проанализировать позицию собеседника. Этап ориентации в ситуации связан с такими компонентами общения, как кодирование, передача и декодирование передаваемой информации. Отправитель передает ту информацию, которую запланировал передать, а получатель интерпретирует ее. Затруднить проведение этого этапа могут коммуникационные барьеры, например, семантические, связанные с несовпадением толкований одних и тех же слов, терминов разными людьми.

Этапы обсуждения вопроса или проблемы и принятия решения связаны с высказыванием каждой стороной своей по-

зиции, ее обоснованием, преодолением разногласий, а при необходимости и устранением конфликтной ситуации. На этих этапах очень важно проявлять умение слушать и понимать собеседника, а также умение убеждать его. В случае невозможности достичь общего решения собеседникам необходимо договориться и продолжить обсуждение вопроса позже. Также собеседникам важно обращать внимание и уметь правильно оперировать таким компонентом коммуникации, как обратная связь.

На этапе выхода из контакта необходимо резюмировать итоги обсуждения, при необходимости занести в записи принятое решение, установить сроки выполнения решений и информирования друг друга о результатах работы.

Каждый из этапов коммуникации офицеру необходимо выстраивать, принимая во внимание тот факт, что профессиональная коммуникация – особый вид взаимодействия, который характеризуется целенаправленностью, соблюдением субординации и определенного регламента или этикета. Существует протокол, который предполагает соблюдение норм делового этикета и предписывает, как вести себя в деловой обстановке, на совещаниях и переговорах, как одеваться, что говорить, дарить, как вести деловую переписку. Правила общения профессиональной коммуникации, достаточно строгие и устойчивые, прописываются в нормативных документах, например, уставах, инструкциях, положениях и т. п. Эти правила устанавливают порядок профессиональной коммуникации разных видов [1, С. 55].

Важное место в профессиональном общении принадлежит речевому этикету. Речевой этикет – правила и принципы, которые способствуют эффективному общению людей.

Воинский речевой этикет – совокупность правил поведения, общения военнослужащих в служебных и неслужебных сферах деятельности, межличностных отношений, а также носящих ритуальный характер формы обращений и приветствий [3, С. 363].

Эти правила как регулируют отношения между военнослужащими, так и определяют отношения военнослужащих с другими группами населения. Правила, регулирующие отношения между военнослужащими, включают три сферы отношений: начальник и подчиненный, подчиненный и начальник, равные по званию и должности военнослужащие. В ходе общения во всех трех сфе-

рах будущему офицеру необходимо уметь применять стратегии и тактики речевого общения для решения задач в военно-профессиональной сфере деятельности, в том числе военно-политической, владеть навыками этического взаимодействия и общения с военнослужащими (старшими, младшими и равными по званию и должности, разного возраста, категории и т.п.).

Общими правилами для достижения эффективности коммуникации являются принцип кооперации Г. П. Грайса и дополняющий его принцип вежливости Дж. Лича. Лингвист и философ, основатель теории имплицатур Г. П. Грайс в своей работе «Логика и речевое общение» указал, что коммуникаторам необходимо делать свой вклад в разговор таким, какой требуется в момент, в который происходит разговор, и с той целью и направлением диалога, в который вовлечены собеседники [8, С. 222]. Этот принцип известен под названием принципа кооперации.

Принцип кооперации упорядочивает общение, он предполагает наличие у собеседников стремления к сотрудничеству. Он является основой постулатов или максим Грайса, соблюдение которых необходимо для всех участников общения, целью которых является эффективная передача информации и эффективная интерпретация высказываний.

Максимы общения, выделенные Г. П. Грайсом в принципе кооперации, включают четыре категории. Это максима количества (или полноты) информации, максима качества информации, максима отношения (релевантности) и максима ясности.

Каждая из этих максим содержит правила, которых нужно придерживаться в общении для достижения взаимопонимания. Максима количества информации говорит о том, что высказывание не должно включать больше информации, чем требуется для данного общения, но и не должно содержать меньше информации, чем требуется для выполнения текущих целей диалога. Это предполагает, что собеседник получит ровно столько информации, сколько ему необходимо в конкретной коммуникативной ситуации.

Максима качества означает не говорить того, что коммуникатор считает не соответствующим правде, и того, для чего у него нет достаточных оснований. Соблюдение этой максимы предполагает искренность говорящего и его нежелание ввести собеседника в заблуждение.

Максима релевантности (отношения) требует, чтобы коммуниканты не отклонялись от темы общения. А максима ясности требует от общающихся быть организованными, понятно выражать свои мысли, избегать неоднозначности, непонятных выражений и многословия.

Еще один принцип эффективного взаимодействия – принцип вежливости – был разработан Дж. Личем, специалистом в области семантики, стилистики, грамматики и прагматики. Принцип вежливости, как и принцип кооперации, помогает регулировать общение. При соблюдении принципа вежливости общение становится таким типом социального взаимодействия, основу которого составляет уважение к личности собеседника и нацеленность на предотвращение возможных конфликтных ситуаций.

Дж. Лич считает вежливость методом, способствующим созданию атмосферы доверия и интеллектуально-психологической гармонии между собеседниками в процессе общения. Вежливость помогает комфортному и эффективному общению, которое понимается как реализация принципа сотрудничества, разработанного Г. П. Грайсом [2, С. 1815]. Принцип вежливости содержит шесть максим речевой коммуникации: щедрость (великодушие), симпатия, согласие, скромность, такт и одобрение [21, С.156].

Максима щедрости или великодушия предназначена для того, чтобы не позволить одному из собеседников доминировать в общении, навязывать свое мнение, связывать собеседника клятвой или обещанием. Она гласит, что общение не должно быть дискомфортным ни для одной из его сторон, но наоборот каждая сторона должна стремиться к тому, чтобы сделать общение для собеседника наиболее комфортным.

Максима симпатии предполагает доброжелательное отношение собеседников друг к другу. Благожелательность участников общения по отношению друг к другу позволит создать благоприятную атмосферу для успешного ведения общения. Соблюдение этой максимы позволит избежать конфликта или разрешить наметившуюся конфликтную ситуацию.

Максима согласия базируется на совпадении взглядов участников общения. Она подразумевает, что при общении следует фокусироваться на общности взглядов, системы ценностей, на том, что объединяет, а не на разногласиях. Эта максима предлагает отказ от конфликтной ситуации для

сохранения предмета взаимодействия, урегулирование конфликта посредством взаимной коррекции коммуникативных тактик собеседников.

Максима скромности предполагает неприятие похвалы в свой адрес и признание заслуг собеседника. Она также подразумевает, что сильно завышенная или заниженная самооценка может негативно повлиять на общение.

Максима такта означает соблюдение определенной дистанции, личных границ собеседника, избегание потенциально опасных тем, таких, как, например, личная жизнь, персональные предпочтения.

Максима одобрения подразумевает позитивный настрой в оценке позиции других людей.

В ходе ведения профессиональной коммуникации будущий офицер будет играть попеременно роль отправителя или получателя каких-либо сообщений, передавать информацию или каким-то образом реагировать на полученную. Вся жизнь человека, его профессиональная деятельность связана с коммуникацией на разных уровнях, в разных видах, с разным количеством собеседников, с использованием разных средств коммуникации и достижением разных уровней эффективности и результативности. Для того чтобы коммуникация привела к желаемым результатам, отправителю информации необходимо использовать адекватные речевые действия при передаче своего сообщения, а его получателю показать адекватное понимание этой информации при помощи соответствующих речевых действий, не содержащих компонентов, способных негативно повлиять на ее эффективность [7, С. 30]. Соблюдение в коммуникации принципов вежливости и кооперации будет способствовать более эффективному достижению тех целей, которые ставят перед собой отправитель / получатель сообщения или они оба на каждом из этапов.

Не менее важно для эффективного проведения коммуникации будущему офицеру, как отправителю сообщения применять адекватные средства кодирования и передачи информации, чтобы получатель смог корректно ее декодировать. Это приведет к тому, что смысл отправленного и расшифрованного сообщений будет максимально корректно воспринят и понят каждым из участников коммуникации. При этом получатель информации отреагирует на сообщение ожидаемым от него отправителем образом. Если (буду-

щий) офицер является получателем информации / сообщения, ему важно корректно декодировать ее смысл и дать адекватную обратную связь. Это будет означать, что коммуникация прошла эффективно и достигла своей цели.

Достижение целей, правильная интерпретация полученного сообщения (совпадение смысла отправленного и полученного сообщения) и соответствующая ожиданиям коммуникатора реакция на него ответным сообщением или необходимым для совершения действием могут служить показателями эффективности коммуникации.

Далее рассмотрим рекомендации будущим офицерам для проведения различных этапов профессиональной коммуникации, предлагаемые им в целях повышения ее эффективности.

Во-первых, (будущему) офицеру как отправителю (инициатору общения) необходимо тщательно выбрать тот пласт информации, который предполагается донести до получателя. Продумать, в случае необходимости, какое количество и какой информации необходимо отправить сразу, а какое – после получения обратной связи.

Второе – выбрать адекватный способ кодирования выбранной информации. Кодирование – это преобразование информации из одной ее формы в другую, более удобную для хранения, обработки, или передачи. Например, написание письма или издание приказа, составление презентации, разработка речи выступления или подготовка к устному собеседованию. Важно при этом выбирать соответствующие вербальные (устная и письменная речь) и невербальные (жесты, мимика, интонация) средства коммуникации, учитывать предыдущий опыт или отсутствие такового у другого участника/участников коммуникации. Следует принять во внимание и их индивидуальные и коммуникативные особенности, которые проявятся при декодировании сообщения и его интерпретации, например, уровень образования или статус: военнослужащие по контракту, военнослужащие женского пола, военнослужащие старше по возрасту, но ниже по званию и наоборот, и т. п. Не менее важно учесть вероятные помехи или барьеры и постараться снизить, минимизировать их влияние на процесс коммуникации.

По мнению создателей одной из моделей коммуникации, которые впервые ввели понятие шумов в коммуникации, К. Шеннона и У. Уивера, помехи в комму-

никации могут быть вызваны несколькими причинами. Первая причина – технические проблемы, связанные с проблемами канала. Они могут быть естественного происхождения (например, погода, освещение, природные шумы) и не представлять собой сложности для преодоления. Более сложно справиться с барьерами техногенного происхождения, такими как помехи в искусственных коммуникационных каналах. Это особенно актуально при использовании радио- и проводной связи, видео- и звукозаписей. Чтобы преодолеть технические проблемы, в ряде случаев необходимо будет обратиться за помощью к специалистам, обслуживающим каналы передачи информации.

Вторая причина, которую они выделили, – семантические проблемы, связанные с верностью или неверностью его понимания получателем. Об этом виде помех говорил и создатель другой модели, У. Шрамм. Участники коммуникации расшифровывают смысл сообщения, опираясь на свой собственный опыт и используя собственные критерии, что может повлиять на эффективность коммуникации негативным образом, так как отправитель и получатель сообщения по-разному понимают смысл сообщения. Помимо семантических, могут возникнуть фонетические (связанные с произношением), стилистические (связанные с соответствием стиля сообщения его содержанию) и логические (связанные с различием в специфике мышления собеседников) проблемы. Именно поэтому в профессиональной коммуникации будущему офицеру важно учитывать индивидуальные особенности другого(их) участника(ов) коммуникации.

И еще одна причина – проблема эффективности, связанная с реакцией адресата на сообщение. Решение этой проблемы часто не зависит напрямую от отправителя сообщения. От него зависит выбор адекватных языковых средств для передачи информации, а при личной коммуникации ещё и выбор невербальных (неречевых) средств общения.

Помощь же в преодолении проблем, возникающих в общении по второй или третьей причине, будущему офицеру может оказать максимально возможное соблюдение принципов общения – принципа кооперации и принципа вежливости.

Третье, что необходимо сделать инициатору коммуникации – выбрать адекватный канал передачи информации. Организационные коммуникации предполагают, как говорилось выше, вертикальные, горизонтальные и диагональные коммуникации. В случае будущих выпускников военных образовательных организаций высшего образования Росгвардии – это общение с вышестоящим руководством, подчиненными и военнослужащими, равными по званию и занимающими равноценные должности. Вертикальная коммуникация сверху вниз поступает от начальника к подчиненным и включает, как правило, распоряжения, приказы, оценку деятельности и тому подобное. Вертикальная коммуникация снизу вверх подразумевает отчеты, служебные записки, рапорта, пояснительные записки, запросы и т. д. Горизонтальная и диагональная коммуникация предполагает обмен профессионально значимой информацией между военнослужащими, занимающими равное положение в организации, как внутри одного отдела, так и между ними. Необходимо выбрать, будет ли это устная или письменная коммуникация, личная или безличная, опосредованная или отложенная и посредством какой среды она будет проведена.

Отправив сообщение, его отправителю нужно дождаться обратной связи и, при необходимости, отреагировать на ответ (скорректировать сообщение, дать обратную связь и т. п.).

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что эффективность профессиональной коммуникации во многом зависит от того, насколько хорошо ее инициатор владеет коммуникативной компетенцией, то есть набором коммуникативных знаний и умений для осуществления коммуникативных действий, умеет давать социально-психологический прогноз коммуникативной ситуации, программировать процесс коммуникации и управлять процессами общения в коммуникативной ситуации. Предложенная модель позволит разработать задания и рекомендации для развития коммуникативной компетенции будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации, а также позволит им в будущем не только самим совершенствовать навыки и умения общения, но и помогать в этом своим подчиненным.

Список источников

1. Акимова Т.И. К вопросу об этических аспектах профессиональных коммуникаций // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-eticheskikh-aspektah-professionalnyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 09.11.2023).
2. Баталов А. А. Интерпретация феномена вежливости в трудах британского лингвиста Джеффри Лича // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory and practice. 2021. Т. 14. Вып. 6. С. 1813–1817.
3. Браилко О. А. Воинский этикет и культура общения в курсантской среде фундаментальная основа правового воспитания военнослужащих // Вестник КГУ. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voinskiy-etiket-i-kultura-obscheniya-v-kursantskoy-srede-fundamentalnaya-osnova-pravovogo-vospitaniya-voennosluzhaschih> (дата обращения: 09.11.2023).
4. Бузуева Ю. С. Эволюция категории «профессиональная коммуникация» в педагогических исследованиях / Ю. С. Бузуева, Е. Е. Карнаухова // Современное педагогическое образование. 2021. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-kategorii-professionalnaya-kommunikatsiya-v-pedagogicheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 07.11.2023).
5. Варяница С. Ю. Формирование коммуникативной компетенции у будущих офицеров по работе с личным составом в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Варяница Сергей Юрьевич. СПб., 2018. 25 с.
6. Волчков Э. Г. Психология общения: учебное пособие / автор-сост. Э. Г. Волчков; под ред. И. М. Юсупова. Казань: Академия наук РТ, КФУ, 2015. 365 с.
7. Гончарук Е. Ю. Анализ коммуникации по степени ее эффективности // Вестник ЧелГУ. 2014. № 26 (355). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kommunikatsii-po-stepeni-ee-effektivnosti> (дата обращения: 09.11.2023).
8. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / пер. с англ. В. В. Туrowsкого // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М. : Прогресс, 1985. С. 217–237.
9. Гулевич О. А. Психология коммуникации. М. : Московский психолого-социальный институт, 2007. 384 с.
10. Доминяк В. И. Психология и педагогика. Внешние коммуникации в организациях: переговоры и продажи: учебное пособие. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2005. 46 с.
11. Захарченко А. А. Специфика понятия «коммуникативная компетенция» на основе анализа отечественных и зарубежных исследований / А. А. Захарченко, Т. А. Кот // Проблемы современного педагогического образования. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». 2020. № 68-2. С. 103–107.
12. Колесникова С. В. Теоретический анализ проблем коммуникации в психологии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-analiz-problem-kommunikatsii-v-psihologii> (дата обращения: 09.11.2023).
13. Митрофанова О. Ю. Теория и практика коммуникаций: учебно-методическое пособие. 4-е изд. доп. и изм. / О. Ю. Митрофанова, О. В. Малий. Хабаровск: ХГАЭП, 2012. 87 с.
14. Нечепуренко М. Ю. Семантический шум как научная проблема // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskii-shum-kak-nauchnaya-problema> (дата обращения: 09.11.2023).
15. Сафина А. А. Коммуникационный менеджмент: учебное пособие / А. А. Сафина, Э. Г. Никифорова, А. Э. Устинов. Казань: Изд-во Казанского университета, 2015. 104 с.
16. Хохоева Л. В. Профессиональная коммуникация как средство социализации специалиста в профессиональной среде // Вестник МГУ. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-kommunikatsiya-kak-sredstvo-sotsializatsii-spetsialista-v-professionalnoy-srede> (дата обращения: 09.11.2023).
17. Хрущев К. А. Виды коммуникаций // Modern Science. 2019. № 12-3. С. 153–158.
18. Энциклопедия социологии. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio> (дата обращения: 20.10.2023).
19. Яковлев И. П. Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. СПб. : Авалон: Азбука-классика, 2006. 240 с.

20. Lasswell H. D. The Structure and Function of Communication in Society. URL: https://sipa.jlu.edu.cn/_local/E/39/71/4CE63D3C04A10B5795F0108EBE6_A7BC17AA_34AAE.pdf (дата обращения: 21.10.2023).
21. Leech G., Thomas J. Pragmatics: The state of the art // Lancaster Papers in Linguistics. 1983. Volume 48. P. 144–168.

References

1. Akimova T.I. K voprosu ob eticheskikh aspektah professional'nyh kommunikacij. In: Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya «Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tekhnologii». 2014;3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-eticheskikh-aspektah-professionalnyh-kommunikatsiy> (data obrashcheniya: 09.11.2023). (In Russ.).
2. Batalov A. A. Interpretation of the phenomenon of politeness in the works of the British linguist Jeffrey Leach. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Philology. Theory and practice. 2021.Vol. 14. Vyp. 6: 1813–1817. (In Russ.).
3. Brailko O. A. Military etiquette and the culture of communication in the cadet environment are the fundamental basis of the legal education of military personnel. In: Vestnik KGU. 2009;1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/voinskiy-etiket-i-kultura-obscheniya-v-kursantskoy-srede-fundamentalnaya-osnova-pravovogo-vospitaniya-voennosluzhaschih> [Accessed 9th November 2023]. (In Russ.).
4. Buzueva Yu. S. The evolution of the category "professional communication" in pedagogical research / Yu. S. Buzueva, E. E. Karnaukhova. In: Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2021;9. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-kategorii-professionalnaya-kommunikatsiya-v-pedagogicheskikh-issledovaniyah> [Accessed 7th November 2023]. (In Russ.).
5. Varyanica S. Yu. Formirovanie kommunikativnoj kompetencii u budushchih oficerov po rabote s lichnym sostavom v processe professional'noj podgotovki. Saint-Petersburg, 2018. (In Russ.).
6. Volchkov E. G., Yusupova I. M. (eds.) Psihologiya obshcheniya. Kazan': Akademiya nauk RT, KFU, 2015. (In Russ.).
7. Goncharuk E. Yu. Analysis of communication by the degree of its effectiveness. In: Vestnik ChelGU. 2014;26 (355). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kommunikatsii-po-stepeni-ee-effektivnosti> [Accessed 9th November 2023]. (In Russ.).
8. Grajs G. P. Logika i rechevoe obshchenie. In: Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVI. Moscow: Progress, 1985: 217–237. (In Russ.).
9. Gulevich O. A. Psihologiya kommunikacii. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, 2007. (In Russ.).
10. Dominyak V. I. Psihologiya i pedagogika. Vneshnie kommunikacii v organizaciyah: peregovory i prodazhi. Saint-Petersburg: Izd-vo Politekh. un-ta, 2005. (In Russ.).
11. Zaharchenko A. A., Kot T. A. The specifics of the concept of "communicative competence" based on the analysis of domestic and foreign studies. In: Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Krymskij federal'nyj universitet imeni V. I. Vernadskogo». 2020;68-2: 103–107. (In Russ.).
12. Kolesnikova S. V. Theoretical analysis of communication problems in psychology. In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011;352. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskij-analiz-problem-kommunikatsii-v-psihologii> [Accessed 9th November 2023]. (In Russ.).
13. Mitrofanova O. Yu., Malij O. V. Teoriya i praktika kommunikacij. Habarovsk: HGAEP, 2012. (In Russ.).
14. Nechepurenko M. Yu. Semantic noise as a scientific problem. In: Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki. 2005;9. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskij-shum-kak-nauchnaya-problema> (data obrashcheniya: 09.11.2023). (In Russ.).
15. Safina A. A., Nikiforova E. G., Ustinov A. E. Kommunikacionnyj menedzhment. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2015. (In Russ.).
16. Hohoeva L. V. Professional communication as a means of socialization of a specialist in a professional environment. In: Vestnik MGU. 2011;2. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-kommunikatsiya-kak-sredstvo-sotsializatsii-spetsialista-v-professionalnoy-srede> (data obrashcheniya: 09.11.2023). (In Russ.).
17. Hrushchev K. A. Types of communications. In: Modern Science. 2019;12-3: 153–158. (In Russ.).

18. Enciklopediya sociologii. Available from: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio> [Accessed 10th October 2023]. (In Russ.).
19. Yakovlev I. P. Klyuchi k obshcheniyu. Osnovy teorii kommunikacij. Saint-Petersburg: Avalon: Azbuka-klassika, 2006. (In Russ.).
20. Lasswell H. D. The Structure and Function of Communication in Society. URL: https://sipa.jlu.edu.cn/__local/E/39/71/4CE63D3C04A10B5795F0108EBE6_A7BC17AA_34AAE.pdf issledovaniyah [Accessed 21th October 2023]. (In Russ.).
21. Leech G., Thomas J. Pragmatics: The state of the art // Lancaster Papers in Linguistics. 1983. Volume 48: 144–168. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.01.2024;
одобрена после рецензирования 25.01.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 15.01.2024;
approved after reviewing 25.01.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Обзорная статья

УДК 378

EDN: YODCMA

РЕГИОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА «ДЕНЬ ПЕРЕДОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА «ЭКСПОТЕХНОСТРАЖ» (Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ): ОБЗОР МЕРОПРИЯТИЙ НАУЧНО-ДЕЛОВОЙ ПРОГРАММЫ В 2024 ГОДУ

Анатолий Анатольевич Бакин¹, Александр Вадимович Фетисов²

^{1, 2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ schizis@inbox.ru

² Eletskaeveta@yandex.ru

Аннотация. В настоящем обзоре приводится основное содержание мероприятий научно-деловой программы региональной выставки «День передовых технологий обеспечения безопасности личности, общества и государства «ЭКСПОТЕХНОСТРАЖ», организованной Северо-Западным ордена Красной Звезды округом войск национальной гвардии Российской Федерации с 3 по 5 апреля 2024 года на территории конгрессно-выставочного центра «Экспофорум» в г. Санкт-Петербурге, проводимых при непосредственном участии Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации.

Ключевые слова: Росгвардия, Экспотехностраж, войска национальной гвардии, военный институт, региональная выставка, Северо-Западный федеральный округ

Для цитирования: Бакин А.А., Фетисов А.В. Региональная выставка «День передовых технологий обеспечения безопасности личности, общества и государства «ЭКСПОТЕХНОСТРАЖ» (г. Санкт-Петербург): обзор мероприятий научно-деловой программы в 2024 году // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 278–283. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/029.pdf>. EDN: YODCMA.

SCIENTIFIC LIFE

Review article

REGIONAL EXHIBITION «DAY OF ADVANCED TECHNOLOGIES FOR ENSURING THE SECURITY OF INDIVIDUALS, SOCIETY AND THE STATE «EXPOTECHNOSTRAZH» (ST. PETERSBURG): REVIEW OF SCIENTIFIC AND BUSINESS PROGRAM EVENTS IN 2024

Anatoly A. Bakin¹, Alexander V. Fetisov²

^{1, 2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ schizis@inbox.ru

² Eletskaeveta@yandex.ru

Abstract. This review provides the main content of the events of the scientific and business program of the regional exhibition «Day of Advanced Technologies for Ensuring the Security of Individuals, Society and the State «EXPOTECHNOSTRAZH», organized by the North-Western Order of the Red Star District of the National Guard Troops of the Russian Federation from April 3 to April 5, 2024 on the territory convention and exhibition center «Expoforum» in St. Petersburg, held with the direct participation of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

Keywords: Rosguard, Expotechnostrazh, national guard troops, military institute, regional exhibition, North-Western Federal District

For citation: Bakin A.A., Fetisov A.V. Back to basics. Regional exhibition «Day of Advanced Technologies for Ensuring the Security of Individuals, Society and the State (EXPOTECHNOSTRAZH) (St. Petersburg): review of scientific and business program events in 2024. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 278–283. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/029.pdf>. EDN: YODCMA.

© Бакин А.А., Фетисов А.В., 2024

Введение

В современном обществе, с учетом актуальных угроз, вопросы обеспечения безопасности входят в число приоритетных. Залогом обеспечения устойчивого развития и укрепления национальной безопасности государства выступает применение достижений научно-технического прогресса при строительстве и совершенствовании войск правопорядка и правоохранительных органов. Своевременное внедрение передовых технологий в их повседневную службу, несомненно, увеличит эффективность служебно-боевой деятельности, а также качество проводимых мероприятий. Поиск новых и совершенствование имеющихся образцов вооружения, военной и специальной техники является сегодня, пожалуй, одной из приоритетных задач для Росгвардии.

С этой целью, на основании решения директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации от 12 мая 2021 г., в рамках конгрессно-выставочных мероприятий Росгвардии ежегодно на базе округов войск национальной гвардии Российской Федерации проводятся ведомственные региональные выставки «День передовых технологий обеспечения безопасности личности, общества и государства». В Северо-Западном ордена Красной Звезды округе войск национальной гвардии Российской Федерации в 2024 году данное мероприятие организуется уже в четвёртый раз и пройдет с 3 по 5 апреля [3] на территории конгрессно-выставочного центра «Экспофорум» [6]. Активное и деятельное участие в организации научно-деловой программы мероприятия принимает Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации.

Выставочная деятельность позволяет продемонстрировать современные возможности научных организаций и предприятий оборонно-промышленного комплекса, а также осуществлять показ перспективных образцов вооружения, инновационных технологий, используемых в целях обороны и

безопасности государства. Основная цель выставки заявлена как повышение эффективности взаимодействия и согласованности в вопросах оснащения войск новыми образцами вооружения, военной и специальной техники между Росгвардией и предприятиями оборонно-промышленного комплекса, а также производственных кооперационных связей и плодотворного взаимодействия с отечественными производителями. «Экспотехностраж» включает в себя обширную выставочную, научно-деловую, демонстрационную и культурно-патриотическую программы. Региональная выставка «День передовых технологий обеспечения безопасности личности, общества и государства «Экспотехностраж» выступает крупнейшим специализированным мероприятием в сфере безопасности в Северо-Западном федеральном округе.

Основная часть

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации выступает организатором 12 мероприятий научно-деловой программы – это восемь круглых столов, два симпозиума, семинар и Всероссийская научно-практическая конференция. Тематически мероприятия затрагивают наиболее актуальные проблемы обеспечения государственной и общественной безопасности Российской Федерации, развитие войск национальной гвардии, перспективы военно-технического сотрудничества, а также наиболее важные вопросы межведомственного взаимодействия в сфере общественной и государственной безопасности не только на современном этапе, но и в будущем. По сравнению с предыдущими годами количество мероприятий увеличилось более чем в два раза [4].

Круглые столы представлены по следующим актуальным направлениям: «Основные технологии и средства противодействия беспилотным летательным аппаратам», «Перспективы развития беспилотных летательных аппаратов», «Актуальные проблемы юридической ответственности субъектов военной безопасности», «Применение робототехнических средств и комплексов в боевом обеспечении войск

национальной гвардии Российской Федерации», «Оценка боевой эффективности вооружения войск национальной гвардии Российской Федерации в зоне специальной военной операции», «Психологическая подготовка сотрудников силовых структур: современные тенденции и технологии», «Росгвардия и религиозные объединения: современные аспекты взаимодействия в условиях проведения Специальной военной операции», «Особенности выполнения служебно-боевых задач войсками национальной гвардии при участии в специальной военной операции».

Темами симпозиумов станут: «Бронетанковое вооружение и техника» и «Направления совершенствования вооружения и военной техники войск национальной гвардии Российской Федерации». Семинар «Как становятся патриотами: вопросы и ответы» пройдет при участии представителей Русской Православной Церкви.

В рамках Всероссийской научно-практической конференции «Духовно-нравственные ориентиры и основы российского общества: проблемы, угрозы и риски в современных условиях» предполагается обсудить проблемы защиты национальных интересов Российской Федерации в свете современных вызовов и угроз ее безопасности, выделить ключевые духовно-нравственные ориентиры российского общества, призванные противостоять попыткам деструктивных сил влиять на общественное сознание россиян, в том числе российской молодежи, фальсифицировать историческую память народа России. Одна из задач конференции – выработка форм и методов повышения эффективности патриотического воспитания молодого поколения в целях повышения правовой культуры как индикатора зрелости общества в вопросах безопасности государства и недопущения разрушения внутреннего единства российского общества, инспирирования и радикализации протестного движения внутри страны.

Спикерами и модераторами перечисленных мероприятий выступает профессорско-преподавательский состав четырех факультетов военного института, это кафедры военно-научных исследований, гражданского права, конституционного и административного права, уголовного процесса и криминалистики, обеспечения служебно-боевой деятельности, огневой подготовки, психологии служебно-боевой деятельности, философских и социально-экономических дисциплин, тактики слу-

жебно-боевого применения подразделений, теории и истории государства и права, боевого применения артиллерийских подразделений, артиллерийского вооружения и профессиональных дисциплин.

Исходя из заявленных тем, в ходе научной деловой программы планируется обсудить следующие и многие другие вопросы: перспективы развития беспилотных летательных аппаратов; боеприпасы, разрабатываемые для применения на беспилотных летательных аппаратах с целью поражения противника; направления совершенствования вооружения и военной техники войск национальной гвардии Российской Федерации; направления развития артиллерии войск национальной гвардии Российской Федерации; направления совершенствования средств защиты вооружения и военной техники; робототехнические комплексы и системы, средств их защиты; противодействие робототехническим комплексам; средства радиоэлектронной борьбы и снижения заметности; системы активной защиты; совершенствование служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации; угрозы национальной безопасности Российской Федерации в современных геополитических условиях; юридическая ответственность субъектов военной безопасности как средство обеспечения национальной безопасности; правовое регулирование деятельности Росгвардии как субъекта военной безопасности; иные публично-правовые и частноправовые аспекты безопасности личности, общества и государства; военно-политические и экономические причины возникновения предпосылок для начала проведения специальной военной операции (СВО) на территории Украины; место и роль подразделений войск национальной гвардии при выполнении служебно-боевых задач в ходе специальной военной операции; применение элементов психологической закалки при проведении занятий по боевой подготовке; применение основных методов психологической работы и перспективы их развития в рамках психологического сопровождения; использование методик психической саморегуляции при проведении занятий по психологической подготовке; значение конфессий нравственности темы Бога в войсках Росгвардии; основные положения православия, мусульманства, иудаизма, буддизма; взаимодействие религии и правового государства; возможности ветеранских организаций в патриотическом воспи-

тании подрастающего поколения; общероссийские патриотические движения; проектный подход в патриотическом воспитании учащихся; формирование патриотического мышления; патриотизм в системе современной российской идеологии; результаты апробации в школах и кадетских корпусах учебно-патриотической программы «Уроки мужества».

Учитывая ежегодную тенденцию увеличения общего количества участников региональной выставки, а также широкое освещение региональной выставки в средствах массовой информации [7], можно смело прогнозировать, что в 2024 году научно-деловую программу посетит несколько тысяч гостей и участников, среди которых – специалисты высшей квалификации, профессионалы в своих сферах деятельности, научно-педагогические работники, практики и теоретики.

В ходе заседаний круглых столов, конференций, симпозиумов и семинаров планируется обсуждение новых идей, достижений военно-технической мысли и решений по их реализации при участии известных общественных деятелей, военных экспертов, генеральных конструкторов и ведущих ученых. Военнослужащие и работники военного института гарантированно обеспечат высокий содержательный и организационный уровень их реализации, как это было ранее в 2021, 2022 и 2023 годах [2, С. 4–11].

Ежегодная организация столь представительных и масштабных мероприятий позволяет укрепить научные связи и расширить границы взаимодействия не только научных и производственных организаций, но и силовых структур с различными институтами гражданского общества.

Отдельно следует отметить, что в рамках выставки, как и в 2023 году [1], состоится реализация Всероссийского проекта «Формирование патриотизма в кадетских корпусах» посредством проведения двух Всероссийских конкурсов: конкурс социальных проектов «Формирование патриотизма в кадетских корпусах» и «Офицер-воспитатель года». Цель данного проекта заключается в продвижении патриотического воспитания в кадетских корпусах, выявлении талантливых офицеров-воспитателей, работающих с кадетами. Реализация проекта включает несколько этапов: круглый стол по обсуждению проблем кадетского образования; конкурс социальных проектов кадетских корпусов; конкурс «Офицер воспитатель года». Пло-

щадками конкурсов станут Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, а также региональная выставка «День передовых технологий обеспечения безопасности личности, общества и государства «Экспотехностраж».

Для участия планируется 12 команд в количестве более 80 человек. Это представители кадетских корпусов городов Санкт-Петербурга, Москвы, Перми, Новосибирска, Кемерово, Казани, Севастополя. Участниками мероприятия являются руководители кадетских корпусов, кадеты и офицеры-воспитатели. Победители конкурса будут награждены призами и ценными подарками. Применяемый в реализации Всероссийского проекта комплексный подход является дополнительным системным импульсом в подготовке истинных патриотов своей страны, поднятия престижа профессии офицера, сохранения преемственности «Кадет – Курсант». Ежегодная реализация данного Всероссийского проекта способствует продвижению патриотического воспитания в кадетских корпусах, формированию навыков организации представления социальных проектов, грантовой деятельности, улучшению профориентации и личностного становления кадет, открывает перспективы для последующего поступления в военных образовательных организаций высшего образования Росгвардии и иных ведомств.

Заключение

В послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, которое состоялось 29 февраля 2024 года, Владимир Путин назвал нашей задачей «так развивать оборонно-промышленный комплекс, чтобы нарастить научный, технологический, индустриальный потенциал страны». В послании также прозвучала необходимость «выйти на качественно новый уровень оснащенности армии и флота» [5].

В этом отношении все мероприятия региональной выставки «День передовых технологий обеспечения безопасности личности, общества и государства «Экспотехностраж», организуемые при участии военного института, всецело направлены на достижение озвученных задач, исходя из тех условий и негативных факторов, с которыми столкнулась Российская Федерация, и основываясь на стратегических ориентирах и возможностях научно-технологического развития нашей страны.

Обширная программа региональной выставки предполагает демонстрацию воз-

возможностей современных образцов отечественных специальных средств, вооружения, военной и специальной техники, достижений в области информационных технологий, продукции военного и двойного назначения предприятий-изготовителей. Ежегодно проводимая региональная выставка призвана

на консолидировать усилия предприятий оборонно-промышленного комплекса, заказчиков продукции, научно-исследовательских организаций и других участников по направлениям их деятельности, касающимся обеспечения общественной и государственной безопасности.

Список источников

1. Всероссийский проект «Формирование патриотизма в кадетских корпусах». URL: <https://spvi.rosguard.gov.ru/news/article/vserossijskij-proekt--formirovanie-patriotizma-v-kadetskikh-korpusakh> (дата обращения: 07.03.2024).
2. Кийко А. Ю. Слово начальника Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации А.Ю. Кийко к читателям журнала «Полководец» / А. Ю. Кийко // Полководец. 2023. № 1. С. 4–11.
3. Командующий Северо-Западным округом Росгвардии провел совещание организационного комитета выставки «ЭКСПОТЕХНОСТРАЖ 2024». URL: <https://rosguard.gov.ru/News/Article/komanduyushhij-severozapadnym-okrugom-rosgvardii-provel-soveshhanie-organizacionnogo-komiteta-vystavki-ekspotekhnostrazh-2024> (дата обращения: 07.03.2024).
4. Научно-деловая программа выставки передовых технологий обеспечения безопасности личности, общества и государства «ЭКСПОТЕХНОСТРАЖ. День передовых технологий». URL: <https://www.guard-expo.com/programme/nauchno-delovaya-programma/> (дата обращения: 07.03.2024).
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. ЭКСПОТЕХНОСТРАЖ. День передовых технологий 2024. URL: <https://expoforum-center.ru/ru/calendar/ekspotekhnostrazh-den-peredovyh-tehnologij-2024/> (дата обращения: 07.03.2024).
7. «ЭКСПОТЕХНОСТРАЖ. День передовых технологий». URL: <http://www.opkrf.ru/nomer-364.php> (дата обращения: 07.03.2024).

References

1. Vserossijskij proekt «Formirovanie patriotizma v kadetskikh korpusah». Available from: <https://spvi.rosguard.gov.ru/news/article/vserossijskij-proekt--formirovanie-patriotizma-v-kadetskikh-korpusah> [Accessed 7th March 2024]. (In Russ.).
2. Kijko A. Yu. The word of the head of the St. Petersburg Military Order of Zhukov of the Institute of Troops of the National Guard of the Russian Federation A.Yu. Kiiko to the readers of the magazine "Commander". In: Polkovodec. 2023;1: 4–11. (In Russ.).
3. Komanduyushchij Severo-Zapadnym okrugom Rosgvardii provel soveshchanie organizacionnogo komiteta vystavki «EKSPOTEKHNOSTRAZH 2024». Available from: <https://rosguard.gov.ru/News/Article/komanduyushhij-severozapadnym-okrugom-rosgvardii-provel-soveshhanie-organizacionnogo-komiteta-vystavki-ekspotekhnostrazh-2024> [Accessed 7th March 2024]. (In Russ.).
4. Nauchno-delovaya programma vystavki peredovyh tekhnologij obespecheniya bezopasnosti lichnosti, obshchestva i gosudarstva «EKSPOTEKHNOSTRAZH. Den' peredovyh tekhnologij». Available from: <https://www.guard-expo.com/programme/nauchno-delovaya-programma/> [Accessed 7th March 2024]. (In Russ.).
5. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu ot 29.02.2024 «Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu». In: Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus». (In Russ.).
6. EKSPOTEKHNOSTRAZH. Den' peredovyh tekhnologij 2024. Available from: <https://expoforum-center.ru/ru/calendar/ekspotekhnostrazh-den-peredovyh-tehnologij-2024/> [Accessed 7th March 2024]. (In Russ.).
7. «EKSPOTEKHNOSTRAZH. Den' peredovyh tekhnologij». Available from: <http://www.opkrf.ru/nomer-364.php> [Accessed 7th March 2024]. (In Russ.).

Информация об авторах

Information about the authors

А. А. Бакин – кандидат юридических наук
А. В. Фетисов – кандидат военных наук, доцент

A. A. Bakin – Candidate of Sciences (Law)
A. V. Fetisov – Candidate of Sciences (Military),
 Docent

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 22.02.2024; accepted for publication 25.03.2024.

Обзорная статья

УДК 340
EDN: ZPSEMG

**ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ АНАЛИЗУ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА:
ОБЗОР МЕЖВУЗОВСКОГО НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ АНАЛИЗУ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА НА ГРУППОВЫХ ЗАНЯТИЯХ»**

Алексей Александрович Дерюгин¹, Дмитрий Анатольевич Никонов²

^{1,2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ deryuginad@rosgvard.ru

² nikson1967@mail.ru

Аннотация. Обзор составлен по итогам проведения межвузовского научно-методического круглого стола по обмену опытом «Методика обучения анализу источников права на групповых занятиях», организованного и проведенного 21 февраля 2024 года кафедрой теории и истории государства и права и учебным отделом военного института. Проведение круглого стола стало одним из элементов межвузовского взаимодействия, направленного на повышение качества результатов образовательной деятельности, подготовку будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации, способных применять правовые знания в интересах безопасности государства и общества.

Ключевые слова: правовые акты, анализ нормативных правовых актов, толкование нормативных правовых актов, методика обучения, соотношение теории и практики, антикоррупционная экспертиза

Для цитирования: Дерюгин А.А., Никонов Д.А. Проблемы обучения анализу источников права: обзор межвузовского научно-методического круглого стола «Методика обучения анализу источников права на групповых занятиях» // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 284–166. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/030.pdf>. EDN: ZPSEMG.

Review article

**PROBLEMS OF LEARNING TO ANALYZE SOURCES OF LAW:
REVIEW OF THE INTERUNIVERSITY SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL ROUND TABLE
"METHODS OF TEACHING THE ANALYSIS OF SOURCES OF LAW IN GROUP CLASSES"**

Alexey A. Deryugin¹, Dmitry A. Nikonov²

^{1,2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ deryuginad@rosgvard.ru

² nikson1967@mail.ru

Abstract. The review is based on the results of the interuniversity scientific and methodological round table on the exchange of experience "Methods of teaching the analysis of sources of law in group classes", organized and held on February 21, 2024 by the Department of Theory and History of State and Law and the educational department of the Military Institute. The round table has become one of the elements of interuniversity cooperation aimed at improving the quality of educational results, training future officers of the National Guard of the Russian Federation who are able to apply legal knowledge in the interests of the security of the state and society.

Keywords: legal acts, analysis of normative legal acts, interpretation of normative legal acts, teaching methods, correlation of theory and practice, anti-corruption expertise

For citation: Deryugin A.A., Nikonov D.A. Problems of learning to analyze sources of law: review of the interuniversity scientific and methodological round table "Methods of teaching the analysis of sources of law in group classes". Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 284–166. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/030.pdf>. EDN: ZPSEMG.

Введение

21 февраля 2024 г. кафедрой теории и истории государства и права, учебным отделом Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – военный институт) был организован и проведен межвузовский научно-методический круглый стол по обмену опытом «Методика обучения анализу источников права на групповых занятиях». В его работе приняли участие:

профессорско-преподавательский состав кафедры теории и истории государства и права, кафедр гражданского права, конституционного и административного права, уголовного процесса и криминалистики факультета (командного) военного института, адъюнкты адъюнктуры (очного и заочного обучения) факультета (подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования) военного института;

профессорско-преподавательский состав юридических кафедр и факультетов образовательных организаций высшего образования Санкт-Петербурга: Санкт-Петербургского университета МВД России; Санкт-Петербургского института (филиала) ВГЮА (РПА Минюста России) (далее – РПА Минюста); Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева (далее – Университет МЧС России); Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации; Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (далее – РГПУ).

Модератором круглого стола выступил начальник кафедры теории и истории государства и права военного института кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции Дерюгин А. А.

Участники научно-методического круглого стола сконцентрировали свое внимание на обсуждении общих методических подходов к анализу источников права, особенностях анализа источников права на групповых (семинарских, практических, контрольных) занятиях по публично-правовым и историко-правовым дисциплинам, аналитических приемах антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Особую дискуссию вызвал вопрос о нахождении «золотой середины» между теорией и практикой в

процессе анализа источников права в процессе подготовки выпускников-специалистов в области юриспруденции.

Основные положения

Открыл работу по обмену опытом, обратившись с приветственным словом к участникам межвузовского круглого стола, начальник кафедры теории и истории государства и права военного института, полковник юстиции, кандидат юридических наук, доцент А. А. Дерюгин.

Представив участников и гостей, он отметил, что проблема обучения анализу источников права, действительно, имеет место быть, и она носит достаточно серьезный характер. Не так давно, на подведении итогов образовательной деятельности в военном институте, было обращено внимание на необходимость подготовки курсантов к принятию самостоятельных решений. Но эти решения должны быть не только простым выражением командирской воли – они должны как основываться на анализе обстановки, так и находиться, как говорят, «в правовом поле».

В связи с этим необходимо готовить обучающихся не просто применять положения нормативных правовых актов, но и думать перед этим, а думать можно, только предварительно проанализировав нормы соответствующего правового акта с точки зрения возможности и необходимости его применения, и уже на этой основе принимать какие-либо управленческие решения. Офицер, да и любой «гражданский» юрист, на каких бы должностях они не находились, должен быть самостоятелен в их принятии, но основываться принимаемые решения должны исключительно на требованиях действующего законодательства [2, 3, 4]. Необходим целостный, взвешенный и творческий подход, который должен базироваться на знаниях и умениях, полученных в ходе освоения не только юридических, но и профессиональных дисциплин, на сопоставлении норм частного и публичного, в том числе военного права. Чтобы анализировать источники права, надо знать, как это делать, необходимо уметь грамотно применять различные методические приемы анализа правовых источников (лингвистического, формально-юридического, структурно-содержательного и др.).

А. А. Дерюгин отдельно обратил внимание на то, что анализ правового акта следует начинать с ответа на вопрос, действующий он или нет, не были ли в него внесе-

ны какие-либо изменения и дополнения, которыми была произведена корректировка его содержания. В связи с этим не только профессорско-преподавательскому составу, но и обучающимся необходимо вести мониторинг изменений и дополнений нормативных актов, в том числе с использованием информационных технологий, справочно-правовых систем [1, 5]. Особенно это актуально для обучающихся выпускных курсов, которые готовят свои дипломные работы.

С основным докладом по теме «О некоторых теоретических и практические положениях о методических приемах анализа источников права, в том числе их антикоррупционной экспертизы» на научно-методическом круглом столе выступил доцент кафедры теории и истории государства и права военного института кандидат юридических наук, доцент Д. А. Никонов. Он напомнил участникам мероприятия, что анализ (др.-греч. ἀνάλυσις «разложение, разделение, расчленение, разборка») – это процедура мысленного или материального разделения целостного объекта (предмета, явления, процесса) на составляющие части (признаки, свойства, отношения) с целью их изучения. Анализ выступает одной из методологий исследования, включающей в себя разбор и нахождение причинно-следственных связей в изучении любого объекта, явления, системы. Процедурой, обратной анализу, является синтез, который представляет собой соединение ранее выделенных частей (признаков, свойств, отношений) объекта в единое целое.

Анализ используется в самых различных областях человеческого знания: в химии, физике, математике и др. Естественно, что широко применяется анализ в юриспруденции для анализа правовых актов: и в деятельности государственных структур при правовой и антикоррупционной экспертизе, и в юридической науке – при написании научных работ, и в юридическом образовании – при изучении отдельных дисциплин и подготовке учебных, в том числе выпускных квалификационных работ.

При этом анализ правовых актов непосредственно связан с таким понятием как толкование норм права, т. е. деятельности по выявлению (выяснению) воли законодателя, выраженной в правовой норме, которая полностью основана на аналитических способностях толкователя. А не толкуя, т. е. неграмотно анализируя, положения того или иного нормативного акта, невозможно правильно его применить. Термин «толкование» употребляется в трех различных, хотя и связанных между собой, смыслах (и первые два имеют прямое отношение к анализу источников права):

1) уяснение сущности и содержания правовой нормы лицом, применяющим ее (толкование по способу);

2) интерпретация, выяснение, как соотносится объем толкуемой правовой нормы с объемом (буквальным смыслом) текста статьи нормативного акта;

3) издание государственными органами специальных актов, а также высказывания отдельных лиц с целью разъяснить содержание правовой нормы.

Далее доцент Никонов Д. А. обратил внимание на классификацию толкования нормативных актов и, прежде всего, на способы толкования (они же, по сути, способы анализа), т. е. специальные приемы, правила и средства познания смысла норм права, используемые интуитивно или сознательно субъектом для получения ясности относительно правовых велений, и далее кратко охарактеризовал указанные способы, выделяемые современной наукой: филологический (грамматический), логический, систематический и историко-политический.

В целом специалисты, отметил он, выделяют следующие основные этапы изучения и анализа правовых материалов:

1. Сбор данных. Получение текста акта и его краткой характеристики с отражением даты принятия, номера, наименования и ссылки на источники.

2. Изучение содержания. Подробное прочтение и переосмысление содержания правового акта, выделение ключевых положений, определение его целей и задач.

3. Определение юридической природы. Определение типа акта, является ли он законодательным или подзаконным, какие органы имеют право его принимать, корректировать и пр.

4. Оценка возможных последствий. Рассмотрение всех позитивных и негативных аспектов регламента, а также его влияния на соответствующую сферу деятельности.

5. Проверка связанных элементов. Учет связи акта с другими правоустанавливающими и регламентирующими документами.

При этом в ходе анализа правовых актов важно учитывать их соответствие текущему законодательству, дату принятия и последние изменения, а также анализировать другие связанные статьи и оценивать достоверность и авторитетность первоисточника.

В заключение своего выступления доцент Никонов Д. А. остановился антикоррупционной составляющей анализа источников права, – на антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов. Она проводится в войсках национальной гвардии в соответствии с требованиями:

Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»;

постановления Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», где в методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов содержится перечень коррупциогенных факторов;

приказа Росгвардии от 30.06.2018 № 228 «Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации».

При этом коррупциогенные факторы в положениях нормативных правовых актах и их проектах достаточно условно подразделяются на два вида:

содержащие неопределенные, трудно-выполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям;

устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил [6].

Естественно, обучающиеся, анализируя тот или иной нормативный правовой акт, должны учитывать эти факторы и сообщать преподавателю об их наличии, а также применять результаты анализа при написании курсовых и дипломных работ. Также, отметил доцент Д. А. Никонов, имеют место существенные теоретические и практические проблемы с проведением антикоррупционной экспертизы локальных нормативных правовых актов, в том числе издаваемых организациями Росгвардии, но, думается, они со временем будут разрешены.

В продолжение работы круглого стола с докладом на тему «Практика и теория в обучении: как найти золотую середину?» выступил доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук А. Л. Бредихин.

Он указал, что источники права (в том числе нормативные правовые акты) занимают важное место в курсах изучения тех или иных юридических дисциплин. Однако, зачастую, все обучение будущих правоприменителей, причем независимо от сферы деятельности, в которой им предстоит трудиться, строится только вокруг уяснения и разъяснения правовых актов, поэтому от методики работы с обучающимися зависит их восприятие и понимание нормативного акта.

Любой нормативный акт может рассматриваться в двух аспектах:

а) как текст, обладающий определенным смыслом (теория);

б) как основа для правоприменения, обретающая истинный смысл в реальной практике (практический аспект).

В связи с этим возникает вопрос, как толковать нормативный акт? Как собрание смыслов и категорий или с точки зрения реального воплощения, т.е. или «теоретически», или «практически»? По мнению А. Л. Бредихина, найти «золотую середину между теорией и практикой довольно сложно, но можно сделать следующие предположения:

1. Преимущественно необходимо изучать правовой документ через призму его практики применения (судебной и административной), так как положения закона обретают смысл лишь в конкретных решениях и актах правоприменения, без которых толковать закон с помощью логических и других средств бессмысленно и даже вредно.

2. Теоретические аспекты того или иного акта содержатся, как правило, в общих положениях или первых его статьях. Эти положения документа и нужно рассматривать как предел его теоретического анализа без попыток привнести размышления и доводы из других наук и исторических эпох.

3. Современное юридическое образование требует подготовки специалиста для тех или иных сфер, а не «всесторонне развитого человека», который априори не будет обладать профессиональными компетенциями.

Таким образом, «золотая середина» – это необходимый минимум практически значимой теории и максимум практики реализации нормативного акта.

Выступление вызвало оживленную дискуссию, в которой приняли участие заместитель начальника кафедры конституционного и административного права военного института, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции Глухов Е. А., доцент кафедры теории и исто-

рии государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент Телянин В. В. и начальник указанной кафедры кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции Удальцов А. А.

Особенностям анализа правовых актов на занятиях по публично-правовым дисциплинам, прежде всего, по конституционному праву, был посвящен доклад доцента кафедры государственного права РГПУ им. А. И. Герцена, кандидата юридических наук, доцента А. В. Ильина на тему «Изучение "ельцинской" Конституции России 1993–1999 годов».

Он отметил, что Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г., как и любой достаточно долго существующий нормативный акт, является одновременно и действующим Основным законом страны, и выдающимся памятником истории отечественного права. При этом в целях оптимизации историко-правового и публично-правового обучения и патриотического воспитания обучающихся необходимо различать два основных периода ее существования: первоначальный («ельцинский») и современный, обусловленный реформаторской деятельностью президента России В. В. Путина.

Конкретные методики изучения Конституции Российской Федерации 1993–1999 гг. определяются учебной дисциплиной, а значит, уже полученным уровнем образования обучающихся – адъюнктов, студентов, магистрантов и аспирантов. Но методическими константами изучения Конституции Российской Федерации периода 1993–1999 гг. являются непосредственное обращение преподавателя и обучающихся к тексту Основного закона, системное и комплексное использование общенаучных и специальных юридических методов (прежде всего, исторического, догматического и сравнительно-правового).

Проблемные фрагменты текста обязательно необходимо представлять в сравнительно-правовом аспекте, показывая на примере конституций ведущих государств современного мира, что нет идеальных Основных законов и аналогичные или более значительные дефекты характерны для многих конституций (США, Франции и т. д.).

Достоинства и преимущества «ельцинской» Конституции Российской Федерации также необходимо акцентировать на конкретных примерах в сравнении с современными зарубежными аналогами и историческими Основными законами Рос-

сии, включая поздний период Российской империи РСФСР и СССР.

В процессе изучения Конституции Российской Федерации 1993–1999 гг. должны быть изучены ее главные концептуальные особенности и ключевые положения как акта переходной эпохи в истории российской государственности – акта смешанной регулятивной и идеологической природы, соединившего правовые и морально-этические нормы, идеи Просвещения и классического либерализма XVIII–XIX вв. и неолиберализма с элементами советского наследия и многовековой российской политической традицией.

В ходе дискуссии по итогам выступления А. В. Ильина, участники круглого стола, пришли к выводам, что учебные занятия по тематике «ельцинской» Конституции Российской Федерации желательно проводить в максимально-интерактивной форме с элементами дискуссии, дебатов и т.п. в целях повышения интереса к изучаемому юридическому материалу и эффективного патриотического воспитания обучающихся.

Обмен мнениями по вопросам методики обучения анализу источников права, но уже с историко-правовой точки зрения, продолжила доцент кафедры теории и истории государства и права Университета МЧС России, кандидат исторических наук, доцент, подполковник внутренней службы Смирнова А. А., выступившая с докладом на тему «Методика изучения памятников права в области пожарной безопасности: на примере Пожарного устава Российской империи».

Выступления и. о. заведующего кафедрой теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин РПА Минюста России, кандидата педагогических наук, доцента С. Е. Сычёва и доцента данной кафедры, кандидата юридических наук, доцента А. Н. Несмиянова были посвящены вопросам мониторинга изменений и дополнений нормативных правовых актов с использованием информационных технологий и использованию источников права с целью повышения практической ориентированности на занятиях по теории и истории государства и права.

В частности, специалисты отметили, что прошли те времена, когда дискуссии о применении информационных технологий (например, искусственного интеллекта (ИИ)) в правоведении, как правило, заканчивались выводами о том, что данные технологии еще не скоро смогут заменить юриста-практика, и эти технологии в боль-

шей степени ориентированы на выполнение рутинных, механических действий.

В настоящее время возможности информационных технологий, в том числе в юриспруденции, настолько разнообразны, что все чаще возникают споры об этической составляющей их использования, например, в судопроизводстве. При этом следует обратить внимание на то, что, несомненно, применение информационных технологий как инструмента мониторинга изменений в законодательстве является механизмом оптимизации деятельности юриста. И в то же время, рассматривая применение информационных технологий в процессе изучения дисциплин юридического профиля, целесообразно пренебречь принципом «от простого к сложному», то есть следует построить учебный процесс таким образом, чтобы обучающиеся сначала овладели навыками самостоятельного мониторинга законодательства, а лишь потом использовали возможности различных справочно-правовых систем (Гарант, Консультант Плюс и др.).

Процесс цифровизации образования и внедрения систем с ИИ уже начался и имеет как преимущества, так и проблемные стороны. Следует принять во внимание тот факт, что преимущества использования ИИ в образовании весьма значительны, а процесс внедрения таких систем имеет положительную динамику.

Однако использование источников права с целью повышения практической ориентированности на занятиях по теории и истории государства и права имеет определенные проблемы, поскольку многие источники права, упоминаемые, прежде всего, в курсе истории государства и права зарубежных стран, знание которых необходимо для начинающего юриста, до настоящего времени не подверглись «цифровизации», в связи с чем их использование в электронном варианте затруднено. Также иногда вызывает сложности «открытый» (без дополнительной оплаты) электронный доступ к трудам известнейших правоведов советского периода, ко-

торые используются обучающимися как при изучении курса «Теория и государства и права», так и при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета (командного) военного института С. В. Аникушин в своем докладе раскрыл методические приемы и некоторые практические аспекты применения материалов следственной и судебной практики в качестве источников правовой информации при проведении групповых занятий по уголовному праву.

В завершение дискуссии доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент В. В. Талянин предложил ввести в учебную программу курсантов (студентов, слушателей) 1-го курса дисциплину «Основы научно-исследовательской деятельности», в процессе которой прививать обучающимся умения и навыки, в том числе анализа правовых актов на групповых и иных видах занятий. Соответствующий опыт имеется в Санкт-Петербургском университете МВД России и может быть применен в других юридических вузах Санкт-Петербурга.

Заключение

Итоги работы научно-методического круглого стола были подведены полковником юстиции А. А. Дерюгиным. По результатам обсуждения участники мероприятия пришли к выводу, что анализ правовых актов есть важнейшая составная часть обучения курсантов, слушателей и студентов юридических вузов. Не умея его делать, они, по сути, не умеют применять свои мыслительные навыки и, как следствие, не умеют сделать результаты анализа основой для принимаемых решений. Поэтому необходимо всеми образовательными методами делать так, чтобы обучающиеся умели размышлять, анализировать и делать юридически правильные выводы. Кроме того, участниками круглого стола были намечены перспективные цели дальнейшего взаимодействия и сотрудничества.

Список источников

1. Дерюгин А. А. Практика и инструменты эффективного внедрения в образовательную деятельность военных образовательных организаций высшего образования элементов геймификации / А. А. Дерюгин, Г. Н. Крижановская, В. П. Сальников [и др.] // Образование и право. 2022. № 10. С. 209–222.

2. Дерюгин А. А. Место и роль правовых знаний в системе подготовки кадров структур по работе с личным составом внутренних войск МВД России / А. А. Дерюгин, Н. Н. Миняйленко // Направления и перспективы развития образования в военных институтах внутренних войск МВД

России: сборник научных статей VII Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Новосибирск, 28 декабря 2015 года / под общ. ред. С. А. Куценко. Ч. 1. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2016. С. 75–80.

3. Дерюгин А. А. Подготовка кадров для военной или иной государственной службы в свете современных вызовов и угроз государственности / А. А. Дерюгин, Г. Н. Крижановская // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: материалы IX международной научно-практической конференции: в 2 т. Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года. СПб. : Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023. С. 125–136.

4. Олейник С. А. Подготовка кадров для структур общественной безопасности. Формирование правовой культуры юриста. Исторический опыт, проблемы практики: учебное пособие / С. А. Олейник, А. О. Мельничук. М. : ООО «Русайнс», 2023. 84 с.

5. Крижановская Г. Н. Правовые основы цифровизации образования и ее реализация в условиях военного вуза / Г. Н. Крижановская, А. А. Дерюгин // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды XIV Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2022 года. СПб.: ФГАОУВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2022. С. 201–204.

6. Дерюгин А. А. О некоторых вопросах предупреждения конфликта интересов педагогических работников образовательных организаций войск национальной гвардии Российской Федерации / А. А. Дерюгин, Д. А. Никонов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 6(299). С. 82–87.

References

1. Deryugin A. A., Krizhanovskaya G. N., Sal'nikov V. P. The practice and tools of effective implementation of gamification elements in the educational activities of military educational institutions of higher education. In: *Obrazovanie i pravo*. 2022;10: 209–222. (In Russ.).

2. Deryugin A. A., Minyajlenko N. N., Kucenko S.A. The place and role of legal knowledge in the personnel training system of structures for working with the personnel of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In: *Napravleniya i perspektivy razvitiya obrazovaniya v voennykh institutakh vnutrennih vojsk MVD Rossii*. Novosibirsk: NVI vojsk nacional'noj gvardii, 2016: 75–80. (In Russ.).

3. Deryugin A. A., Krizhanovskaya G. N. Training of personnel for military or other public service in the light of modern challenges and threats to statehood. In: *Aktual'nye voprosy razvitiya gosudarstvennosti i publichnogo prava*. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskij institut (filial) FGBOUVO «Vserossijskij gosudarstvennyj universitet yusticii (RPA Minyusta Rossii)», 2023: 125–136. (In Russ.).

4. Olejnik S. A., Mel'nichuk A. O. Podgotovka kadrov dlya struktur obshchestvennoj bezopasnosti. Formirovanie pravovoj kul'tury yurista. Istoricheskij opyt, problemy praktiki. Moscow: ООО «Rusajns», 2023. (In Russ.).

5. Krizhanovskaya G. N., Deryugin A. A. Pravovye osnovy cifrovizacii obrazovaniya i ee realizaciya v usloviyah voennogo vuza. In: *Kommunikativnye strategii informacionnogo obshchestva*. SPb. : FGAOUVO «Sankt-Peterburgskij politekhnicheskij universitet Petra Velikogo», 2022: 201–204. (In Russ.).

6. Deryugin A. A., Nikonov D. A. On some issues of preventing conflicts of interest among teaching staff of educational organizations of the National Guard troops of the Russian Federation. In: *Pravo v Vooruzhennykh Silah – Voенно-pravovoe obozrenie*. 2022;6(299): 82–87. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Дерюгин – кандидат юридических наук, доцент

А. А. Никонов – кандидат юридических наук, доцент

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

A. A. Deryugin – Candidate of Sciences (Law), Docent

D. A. Nikonov – Candidate of Sciences (Law), Docent

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.02.2024; accepted for publication 25.03.2024.

Главный редактор:

А.А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционно-издательский совет:

А.А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
А.И. Александров – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Л.Н. Бережнова – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.М. Большакова – кандидат юридических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
К.С. Гбоко – кандидат педагогических наук (Буаке, Кот-д'Ивуар)
М.Ю. Гутман – доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
А.А. Дерюгин – кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
М.А. Дёмина – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
С.У. Дикаев – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Л.Г. Дмитриева – доктор психологических наук, доцент (Уфа, Россия)
А.А. Дьячков – кандидат психологических наук, доцент (Новосибирск, Россия)
Ю.А. Евстратова – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Н.М. Жаринов – доктор педагогических наук, старший научный сотрудник (Санкт-Петербург, Россия)
Б.А. Жетписбаева – доктор педагогических наук, профессор (Караганда, Казахстан)
Н.Г. Закревская – доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С.И. Захарьев – член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Р.В. Зелепукин – кандидат юридических наук, доцент (Тамбов, Россия)
А.В. Зобков – доктор психологических наук, доцент (Владимир, Россия)
В.А. Зобков – доктор психологических наук, профессор (Владимир, Россия)
С.В. Игнатъева – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.А. Карпов – профессор Российской академии образования, доктор психологических наук, доцент (Ярославль, Россия)
М.М. Кашапов – доктор психологических наук, профессор (Ярославль, Россия)
В.И. Коваленко – доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Е.П. Кораблина – доктор психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
А.С. Косарев – кандидат педагогических наук (Нижний Новгород, Россия)
А.О. Кособуцкий – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Г.Н. Крижановская – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Д.Е. Кузнецов – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.И. Курдуманова – доктор педагогических наук, профессор (Омск, Россия)
Н.Ю. Лебедев – доктор юридических наук, доцент (Новосибирск, Россия)
А.П. Легаев – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
С.Г. Лысенков – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Т.В. Маркелова – доктор психологических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
Н.Н. Миняйленко – кандидат юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Т.И. Миронова – доктор психологических наук, доцент (Кострома, Россия)
Т.Г. Мухина – профессор Российской академии наук, доктор педагогических наук, профессор, (Нижний Новгород, Россия)
В.И. Назаров – доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор (Иваново, Россия)
И.С. Назарова – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Д.А. Никонов – кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Д.В. Новокшионов – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Ф.В. Повshedная – доктор педагогических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)
С.А. Погорелов – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.Б. Полушина – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.Л. Поминова – доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
В.А. Прокофьева – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Ф. П. Прюсс – доктор педагогики, профессор (Грайсвальд, Германия)
С.А. Роганов – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.Б. Романовская – доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)
В.П. Сальников – член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
И.В. Семенова – кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)
О.Э. Старовойтова – доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С.Н. Сорокоумова – доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
С.А. Стельмах – кандидат психологических наук, ассоциированный профессор (доцент) (Усть-Каменогорск, Казахстан)
С.В. Степашин – доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Н.Н. Суртаева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Р.А. Терехин – кандидат психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
А.С. Турчин – доктор психологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
И.А. Федосеева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.Г. Хабибуллин – доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Ю. Ци – кандидат педагогических наук (Чэнду, Китай)
Р.М. Шамяинов – доктор психологических наук, профессор (г. Саратов, Россия)
А.П. Шарухин – доктор педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Т.Г. Шарухина – доктор педагогических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
С.М. Шингаев – доктор психологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Учредитель:

федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-69495 от 25 апреля 2017 г.

Редакторы:

В.В. Луценко
Е.Ю. Юпатова
И.А. Калмыков
Е.А. Голик

Тираж 1 экз. Заказ № 89-24
Дата выхода в свет 29.03.2024
Издатель:
СПВИ войск национальной гвардии

Адрес редакции и издателя:
198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1
(Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии);
тел.: (812) 337-40-50 (доб. 24-58)
(812) 744-70-14
e-mail: vestnik@spvi.ru

Отпечатано в типографии Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

12+

Founder:
Federal State Official Military
Establishment of Higher Education
«Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops
of the Russian Federation»

Mass media is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Informational
Technologies and Media Control
(certificate Jel No FS77-69495
of 25 April 2017)

Editors:
V.V. Lucenko
E.Yu. Yupatova
I.A. Kalmykov
E.A. Golik

Circulation 1 copies. Order No 89-24
Date of publishing 29.03.2024
Publisher:
Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops

Address of editorial and publisher:
1, Letchika Pilyutova str.,
Saint-Petersburg, 198206,
Russian Federation
(Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops);
Tel.: (812) 337-40-50 (24-58)
(812) 744-70-14
e-mail: vestnik@spvi.ru

Printed in the printing-office
of Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops
of the Russian Federation
1, Letchika Pilyutova str.,
Saint-Petersburg, 198206,
Russian Federation

Editor in Chief:

A.A. Utjuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)

Editorial and Publishing Council:

A.A. Utjuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
A.I. Alexandrov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
L.N. Berezhnova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.M. Bol'shakova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
K.S. Gboko – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Bouake, Côte d'Ivoire)
M.Yu. Gutman – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Deryugin – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
M.A. Dyomina – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
S.U. Dikaev – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
L.G. Dmitrieva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. D'jachkov – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Novosibirsk, Russia)
Yu.A. Evstratova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
N.M. Zharinov – Doctor of Sciences (Pedagogy), Senior Researcher (Saint-Petersburg, Russia)
B.A. Zhetpishaeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, Kazakhstan)
N.G. Zakrevskaya – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
S.I. Zaharcev – Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery
Sciences, Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
R.V. Zelepukin – Candidate of Sciences (Law), Docent (Tambov, Russia)
A.V. Zobkov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Vladimir, Russia)
V.A. Zobkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Vladimir, Russia)
S.V. Ignatieva – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Karpov – Professor of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences
(Psychology), Docent (Yaroslavl, Russia)
M.M. Kashapov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Yaroslavl, Russia)
V.I. Kovalenko – Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
E.P. Korablina – Doctor of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
A.S. Kosarev – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Nizhny Novgorod, Russia)
A.O. Kosobuckij – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
G.N. Krizhanovskaya – Candidate of Sciences (History), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
D.E. Kuznetsov – Candidate of Sciences (History) (Saint-Petersburg, Russia)
O.I. Kurdumanova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
N.Yu. Lebedev – Doctor of Sciences (Law), Docent (Novosibirsk, Russia)
A.P. Legaeve – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
S.G. Lysenkov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
T.V. Markelova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
N.N. Minyailenko – Candidate of Sciences (Law), Professor
T.I. Mironova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Kostroma, Russia)
T.G. Muhina – Professor of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences
(Pedagogy), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
V.I. Nazarov – Doctor of Sciences (Psychology), Candidate of Medical Sciences, Professor
(Ivanovo, Russia)
I.S. Nazarova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
D.A. Nikonov – Candidate of Sciences (Law) (Saint-Petersburg, Russia)
D.V. Novokshonov – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
F.V. Povshednaya – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
S.A. Pogorelov – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
O.B. Polushina – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
O.L. Pominova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
V.A. Prokof'eva – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
F. P. Prjuss – Doctor of Pedagogy, Professor (Graßvald, Germany)
S.A. Roganov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.B. Romanovskaja – Doctor of Sciences (Law), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
V.P. Sal'nikov – Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery
Sciences, Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.V. Semenova – Candidate of Sciences (Law) (Saint-Petersburg, Russia)
S.N. Sorokoumova – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
O.E. Starovoitova – Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
S.A. Stel'mah – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor (Docent) (Ust'-
Kamenogorsk, Kazakhstan)
N.N. Surtaeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
R.A. Terehin – Candidate of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
A.S. Turchin – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.A. Fedoseeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.G. Habibullin – Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow, Russia)
Ju. Ci – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Chjendu, China)
R.M. Shamionov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saratov, Russia)
A.P. Sharuhin – Doctor of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
T.G. Sharuhina – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
S.M. Shingaev – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)

